VISIT…

А.В. Синельников «ШИФРЫ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОССИИ»

Книга Андрея Владимировича Синельникова посвящена исследованию тайных методов хранения и передачи информации деятелями российского подполья - от революционных разночинцев 1860-х годов до РСДРП.

В книге разбираются не только непосредственно ранее нерасшифрованные послания революционеров друг к другу, но и подробно описываются сами системы шифрования, их эволюция, прослеживается ход развития подпольной криптографии и взаимное влияние этого процесса на успехи и провалы революционного движения.

Работа, берущая своё начало ещё 1980-х годах, насыщена множеством конкретных примеров, подробным изложением сопутствующего исторического и политического материала, автор приводит описание техники пересылки писем и нелегальной литературы и корреспонденции, раскрывает значение сокращений, псевдонимов и других необходимых атрибутов ежедневной революционной деятельности тех лет.

Один из главных выводов автора состоит в том, что пренебрежительное отношение к правилам конспирации и шифрования писем часто решало исход дела: революционеры рисковали не только своими жизнями, но и судьбами дел, которые они вели.

Из минусов работы следовало бы отметить довольно, на мой взгляд, легкомысленное отношение автора к разногласиям, имевшим место быть в до- и пореволюционной марксистской среде, выражающееся в некотором усреднении различных политических тенденций до «общереволюционных», и здесь же – излишняя (при описании) и вредная (при заключениях), сентиментальность. В целом же работа А.В. Синельникова, несомненно, заслуживает внимание современного читателя, изучающего историю революции, как богатейший материал для осмысления одной из «теневых» её сторон.

В.Семёнова

Предисловие 2

Часть первая: Народничество
Глава 1. Далекая история 3
Глава 2. Революционеры 1860-х годов 6
Глава 3. Хождение в народ 9
Глава 4. «Всероссийская социально-революционная организация» 15
Глава 5. Общество «Земля и Воля» 18
Глава 6. Группа П. Л. Лаврова «Вперед» 35
Глава 7. Шифр жандармов 38
Глава 8. Тюремная азбука 41
Глава 9. Партия «Народная Воля» 43
Глава 10. Стеганография и народники 66
Глава 11. Промежуточные итоги 71

Часть вторая: Новый революционный подъем
Глава 1. Марксисты России 73
В. Бахарев, «О шифрах» 79
Глава 2. «Всеобщий еврейский рабочий союз» (БУНД) 83
А. Бундовец, «Шифрованное письмо» 87
Глава 3. «Партия социалистов-революционеров» 100
Глава 4. Делопроизводитель Иван Зыбин 105

Часть третья: Ленинское крыло РСДРП
Глава 1. В. И. Ленин как зеркало русской революции 108
Глава 2. «Союз борьбы» и сибирская ссылка 111
Глава 3. Как возгоралась «Искра» 127
Глава 4. Обоюдоострое оружие 137
Глава 5. Белостокская конференция 155
Глава 6. «Мудреный ключ» и «Квадратный шифр» 171
Глава 7. «Гамбеттовский ключ» подполья 178
Глава 8. «Круглый ключ» и «Шифр ЦК РСДРП» 186
Глава 9. И снова поэзия: 1902 – 1905 годы 195
Глава 10. Книжные шифры 210
Глава 11. «Жаргонные коды» и «Переписка» 236
Глава 12. Последние десять лет 238
Глава 13. После Октября 244

Заключение 250

Литература, источники, примечания
Список книг, названных сокращённо 252
Часть первая 253
Часть вторая 257
Часть третья 259

Приложение 1
Ключи к шифрам революционеров эпохи 1870-х – 1880-х годов 270

Приложение 2
Ключи к шифрам социал-демократов (за 1895 – 1905 годы) 271

Приложение 3
Расшифровка ранее неразобранных криптограмм 277

Приложение 4
Перечень неразобранных писем и ключей к шифрам (1901 – 1905 годы) 286

Столетию со дня выхода в свет первого номера
социал-демократической газеты «Искра»
посвящается…
24 декабря 2000 года.

Предисловие

«Шифр сыграл немалую роль в истории русского революционного движения» – этот вывод, сформулированный когда-то авторами знаменитой Энциклопедии братьев Гранат, никто и никогда не ставил под сомнение. Однако в стране, где сотни историков сделали себе научное имя на изучении революционного наследия, нашлось очень мало желающих по-настоящему заняться этим интереснейшим вопросом.

Тем не менее, усилиями нескольких поколений исследователей была заложена основательная база для проведения подобных изысканий. В разные годы XX века в Советском Союзе публиковались целые фонды документов из различных архивов страны по крупнейшим революционным организациям. Материалы эти содержат, в частности, и обширные криптограммы из переписки революционеров. Тем самым вопрос изучения шифров российского подполья вышел за пределы архивов и стал достоянием широкой научной общественности.

Мы живем ныне в сложное время. К сожалению, интерес к революционной истории собственной страны у большинства россиян сильно подорван. Этому много причин и объяснений. Главное – качественно изменилась сама Россия. Ушли в прошлое идеологические штампы советского периода. И если раньше в почете были только большевики, то теперь любые революционеры представляются виновниками трагедии страны. Однако это далеко не так. И их не нужно оправдывать. Их надо просто понять и помнить. И моя книга, при всей ее специфичной направленности, преследует и эту цель.

Мы подвергнем анализу сравнительно узкий временной пласт – с шестидесятых годов XIX века по первые двадцать лет XX-го. Но за этот короткий (всего 60 лет!) период Россия прошла путь от первых малочисленных революционных кружков до Великой Октябрьской социалистической революции 1917-го года. Многие события уместились в жизнь одного поколения – так были они спрессованы во времени. Нам же из наших будней этот один миг истории кажется растянутым на долгие, долгие десятилетия.

В монографии значительное место отведено мемуарам и документам прошедшей эпохи. Большинство из них забыто потомками, что, конечно, не справедливо. Я так же старался исправить многочисленные ошибки и заблуждения, кочующие из книги в книгу других авторов. Полемика моя сглаживается тем, что большинство упомянутых историков уже ушло, к сожалению, из жизни. Но это не только повод поправить, но и еще раз вспомнить о них.

Разработке было подвергнуто 370 документов, содержащих различные революционные криптограммы. Кроме того, в разное время мне удалось дешифровать около четырех десятков не прочтенных ранее текстов. Часть из них проливает дополнительный свет на те или иные события истории. Несомненно, что некоторые мои выводы могут показаться читателю спорными. Но всегда и везде я пытался опираться на научный факт. Совсем в стороне останутся идеологические расхождения многочисленных российских партий. И если в книге подробно освещены, к примеру, большевики, то это значит только одно. О них написано очень много, а об их соперниках (меньшевиках, эсерах, различных «националах») неоправданно мало. Но этот очевидный дисбаланс вряд ли отразился на окончательных выводах. Политические партии в России существовали самые разные, но шифры были (как и во всем мире!) одни и те же. И знакомство с ними имеет не только абстрактный интерес, но и позволяет задать новые направления исторического поиска.

Часть первая

Народничество

Глава первая

Далекая история

16 сентября 1990 года в центральной в те годы газете «Правда» было опубликовано интервью с начальником Восьмого главного управления КГБ СССР генералом Н. А. Андреевым. Именно это управление занималось обеспечением всей секретности правительственных линий связи Советского Союза. А речь шла о криптографии.

Андреев сделал тогда примечательное заявление, что об этом в «нашей печати пока практически ничего не сообщалось». И это было действительно так. В то время, когда на Западе и за Океаном выходили многочисленные статьи и книги по истории шифров, в СССР ничего подобного не происходило. Криптография, несмотря на свое многовековое прошлое, была у нас обречена на забвение. И только статьей в «Правде» стала приоткрываться завеса былой туманности. А через год, в августе 1991 года, Советский Союз вообще перестал существовать. Пришли новые времена, началась иная эпоха. И уже в 1994 году в нашей стране появилась замечательная книга одной из сотрудниц упомянутой «Восьмерки» Т. А. Соболевой «Тайнопись в истории России» – первая фундаментальная монография о криптографии...

Почему же долгие десятилетия существовала такая секретность? Ответ дал тот же Андреев: «У каждой страны нет ничего более секретного, чем ее шифры». И это правильно. Но запрет на публикацию любой информации о них граничил с самой элементарной глупостью. Нынешняя криптография и криптология включает в себя многочисленные разделы современной математики, специальные отрасли физики, радиоэлектроники, связи. Все это не идет ни в какое сравнение с наивными шифрами прошлых веков.

Первые способы тайной переписки появились сразу же после изобретения человечеством письменности. Очевидно, что судьба их чрезвычайно извилиста и сложна. Многие страницы истории шифров никогда не станут нам известны. И не только потому, что минули тысячелетия. Всегда тайнопись была окутана тайной и ясно, что многое в криптографии открывалось не раз заново. Мы же коснемся здесь исключительно тех событий, которые непосредственно затрагивают будущие шифры русского революционного подполья.

Несмотря на наличие самых разнообразных систем шифрования, все они основаны либо на принципе перестановки письменных знаков, либо на принципе замены одних знаков другими, либо на соединении обоих принципов вместе. И все они были известны задолго до нынешних дней. Самые древние шифрованные записи датируются вторым тысячелетием до нашей эры и найдены в Месопотамии.

Особое развитие шифры получили в древней Греции. Еще за 380 лет до нашей эры полководец Эней изложил систему тайнописи, в которой буквам открытого текста соответствуют буквы, находящиеся в книжном тексте и отмеченные в нем малозаметными проколами под нужными знаками.

А историк Полибий, живший спустя двести лет после Энея, описал шифр, известный ныне как «квадрат Полибия», где буквы алфавита обозначались парой чисел – координатами их в квадратной таблице.

В первом веке до нашей эры знаменитый римский император Юлий Цезарь предложил «шифр Цезаря», представляющий собой замену букв в соответствии с подстановкой, нижняя строка которой – алфавит открытого текста, сдвинутый на три буквы влево. Это было этапное событие – важнейшая ступень в создании так называемых многоалфавитных шифров.

Новая страница криптографии открылась с эпохой Возрождения. К этому времени системы простой замены букв начали себя дискредитировать, ибо возникли методы их взлома способом частотного анализа встречаемых в криптограмме знаков. В XV веке появились шифры пропорциональной замены, в которых каждой букве ставилось в соответствие уже несколько разных значков.

В то время как в Италии и Франции криптография быстро развивалась, во многих государствах Европы она не продвинулась дальше «шифра Цезаря». Это касается и России. Еще в начале XV века царские дипломаты использовали так называемую «Простую литорею» (или же «Тарабарскую грамоту»). Согласные буквы азбуки разбивались на две равные части и писались навстречу друг другу:

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

После чего происходила взаимная замена одной части ключа буквами другой. Гласные буквы вообще не шифровались. Например, слово «Словарь» трансформировалось в «Лсошамь» (1). Сама же эта система берет свое начало с шифров древних евреев. В старинных русских рукописях встречается и способ, где начальные буквы слов, составляющих маскировочный текст, являются закрытым для непосвященных шифром.

В XV веке в некоторых государствах Европы вместо шифров стали широко использоваться так называемые «жаргонные коды», где тем или иным словам соответствовал совершенно другой смысл.

Интенсивным развитием шифровального дела особенно отмечен век XVI-й. В 1518 году в Германии вышла первая печатная книга, посвященная тайнописи. Автор ее – некий аббат Иоганн Третемий. Помимо прочего, он развил в ней идею многоалфавитного шифра. Третемий ввел метод применения при шифровке нескольких азбук, отличающихся друг от друга порядком расположения букв. При этом каждое новое слово или фраза изображались буквами другого алфавита в условленном порядке (2). Эта идея оказалась очень плодотворной.

Блез де Виженер

В 1553 году итальянец Джованни Беллазо предложил использовать для многоалфавитного шифра легко запоминающийся ключ, который автор назвал «паролем». Пароль выписывался под строками письма. Буква, стоящая под буквой открытого текста означала номер алфавита замены, по которому шло очередное шифрование. При этом Беллазо отмечал, что разных корреспондентов можно было снабжать различными паролями, не меняя ключ к самому шифру.

Основываясь на идеях Цезаря, Третемия, Беллазо, а так же знаменитого ученого итальянца Джованни де ла Порта, свой шифр создал французский посол в Риме Блез де Виженер. Предложенная им в 1585 году система периодической лозунговой замены стала первым великим открытием в криптографии со времен Юлия Цезаря. «Квадратный шифр» Виженера на протяжении 350 лет считался одной из самых надежных систем. Главным преимуществом метода Виженера являлась его простота.

В 1903 году в «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона» об этой системе говорилось, что ею «пользуются часто и в наше время. Применение ее не представляет никаких трудностей, найти ключ почти невозможно» (2).

«Квадратный шифр представляет собой таблицу, в которой буквы расположены следующим образом [см. Таблицу 1 – А.С.]:

Таблица 1

	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а
б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б
в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в
г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г
д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д
е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е
ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж
з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з
и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і
й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й
к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к
л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л
м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м
н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н
о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о
п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п
р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р
с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с
т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т
у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у
ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф
х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х
ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч
ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш
щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ
ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ
ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы
ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь
Ъ	э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ
э	ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э
ю	я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю
я	Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я
Ѳ	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ

В этой таблице первый горизонтальный ряд носит название *линии языка*, первый вертикальный ряд слева – *секретной линии*. Ключом служит любое слово, которого буквы подписываются подряд под буквами шифрованного письма. Причем, когда оно доведено до конца, то начинают сызнова. Этот ключ и называется секретом. Чтобы найти истинный смысл шифра, надо отыскать соответствующую букву секрета в секретной линии, а букву шифра в горизонтальной линии, к которой принадлежит упомянутая буква секрета. Тогда в точке пересечения вертикальной линии, в которой находится буква шифра, с линией языка и окажется нужная нам буква общепринятой азбуки» (3).

Здесь «секрет» – это то же самое, что Беллазо называл «паролем», а Виженер «лозунгом». В наше время ключевая последовательность букв или цифр получила название «гамма» по аналогии с известным музыкальным термином. Таблица Виженера легко восстанавливалась перед самим процессом шифрования, после чего могла быть уничтожена. Однако в эпоху Возрождения ни шифр Виженера, ни другие периодические многоалфавитные системы не получили достойного применения. Они отнимали слишком много времени, а малейшая ошибка при письме была сопряжена с такими искажениями, что получатель сообщения не мог правильно расшифровать его даже при наличии верного ключа. Сотни лет многоалфавитность оставалась редким явлением и сама ее непопулярность служила ей защитой. Если бы многоалфавитностью пользовались чаще, то, возможно, криптоаналитики средневековья давно бы предложили путь к общему решению по ее дешифровке. Но мир стоял на обычных шифрах замены, и мифу о нераскрываемости шифра Виженера была суждена долгая жизнь (4). Не найдя широкого применения в дипломатической переписке, эта система начала использоваться в военном деле. В эпоху наполеоновских войн она несправедливо получит имя французского императора, в дальнейшем употребляемое иногда и русскими революционерами.

Идеи Виженера нашли развитие в ряде других подобных периодических систем. Например в «шифре Гронсфельда», придуманном в 1734 году бельгийцем Хосе де Бронккхором, графом де Гронсфельд, военным и дипломатом, начальником первого дешифровального отдела в Германии. Взамен буквенного лозунга-ключа он взял числовой, состоящий из нескольких легко запоминающихся цифр. Вместо большой громоздкой квадратной таблицы использовался только один алфавит с правильным расположением литер. Буква шифруемого текста заменялась буквой алфавита, отстоящей от нее вправо или влево на количество знаков, равное соответствующей цифре ключа. Легко убедиться, что система Гронсфельда является частным случаем более общего шифра Виженера.

Таким образом, главными центрами развития криптографии в Европе в XV – XVI веках являлись Италия, Франция и Германия. Для России же - это эпоха Ивана Грозного и смуты, время очень сложное в истории Российского государства. Методы шифровки у русских дипломатов не были особо изысканными и представляли из себя типовые системы замены букв шифруемого текста различными знаками. Вплоть до конца XVIII века в практике русской тайнописи принципиально ничего не менялось.

История развития криптографии рано заинтересовала исследователей. Так, уже в 1853 году русский историк А. Н. Попов опубликовал свою работу «Дипломатическая тайнопись времен царя Алексея Михайловича с дополнением к ней». С этих пор в России возникло понятие «дипломатического шифра» для систем, применявшихся в прошлом еще царскими послами (5).

На Западе также появлялись подобные исследования, о шифрах писали известные энциклопедии. И при желании любой человек мог получить информацию о самих шифрах, их истории и направлении развития.

Не стояла в стороне и художественная литература. Так, в 1843 году вышел в свет рассказ американского писателя Эдгара По «Золотой жук», где подробнейшим образом изложен метод дешифровки простых шифров замены. Это был первый общедоступный «курс» по криптоанализу, который приобрел невиданную популярность во всем мире.

Именно этот рассказ подтолкнул начинающего писателя Жюля Верна к написанию его не менее знаменитых романов. В 1864 году в книге «Путешествие к центру Земли» фантаст объяснил простейшую шифрсистему перестановки букв. В 1880 году в романе «Жангада» он изложил «шифр Гронсфельда», а в 1885 году в другой книге «Матиас Шандор» описал «решетку Флейснера». Книги Э. По и Ж. Верна были широко распространены в тогдашней России и, несомненно, оказывали свое влияние на ее революционную молодежь. Замечу попутно, что известный рассказ классика детективного жанра К. Дойля «Пляшущие человечки» появился много позже – только в 1905 году.

Таким образом ясно, что к середине XIX века в цивилизованном мире были созданы основные системы шифров, имелась доступная литература о них, широкие слои населения Европы получили простейшие знания о шифрах, их применении и их возможном взломе (дешифровании) научными методами.

Именно с середины XIX века в Российской империи все более назревала революционная ситуация, приведшая в 1861 году к отмене ненавистного крепостного права. Появляющимся в стране первым революционерам было, где приобретать начальный опыт конспиративной переписки. Вся континентальная Европа первой половины XIX века, по словам Веры Засулич, кишела тайными обществами. И это не могло не оказывать влияния на возникшую к этому времени революционную русскую эмиграцию.

Очевидно, что революционерам не было нужды самим изобретать шифры. На это ушли века! У каждого шифра русского подполья есть свои мировые исторические истоки. И эту линию преемственности я попробую по мере возможности проследить в следующих главах. Они уже будут обращены непосредственно к теме нашего исследования.

Глава вторая

Революционеры 1860-х годов

Революционные общества в России не появились на голом месте, а имеют свою глубокую историю. Декабристы и восстание 1825 года, петрашевцы, Герцен и Огарев, Бакунин... Это только самые громкие события и имена. Но в своем исследовании мы вынуждены пропустить ранние страницы прошлого за полным отсутствием здесь соответствующих сведений. Подпольные группки в те времена были малочисленны и находились в зачаточном состоянии. Шифр, прежде всего, необходим для ведения конспиративной переписки. Но вряд ли она тогда имела большое место в жизни революционеров. Во всяком случае в полицейских архивах следов ее, видимо, нет.

Первые реальные сведения о шифрах подполья приходятся на начало 1860-х годов. Вступивший на престол царь Александр II в 1861 году отменил крепостное право. Начало царствования нового императора вызвало в российском обществе небывалый энтузиазм и породило надежды. Свежее дыхание обрела существующая со времен Николая I русская политическая эмиграция. Усилились крестьянские и национально-освободительные движения по периферии российской империи. Из-за границы на родину (и обратно) потянулись эмиссары для налаживания подпольных связей.

В ноябре 1861 года в Лондоне к Александру Герцену явился посланец русских старообрядцев по имени Поликарп. Нужно сказать, что русский раскол всегда вызывал у революционеров неослабный интерес. В раскольническом движении они мечтали обрести опору своим идеям и получить мощного союзника в революционной борьбе. Поэтому Поликарп вызвал огромное любопытство лондонских эмигрантов.

Особенно это проявилось у одного из активных помощников Герцена по изданию «Колокола» Василия Кельсиева. Прошло не так уж много времени, но уже к 1867-му году у него наступило полное разочарование не только в раскольниках, но и во всем революционном движении. И Кельсиев добровольно отдался в руки российской полиции. Находясь в III Отделении Собственной его императорского величества канцелярии, раскаявшийся эмигрант написал подробную исповедь своей прошлой деятельности, в которой Кельсиев привел и шифр, примененный в тайной переписке старообрядцами.

Находясь в Лондоне, Поликарп ждал из России поступления денег на свои нужды. Через несколько лет Кельсиев вспоминал: «Наконец, пришли ему деньги из Москвы. Вексель был обернут в клочок бумаги, на котором стояли цифры: 80 100 10 5 7 7 1 8 300 5 / 200 20 70 100 5 8 / 2 40 70 200 20 2 400. - «Понимаете этот счет?» - спросил он меня. Я подумал, подумал, и догадался, что эти цифры должны означать церковные буквы. Выходило: «*Прiеззаите скореи в Москву*». Поликарп стал собираться и прощаться» (6).

Вот так быстро и просто дешифровывались в те времена секретные послания. Подумал, подумал и догадался... Перед нами простейший шифр замены. В старославянской азбуке буквы несли определенную числовую нагрузку, и знакомому с этим фактом Кельсиеву оказалось совсем не трудно прочитать криптограмму (7).

Шифры самих революционеров того времени были ненамного сложнее. Так, в январе 1861 года полиция перехватила письмо молодого подпольщика Митрофана Муравского к его товарищу в Петербург. Будучи сосланным в Бирск Уфимской губернии, Муравский писал товарищу: «Позвольте предложить следующую азбуку, к которой, мне кажется, можно было бы прибегать в необходимых случаях... Я спешу и не имею времени изложить ее. Я пришлю ее вам, если не случится оказии, по почте, а именно так: этой азбукой я напишу общеизвестное... стихотворение Пушкина Декабристам... Зная это стихотворение, Вы его прочтете, и таким образом узнаете и саму азбуку; недостающие буквы я напишу отдельно. Устройство ее, как Вы увидите, очень просто».

19 февраля 1861 года Муравский отправил в Петербург очередное письмо. Конец его оказался испещрен какими-то точками и черточками. Очевидно, это и был шифр, предложенный Муравским (8). Впоследствии он сделает солидную революционную карьеру и уже как народник-семидесятник окажется на каторге.

Находящиеся в Лондоне русские эмигранты в своей переписке с родиной зачастую вообще избегали шифра, а заменяли его условным языком.

Весной 1862 года на пароходе, сразу же по прибытии в Петербург, был арестован связной лондонских революционеров Павел Ветошников. При нем, в частности, оказались письма Михаила Бакунина к Михаилу Налбандову (он же Налбандян, впоследствии - известный писатель и демократ). В своих обширных посланиях Бакунин изложил целый «зашифрованный лексикон» для переписки с ним. В нем присутствует свыше шестидесяти терминов – псевдонимы разных лиц, городов, географических областей, национальностей и т.п. Например: Правительство – Дурнов; Тайная полиция – Слепнев; Армяне – жиды; Греки – татары; Турки – сапожники; Грузия – Тула; Сослан – поехал по делам; Восточная Сибирь – Крым;

Ю. М. Квятковская (теща Бакунина) – Анна Андреевна; Семья Квятковских (проживала в Томске) – Пантелеевы...

Бакунин познакомился с молодым Налбандяном в Лондоне вскоре после своего бегства из Сибири. Он являлся участником так называемой «Революционной организации армян». Арест Ветошникова и его откровенные показания привели к провалу Налбандяна. При его обыске полиция изъяла куда более содержательный кодированный словарь. Вот только небольшая часть его, но весьма характерная: Открыть торговый дом – сосредоточить и умножить войска; Покупать лен – с горцами начать переговоры и заключить союз; Иметь кредит – издавать газету; Для покупки товара – для восстания; Хронометр – пушка; Часы – штыковое оружие; Мука – порох; Пшеница – ядро... Судя по такому жаргону, намерения у армянских революционеров были самыми серьезными (9).

На приведенных примерах ясно видно, что тайнопись тех лет была достаточно примитивной. Очевидно, чем проще шифры, тем легче ими пользоваться. Понятно, что революционеры мало опасались возможной дешифровки их переписки в полиции. Иначе они были бы более осмотрительны. Но не все выглядит так просто. И не все были так наивны.

В конце 1861 года в Петербурге возникла организация революционеров «Земля и Воля». Непосредственными создателями общества стали Н. Серно-Соловьевич, Н. Обручев, В. Курочкин и А. Слепцов. Организация с первых дней своего возникновения была строго законспирирована и имела структуру изолированных пятерок. Просуществовала она, однако, недолго и уже к концу 1863 года самоликвидировалась. Не сохранилось никаких официальных документов ее существования. Но один из членов этой подпольной организации Лонгин Пантелеев оставил любопытные воспоминания о ее деятельности. Из них мы узнаем, что «возникнув по инициативе кружка Н. А. Серно-Соловьевича, она скоро очутилась главным образом на плечах одних студентов, да и то лишь тех, которые побывали в крепости или были исключены из университета (как немалая часть провинциальных членов)».

Из воспоминаний Пантелеева известно, что в практике «Земли и Воли» использовались для переписки симпатические чернила и шифры: «У одного из арестованных... нашли письмо офицера из провинции (А. Н. Столпакова); письмо заканчивалось рядом шифрованных строк в виде дробей. Шифр оказался настолько хитер, что даже специалисты министерства иностранных дел по чтению шифров отказались разобрать его. Он был несколько сложен для письма и чтения, но действительно без ключа не представлял никакой возможности к прочтению, а, собственно, был очень прост: уславливались в странице какой-нибудь книги; на этой странице произвольно выбирались строки и буквы, числитель означал строки, а знаменатель буквы в ней» (10).

Пантелеев начал писать свои воспоминания в 1900-м, а в 1905-м году они вышли отдельным изданием. Как раз в указанный период (1900 – 1905 годы) книжный шифр занял в практике тогдашних подпольщиков ведущее место. И если мемуарист правдив (а у нас нет причин в этом сомневаться), то подобную систему тайнописи революционеры применили впервые очень рано. Но это, однако, было только редким исключением из правила. Шифры подполья долгое время оставались еще очень простыми.

В 60-е годы XIX века наблюдался непрерывный рост революционного движения. Параллельно росли и преследования со стороны карательных органов царизма. После оглушительного выстрела Дмитрия Каракозова в Александра II в стране прокатились опустошительные репрессии. В России восторжествовала реакция, но она оказалась не в состоянии погасить искры революционной борьбы. Попытки создания действенной революционной организации не прекращались.

Одна из них связана с именем Сергея Нечаева и стала черной страницей в истории русского революционного движения. В марте 1869 года Нечаев, участник петербургских подпольных кружков, уехал за границу к Бакунину. Пользуясь его открытой поддержкой, Нечаев вернулся на родину и, прибегая ко лжи и мистификации, стал создавать в Москве заговорщическую группу, названную им «Народной расправой». При этом Нечаев именовал себя представителем мнимой широко разветвленной революционной организации. О ней никто не слышал, но Нечаеву верили. Но опять же не все. Прибегнув к убийству студента Иванова, заподозрившего Нечаева в обмане, тот «похоронил» не только «Народную расправу», но и свое имя русского революционера. Последовали многочисленные аресты, сам Нечаев успел скрыться за границу. В руки властей попали не только обманутые студенты, но и многочисленные документы организации. В том числе так называемый «Катехизис революционера», где Нечаев с предельным цинизмом изложил задачи революционеров по уничтожению ненавистного ему строя. Методы, указанные в «Катехизисе», могли вызвать лишь гнев и возмущение российского общества.

В июле 1871 года в Петербурге открылся судебный процесс нечаевцев. Стенографический отчет о заседаниях судебной палаты «по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России», печатался во многих столичных газетах. Этим процессом правительство сильно надеялось подорвать в стране доверие к революционерам. Вот фрагменты из обвинительного акта, опубликованные в 1871 году в «Правительственном вестнике»:

«Осенью 1869 года, когда Нечаев возвратился в Россию, в Москве было организовано особое общество... под названием «Народной расправы»... Это общество имело своих членов не только в Москве, но и в Петербурге, в Ярославле и Владимире, имело свои денежные средства, свой условный шифр для сношений... Каждый представитель кружка должен был составить шифр из азбучных условных знаков, которые обязан был запомнить и сообщить их в центральный по отношению к нему кружок... Азбука, как видно из объяснений обвиняемых и из найденной у них переписки, писанной шифром, состояла из цифр, одна или две цифры означали букву. Для облегчения памяти, в этой азбуке принималось в соображение сходство цифр с буквами и сходство начальных букв с названиями чисел. Так, например, ноль означал «О»; пять – «П»; десять – «Д»; одиннадцать (11) – «И»; три (3) – «З»; четыре (4) – «Ч» и т.п. Слова записывались в виде счетов по две буквы, и подводился итог» (11).

В связи с описанным выше шифром интересен следующий эпизод. В 1870 году в Киев на имя подставного лица – отставного майора Криницкого – пришло письмо из Женевы. Оно оказалось от Нечаева, благополучно скрывшегося в Швейцарии. Адрес майора был «подставлен» Нечаеву самой полицией. Письмо же содержало некий загадочный коммерческий счет. Киевские жандармы ничего в нем не поняли и посчитали, что Нечаев ошибочно выслал счет Криницкому. Документ на всякий случай отправили в Петербург, где его без труда разобрали специалисты по шифрованным записям (12).

Кроме рассмотренного шифра в нечаевской организации существовал другой – буквенный. Выше уже говорилось о «Катехизисе революционера», обнаруженном жандармами при массовых арестах. Он представлял собой «печатную в 16-ую долю листа книжку на иностранном языке, как бы на итальянском», – так значилось в протоколе его осмотра. Но во время следствия стало очевидным, что книжка написана шифром. Подлинник зашифрованного «Катехизиса» в 1920-х годах бесследно исчез. И осталась только неважная фотокопия заглавной его страницы, опубликованная в первом номере журнала «Борьба классов» за 1924 год. Обнаружив загадочный шифр, следственная комиссия отправила документ в министерство иностранных дел, прося «поручить сведущему лицу заняться переводом книжки для определения, что именно она в себе содержит». Найденный вслед за этим в записной книжке члена «Народной расправы» Кузнецова ключ к шифру помог прочесть тайнопись. Правительство получило в свои руки главный обвинительный документ на предстоящем процессе (13).

А. Кузнецов

Участник тех событий, 24-летний Алексей Кузнецов, много позже напишет свою автобиографию. В ней он, в частности, указал, что Нечаев поручил ему изобрести и составить шифр для сношения кружков «Народной расправы» (14). Так что не совсем ясно, что именно создал Кузнецов – или цифровой ключ для кружков, изложенный в обвинительном акте, или же буквенный (похожий на итальянский) шифр «Катехизиса». Так или иначе, но здесь особо интересны три момента.

Первое. К концу 60-х годов XIX века шифры революционного подполья оставались такими же несложными, как и в начале десятилетия.

Второе. Еще не были разработаны универсальные методы шифрованного письма, при которых бы система шифра не менялась, а рознился только ключ к нему. Именно такое единообразие шифров мы увидим в практике 1870-х годов.

И последнее. В Третьем отделении не существовало в тот период собственного квалифицированного штата дешифровщиков (или криптоаналитиков, как сказали бы мы сейчас). Все трудные для чтения криптограммы направлялись в министерство иностранных дел, где имелись соответствующие специалисты. На это ясно указывают воспоминания Л. Пантелеева и история с разбором нечаевского «Катехизиса революционера».

«Народная расправа» подвела черту шестидесятым годам XIX столетия. Разоблачение авантюристичности и цинизма нечаевских приемов ведения революционной борьбы вызвало безусловное осуждение со стороны здоровых сил революционеров и всего российского общества. Наступали годы семидесятые – время хождения в народ, создания организаций «Земля и Воля» и «Народная Воля», время беспримерной героической борьбы народников с царизмом и его карательными органами.

Глава третья

Хождение в народ

Эпоха 1870-х годов – ярчайшая страница в революционной судьбе России. В отличие от предыдущего периода, мы имеем множество свидетельств современников об этом времени, опубликован обширный пласт всевозможных документов – в том числе и по интересующей нас тематике. Самое здесь замечательное в том, что видные революционеры-семидесятники принимали затем активное участие в борьбе последующих десятилетий. И это дает нам возможность проследить некоторые революционные традиции России.

Итак, годы семидесятые... «Мертвая тишина, наступившая после каракозовского покушения, стала сменяться оживлением, сначала в Петербурге, а затем и в провинции. И в это время в России возникло и резко обозначилось два революционных направления: одно – страстное, пылкое, считавшее необходимым только бросить искру в уже давно готовый к восстанию народ..., а другое – более пропагандическое, подготовительное» – так характеризовал идеи Бакунина и Лаврова видный народоволец Николай Морозов.

Весной 1869 года в Петербурге возникла группа революционеров, возглавляемая студентом Марком Натансоном. И появилась она, главным образом, в противовес деятельности Нечаева с его способами ведения революционной борьбы. В петербургский кружок и в его филиалы в разные годы входило более ста человек. Среди них известнейшие впоследствии революционеры – Ольга Натансон (жена Марка), Николай Чайковский, Сергей Кравчинский, Лев Тихомиров, Николай Морозов, Софья Перовская, Петр Кропоткин, Андрей Желябов... Фактически этот кружок (историки назвали его – «чайковцы», что не очень справедливо) явился своеобразной школой будущих революционных обществ. Отвергая нечаевские методы построения организации, группа Натансона сделала сильный крен в другую крайность. Она никогда не имела четкой структуры, устава и формального центра. Проповедовалось полное равенство кружковцев, не было определенных правил принятия новых членов. Все держалось на товариществе и доверии друг к другу. Естественно, что такая схема была совершенно непригодна при неминуемом расширении революционной организации. И подпольщики быстро стали это понимать. Тот же М. Натансон явится основателем знаменитого общества землевольцев, речь о котором у нас впереди.

Кружок «чайковцев» существовал в своем окончательном виде с осени 1871-го по осень 1874-го года, когда он был разгромлен полицией. Главной его заслугой явилось так называемое «книжное дело». Группа активно занималась изданием и распространением различной популярной литературы для народа, вела среди него просветительскую работу. Для этого за границей была даже основана собственная типография «чайковцев». Кружок, имея центр в столице, создал свои отделения в Москве, Киеве и Одессе. В результате объективно возникла ситуация необходимости обширной конспиративной переписки между членами группы.

«Книги и брошюры, отпечатанные за границей, ввозились в Россию контрабандой, тюками, складывались в известных местах, а потом рассылались местным кружкам, которые распространяли уже литературу среди крестьян и рабочих. Для всего этого требовалась громадная организация, частые поездки за границу, обширная переписка... У нас имелись специальные шифры для каждого из провинциальных кружков, и часто после шести или семичасового обсуждения мельчайших подробностей, женщины, не доверявшие нашей аккуратности в шифрованной переписке, работали еще ночь напролет, исписывая листы кабалистическими знаками и дробными числами» – так вспоминал Петр Кропоткин, ставший членом кружка «чайковцев» весной 1872 года (15).

Какими же шифрами пользовались «чайковцы»? Информация, которой мы располагаем, относится к моменту разгрома группы полицией осенью 1874 года. Но вот что занимательно. Как нам уже известно, в июле 1871 года состоялся процесс нечаевцев. Судебное слушанье было открытым, публиковались подробнейшие стенографические отчеты, накал в обществе стоял высочайший. Как вспоминал Николай Чайковский, «каждая деталь этого разбирательства делалась для нас предметным уроком для нашей собственной будущей деятельности». И совершенно ясно, что определенный интерес у революционеров не могла не вызвать информация о шифрах «Народной расправы». Их примитивизм и быстрый разбор переписки полицией должны были насторожить «чайковцев». Именно «процесс нечаевцев» заставил тогдашних подпольщиков оставить свое пренебрежение по отношению к шифрам и начать внедрять их более стойкие системы.

Так какие же шифры были в ходу к 1874-му году? Среди арестованных чайковцев оказался и Петр Кропоткин. В своих известных воспоминаниях он подробно описал один из тайных ключей к переписке.

«Замечу, кстати, что, хотя наш шифр был самый простейший – он напечатан в обвинительном акте процесса 193-х – и хотя эксперты хвастают, что они разбирают всякие шифры, но прежде, чем ключ был

найден у Войноральского, ни одного письма они не прочли. Шифр был самый простой, в десять слов, которые следовало помнить не записывая:

Пустынной Волги берега
Чернеютъ серыхъ юртъ рядами
Железный финогеша Щебальский.

Начало его я взял из стихотворения Рылеева:

Пустынной Лены берега
Чернеют темных юрт рядами...

Каждая буква обозначалась словом и местом буквы в слове. П была 11, У была 12, С была 13 или 51 или 07 (10-е слово, 7-ая буква). Буквы часто встречающиеся, как Е или А, обозначались, как видно, разно: 32, 34, 42, 72, 86 или 02 для Е и 36, 74, 88, 04 для А. Расшифровать такой шифр невозможно, тем более, что мы писали сплошь, иногда ставя нечетное число букв в начале письма и в конце и еще запутывая расшифровку ненужными парами, как 26, 27, 28, 29, 20, вставленными там и сям» (16).

Кропоткин дал здесь пространное объяснение одного из важнейших революционных шифров. Но интересно, что эта часть воспоминаний не вошла в его первое издание «Записок революционера», а была включена только в академическое издание 1933 года! Так что пособием по шифрам книга Кропоткина не стала. Тем более, что он несколько оптимистично оценивал стойкость подобной системы.

К началу 1874 года в Петербурге помимо «чайковцев» существовал ряд других кружков – например, Сергея Ковалика, Феофана Лермонтова, Сергея Голоушева и т.п. В столице находились революционеры, формально не входившие ни в одну из групп, но имеющие на них определенное влияние. Это, в первую очередь, относится к Порфирию Войноральскому. Отдельные революционные кружки имелись в других городах. Но центр событий находился в столице. Именно здесь и возникла идея «движения в народ». Всю зиму 1874 года в Петербурге шла лихорадочная подготовительная работа. Каждый крупный кружок оставлял в столице своего представителя для поддержания связи с товарищами, а для переписки вырабатывались многочисленные шифры.

Весной 1874 года из Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и других городов начался беспрецендентный поход молодых революционеров в российскую деревню. 37 губерний страны оказались одновременно охвачены общим движением! С фальшивыми документами, сделанными на скорую руку, в крестьянском платье и с узелками, бывшие гимназисты и студенты отважно двинулись «в народ». Но наивны были их планы и недолги действия. Уже с мая начался повальный арест неопытных пропагандистов. Оторопевшие по-началу жандармы в течение двух-трех месяцев лета арестовали около 1700 человек, участвующих в походе по деревням России. 770 из них было привлечено к дознанию, а 193 человека стали участниками «Большого процесса» 1877 года. Его обвинительный акт широко печатался в русских газетах, а в начале 1900-х годов был вновь опубликован известным историком В. Богучарским в 3-м томе его сборника «Государственные преступления». Этот документ дает нам богатую информацию о шифрах тогдашних подпольщиков .

Так, «кружок артиллеристов» переписывался по ключу, придуманному Александром Лукашевичем. Он состоял из следующих слов:

«Горныя вершины спятъ во тьме ночной, богата жизнь царскихъ лакеевъ, въ будущемъ флюдъ».

У Порфирия Войноральского были найдены ключи:

«И юи, носу, ели черти колбасу, техъ щей, по жиже влей, егда, взыща, тучъ», а так же уже известный нам (по мемуарам Кропоткина) *«Пустынной Волги берега...»* Кроме того, у Войноральского был обнаружен третий ключ, состоящий из нескольких строк стихотворения Некрасова «У парадного подъезда».

Любопытен шифр Сергея Ковалика. В обвинительном акте читаем: «Кружок Ковалика придерживался теории Бакунина, доказательством чего может служить... изобретенный последним шифр, составленный из неблагопристойных слов». Жандармами неоднократно дается подобная характеристика – нецензурный, неприличный, неблагопристойный, но сам ключ они так и не решились воспроизвести.

Интересны подробности о шифрах киевских участников «хождения в народ». Сведения эти были получены от раскаявшихся и давших самые откровенные показания Елены Харченко, Идалии Польгейм, юнкера Ларионова и студента Гориновича. Их оговоры решили судьбу многих участников процесса 193-х. Так гимназистка Харченко указала шифрключ для переписки киевлян с эмигрантом Павлом Аксельродом: *«Богъ завещалъ намъ, чтобы мы жили по братски въ духе любви, какъ братья. Шафецельев»*.

Николай Морозов в своих мемуарах также приводит еще один ключ из эпохи «хождения в народ»: *«Существуютъ случаи когда приложения делаются целями. Бездыханны фетиши. Гвельджий»*. Каждая,

аналогично, буква изображалась парой цифр. Первая означала номер слова (или строку в табличной записи), вторая цифра указывала место буквы. Так, слово «Вы» обозначалось как 1775 (17).

Большой интерес вызывает сборник документов эпохи народничества, вышедший в начале 1960-х годов в двух томах. Из его материалов следует, что один из арестованных (участник самарского кружка самообразования) Николай Петропавловский дал следующие показания:

«Войноральский мне говорил, что для сообщения лиц, принадлежащих к партии, существуют ключи, по которым пишут шифрами, и что для каждой губернии существует особый ключ... Ключей к шифрам мне Войноральский не передавал, но указывал способ составления шифра, т.е. говорил, что нужно выбрать какую-нибудь фразу и занумеровать ее каким-либо порядком» (18).

Как видим, во всех выше цитированных документах и мемуарах присутствует единая система криптографии. Развернутую характеристику ей дал один из организаторов «хождения в народ» С. Ковалик (кстати, по образованию – математик). В своей статье за 1906 год «Движение семидесятых годов по Большому процессу (193-х)» он писал:

«Ключом к шифру большею частью служил подбор нескольких таких слов (иногда коротких стихотворений), в которых заключались все буквы алфавита. Каждая буква изображалась двумя цифрами, первая показывала номер по порядку слова в ключе, вторая – место данной буквы в слове. Вследствие короткости ключа, буквы изображались почти всегда одною и тою же парою цифр, что облегчало разбор шифра даже в случае незнания ключа. Так называемый гамбеттовский буквенный шифр, несколько более обеспечивающий тайну переписки, еще не был тогда в употреблении. Но и не совершенный цифровой шифр применялся часто крайне неумело: то зашифровывались только отдельные слова, то в сплошь зашифрованном письме расставлялись, по всем правилам грамматики, знаки препинания. Поэтому стоило только угадать одно слово, и весь шифр легко разбирался... Из лиц, проводивших дознание, прославился, или может быть, вернее, прославил себя умением разбирать шифры один из товарищей прокурора, хотя каждый волостной писарь сумел бы сделать то же самое» (19).

Таким образом можно утверждать, что у российских революционеров впервые появился, так сказать, типовой шифр, нашедший широчайшее употребление. В сущности это есть шифр Полибия, придуманный еще до нашей эры. Ковалик совершенно справедливо раскритиковал данную систему, только сделал он это слишком поздно – через тридцать лет! Заметим, что Петр Кропоткин в своих «Записках революционера», наоборот, считал сей способ тайнописи весьма надежным.

Были и иные способы переписки. В обвинительном акте Большого процесса читаем: «Для письменных сношений между собой члены кружка употребляли шифр; таких шифров было несколько. Так Бенецкому... были известны два шифра: один по русско-французскому лексиону Рейфа, и другой, состоящий из цинических слов, т.е. шифр Ковалика. А Польгейм и Ларионов употребляли шифр, ключом к которому служила... одна из молитв «Отче наш» или «Богородица»». Последний шифр выдал Горинович. Еще один видный народник Петр Макаревич употреблял в своей переписке шифр, основанный на двух стихотворениях: «Птичка Божия не знает» и «По синим волнам океана».

Из этих показаний ясно видно, что революционеры, помимо прочего, использовали стихотворные и книжные шифры, но применение их было ограничено.

Известен и другой стихотворный ключ к шифру подпольной переписки той поры, установленный историком-архивистом Е.В.Старостиным в начале 1970-х годов. Ему удалось расшифровать конец народнической "Программы революционной пропаганды", составленной Александром Кропоткиным (братом Петра Кропоткина), и отправленной им из Петербурга летом 1874 года за границу своему другу и учителю П. Л. Лаврову в журнал "Вперед". В Третьем отделении царской канцелярии так и не смогли прочитать перлюстрированный шифр: 8/6 7/6 5/12 1/12 9/12 1/12 2/6 3/6 6/6 2/1 8/3 1/15 10/11 4/2... 11/4 6/2 16/1 2/6 6/9 2/11 1/14 1/8. 1/28 1/6 1/1 2/2. 4/3 1/1 3/3... 1/5 2/1 5/5 6/5 1/4 2/2 3/2 1/10. 1/8 2/8. 1/7 3/15 5/9 6/9 5/9. А. Кропоткин оставил, уезжая из Цюриха в мае 1874 года, Л. Л. Лаврову в качестве ключа известные слова Татьяны из 8-й главы романа А. С. Пушкина - Евгений Онегин": "***Довольно, встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно***..." и т. д. (в старой орфографии). **Здесь числитель шифрдробей – есть порядковый номер букв, а знаменатель – строк.**

После расшифровки конец "Программы" читается так: "Кроме того, непрактично задевать царя. Надо всячески обходить этот вопрос, обрушиваясь всею тяжестью на правительство и господ - слова, которые по всей Руси каждому известны. Можно задевать царя только в тех единственных случаях, когда ход беседы неожиданно приводит к необходимости или выгородить его (и, следовательно, косвенно восхвалить) или отнести и его к той же ШАЙКЕ КРОВОПИ/Й/ЦЪ народных, но и тогда весьма полезна сдержанность. Вредного в таком не упоминании о царе нет ровно ничего. Слети только правительство и господа и царь сам УБЕРЕТСЯ ТУДА, ГДЕ ЕГО и с СОБАКАМИ НЕ СЫЩЕШ /Ь/" (20).

Вернемся теперь к воспоминаниям Сергея Ковалика. Он сообщает нам еще об одном виде криптографии – **гамбеттовском буквенном шифре.** Но, пользуясь для своих записок текстом обвинительного акта, он

неверно указывает сроки появления в революционной практике новой системы шифрования. Обратимся для прояснения вопроса к показаниям одного из членов «Кружка самарцев» в Петербурге, а затем участника «хождения в народ» Льва Городецкого. Арестованный в июле 1874 года, он дал самые откровенные показания. Среди прочего он привел ключ к шифру, которым пользовалась его группа:

«Ключ этот следующий. Он был буквенный, а не цифровой. Вместо первой буквы слова ставилась первая следующая за ней буква, вместо 2 ставилась 3 следующая за ней буква, вместо 3 буквы ставилась 5 следующая за ней буква, а вместо 4 – 7-ая, затем опять шло сначала: так, вместо 5 буквы ставилась 1, следующая за ней, вместо 6 – 3, следующая за ней, и так далее. Кажется, кроме этих четырех цифр (всех нечетных) – 1, 3, 5, 7, кажется, употреблялась и цифра 9, но я этого наверное сказать не могу. Так, фамилия «Городецкий» должна быть по этому шифру написана так*: **дсххеиыскв***; причем, если счет идет до конца азбуки и букв в нем не хватает, то он переносится на начало уже азбуки. Этим шифром я ни разу не пользовался, пользовались ли им другие, не знаю. В нашем кружке в Петербурге до моего отъезда шифра не было, и был ли составлен ключ после моего отъезда, я не знаю» (21).

Это обширное показание Городецкого крайне важно для нас. Во-первых, мы здесь видим иной революционный шифр. Во-вторых, совершенно очевидно, что это есть система Гронсфельда, описанная нами в первой главе. И, в-третьих – ясно, что именно ее революционеры уже тогда называли «гамбеттовской». Причем, из объяснений Городецкого следует, что народники использовали при шифровке 30-буквенную русскую азбуку, где буква «Й» стояла в конце алфавита. Такой алфавитный порядок букв в период народничества мы будем встречать постоянно.

Описанный ключ к шифру Городецкий получил от члена своего кружка Виктора Осташкина. Но мы не можем приписать заслугу в появлении данной системы шифрования лишь «самарскому кружку». В декабре 1874 года генерал Слезкин, начальник московского ГЖУ, доносил в Петербург главе III отделения графу Шувалову о деятельности народников в Нижнем Новгороде:

«По просьбе Ливанова, Теплов... писал в Петербург в какую-то банковскую контору раствором соли и цифровым шифром. Нефедов показал ему другой шифр, заключающийся в замене одних букв другими» (22). Перечисленные в донесении Николай Теплов, Михаил Нефедов и Александр Ливанов принадлежали к «кружку артиллеристов», действующем в столице параллельно с самарской и другими группами. Именно Александр Иванович Ливанов через двадцать лет станет первым наставником молодого Владимира Ульянова на поприще революционной конспирации!

Итак новый буквенный шифр начал распространяться среди народников с лета 1874 года. Однако в обвинительном акте процесса 193-х об этом шифре крайне скудные сведения. Как показал один из арестованных пропагандистов Николай Никифоров, он пользовался «шифром по формуле Пи». Более конкретно ничего не указано, но легко сообразить, что ключом к шифру мог служить цифровой ряд числа Пи (одного из важнейших математических понятий), равный 3,14. Число это любой гимназист знал наизусть, а в составлении ключей к собственным шифрам революционеры особое внимание уделяли удобству их запоминания.

Но о шифре Городецкого, также судившегося по процессу 193-х, в обвинительном акте ни слова. Этим фактом и объясняется, что С. Ковалик ошибочно перенес срок внедрения гамбеттовского буквенного шифра на более поздний срок. Его просто подвела ненадежная память, а полицейские документы, доступные Ковалику, прошли мимо этого факта.

Леон Мишель Гамбетта

Однако остается неясным, каким образом известный с давних времен шифр Гронсфельда обрел новое название – «гамбеттовский»? Для прояснения этого вопроса обратимся к истории Франции XIX века. В 1868 году на судебном процессе будущего вождя Парижской коммуны Делеклюза с защитной речью выступил мало кому тогда известный адвокат Леон Мишель Гамбетта. Блестящий юрист и оратор, он мечтал о бескровной революции, о парламенте и республике. Постепенно он становится во главе республиканской партии в монархической Франции. Франко-прусская война 1869-1871 года ускорила блестящую карьеру Гамбетты. К 1874 году он вырос в виднейшего политического деятеля Франции. Главным в его обширной деятельности стала борьба за провозглашение страны республикой. Наконец, 3 января 1875 года мечта Гамбетты сбылась.

Активная и бескомпромиссная борьба Гамбетты против монархизма не могла не вызвать к нему интереса и горячих симпатий у революционеров царской России. Для них он являлся прежде всего основателем французского республиканизма. И даже негативное отношение Гамбетты к Парижской Коммуне не изменило этого преклонения. Очевидно, что название «гамбеттовский» русские народники дали своему шифру в честь

Леона Гамбетты. Именно на начало семидесятых годов XIX века падает пик его популярности в России. Но в дальнейшем слава его среди революционеров значительно померкла.

Радикал в начале своей политической деятельности, Гамбетта с течением времени начал склоняться к откровенному консерватизму. Будучи в 1879 году президентом законодательной Палаты депутатов, а с 1881 года премьер-министром Французской республики, он все больше и дальше шел по пути уступок буржуазным партиям.

И совсем не случайно широкая известность Леона Гамбетты в 1873-1874 годах совпадает со временем появления в революционных обществах России «гамбеттовского шифра».Конечно и сам Гамбетта использовал эту популярную в XIX веке систему шифрования в своей деятельности. Но он никогда не был ее автором, да и не мог им быть в силу чисто временных причин. Эту мысль подтверждает и роман Жюля Верна «Жангада», вышедший во Франции в 1880 году.

В своей книге писатель подробно останавливается на точно такой же системе криптографии. Это главный стержень сюжета. Нигде не называя шифр по имени Гронсфельда, а тем более Гамбетты, фантаст помещает в роман криптограмму, над прочтением которой бьются герои повествования. Время действия – 1852 год, а написание шифрованной записки вообще отодвигается к 1826 году. Леон Гамбетта родился лишь в 1838 году. Совершенно очевидно, что ключ Гронсфельда стал известен во Франции и без помощи знаменитого республиканца.

Биографы Жюля Верна отмечают, что перед написанием «Жангады» он специально изучал труды по криптографии. Так или иначе, но отношение к шифру Гронсфельда у писателя было однозначное – его совершенно невозможно прочесть при незнании числового ключа. По оценке Жюля Верна на перебор возможных вариантов должны уходить века! Такое же мнение сложилось и у современников фантаста – русских революционеров. Однако это было далеко не так. И тот же Ж. Верн очень быстро убедился в этом. Он печатал свой роман частями в одном из французских журналов. И не успел еще появиться у читателей его конец, как писатель узнал, что один из студентов Политехнической школы в Париже сумел разобрать криптограмму.

Мы так и не знаем непосредственную причину, почему русские народники решили назвать свой шифр именем Гамбетты. Очевидно, что сведения об этом дошли из самой Франции. Именно тогда в Париже сформировалась русская революционная эмиграция во главе с Петром Лавровым. Он имел постоянные контакты с приезжающими к нему из России народниками. И видимо с этими известными в истории фактами следует увязать рождение названия одной из самых важных революционных систем тайнописи. С этих пор начался бурный рост и разработка иных периодических систем. И поэтому так важно понять их глубинную историю и истоки.

Архивы полиции донесли до нас еще один любопытный документ. Находясь в 1877 году в Доме предварительного заключения в Петербурге, народники, проходящие по делу 193-х, решили создать в стенах тюрьмы подпольную организацию! У заключенного Митрофана Муравского при обыске был изъят уличающий документ, названный в оригинале «Программа бюро раненных (ссыльных)». Это тот самый Муравский, который уже в начале 1860-х годов преследовался полицией, и о котором шла речь в нашей второй главе. Ветеран революционного движения, пользующийся огромным авторитетом среди недавних гимназистов и студентов, «Отец Митрофан» широко делился с товарищами своим богатым подпольным и тюремным опытом. Автор «Программы» остался невыясненным, но несомненно, что в его разработке не последнюю роль играл сам Муравский. Главной задачей намечаемого Бюро ставилось поддержание активной связи с высылаемыми в разные отдаленные места народниками и создание из их числа большой организации. Тем самым авторами проекта планировалось возвращение ссыльных революционеров к активной борьбе. По плану, в Петербурге или в Москве намечалось центральное «Бюро раненных», имеющее тесную связь с областными организациями. Далее цитируем:

«Переписка с главными агентами и их комиссионерами должна быть ведена не иначе, как посредством цензурной системы шифров (то есть такой системы, чтобы при самом тщательном рассмотрении письма невозможно было догадаться, что оно шифрованное, и, следовательно, годной для цензурных писем). Та же система обязательна для употребления агентами и их комиссионерами при записях» (23).

Программа Бюро раненных расписана подробнейшим образом и имеет много разделов. Революционеры приобретали вкус к составлению всевозможных организационных уставов. Они старались предусмотреть все нюансы подпольной деятельности, включая и секретную переписку. Но что такое «цензурная система шифров» документ, тем не менее, умалчивает. Можно только предполагать, что речь идет о жаргонных системах, где нейтральным с точки зрения цензуры словам («раненные») соответствуют те или иные революционные термины («ссыльные»). Мог иметься в виду и способ записи шифра, который маскировался под различные торговые документы и счета, математические выкладки, детские каракули и т.п.

Любопытный пример такого «цензурного шифра» дает в своих воспоминаниях П. Кропоткин. Рассказывая о своей переписке с видным чайковцем (а впоследствии и писателем) С. Кравчинским, он писал:

«Некоторое время Сергей жил в Казани, и мне приходилось вести с ним переписку. Он ненавидел шифровку писем, поэтому я предложил ему другой способ переписки, который часто и прежде применялся для конспиративных целей. Вы пишете самое обыкновенное письмо о разных разностях, но в нем следует читать только некоторые слова, например, пятое. Так вы пишете: «Прости, что пишу второпях. Приходи ко мне сегодня вечером. Завтра утром я должен поехать к сестре Лизе. Моему брату Николаю стало хуже. Теперь уже поздно делать операцию». Читая каждое пятое слово, получается: «Приходи завтра к Николаю поздно». Очевидно, что при такой переписке приходилось писать письма на пяти шести страницах, чтобы передать одну страницу сообщений. Нужно было, кроме того, изощрять воображение, чтобы выдумать письмо, в которое можно втиснуть все необходимое. Сергею, от которого невозможно было добиться шифрованного письма, очень понравился этот способ переписки» (24).

Кропоткин издал свои воспоминания в самый разгар борьбы с российским самодержавием (1902 год), но у него не было никакой нужды утаивать подобный способ конспиративного общения. В России он стал известен чуть ли не с XV века.

Что же касается организации «Бюро раненых», то она так и осталась только на бумаге из полицейского архива. А участники процесса 193-х стали впоследствии членами иных обществ, речь о которых впереди.

Глава четвертая

Всероссийская социально-революционная организация

Разгром 1874 года казался страшным. Сотни активных революционеров были вырваны из движения. Но, разумеется, арестовали далеко не всех.

В конце того же 1874 года «группа грузин и цюрихских студенток, бросив заграничные университеты, приехала в Россию на помощь товарищам, потерпевшим поражение. Стихийности порыва своих предшественников они попытались противопоставить строго регламентированную организацию. Наученные горьким опытом, они не нырнули в народ в одиночку, не пошли летучими пропагандистами в деревню, а направили свою деятельность по линии наименьшего сопротивления, сулившей в то время наибольший успех, – в среду фабричных рабочих». Так в 1920-х годах писала известная исследовательница революционного движения Э. А. Корольчук.

Начало новой организации положил Иван Джабадари. Когда он приехал из-за границы в Петербург, то нашел в нем полное опустошение. Тогда у него возникла мысль перенести центр тяжести подпольной деятельности в Москву, где полицейские условия были гораздо легче, чем в столице. В ноябре 1874 года было положено начало новой революционной группы. В нее вошло в общей сложности 55 человек. Помимо Москвы, они располагали своими представителями в Киеве, Ивано-Вознесенске, Серпухове, Туле, Шуе и Одессе. Организация выработала и свой устав, включающий 13 подробных разделов. Для нас наиболее интересен последний:

> «Раздел XIII. Условия межобщинного сношения.
>
> ... 2. Уведомление об общинном шифре;
>
> 3. Пользование общим словарем для телеграмм;
>
> 4. Необходимо давать знать о пароле путем телеграмм;
>
> 5. Извещение о кличках личного состава администрации...» (25).

По-прежнему организация держалась на равенстве и товариществе ее членов, централизации не было. Молодые революционеры повторяли ошибки своих предшественников. Они были так же доверчивы и наивны, так же по-детски конспирировали и не имели опыта практической подпольной борьбы. Результат не заставил долго себя ждать.

Аресты начались в марте 1875 года, а к осени организация перестала существовать. В феврале 1877 года в Петербурге открылся очередной показательный судебный процесс над революционерами. Хотя они были арестованы позднее тех, кто «ходил в народ», их дело закончилось быстрее. Объясняется это и относительной малочисленностью организации, и обилием улик, и стремлением властей публично и строго наказать молодых людей, значительная часть которых оказалась девушками. Сама фабула деятельности этой организации хорошо и подробно изучена, «процесс 50-ти революционеров» широко освещен. Вычленим здесь вопрос о применявшихся подпольщиками шифрах. Как и «процесс нечаевцев» в прошлом, и «процесс 193-х» в будущем, суд над 50-ю членами «Всероссийской социально-революционной организации» также отличался гласностью. По опубликованному в печати обвинительному акту все желающие могли получить полное представление о тогдашней шифрпрактике революционеров. Процитируем самую интересную для нас часть обвинительного документа:

> «Единство шифров, употреблявшихся разными лицами в разных местах, не может не служить прямым доказательством принадлежности как писавшего шифрованную записку, так ровно и лица, которому она предназначалась, к одному и тому же сообществу...
>
> 1. Так в бумагах Цвилинева в квартире администрации был найден шифр: «Чаще держать экзамены...»
>
> 2. Наиболее употреблявшийся между пропагандистами шифр был найден и разобран по бумагам иваново-вознесенской общины. Шифром этим «Эй Фомич, кубышкою владей» были написаны следующие письма...
>
> 3. После ареста ивановской общины, когда шифр «Эй Фомич» сделался уже известным, начали попадаться письма писаные шифром: «Эй, подлец, негодная тварь...»
>
> 4. Шифром «Быстро решающие задачи» написаны записки, писаные Чекоидзе и Верою Любатович к Рыжему во время совместного содержания их в тюрьме...

5. Надежда Георгиевская желала передать своему брату записку, написаную по шифру: «Неуместно безпощадно грубиянить...»

6. Шифр «Южный цветущий лес» употреблялся для сношения арестованных лиц с администрацией...

7. Посредством седьмого шифра: «Привычки завсегда делаются потребны» переписывались, содержась под стражей, обвиняемые Батюшкова и Цвилинев...

8. Обвиняемый Нуромский покушался... передать записку, написаную восьмым шифром: «Рубят цветущий южный лес...»

9. Шифр «Бродяжник, греховодник, заискивание», найденный у Здановича, писан рукой кн. Цициановой.

Кроме того, найдено было у разных лиц еще семь шифров, но документов, ими записаных, обнаружено не было. Следует обратить внимание, что способ употребления шифров и написания ими записок и писем был у всех обвиняемых один и тот же. Он состоял в том, что составлялась табличка, разделенная продольными и поперечными линиями на 9 или 10 клеток. В этих клетках расписывалась фраза, составляющая шифр, так что в каждую клетку приходилось по одной букве. Каждый, как продольный, так и поперечный ряд клеток обозначался цифрой, так что каждая клетка, а, следовательно, и каждая находящаяся в ней буква, соответствовала двум цифрам: одной продольного ряда клеток, а другой поперечного ряда» (26).

При цитировании шифров обвинительный акт ограничивался только передачей начала каждой ключевой фразы. Лишь в одном случае мы знаем полный текст. При обыске квартиры администрации общества был обнаружен чемодан с бумагами революционера Цвилинева, а среди них ключ к шифру: *«Чаще держать экзамены, хорошо писать формулы, бегло резюмировать целыя и дроби».*

Между прочим, Николай Цвилинев не принадлежал к организации москвичей, а был членом группы уцелевших «чайковцев» в Петербурге. После первых провалов в Москве столица решила помочь своим товарищам. Приведенный шифр, вероятно, служил ключом к переписке Москвы с Петербургом и Цвилинев получил его вместо пароля (27).

После ареста весной 1875 года Ивана Джабадари руководство организацией перешло к Георгию Здановичу. Ранее он заведовал техникой, транспортом и сношениями с заграницей. В сентябре 1875 года подпольщик оказался также арестован. Задержан Зданович был на московском вокзале с фальшивыми документами при попытке получить нелегальный транспорт литературы. Длительное время Георгий не называл себя, хотя полиция была уверена, что он активный революционер, известный в своей организации под именем «Рыжий».

Г. Зданович

Находясь в одиночной камере, Зданович вел переписку с оставшимися на воле товарищами (Верой Любатович), не подозревая, что жандармы просматривают его письма. Интересно прочесть их и сейчас. Они представляют собой подробные инструкции по практике подпольной деятельности. Вот отрывок из письма от 28 ноября 1875 года:

«Вы мне писали, чтобы я докончил бы шифр для телеграмм – мне это положительно неудобно, да и нет возможности при условиях нашего существования. Я лучше вот что сделаю: я напишу, как дополнить и составить его, а так же способ его, а вы потрудитесь над ним поработать: он проще и практичнее – в имеющихся у вас черновых сделано больше половины работы – остается расклассифицировать слова и добавить некоторые. Дело вот в чем: берется известное количество групп, – положим 18-20, в каждой группе такое же количество слов, 18-20, что составит около 400 слов – количество порядочное. Слова, конечно, берутся самые употребительные и необходимые, сюда же включаются названия городов, имена собственные и фамилии (или псевдонимы); когда, таким образом, имеются слова, то берется равное числу групп количество букв более употребительных как начальные, и вся механика заключается в следующем: например, я хочу телеграфировать, что «книги получены»; я ищу в группах слов (для удобства расположенных по алфавиту) каждое из данных слов, положим, что первое слово выразится так: 5 – 7, т.е. 5 – группа, 7 – слово; я беру 5-букву и 7, ну хоть «Д» и «И». Я уже составляю телеграмму и стараюсь подыскать слова, начинающиеся буквами «Д» и «И» – например, «Дождь идет» и т.д. для остальных слов – дело легкое и удобное» (28).

Шифрованные письма Здановича оказались разобраны жандармами и дошли до наших дней в виде полицейских копий. Местами они по смыслу не совсем ясны и требуют корректировки.

Очевидно, что именно об этом «общем словаре для телеграмм» идет речь в вышеприведенном уставе организации, захваченном полицией как раз у Здановича. Следует признать систему, предложенную им, довольно сложной и громоздкой. Построена она на том же координатном принципе, что и прочие шифры революционеров. Каждому слову шифровки соответствовало два слова ключа. Гораздо проще было иметь кодированный словарь (вспомним Бакунина и Налбандяна), где тому или иному термину ставилось в соответствие свое жаргонное обозначение. Система Здановича не получила в будущем никакого развития и осталась «памятником» шифровальной мысли революционеров.

В декабре 1875 года по вызову М. Натансона из Швейцарии в Россию выехала молодая студентка Вера Фигнер. Она являлась близкой подругой арестованных в Москве подпольщиц и направилась также в Москву. Из группы «фричей» (цюрихских студенток) и кавказцев уцелела только Вера Шатилова, под руководством которой велась переписка с тюрьмой. По приезде в Москву Фигнер, эта работа перешла к ней. Вера Николаевна оставила воспоминания по этому поводу:

«Я по целым дням разбирала шифрованные записки, полученные из тюрьмы, и шифровала ответы, содержание которых диктовала Шатилова... Обо всем надо было списываться, и при том шифром, правда, несложным, гамбеттовским, но все же шифром и с каждым по особому условленному ключу. Вот и сидишь.., разбираешь длинную узкую полоску, испещренную цифрами, или шифруешь ответ на какое-нибудь хитросплетение» (29).

Воспоминания эти Фигнер написала в 1913 году, но в ее итоговую работу «Запечатленный труд» они не вошли, оставаясь мало известными. До Веры Николаевны непосредственно сношения с тюрьмой поддерживала участница «процесса 50» Надежда Георгиевская. Она же, как мы знаем из материалов следствия, писала своему брату шифром «Неуместно безпощадно грубиянить». Кроме того, при всем обилии шифровальных ключей, приведенных в обвинительном акте, мы не встречаем ни одного гамбеттовского!

Все это заставляет сомневаться в воспоминаниях Фигнер. Вероятно, ее подвела память. В последующем ей предстоит стать секретарем организации «Народная Воля». В своей переписке она будет широко использовать именно гамбеттовский шифр, в том числе и его цифровой вариант. Но в 1876 году революционеры применяли только буквенные записи шифра Гамбетты. Все перечисленные факты плохо стыкуются и можно утверждать, что новый вид шифрования еще не вошел тогда в практику московской организации.

В 1913 году Фигнер считала гамбеттовский шифр несложным. Однако, начиная с 1876 года, на долгие годы он станет основным шифром народников и народовольцев, о чем все мемуаристы предпочли умолчать. Конечно, через тридцать лет прошлое подвергалось переоценке. Не избежали этого и С. Ковалик с В. Фигнер. Но тогда, на заре их революционной юности, все казалось иначе. Весь 1877 год шел непрерывный ряд политических процессов. Стенографические их отчеты ходили по рукам и печатались в прессе. На заседания судов постоянно проникали сами революционеры. И уже на примерах процессов 50 и 193-х народники могли дать оценку действующим среди них шифрам. Все их квадратные системы взламывались жандармами одна за другой. Лишь гамбеттовские ключи каким-то образом не фигурируют в обвинительных актах. В этом, вероятно, и кроется основная причина того, что, начиная с 1876 года, именно они занимают ведущее положение в переписке русских революционеров. И в первую очередь, это относится к такой известной организации, как «Земля и Воля».

Глава пятая

Общество «Земля и Воля»

В 1876 году наметился явный перелом в деятельности революционеров. После арестов 1874, 1875 годов массовое движение «в народ» было подорвано в корне, и, главное, не было прежнего беззаветного увлечения этим движением. Остатки разбитых кружков собрались в крупных городских центрах. Оправившись от понесенных жестоких ударов, народники, обогащенные опытом последних лет, снова организовались, готовясь к новому походу. Главный вывод, который сделали революционеры, заключался в том, что без создания крупных централизованных законспирированных организаций борьба с самодержавием невозможна. Испуг нечаевщины прошел.

В 1876 году возвратившийся из ссылки М. Натансон возглавил в Петербурге так называемую «Северную революционную народническую группу». Одним из первых дел кружка стала организация известного побега П. Кропоткина.

Осенью 1876 года кружок Натансона слился с харьковским и ростовским провинциальными кружками и уцелевшими от арестов «чайковцами». Этому слиянию и обязано появлению на свет будущее легендарное революционное общество «Земля и Воля». Тогда же были выработаны программа и устав новой организации. В основу устава революционеры положили принцип централизации и строжайшей конспирации. Центром являлся так называемый Основной кружок, а его исполнительным органом становилась Администрация. Она обязательно находилась в Петербурге и ведала распределением всех наличных сил организации и партийной техники. Целью Общества ставилась подготовка восстания под лозунгом «Земля и Воля». Восстание предполагалось организовать при помощи поселений в народе, которые должны были приобрести влияние в известной местности и руководить начавшимися волнениями.

Обратимся теперь к воспоминаниям видного землевольца Льва Тихомирова: «По внешности «Земля и Воля» представляла организацию столь сильную и стройную, как еще не было в России. Она вобрала в себя все сколько-нибудь крупное в революционной среде. Число членов было значительно, и кроме членов немало лиц примыкало к нему по системе подгрупп, на каждом частном деле... Таким образом, человек 20 членов объединяло около себя довольно много сил, не говоря о том, что кружок имел влияние на многие частные кружки... Кружок имел разнообразные и хорошие связи по всей России. Кружок имел имя и доверие, вследствие чего получал деньги от сочувствующих... Благодаря основанию типографии, кружок «Земли и Воли» совершенно не нуждался в эмигрантах и вышел из-под всякой зависимости заграницы. Это было явление новое. Наконец, «Земля и Воля» не имела никаких конкурентов... По всероссийскому влиянию, только один Исполнительный комитет «Народной Воли» впоследствии превзошел «Землю и Волю». (30)

Общество «Земля и Воля» просуществовало довольно долго в течение 1876 – 1879 годов под неослабным преследованием полиции. В сущности, оно так и не было разгромлено, а ушло в небытие в результате внутреннего раскола. «Такое длительное существование активного революционного центра объяснялось не одной только относительной неорганизованностью секретной и всякой иной агентуры III отделения (другие кружки в эти годы излавливались почти целиком), но, главным образом, самым строгим исполнением каждым отдельным членом «Земли и Воли» правил конспирации. Всякий знал только порученное ему дело и не имел права знать частности других дел...» – так писал другой видный землеволец Николай Тютчев (31).

Как говорил один из центральных членов Общества Александр Михайлов, каждый член должен знать подробно лишь то, чем занимается, а на все остальное должен лишь иметь возможность узнать, если понадобится. Будучи арестованным в 1880 году Михайлов дал обширные показания по организации «Земля и Воля», надеясь на суд потомков. В частности, он указал: «Центральный кружок народников связывал шесть или семь провинциальных групп с общей численностью 60 или 70 человек, действующих на востоке, юго-востоке и волжском районе. Центральный кружок общался с кружками Киева и Одессы» (32).

По подсчетам современных историков в «Землю и Волю» в разное время входило около 200 народников, а 45 из них принадлежало к Основному кружку. Первоначально же в нем числилось 35 революционеров. Эту цифру назвал тот же Михайлов в одном из своих писем. Судьба каждого землевольца заслуживает пристального внимания. Создать такую превосходную организацию могли только одаренные и преданные революции люди.

Одной из важнейших фигур ранней истории «Земли и Воли» был Алексей Дмитриевич Оболешев. Так получилось, что мы очень мало знаем о нем. Не сохранилось даже его фотографии. Где-то мелким шрифтом мелькает его фамилия в современных энциклопедиях. И только с пожелтевших от десятилетий

страниц воспоминаний современников встает перед нами образ удивительного человека. Среди дошедших до наших дней немногочисленных документов землевольцев обращает на себя внимание «Свидетельство» Алексея Оболешева об увольнении его из Московского университета. Из него мы узнаем, что родился он в дворянской семье 24 февраля 1854 года, а затем учился в московской гимназии. В августе 1873 года Алексей был принят на учебу в университет, но уже в сентябре 1875 года по его личному прошению уволен из него. Однако через год, в сентябре 1876 года, Оболешев восстанавливается на 2-м курсе, но 11 января 1877 года окончательно исключается из Московского университета. Опять же по собственному желанию. Если теперь мы наложим даты этого документа на историю народничества, то увидим, что к моменту создания «Земли и Воли» Алексей расстается с мыслью получить образование. Он становится профессиональным революционером.

Оболешев вырос в небогатой семье отставного штабс-капитана Дмитрия Сергеевича Оболешева, служившего экономом в Московском Елизаветинском училище. В 1851 году отец Алексея вышел в отставку в чине коллежского асессора. Мать революционера происходила из московской мещанской семьи. Брат Александр, поручик лейб-гвардейского полка, закончил службу комендантом Новогеоргиевской крепости. Такая же судьба военного, казалось, была уготована и Алексею. Но он сам выбирает свой путь. Уволенный в конце 1875 года из университета, Оболешев весной 1876-го объявляется в Псковской губернии в имении «Кресты», арендованном братьями Ольги Шлейснер-Натансон, жены Марка. Цель – сближение с народом. Но уже в конце лета в Петербурге он становится одним из главных учредителей нового Общества. Пережив бурный период паломничества в народ (об этом нам практически ничего неизвестно), со всеми его ошибками и разочарованиями, Оболешев выработал из себя непоколебимого последователя революционного действия, фанатика организованности и дисциплины. Таким и запомнили его товарищи по организации.

Самую яркую характеристику дал Оболешеву Александр Михайлов. Летом 1876 года он, недоучившийся студент, с разрешения полиции вернулся в Петербург, откуда был выслан за студенческие беспорядки. Через киевские кружки Михайлов получил связи прямо к будущим организаторам «Земли и Воли». Позднее он вспоминал: «Одним из моих первых знакомых были Оболешев и его компания... Особенно я подружился с Оболешевым, Ольгой Натансон и еще некоторыми. Эти несколько человек вполне были со мной одномыслящи, но так как среди них были люди во всем выше меня стоявшие, то я стал самым деятельным их помощником... Оболешев изумлял всех своим стоическим хладнокровием, логикой и непреклонностью, он был вообще замечательный диалектик; он принимал обиды как Сократ, я же напротив поднимался на дыбы, но в настойчивости не отставал от него» (33). Так писал Александр Михайлов в своей автобиографии. А в феврале 1882 года из одиночной камеры он сумел передать письмо своим товарищам-народовольцам. Понимая, что он один из немногих революционеров, сохранивших память о Оболешеве, Михайлов дает прекрасный портрет друга:

«Оболешев тоже был человек замечательный. Это был человек строжайших принципов, ригорист с удивительно развитой логикой мысли... Настойчивость, энергия и осторожность возводились им в догмат. Он первый развил революционную паспортную часть до удивительного совершенства, он первый завел революционные архивы, он один из немногих настойчиво вырабатывал более совершенные приемы городской организационной жизни и деятельности, он был редактором и главным агентом первой русской вольной типографии» (34).

Именно Алексей Оболешев стал в момент создания «Земли и Воли» бдительным и зорким стражем организации.

Другой товарищ Оболешева Осип Аптекман посвятил ему очерк: «На долю его, после ареста весной 1877 года Марка Натансона, выпала самая тяжелая и ответственная обязанность в молодой, неокрепшей еще тогда организации «Земля и Воля»: он попал вместе с Ольгой Натансон в самый Центр организации. Он вел сношения с землевольческой типографией, вел паспортное бюро («небесную канцелярию»), *переписывался с товарищами в провинции (курсив мой – А.С.)…* Только теперь я ясно понимаю, почему наш первый центр держался сравнительно так долго, несмотря на то, что все время был, так сказать, под огнем царской власти» (35). Такой видели роль Оболешева его ближайшие соратники. А вот мнение женщины, известной народоволки Веры Фигнер: «Оболешев был одной из привлекательнейших личностей в революции. Небольшого роста, тонкого и хрупкого телосложения, он имел красивое лицо и в обращении отличался такой искренностью, что сразу привлекал к себе... Было трогательно видеть, как, страдая плевритом, несмотря на боль и повышенную температуру, он не хотел отдаться отдыху и покою, с явным ущербом для здоровья» (36).

Внешний облик Оболешева доносит до нас и Осип Аптекман: «Среднего роста, сухощавый, с впалой грудью, темный шатен, небольшая бородка, мягкие кудри, обрамляющие белый высокий лоб. Он, можно сказать, был красив, но красота вся его – в его больших, чудных, глубоких глазах» (37).

Фактически, по мнению всех современников, спайкой общества «Земля и Воля» были Ольга Натансон и Алексей Оболешев. Арестованный в октябре 1878 года по независящим от него обстоятельствам во время массового провала центра организации, Оболешев так и не назвал себя жандармам. Ранее нигде не

прослеженный полицией, живший по подложным документам, которые сам виртуозно и изготовлял, он в течение последующих нескольких лет вел изнурительную войну со своими тюремщиками. Борьба эта разворачивалась прямо в одиночной камере Петропавловской крепости. Он не разрешал себя фотографировать, и не сохранилось даже его тюремного снимка. Не давал образцы своего почерка – все фальшивые паспорта землевольцев были выполнены его рукой. Оболешев отвергал любые компромиссы с жандармами.

А полиция подозревала его не иначе, как в убийстве шефа жандармов Мезенцова, путая Алексея с Сергеем Кравчинским. Только за одно подозрение Оболешев был приговорен судом к смертной казни, ибо никаких улик не было. И лишь позднее брат Алексея Александр узнал его при опознании. Переведенный на каторжный режим, А. Оболешев в 27 лет скончался в камере Петропавловки. Жизнь его оборвалась 26 июля 1881 года... Такова судьба русского революционера.

Чем же привлекла нас личность Алексея Оболешева? Именно ему при всех его должностях в «Земле и Воле» предстояло внедрять в практику секретной переписки тайные шифры. И на этом поприще он оставил заметный след.

Уже отмечалось, что одновременно с созданием новой организации был разработан и ее устав. Один из главных авторов его – Алексей Оболешев. Устав имел 50 параграфов, где подробнейшим образом расписывались принципы построения общества, его цели, правила приема новых членов, взаимодействие с другими революционными кружками. Для нас же важен раздел «О сношениях». Процитируем его:

> «§45. Наилучшею формой сношений кружком признаются личные свидания и сообщения; но так как подобного рода сношения не всегда возможны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса.
>
> §46. В случаях особенной важности никакая переписка не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей.
>
> §47.Члены основного кружка, состоящие в местных или в специальных группах, должны стараться о том, чтобы вся переписка группы возлагалась на лиц, наиболее практичных и опытных в этом деле.
>
> §48. Шифры и пароли, существующие для сношений между членами основного кружка, не должны быть известны никому, кроме членов основного кружка» (38).

Таким образом, из всей предыдущей деятельности различных кружков были сделаны соответствующие выводы. Какими же шифрами пользовались землевольцы? В их практике можно встретить квадратные шифры Полибия и числовые ключи Гронсфельда. Это типичные способы предыдущего революционного периода. Но их применение оставалось, судя по всему, ограниченным. Ибо в сохранившемся и опубликованном архиве землевольцев документы, шифрованные подобными ключами, занимают очень скромное место. На первый план выдвинулась совершенно новая система, получившая в обиходе все то же название гамбеттовской, но качественно отличающаяся от уже известного нам ключа Гронсфельда.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Самым интересным в криптографии является анализ самих криптограмм, а не голая теория и история вопроса. Землевольческий и последующие периоды русского революционного движения открывают в этом смысле перед нами широкие перспективы. Ибо в 1932 году в СССР появилось уникальнейшее издание – были опубликованы чудом уцелевшие архивы общества «Земля и Воля» и партии «Народная Воля». Помимо всего прочего в этой книге мы найдем массу землевольческих криптограмм. Прямое их изучение значительно расширяет горизонты нашего исследования.

В Архиве имеется очень важный для нас документ – список подложных паспортов и видов на жительство, выданных Оболешевым землевольцам накануне их отправки на места поселений. Вообще таких списков несколько и все они тщательно зашифрованы. Но данный интересен тем, что он датирован рукою Александра Михайлова как октябрь 1876 – февраль 1877 годов. Это время образования Общества! Вот его начало:

«1) **К.В. щ й ь ь ц с ц т щ р в р ш м б б б т ю х о л ч к ж м ф ш щ з б т й г я щ ь н ц у з ф ф с с х л ы ы»** (39).

Приведенная при публикации документа его параллельная дешифровка позволила автору определить и сам ключ Алексея Оболешева.

Им является буквенная таблица № 2, построенная на основе словосочетания «**Понизовая вольница**».

Таблица 2

	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й
П	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
З	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
В	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а
Я	й	а	б	в	г	д	у	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я
В	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л
Ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
Ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а

При изучении таблицы видно, что ключевая фраза помещалась вертикально в левый крайний столбец таблички, а с боку выписывались буквы алфавита, следующие за каждой буквой ключа соответственно. Важно отметить, что при всех случаях применения подобных шифров землевольцами (а позднее и народовольцами) использовалась только 30-ти буквенная азбука, где «Й» ставилась всегда в конец алфавита. В старой русской азбуке у этой буквы не было строго определенного места, и если мы обратимся к мемуарам народовольца Морозова, то увидим, что он использует подобный же ряд на примере объяснения тюремной азбуки (40).

После построения таблицы сверху ее выписывался правильный алфавит. При расшифровке землевольцы поступали следующим образом.

Каждая буква шифрзаписи соответственно бралась с первой, второй, третьей и т.д. строки таблицы, а в выписанном над табличкой алфавите искалась буква расшифрованного текста. Так, обращаясь к криптограмме Оболешева, видим: буква «Щ» из первой строки соответствует букве «К» верхнего алфавита, букве «Й» из второй строки соответствует буква «Р», букве «Ь» из третьей строки – буква «О» и т.д. В результате несложно получить дешифрованный текст: «1) К.В. *Кротову – сыну дьячка Воздвиженскому из Вологод/ской/ духов/ной/ конс/истории/».*

При окончании таблицы счет снова начинался с первой строки. Зашифровка текста велась в обратном порядке. Буквы его брались из верхнего алфавита, а буквы шифра из строк таблицы поочередно. Стоящие перед криптограммой литеры «К.В.» обозначали начальные буквы настоящей и подложной фамилий революционера. Это делалось для облегчения ориентации в обширных сплошь зашифрованных списках.

Система шифра, описанная нами и примененная Оболешевым в конце 1876 года, стала основной на протяжении следующего десятилетия истории русского революционного подполья. Но если мы внимательно посмотрим в суть шифра, то увидим, что это есть ничто иное, как знаменитый «шифр Виженера», изобретенный еще в XVI веке! Причем шифр в его первозданном виде. Только из обширной квадратной таблицы Виженера выписаны по порядку те строки, которые соответствуют буквам ключевой фразы. Все это неоспоримо доказывает, что указанный шифр революционеры целиком позаимствовали из исторического прошлого применительно к своим нуждам. Как же это произошло? Вряд ли мы когда-нибудь сможем исчерпывающе ответить на данный вопрос. Но в поисках «идеального шифра» русские

революционеры неизбежно должны были прийти к шифру Виженера. Подошли они к нему через попутное увлечение ключом Гронсфельда. Задача нашего исторического расследования сильно осложнена тем, что мы располагаем для изучения только шифрованным архивом землевольцев. И это невольно (может и ошибочно!) заставляет нас отдать пальму первенства по внедрению нового шифра именно обществу «Земля и Воля». Но ясно, что указанная система тайнописи пришла из заграницы, где она, между прочим, свободно освещалась в популярных энциклопедиях. Интересно, что в 1875 году М. Натансон осуществил европейский вояж в поисках уцелевших революционеров. Он, несомненно, интересовался вопросами обеспечения надежной шифрпереписки для планируемой им организации и вполне может быть тем «недостающим звеном», которое мы ищем. Но это, разумеется, только гипотеза...

Так или иначе, но шифр Виженера очень понравился революционерам. У него были весьма лестные характеристики. Ведь на протяжении сотен лет подобный шифр считался нераскрываемым, и подпольщики, безусловно, верили в это! Для полиции он также являлся абсолютно новым явлением, ибо в революционной практике шифр Виженера ранее не встречался. И вообще, при III отделении в те времена не было штата опытных дешифровщиков. Еще в ходе недавнего «процесса 193-х» разбором криптограмм любительски занимался один из помощников прокурора. Все это на первых порах сделало новый шифр достаточно неуязвимым и дало толчок к его широкому внедрению в практику других нелегальных групп российской империи.

Но вернемся к криптограмме Алексея Оболешева. Ключ по фразе «Понизовая вольница» появился отнюдь не случайно! Еще в 1867 году вышло двухтомное исследование известного русского историка Даниила Мордовцева «Самозванцы и понизовая вольница». В центре ее – тема крестьянских восстаний в России. Сочинение приобрело широкую популярность в радикальных российских кругах. Так, среди книг, распространяющихся в народе кружком «чайковцев», значится и брошюра Мордовцева «Понизовая вольница», являющаяся составной частью упомянутой монографии. Такие известные революционеры-народники, как Иван Джабадари и Михаил Попов, оставили свидетельства о несомненной популярности этой книжки среди простого народа (41). Очевидно, что именно работа Мордовцева подтолкнула землевольцев к выбору подобного лозунга к шифру. Судя по всему, он использовался Оболешевым исключительно для зашифровки архива Общества. Для ведения переписки существовали другие ключи.

Сохранилось еще несколько землевольческих документов, закрытых буквенным шифром по ключу «Понизовая вольница» (см. Приложение 1). Но подпольщики быстро поняли, что пользоваться громоздкой таблицей при шифровке не очень удобно. В целях конспирации ее требовалось составлять только в момент работы над криптограммами, а затем приходилось уничтожать. Все это привело к скорому появлению цифрового варианта той же системы, нашедшего широкое применение и давшего толчок к дальнейшему совершенствованию шифра Виженера. Суть же этого способа тайнописи в следующем. Буквы шифруемого текста и ключа заменялись соответственно номерами их местоположения в алфавите и складывались между собой. В результате получался новый числовой ряд, то есть шифр. Именно так зашифрован еще один список явочных адресов землевольцев. А ключ к криптограмме тот же: «**Понизовая вольница**» (42).

Шифр документа:	34	18	27	20	13	26	12	19	45	17	17	28	37	27	39
Ключ:	П 15	о 14	н 13	и 09	з 08	о 14	в 03	а 01	я 29	в 03	о 14	л 11	ь 27	н 13	и 09
Разница при вычитании :	19	04	14	11	05	12	09	18	16	14	03	17	10	14	30
Расшифровка:	*у*	*г*	*о*	*л*	*Д*	*м*	*и*	*т*	*р*	*о*	*в*	*с*	*к*	*о*	*й*

Числовое же выражение букв алфавита здесь следующее:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й

На первый взгляд мы здесь имеем совершенно иную систему криптографии. Однако это все та же таблица Виженера! Стоит только заменить в ней буквы на их числовые значения в алфавите, как мы получим табличку, годную для расшифровки и зашифровки цифрового шифра. Каждое число таблицы математически получается от суммирования двух его «координат». Время появления цифрового варианта шифра Виженера у землевольцев не совсем ясно, так как вышеразобранный нами документ не датирован. Однако уже в 1878 году он активно использовался. Именно арифметический способ подобного шифра окончательно закрепит за собой название «гамбеттовского ключа». И в дальнейшем имя французского дипломата мы будем употреблять минимально. Ведь сами революционеры мало, что знали о «прародителе» их знаменитого шифра. Что же касается Леона Гамбетты, то ему собственно исторически и

принадлежала идея отказа от шифртаблиц с заменой их простыми алгебраическими операциями. И этот факт российские революционеры признавали всегда. Но конкретная реализация идеи Гамбетты у них была своя, в чем нам еще предстоит не раз убедиться. Да и пользовались они одновременно сразу двумя вариантами шифрования, оставляя за ними одинаковое название.

Удобство нового способа криптографии казалось неоспоримым. Исчезала необходимость в составлении обширных буквенных таблиц. При известном навыке можно было производить шифроперации прямо «в уме». Но, как мы увидим в дальнейшем, подобная система таила в себе роковой порок и теряла былую надежность шифра Виженера.

Ключом «Понизовая вольница» в сохранившейся части Архива перекрыто максимальное количество записей. Общее число шифрзнаков превышает пять тысяч и является рекордным. Однако по соседству присутствуют бумаги, зашифрованные иными ключами. Особый интерес вызывает список, включающий в себя перечень городов по Сибирскому тракту России – Пермь, Тобольск, Тюмень, Курган, Петропавловск, Омск, Каинск, Томск, Барнаул, Мариинск, Красноярск и Иркутск (43).

В каждом случае приведен адрес и пароль. Но самое примечательное – это шифрлозунг, по которому перекрыт документ. Им является слово «**Сибиряки**», система аналогичная – цифровой «гамбетт» при азбуке в 30 букв. Кто же составил список? Когда? С какой целью? Обращает на себя внимание тот факт, что по каждому городу дается лишь один адрес, а все они «перетасованы» без всякой географической последовательности. Кроме того, очевидно, что список выполнен на основании информации, полученной от разных революционеров. Так, в нем фигурирует, к примеру, Василий Ивановский (он же «Василий Великий») – довольно известный народник, не входящий в общество землевольцев. Но чаще всего мы находим здесь фамилию Александра Квятковского – единственного коренного сибиряка среди руководства «Земли и Воли». Будущий герой-народоволец, повешенный в Петропавловской крепости, и отец известного впоследствии социал-демократа А. А. Квятковского. На судьбе его стоит задержать внимание.

Александр родился в Томске в семье обрусевшего поляка, сибирского золотопромышленника Александра Васильевича Квятковского. Когда мальчику было семь лет, его двоюродная сестра Антонина вышла замуж за высланного в Томск Михаила Бакунина. Личность этого знаменитого революционера не могла не произвести на ребенка большого впечатления. После окончания гимназии Александр и его брат Тимофей отправились учиться в Петербург – в Технологический институт. Но с учебой не заладилось. Студенты пошли «в народ». В результате по процессу 193-х Тимофей был приговорен к каторге, а Александр (после нескольких месяцев ареста) перешел на нелегальное положение и вошел в ядро «Земли и Воли».

В июле 1880 года в одиночке Трубецкого бастиона он написал автобиографическое заявление, где подробно изложил свои многолетние подпольные скитания. Из него выясняется, что в Сибирь революционер больше не возвращался. Однако связи Квятковского в «сибирском списке» фигурируют неоднократно (44). Присутствует здесь и Томск, где продолжали жить его родные.

Анализ документа приводит нас к выводу, что он составлялся как «сборный» – путем опроса народников, имеющих знакомства в различных городах Сибири. Надо полагать, что автором являлся сам А. Квятковский. Но зачем? Несомненно, что список следует датировать периодом 1878 -1879 годов. К этому времени ряд видных землевольцев оказался в руках полиции и был выслан в Восточную Сибирь. Среди них можно назвать М. Натансона и Н. Тютчева. С последним Квятковский был особенно дружен. Очень любопытно, что осенью 1878 года в Томске оказалась близкая к землевольцам жена Квятковского – Екатерина. На этот факт указывает нам Николай Тютчев, неожиданно встретивший ее в далеком сибирском городе. Это свидание никак не могло быть случайным. Ибо Тютчев шел в ссылку «по этапу». С какой целью виделись революционеры, не очень ясно. Но если планировался побег, то он не состоялся. Тютчев проследовал дальше в Восточную Сибирь – в Баргузин. Интересно, что через несколько лет уже народовольцы повторят попытку устройства «сибирского пути», но так же безуспешно.

В архиве землевольцев-народовольцев сохранился еще один документ, но шифр его остался при публикации не разобранным. Он представляет из себя список имеющихся в распоряжении «небесной канцелярии» подложных паспортов. Теперь мы можем сами прочесть загадочную криптограмму. В описи есть два отдела, где фигурируют в общей сложности 19 фамилий. При расшифровке документа необходимо поступать так. Ключ к шифру цифровой - число **21**, система Гронсфельда. Вместо первой буквы шифрзаписи нужно читать вторую, следующую за ней по типовому алфавиту (где буква и = i). Вместо второй буквы – первую, следующую за ней. И так периодически дальше.

Мы не будем воспроизводить здесь весь документ – он достаточно объемен. Многие фамилии из-за сильных сокращений остались не проясненными. Приведем лишь ту часть списка, которую удалось доподлинно дешифровать (45).

«Архив К., Отдел I.

...2. Ив. Петр. **Узрп**, Пут. Сооб. (1875), проп/исан/ в СПб. (1875) – очень хорош, без лет».

Расшифровка:

У	з	р	п
2	1	2	1
Х	*і*	*т*	*р …*

По паспорту инженера Ивана Петровича Хитрово проживал осенью 1879 года в Петербурге известный народоволец Н. Морозов. Документы действительно были «очень хороши». И только случайный арест Ольги Любатович, жены Морозова, принудил его отказаться от проверенного паспорта. Все это позволяет датировать сам список ближе к эпохе народовольчества – второй половиной 1879 года (46).

«... 5. Сын свящ(енника), потомст(венный) поч(етный) гражд(анин) Георг. Герасим. **Гкізл**...»

Расшифровка:

Г	к	і	з	л…
2	1	2	1	2
Е	*л*	*л*	*і*	*н…*

Фамилия Г. Г. Эллинского известна и присутствует в другой описи запасных и подложных документов рассматриваемого нами «Архива» (47).

«... 12. Вид штабс-капитана Григория Александр. **Отв-л-арззж**».

Расшифровка:

О	т	в	–	л	–	а	р	з	з	ж
2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Р	*у*	*д*	–	*н*	–	*в*	*с*	*к*	*і*	*і*

Фамилия штабс-капитана Рудановского также имеется в вышеуказанной описи подложных документов (48).

«13. Вид вдовы... немка, Анна **ед. Жггк...»**

Расшифровка:

Е	д	ж	г	г	к
2	1	2	1	2	1
З	*е*	*і*	*д*	*е*	*л*

Документы Анны Зейдель упоминаются в той же дополнительной описи (49).

« Отдел II. Бумаги без вида на жительство.

1. Никол. Яковл. **Псонлри...,** сын титулярного советника, 27 лет...»

П	с	о	н	л	р	и
2	1	2	1	2	1	2
С	*т*	*р*	*о*	*н*	*с*	*к*

Николай Яковлевич Стронский – хорошо известный народник, арестованный в 1874 году по делу 193-х. Ему так и не довелось выйти из тюрьмы. В 1877 году он умер в Петропавловской крепости. Ясно, что его документы попали в землевольческий архив через третьи руки.

«... 3. Сын диакона, почетный гражданин Мих. Мих. **Хдомбпіжз**, 24 лет».

Очевидно, что при публикации допущены некоторые ошибки, и требуется прочесть фамилию в следующем виде:

Х	д	о	м	–	б	п	і	ж	з
2	1	2	1	2	1	2	1	2	1
Ч	*е*	*р*	*н*	*–*	*в*	*с*	*к*	*і*	*і*

М. М. Чернавский - личность не менее заметная. Осенью 1875 года он поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге и близко сошелся с землевольцами. В частности, он хорошо знал А. Оболешева. В декабре 1876 года Михаил принял участие в знаменитой демонстрации у Казанского собора, за что был приговорен к 15 годам каторжных работ! Много позже вернувшийся из Сибири Чернавский станет видным членом Боевой организации партии эсеров.

Остальные фамилии после расшифровки читаются следующим образом: Дмитрий Вас. Ефц..., Борис Никит. Сан..., Олимпиада Степан. Свир..., Петр Алекс. Иводг..., Иван Николаев. Иводг... и т.п. Некоторые из них при разборе вообще выглядят довольно странно. Очевидно, что при шифровке были допущены ошибки. Возможно, кому-то удастся до конца разобраться с этим документом землевольцев.

В Архиве «Земли и Воли» помимо прочих бумаг отложился так же целый ряд писем революционеров, представляющих для нас сегодня огромный интерес. Но для их верного понимания следует вновь окунуться в историю Общества.

Из воспоминаний Александра Михайлова: «В 1877 году весной почти весь кружок народников местным своим составом вместе с десятками связанных с ними людей, двинулся в народ... В Самаре, Саратове, Царицыне, Астрахани, на Урале, в Ростове, на Кубани, вообще на юго-восточных окраинах образовался ряд поселений. Но центром был Саратов: в него попали я и Ольга [Натансон – А.С.]... Собрались туда (в Саратов) около 20 человек, из них 5 – 6 Основного кружка» (50).

Таковы были первые шаги новой организации. Но 1877 год принес разочарование – саратовский центр землевольцев был «рассеян» полицией, революционерам пришлось срочно бросать начатое дело. Поселения остались без «головы», а это не могло не отразиться отрицательно на их существовании. Землевольцы вновь потянулись в столицу. Зимой 1877/1878 годов в Петербурге собрался так называемый Большой совет «Земли и Воли» – около 20 человек Основного кружка. К весне были обсуждены многие вопросы – дополнены программа и устав Общества, приняты новые члены, организована типографская группа и т.п. Решено было вызвать из-за границы старых товарищей – чайковцев Сергея Кравчинского и Дмитрия Клеменца, редактирующих в Швейцарии журнал «Община» – для создания редакции регулярного печатного органа. В общем, зима-весна 77/78 годов – важнейший период в истории Общества. Организация накопила силы для продолжения своей борьбы. Решено было летом создать три новых поселения – Ново-Саратовское, Тамбовское и Воронежское. Очевидно, что к моменту разъезда землевольцев по местам их деятельности были условленны и общие шифры для переписки.

Но не поселениями прославила себя «Земля и Воля». Все началось со знаменитого выстрела Веры Засулич в генерала Трепова за его приказ выпороть арестанта. На календаре стоял январь нового 1878 года. Это событие стало настоящим руководством к действию для остальных революционеров. Весь 1878 год непрерывно происходили различные выступления, вооруженные сопротивления при арестах, убийства шпионов и жандармов. Не остались в стороне и землевольцы. Вот неполный перечень их дел:

23 февраля в Киеве землеволец Валериан Осинский неудачно покушается на жизнь прокурора Котляревского.

16 апреля под руководством того же Осинского убит в Киеве жандарм Гейкинг.

27 апреля Осинский при помощи Михаила Фроленко организует побег из киевской тюрьмы трех опаснейших революционеров – Якова Стефановича, Льва Дейча и Ивана Бохановского. Это они пытались в Чигиринском уезде поднять крестьянское восстание через подложные царские грамоты. Обман чуть было не удался.

1 июля в Харькове совершена неудачная попытка освободить силой Порфирия Войнаральского. Руководил операцией Александр Михайлов. Во время вооруженного столкновения погиб жандарм из охраны.

4 августа в самом центре Петербурга заколот шеф III отделения генерал Мезенцов. Убийца бесследно скрылся. Им был землеволец Сергей Кравчинский.

Долго бродившая в потемках полиция начинает, наконец, действовать. В августе 1878 года в Одессе был арестован один из учредителей «Земли и Воли», любимец организации Дмитрий Лизогуб. Богатый черниговский помещик и активнейший революционер в одном лице. Близкий соратник главного «дезорганизатора» Валериана Осинского. С арестом Лизогуба революционеры потеряли основной источник материального обеспечения своих широких планов. Это был сильнейший удар по Обществу.

Успех наступает и в Петербурге. Неожиданно на имя царя Александра II приходит анонимный донос, где «бескорыстный» тайный доброжелатель информирует власти: «Близ Царскосельского вокзала в доме Сивкова проживает некто девица Малиновская, которая выдает себя за художника, занимаясь раскрашиванием фотографических карточек. На каком основании пользуется правом иметь открытую дверь для всех и каждого. Сама лично дыша злобою против власти (по собственному ее выражению, «в память отца своего родного, заклятого врага правительству»), принимает у себя возмутителей порядка и строя общественного. И вот у ней-то и проживает убийца генерал-адъютанта Мезенцова, носящий фамилию Кравчинский...» (51).

Было начало октября 1878 года. Прошло больше двух месяцев после гибели шефа жандармов, а полиция еще даже не знала толком о существовании «Земли и Воли», не говоря уже о конкретных исполнителях казни. И тут такая удача! После непродолжительного наблюдения за квартирой Александры Малиновской, начались аресты. Дальнейшие события описывают нам первые номера газеты «Земля и Воля».

«11 числа [октября – А.С.] на Царскосельском проспекте в доме Сивкова был произведен обыск у Александры Малиновской и жившей с ней нелегальной Федоровой – полиция ворвалась в комнаты, когда девушки были еще в постели. Федорова выхватила из-под подушки револьвер и два раза стрельнула – легкая рана в кисть руки. В квартиру сейчас же после обыска пришел студент медико-хирургической академии Буланов. На 2-й день утром в 12-ой Роте Измайловского полка в доме № 11 кв. 22 был произведен обыск у техника Сабурова. У него арестованы двое ночевавших в эту ночь – бывший студент петровской земледельческой академии Адриан Михайлов – вырвался, бежал по улице и схвачен. При обыске найдено несколько паспортных бланков, печать и т.п.».

«При аресте Сабурова, квартиру которого, говорят, нашли по адресу у одного из арестованных, нашли 18 печатей различных присутственных мест, три корректуры первого листа «Земли и Воли». Все адресы и значительную часть писем он успел съесть. Сабуров обвиняется в распространении книг, бродяжничестве, участии в тайном обществе и подделке паспортов. В квартире Сабурова взята Ольга Натансон, у которой нашли … шифрованное письмо и записную книжку. Кроме того, арестовали некоего Соболева (12 октября) у которого нашли 3 банки с черной краской, переплетный станок и до 100 разных брошюр. Сабуров отказался даже писать».

«31 октября на Малой Дворянской улице, дом № 13, кв. 6 арестован служащий при одном заводе г. Жуковский – найдены письма». А далее газета красочно описывала, как в квартиру Жуковского явился неизвестный, угодил в полицейскую засаду, но совершил смелый и остроумный побег прямо из рук жандармов (52).

Полиция еще не знала, что стрелявшая в жандармского полковника нелегальная Федорова есть на самом деле Мария Коленкина – известная на юге революционерка, несколько лет проживающая под чужими именами. Что арестованный Соболев – на самом деле член Основного кружка «Земли и Воли» Леонтий Бердников; что техник Сабуров есть Алексей Оболешев, а господин Жуковский – бежавший из мест ссылки Василий Трощанский. За два дня 11-12 октября 1878 года в Петербурге был практически захвачен весь Центр общества «Земля и Воля» – А. Оболешев, О. Натансон, Л. Бердников, Л. Буланов, Адр. Михайлов, а затем и В. Трощанский. Шесть человек руководящего центра и с ними ближайшие помощницы А. Малиновская и М. Коленкина. Разгром был страшным. Но полиции опять не повезло.

А. Михайлов

Счастливо бежавший из квартиры Трощанского революционер был никто иной, как Александр Дмитриевич Михайлов - поистине легендарная фигура в истории русского революционного движения. О нем написано много. Но лучше всех он рассказал о себе сам. Тщательно собранные в одну книгу его биографические заметки и письма к товарищам дают нам массу деталей к его характеристике. Пройдем по основным узлам биографии революционера.

Родился в 1855 году в Путивле. Бедная дворянская семья, но очень дружная. Провинциальная гимназия и стойкая нелюбовь к казенной

учебе. Сохранились некоторые бумаги и документы Михайлова – среди них его гимназический аттестат. По всем предметам стоит твердая тройка. Затем все, как у большинства сверстников. Поступление в Петербургский технологический институт и быстрое исключение оттуда. Высланный на родину в Путивль, Александр, однако, без полицейского разрешения перебирается в Киев, где жили его мать и сестра. Шел 1876 год.

Только в Киеве Михайлов вплотную соприкасается с нелегальными кружками, но так и не пристает к ним. В его голове рождаются смелые и дерзостные планы – создание общерусской организации сил социально-революционной партии. Через четыре года он так вспоминал об этом: «Но я удивляюсь и теперь, как такой юнец, каким был я тогда, без положения, без известности в революционном мире, без опытности мог так нахально-смело отдаться всецело таким задачам... О совершенных организациях партия тогда не думала. Ее интересовал народ, принципы деятельности, теория» (53).

Что было дальше – известно. Осенью 1876 года Михайлов становится членом Основного кружка «Земли и Воли». Уже отмечалось, какое огромное влияние на формирование Михайлова как революционера оказала личность Алексея Оболешева. Именно он заложил в Александре основы блестящего подпольщика-конспиратора. Но то же самое можно сказать и об Ольге Натансон. Михайлов считал ее выдающимся деятелем и человеком. В своих последних письмах к товарищам он пишет, что в «Обществе народников» ей принадлежала видная роль. «Я и Сабуров были ее самыми близкими друзьями» – скажет он в феврале 1882 года.

Михайлов многому научился у старших товарищей. И в тоже время был вполне самостоятельным. Вступив в организацию неопытным мальчишкой, он уже к 1878 году сформировался как зрелый революционер. В Саратове у него возникает новая идея – проникнуть в раскольническое движение и использовать его в революционных целях. И в этом он преуспел, став своим среди местных сектантов.

В апреле 1878 года Александр Михайлов оказывается в Петербурге, где на заседаниях Большого совета принимает участие в обсуждении программы и устава Общества. В отличие от Оболешева, считавшего жесткую централизованную организацию «злом» и временным явлением, Михайлов, наоборот, видел в этом только «добро». Дело в том, что А. Оболешев был по взглядам близок к анархистам. И вся его суть раздваивалась между идеей свободы личности и невозможностью без дисциплины построить серьезную революционную организацию в условиях постоянных полицейских преследований. У Михайлова этих «комплексов раздвоения» не было.

С 1878 года начинается «боевая» деятельность будущего главы террористов. В январе этого года он принимает участие в неудачной попытке освобождения из московской тюрьмы землевольца А. Крестовоздвиженского. В июле – снова провал с Порфирием Войнаральским. А в августе Михайлов становится одним из сигнальщиков при казни генерала Мезенцова. И везде Александр демонстрирует себя блестящим организатором и конспиратором. Несмотря на серию неудач, полиции так и не удается взять след революционеров.

Осенью 1878 года Михайлов отправляется на Дон «бунтовать» казаков. Но перед этим он пишет обширное письмо всему Основному кружку. Оно сохранилось и это, поистине, уникальный документ для характеристики Михайлова как революционера. В нем он требует от товарищей единства во взглядах на взаимные отношения – полное подчинение уставу, серьезный подход к приему новых членов, соблюдение прав меньшинства. «В противном случае, я первый постараюсь разрушить такой шаткий, жалкий и бессильный союз, в надежде на создание лучшего при более подходящем составе» – пишет Александр Дмитриевич. И еще один пункт выставляет Михайлов – «непременное и скорейшее отмщение оскорблений и мучений наших лучших товарищей» (54).

Михайлов не успел доехать до Дона. Разразился грандиозный погром в Петербурге. «Удар был почти роковой, крушение полное. Оставшиеся на свободе члены организации не имели ни денег, ни паспортов, у них не было даже возможности снестись с провинциальными членами организации, так как они не знали их местопребывания. Такая дезорганизация грозила, разумеется, новыми провалами» – так оценивал ситуацию чудом уцелевший тогда Георгий Плеханов. Он и Кравчинский решают срочно отозвать Михайлова в столицу. И вот Александр снова в Петербурге, где так много изменилось. Лучшие друзья погибли, связи утрачены. Но, как впоследствии писал Михайлов, «энергичными усилиями четырех - пяти человек в короткое время удалось поставить дело на прежнюю высоту» (55).

Теперь мы снова вернемся к землевольческому архиву. Только благодаря усилиям Михайлова в нем была сохранена часть писем землевольцев. И все они датируются позднее октябрьских провалов в Петербурге. Очевидно, что более ранняя переписка погибла во время арестов. Так Коленкина и Малиновская, оказав вооруженное сопротивление полиции, успели уничтожить свои конспиративные бумаги. Жандармам достались лишь их частичные обрывки. Оболешев сделал то же самое – он просто съел опасные письма. Только при арестах О. Натансон, В.Трощанского и, позднее, В. Осинского в руки сыщиков попали некоторая шифрованная переписка землевольцев. Но разобрать ее в III отделении не удалось.

Понимая, какое значение имеет сохранение революционных документов для истории, Михайлов и Морозов находят надежное место для хранения архива. Человеком, согласившимся на этот, без сомнения, героический поступок был литератор В. Р. Зотов. Но в момент арестов Михайлова и Морозова доступ к хранилищу был нарушен. И только много позже, после революции 1917 года, бумаги Архива неожиданно возникли из небытия. Сам Зотов давно умер, но его семья документы сберегла.

Михайлов развернул в Петербурге кипучую деятельность. Г. Плеханов в своих записках о нем (1882 год) отмечал: «Он заведовал паспортной частью, типографией, распространением «Земли и Воли», *переписывался с провинциальными членами нашей организации (курсив мой – А.С.)*, доставал и распределял средства между различными ветвями кружка и т.д.». Но главной задачей революционера в Петербурге стало воссоздание разбитого Центра. С этой целью он привлекает в Общество новых членов и вызывает из провинции испытанных товарищей. Копия одного из его писем сохранилась, правда выполненная рукой Льва Тихомирова. Датировано послание 15-ым января 1879 года. В нем говорится о крайней нужде Петербурга в свежих революционных силах, о важности оставления некоторыми землевольцами поселений с целью организации нового Центра. Часть письма была зашифрована. Однако при копировании документа Тихомиров опустил криптограммы, поставив на их место многоточия. И лишь в одном случае в тексте сохранилось тайнописное место. Вот как оно выглядит:

«Последние погромы страшно обессилили нас. Мы имеем в своем распоряжении только **сияжыжц**, и с этими силами должны теперь вести орган, поддерживать связи, дела с рабочими и исполнять все обычные функции центра... А что будет, если погибнет еще два-три человека? Тогда, господа, знайте, что у вас в центре не будет ничего» (56).

Шифр письма остался при публикации не разобранным. Но теперь у нас есть возможность его прочесть. Лозунгом в данном случае является буквосочетание «**АКЛ**», а система шифра все та же – буквенный «гамбетт» (см. таблицу 3).

Таблица 3

	а	**б**	**в**	**г**	**д**	**е**	**ж**	**з**	**и**	**к**	**л**	**м**	**н**	**о**	**п**	**р**	**с**	**т**	**у**	**ф**	**х**	**ц**	**ч**	**ш**	**щ**	**ы**	**ь**	**ю**	**я**	**й**
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а
К	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к
Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л

Применяя указанный ключ, нетрудно прочесть: «Мы имеем в своем распоряжении только *рятерых*».

Совершенно очевидно, что авторами при шифровке допущен небольшой сбой (обычное дело при подобных системах) и текст следует читать как «*пятерых*». Это несомненно так и в доказательство приведем указание Александра Михайлова. Выше уже говорилось о том, что ему «энергичными усилиями 4 - 5 человек в короткое время удалось поставить дело на прежнюю высоту». В другом случае он более конкретен. В январе 1881 года Михайлов из тюрьмы умудряется переправить письмо, где сообщает товарищам данные к своей биографии. В нем он совершенно определенно пишет, что «с пятью человеками вел петербургские дела и «Землю и Волю» осенью и зимой» 1878/79 года (57).

Кто же были эти революционеры? Различные мемуаристы противоречат друг другу. Осип Аптекман утверждает: «Благодаря энергии... Михайлова, с одной стороны, и деятельной неутомимой работе Плеханова, Зунделевича, Кравчинского (до отъезда его за границу), Александра Квятковского (вскоре затем прибывшего в Петербург) и других – с другой, общество «Земля и Воля» вступило в 1879 год... готовым к бою» (58).

Но письмо Михайлова датировано январем 1879 года, а Кравчинский покинул Россию в ноябре 78-го. Квятковский же вернулся из Воронежского поселения только в марте 79-го.

Другой современник событий, Лев Дейч, ставший членом «Земли и Воли» в самой последней фазе ее существования, указал много лет спустя: «Кроме Плеханова и Александра Михайлова, являвшихся старыми членами организации, ... к ним присоединились всего четыре - пять новых лиц – Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Л. Тихомиров, С. Л. Перовская, С. М. Кравчинский (осенью того же года... выпровожен за границу... За ним туда же отправилась Ольга Любатович)» (59).

То же самое. В январе 1879 года Кравчинского и Любатович уже не было в России, а Перовская еще не была членом «Земли и Воли».

Ближе всех к истине стоит Лев Тихомиров. Историки давно отметили точность его воспоминаний, хотя трактовка многих событий дана им с ренегатских антиреволюционных позиций. Он писал:

«Когда я приехал в СПб., в городе было мало членов кружка. Помню только: Александр Михайлов, Клеменц, Морозов Николай, Георгий Плеханов, Зунделевич, да, кажется, еще был Квятковский» (60).

Но, как мы говорили, Квятковский появился в Санкт-Петербурге только весной 1879 года. И если мы поставим в список вместо него самого Тихомирова, то получим исчерпывающий состав нового Центра – Александр Михайлов, Дмитрий Клеменц, Арон Зунделевич, Георгий Плеханов, Николай Морозов и Лев Тихомиров. Зунделевич часто бывал в отъезде, но будем считать и его. Ведь Михайлов писал, что он «с пятью человеками» вел дела Центра. Значит, вместе с ним всего было шесть человек.

Лев Тихомиров прибыл в Петербург поздней осенью 1878 года – видимо, в конце октября – начале ноября. Очень скоро он, как бывший чайковец, без проволочек был принят в Общество. После процедуры формального принятия «Михайлов сообщил мне имена всех членов кружка, дал отчет о состоянии его дел, о его средствах и, наконец, сообщил шифры, условные знаки и квартиры» – так описал Тихомиров свое вхождение в «Землю и Волю», но о шифрах более ничего не прибавил (61).

Если мы рассмотрим теперь состав нового Центра организации, то увидим, что фактически руководил им Михайлов. Зунделевич ведал финансовыми делами Лизогуба и связями с контрабандистами на западной границе. В Петербурге он бывал только наездами. Клеменц, Морозов, Тихомиров и Плеханов большей частью занимались редактированием и выпуском газеты «Земля и Воля». И параллельно с этим: Плеханов держал связи с рабочими кружками, Тихомиров с учащейся молодежью, а Клеменц и Морозов общались с либералами. Но над всем стоял Александр Михайлов. И было ему тогда всего 23 года. Потрясающее сочетание молодости и опытности в одном человеке. Он настойчиво внедрял в практику конспиративные принципы работы. Михайлов составил подробнейший топографический каталог проходных дворов Петербурга (около 300 мест) и заставлял товарищей их изучать. Сам он как никто иной умел уходить от филеров. Кличка «Дворник» удивительно подходила натуре этого выдающегося революционера. Михайлов был долгое время просто неуловим для полиции, став символом надежности и безопасности. Но в шифровальное дело он, вопреки сложившемуся стереотипу, ничего нового не привнес. Системы шифров оставались прежними весь период существования «Земли и Воли». Да и поменять их было бы сложно – большинство землевольцев работали вне столицы и связи с ними были эпизодическими.

И еще одна удача ждала Михайлова. В конце 1878 года он познакомился с Николаем Клеточниковым и сумел внедрить его в центр политического розыска империи – III отделение! В течение двух лет этот бескорыстный и мужественный революционер отводил удары полиции от своих товарищей. Уникальный факт из истории революционного движения России.

Но вернемся к шифрам. Что же это был за ключ «**АКЛ**», которым Михайлов зашифровал свое послание от 15 января 1879 года? Данное буквосочетание получено из другого ключевого слова землевольцев – «**Байкал**». Если мы выпишем из него каждую четную букву, то и получим «**АКЛ**» (бАйКаЛ).

В Архиве «Земли и Воли» отложилось только одно письмо, зашифрованное по этому полному лозунгу. Им является послание Дмитрия Лизогуба из одесской тюрьмы. Он был арестован полицией случайно и искусственно «пристегнут» к делу одесских революционеров, большинство из которых даже не знал. Тем не менее жандармам до многого удалось дознаться. Подозревая в этом богатом помещике опасного заговорщика, но, не имея на этот счет убедительных улик, полицейские подсадили к нему в камеру своего информатора. Им оказался бывший товарищ Лизогуба Федор Курицын. Одно время он даже скрывался в имении Дмитрия от преследования полицией. Арестованный в апреле 1877 года за содействие в покушении на предателя Гориновича, Курицын быстро встал на путь сотрудничества с жандармами. Здесь он многого достиг, но возмездие нашло предателя только в 1906 году, когда он был убит эсерами.

Сохранился и опубликован обширный отчет Курицына о его беседах с Лизогубом (62). Полиция, наконец, подробно узнала о существовании доселе неизвестного им революционного общества, о причастности ко многим преступлениям членов этой организации, о роли в ней самого Лизогуба. Но он не назвал Курицыну имен своих товарищей, говорил только о прошедших событиях. Но и этого было достаточно, чтобы суд приговорил его позднее к смертной казни.

Узнал Курицын и о том, что, находясь за толстыми стенами тюремного замка, его сокамерник не прекращает общение с волей. И даже тогда, когда Лизогуба поместили в специальный изолятор, связь с ним не нарушилась. От имени Дмитрия ее поддерживал Василий Кравцов, проходящий по одному делу с Лизогубом и содержащийся в общей камере с Курицыным. И тот имел возможность видеть некоторые письма с воли. Как указал провокатор в своем отчете, одно из писем «было зашифровано незнакомым для Кравцова шифром и не тем, что он переписывался с Валерианом – не циферным, а состоящим из букв. Лизогуб отвечал товарищам зашифрованным от начала до конца письмом». Валериан, как указал Курицын, был к тому времени уже арестованный землеволец Осинский.

Идентичность шифра Лизогуба («**Байкал**») (от 23 июня 1879 года) и шифра Михайлова «**АКЛ**» (производное от первого) позволяет утверждать, что это ключевое слово являлось общим для членов Основного кружка «Земли о Воли». Условлен он был, вероятно, весной 1878 года, когда находящиеся в

Петербурге землевольцы (в том числе и Лизогуб) готовились разъехаться по России. Но почему применялся общий ключ в различных вариантах до конца неясно.

Кроме буквенного вида криптограммы, Лизогуб использовал, как явствует из доноса Курицына, и цифровой. Но какой именно? На этот вопрос есть ответ в другом заявлении предателя:

> «Теперь я сообщу все шифры, которыми велась переписка и на воле, и в тюрьме, некоторыми из этих шифров на воле переписываются до сих пор. Шифр № 1: 1. Шпионы; 2. суть; 3. безхвостые; 4. собаки; 5. имеющие; 6. людскую; 7. фигуру; 8. живут; 9. царской; 10. подачкой.
>
> Шифр № 2, сочиненный Лизогубом в тюрьме после рождественских праздников: 1. Месть; 2. фарисеям; 3. голос; 4. страшный; 5. прокричал; 6. жаждущих; 7. свободы; 8. толпу; 9. целую; 10. созвал.
>
> Нужно сначала отбросить иногда две, иногда три, а иногда и более цифр, поставленных для конспирации. Вообще же буква состоит из двух цифр – первая означает слово, из которого взята буква, а второе букву» (63).

Перед нами все те же знакомые квадратные шифры, которыми заполнены обвинительные акты процессов 50-ти и 193-х. Анализ доноса Курицына показывает, что шифр №1 принадлежал, видимо, революционерам юга России. Но второй ключ придумал, несомненно, сам Лизогуб. Однако о гамбеттовском шифре землевольцев провокатор не узнал ничего. Поэтому возможно, что «цифирный шифр» Лизогуба не имеет ничего общего с информацией Курицына. Ведь им шла переписка с Осинским, а тот, в свою очередь, общался с петербургским Центром по цифровому «гамбетту». В случае с криптограммами Лизогуба могло быть то же самое. Разное написание (буквенное или цифровое) делало их для Курицына совершенно непохожими, но фактически суть шифра оставалась одинакова.

Ключ «**Байкал**» был не единственным в переписке землевольцев. Так в их архиве сохранилась обширная группа тайных записок из казематов Петропавловской крепости, принадлежащих Л. Бердникову и М. Коленкиной. Все они тщательно перекрыты гамбеттовским буквенным шифром уже по иному лозунгу - фразе «**Максим Грек**».

Под этим именем вошел в историю России знаменитый грек монах Михаил Треволис. В 1518 году он по приглашению московского великого князя Василия III прибыл в Россию для сличения греческих религиозных книг с их переводами на церковнославянский язык. В короткий срок Максим Грек приобрел огромное влияние при дворе великого князя и среди высшего духовенства. Однако его сближение с церковной оппозицией привело монаха в монастырскую тюрьму, а затем в ссылку, где он содержался в очень тяжелых условиях с 1525 по 1551 годы. Максим Грек сделал чрезвычайно много для русской православной церкви. Он обогатил нашу культуру переводными сочинениями и собственными оригинальными трудами, за что уже в наше время, в 1988 году, был канонизирован. А землевольцев не могла не волновать его трагическая судьба и то упорство, с каким он выдержал свое многолетнее заточение. В стенах Трубецкого бастиона шифрлозунг, выбранный по имени этого выдающегося просветителя, был особенно актуален, хотя он, несомненно, возник в арсенале землевольцев весной 1878 года. А идея его, вероятно, принадлежала А. Михайлову, который на рубеже 1877-1878 гг. ревностно изучал сложную историю русской православной церкви.

Возвращаясь к переписке землевольцев важно отметить, что после каждого прерывания криптограмм открытым текстом, новая их часть опять шифровалась с самого начала ключа. И это правило практиковалось во все времена существования «Земли и Воли», а затем и «Народной Воли». Не было отвергнуто оно и много позже. Между тем это было очень опасно и значительно облегчало труд жандармских дешифровщиков. Но революционеры не придавали данному обстоятельству должного значения. Так им было гораздо удобнее использовать шифр. Можно было без труда читать письмо с любого места криптограммы, не высчитывая, на какой букве ключа закончился предыдущий шифрабзац.

В «Архиве» воспроизведено три (из шести сохранившихся) записки землевольцев из недр Трубецкого бастиона (64) и все они зашифрованы ключом «**Максим Грек**». Наряду с ключом «**Понизовая вольница**», это самый употребительный ключ к документам революционеров. Пользовались им не только в Петербурге. По той же самой фразе из Киева в Центр писал не раз уже упомянутый Валериан Осинский, человек-легенда той сложной и кровавой эпохи.

Родился он в 1853 году. Учился в Петербургском институте путей сообщения, из которого в 1872 году был отчислен. В конце 1876 г. начинающий нелегал Осинский становится учредителем «Земли и Воли». Одно время Валериан вел сношения с петербургскими тюрьмами. А в марте 1877 года он вместе с Михайловым неожиданно оказался арестованным полицией. Оба явились по фальшивым билетам на одно из заседаний «процесса 50-ти». Приключение прошло без осложнений, и двух друзей так же неожиданно отправляют на все четыре стороны. О! Если бы власти знали, кого они выпустили из своих рук. И сколько сил они потратят в ближайшем будущем для розыска этих молодых людей.

Осенью 1877 года Осинский объявился в Киеве. Цель – освобождение арестованного Стефановича и его компании, которую никогда до этого не знал. Но имя Стефановича, Дейча и Бохановского гремело в революционных кругах. Именно в Киеве, пообщавшись с местными «бунтарями», Осинский совершенно отказывается от мирной деятельности в народе. На первое место он выдвигает террор. Киев становится отныне пунктом его постоянного местопребывания. С Петербургом же он поддерживал регулярные сношения и служил связью центра с южными кружками.

Очень тесно Осинский сходится с южанином Лизогубом и находит в нем единомышленника. Отныне с материальным обеспечением своих опасных проектов проблем у него не было. Зато с питерскими товарищами скоро возникли серьезные недоразумения, почти неприязнь и разрыв. Кружок Осинского все более обособлялся от землевольцев и начал свою террористическую деятельность. Всего в кружке Валериана было не более 13 человек, но шуму они наделали на всю Россию. Целая серия вооруженных нападений подняли на ноги всю киевскую жандармерию. Спасаясь от преследований, Осинский и его группа перебираются в Одессу. Но и там было неспокойно. А арест Лизогуба понуждает Валериана вернуться в Киев. Как написал он в одном из писем в Петербург, «галантность моя, если она и была, все более и более уступает место озлобленности» (65). Такие настроения Осинского не сулили властям ничего хорошего. Именно он придумал название «Исполнительный комитет» и его устрашающую печать с перекрещенными пистолетом, кинжалом и топором. Жандармы были напуганы по-настоящему, но сама организация существовала лишь в проектах Валериана Осинского.

Арестовал террориста знаменитый (а тогда - еще начинающий) жандармский сыщик Георгий Судейкин. 20 февраля 1879 года вышел четвертый номер подпольной газеты «Земля и Воля», где коротко извещалось:

«26 января 79 года в 4 часа дня в Киеве в пивной на Крещатике арестован Байков, по догадкам полиции разыскиваемый Валериан... У Валериана взяты бумаги и кинжал...» Ловушка захлопнулась. Землемер Степан Байков оказался Осинским, и полиция это прекрасно знала.

Как мы помним, революционер поддерживал непрерывную связь с Петербургом, особенно после того, как во главе землевольцев встал его друг Михайлов. Эта переписка усилилась в связи с арестом Лизогуба. Предстояло срочно спасать его имущество, которое он завещал землевольцам. Одно из писем Осинского попало в руки полиции во время ареста в октябре 1878 года Василия Трощанского. В нем подробно шла речь о «Помещике» (Лизогубе), приводилось его послание из одесской тюрьмы и предлагались различные варианты обмена векселей Лизогуба на деньги. Письмо было очень важным и частично оказалось зашифрованным. Разобрать его при получении было поручено Трощанскому, но он не успел этого сделать. В полицейских протоколах читаем: «Клочок бумаги, исписанный цифрами, Трощанский пояснить не пожелал» (66).

Письмо Осинского фигурирует как важная улика в материалах «процесса 16 террористов» за 1880 год. Но зашифрованные фрагменты текста там отсутствуют. Очевидно, что полиции в течение двух лет так и не удалось разобрать их, хотя она этого очень желала.

Кроме того, при аресте самого Осинского были изъяты шифрованные бумаги. Но и они, по материалам его процесса, остались нерасшифрованными. В своем заключительном слове Валериан даже поиронизировал на эту тему над прокурором Стрельниковым, впоследствии убитым народовольцами.

Второй номер газеты «Народная Воля» от 15 ноября 1879 года воспроизвел фрагмент его речи:

«В числе вещественных доказательств находится письмо на пяти листах, содержащих, по словам прокурора, одни глупости... Надо быть ребенком, чтобы поверить искренности этого обвинения. Всякий поймет, что прокурор дорого бы отдал за открытие шифра, которым писаны глупости на пяти листах» (67).

В обоих приведенных случаях мы не располагаем образцами конкретных шифртекстов Осинского. Однако в опубликованном «Архиве» сохранилось его письмо от 5 апреля 1878 года – обширный, шифрованный цифрами текст, выполненный на тонкой пергаментной бумаге. Послание отправлено из киевской тюрьмы и предназначалось руководству «Земли и Воли». Один из его абзацев выглядит следующим образом:

«Ужаснокверно 17.12.39.22.21.21.22.32.7.33.30.15.29.29.10.28.22.42.30.20.21.14.

11.41.20.21.16.30.12.25.21.18.37.29.23» (68).

Ключ к криптограмме гамбеттовский, по фразе «**Максим Грек**», азбука в 30 букв.

Шифр документа:	17	12	39	22	21	21	22	32	7	33	30	15	29	29	10	28	22	42	30	20	21
Ключ:	М 12	а 1	к 10	с 17	и 9	м 12	Г 4	р 16	е 6	к 10	М 12	а 1	к 10	с 17	и 9	м 12	Г 4	р 16	е 6	к 10	М 12

Разница при вычитании :	5	11	29	5	12	9	18	16	1	23	18	14	19	12	1	16	18	26	24	10	9
Расшифровка:	*д*	*л*	*я*	*Д*	*м*	*и*	*т*	*р*	*а*	*ч*	*т*	*о*	*у*	*М*	*а*	р	т	ы	ш	к	и…

Полностью криптограмму нетрудно прочесть как *«*Ужасно скверно *для Дмитра, что у Мартышки нашли мое письмо».* Под псевдонимом «Мартышка» значился В. Трощанский, и речь шла об изъятии у него жандармами письма Осинского в октябре 1878 года. Совершенно ясно, что и это послание также должно было быть зашифровано по ключу «Максим Грек»!

Итак, мы рассмотрели здесь шифропыт землевольцев с конца 1876 года по весну 1879-го. Теперь нам известны все основные ключи организации: «**Понизовая вольница**», «**Сибиряки**», «**21**» (для текущего архива Общества) и «**Байкал**», «**АКЛ**», «**Максим Грек**» (для переписки). Использовались три основных вида шифровки – системы Гронсфельда и Виженера, а так же гамбеттовский цифровой ключ. Но, в сущности, – все три способа составления криптограмм есть одно и то же. И все они стали носить единое название – «ключ Гамбетта».

Шифры же, основанные на ряде ключевых слов, вписаных в квадратные стоклеточные таблицы, были у землевольцев не в ходу. Справедливости ради, следует указать, что в одном из писем Коленкиной из Петропавловки наряду с гамбеттовским буквенным шифром присутствует и цифровой. Им перекрыто лишь одно слово из обширного текста: «2 2 6 3 4 2 3 3 2 3» (69).

Землевольцы прочли криптограмму как *«Мойше»* (А. Зунделевич). Однако ключ «Максим Грек» к этому фрагменту не подходит. И возможно, что здесь применен квадратный словарный ключ. Но наверняка это утверждать нельзя. Почему Коленкина зашифровала здесь кличку Зунделевича отдельным ключом, так же не совсем понятно.

Большинство документов «Земли и Воли» при публикации оказались разобранными. Но кто произвел их дешифровку неизвестно. Подготовители сборника вопрос этот оставили без внимания. Возможно, здесь помогли сами революционеры. Но к моменту обнаружения архива в 1917 году из лиц, способных разобрать землевольческие бумаги, оставался в живых только Н. А. Морозов. Однако список подложных паспортов, где фигурирует его собственный фальшивый вид на имя инженера Хитрово, остался не прочитанным! Поэтому я бы роль Морозова здесь не стал преувеличивать.

Может быть дешифровкой текстов занимались подготовители сборника архивисты В. Р. Лейкина и Н. Л. Пивоварская? Однако никто и никогда не публиковал ключей к шифрам землевольцев, как, впрочем, и народовольцев. Да и вообще материалы их обширного и интересного архива, к большому сожалению, так и остались далеко не востребованными. В них есть еще немало белых пятен, чему доказательством служит эта книга.

Нам предстоит рассмотреть еще один спорный архивный документ периода «Земли и Воли». Речь идет о так называемом «конспиративном письме» Александра Квятковского (70). Публикуя его, подготовители сборника дали пояснение, что они «воспроизводят это письмо, не поддающееся толкованию без ключа – условленного словаря, как образчик конспиративной переписки». К сожалению, письмо очень обширно. Дадим здесь лишь его небольшие фрагменты. Написано оно, судя по всему, из Иркутска от имени некоего купца, рисующего своему петербургскому адресату положение дел на сибирской Верхне-Удинской ярмарке:

«...Вот некоторые из ярмарочных цен, которые вам будет небезынтересно знать. На 1-ое место, как самые выгодные предметы надо поставить – сахар, сало, масло, меха. Сахар сделался очень дорог и простоит в цене очень долго. Дело в том, ... что аглицкий сахар по дороге в море был подмочен и брошен частью еще у берегов Норвегии... Поэтому сахар теперь стоит здесь от 18 до 19 рублей за пуд... Масло русское идет, начиная от 10-12 рублей... Мясо стоит от 2-2,50 за пуд... Я уже договорился с доверенными... г. Трапезникова о доставлении на прииск съестных припасов... Я берусь поставить 1 тысячу пудов овса, покупная цена 1,50 р., оржаной муки 2 т. пуд. (1,50) и 300 пудов крупы (по 5 р.)...» [орфография документа сохранена – А.С.].

На первый взгляд письмо с таким избыточным количеством цифр вполне может содержать замаскированный шифр. Однако изучение реальных цен на продуктовом рынке 1880-х годов приводит нас к следующим результатам. По московской губернии цена на сахар колебалась около 9 рублей, а в Сибири была в два раза выше. Ведь там сахар не производили, и доставка его была очень затруднена. Зато совершенно совпадает стоимость масла и в центре России и в Восточной Сибири – 10 -12 рублей. Мясо в Сибири стоило дешевле – два рубля против четырех в Москве, что также легко объясняется развитым там скотоводством. Так же, и в Сибири и в Московской губернии примерно совпадали тарифы на пшеницу, муку, различные крупы (71).

Из всего этого анализа получается, что за цифрами письма стоят совершенно реальные не придуманные цены на продукты и никакого шифра за ними быть не может. То же касается и возможности условленного

жаргона. В таком письме, наполненном реальной информацией, сделать это не просто. Так что же тогда это за послание и как оно вообще очутилось в землевольческом архиве? Возможно, что Квятковский, как член семьи золотопромышленника, оказался посредником в ее торговых делах. Это самое простое объяснение. Но возможно, что текст письма планировалось использовать как «скелет» при написании химического текста. Может, оно и содержит такой текст? Все возможно... А после ареста Квятковского сохранившиеся его бумаги Михайлов решил сберечь для потомков. И чем дальше уходят от нас минувшие события, тем все более разные версии способны появиться из-под пера историка. Жаль лишь, что проверить их становится все труднее и труднее. Да и такие «мелочи» давно уже скрылись за более «весомыми» историческими проблемами.

Мы можем сегодня только догадываться, кто, когда и почему вводил в практику русского революционного подполья те или иные виды шифров. Вряд ли это, за редким исключением, можно узнать доподлинно. В этой связи обратимся к книге Т. А. Соболевой «Тайнопись в истории России». В ней она указала на следующий факт: «Следует отметить, что впервые шифр, близкий к шифру двойной перестановки, был изобретен в России народовольцем Михайловым в эпоху царствования Александра II» (72).

Можно вполне уверенно заявить, что здесь автор добросовестно заблуждается. Изучив все доступные мне свидетельства той эпохи, я нигде не нашел указаний о причастности Михайлова к разработке новых систем шифрования. Внедрял их – бесспорно, но сам ничего не изобрел. Да и не в этом суть.

Рассмотрим сам вопрос с шифрами перестановок в принципе. Подобные методы придуманы очень давно. Уже неоднократно упомянутый нами фантаст Жюль Верн еще в 1864 году в своем романе «Путешествие к центру Земли» описал систему одинарной перестановки букв шифруемого текста (правда, в ее простейшем варианте, но сам принцип идентичен).

	5	**4**	**6**	**3**	**2**	**1**
5	р	а	о	з	а	б
4	р	у	г	б	р	е
6	е	н	ц	о	к	в
3	е	п	т	в	а	р
2	в	а	т	з	ю	а
1	з	е	ж	и	р	п

В 1903 году в России вышел очередной 78-й том «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона». Там, между прочим, помимо различных систем шифрования, мы найдем и способ перестановки букв. Суть его следующая. Буквы, входящие в состав письма, остаются те же, но пишутся в ином порядке. Их сначала помещают в клетки квадрата, а потом выписывают из него по порядку, который определяет ключ к шифру. Далее процитируем саму энциклопедию:

«В этой категории шифров самым интересным является так называемый «шифр нигилистов». Нигилисты для нумерации клеток квадрата (по Флейснеру) пользовались определенным словом-секретом; буквы секрета нумеровались сообразно с местом, занимаемым ими в порядке алфавита. Нумера же наносились как на линию языка, так и на секретную линию; числа секретной линии в таком случае обозначали порядок строк, а числа линии языка порядок букв каждой строки. Пусть, например, секретом служило слово **«Москва»** и требовалось шифровать телеграмму: *«Приезжаю завтра в Петербург. Базаров»*. По «шифру нигилистов» текст, разделенный на пять групп, представляется в следующем виде:

или «*раоза бругб реенцоквептварв атзюа зежирп*»» (73).

Это и есть шифр, именуемый «двойной перестановкой». Дадим свои пояснения к тексту старинной энциклопедии.

Выбирается шестибуквенный ключ «**Москва**». Делается квадратная табличка по числу букв ключевого слова. Слово-ключ подписывается сверху и сбоку таблицы. Буквы ключа и соответствующие им колонки и строки нумеруются согласно алфавитного порядка. Из одинаковых букв стоящая правее получает более высокий номер. В данном случае слову «**Москва**» - ошибочно! - соответствует ключ: «**546321**».

Шифруемый текст помещается в таблицу в соответствии с полученной нумерацией колонок и строк, а далее выписывается из нее горизонтальными рядами. В случае, когда остаются незаполненными клетки, их занимают любыми нейтральными буквами (здесь – *«конец»*).

Александр Михайлов никак не мог быть автором этого красивого шифра! Потому что энциклопедия ссылается на источник получения информации – книгу Флейснера «Руководство по криптографии ("Handbuch der Kryptographie"), изданную в Вене 1881 году. В это время «шифр нигилистов» никто не придумывал. Если он даже и российского происхождения (И. С. Тургенев так назвал своего героя Базарова в романе «Отцы и дети» (1862 г.)), то гораздо более раннего, чем время вступления в революционное движение А. Михайлова.

Упомянутый же нами Эдуард фон Флейснер, отставной полковник австрийской кавалерии, вошел в историю криптографии как автор еще одного шифра перестановки букв – знаменитой «решетки» (или «пробуравленных патронов»). Так он назвал специальную «сетку» – бумажный квадрат с вырезанными на нем окошками. Вот фрагмент всё из того же «Брокгауза»: «При помощи пробуравленных патронов Флейснера достигается большое разнообразие замещений. При пользовании такого рода прибором буквы

наносятся на бумагу посредством отверстий патронов. Как только все отверстия использованы, патрон поворачивают на 90°, и тогда вновь можно размещать буквы по свободным клеткам. Отверстия патронов устроены с таким расчетом, что после 4-кратного поворота патрона не могут занять места против клеток, уже заполненных буквами. Письмо в окончательном виде располагается правильной фигурой, но неразборчиво, и может быть дешифровано лишь владельцем точно такого же патрона» (73).

Подобная система, в свое время, произвела большое впечатление на современников. Жюль Верн в романе «Матиас Шандор» писал о ней (1885 год): «Эти сетки, известные с давних пор, усовершенствованы в наше время по системе полковника Флейснера; они остаются лучшим и самым верным способом составления криптограмм, не поддающихся расшифровке». Практически же здесь была развита идея знаменитого итальянца Джироламо Кардано, жившего еще в XVI веке. Именно он в 1556 году первым предложил использовать для тайной переписки особые трафареты, в окошки которых вписывались буквы шифра.

Очень подробно дал описание «решеток» выдающийся советский популяризатор науки Я. И. Перельман в своей книге «Живая математика». Он указал в ней, в частности, что такой системой пользовались революционеры-подпольщики. Однако этот факт ничем не подтверждается, и его следует поставить под сомнение.

Применение революционерами систем перестановок было очень ограничено. Эти ключи позволяли удобно шифровать лишь небольшие сплошные тексты. В качестве редкого примера можно здесь дать воспоминания Н. Морозова, относящиеся к 1874 году – эпохе «хождения в народ»:

«Способ моей записи заключался в том, что я все слова делил пополам, заднюю их половину ставил впереди, а последнюю сзади, и дополнял обе половины какими-либо буквами. Так из деревни Коптево выходило «тево коп», а потом окончательно и «стеволкопаю». Зная, что надо начинать с середины и брать только первый слог, а потом читать в начале без первой буквы, я легко разбирался в написанном и не говорил своего способа ни одной живой душе, так как рассуждал: если я сам не сумею удержать своего собственного секрета, то, какое же право буду иметь требовать, чтобы его хранили другие» (74).

Что же касается Т. А. Соболевой, то она, вероятно, перепутала землевольческие буквенные виды многоалфавитных систем с шифрами перестановок. Внешне они действительно очень похожи, но принципы их глубоко различны.

Глава шестая

Группа П.Л. Лаврова «Вперед»

Теперь нам предстоит отойти немного назад и посмотреть на другие кружки революционеров, существовавшие параллельно «Земле и Воле». Мы мало знаем о применяемых ими шифрах. Если такие данные и есть, то они до сих пор спокойно пылятся в архивах. Следует так же учесть и то, что после известных процессов нечаевцев, 50-ти и 193-х из обвинительных актов последующих лет практически исчезают сведения об используемых подсудимыми революционерами шифрах. Кроме того, очень редко можно найти в современных публикациях сами письма народников. А ведь их немало. Часть из них отложились в виде жандармских перлюстраций, часть в зарубежных архивах революционных центров. Одним из таких собраний документов является архив известного теоретика народнического движения Петра Лаврова. В настоящее время он находится в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ – бывший ЦГАОР). Исследователи часто пользуются этим богатейшим фондом, но их публикации очень мало дают информации по нашей тематике. Но есть и исключения.

В обширном двухтомнике «Революционное народничество 70-х годов XIX века» приведена переписка одного из членов лавровской группы «Вперед» Иосифа Уземблo с его заграничным кружком. Относится она к 1878 году – времени все большего нарастания влияния «Земли и Воли» на российские подпольные кружки. Одно из писем Уземблo осталось не расшифровано и в таком виде опубликовано. Теперь же у нас есть возможность его разобрать. Но сначала немного о самом авторе писем.

Ю. Уземблo

Иосиф Владиславович (он же Юзеф Томаш) Уземблo родился в 1854 году. Вчерашний студент, спасаясь от неминуемого ареста, оказался в Париже в окружении Лаврова. Так он стал членом кружка социалистов-пропагандистов «Вперед» по кличке «Бесядовский».

В это время в Петербурге неожиданно объявилась нелегальная газета «Начало» (орган русских революционеров). В марте 1878 года вышел ее первый номер. Газета и ее редакция не представляли определенной организации. Так, в ее техническом оснащении принял участие известный землеволец Зунделевич, доставивший из-за границы портативный типографский станок.

Несмотря на слабость редактирования, сам факт появления в столице России подпольного периодического издания взбудоражил всех – от обывателей до жандармов. В качестве эмиссара от лавровского кружка «Бесядовский» срочно покидает Париж и мчится в Петербург. Задача – близко сойтись с редакцией «Начала». Среди ее членов был соплеменник Уземблo поляк Александр Венцковский. Но все попытки оказать через него влияние на редакцию остались мало продуктивными. Прибыв в Петербург в мае, Уземблo уже в июле 1878 года очутился в Варшаве по явке, полученной от того же Венцковского. Там Иосиф вошел в тесный контакт с группой Людвика Варыньского, в связи с которым и получил некоторую историческую известность.

В своем письме к Лаврову Уземблo попытался объяснить неожиданный «пируэт» в сторону Варшавы и неудачу с переговорами в Петербурге. Главная ее причина – группа «Вперед» была не в состоянии конкурировать с «Землей и Волей». Вот некоторые фрагменты из упомянутого послания:

> «Варшава, 25 июля 1878 года.
>
> ...Когда я был в Москве, в Питер приехал **пргвшипсо** для переговоров с началовцами и они сошлись. Конечно, я считал совершенно бестактным говорить что бы то ни было о литературной связи их с Вами, узнав, что они уже сошлись с общинниками... Мой адрес: Варшава, улица **млстбя** № 23 **ьерновуктмш»** (75).

Ключом к шифру Уземблo является цифросочетание «**5-3-1-2-4**». Построение его понятно – сначала выписаны по порядку нечетные цифры, а затем четные. Использован шифр Гронсфельда, но с вариациями. Шифрованию подвергались только нечетные буквы текста, а остальные оставались без изменения. В отличии от землевольцев, при шифровке здесь использовалась полная русская азбука в 35 букв (без «ижицы»):

а б в г д е ж з и І к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь Ђ э ю я Θ й

Разберем текст:

П	р	г	в	ш	и	п	с	о
5	-	3	-	1	-	2	-	4
К	*р*	***а***	*в*	***ч***	*и*	***н***	*с*	***к (ий)***

Действительно, в начале мая 1878 года в Петербург в сопровождении Зунделевича прибыл один из редакторов заграничного журнала «Община» Сергей Кравчинский. С собой они привезли типографский станок для издания литературы «Земли и Воли». Претворялись в жизнь решения Большого совета организации. Но на доставленном оборудовании нельзя было печатать газету (не подходил формат) и Кравчинский вступил в переговоры с редакцией «Начала». В результате выход этой газеты был вскоре прекращен (в мае появился ее последний четвертый номер), редакция распущена, а типография передана в собственность землевольцев. Но сама газета «Земля и Воля» вышла в свет только в октябре 1878 года.

С. Кравчинский оставил некоторые воспоминания об этом общении с «началовцами». В своей книге «Подпольная Россия» он писал:

> «...До появления «Земли и Воли», редактировавшейся людьми нелегальными, в Петербурге выходила довольно слабая подпольная газетка «Начало», которая издавалась маленьким независимым кружком под редакцией четырех или пяти «легальных» людей. Весь Петербург знал их и называл по имени. Полиция же не знала решительно ничего, хотя газетка стояла у нее бельмом в глазу и все жандармские ищейки лезли из кожи, чтобы напасть на след таинственных издателей».

Кравчинский знал, о чем писал. Из письма Уэмбло его роль в переговорах с редакторами «Начала» вырисовывается одной из главных. И это не было спонтанное решение, принятое в Петербурге. О планах Кравчинского заменить заграничную «Общину» «Началом» сообщал в Париж Лаврову женевский эмигрант И. Миллер. Письмо его датировано 4 мая 1878 года – моментом убытия Кравчинского из Женевы в Россию. Так что Уэмбло запоздал в информировании своего кружка, сделав это только летом.

Расшифровка варшавского адреса выглядит так:

Шифр:	Улица	М	л	с	т	б	я	№	2	3	ь	е	р	н	о	в	у	к	т	м	ш
Ключ:		5	-	3	-	1	-				5	-	3	-	1	-	2	-	4	-	5
Текст:	*Улица*	***З***	*л*	***о***	*т*	***а***	*я*	*№*	*2*	*3*	***Ч***	*е*	***н***	*н*	***о***	*в*	***с***	*к*	***о***	*м*	***у***

Упомянутая улица Злотая находилась в центральной части польской столицы и примыкала к главной магистрали Варшавы – улице Маршалковской (76).

Ранее уже были попытки разобрать приведенные выше шифрфрагменты. Так еще в 1964 году при первой публикации письма Уэмбло ошибочно указывалось, что для переговоров с началовцами прибыл в Петербург П. Аксельрод, также один из редакторов «Общины». Между тем, в 1878 году он вообще не появлялся в России.

В 1987 году версию прочтения варшавского адреса из письма Уэмбло предложил писатель А. Житинский в своей повести о Людвике Варыньском. Без всяких видимых оснований, он заявил, что Уэмбло зашифровал здесь местожительство революционера Мондшайна, использовав в качестве ключа страницу из «Исторических писем» Лаврова в СПб. издании 1870 года. Причем номер ключевой страницы соответствовал дате отправления письма. Вот так рождаются исторические мифы. Но ведь и у фантазии должны быть свои пределы. Особенно в отношении реальных исторических документов (77).

Есть целый ряд других писем Бесядовского, опубликованных в иных источниках, где он продолжал использовать свой шифр (78). Например:

З Ђ р ц л о д с о и с ъ - ВЂнцковскимъ [А.И. Венцковский];

Г е з о с о д ъ – Ѳедоровъ [Е.С. Федоров];

Редакция *Т а ъ а м* – Редакция «Начал»;

Ц о н о м ь – Соколь(ский) [вероятно, Сокальский – о нем идет речь в одном из писем Ю. Уземблo].

Симптоматично, что в переписке парижских «впередовцев» мы наблюдаем все тот же отход от прежних квадратных словарных систем. На ведущую роль выдвинулся уже зарекомендовавший себя гамбеттовский шифр. Что, впрочем, не удивительно, учитывая его «французское происхождение». Однако сравнительный анализ шифрпрактики землевольцев и впередовцев показывает, что к 1878 году первые значительно опережали другие народнические кружки в сложности применяемых ими шифрсистем. И если «Земля и Воля» уже с конца 1876 года главным образом использовала способ Виженера, то парижане и два года спустя продолжали употреблять более простую его разновидность – ключ Гронсфельда. Кроме того, закрытие только некоторых букв текста лишь упрощало возможную дешифровку подобных криптограмм.

Глава седьмая

Шифр жандармов

Среди бумаг народовольческого архива есть удивительный документ. Это копия шифра, которым пользовалось III отделение и корпус жандармов на протяжении многих лет своей деятельности. Очевидно, что он попал в руки революционеров через Николая Клеточникова, в течение двух лет служившего в штате III отделения, а затем (после его упразднения) сотрудником Департамента полиции. На службе он сделал блестящую карьеру. Обладая превосходным каллиграфическим почерком, Клеточников занимался переписыванием для своего начальства самых секретных и важных документов розыска. А имея отличную память, он был в состоянии точно запомнить нужные сведения для передачи Михайлову. Часть их находится здесь же, в Архиве, но относятся они, главным образом, к периоду «Земли и Воли». Другие же тетради Клеточникова (эпохи народовольчества) были уничтожены самими революционерами.

Михайлов самым тщательным образом оберегал свой источник информации, и лишь немногие революционеры имели доступ к Клеточникову. Он был причастен к высшим тайнам полиции, и этим обстоятельством землевольцы-народовольцы очень ловко пользовались. Практически жандармам удавались только случайные аресты, а долговременные акции заканчивались неизменным провалом. В августе 1880 года Клеточников на несколько дней был допущен начальством для шифровки секретных телеграмм (79). Этот факт специально отмечен в материалах «процесса 20 народовольцев», по которому проходили Михайлов с Клеточниковым. Тогда, очевидно, Николай Васильевич и снял копию с жандармского шифра. Для чего? Возможно, он имел возможность снабжать товарищей шифрованными телеграммами полиции, а те их сами уже разбирали. А может в «великом конспираторе» Михайлове сыграло простое любопытство? Впрочем, в августе 1880 года его не было в Петербурге, и решение о копировании шифра Клеточников принял, очевидно, сам.

К сожалению, в настоящее время такая книга, как «Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли»» является большой библиографической редкостью. Изданная небольшим тиражом (5 000 экземпляров), пройдя через все катаклизмы времени, она теперь доступна читателям только в больших книгохранилищах. Из этих соображений я приведу весь полицейский документ практически целиком. И это действительно интересно в свете темы нашей книги.

Инструкция к жандармскому шифру

22 28 37 53 32 65 34 49 39 14 66 18 41 24 67 13 61 26 20 35 30 17 46 36 19 38 42

15 27 31 33 40 21 57 68 50 56 29 64 48 63 47 62 16 54 11 45 23 44 25 52 43 58 10

55 60 59 51 12

↑ а б в г д е е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ю я

[буква «Е» фигурирует дважды (она же отвечает за «Э») , а весь числовой ряд выписывался в одну равномерную строку – А.С.]

1) Составив депешу, необходимо прежде всего в тексте оной подчеркнуть именно те слова, которые, заключая в себе секрет депеши, должны быть зашифрованы. Затем после каждой 12-й буквы шифруемого текста проводится вертикальный штрих.

2) Шифрующий движением азбуки ставит стрелку против желаемого нумера, под которым зашифровывает депешу к передаче телеграфом. Нумер этот состоит из двух цифр и пишется в начале каждых 12 букв шифруемого текста.

3) Депеша набирается так. Для составления слов берутся буквы, а к передаче телеграфом пишутся находящиеся под оными цифры так, что каждые две цифры выражают одну букву.

4) При шифровании первых 12 букв стрелка передвигается против другого любого нумера (только не соседнего), который прописывается и под которым продолжается шифрование следующей группы 12-ти букв. Затем снова передвигают стрелку произвольно (избегая впрочем возвращения в одной и той же депеше к употребленному уже в ней №) и т.д. до конца депеши.

5) Адрес депеши, подпись и цифры в тексте не зашифровываются, а пишутся просто, но при переходе от шифра к цифрам ставится тире (–), затем каждое произвольное число отделяется точкою или союзом, например 6.15 и 350.

6) Разбор депеши. Получивши таковую с телеграфа, разделяют шифрованные цифры запятыми на группы от левой руки к правой попарно и за каждой 13-ой парой производят вертикальный штрих. Потом движением азбуки ставят стрелку против первой пары, т.е. на №, под которым

первые 12 букв депеши зашифрованы, а со 2-ой пары приискивают цифры впредь до штриха, за сим ставят стрелку на нумер, следующий после штриха, приискивая под ним цифры до следующего штриха и т.д. Затем составляют содержание депеши из букв, под оными находящихся.

7) Секрет этого ключа недоступен, потому что в нем цифры составлены в произвольном порядке и кроме того имеют еще 29 изменений периодически обязательных.

8) В каком именно виде депеши пересылаются:

Саратов. Начальнику Губернского Жандармского Управления. Прошу выслать 46382523471925прежний6327574827391546562061144624143817422627151556363136176820644053402467132115 33, замененный 61262021 новым – 8.57414213243162 – 1871.61152624. Граф Шувалов.

9) Разбор депеши: Саратов. Начальнику Губернского Жандармского Управления. Прошу выслать *въ штаб* прежний *секретный жандармский телеграфный ключ,* замененный *мною* новым – 8 *января* 1871 *года*. Граф Шувалов» (80).

Итак, если верить документу, то с 8 января 1871 года в действие по всей территории России вступил новый шифр жандармов. Решение это было утверждено шефом III отделения Шуваловым. В современной литературе можно найти примеры использования этого ключа. Например, писательница Е. А. Таратута в своей замечательной монографии о Сергее Кравчинском привела копии целого ряда телеграмм по розыску жандармами ее героя в 1873 году. Правда, сам шифр ею дается лишь частично:

«4 декабря 1873 года. Начальник Тверского ГЖУ Яхонтов – Шефу жандармов в Петербург: «Донесено 32,20,35,49,35,36,35,17,41,46,13,35,26,65,38,41,67,66,41

распространялись 39,19,38,36,35... , участник отставной поручик 66,24,30... Двое других участников отставные поручики артиллерии

61,15,57,26,35,63,42,33,68,15,42,42 и 66,15,38,67,18,68,61,24 неизвестно куда скрылись... Полковник Яхонтов».

Расшифрованная депеша гласила: «Донесено: *Новоторжском уезде* распространялись *прокламации*, участник отставной поручик *Виктор Александрович Ярцев* поехал в Петербург сделать покушение на жизнь Государя... Двое других участников отставные поручики артиллерии *Кравчинский и Рогачев* неизвестно куда скрылись. Приступлено к производству дознания. Полковник Яхонтов».

В тот же день из Петербурга ушел срочный ответ:

«Тверь. Полковнику Яхонтову.

Основаны ли ваши сведения на слухах, показаниях или письменных данных, когда 22,30,49,46,28... по какому поводу 37,30,24,35... было ли против них 32,49,35,24,34,19,41... Прошу вообще сообщить 18,42,15,27... Управляющий III отделением Шульц» (81).

Прыткий Яхонтов задал работу всей жандармерии. Эту телеграмму в книге Е. А. Таратуты мы найдем без расшифровки. Но вот ее очевидный разбор: «... Когда *уеха(ли),* по какому поводу *скр(ылись*), было ли против них *возбуж(дено дело)*? Прошу вообще сообщить *опр(еделеннее)...»* (82).

Так наступала известность Сергея Кравчинского в полицейском мире.

Другой выдающийся историк русского революционного движения П. Е. Щеголев в своей работе «Таинственный узник» о заключенном в Алексеевском равелине Петропавловской крепости Михаиле Бейдемане неоднократно приводит пример, как жандармы шифровали его фамилию. Например, 1 июля 1881 года директор Департамента полиции Плеве телеграфировал начальнику Санкт-Петербургского ГЖУ генералу Комаровскому:

«Имею честь просить Вас, милостивый государь, принять содержащегося в Петропавловской крепости 14,46,35,40,66,35,17,66,18,13,35,67,13,67,15,13,27,13

(- *М и х а и л а Б е й д е - м а н а)*

от коменданта крепости и сделать распоряжение о препровождении его... в г. Нижний Новгород» (83).

Кроме этого циркуляра, Щеголев упоминает и другие - за более поздние годы. Самый последний датирован декабрем 1887 года. Ну а шифр тот же – утвержденный Шуваловым еще в 1871 году. И это поразительно! При аресте Клеточникова в 1881 году следствию стало известно, что он по службе имел доступ к жандармскому шифру. Однако никакого значения этому не придается и шифр не меняется!

Вот еще один характерный штрих. В 1965 году замечательный историк Н. Я. Эйдельман публикует свою работу: «Случай не надежен, но щедр». Статья повествует о связях некоего Эраста Перцова с редакцией «Колокола» летом 1861 года. Среди действующих лиц и сам граф Петр Андреевич Шувалов – тогда еще

управляющий III отделением. Эйдельман привел фотокопию шифрованного послания к шефу жандармов Долгорукому по делу Перцова. К своему немалому удивлению, я обнаружил, что и эта депеша из 1861 года шифрована все тем же жандармским ключом. Разница лишь в том, что, начиная с 1871 года, при шифровке через каждые 12 букв текста в обязательном порядке требовалась сдвижка периодического числового ключа. А за десять лет до этого он был фиксированным на весь текст телеграммы. Например:

«34,14,57,39,42,35,49,66,49,27,57,41,36,49,19,38,49,46,41,36,31,17,14,49...»

« В ъ б у м а г а х ъ Е р а с т а П е р ц о в а...» (84).

Что же у нас получается? В течение, как минимум, с 1861 по 1887 год жандармский шифр в России не менялся. Ушло в небытие III отделение, сменилось целое поколение полицейских и революционеров, а в этой важнейшей составляющей обеспечения тайны всей розыскной работы жандармерии в течение тридцати лет была тишь да гладь! Заметим, что сам срок, очевидно, был более широким. Просто мы ограничены в изучении жандармских документов. Подтверждение этому можно найти в книге Т. А. Соболевой. Процитируем:

«Секретный телеграфный ключ шефа жандармов 1907 года представлял собой набор из 30 простых замен, где буквам открытого текста соответствовали две цифры текста шифрованного, номер ключа – простой замены – проставлялся в открытом виде в начале сообщения. В правилах к этому шифру сообщалось, что «секрет этого ключа не доступен тем, что в нем цифры составлены в произвольном порядке и, кроме того, они имеют 29 изменений». При этом адресат депеши, подпись и все числа не зашифровывались и вставлялись в сообщение в открытом виде, отделяясь от шифробозначений с двух сторон (или с одной стороны – в конце или в начале сообщения) знаками «тире»».

Одним словом, и шифр 1907 года – полное соответствие шифру 1861-го. Только, возможно, был несколько изменен числовой ряд, составляющий ключ. Об этом же писал последний директор Департамента полиции А.Т. Васильев: «Департамент полиции для своих депеш пользовался шифром, который было очень трудно раскрыть. Он состоял из двух подвижных шкал, расположенных друг против друга таким образом, что буквы (в алфавитном порядке) соответствовали подвижной шкале цифр, расположенных по особой системе;эти шкалы должны были точно соответствовать друг другу в любой ситуации, чтобы дать возможность прочесть послание, написанное цифрами вместо букв. Так как ключ менялся не просто в каждом сообщении, но и часто несколько раз в одном и том же тексте, расшифровка такого послания была почти невозможна для непосвященных» (85).

Несмотря на заверения Васильева о надежности департаментского шифра, из всей этой истории вывод получается неутешительный. В охранных органах империи десятилетиями царила рутина, ничего не менялось. И революционеры со своим стремлением искать в криптографии что-то новое выгодно отличались от своих антиподов.

Что же касается копии шифра жандармов из народовольческого архива, то про него просто забыли. Он исчез вместе с самим архивом до самой Февральской революции 1917 года. И в этом полиции, возможно, повезло. Как сказал Н. Я. Эйдельман: «случай ненадежен, но щедр». Однако в 1909 году охранников ждала новая неприятность. В своем парижском журнале «Былое» известный историк и революционер В. Л. Бурцев воспроизвел цифровой шифр Департамента полиции, действующий в начале XX века (86).

Интерес к шифрам секретной политической полиции оставался в революционных кругах России неизменным. Но для совершенствования своих систем тайнописи они имеющуюся информацию никак не использовали. И мы находим мало общего в шифрах полиции и подполья, кроме одного – принципа периодичности. Фактически – жандармский шифр был тем же многоалфавитным ключом, что и шифры землевольцев и народовольцев, только немного сложнее. И основан он на идеях аббата Третемия, впервые описавшего этот вид криптографии.

Глава восьмая

Тюремная азбука

Знаменитый греческий историк Полибий (201 – 120 годы до н. э.) в своей девятой книге «Всеобщая история» указал способ передачи сведений на расстояние при помощи световой факельной сигнализации. Для этого он предложил использовать квадратную табличку размерами 5 х 5 клеток, куда в произвольном порядке выписывалась 24-буквенная греческая азбука. Сигнализируя последовательно координаты нужных букв на расстояние видимости факелов, греки достигали быстрой и безошибочной связи. Меняя же порядок букв в таблице, легко было изменять и шифр сообщений (87).

Полибий не был человеком, придумавшим эту систему. Но среди историков он первым описал ее. С тех пор всем квадратным шифрам присвоено его имя. «Ключ Полибия» предвосхитил изобретение множества других квадратных систем, дал толчок развитию книжных шифров. Эта же идея нашла прямое воплощение в азбуке, которую издавна применяли для перестукивания в тюрьмах русские революционеры.

Но здесь не было прямой связи. Идея координатного обозначения букв лежит на поверхности – она заложена в картографии, в шахматах, в математике и т.п. И достаточно было просто попасть в одиночную камеру и задуматься о способе связи с товарищами, как революционеры находили нужное решение.

Первыми здесь оказались декабристы. Честь этого эпохального открытия принадлежит Михаилу Бестужеву, который, находясь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, в 1826 году придумал перестукиваться через стены одиночных камер с товарищами. И именно по квадратной буквенной табличке. Об этом он подробно рассказал в своих мемуарах (88). Сама же табличка Бестужева сильно отличалась от более поздней революционной практики – в ней он разделял группы гласных и согласных букв и очень сильно сокращал используемую для перестукивания азбуку (от 28 до 14 букв!). Ничто не говорит о том, что воспоминания Бестужева как-то оказали влияние на изобретение подобной азбуки уже народниками 1870-х годов.

В отличие от шифров, мы знаем множество случаев описания метода перестукивания в воспоминаниях русских революционеров. Среди народников можно назвать мемуары П. Кропоткина, В. Фигнер, М. Фроленко, С. Синегуба, В. Короленко (известного русского писателя). Но лучше всех это сделал Н. А. Морозов в своих замечательных записках:

«Современный читатель, давно уже знающий, что во всех темницах политические заключенные перестукиваются друг с другом, едва ли поверит, что я, полгода действовавший со своими друзьями в Москве и почти полгода живший за границей, ничего не подозревал об этом. А между тем это было так! Ведь это мы изобрели и ввели в практику перестукивание, хотя, может быть, оно употреблялось и до нас декабристами, петрашевцами и т.д. ... Но они не оставили традиции, и мы должны были все изобретать самостоятельно и вновь» (89).

Все мемуаристы подробно описывают методы перестукивания, но для нас важно другое. Нам интересен, в первую очередь, набор букв алфавита, используемый в построении таблицы. Морозов дал следующую азбуку:

	1	**2**	**3**	**4**	**5**
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ь	ю	я	й

Здесь он использовал алфавит, применявшийся землевольцами для построения шифровальных таблиц. Но уже несколькими абзацами ниже мемуарист скорректировал свои воспоминания. Оказывается, что из этой таблички народники выбросили две буквы «Й» и «Ь», сделав ее 28-ми буквенной. Именно такой алфавит получил в российском подполье название «тюремной азбуки» и большинство авторов пишут как раз о нем. Но все зависело от личного опыта. И если первые пять строк таблицы никем не оспариваются, то в последней строке появляются разночтения.

	1	**2**	**3**	**4**	**5**
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ю	я		

Так, проходящий по «процессу 193-х» чайковец Сергей Синегуб сообщает о 29-ти буквенной азбуке (последняя строка: «ы, э, ю, я») (90).

А известный социал-демократ Владимир Акимов привел окончание таблички в виде: «ы, ь, ю, я, Ъ», что вообще ни с какими другими документами не согласуется (91).

Большинство же революционеров писало об 28-ми буквенной азбуке (92) :

Почему же мы так подробно останавливаемся на этом давно решенном вопросе? Дело в том, что народники заложили традиции не только перестукивания в тюрьме, но и первыми применили все известные революционные шифры. Для построения их они использовали, в основном, тридцатибуквенные алфавиты. Причем буква «Й» почти всегда ставилась ими в конце азбуки. Однако в более поздний, социал-демократический, период российского подполья большое распространение получила шифровальная азбука в 28 букв. И правильно истоки этой традиции искать опять же в народнической эпохе.

Обратим внимание и на то, что несмотря на наличие определенных орфографических правил употребления твердого знака в конце слов, народники их постоянно игнорировали. Нет его и в применяемых ими шифралфавитах. Только в 1918 году специальной реформой Советского правительства были отменены некоторые лишние буквы и правила их употребления, которыми была перегружена русская грамматика.

Однако уже в 1862 году в Петербурге состоялся ряд научных совещаний на тему реформы русского языка и его орфографии. До определенных решений дело не дошло и русские революционеры провели эту реформу фактически (в практике конспиративной переписки).

И еще одно замечание. Зачастую в литературе присутствует мысль, что принципы «тюремной азбуки» легли в основу квадратных шифров революционеров. Однако начали они использоваться ими задолго до того, как сотни народников наполнили царские тюрьмы. Вот примечательный абзац из энциклопедии Брокгауза-Ефрона: «Кроме буквенных шифров, существуют еще и *числовые*, в которых буквы заменяются цифрами или числами. Из этой категории наибольшей известностью пользуется шифр Мирабо. Азбука у Мирабо разделена на 5 или 6 групп, которые нумеруются по порядку; в каждой группе нумеруются также отдельно все буквы. При этом каждую букву в письме заменяют двумя числами, из которых первое обозначает № группы, а второе № буквы в группе; оба числа пишутся либо в виде простой дроби, либо в виде дроби десятичной» (73). Таким образом, если верить энциклопедии за 1903 год, то уже во времена Великой Французской революции конца XVIII века её руководителями (одним из которых и был Оноре Мирабо) использовался шифр, совершенно идентичный по построению «тюремной азбуке» русских революционеров. И можно сделать совершенно обратный вывод – именно квадратные шифры могли первоначально применяться в застенках для перестукивания, а затем их заменили на более простую и доступную систему.

Глава девятая

Партия «Народная Воля»

Судьбе этой революционной организации посвящены десятки воспоминаний современников, сотни книг и статей историков. История – наука достаточно конъюнктурная. И то, что вчера она считала добром, сегодня трактуется как абсолютное зло... И это очень удобно – ничем не рискуя обсуждать поступки давно ушедших от нас людей, обвинять их в наших нынешних проблемах и думать, что мы и есть последняя историческая инстанция.

Сегодня деятельность «Народной Воли» окрашена черной краской. Впрочем, то же самое можно сказать и про всю революционную историю. Пусть так... Но все, что произошло когда-то в России, совершенно закономерно. Прошлого не зачеркнуть, а можно только понять. И кровавого взрыва на Екатерининском канале вряд ли удалось бы избежать. Этот трагический факт русской истории логически вытекал из всей предшествующей борьбы революционеров.

1879 год – целая эпоха для подпольной России. Для общества «Земля и Воля» он стал роковым. Казавшийся таким удачным план народного восстания через организацию революционных поселений совершенно себя не оправдал. Репрессии правительства усиливались из месяца в месяц. В стране гремели выстрелы. И все чаще палачи строили виселицы. В 1878 – 1879 годах в различных судебных процессах приговорили к смерти 29 человек. 18 приговоров были приведены в исполнение. Среди повешенных – ближайшие друзья землевольцев - Валериан Осинский, Александр Соловьев, Дмитрий Лизогуб. Для А. Михайлова и его товарищей наступило время выбора. Еще совсем недавно, в сентябре 1878 года, он ратовал за «непременное и скорейшее отмщение оскорблений и мучений наших лучших товарищей». 1879 год усилил эти чувства в неимоверной степени. Друзья всходили на эшафоты. В Петропавловской крепости шла смертельная борьба революционеров с бесчеловечным режимом их содержания. Этому отдавались последние силы. Алексею Оболешеву не суждено было выйти из тюрьмы, Ольге Натансон разрешили умереть на руках у родственников, Александра Малиновская сошла в крепости с ума. Оставшимся на воле выход виделся один – мстить. Сначала возникло чувство. Под него оставалось подвести теоретическую базу. Но сомнений уже не было.

2 апреля 1879 года в самом центре Петербурга Александр Соловьев стрелял в императора Александра II. В столице началось настоящее ошаление властей. Деятельным помощником Соловьева оказался Александр Михайлов. Глубоко потрясенный неудачей и бесполезной гибелью товарища, преследуемый полицией, он покидает Петербург. Путь его лежал на юг. Он курсирует между Киевом, Одессой и Черниговом в надежде спасти деньги Дмитрия Лизогуба.

14 мая 1879 года, в день отъезда Михайлова из Киева, в городе происходит казнь другого его друга Валериана Осинского. Александр направляется в Чернигов к управляющему делами Лизогуба Владимиру Дриге, не подозревая, что тот уже встал на путь предательства. Затем он объявляется в Одессе, чтобы попытаться связаться с Лизогубом и через тюремные стены получить от него приказ Дриге – отдать все состояние Михайлову.

Одновременно без остановки идет подготовка к землевольческому съезду. И Михайлов неустанно ищет сторонников террористической борьбы. По рекомендации Арона Зунделевича и Михаила Фроленко на его горизонте появляется Андрей Желябов. Так встретились два будущих вождя террора. А события приближаются. Еще в мае 1879 года в недрах «Земли и Воли» образовалась террористическая группировка «Свобода или смерть» во главе с Александром Квятковским. Все было готово к решительным действиям.

15 июня в Липецке собрались одиннадцать человек, чтобы накануне съезда землевольцев согласовать свои террористические планы. Здесь встретились А. Михайлов, А. Желябов, А. Квятковский, Н. Морозов, Л. Тихомиров, М. Фроленко, С. Ширяев, А. Баранников, М. Ошанина, Н. Колодкевич и Г. Гольденберг. Решение съезда единогласное – продолжение борьбы с правительством через организацию прямого покушения на царя.

18 июня в Воронеже открывается очередной съезд «Земли и Воли». С зимы – весны 1878 года народники не собирались в таком представительном составе. Принимается значительное количество новых товарищей – Основной кружок был изрядно опустошен правительственными репрессиями. В съезде участвовало 19 человек, представляющих 40 землевольцев. Шли отчаянные споры, но раскола не последовало. Лидер мирной работы в деревне Георгий Плеханов демонстративно покидает съезд. Но остальные товарищи еще держатся друг за друга.

Половину июля 1879 года Михайлов вновь провел в Одессе, но 14 числа выехал в Чернигов. Он еще не знает, что вместе с Дригой его ждет там полиция. В своде «Показаний... по делам о государственных преступлениях» читаем:

«В июле 79 года состоящий под надзором полиции в Чернигове Владимир Дрига дал указание на лицо, известное под псевдонимом Безменова, приехавшего в Чернигов в том же июле 79 года перед самым заявлением Дриги с целью получить деньги. Сам Безменов сумел скрыться, в оставленных им вещах – вексельный бланк, химические чернила, какие-то порошки, склянки с различными составами и машинка для штемпелей. Безменов среднего роста, носит рыжую бороду, заикается, приезжал 9 мая 1879 года из Курска в Киев и останавливался в гостинице «Заря» по Безаковской улице в доме Фидлера, а через пять дней обратно выехал в Курск. Проживал под именем Михаила Дмитриевича Михайловского. 13 июня был проездом вместе с дворянином Василием Андреевичем Чернявским в Липецке Тамбовской губернии, где останавливались на постоялом дворе Голикова» (93).

Жандармы пока не догадываются, что скрывшийся от них Безменов есть Александр Михайлов, а дворянин Чернявский – Андрей Желябов. Но сыщики уже взяли первый след.

В своих содержательных автобиографических записках Михайлов рассказал, как чудом избежал ареста в Чернигове и, бросив в гостинице все вещи, ночью скрылся из города. Неудача! А деньги нужны срочно. В Петербурге по решению Липецкого съезда Степан Ширяев начинает производство динамита. Это требует немалых средств. Десятки революционеров живут нелегально, снимают квартиры. И только на содержание конспиративных явок в Петербурге ежедневно тратилось двести рублей. По тем временам – огромные деньги.

Михайлов проявляет просто гениальную распорядительность. В конце июля – начале августа он в Москве, затем в Петербурге, через две недели снова в Москве. Параллельно «Дворник» определяется с местом взрыва царского поезда. Но перед этим, 15 августа, в пригороде Петербурга прошел последний съезд «Земли и Воли». Разрыв стал неизбежен. Родились две новые организации – «Народная Воля» и «Черный Передел». «Земле и Воле» так и не суждено было пасть под ударами царской полиции. Навсегда она осталась образцом подпольной организации для всех поколений российских революционеров.

Но трагическая судьба ждала прямую наследницу общества землевольцев – «Народную Волю». Программа новой партии была проста: подготовка заговора и восстания при сочетании террористических актов с пропагандистско-организационной работой во всех слоях российского общества. В конце лета 1879 года был окончательно утвержден новый устав организации, принятый еще на Липецком съезде.

Долгое время этот важнейший документ считался утраченным и судили об уставе только со слов уцелевших народовольцев. Но, видимо, рукописи действительно не горят. В 1924 году в заграничном издании В. Л. Бурцева «На чужой стороне» был опубликован устав легендарной «Народной Воли», обнаруженный историками в бумагах известного жандарма генерала Новицкого. Устав содержит 77 параграфов и подробнейшим образом регламентирует всю структуру «Народной Воли». Он не датирован, но, по косвенным признакам, несомненно, относится к осени 79 года – к моменту разворачивания деятельности новой организации.

Принцип построения «Народной Воли» был в общих чертах схож с «Землей и Волей». И не удивительно – обе организации основали одни и те же люди. Во главе общества землевольцев мы видим Основной кружок, вокруг которого образовывались различные специализированные группы и поселения. Во центре Основного кружка стояла выборная Администрация. Подобную картину нетрудно проследить и в «Народной Воле».

Вместо «Основного кружка» существовал «Исполнительный комитет» (ИК), название которому придумал еще Валериан Осинский. В разное время в него входило (по март 1881 года) около трех десятков человек. Большинство его членов были очень молоды, а самому старшему исполнилось только 30 лет. Однако все они являлись опытными подпольщиками со значительным стажем нелегального существования. Революционеры прекрасно отдавали себе отчет, что впереди их ждет, в лучшем случае, каторга. Народовольцы отказывались от любого имущества в пользу своей партии, не имели права самостоятельно покинуть организацию, клялись хранить абсолютную тайну, а обязанности перед товарищами ставились выше любых личных проблем. Главная роль в «Народной Воле» отводилась общему собранию, но все текущие дела решала Администрация (или Распорядительная комиссия) из трех человек. Вот пункт устава, интересующий нас в первую очередь:

> «§ 29. Администрация устанавливает пароли и шифры, обязательные для всех членов Исполнительного комитета. ***Только*** [выделено мною – А.С.] этими установленными способами члены комитета могут вести деловую комитетскую переписку и записывать секретные сведения, адреса, фамилии и пр.» (94).

Вокруг Исполнительного комитета формировались группы и агенты с жесткой привязкой к Центру. Организация объявила настоящую войну самодержавию, и отношения внутри нее были тоже военные. В течение двух лет героического поединка с правительством «Народная Воля» приобрела невиданный ранее авторитет революционеров в российском обществе. И уже будучи разбитой физически и морально, она еще долгое время наводила страх на царя и его окружение. Существование Исполнительного комитета было тщательно законспирировано. Никто не знал его членов. При своем аресте они не имели права объявлять о своей принадлежности к комитету, а назывались его агентами 3-ей степени. Каждый пункт устава исполнялся очень тщательно и безусловно. Поэтому не позднее августа 1879 года Администрация должна была уже утвердить шифры новой организации. Это обстоятельство очень важно и имеет решающее значение для наших дальнейших выводов. Но об этом позже. А пока продолжим листать героические страницы «Народной Воли».

Производство динамита шло полным ходом. Во главе стоял член ИК Степан Ширяев, помогали Анна Якимова, Николай Кибальчич и Владимир Иохельсон (первая – член ИК, двое последних – агенты 2-й степени). В конце сентября работа была успешно окончена и чемоданы с динамитом потянулись в разные концы России.

Для покушения на Александра II выбрали три места – под Москвой (А. Михайлов), под Александровском (А. Желябов) и под Одессой (М. Фроленко). И во всех трех случаях планировался взрыв царского поезда во время возвращения императора с летнего отдыха в Петербург.

Александр Михайлов окончательно осел в Москве в конце сентября 1879 года. Он хорошо знал этот город, имел здесь много знакомых и близкую родню. Но в этот раз соблюдал сугубую осторожность.

На самой окраине Москвы, в сущности – уже пригородной деревне, был куплен частный дом рядом с железнодорожным полотном. Хозяевами его стали Лев Гартман и Софья Перовская. Совсем недавно мирные пропагандисты, теперь оба превратились в отчаянных террористов. В ночь на 1 октября из подвала дома в сторону железной дороги начал копаться грандиозный подкоп. Направление его было выбрано самым кустарным способом – отвесом, компасом и ватерпасом.

Галерея велась с огромными трудностями. Через год, будучи арестованным, Александр Михайлов подробнейшим образом расскажет жандармам, как все это происходило. В ужасной тесноте (высота галереи составляла 80 сантиметров), при постоянной угрозе обвала (толщина земляного пласта над галереей не превышала 90 сантиметров), в постоянной грязи и холоде (снизу вплотную подпирали грунтовые воды) – таковы были условия подкопа. Работали с семи утра до девяти вечера, но успевали прокопать в день не более полутора – двух метров. В начале ноября зарядили дожди. Условия стали невообразимые. Добавить сюда почти полное отсутствие вентиляции – и картина приобретет законченный вид. Это был каторжный труд горстки террористов. И какую силу воли нужно было иметь, чтобы выдержать подобное. Предоставим слово самому Михайлову:

«Чтобы как-нибудь избавиться от воды и осушить хоть конец галереи, мы устроили на сажень от конца плотину и переливали воду за нее. Сверху плотины было оставлено отверстие, чрез которое можно было только просунуться. Это сделало конец галереи подобным могиле... Для работы мы влезали в образовавшийся в конце склеп и, лежа по грудь в воде, сверлили, упираясь спиной и шеей в плотину, ногами в грязь. Работа была медленная, неудобная и... Но для полной характеристики я не могу подобрать слов! Положение работающего там походило на заживо зарытого, употребляющего последние нечеловеческие усилия в борьбе со смертью. Здесь я в первый раз в жизни заглянул ей в холодные очи и к удивлению и к удовольствию моему остался спокоен» (95).

Потрясающие показания! Прошел уже год (!!!) после описываемых событий. И каковы же были впечатления Михайлова, Гартмана, Баранникова и других участников покушения непосредственно после его окончания?

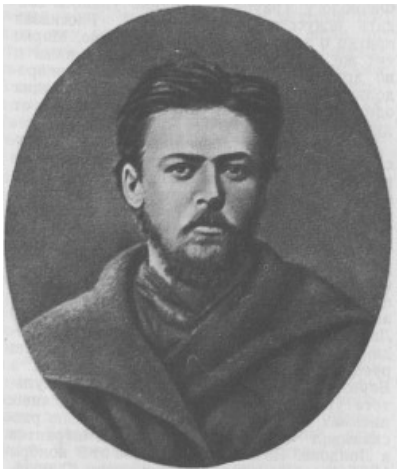
10 ноября 79 года подкоп, наконец, был завершен. Он составил около 45 метров туннеля и 5 метров просверленной земляным буравом минной галереи. Неимоверные усилия по проталкиванию в узкое 15-сантиметровое отверстие цилиндрической мины не увенчались успехом – она застряла под соседней парой рельс. Оставалась надежда, что силы взрыва хватит разворотить все полотно. Но не хватило.

19 ноября 1879 года Степан Ширяев по сигналу Софьи Перовской взорвал заряд под проходящим мимо поездом. Состав сошел с рельс, но никто серьезно не пострадал. В нем оказалась только царская свита, сам император проехал мимо раньше в другом поезде. А перед этим также безрезультатно окончились подкопы на юге – под Одессой он был отменен, а в Александровске мина просто не взорвалась.

28 ноября 1879 года Михайлов покинул Москву и выехал в Петербург. А там тоже началась полоса тяжелых неудач. 24 ноября были неожиданно арестованы Александр Квятковский и Евгения Фигнер. В засаду на их квартире попала и госпожа Хитрово – Ольга Любатович, жена Николая Морозова. Но супругам удалось благополучно скрыться от полиции.

В ночь с 3 на 4 декабря схватили Степана Ширяева и Сергея Мартыновского. У последнего изъята «небесная канцелярия» – паспортное бюро, основанное некогда Оболешевым. А еще раньше, 28 октября, прямо в Публичной библиотеке попал в засаду Арон Зунделевич. Террористы понесли серьезные потери. И, главное, то были случайные аресты. Клеточников о них ничего не знал.

Сгустились тучи и над «Алхимиком». Так народовольцы называли Льва Гартмана за его страсть к химии. После московского взрыва полиция начала опрашивать всех соседей четы Сухоруковых. Под этой фамилией скрывались Гартман и Перовская. Наконец, к середине декабря 79 года, «Сухоруков» был опознан, о чем Михайлов был немедленно оповещен Клеточниковым. Во всех газетах и уличных афишах появилось сообщение, что одну из главных ролей в московском подкопе играл архангельский мещанин Лев Николаевич Гартман. Там же давались приметы террориста и приводилась его фотография. Ситуация осложнилась до крайности. Всегда жизнерадостный Гартман впал в мрачное уныние. Им овладела навязчивая идея – не даться живым в руки полиции. Обитал он в частной гостинице, и любой ничтожный инцидент мог окончиться пальбой Гартмана. Исполнительный комитет принял решение о его немедленном отъезде за границу.



Л. Гартман

В конце декабря 79 года Лев Гартман, агент ИК 2-й степени, тщательно загримированный, в сопровождении Владимира Иохельсона, отправился на западную границу, где контрабандисты перевели его за кордон. Больше Гартман никогда не увидел родины. Перед своим отъездом он был тщательно проинструктирован Михайловым. Был ими условлен и шифр для конспиративной переписки. Через год после описываемых событий Лев Гартман стал официальным представителем «Народной Воли» за рубежом. К тому времени он получил там громкую известность. Находясь в Лондоне, Гартман вел через подставные адреса обширную переписку с ИК. На его послания отвечала Вера Фигнер, с осени 1880 года ставшая секретарем Исполнительного комитета. Сохранился ряд подлинных писем Гартмана – они отложились в бумагах дошедшего до нас народовольческого архива. Одно из них, в частности, содержит два зашифрованных лондонских адреса, служивших передаточным звеном в переписке народовольца. Криптограммы так и остались не разобранными при публикации. Теперь их прочтем мы. Но предварительно приведем фрагмент письма Гартмана, выполненного им химическим способом между строк нейтрального текста.

«14 октября 1880 года. Лондон.

Друзья! В виду того, что теперь половина октября и, следовательно, остается у меня пять недель до отъезда в Америку, прошу вас поторопиться с ответом на мои два большие последние письма. Получили ли вы их и разобрали ли? В виду того, что письма шлете вы все по одному адресу гренвилевскому, тогда как я дал еще адрес, повторяю этот второй и прибавляю еще третий адрес.

Первый адрес: Мистер **япупьт юрр хщхуыкяю** Crownfield Road,Stratford E.

Второй адрес: Мистер **нщепьу ноздкщб тофомвшгьи** Clarence Street, Essex Road. N.» (96).

Ключом к шифру письма Гартмана являлась фраза «**Могила любви**». Система же шифра гамбеттовская, совершенно аналогичная землевольческой практике. Полный ключ представлен в таблице 4.

Таблица 4

	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й
М	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
Г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а
Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л
Ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю

Б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б
В	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и

Пользуясь ею, криптограмму нетрудно прочесть:

«...Первый адрес: Мистер *Саперс, сто тридцать…* Второй адрес: Мистер *Алберт Бребант, одиннадцать…*»

Через две недели, 30 октября, Лев Гартман, видимо с оказией, отправляет в Россию еще одно письмо уже без всякой химии. В нем он упоминает и фамилии двух англичан, выше расшифрованные нами. Причем адрес Саперса «Алхимик» отменяет и дает новый. Всего в письмах Гартмана есть указания на пять подставных адресов, используемых для тайной переписки с Россией. Так что дело народовольцами ставилось профессионально. Но вынужденное разделение криптограммы на фрагменты, соответствующие зашифрованным словам, влекло к понижению прочности шифра. Гартман просто опасался здесь ошибки. Это обстоятельство в значительной мере облегчило поиск ключа к шифру.

Шифр «**Могила любви**», конечно же, был условлен народовольцами еще в России. Но Гартман не был членом Исполнительного комитета. Поэтому он никак не мог знать комитетского ключа. Это категорически запрещалось уставом ИК, который Михайлов сам никогда не нарушал и требовал того же от товарищей. Очевидно так же, что ключ этот был условлен непосредственно перед отъездом Гартмана из Петербурга. И если мы вспомним здесь московский подкоп и ужасные условия, в которых он велся, то слово «могила» обретет для нас определенный смысл.

Понятия «подкоп» и «могила» с осени 79 года для народовольцев встали рядом. Их минная галерея сотрясалась от проезжающих мимо поездов, в любую секунду мог случиться обвал – а это конец всему: делу, жизни и любви. Они ведь были очень молодыми людьми – все эти страшные фанатичные террористы. И на краю жизни и смерти тоже любили. Здесь мы вторгаемся в весьма деликатную сферу симпатий народовольцев друг к другу. Исполнительный комитет был чрезвычайно замкнутой структурой революционной партии. Никто не мог знать, что происходит у него внутри. Между тем, несмотря на суровый устав, все отношения в нем строились главным образом на основе любви и товарищества.

Исполнительный комитет отчетливо делился на влюбленные дуэты, скрепленные узами гражданского брака: Перовская и Желябов, Оловенникова и Баранников, Иванова и Квятковский, Якимова и Ланганс, Лебедева и Фроленко, Любатович и Морозов, Сергеева и Тихомиров, Корба и Михайлов, Гельфман и Колодкевич. Геся Гельфман не была членом ИК, однако, настолько близко к нему стояла, что Лев Тихомиров, очень точный в своих воспоминаниях, считал ее членом центра. Без пары оставалась, пожалуй, лишь очаровательная Вера Фигнер, незадолго до этого порвавшая с законным супругом. Только этот беглый перечень говорит нам о том, что любовь чрезвычайно много значила для народовольцев.

Все они знали, что очень скоро погибнут. И от этого их взаимные чувства разгорались только сильнее. Но плоды их были трагичны. Софья Иванова, Геся Гельфман и Ольга Любатович потеряли своих новорожденных детей в катаклизмах террористической борьбы. Анна Якимова, уходя на каторгу, отдала своего сына в чужую семью. И только Екатерина Сергеева, уехавшая с мужем и детьми за границу, смогла обрести семейное счастье. Но и им это стоило огромных физических и моральных издержек. «Могила любви»… Простой ключ к шифру, а за ним вся судьба народовольцев!

Новый 1880 год подпольщики встретили с надеждой. Казалось, все свои неудачи они оставляли в прошлом. Опять шла изматывающая охота на императора – в Зимнем дворце Степан Халтурин готовился взорвать свою бомбу. Работала день и ночь динамитная мастерская Кибальчича, тайная типография печатала очередные номера «Народной Воли», а все российское общество с замиранием ждало развязки кровавой схватки революционеров и царя. Но беда снова стояла на пороге.

18 января 1880 года полиция нагрянула в Саперный переулок, где находилась знаменитая «тайная печатня» народовольцев. Обычная по-началу проверка паспортов кончилась пистолетной пальбой революционеров. Началось настоящее ночное сражение, под гром выстрелов которого пылали секретные архивы, бумаги Клеточникова, нелегальная литература. В числе прочих была арестована член ИК Софья Иванова, ставшая гражданской женой Александра Квятковского. Народовольцы потеряли свою крупнейшую типографию, опытных печатников и близких друзей.

В редакции «Народной Воли» также было неспокойно. Между двумя ее основными членами Тихомировым и Морозовым развернулась жаркая дискуссия, грозящая опрокинуть все теоретические постулаты народовольчества. Не желая являться причиной раздора, Николай Морозов решает временно покинуть Россию. Михайлов тяжело соглашается с этим, но торопит Морозова и его супругу с отъездом.

22 января из Парижа приходит новое трагическое известие – по требованию русского правительства там арестован некий Эдуард Майер, оказавшийся на деле разыскиваемым Львом Гартманом.

На этом фоне Морозов и Любатович пересекают границу, а 5 февраля в самом центре Петербурга – в Зимнем дворце – раздается мощный взрыв. Попытка взорвать царскую столовую обернулась страшной неудачей – вместо царя погибают одиннадцать солдат караула и пятьдесят шесть получают ранения. Такова цена покушения на Александра II.

Русское правительство начинает упорную борьбу за выдачу Гартмана России. С этой целью в Париж выезжает специальный посланник Н. Муравьев, будущий прокурор на процессе первомартовцев.

А в Женеву, в колонию русских политэмигрантов, летит письмо от Исполнительного комитета. Ольга Любатович впоследствии вспоминала:

«Старые товарищи наши по Исполнительному комитету, взволнованные вестью об аресте Гартмана в Париже, прислали мне деньги и письмо с просьбой съездить в Париж и похлопотать там перед французским правительством об освобождении Гартмана. Первым министром Франции был тогда знаменитый Гамбетта. Поручение ИК я лично, по болезни, исполнить не могла и передала его Сергею Кравчинскому» (97).

Все так и было. Только Гамбетта тогда еще не являлся премьер-министром. Сохранилось и письмо Исполнительного комитета к Ольге Любатович и ее товарищам. Находится оно в фонде С. М. Кравчинского в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Биограф писателя-революционера, Е. А. Таратута, привела выдержки из упомянутого письма в своей монографии. Повторим их и мы.

«Сердечный привет вам, дорогие товарищи, и поручение от нас! Судьба Гартмана – вот что в данный момент нас крайне озабочивает..., озабоченные вопросом, что можем сделать мы отсюда, как организация, мы положили: 1) отправить сегодня же в редакции органов французской прессы копии прилагаемого воззвания к французам, и во-вторых, уполномочиваем Сергея, Ольгу или Веру [Засулич – А.С.] ходатайствовать по этому делу от имени Исполнительного комитета официально. В более подробной инструкции нужды нет. Мы верим в успех ваших стараний... Посылаем сто рублей на путевые издержки. В крайнем случае постарайтесь **ытжпкчтмькр...**

Сообщите Судзиловскому и Ивановскому **дутушпайпьй...** Действуйте, товарищи, поэнергичнее. С(ергея) обнимаю. М(ихайлов)» (98).

Как видим – письмо закрыто буквенным шифром. И очень жаль, что в свое время Евгения Таратута привела только обрывки текста, ибо сейчас ключ к нему известен. Немного странно, на первый взгляд, что письмо не адресуется Н. Морозову. Но тот сам был активным участником подкопа и его вполне могла постигнуть участь Гартмана. В то же время здесь несомненно присутствует и обида народовольцев на Морозова, покинувшего «поле боя» и скрывшегося в благополучной Европе.

Ключом же к шифру народовольцев (а точнее – Исполнительного комитета) была фраза «**Магазин вин**». Что она означала – неясно. Но если вспомнить, что собрания революционеров для конспирации зачастую проводились под видом пикников (например, знаменитый Липецкий съезд), то «магазин вин» вполне мог стать какой-то их деталью. Ключ к шифру приведен в таблице 5.

Таблица 5

	а	**б**	**в**	**г**	**д**	**е**	**ж**	**з**	**и**	**к**	**л**	**м**	**н**	**о**	**п**	**р**	**с**	**т**	**у**	**ф**	**х**	**ц**	**ч**	**ш**	**щ**	**ы**	**ь**	**ю**	**я**	**й**
М	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а
Г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а
З	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
В	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н

Разбор криптограммы не представляет трудностей:

1. «В крайнем случае постарайтесь *освободить Г (артмана)...»*

2. «Сообщите Судзиловскому и Ивановскому *что Третье от (деление)*...»

Насчет эмигрантов Николая Судзиловского и Василия Ивановского все более-менее ясно. Видимо через Клеточникова Михайлов получил сведения об их розыске полицией за границей.

Сложнее с первой фразой: «В крайнем случае постарайтесь *освободить Гартмана…*»

Если мы правильно прочитали второе слово криптограммы, то нельзя не задать напрашивающийся сам собой вопрос: а что понимать здесь под крайним случаем? При выдаче России Гартману грозила бескомпромиссная петля. Когда летом 1878 года Михайлов и Морозов принимали участие в вооруженной попытке освобождения Войнорального, то они ведь тоже стояли перед крайним случаем! Так что же? Опять планировалось вооруженное освобождение товарища? Если так, то какими силами предполагалось это осуществить? На кого из эмигрантов можно было рассчитывать? И какой резонанс это могло вызвать в демократической Франции, где жили десятки русских политэмигрантов?

Неполная расшифровка письма народовольческого ИК ставит перед нами очень важные вопросы – «Народная Воля» (во всяком случае, на словах) признавала возможность своих террористических приемов революционной борьбы только в условиях российского самодержавия. И прочтение шифра по поводу освобождения Л. Гартмана может, вдруг, поставить это утверждение под сомнение. Выход здесь один – поднять давно забытое письмо из архива Кравчинского для повторного изучения. Возможно, что кто-то заинтересуется им и проведет свое личное расследование (99).

Отметим попутно следующее. Это отнюдь не единственное известное письмо Исполнительного комитета к Ольге Любатович и Николаю Морозову. Целая группа их, выполненная рукою Веры Фигнер, хранится в различных архивах страны. Как, впрочем, и черновики ответов на эти письма самого Морозова. Биограф этого выдающегося революционера и ученого В. А. Твардовская указывала по этому поводу:

«Письма Фигнер – образец конспиративной переписки того времени. Основной (секретный) текст писался шифром химическими чернилами, подлежащими проявлению. Написанный поверх (обычными чернилами, зачастую на французском языке), открытый текст вполне житейского характера был также наполнен особым смыслом, непонятным для непосвященных» (100).

Остается только сожалеть, что указанные письма в массе своей не опубликованы или же даются в очень кратких фрагментах. Часть их содержит до сих пор не разобранные криптограммы, как, например, письмо Морозова Исполнительному комитету от 20 декабря 1880 года (по свидетельству Твардовской, в нем фигурирует список из пяти зашифрованных фамилий, принадлежащих революционерам из народовольческой эмигрантской группы) (101). Вполне вероятно, что все эти документы также зашифрованы фразой «**Магазин вин**» и прочтение их может дать новые неизвестные сведения о деятельности ИК «Народной Воли» и русской эмиграции того времени.

Но вернемся к судьбе Л. Гартмана. Женевские эмигранты выполнили просьбу народовольцев. Плеханов, Кравчинский и Жуковский срочно выехали в Париж. Обстановка во Франции оказалась крайне раскалена. Имя русского террориста было у всех на устах. Хлопотами по его освобождению руководил Петр Лавров. Наконец, в субботу, 28 (16) февраля 1880 года он сам вместе с тремя женевцами посетил председателя палаты депутатов Французской республики влиятельного Леона Гамбетту. Это была странная встреча русских революционеров и человека, в честь которого они назвали свой шифр.

Гамбетта принял их холодно. Хмуро сказал, что французское правительство не намерено предоставлять политического убежища несомненному преступнику Гартману. И, после паузы, от которой оцепенели его посетители, добавил, что Гартман будет выслан за пределы Франции на ближайшую, северную, границу. В Англию! Это была свобода... Русское правительство ничего не смогло изменить.

А в самой России дела приближались к неведомому повороту. Готовилось новое судилище, вошедшее в историю как «процесс 16 террористов». Он открылся в Петербургском военно-окружном суде 25 октября 1880 года. Здесь оказались все схваченные к тому времени народовольцы. Среди них – А. Квятковский, А. Пресняков, С. Ширяев, С. Иванова, А. Зунделевич, С. Мартыновский, Н. Бух, Е. Фигнер и другие. Но о том, что среди подсудимых были пять членов страшного ИК, власти могли только догадываться.

Через адвокатов народовольцы сумели завязать переписку с арестованными товарищами. Народовольческий архив сохранил обширную группу документов того времени. Среди них – письма. Как и положено, некоторые из них тщательно зашифрованы.

2 ноября 1880 года Софья Иванова переправляет на волю очередное послание:

> «Дорогие друзья! Степан просил передать вам относительно его карточки, в 1878 году он снимался в Париже у Клячко... Когда карточки переснимете, то непременно снабдите его жену (переслать тем же способом, как он писал раньше), а так же дайте карточки его личным друзьям землякам, которых знает 8.20.13.29.14.5 (шифрую по книжному)... Просили передать вам, чтобы вы

19.13.21.5.15.13.7.14.20.10.20.18.21.22.30.7.22.10.25.11.10.14.17.13.9.5.25. как и прежде... Прощайте, милые» (102).

Несмотря на предостережение Ивановой, что она «шифрует по книжному», это самый простой шифр, каким когда-либо пользовались члены ИК. Очевидно, что прибегнуть к более сложному способу в тюрьме ей было сложно. Мы имеем здесь типичный цифровой ключ, где к порядковому номеру нужной буквы прибавлялась цифра четыре. В итоге получался следующий шифрованный алфавит:

5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	1	2	3	4
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	й

Пользуясь ключом, читаем:

1. «... дайте карточки его... землякам, которых знает *Гришка*» [очевидно, Григорий Исаев, член ИК – А.С.].

2. «Просили передать вам, чтобы вы *писали в крепость в тех же книгах...*»

Последнюю фразу понять не трудно. Народовольцам помогал в переписке с Петропавловской крепостью сын смотрителя Трубецкого бастиона Николай Богородский. Он передавал в тюремную библиотеку книги, в которых условными значками отмечались нужные буквы письма. И заключенным требовалось только получить эти книги в свою камеру. Впоследствии Н. Богородский окажется на каторге, а затем женится на известной нам М. Коленкиной.

Ну, а Степан, о котором идет речь в письме С. Ивановой – член Исполнительного комитета Ширяев, осужденный на судебном процессе к бессрочной каторге. К смертной же казни приговорили двоих – Андрея Преснякова и Александра Квятковского. Софья Иванова получила 4 года каторги.

«Процесс 16-ти» закончился 30 октября. Но 29-го Степан Ширяев пишет на волю две записки, предполагая, что и он, как человек, совершивший московский взрыв, также будет повешен. Одна из записок зашифрована в виде цифровой криптограммы, обширна и при публикации не была полностью разобрана. Между тем Ширяев был видным народовольцем. Жизнь его как искра, пролетевшая по ночному небосклону России. Хорошо знавший его Н. Морозов много лет спустя вспоминал о своих встречах со Степаном в 1878 году:

«Ширяев оказался чрезвычайно симпатичным молодым человеком. Особенно сближало меня с ним то, что он был физиком по своей специальности. Прошлую зиму он усердно работал в Париже у Яблочкова при его первых попытках приложить электричество к освещению, и прекрасно знал электротехнику. Теперь он, бросив на время науку, приехал в Россию с той же целью ее гражданского освобождения, ради которой должен был оставить науку и я. Ширяев был блондин с очень бледным цветом кожи и тонкими итальянскими чертами лица» (103).

В мае 1879 года С. Ширяев примкнул к группе «Свобода или смерть», организованной Квятковским в недрах «Земли и Воли». На Липецком съезде он первым предложил при покушении на царя воспользоваться динамитом (за 12 лет до этого изобретенным Нобелем) и вызвался самостоятельно его изготовить. Что и было с успехом выполнено. Потеря Ширяева, одного из центральных участников осенних 1879-го года подкопов в Александровске и Москве, стала тяжелым ударом для ИК. И письма Ширяева товарищам – это важные документы в эпистолярном наследии «Народной Воли». Обратимся к ним:

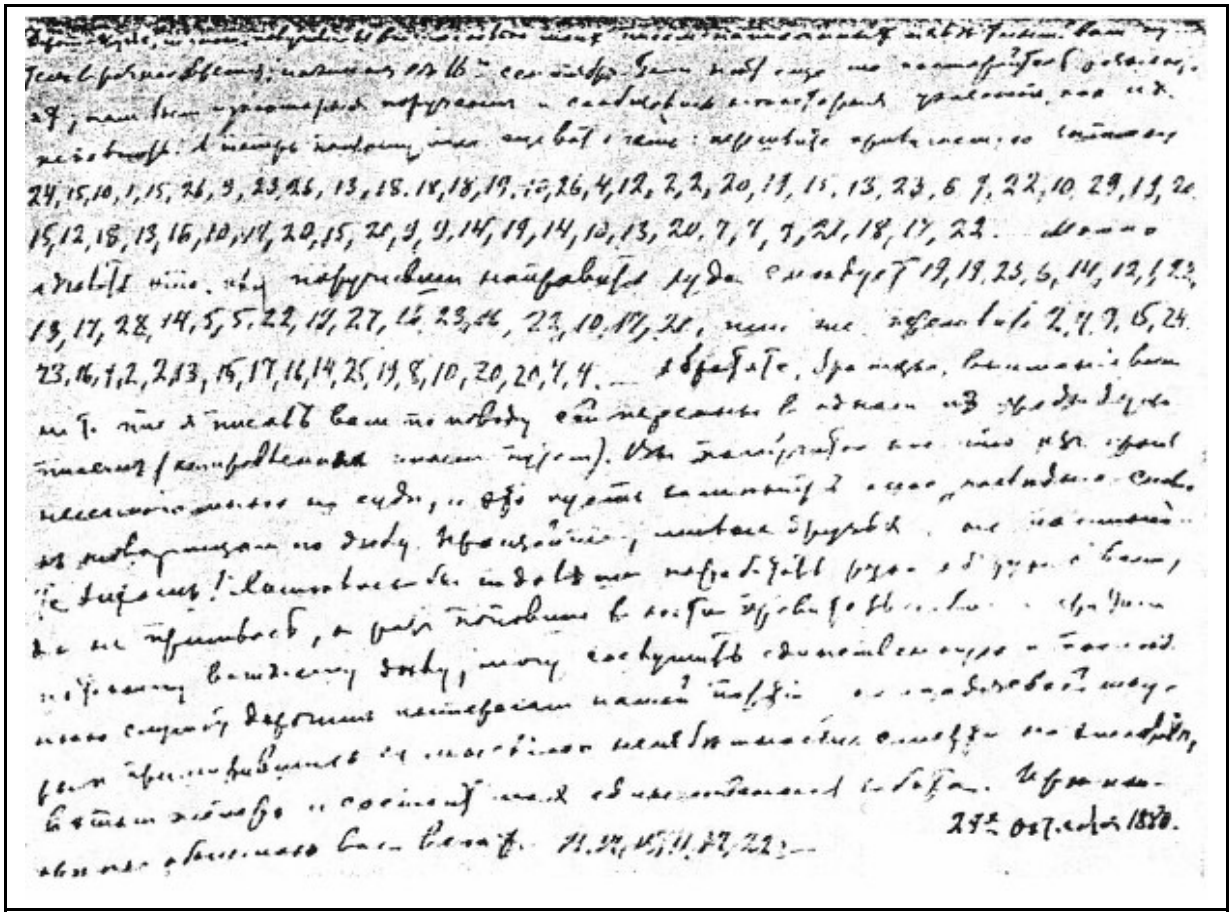
> «Дорогие друзья! Не знаю, получили ли вы несколько моих писем, написанных известным путем в разное время, начиная с 16 сентября. Если нет еще, то постарайтесь разыскать их… А теперь попрошу вас еще вот о чем: перешлите прилагаемую записку 24, 15, 10, 1, 15, 15, 26, 9, 23, 26, 13, 18, 18, 18, 19, 10, 26, 4, 12, 2, 2, 20, 19, 15, 13, 23, 6, 9, 22, 10, 29, 19, 20, 15, 12, 18, 13, 16, 10, 18, 20, 15, 20, 9, 9, 14, 19, 14, 10, 13, 20, 7, 7, 9, 21, 18, 17, 22. Можно сделать это или поручивши направить куда следует 19, 19, 23, 6, 14, 12, 1, 22, 13, 17, 28, 14, 5, 5, 22, 19, 27, 16, 23, 16, 22, 10, 17, 20 или же перешлите 2, 7, 9, 15, 24, 23, 16, 9, 2, 2, 13, 15, 17, 16, 14, 25, 19, 8, 10, 20, 20, 7, 4. Обратите братцы внимание ваше на то, что я писал вам по поводу сей персоны в одном из предыдущих писем (отправленных иным путем)… Прощайте, милые друзья – не поминайте лихом! Хотелось бы побольше поработать рука об руку с вами, но не пришлось, а раз попавши в когти правительства и при том по такому важному делу, могу сослужить единственную и последнюю службу дорогим интересам нашей партии – не щадя своей шкуры и примирившись с мыслию о неизбежности смерти на эшафоте; в этом теперь и состоит моя единственная забота. Крепко-крепко обнимаю вас всех.14, 17, 15, 11, 17, 22. 29 октября 1880» (104).

В тот же день Степан пишет и вторую, очень короткую записку:

«Дорогие друзья, постарайтесь кто-нибудь быть на пути нашего следования на место казни, чтобы проститься взглядами. Это доставит нам большое удовольствие. Степан» (105).

Через два дня Ширяев узнал, что смертная казнь ему заменена бессрочной каторгой…

Существует частичный разбор письма народовольца, выполненный В. Н.Фигнер в том же 1880 году и сохраненный в ее личном архиве. Еще в ходе процесса 16-ти (по которому судилась и родная сестра Веры Николаевны – Евгения) народоволка переписала в особую тетрадку все письма своих товарищей, проходящих по этому делу. Среди них упомянутое письмо Ширяева. В целях конспирации секретарь ИК «Народной Воли» опускала зашифрованные места или давала их неполную версию. Много лет спустя революционерка опубликовала эти документы. Но сравнить их с оригиналами она, очевидно, не имела возможности (104).



1. Фотокопия письма С. Ширяева из петербургской тюрьмы членам ИК от 29 октября 1880 года.

Складывается впечатление, что уцелевшие народовольцы имели ограниченный доступ к своему собственному архиву. Практически, кроме Морозова, о нем никто ничего не написал, да и тот сделал это очень обтекаемо. Готовя к публикации письмо Ширяева, исследователи воспроизвели давнюю расшифровку Фигнер, но новой попытки прочесть криптограмму с ее помощью сделано не было. Почему? Мы можем здесь только гадать.

. К середине тридцатых годов XX века упоминание «Народной Воли» становилось все более неуместным и рискованным занятием. Народовольцы, при всем своем возможном желании, так и не смогли печатно внести ясность в криптографические загадки своего архива. И только во времена хрущевской оттепели интерес к «Народной Воле» возник с новой силой. Однако разбором уцелевших через десятилетия шифрованных писем революционеров так никто серьезно не занялся. И теперь мы сами имеем возможность прочесть криптограмму Степана Ширяева.

Ключом к ней служит хорошо нам знакомая фраза «**Магазин вин**». Система шифра нам тоже известна – гамбеттовская. Но есть и некоторая странность. Если внимательно проанализировать криптограмму Ширяева, то мы не обнаружим в ней ни одного числа более 30. И это не случайность. Ранее, изучая шифры землевольцев, мы встречали уже подобный способ. Но везде при суммировании букв текста и ключа при тридцатибуквенной азбуке максимальная сумма составляла 60. Нетрудно заметить, что маленькие суммы соответствуют начальным буквам алфавита (и текста и ключа), а максимальные – крайним. Так, число 60 в данном случае может быть только буквой «Й» и никакой больше. А цифра 2 – только «А». Другие числа имеют свои варианты, но всегда в узком буквенном промежутке, поддающемся

анализу. Это обстоятельство сводило на нет все усилия революционеров. И очень рано они обратили на это свое внимание.

Возникнув в 1878 году, система числового «гамбетта» уже к 1879 году претерпела значительные изменения. При шифровании из всех сумм, больше тридцати, стали вычитать это самое число 30. При таком подходе вместо 31 писали 1, вместо 45 – 15, а вместо 60 – 30 или нуль. Письмо Ширяева перекрыто именно таким способом. Да и в выше рассмотренном письме С. Ивановой (с ключом по цифре **4**) мы видим то же самое правило.

Попробуем теперь прочесть криптограмму Ширяева. Вот ее начало:

Шифр:	24	15	10	1	15	15	26	9	23	26	13	18	18	18	19	10	26	4	12	2	2	20…
Ключ:	М 12	а 1	г 4	а 1	з 8	и 9	н 13	в 3	и 9	н 13	М 12	а 1	г 4	а 1	з 8	и 9	н 13	в 3	и 9	н 13	М 12	а… 1…
Разбор шифра:	*12* *м*	*14* *о*	*6* *е*	*30* *й*	*7* *ж*	*6* *е*	*13* *н*	*6* *е*	*14* *о*	*13* *н*	*1* *а*	*17* *с*	*14* *о*	*17* *с*	*11* *л*	*1* *а*	*13* *н*	*1* *а*	*3* *в*	*19* *У*	*20* *ф*	*19* *…* *у…*

Таким образом, при подобной шифровке совершенно нарушалось правило – соответствие маленьких сумм начальным буквам, а больших – конечным. Фактически, здесь мы имеем возврат к системе Виженера – получаемые при математических выкладках числа от 1 до 30 полностью соответствуют номерам букв в тридцатибуквенном алфавите. Но при этом совершенно отпадала необходимость составления громоздкой таблицы, и все операции можно было проводить «в уме». Это обстоятельство, кстати, объясняет наличие некоторых ошибок в криптограмме Ширяева. Приведем теперь полную расшифровку его письма и дадим соответствующий комментарий к нему. Первый фрагмент:

«…Перешлите прилагаемую записку *моей жене. Она сослана в Уфу под очень строгий надзор. Заделайте в книгу*».

В.Н. Фигнер разобрала фразу не полностью: «Моей жене, она сослана в Уфу под строгий надзор».

Жена Степана Ширяева – Анна Долгорукая – не была активной революционеркой и вращалась в периферийных народовольческих кружках. Перед самым арестом мужа она родила, но сын Володя умер в месячном возрасте. Ширяева арестовали по фальшивому паспорту на имя потомственного почетного гражданина Николая Смирницкого. В течение двух месяцев он не открывал своего имени. 25 февраля 1880 года народоволец, наконец, признал, что он не Смирницкий, но истинной фамилии так и не назвал. И только 4 марта, ровно через три месяца после ареста, брат Ширяева Иван опознал его на очной ставке. Из разобранного письма следует, что еще до начала «процесса 16 террористов» А. Долгорукую уже выслали в Уфу – без всякого суда, простым административным решением. Записку к ней (ее в архиве нет, и, вероятно, она попала по назначению) Степан Ширяев и просил заделать в переплет какой-либо книги. Очевидно, Анна знала этот секрет конспиративной переписки.

Второй фрагмент:

«… Можно сделать это или поручивши направить куда следует *студенту Горнаго Коновкину* или же перешлите *Федоровечу, а он передаст ей*».

В своей расшифровке В. Н. Фигнер дала только конец фразы: «Передаст ей».

Личность Алексея Коновкина хорошо известна среди народовольческого подполья. Подробную информацию о нем можно найти в мемуарах его товарища Михаила Шебалина (106). Алексей вырос в Каменец-Подольске и осенью 1878 года поступил в Петербургский университет. Так что Ширяев ошибается, называя его студентом Горного института. Но ошибка эта вполне объяснима. Близкий друг Коновкина Николай Рысаков учился именно в «Горном». Кружок Коновкина, Рысакова, Шебалина и других студентов общался с группой саратовцев. А те, в свою очередь, хорошо знали своего земляка Ширяева. Через саратовское землячество А. Коновкин был близко знаком с А. Долгорукой и ее мужем. Поэтому Ширяев и рекомендует его для связи со своей женой. Алексей был активным членом учительских революционных кружков. Но после ареста Рысакова (во время первомартовского покушения) и его предательства, Коновкин перешел на нелегальное положение. В декабре 1881 года последовал арест Коновкина, как члена рабочих кружков «Народной Воли».

Дмитрий Федорович, привлекавшийся еще по «Большому процессу», также знаком историкам. Родом из Уфимской губернии, он вел там свою пропаганду во время «хождения в народ». Приговоренный к гласному надзору, он, тем не менее, оставался в Петербурге (с согласия властей) для продолжения учебы. Однако

ей он уделял мало внимания и к моменту написания письма Ширяевым Дмитрия все-таки выслали в Уфимскую губернию.

Подпись в конце письма расшифровывается как «*Белкин*». Это обстоятельство долгое время вводило автора этих строк в недоумение – криптограмма никак не поддавалась разбору. Дело в том, что свои письма народоволец обычно подписывал как «Степан». «Белкин» – это его подпольная кличка. Сохранился выполненный рукою Морозова список «юмористических» прозвищ народовольцев. Среди прочих можно найти: «Степан – Белкин» (107). Так что ничего «юмористического» в этих кличках не было, и подпольные имена широко использовались в конспиративной деятельности народовольцев. Прозвище Ширяева (Белкин), видимо, было связано с внешностью революционера. Как мы помним, Морозов считал его ярко выраженным блондином, и, очевидно, это он дал Степану его подпольное имя.

Такова история письма Ширяева к членам Исполнительного комитета. Оно однако не стало последним. Но об этом позже. А пока проанализируем еще раз народовольческую биографию Степана. С августа 1879 года – он (официально) член ИК. Всю осень – активный участник покушений. А в декабре – сразу же после возвращения в Петербург – следует случайный арест.

Совершенно очевидно, что шифр по фразе «**Магазин вин**» среди народовольцев мог быть условлен не позднее конца лета 1879 года (перед самым разъездом террористов из Петербурга), а скорее всего - в момент их Липецкого съезда. И ясно, что это есть ключ Исполнительного комитета. Ведь переписка с Морозовым и Любатович также перекрыта аналогичным лозунгом. Все они – Морозов, Любатович, Ширяев – члены ИК первого его состава.

Понятно, что и новый способ гамбеттовского шифра (по модулю 30), примененный Ширяевым, так же должен быть разработан не позже лета 79 года. В этой связи напомним §29 Устава ИК «Народной Воли», требующий от его членов единообразия применяемого ими ключа к шифру переписки. Ключ этот назначался Администрацией (Распорядительной комиссией). А в нее по решению Липецкого съезда вошли Лев Тихомиров, Александр Квятковский и Александр Михайлов. Всю конспирацию в ИК «курировал» именно последний. С его именем и следует связать появление в практике народовольчества новой системы шифрования. Интересно, что многие ключи к шифрам революционеров начинаются с буквы «М» – «**Максим Грек**», «**Магазин вин**», «**Могила любви**». Может быть, таким образом Михайлов «метил» свои собственные нововведения. С деятельностью этого блестящего подпольщика связаны самые яркие страницы народовольчества. И арест Михайлова 28 ноября 1880 года, нелепый и неожиданный, явился тягчайшим ударом по всему будущему организации. Стремясь получить в одном из фотосалонов Петербурга заказанные карточки казненных товарищей, Михайлов угодил в полицейскую засаду.

Отработанный четкий конспиративный аппарат «Народной Воли» с его «изъятием» стал давать губительные сбои. А через два месяца случилась настоящая катастрофа. 24 января 81 года по наводке народовольца Окладского полиция арестовала агента ИК Г. Фриденсона. Через день в выставленную в его квартире засаду угодил друг детства Михайлова и видный член ИК А. Баранников. В тот же день на квартире последнего в сети розыска попал другой член Исполнительного комитета Н. Колодкевич. А 28 января случилось непоправимое – на квартире Колодкевича жандармы с удивлением задержали чиновника Департамента полиции Н. Клеточникова. «Народная Воля» лишилась своей надежной брони и оказалась один на один со всем карательным аппаратом Российской империи. Но арестом Клеточникова дело не ограничилось. На следующий день, 29 января, на квартире Колодкевича в засаду попал еще один революционер – Лев Златопольский, человек, имеющий самое прямое отношение к содержанию нашей книги. По указанию биографического словаря «Деятели революционного движения в России» (авторитетнейшее издание 30-х годов XX века, когда многие революционеры были еще живы), он и был изобретателем народовольческого шифра. У нас нет никаких оснований не доверять этому источнику. Сама биография Златопольского – тому подтверждение.

Л. Златопольский

В феврале 1882 года в Петербурге начался знаменитый «процесс двадцати» – самое крупное судилище за всю историю «Народной Воли». На скамье подсудимых оказались Михайлов, Баранников, Морозов, Колодкевич, Фроленко, Исаев, Клеточников и многие другие видные участники покушений. Среди прочих находим и Льва Соломоновича Златопольского, 33-х лет. Обвинительный акт процесса доводит до нас всю детективную фабулу ареста революционера.

Еще в ноябре 1879 года, при подготовке одесского покушения на царя, с ним встретился Григорий Гольденберг, ставший позднее знаменитым разоблачителем народовольцев. В своих показаниях он мимолетно назвал и Златопольского.

Но решающую роль в трагической судьбе Льва сыграл другой крупный предатель Василий Меркулов. В начале 1880 года он

сошелся в той же Одессе с членами ИК Верой Фигнер и Софьей Перовской. В это время затевался очередной подкоп под улицей, по которой мог проехать отдыхающий на юге Александр II. Среди активных пособников подкопа Меркулов назвал Льва Златопольского, больше известного ему под кличкой «Механик». Златопольский обеспечивал всю техническую сторону проекта. Он приобрел бурав для сверления минной галереи, придумал к нему специальные зубцы для увеличения диаметра канала и предложил использовать для предотвращения обвала металлические трубы с особой резьбой для их свинчивания. При московском подкопе узкое отверстие канала, оставляемое буравом, не позволило террористам удачно заложить мину. Лев Златопольский разрешил эту сложную проблему. Далее обвинительный акт сообщает:

«Осмотром домовой книги дома № 81 по Старо-Портофранкской улице удостоверено, что с октября 79 года по июль 1880 года в означенном доме проживали елизаветградский мещанин Лев Иоганов и Сарра Соломоновна Златопольские» (108).

Арестованный революционер опроверг впоследствии все показания Гольденберга и Меркулова. Он сообщил следствию, что весной 1880 года был несколько раз в лавке Софьи Перовской (из нее и велся подкоп), с которой познакомился в Санкт-Петербурге еще в 1878 году во время производства дела о преступной пропаганде, но ни о каких замыслах народовольцев не знал. Однако хозяин одной из мастерских подтвердил показания Меркулова – Златопольский заказывал у него металлические свинчивающиеся трубы.

При петербургском аресте Льва у него на квартире были найдены разные орудия и приспособления для механических работ. Но, не сознаваясь в участии производства минных подкопов, Златопольский объявил жандармам, что занимался исключительно механикой. В частности, он работал над изобретением аппарата для нефтяного отопления. Нуждаясь в денежных средствах, он, якобы, прибыл в Петербург для поиска людей, способных оказать ему материальную помощь. С этой целью он познакомился с Колодкевичем, на квартире которого был арестован. И все предметы, найденные при обыске – части устраиваемой им нефтяной печи. Но полиция понимала, что все это – «липа».

Из предыдущих дознаний было известно, что Златопольский учился в СПб. технологическом институте. Но учебы не кончил, в 1875 году покинув «техноложку». Уже с 76 года он фиксировался полицией в различных уездах Ярославской губернии как пропагандист-народник. И, при попытке привлечь его к следствию, скрылся.

О судьбе Златопольского подробнее узнаем из воспоминаний его товарищей по каторге:

Александр Прибылев: «Златопольский был в высшей степени способен к созерцательной жизни и очень хорошо использовал годы одиночного заключения… Еще будучи на воле, живя под нелегальной фамилией Мельникова, он поражал сосредоточенностью своей мысли… Он был арестован при разгроме ИК «Народной Воли» в январе 1881 года… Технолог 5-го курса, которого профессура прочила оставить при институте, как человека, подававшего большие научные надежды, Златопольский вдруг бросил институт перед самым выпуском… и бросился в «народ». Из желания побрататься с народом и «опроститься» до степени полного слияния с ним, он даже женился на крестьянке и вплотную занялся хозяйством и пропагандой… Нарождающаяся партия «Народная Воля» сразу же записала его в свои ряды. И так он проделал весь короткий период своего участия в партии, часто стоя на самом ответственном посту, а теперь шел с нами на 20-летнюю каторгу…»

Лев Дейч: «Наиболее оригинальным человеком… являлся Лев Златопольский… В отличие от своего брата, он никогда не был активным революционером, но обладая выдающимися математическими способностями, Златопольский в начале 80-х годов помогал террористам своими советами по технической части… Еще на воле Лев Златопольский был известен многим, как прирожденный изобретатель-неудачник. В тюрьме же эта склонность дошла у него до мании… Не было почти ни одной области человеческой мысли и деятельности, которую Златопольский не удостоил бы своим вниманием, и не попытался бы перевернуть своими изобретениями или усовершенствованиями… Вообще в характере Златопольского было много странного, ненормального… Несомненно, однако, что он был очень умным и способным человеком».

Александр Прибылев: «А умер он в Чите уже крестьянином из ссыльных, состоя библиотекарем при местном музее. И эта смерть необыкновенного, способного, даровитого и столь своеобразного человека прошла так же одиноко и незаметно для окружающих, как изолированно, в силу оригинальности его натуры, шла и его жизнь» (109).

Таким запомнили Златопольского его товарищи. К характеристике последнего добавим еще некоторые штрихи, почерпнутые из биографического справочника.

Златопольский Лев Соломонович (Шлемович), еврей по рождению, после принятия лютеранства Лео-Иоганн Иванович. Родился в 1847 году в Елизаветграде в мещанской семье. В 1868 году Лев был впервые привлечен к дознанию по нечаевскому делу, но отделался только обыском. Ходил «в народ» и с 78-го года

стал «нелегалом». Известно, что дважды, в марте 77-го и в апреле 78-го года, приезжал в Петербург, но членом «Земли и Воли» так и не стал. В 1878 году опять занялся пропагандой уже в Вологодской губернии. Но дальше сведения о его жизни теряются. Известно доподлинно только одно – осенью 1879 года он вместе со своей сестрой оказывается в Одессе. И этот факт фиксируется местными жандармами. Хотя вполне возможно, что Златопольский появился в этом городе еще раньше, например, весной… Так или иначе, но сразу после образования «Народной Воли» Лев примыкает к последней и, как указывает справочник, «изобретает шифр, которым пользовались народовольцы» (110).

Связь с террористами, несомненно, шла через его младшего брата Савелия. Родился последний в 1855 году, так же учился в Петербургской «техноложке» и (как и Лев) вышел из института еще в 75 году «по домашним обстоятельствам». Савелий имел теснейшую связь с южными народниками, проживая в Николаеве и в Одессе. Хорошо знакомый с землевольцами, он к их организации, однако, не примкнул. С 1879 года Савелий перешел на нелегальное положение вследствии активного розыска полицией по целому ряду дел (покушение на Гориновича и кружок Ивана Ковальского). Близко он знал и многих будущих деятелей «Народной Воли» – А. Желябова, М. Фроленко, М. Грачевского и Н. Колодкевича, также в 78/79 годах проживающих в Одессе.

Очевидно, что именно через Савелия Златопольского народовольцы узнали о способе шифровки, придуманном Львом. Случилось это не позже лета 1879 года, так как уже в августе метод его был принят на вооружение Исполнительным комитетом. Мы можем теперь только гадать, как это произошло. Возможно, что сам А. Михайлов виделся с братьями Златопольскими в Одессе, но, возможно, решающую роль здесь сыграли Желябов и Колодкевич… Никогда доподлинно мы этого не узнаем. Но поразмышляем вот над чем…

Очевидно, что для совершенствования цифрового гамбеттовского шифра Златопольскому требовалось самому активно пользоваться этой системой. Но ни Лев, ни его брат не принадлежали к кругу «Земли и Воли». Значит, эта система получила распространение и в других народнических кружках, не являясь «собственностью» землевольцев. Совершенно бесспорно, что Лев Златопольский изобрел именно систему шифра, примененную в свое время Ширяевым. Ведь при изучении всей шифрпрактики землевольцев и народовольцев мы не увидели другой новой системы. Да и придумать ее мог только математически одаренный человек, каким был Лев. Здесь требовался критический анализ обычного «классического гамбетта». Любопытно, что к этому времени еще не было громких случаев провала подобной системы.

При арестах, к примеру, Трощанского и Осинского полиции не удалось проникнуть в тайны их шифрованных писем. Ничто еще не предвещало беды, но Михайлов сразу принимает способ Златопольского на вооружение ИК «Народной Воли» – революционеры действовали здесь на опережение событий.

На десятилетие вперед «сокращенный гамбеттовский шифр» станет основным в практике революционеров России. Но он никогда не будет носить имя Льва Златопольского, а совершенно несправедливо получит название в честь французского политического деятеля. Таковы странности эпохи, такова несправедливость истории…

Арестованный на квартире Н. Колодкевича, близкого друга его брата, Лев сполна испил чашу народовольца. Приговоренный к 20-летней каторге, он сперва содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Туда же, весной 1882 года, попал Савелий. Опять они были рядом. 2 мая 1883 года в камере Льва при обыске нашли записки, свидетельствующие о сношениях братьев Златопольских с волей через надзирателя Провотворова. Это был настоящий скандал. Льва Златопольского (по свидетельству С. Степняка-Кравчинского) за тайную переписку «драли плетьми» и сослали на Карийскую каторгу. А Савелий среди активных членов ИК оказался в Шлиссельбурге. Там он и скончался от чахотки в декабре 1885 года.

Для Льва известие о смерти любимого брата оказалось роковым, окончательно выведя его из душевного равновесия. Но отметим, что если Л. Дейч считал его тихим сумашедшим, то врач А. Прибылев имел другое мнение. Просто Лев Златопольский был очень не похож на других каторжан и считался чудаком. Между прочим, изобретение шифров долгое время в истории оставалось уделом одиночек, фантазеров и чудаков. И Златопольский очень гармонично вписывается в ряд других изобретателей шифров. Умер он в феврале 1907 года.

Мне так и не удалось обнаружить источник, на основании которого биографический словарь в 1934 году указал на этого революционера, как на изобретателя народовольческого шифра. Возможно, что мы имеем здесь лишь устное свидетельство. Но заметим, что многие видные народовольцы первого созыва были еще живы и никогда не сомневались в заслугах своего товарища.

Теперь нам предстоит вернуться к судьбе осужденного на каторгу Степана Ширяева. Он попал в самую секретную тюрьму империи – Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Шел ноябрь 1880 года. К моменту заточения туда Ширяева в равелине содержалось всего три узника – сошедший с ума поручик Михаил Бейдеман, террорист Леон Мирский (в 1879 году он, при содействии А. Михайлова, совершил

неудачное покушение на шефа жандармов Дрентельна) и Сергей Нечаев… Да, тот самый Сергей Геннадьевич Нечаев, которого в 1872 году выдала России Швейцария. Убийство студента Иванова стало для него роковым, революционная Россия отвернулась от Нечаева. И, казалось, забыла. Никто даже не знал, где он. Но, погребенный в Алексеевском равелине, Нечаев не сдавался. Он совершил невозможное и невероятное – к 1880-му году вся внутренняя стража равелина была полностью распропагандирована Нечаевым и подчинялась его указаниям!

Солдаты охраны приносили ошеломляющие известия с воли. Взрывались поезда и дворцы, выходили подпольные газеты, Петербург бурлил и наполнялся невероятными слухами. Наконец, в ноябре 80-го года в равелине оказывается С. Ширяев – человек, который был очень нужен Нечаеву. Пораженный заговором последнего, Степан сразу дает ему возможность связаться с Исполнительным комитетом. И уже в начале декабря того же года к народовольцам попадают письма Ширяева и Нечаева, производящие эффект взорвавшейся бомбы. История эта хорошо известна и многократно описана историками.

Мы знаем и то, что шедшая при участии караула Алексеевского равелина обширная переписка велась Нечаевым цифровым шифром. Но каким? Ничего здесь не известно. Историк П. Щеголев считал, что шифр придуман самим Нечаевым. Но вряд ли это так. Вспомним «Народную расправу» 1869 года и ее элементарный шифр! Сомнительно, что, находясь в длительном тюремном заключении, Нечаев умудрился совершить прорыв в своем криптографическом образовании. Гораздо проще предположить, что, вместе с адресами ИК Ширяев передал своему новому товарищу и шифр. Это, разумеется, являлось нарушением устава. Но и случай был крайний. Я совсем не настаиваю, что Нечаев писал по лозунгу «Магазин вин». Фраза могла быть другая, но система шифра должна была оставаться народовольческая.

Но если это так, то тем хуже для Исполнительного комитета! 1 марта 1881 года в центре Петербурга бомбами Рысакова и Гриневицкого был смертельно ранен император Александр II. Вслед за этим ошеломляющим событием начался разгром революционной партии. Один за другим стали сходить в недра смерти и заточения все видные представители революционного движения. Но еще до мартовского взрыва, 27 февраля 1880 года, в полицейскую засаду попал глава «Народной Воли» Андрей Желябов. Среди находившихся при нем бумаг полиция нашла два листка, исписанных цифровым шифром. Но открыть его революционер, понятно, не пожелал.

10 марта в руках жандармов оказывается Софья Перовская – непосредственный организатор недавнего покушения. При ней также обнаруживают «листки бумаги с цифрами (по-видимому, шифром)» (111). Никаких объяснений Перовская не дает. Однако уже в ночь на 12 марта записки Желябова и Перовской оказываются разобранными. Это были собственноручные послания Сергея Нечаева из равелина. Но, несмотря на такую удачу, полиция ничего здесь не поняла! (112). Жандармы не могли даже предположить, что в секретнейшей тюрьме империи созрел подобный заговор. Тем и закончилась тогда история с записками, и только в ноябре 1881 года пришло неожиданное прозрение. Уже в августе умер Ширяев, не выдержавший тюремного губительного режима, а сумашедший Бейдеман увезен из Петропавловки. Уже прервались все связи с крепостью – держащий их Савелий Златопольский срочно покинул Петербург. Преследуемый постоянными провалами, центр «Народной Воли» переместился в Москву. В казематах оставались двое – Нечаев и Мирский. Осенью 1881 года последний не выдерживает и, стремясь хоть как-то облегчить свое положение, предает Нечаева. Полиция была потрясена! Только теперь ей стала понятной суть записок, захваченных при арестах Желябова и Перовской.

Во всей этой истории выделим только одно – полиции очень быстро и легко удалось разобрать народовольческий шифр. И это уже не было случайностью. Впоследствии мы многократно убедимся, каких новых успехов достигнут жандармские дешифровщики на поприще разбора революционной переписки. Впрочем до весны 1881 года шифры народовольцев попадали в руки полиции сравнительно редко. Так 4 декабря 1879 года, в один день с Ширяевым и в том же самом месте (в гостиничных номерах по улице Гончарной), был арестован канцелярский служитель Иван Голубинов. В его чемодане, небрежно задвинутом под кровать, полиция неожиданно для себя обнаружила паспортное бюро народовольцев!

Задержанный «Голубинов» на деле оказался агентом ИК Сергеем Мартыновским. Судился он на «процессе 16-ти», обвинительный акт которого опубликовал в свое время В. Л. Бурцев. Из него можно узнать, что при арестованном Голубинове (Мартыновском) оказалось:

«п. 16 Пол-листа писчей бумаги, сложенного в восьмую долю, на первой странице которого, разграфленной карандашом, вписано 11 лиц, которых имя и отчество означены заглавными буквами, а фамилии зашифрованы. Против фамилий поставлены в особой графе разные цифры…

п. 19 Записная книжка с разными заметками… По разбору шифра, имеющегося в означенной книге… зашифровано следующее…» (113).

Далее следует перечень дешифрованных адресов, среди которых числится сестра Мартыновского. Значит, и записная книжка принадлежала тоже ему. Но истинным хозяином «небесной канцелярии» и списка подложных адресов являлся народоволец В. Иохельсон. И его бумаги жандармы разобрать не

смогли. Так что ключи к шифрам были разными. И столь же различными были успехи полиции в правильном их вскрытии.

С развалом «Народной Воли» криптограммы революционеров попадали в руки полиции все чаще и чаще. Так, при аресте в марте 1881 года Михаила Фроленко в его вещах был найден обширный шифртекст в виде последовательного числового ряда. В мае 1881 года при захвате типографии на Подольской улице в Петербурге среди множества бумаг в попыхах оставленных народовольцами были изъяты и «разные шифрованные письма и записки». В декабре 1881 года у задержанного Петра Теллалова жандармы обнаружили частично зашифрованное письмо Анны Корба, предназначавшееся находящемуся под стражей Александру Михайлову (114).

А при аресте в июне 1882 года самой Анны (в девичестве Мейнгард) таких записок оказалось целых пять! Это были письма самого Александра Дмитриевича, попавшие к народовольцам через его защитника на «процессе 20» (февраль 1882 года) Евгения Кедрина. Имя Анны Павловны Корба среди созвездия народовольцев остается, большей частью, в тени. Но именно ей были обращены слова Михайлова из тюремной одиночки: «Я не любил ни одной женщины, ни одного человека, как тебя!».

В ожидании суда, А. Корба тоже умудрялась переписываться с волей. В Архиве П. Л. Лаврова сохранилось шесть ее записок к Вере Фигнер – единственному оставшемуся на свободе члену Исполнительного комитета. После ареста последней, архив «Народной Воли» был спасен Галиной Чернявской и вывезен из России. Корба продолжала пользоваться буквенным «гамбеттом», о чем свидетельствует следующая фраза из ее писем: «Сообщение о Вороб(ье) сохрани в тайне и безусловно прошу очень об этом. Ник(олай) писал **авкутнай**, получено ли?» (114). Шифр не разобран. Известные народовольческие ключи здесь бесполезны. С разгромом ИК они были, конечно, изменены. Но ясно, что и Николай Морозов (Воробей) имел возможность писать товарищам на волю. Арестован он был в январе 1881 года по возвращении в Россию. Судился по процессу 20-ти, вместе с большинством сопроцессников оказался в казематах Алексеевского равелина, а затем в Шлиссельбурге.

В апреле 1883 года в Петербурге состоялся очередной народовольческий процесс – перед судом предстали Ю. Богданович, С. Златопольский, А. Корба, М. Грачевский, П. Теллалов… Всего семнадцать виднейших членов «Народной Воли». Среди них находим и Якова Стефановича. В обвинительном акте процесса читаем, что у него изъято: «Несколько писем, между которыми обращает на себя внимание весьма пространное письмо из-за границы от 21 января (2 февраля)… Причем многие места этого письма зашифрованы» (115).

Стефанович уклонился от разъяснения как зашифрованных мест письма, так и его содержания. История ареста этого видного народника была такова. Находящийся в эмиграции чернопередел Стефанович весной 1881 года стал все более сходиться с народовольцами, и, наконец, в сентябре, покинув Женеву, оказался в Москве. Здесь он провел переговоры с остатками народовольческого ИК. Его представляли Богданович, Грачевский и Тихомиров. В результате было достигнуто соглашение о вхождении целой группы членов «Черного передела» в «Народную Волю». Свои планы Стефанович успел осуществить лишь частично. 6 февраля 1882 года он под именем дворянина Михаила Огрызко попал в засаду на проваленной явке народовольцев. Полиция быстро установила с кем она имеет дело. Личность Стефановича после его побега из Киевской тюрьмы была слишком хорошо известна.

Упомянутое в обвинительном акте шифрованное письмо, изъятое у Стефановича, в 1925 году опубликовал друг последнего Лев Дейч. Ибо автором послания был он сам. Привел Дейч (правда, частично) и цифровые криптограммы из своего письма. Дав их расшифровку, он, однако, ничего не сказал о ключе к шифру ведущейся им переписки. К тому же Дейч был чрезвычайно не аккуратным историком и умудрился, приведя сам шифр, пропустить при его разборе некоторые слова.

О дружбе Стефановича и Дейча среди товарищей ходили легенды. С. М. Степняк-Кравчинский, посвятивший Стефановичу персональный очерк в знаменитой «Подпольной России», писал:

«Самым близким его приятелем был Л. Они всегда жили неразлучно, исключая моментов, когда этому мешали «дела». В таких случаях они ежедневно обменивались длинными письмами, которые они сохраняли, ревниво оберегая их от всякого постороннего взора…»

Л. – это и есть Лев Дейч. Он расстался со своим другом в Женеве в августе 1881 года. Стефанович уезжал в Россию, где царил полицейский террор и истекала кровью «Народная Воля». Для двух друзей это был чрезвычайно тягостный момент. И слово ***«увидимся»*** стало их паролем, их надеждой. Сам Дейч собирался ехать следом. Но отъезд неоднократно откладывался, а февральский арест Стефановича перечеркнул все планы друзей.

Яков Стефанович впоследствии был прямо обвинен своими бывшими товарищами в предательстве. В 1918 году Н. Тютчев, на основе разысканных им полицейских документов, подтвердил давнее подозрение о сотрудничестве Стефановича с жандармами. В частности, именно он назвал фамилию, под которой скрывался в Москве Юрий Богданович – бывший купец Кобозев. Из его петербургской лавки на Малой

Садовой народовольцы провели минную галерею. И «Кобозева» полиция долго и безуспешно искала. Правда, прямых доказательств предательства Стефановича до сих пор не обнаружено, зато косвенных улик достаточно. Очень интересно в этой связи привести мнение Л. Тихомирова:

«Зная характер Стефановича, я уверен, что он держал себя с жандармами ласково и любезно, с удовольствием болтал с ними, вероятно, и им понравился, вообще подружился… Может быть, он когда-нибудь и сболтнул лишнее, да и то вряд ли. Он был претонкая шельма, природный комедиант, которому подобного я в жизни не видел. Не нашим жандармам, не самому Судейкину было обойти Якова Стефановича и выпытать что-нибудь у него. Что он подружился с жандармами, это естественно, – конечно, он умел в них возбудить к себе симпатии, так как за ним не числилось никаких преступлений, кроме чигиринского самозванства…» (116).

Тихомиров, уйдя из революционного лагеря, очень редко давал своим бывшим товарищам лестные характеристики. Только Александр Михайлов остался для него выдающимся авторитетом. И в своем мнении о Стефановиче Тихомиров, вероятно, искренен. Так же верил в невиновность своего друга Лев Дейч. Увидеться им удалось только через четыре года – на карийской каторге.

Теперь пришло время вернуться к письму от 2 февраля 1882 года. Оно действительно очень обширно и в опубликованном виде занимает одиннадцать страниц! Посвящено послание самым разным делам, в основном – эмигрантским. Мы встречаем здесь имена Кравчинского, Засулич, Судзиловского, Ивановского… Значительное место отведено прибывшему в Женеву молодому Владимиру Дегаеву – брату печально известного впоследствии Сергея Дегаева. Владимир (Дейч его называет «Мальчик») вступил в сношения с инспектором тайной полиции Судейкиным, надеясь повторить подвиг Клеточникова. Но он быстро запутался, рассказал все революционерам, а те, во избежание провала, отправили младшего Дегаева в Женеву.

Получив от Стефановича явку к Дейчу, а от Судейкина инструкции, неопытный Владимир Дегаев выехал в Швейцарию. От революционеров секретов у него не было и неуклюжая попытка стать вторым Клеточниковым сильно обеспокоила эмигрантов. Этому-то событию и посвящена значительная часть письма Дейча. Вот один из зашифрованных абзацев:

« Мне 1, 4, 20, 2… 6, 21, 23, 21, 28, 14, 22, 0, 0, говорит он, что вы велели 2, 4, 19, 18, 18, 16, 26» (117).

Ключом к шифру Стефановича-Дейча служило уже упомянутое выше слово «**Увидимся**» в системе народовольческого шифра. При шифровке из всех чисел, больших или равных тридцати, вычитался модуль 30. А при разборе криптограмм операция производилась обратном порядке. Как видим, способ Златопольского приобретал все более широкую «географию», теперь затрагивая и «Черный передел».

Криптограмма разбирается следующим образом:

Шифр:	1	4	20	2…		6	21	23	21	28	14	22	0	0
Ключ:	у 19	в 3	и 9	д 5		у 19	в 3	и 9	д 5	и 9	м 12	с 17	я 29	у 19
Текст:	М	а	л	ь…		с	т	о	р	у	б	д	а	л

Полностью весь расшифрованный здесь абзац читается как «Мне *маль(чик) сто руб(лей) дал*, говорит он, что вы велели *на книги*».

Именно эту строку пропустил при публикации автор письма Дейч. Для его криптограмм очень характерны сложное построение фраз, сокращения слов. Все это, видимо, должно было препятствовать возможной дешифровке полицией. Требует небольшой корректировки еще одно место из письма Дейча: «*Если вы имеете, что передать мальч(ику), то спешите, так как двадца(ть) восьмог(о) ваш едет в Париж, а оттуда вскоре домой*».

Таким образом, в конце февраля 1882 года В. Дегаев покинул Женеву и отправился в Россию. Миссия его оказалась мало интересной и для полиции, и для революционеров. Он был бы давно забыт историей, если бы не судьба его старшего брата, бросившая зловещий отблеск на всю семью Дегаевых. Впоследствии Владимир эмигрировал в Америку, куда после убийства Судейкина сбежал от полиции и народовольцев Сергей Дегаев.

Схваченный 6 февраля 1882 года, Яков Стефанович уже 15-го попытался через своего надзирателя отправить письмо в Женеву. Он не подозревал, что копия тут же легла на стол жандармского следователя. Адресовалось послание Льву Дейчу. Стефанович, сообщая о своем провале, заклинал друга не ехать в Россию и добавлял: «Ключ, которым ты писал мне, наверное, разберут» (118).

В последующих своих письмах Стефанович будет уверять Дейча, что их шифр уже разобран полицией (119). Однако если верить обвинительному акту «процесса 17-ти», это не так. Поэтому мы не знаем, насколько откровенен был на допросах Я. Стефанович. Своего ближайшего друга он, вероятно, не предал. Но остается фактом, что полиция разрешила ему вести обширную переписку с Дейчем. Такие поблажки не давались только за то, что арестант сумел «подружиться» со следователями. Достоверно известно, что он имел в тюрьме доверительные беседы с директором Департамента полиции Плеве. И даже составил для последнего подробнейший отчет о положении русской революционной эмиграции. Все действия Стефановича имели под собой весьма банальные обстоятельства – он боролся за свою жизнь. И не зря – суд приговорил его «всего» к восьми годам каторги. Меньше дать ему было просто невозможно! Менее видные революционеры расплачивались гораздо более весомыми сроками.

К концу 1881 года у оставшихся на воле народовольцев все больше и больше появлялось недоверие к надежности используемых ими шифров. Все чаще при многочисленных арестах революционеров в руки полиции попадали их криптограммы и все успешнее жандармские криптологи их разбирали. Вот только некоторые примеры.

22 февраля 1880 года в Киеве был арестован видный землеволец, а затем чернопередел Михаил Попов. При аресте революционера полиция обнаружила два шифрованных письма. Их лично разобрал помощник начальника Киевского ГЖУ Судейкин, который и захватил опасного подпольщика. Автором революционных депеш оказался Игнатий Иванов, входящий в организованную Поповым особую революционную группу. В ней была осуществлена неудачная попытка объединения чернопередельцев и народовольцев. А в перехваченных жандармами шифрованных письмах шла речь об устройстве по всей стране крестьянских бунтов и широком применении так называемого «фабричного террора». В результате М. Попов и его товарищи поплатились каторгой (120).

В августе 1881 года в Москве на квартире народовольца Ивана Майнова попал в полицейскую засаду студент Александр Кирхнер. При последующем обыске его квартиры был обнаружен обширный шифрованный список. В нем числилось 15 фамилий неких лиц с подробным перечислением адресов и примет. Криптограмму жандармы сумели прочесть и тотчас начались аресты. К изумлению их, задержанные согласно революционного списка оказались совсем не народовольцами, а наоборот – секретными сотрудниками полиции! Это был скандал! Агентов уволили со службы, но каким путем их фамилии попали в руки подпольщиков, тогда так и не было установлено. Между тем список Кирхнера возник путем прямой слежки за этими лицами, начатой московскими народовольцами по почину члена ИК Петра Теллалова. Он предполагал создать свою «Революционную полицию», секретарем которой являлся Кирхнер (121).

Постоянные репрессии, последовавшие после убийства Александра II, донельзя обескровили «Народную Волю». У остававшихся на воле членов ИК возникла блестящая идея – устроить организацию по освобождению высланных в Сибирь товарищей. С этой целью в августе 1881 года в Томск и другие сибирские города отправились член ИК Юрий Богданович и агент Иван Калюжный. К зиме 81/82 года была организована целая цепь тайных убежищ и ночевок для готовящих свой побег революционеров. Организация получила название «Общество освобождения» (или в обиходе – «Сибирский Красный крест»). Она имела свой подробный устав, и впоследствии он попал в руки полиции. 55 параграфов его четко прописывали структуру новой организации, ее подчиненность ИК «Народной Воли», требовали сохранение революционерами абсолютной тайны и применение шифров в их переписке (122).

Казалось – все было готово. Но 18 декабря 1881 года в Москве были арестованы супруги Валентин и Клавдия Яковенко – видные члены организации Богдановича. Согласно материалам следствия при них обнаружено: «четыре листа шифрованных записок» и чемодан «с весьма достаточным числом» шифрованных писем. Разбор захваченных документов дал полиции адреса в Казани, Екатеринбурге, Тюмени, Томске, Красноярске и других городах. Это были явки «Общества освобождения». Начался немедленный разгром. Позднее, весной 1882 года, был арестован и сам Юрий Богданович. Среди его бумаг оказался рецепт томской аптеки. Эта оплошность доказала его поездку по Сибири и организующую роль в создании «Сибирского Красного креста». Десятый номер газеты «Народная Воля» сообщил, что уже при аресте В. Яковенко полиция знала ключ к шифрованным спискам. Но этот факт так до конца и не прояснен. Судя по документам полиции, провал революционеров произошел довольно случайно и только в результате обысков жандармы вышли на верный след. Кроме того, из Обвинительного акта процесса 17-ти известно, что при аресте в июне 1882 года Михаила Грачевского у него были изъяты ряд шифрованных записок с адресами явок в Европейской России и Сибири, так же относящиеся к деятельности «Общества освобождения». Все эти документы были успешно разобраны жандармами, что, безусловно, сыграло свою роль в окончательном провале этой организации.

В феврале 1883 года в Харькове, при провокации бывших народовольцев С. Дегаева и В. Меркулова, в сети жандармов попала Вера Фигнер – последний остававшийся в России член первого состава «великого ИК». Народовольцы успели очистить ее квартиру и переправили хранящийся у Фигнер архив организации в Париж. Но два документа остались на хранении народовольца Владимира Чуйко. После его ареста в том же феврале 83 года они оказались в распоряжении жандармов, а те смогли прочесть содержащийся в

бумагах шифр. Одно из двух писем народовольцев, как важная улика, было приобщено к материалам «процесса 14-ти» (Фигнер и др.), состоявшемся в сентябре 1884 года (123).

В марте 1884 года в Киеве провалилась подпольная народовольческая типография, хозяином которой являлся Михаил Шебалин. Как указано в жандармских протоколах обыска, при его аресте было изъято:

«5 писем на 8 почтовых листах среднего формата, писанные в два текста: один из которых обыкновенный, а другой химическими чернилами и, очевидно, восстановлен составом желтого цвета, частью зашифрованные…» (123).

Цифровой шифр Шебалина был вскоре открыт жандармскими криптографами. Автором посланий оказался Петр Якубович – центральная фигура в «Молодой Народной Воле». Они стали весомым доказательством на киевском процессе народовольцев в ноябре 1883 года (124).

На протяжении нескольких лет не прекращались попытки воссоздать некогда мощную организацию. Одна из самых заметных принадлежала легендарному русскому революционеру Герману Лопатину. Осенью 1884 года, путем беспрестанных объездов, он сумел восстановить «Народную Волю». Но 6 октября произошел страшный провал. На Невском проспекте Петербурга Лопатина молниеносно арестовали агенты полиции, захвачены были и находящийся при нем обширные списки народовольческих явок во многих российских городах.

В тот же день схватили и Неонилу Салову – хранительницу партийного архива и члена руководящего ядра «Народной Воли». У нее изъяли зашифрованную адресную книжку с 20 криптограммами и несколько писем П. Якубовича. Сопоставляя бумаги Лопатина и Саловой их удалось полностью расшифровать. Начались аресты. Такого разгрома еще не знала революционная Россия. 32 города попали в орбиту тотальных репрессий. В результате вся периферия организации, не говоря уже о ее центре, была полностью дезорганизована. Около 400 человек оказалось за решеткой. Всю оставшуюся жизнь Лопатин не смог себе простить этого провала, виновником которого он стал благодаря своей самонадеянности.

Ближайшим союзником народовольцев являлась польская организация «Пролетариат», основанная Людвиком Варыньским. Лев Тихомиров прямо писал, что «весь этот «Пролетариат» вышел из Петербурга под русским влиянием» (125). Созданная весной 1883 года, организация очень скоро была разгромлена варшавской полицией. При задержании лидеров «Пролетариата» Варыньского, а затем Куницкого жандармы изъяли ряд зашифрованных писем. Но главный удар был нанесен при аресте мирового судьи Петра Бардовского, в варшавской квартире которого хранился архив «Пролетариата». Среди его многочисленных бумаг полиция обнаружила перечень ключей к шифрам подполья и обширные списки членов партии во всех городах польского «Королевства». Разбор криптограмм обусловил полный разгром «Пролетариата». По решению состоявшегося в Варшаве в декабре 1885 года суда, четверо революционеров было повешено, в том числе Куницкий и Бардовский. Людвик Варыньский, арестованный раньше других, был заточен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре погиб.

Приведенные выше случаи успешных дешифровок полицией революционных криптограмм есть лишь малая часть истинных их обьемов. Многого мы никогда не узнаем, что-то еще лежит в сохранившихся архивах и ждет своего исследователя. Но совершенно очевидно – народовольцы терпели одно поражение за другим. И важнейшая причина этого – ненадежность самих революционных шифров.

Абсолютное большинство их основывалось на применении ключевых слов и фраз. Безусловно, народовольцы практиковали и книжные шифры, но прибегали к ним крайне неохотно. Вот еще некоторые факты, которые подтверждают этот вывод.

Мы уже знаем, что основные шифры землевольцев и народовольцев базировались на принципах периодического ключа Виженера. Но были в ходу и старые системы криптографии. Так, в «Своде показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» по поводу харьковской народовольческой группы читаем:

«Главная деятельность в этом кружке принадлежала Теллалову, а за ним Глушкову и Блинову. Под их руководством кружок этот состоял в постоянных сношениях с революционерами из других городов, причем в переписке пользовался особым шифром… Студент Блинов, занимавший одно из самых видных мест в кружке харьковских социалистов, …открыл значение шифра, известного весьма немногим из социалистов и употреблявшийся в самой серьезной переписке между ними» (126).

Все в жандармских документах выглядит солидно, хотя упомянутый ими «харьковский кружок социалистов» – совершенно типичная в те времена небольшая группка студентов и гимназистов. И если бы осенью 1879 года они не познакомились с народовольцем А. Желябовым, то мы о них вообще бы сегодня не вспоминали.

«Весьма немногим известный шифр социалистов» привел в своей замечательной книге об Андрее Желябове писатель Юрий Трифонов. Он специально занимался в архивах историей харьковского кружка,

разгром которого последовал в конце 1879 года. Ключом к шифру являлось слово «*Штундисты*». На его основе строилась квадратная буквенная табличка по типу ранних шифров народников. Сам ключ вписывался в левый крайний столбец таблицы, а сбоку к каждой букве приписывались следующие девять, согласно алфавиту. Буквы криптограммы обозначались парой цифр – координатами их в ключевой стоклеточной табличке (127).

Организатор группы Теллалов вскоре покинул Харьков, работал в народовольческом подполье Москвы, впоследствии – член ИК. А арестованному и покаявшемуся студенту Митрофану Блинову жандармы придали необходимый «вес». Суд над революционерами должен был произвести впечатление на всю Россию. Ведь харьковским генерал-губернатором являлся в то время небезызвестный граф Лорис-Меликов. Очень скоро он был назначен Александром II начальником Верховной распорядительной комиссии – фактически, диктатором всей России. Поэтому так выпячивается в полицейских документах ничтожная личность Блинова, роль которого сводилась к выдаче мало значащего шифра кружка «харьковских социалистов». Но для нас сегодня его сведения имеют определенный интерес.

Другой пример. При покушении на Александра II первую бомбу метнул студент Николай Рысаков. Взрыв, произведенный ею, разворотил царскую карету, смертельно ранил двух человек, не причинив самому императору ощутимого вреда. Но попытка переговорить лично с террористом прямо на месте взрыва стоила царю жизни. Другой народоволец – Игнатий Гриневицкий – кинул в его ноги новый снаряд. Взрыв оказался роковым для Александра II и его убийцы. Около двадцати раненых охранников и случайных прохожих осталось на месте катострофы. Все это кровавое зрелище произошло прямо на глазах у Рысакова. Под впечатлением увиденного, при умелом воздействии следователей, перед страхом неминуемого висельного приговора он сразу же после ареста стал давать самые откровенные показания. Так начался стремительный разгром петербургских народовольцев. Среди прочего, Рысаков сообщил и о некоей московской учительнице Марии Александровне, явку к которой он получил от Захара (Андрея Желябова). Ключом же к шифру с ней было слово «*Лампада*». В своих показаниях Рысаков ничего не сообщает о системе шифра, а жандармы этим даже не интересуются! Однако сомнительно, чтобы молодой террорист владел тайной «сокращенного гамбеттовского шифра» ИК «Народной Воли». Скорее всего, речь идет о квадратном словарном ключе по типу харьковского («*Штундисты*»). И жандармы уже очень хорошо знали такой вид шифра (128).

Понятно, что у народовольцев в ходу было множество ключей к шифрам – отдельно для членов ИК, отдельно для периферии, свой личный ключ был у каждого подпольщика. Но мы практически ничего не знаем об этом. Наши знания о периоде расцвета «Народной Воли» скудны и ограничиваются узким кругом Исполнительного комитета и его ближайшей агентуры. Но ясно, что это и есть самые важные сведения для истории.

Покушение 1 марта стало высшей точкой подъема народовольческого движения. После этого рубежа началась долгая кровавая агония. И наряду с гамбеттовскими шифрами все большее значение среди вновь вступающих в движение молодых народовольцев приобретали прежние квадратные ключи.

Историк Ю. С. Уральский привел в свое время интересные данные из «Обзора важнейших дознаний за 1882 год», находящегося в архивах бывшего Департамента полиции. В нем идет речь об организации народовольцами (Уральский ошибочно приписывает этот факт почему-то землевольцам) пути побегов революционеров из Сибири в Европейскую Россию («Сибирский Красный крест»). Маршрут пролегал через Нерчинск, Верхнеудинск, Иркутск, Красноярск, Томск, Тюмень, Екатеринбург, Пермь, Казань, Москву и Петербург. В обзоре полиции содержатся некоторые ключи к шифрам народовольческого «Союза освобождения». Например, в Томск надо было являться с запиской от «Енисейца», ключ – «Форель» (30 букв, квадрат). В Пермь – от Андрея Платоновича, ключ Гамбетта (28 букв), в Казань – от «Антихриста» и «Зверя», ключ «Феликса» (28 букв, квадрат) (129).

Несмотря на некоторую неясность изложения (так указывается гамбеттовский ключ, но лозунг к нему не приводится), сами способы шифрования очевидны и хорошо нам известны. Следы их можно найти и в других исторических документах.

Так, до нас дошла еще одна весьма интригующая народовольческая криптограмма. Относится она к концу декабря 1882 года и связана со следующими событиями.

Обеспокоенные возможностью теракта в отношении нового императора Александра III, руководители так называемой «Священной Дружины» (в лице ее агента К. А. Бороздина) стали через литератора Н. Я. Николадзе вести в Париже переговоры с заграничными деятелями «Народной Воли» – Л. Тихомировым, М. Ошаниной и П. Лавровым.

Террористам предлагалось воздержаться от новых покушений до коронации императора. Взамен революционерам обещали издать царский манифест, дающий полную амнистию политическим заключенным, расширение земского самоуправления и свободу печати в России. Разумеется, все это было чистейшим обманом.

Уже через неделю после начала переговоров Николадзе неожиданно получил указание Бороздина их прекратить. Причина выяснилась гораздо позднее. 20 декабря 1882 года в Одессе был арестован видный народоволец Сергей Дегаев. Из его предательских показаний открылось все жалкое положение некогда грозной партии.

Покидая Францию, Николадзе получил от Тихомирова зашифрованное письмо якобы для членов «Народной Воли» в России. Кстати, из уцелевших крупных народовольцев в империи оставалась только Вера Фигнер. Вот его начало:

> «Любезный друг! Рекомендую подателя сего 3,8,15,17,3,4,2,8,16,29,26,3,7,17,14,3,2,6,13,10,28,15,30,16,4,5,2,24,17,9,14,30,2,15,15,5,6,3,25,4,2. Он тебе объяснит…» (Былое, 1907, № 10, с. 160).

Цитируемое письмо привел в своем отчете о переговорах в Париже вышеупомянутый нами Бороздин. А этот господин никогда не пользовался доверием историков.

Подлинность криптограммы Тихомирова (почему-то она имеет подпись П. Лаврова) также остается под большим вопросом. Но даже если это и фальшивка, то выполнена она с полным знанием действующих среди народовольцев шифрсистем. Ведь здесь явно присутствует ключ Златопольского. И если однажды удастся разобрать тайнопись, то отчет агента «Священной Дружины» окажется, вдруг, более достоверным, чем это считалось до сих пор. Ведь сам Бороздин этого сделать не сумел! Поэтому загадка шифра не так проста и очевидна. И все еще ждет своего исследователя.

А вот более поздние примеры. При аресте народовольца Шебалина среди его бумаг было изъято письмо Константина Степурина от 18 февраля 1884 года, адресованное в Киев из Петербурга. Степурин одно время, по поручению Лопатина, представлял центр «Народной Воли». Помимо прочего Шебалину сообщался адрес для переписки с варшавскими революционерами, и указывался ключ к их шифру – слово «*Сосед*». Речь шла о партии «Пролетариат» (130).

Мы знаем и другие лозунги к шифрам этой организации. В марте 1883 года в Варшаве был организован ее Центральный комитет. Он утвердил различные шифры – для переписки членов ЦК, для низовых кружков, для связи с группами в Петербурге, Москве и Киеве (там имелись большие диаспоры поляков). Среди этих ключей можно найти слова «*Гранит*» и «*Шелгунов*» (131). То, что среди польских революционеров действовали русскоязычные ключи к шифрам, нас не должно удивлять. Большинство из них долгое время жили в России, а, к примеру, Людвик Варыньский вообще родился на Украине и говорил на родном языке с ощутимым акцентом.

Сохранившиеся письма народовольца Петра Якубовича периода «лопатинского разгрома» также дают нам один из действующих тогда ключей к шифру. 3 ноября 1884 года оставшийся на воле Якубович пишет в Женеву Л. Тихомирову информативное письмо. Предчувствуя свой скорый провал, он торопился передать заграничному центру народовольцев все оставшиеся связи: «В случае моего ареста с вами вступит в переписку … один человек… С ним ключом вашим пусть будет на первое время хоть «*Народная Воля*»**,** одни гласные. На днях арестовали и выпустили некоего Пирогова…, потому что нашли его адрес у какого-то Лоренса в Одессе, хотя и зашифрованный, но разобранный ими. Меня всегда смущало это обстоятельство, что они умеют разбирать шифры. Я вот бы что предложил вам, если согласитесь: будем вперед шифровать так, чтобы каждая четвертая цифра ничего не значила. Дольше, но зато вернее…» (132).

Способ получения новой «гаммы» из определенной фразы был совсем не нов. Вспомним здесь ключ землевольцев «*АКЛ*», трансформированный из слова «*Байкал*». И введение «пустышек» (фиктивных знаков) в криптограммы также давно практиковались народниками еще первого созыва. Но для гамбеттовских систем шифрования мы фиктивные цифры ранее не встречали, и, в этом смысле, письмо Якубовича крайне интересно. Наступало очевидное разочарование в употребляемых шифрах. В ноябре 1884 года тот же Петр Якубович писал одной из провинциальных народовольческих групп:

«Перед глазами столько примеров гибели людей от сохранения писем и расшифровываемых полицией адресов, что страшно делается поневоле…» (133).

Любопытно, что в отличие от многих революционеров П. Якубович любил процесс шифрования писем. И будучи арестованным, пояснил на следствии:

«Последнему искусству, довольно неприятному и докучному для большинства обращающихся к нему, научил меня тот же г. Федоровский, и я вскоре «произошел» это искусство в совершенстве и полюбил его, как истый художник» (134). Упомянутый в этих строках господин Федоровский – никто иной, как Сергей Дегаев, известный предатель «Народной Воли» и, одновременно, первый учитель Якубовича на революционном поприще.

Вообще, в письмах и следственных показаниях народовольца множество беглых и отрывочных сведений о шифрах той эпохи. Из них ясно, что криптограммы имели тогда вид числовых рядов, а ключами к ним

были различные слова или фразы. И революционер правильно чувствовал опасность – все его письма, оказавшиеся в руках жандармов, были ими успешно разобраны.

Ответ на вопрос – каким образом полицейским криптоаналитикам удавалось читать народовольческие шифры, искали многие видные революционеры. Одним из них был Михаил Ашенбреннер. Летом 1881 года он вошел в тесную связь с «Народной Волей». Решающую роль в этом сыграла Вера Фигнер (представитель ИК на юге России) и член Военного центра партии Александр Буцевич. После июньского 1882 года разгрома московского ИК (А. Корба, М. Грачевский и А. Буцевич), уцелевшая в Харькове В. Фигнер предложила членам военной организации Рогачеву, Ашенбреннеру, Похитонову и Крайскому подать в отставку, чтобы взять на себя общепартийные обязанности исчезнувшего центра. Ашенбреннеру было поручено совершить объезд провинциальных кружков. Но в марте 1883 года последовал и его арест – предательство С. Дегаева позволяло инспектору тайной полиции Судейкину полностью контролировать каждый шаг народовольцев. Много позже М. Ашенбреннер вспоминал:

«Арестован я был при исключительно благоприятных обстоятельствах. При мне были рекомендательные письма и небольшая тетрадка из очень тонкой почтовой бумаги со списком 400 офицеров по городам. Все это было зашифровано **по *способу Гамбетты*** [выделено мной – А.С.]. Подобрать ключ к зашифрованному очень трудно, но возможно; стоит только удачно подставить при выкладках, например, название города и, если в тексте есть это слово, то ключ найден. Поэтому фамилии и города в письмах мы зашифровывали другим ключом. Как раз моя тетрадка с фамилиями и не могла быть так зашифрована. Это меня страшно беспокоило и я… вознамерился выучить все эти списки наизусть… В момент ареста при мне находились еще уцелевшая часть тетради с 200 фамилиями…» (135).

Далее мемуарист рассказывает, как, предчувствуя свой арест, он успел сжечь остатки документов и тем спасти многих товарищей от неизбежного ареста. Способ же одновременного использования при составлении криптограмм двух параллельных ключей очень любопытен.

Интересно, что в феврале 1882 года Центральный военный кружок «Народной Воли» выработал устав «Частного офицерского кружка» и инструкцию для его членов. Ее §15 гласил:

> «Шифрованную переписку надо уничтожать немедленно по миновании надобности, или владелец такой переписки должен переписывать ее по собственному ему одному известному паролю» (136).

Все эти факты однозначно указывают, что народовольцы постоянно пытались улучшить качество своих криптограмм, однако от самих традиционных способов шифрования не отказывались. Все их нововведения, конечно, давали свой эффект, но, к сожалению, только временный. Подпольщики не учитывали главного – считающийся сотни лет нераскрываемым, периодический шифр Виженера к началу 1880-х годов перестал уже быть таковым. В 1863 и 1883 годах в Берлине и Париже были изданы труды выдающихся криптографов XIX столетия Фридриха Казиского и Огюста Керкхофса, где они теоретически разрешили проблемы дешифрования многоалфавитных систем и дали способы их универсального вскрытия (137). Вооруженные новыми методами, жандармские криптоаналитики все успешнее разбирали революционные шифровки.

Однако успех дешифровщиков объясняется не только их умением и искусством. В период агонии и разгрома народовольчества пышным цветом расцвела провокация. А предательство такого видного члена «Народной Воли», как Сергей Дегаев, окончательно деморализовало остатки разбитой партии. Вряд ли стоит сомневаться, что помимо иной информации, предатели доводили до сведения жандармов и все последние ухищрения революционеров в области шифров.

Б. Оржих

«Народная Воля» истекала кровью, но не сдавалась. После ареста Лопатина, Якубовича и разветвленной революционной периферии, на юге России была осуществлена одна из последних крупных попыток «реанимировать» прежнюю организацию. Инициатором ее стал молодой Борис Оржих – в момент ареста ему исполнилось всего 22 года. Родился же он в 1864 году в Одессе. Но с 1879 по 1881 год Борис провел в Томске, где и принял революционное крещение в «Сибирском Красном кресте». Еще до провала этой организации Оржих вернулся в Одессу и, тем самым, избежал ареста. Однако на юге он попадает под преследование жандармов и переходит на нелегальное положение. Арест Лопатина выдвигает Бориса Оржиха в народовольческом подполье на первые роли. Прекрасно сознавая, что полицейский сыск в центре страны (Петербург, Москва, Киев и Одесса) поставлен хорошо и не дает революционерам сорганизоваться, Оржих решил основать новую организацию в провинции – в треугольнике городов Новочеркасск – Таганрог –

Ростов-на-Дону. Все они находились в полутора часах езды на поезде друг от друга, что представлялось особенно удобным. В орбиту новой организации попали так же Екатеринослав и Харьков – дело ставилось на широкую ногу. Оржих постоянно переписывался с заграницей (Л. Тихомиров). Ему и его товарищам удалось издать очередной 11/12 сдвоенный номер «Народной Воли», была организована динамитная мастерская, где по рецептам Н. Кибальчича изготовили взрывательные снаряды. Начали вынашиваться планы конкретных покушений – это была уже реальная угроза для правительства.

В конце 1885 года Оржих встретился со своим старым товарищем, видным деятелем «Народной Воли» периода ее заката, Сергеем Ивановым. У него была богатая биография: побег из Сибири, выпуск 10 номера «Народной Воли», работа в динамитных мастерских. Восемь месяцев он прожил за границей и в октябре 85-го вернулся в Россию. Позднее Оржих вспоминал:

«Он попросил, чтобы я ему дал… ряд адресов… для писем и явок. Это мне не понравилось. Не потому, что я хоть на миг мог питать даже тень недоверия к нему. Нет. А потому, что у нас, в нашей южной компании, после опыта многих провалов было органическое отвращение к старым методам записи адресов. У каждого из нас была книжка со своими индивидуальными отметками. Например, в таком роде записывал я: «Либералы, банка и плуг, твердый». Это означало для меня: «Симферополь, Крестьянский банк, Каменецкий»… Правда, иногда случалось, что не сразу расшифруешь какую-нибудь тарабарщину; но напрягши память и путем наведений, все-таки доберешься до сути. Когда Сергей Иванов попросил у меня адреса, я знал, что он шифрует по прежнему. Я сказал ему, что шифровка не представляет гарантии, что есть много данных, что жандармы расшифровывают все цифровые шифры.

- Это вздор, - настаивал он, - они расшифровывают только очень первобытные шифры, а главным образом, когда предатели выдают их им. У меня двойной способ, который совершенно невозможно расшифровать.

Однако я настаивал, чтобы он заучил хорошо адреса и уничтожил свои записи, что он и обещал, но впоследствии не успел исполнить» (138).

Буквально сразу после упомянутого свидания народовольцев (в январе 1886 года) Сергей Иванов был арестован. А в феврале за решеткой оказался и Борис Оржих. За этими событиями последовал полный разгром южных групп и связанных с ними подпольщиков Москвы и Петербурга. По процессу 21 народовольца в 1887 году прошли Лопатин, Якубович, Оржих, Иванов и другие революционеры. Большинство их суд приговорил к смертной казни, замененной затем вечной каторгой. Буквально перед этим были повешены пять студентов – героев второго 1 марта (Александр Ульянов и его товарищи). И император просто не решился потрясти страну новыми казнями.

Воспоминания же Б. Оржиха очень любопытны. Только через пять лет героического поединка народовольцев с правительством у них начало складываться стойкое представление о ненадежности любых шифрованных текстов. Мемуарист сообщает нам о двух новых способах переписки или ведения записей: двойных шифрах и опорных словах.

Ясно, что метод Оржиха был вполне надежен для небольших записей, но совершенно не годился для перекрытия более объемных текстов. Что же касается «двойного шифра» Сергея Иванова, то, очевидно, это совсем не то, о чем писал в свое время М. Ашенбреннер. Здесь имелся в виду метод наложения одной системы шифра на другую.

К сожалению, заметки Оржиха – единственное известное упоминание современников о двойном шифре. Но здесь нас выручит произведение писателя-революционера Сергея Степняка-Кравчинского. В 1889 году вышел на английском языке его роман «Карьера нигилиста», получивший в русском переводе название «Андрей Кожухов». Только в 1898 году, уже после трагической гибели писателя под колесами поезда, Россия смогла ознакомиться с этой книгой. Ее издание и перевод осуществила вдова Кравчинского. Это была своеобразная «энциклопедия» жизни русского революционера-подпольщика. Кравчинский коснулся в ней и упомянутых двойных шифров. Сделал он это в самой первой главе своего романа, в которой главный герой Андрей Кожухов получает письмо из России. Процитируем в сжатом виде некоторые моменты из произведения:

> «Елена наскоро окончила свой скромный обед… У нее в кармане лежало давно ожидаемое письмо из России, только что переданное ей старым седым часовщиком, который получал на свое имя всю ее заграничную корреспонденцию, и она горела нетерпением передать драгоценное послание своему другу Андрею…».

Далее Кравчинский описывает, как Андрей и Елена проявляют химический текст конспиративного послания:

> «Он тщательно расправил письмо и, обмакнув в склянку… кисточку, несколько раз провел ею по лежащей перед ним странице. Черные строчки, написанные обыкновенными чернилами, быстро исчезли, как бы растворяясь в едкой жидкости; на мгновение бумага осталась совершенно белой. Потом в ней что-то ожило и задвигалось; из сокровенных ее недр появились… буквы…

Обыкновенное письмо прерывалось кое-где длинными шифрованными местами, содержавшими, очевидно, особенно важные известия. Шифр служил гарантией на тот случай, если полиция обнаружит особую подозрительность и не довольствуясь чтением письма, употребит химические средства для исследования скрытого содержания. Сначала шифрованные места попадались только изредка…, но мало-помалу эти кучки цифр густели все более и более, пока, наконец, посередине третьей страницы они не превратились в целый лес, как в таблице логарифмов, без всяких знаков препинания…

- Вот вам Андрей, приятное времяпрепровождение! – сказала Елена, указывая на количество шифра…

Он терпеть не мог заниматься разбором шифрованных писем и часто говорил, что это для него своего рода телесное наказание.

- Я отвык от этой работы. Напишите мне, пожалуйста, ключ, чтобы освежить память.

Она сейчас же исполнила его просьбу, и, вооружившись каждый листком бумаги, они терпеливо уселись за работу. Это была нелегкая задача. Жорж пользовался двойным шифром, употреблявшимся организацией; первоначальные цифры письма нужно было при помощи ключа превратить в новый ряд цифр, а те, в свою очередь, превращались через посредство другого ключа уже прямо в слова. Это давало возможность употреблять много различных знаков для обозначения каждой отдельной буквы азбуки и делало шифр недоступным для самых проницательных экспертов. Но если в шифрованном письме попадалась какая-нибудь ошибка, оно оставалось иногда загадкой даже для того, кому было адресовано…

Андрей выписывал букву за буквой добытые результаты… Лена продолжала диктовать:

- Пять, три.

- Семь девять, - вторил Андрей, ища в ключе соответствующие буквы.

- Скорее! – нетерпеливо сказала Лена. – Вы разве не видите, что это «А»?

Через несколько минут перед ними… стояла фраза: «Борис недавно арестован…» (139).

Я прошу извинения у читателя за столь обширную цитату. Но она очень содержательна. Здесь мы видим и уже легендарную нелюбовь писателя к шифрованной переписке, о которой писал его друг П. Кропоткин. Наглядно представлена вся техника нелегальной переписки подпольщиков – подставные адреса, симпатические чернила и шифры. Роман Кравчинского получил самое широкое распространение в канун нового революционного подъема и, несомненно, играл некоторую воспитательную роль в конспиративном образовании начинающих русских революционеров.

Анализ же двойной системы С. Кравчинского указывает, что первый ключ – есть некая квадратная система по типу шифров, широко представленных в период «хождения в народ». Фразы героев (пять – три, семь – девять) – это координаты букв в квадратной ключевой табличке.

Вторая же система – один из вариантов многоалфавитного периодического шифра. Только при таком способе переписки сбой в одной букве текста приводил к полному непониманию всего остального. Это «ахиллесова пята» гамбеттовских систем, являющаяся настоящим бичом всех поколений русских подпольщиков.

В другой части своего замечательного романа Кравчинский вновь возвращается к моменту работы Андрея Кожухова над зашифровкой конспиративного письма:

«Он вздохнул и решительно уселся за работу. На несколько часов он переселился в мир чисел, нашептывая цифры, совещаясь с ключом, делая разные исчисления…» (140).

Последняя фраза о «разных исчислениях» может говорить о «сокращенном гамбеттовском ключе Златопольского». Но возможна и иная система. В ней к каждому двузначному числу квадратного шифра последовательно прибавлялась цифра из определенного числового ключа. С такими методами шифрования мы столкнемся в следующих главах нашего исследования. А пока обратимся к другой важнейшей сфере нелегальной переписки революционеров – методам укрытия их шифрованных текстов. В этой области народники также заложили свои прочные традиции.

Глава десятая

Стеганография и народники

Под современным термином «стеганография» понимается набор способов сокрытия самого факта передачи конспиративного сообщения. Для революционеров России эта наука стала неотъемлемой частью их подпольного существования. Методы стеганографии были самые разнообразные и глубоко связанные с мировой историей.

Так, наиболее известным способом являлась разметка нужных букв сообщения в печатных строках какой-либо книги. Первое упоминание об этом мы находим в мемуарах Льва Тихомирова, относящиеся к 1872 году. Тогда чайковцы пытались воспользоваться для переписки с арестованными товарищами книгами, в которых иглой накалывались буквы так, чтобы образовывались нужные слова (141).

То же рекомендовал своим товарищам участник процесса 50-ти Георгий Зданович (ноябрь 1875 года):

> «… Подчеркивать слегка некоторые буквы (стараться надо как можно реже, чтобы не было заметно) – на странице 2 – 3 буквы» (142).

Лев Гартман в октябре 1880 года из лондонской эмиграции писал народовольцам в Россию:

«В случае больших писем, присылайте лучше под копеечной бандеролью брошюрку, книжку, где, начиная с 5 или 11 страницы, отмечайте буквы (раскидывая на пространстве) карандашом под ними. И читать легче, и шифра не надо и посылать без труда и риска» (143).

Здесь, положим, Гартман сильно заблуждался. Шифр был совершенно необходим. Отметим попутно, что буквенный гамбеттовский ключ народников как нельзя лучше подходил для подобного метода переписки и наверняка использовался.

Между тем широчайшее применение этого способа общения среди русского подполья берет свое начало от древнегреческого полководца Энея, который в одной из своих книг дал описание способа расстановки точек под буквами маскировочного текста. Прекрасно о «точечном методе» были осведомлены и российские жандармы.

Другой вид стеганографии – запрятывание писем в корешках и обложках пересылаемых книг – тоже практиковался еще народниками. Так С. Ширяев просил товарищей переслать письмо его жене, заделав его в книгу (ноябрь 1880 года).

А из воспоминаний Л. Дейча и переписки тех лет известно, что группы «Черный передел» и «Освобождение труда» для своей связи с Россией широко использовали тот же способ. Целые брошюры революционеры прятали в корешках невинных на первый взгляд изданий.

Еще один метод находим в материалах процесса 50-ти. Цитируем:

> «Письмо, начинающееся словами «Милая Анюта»… заключает в себе изливание тоски по поводу разлуки с любимой женщиной. Между тем… оказалось, что под некоторыми буквами проставлены цифры, совокупность же всех цифр составило письмо, шифрованное по отобранному в Иванове шифру «Эй, Фомич…»» (144).

Сергей Нечаев же в конце 1860-х годов практиковал записи цифровых шифров под видом различных математических подсчетов или же коммерческих счетов.

Однако наиболее ходовым во все времена российского подполья оставалось использование революционерами всевозможных симпатических чернил. Колоритно и иронично о первых подобных опытах писал еще член «Земли и Воли» 1860-х годов Лонгин Пантелеев:

> «В конце беседы господин с пенсне вошел в некоторые конспиративные детали и между прочим сообщил рецепт химических чернил для переписки. «Его дал Мацини!» Если ссылкой на знаменитого заговорщика он хотел в финале усугубить эффект, то сильно ошибся. «Да это всякий аптекарь может посоветовать» – подумал я…»» (145).

Перед нами сцена инструктажа молодых революционеров одним из их руководителей Александром Слепцовым. Упомянутый Мацини – выдающийся итальянский революционер Джузеппе Мадзини (1805 – 1872 гг.).

Очень широко химическая переписка применялась и народниками 1870-х годов. В материалах их судебных процессов есть на этот счет немало сведений. Так, Николай Теплов переписывался с петербургским кружком «артиллеристов» «раствором соли и цифровым шифром» (146). Имеется в виду

самый обычный водный раствор поваренной соли, следы от которого проявлялись элементарным нагреванием.

А содержащийся под стражей Феофан Лермонтов сообщал товарищам на волю, что он «пишет лимоном и проявляет на огне» (147). Лермонтов проходил по делу 193-х, но ему не суждено было выйти из тюрьмы. Вскоре после суда он в ней умер.

В материалах процесса 50-ти указано, что в бумагах Николая Цвилинева обнаружено письмо: «На этих листочках замечены следы письма, вытравленного, по всей вероятности, лимоном, почему эти листочки были положены под горячий утюг, от действия которого текст письма выступил» (148).

> «Лимонные чернила» имели в российском подполье наиболее массовое употребление. Очевидно, что с лимонами в России XIX века не было проблем ни на воле, ни в тюрьме! Даже из Петропавловской крепости Мария Коленкина сообщала землевольцам, что «мы будем изображать **чкцацыр**». По ключу «*Максим Грек*» шифр нетрудно прочесть: «мы будем изображать *лимоном*» (149).

Любопытны воспоминания Николая Виташевского о его отсидке в одном из российских тюремных централов:

> «Кроме обыкновенных чернил, мы пользовались в экстренных случаях для переписки и «химическими» – молоком. Если исписанную молоком бумажку слегка потереть пеплом сожженной бумаги, то написанное проступает» (150).

В связи с приведенным рецептом Виташевского обратимся в век XVIII-й. Историк Н. Я. Эйдельман указал, что летом 1797 года великая княгиня Елизавета Алексеевна (жена будущего императора Александра I) в переписке со своей матерью использовала молоко и советовала родным:

> «Вместо того чтобы держать письмо над огнем, можно так же посыпать его угольным порошком; это делает видимым написанное и таким образом можно писать с обеих сторон» (151).

Однако и этот метод брал свое начало в глубокой древности. Еще римский поэт Овидий (43 до н.э. – 18 н.э.) рекомендовал влюбленным способ тайнописи молоком, выявляемой посыпанием бумаги сажей. После сдувания сажи на бумаге остаются ее мельчайшие частицы, прилипшие к тем местам, где были буквы, написанные молоком.

Следовательно и в данном случае революционеры шли по проторенной дорожке. Все эти простые рецепты их «химии» (соль, лимон, молоко) проявлялись нагреванием и были, конечно, малонадежны. Поэтому среди народников сравнительно рано стали практиковаться другие составы. По материалам процесса 193-х цитируем:

> «По обыску, произведенного в квартире Стронского… было отобрано полученное им… письмо, написанное особыми чернилами, выходящими на бумаге лишь при смачивании их раствором азотной кислоты» (152).

Имя Николая Стронского уже встречалось на страницах нашей книги – его документы попали в шифрованные списки землевольцев-народовольцев. Но сам революционер безвременно скончался в тюрьме. Более мы ничего не знаем об используемых им химических чернилах – рецепт их утерян. Но ясно, что мысль революционеров уже начала работать над изобретением более сложных составов.

Между прочим подпольщики очень редко использовали термин «симпатические чернила», называя их химическими». Однако такие случаи все же имеются. Из откровенных показаний юнкера Ларионова о деятельности «Киевской коммуны» известно, что в ней «были условлены шифры… и рецепты симпатических чернил» (153).

Создание в 1876 году такой сугубо конспиративной организации как «Земля и Воля», а затем и «Народная Воля», потребовали от конспираторов разработки иных, более стойких химических чернил. О том, что землевольцы использовали в своей повседневной деятельности сложные симпатические составы, говорит, к примеру, уже цитированный нами документ о попытке задержать в Чернигове Александра Михайлова (лето 1879 года). Тогда в оставленных в гостиничном номере вещах исчезнувшего «Безменова» жандармы обнаружили какие-то порошки и склянки с химикалиями. Очевидно, что речь шла о материалах для приготовления химических чернил или средств их проявления. Но что же здесь имелось в виду конкретно? Ответ на этот вопрос получим из других полицейских документов.

В октябре 1880 года начальник Киевского ГЖУ Новицкий доложил в Департамент полиции об аресте в Киеве руководителей «Южнорусского рабочего союза» Елизаветы Ковальской и Николая Щедрина, скрывавшихся под паспортами супругов Лесковых. При них, в частности, были захвачены «письма, между строками которых написаны шифры, образовавшиеся от намазания письма хлористым железом» (154).

Упомянутые в документе Е. Ковальская и Н. Щедрин ранее входили в землевольческую организацию, а затем влились в отколовшийся «Черный передел».

Далее обратимся к воспоминаниям петербургского секретаря «Черного передела» Ольги Булановой (Трубниковой):

> «Мы получили объемистое письмо от Дейча и с вечера долго сидели, раскрашивая полуторахлористым железом промежутки между строчками и расшифровывая появляющиеся там знаки» (155).

Время действия описываемых событий – конец 1881 года.

В 1884 году при разгроме киевских народовольцев (Шебалин, Караулов и др.) был арестован некий А. Борисович. Позже его опознали как одного из членов «Народной Воли» Николая Мартынова. Из обвинительного акта киевского процесса 12-ти народовольцев можно узнать, что у « Борисовича» был изъят пузырек с полуторахлористым железом, а у Шебалина нашли шифрованную переписку, восстановленную составом желтого цвета (156). Кроме того были обнаружены письма неустановленных революционеров, на коих, как сказано в полицейских протоколах, «между строками виднеются полосы от раствора полуторахлористого железа».

Таким образом, полиция уже с 1880 года (а, скорее всего, и ранее) превосходно знала, что проявителем химической переписки народников является полуторапроцентный раствор хлористого железа. Повсеместно при арестах революционеров у них обнаруживали упомянутый реактив. Дело дошло до того, что с середины 1880-х годов даже все письма заключенных в царских тюрьмах стали проверяться полуторахлористым железом на предмет обнаружения в них химического текста. Например, Лев Дейч в июне 1885 года отправил из Томска письмо, которое затем цензором было смазано крест-накрест раствором этого реактива (157).

Итак – проявитель «химии» народовольцев и чернопередельцев теперь известен. А в качестве самих химических чернил служил раствор желтой соли. Из энциклопедии:

Желтая или кровещелочная соль *или синь-кали, или железисто-синеродистый калий*. Ж. соль служит источником получения всех других синеродистых соединений и имеет самые различные применения, а потому получается заводским путем. Наибольшие количества добываемой разными способами Ж. кровяной соли употребляются для приготовления берлинской лазури; кроме того, значительные количества ее расходуют в красильном деле и для получения цианистого калия (158).

Это химическое вещество тоже неоднократно обнаруживалось при аресте революционеров. Однако их трактовка полицией уводит нас совсем в другую сторону.

Самое первое упоминание встречается в материалах процесса 16 народовольцев. В декабре 1879 года у задержанного Сергея Мартыновского был захвачен чемодан, содержащий «небесную канцелярию» народовольцев. Среди обнаруженных улик находим:

> «п. 3 Склянка, оклеенная фольгою, с простою пробкой, заключающая в себе синеродистый кали…
>
> п. 5 Маленькая баночка темного стекла с деревянною пробкою, заключающая в себе синеродистый кали…
>
> Из переименованных веществ, значащиеся под №№ 3 и 5 – сильные яды» (159).

Возможно, что жандармы не догадывались об истинном предназначении химикатов. Но они были обнаружены вместе с материалами «паспортного бюро». Однако тема использования синеродистого калия в процессе фабрикации паспортов даже не поднимается и однозначно говорится о нем как о сильнейшем яде. Для суда над террористами это еще одна весомая улика. Но ни один из осужденных даже не пытается оправдаться. Рецепт химической переписки – строжайший секрет их организации. И ее интересы ставились народовольцами выше собственной безопасности.

Первого марта 1881 года студент Рысаков кинул бомбу в экипаж проезжающего по Петербургу Александра II. Взрыв. Рысаков тут же схвачен. Следующая бомба Гриневицкого убивает императора. И потрясенный Рысаков начинает давать озлобленным жандармам самые откровенные показания. В них он указывает, что при нем «обнаружен железисто-синеродистый калий для добывания берлинской лазури». Принимавший участие в задержании террориста фельдшер Горохов (случайный свидетель покушения) показал, что в карманах террориста им были «обнаружены завернутые в маленькую бумажку несколько кристаллов, темных, с синеватым отливом, …из железистых препаратов» (160).

Однако в материалах следствия не дается объяснения предназначения синеродистого калия. Возможно, Рысаков планировал применить его в качестве яда на случай ареста, однако не успел им воспользоваться. Но так же вероятно, что химикат имел среди террористов двойное назначение – и как химические чернила, и как яд на самый крайний случай.

В декабре 1881 года в Одессу прибыл лейтенант Буцевич для организации местного военного кружка «Народной Воли». Его руководителем стал Болеслав Крайский. Из жандармских дознаний известно, что

«уезжая из Одессы Буцевич показал Крайскому употребление шифра, снабдил его цианистым кали и пригласил писать о делах кружка» (161).

Здесь, несомненно, содержится подтасовка истинных фактов, сделанных полицией. Речь, вероятно, идет о синеродистом калии. Но жандармам куда важнее указать в протоколах наличие у Крайского сильнейшего яда. Ведь речь шла о страшных террористах.

Тот же самый случай мы наблюдаем и в другой части Российской империи. В сентябре 1882 года разгрому подверглась военная народовольческая группа в финском Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Организовал ее Николай Рогачев, а возглавил Павел Сикорский. В протоколах его обыска жандармы указывают целых две банки, наполненных кристаллическими соединениями калия. И здесь говорится о нем как о сильнейшем яде. Интересно, что в эту группу входила юная Лидия Книпович – впоследствии известнейшая большевичка. За недоказанностью вины ее тогда передали на поруки отцу (162).

В феврале 1883 года в Харькове была арестована давно разыскиваемая Вера Фигнер. При задержании она попыталась съесть маленькую записку, молниеносно выхваченную из портмоне. Но жандармы решили, что революционерка приняла яд. Вера Николаевна, вспоминая через много лет этот трагический для нее день, писала:

> «Кусочки желтого калия, хранившиеся в портмоне как химические чернила, были приняты за смертоносный цианистый калий» (163).

Свидетельство Фигнер подтверждает, что Александр Буцевич снабдил Б. Крайского в Одессе все-таки синеродистым калием. Впрочем, из перехваченной переписки карийских политкаторжан нам известно, что вели они ее именно цианкалием. При этом рекомендовалось перед написанием письма смачивать пустые страницы молоком. Однако использование цианидов как химических чернил было весьма небезопасно и вряд ли получило широкое распростронение.

Итак, во всех перечисленных случаях синеродистый калий и его производные фигурируют в материалах полиции как яд. Но это не тот момент, когда жандармы за деревьями не видели леса. Они прекрасно понимали истинное предназначение синеватых кристаллов. Но сознательно приписывали народовольцам более тяжкие улики.

Знали жандармы о методах ведения химической переписки в среде российского подполья и от своих информаторов. Так, арестованный осенью 1884 года Петр Якубович сообщил, что химическая переписка велась им желтой солью (она же – синеродистый калий). Но научил его подобному рецепту никто иной, как Сергей Дегаев – после ареста Фигнер он фактически встал во главе российских народовольцев. Одновременно он был личным агентом инспектора Судейкина (164).

Таким образом, на протяжении значительного отрезка времени мы имели возможность проследить историю использования желтой соли и полуторахлористого железа в конспиративной переписке народников. Однако ни в одном документе эти два вещества никогда не фигурируют вместе. И возникает неизбежный вопрос – почему мы объединили их в общую группу? Ответ можно найти в одной из революционных брошюр за 1902 год, принадлежащей перу известного социал-демократа (а ранее – народовольца) Владимира Акимова. Она носит заглавие «О шифрах», однако описывает не только их. Подробнейшим образом революционер разобрал в ней и методы химической переписки российского подполья. Акимов пояснил, что наиболее надежным ее средством являются чернила, реагирующие только на определенный химический состав. И далее он пишет, что самым известным (!) способом является метод написания писем синеродистым кали, растворенным в малой дозе воды. Проявлялись чернила полуторахлористым железом (165).

Круг замыкается. Именно брошюра В. Акимова расставляет все по своим местам. Впервые в жандармские хроники желтая соль попала в 1879 году – в период образования «Народной Воли». Но вряд ли стоит сомневаться, что этот рецепт начал практиковаться еще в «Земле и Воле». Ведь впоследствии его одновременно использовали оба крыла расколовшейся организации.

Писали революционеры свои послания не только в письмах, но и между строк книг, журналов и даже газет. Так, Яков Стефанович в сношениях с Львом Дейчем использовал номера газеты «Московские новости», где химией наносил свои криптограммы. В конце каждого подобного письма ставилось слово «конец» для обозначения полного окончания химического текста. Это слово присутствует в большинстве народовольческих писем, которые сумели скопировать жандармы.

Рецептом «желтой соли» народовольческая «химия отнюдь не исчерпывалась. Тот же Стефанович, будучи на Карийской каторге, втайне от товарищей вел дневник, делая записи крахмалом между строк легального журнала. Знал об этом только Л. Дейч. (166). Но и этот способ стеганографии получил свое начало с незапамятных времен. Еще китайский император Цин Шихуанди (249--206 гг. до н. э.) использовал для своих тайных писем густой рисовый отвар (содержащий крахмал), который после высыхания написанных иероглифов не оставлял никаких видимых следов. Если такое письмо слегка смачивали слабым спиртовым раствором йода (или отваром водорослей), то появлялись синие надписи.

Остается открытым вопрос с романом С. Кравчинского «Андрей Кожухов». Как мы помним, в нем дано описание момента проявления революционерами химического письма. При этом от «проявителя» исчезал сам легальный маскировочный текст. При всей принципиальной возможности, этот факт исторически мало достоверен. Все сохранившиеся подлинные письма революционеров носят на себе следы химической обработки. Но в них присутствуют одновременно два текста: внешний и конспиративный (укажем здесь послания Льва Гартмана и Веры Фигнер).

Кроме химической «пары» полуторахлористого железа и желтой соли очевидно были и другие способы. Но именно этот метод приобрел наибольшую популярность. Однако в дальнейшем он исчерпал себя. Слишком хорошо известный полиции, он скорее вел к обнаружению тайной переписки, чем к ее сохранению. Новым поколениям российских революционеров приходилось идти дальше своим собственным путем.

Глава одиннадцатая

Промежуточные итоги

К середине 80-х годов XIX века стало вполне очевидно, что в противостоянии революционеров и правительства России первые потерпели сокрушающее поражение. Революционное народничество оказалось разбито. И взрыв 1 марта 1881 года только ускорил этот процесс, привнес в среду подпольщиков смятение и разочарование. Царский режим, наоборот, после нескольких месяцев страха и колебания сплотился перед лицом террористической опасности. Оставшиеся на свободе немногочисленные народовольцы искали выход в эмиграции. Наступала жестокая реакция…

В разные годы истории России потомки по-разному относились к деятельности «Народной Воли». Но остается фактом, что эта организация явилась мощнейшим катализатором последующего бурного роста революционного движения страны. Многое можно поставить в заслугу народовольцам. Они создали эффективную боевую организацию со строгой конспирацией и централизацией. Практически все видные народовольцы являлись профессиональными революционерами и годами находились на нелегальном положении. Разработанные ими правила личной безопасности (конспирации) стали неотъемлемой частью деятельности последующих революционных обществ.

Народовольцы применили все основные способы конспиративной переписки и в этой сфере не стояли на месте. За короткий срок от периода «хождения в народ» до покушения на Александра II ими были реализованы все важнейшие системы шифров революционного подполья. В частности, они творчески развили идею шифра Виженера, создав его несколько оригинальных вариантов. А сокращенный гамбеттовский шифр Льва Златопольского стал визитной карточкой российского подпольщика. Первоначально используемая буквенная запись криптограмм постепенно трансформировалась в цифровую. Значительный шаг был сделан в разработке симпатических чернил для химической переписки. Все это разительно отличалось от деятельности революционеров предыдущего периода.

Существует огромная литература по истории народничества и народовольчества. Между тем, она очень мало дает читателю представления об истинных методах ведения революционной переписки. Даже наоборот. Зачастую подобная литература уводит читателя в сторону от правильных ответов. Вот краткая цитата из книги Т. А. Соболевой «Тайнопись в истории России». Монография эта просто замечательна, тем огорчительнее выглядят некоторые ошибки автора:

«Уже члены организации «Народная Воля» применяли так называемый «тюремный шифр» – вариант «шифра Полибия», – обошедший все тюрьмы… Народовольцы стали пользоваться и книжным шифром… Вообще конспирация и конспиративная переписка (тайнописью – химией, шифром) были у революционеров в ранний период на достаточно высоком уровне…» (167).

Здесь, что ни предложение, то или неточность, или ошибка. Главной заслугой народовольцев являлось совершенствование многоалфавитного шифра Виженера и различных квадратных систем. Книжные же ключи не играли в их подпольной практике никакой видной роли. А были они впервые применены русскими революционерами еще в 1860-х годах.

С вершины наших современных криптографических понятий шифры XIX века кажутся простыми и наивными. Но здесь не надо заблуждаться и передергивать факты. Всегда и везде процессы разработки шифров и методов их взлома (дешифрования) шли параллельно. То одна, то другая наука поочередно выходили вперед. Это полностью касается и революционных шифров. Успехи жандармских криптоаналитиков заставляли подпольщиков все более совершенствовать их традиционные системы криптографии. Впоследствии отказ от некоторых из них привел к массовому распространению книжных шифров. Но случилось это уже в другую революционную эпоху, и нет нужды приписывать народовольцам чужие заслуги.

Остается фактом, что вплоть до полного разгрома «Народной Воли» и даже значительно позже в среде русских революционеров доминирующее положение занимали так называемые «искусственные системы шифров», ключи которых были привязаны к определенным словам или фразам. Среди них обращают на себя внимание гамбеттовские системы шифрования. К сожалению, при большом числе народнических и народовольческих мемуаров, очень мало места в них революционеры отвели этому самому «гамбетту». Среди таких авторов можно перечислить только Сергея Ковалика, Веру Фигнер и Михаила Ашенбреннера. Но и они не дали нам никаких подробностей. Почему?

Во-первых, следует сделать поправку на время написания этих воспоминаний. Все они появились в ходе революции 1905 года или немногим позже. В тот период не надо было никому объяснять, что представляет из себя гамбеттовский ключ. Борьба с правительством у революционеров была в самом разгаре.

После революции 1917 года и прихода к власти большевиков ситуация осталась примерно та же. Но определяющую роль начали играть идеологические факторы. Уже с середины 1930-х годов деятельность «Народной Воли» стала предаваться все большему забвению. Ветераны организации вынуждены были замолчать или подвергнуться репрессиям. В стране широкой волной разливалась борьба с террористами и диверсантами, шли непрерывные политические процессы над старыми революционерами. И одно упоминание о народовольческом терроре могло вызвать нежелательные для власти ассоциации.

Однако в советский период шифры народовольческого подполья все же нашли своего публикатора. Если мы обратимся к известной энциклопедии братьев Гранат, то в ее 49-ом томе найдем обширную статью о шифрах. Вышел указанный том уже после революции. Поэтому энциклопедия прямо утверждала: «Шифр сыграл немалую роль в истории русского революционного движения». И это воистину так. В каком бы месте мы не коснулись революционного прошлого – обязательно столкнемся с теми или иными шифрами и криптограммами.

Но самое замечательное – это три системы шифрования, описание которых дает энциклопедия.

Во-первых – это метод перестановок – известный уже нам «шифр нигилистов». Во-вторых – «шифр Виженера». И - в-третьих – «книжный шифр». Все три системы имели самое прямое отношение к конспиративной переписке революционеров в разные эпохи. Трудно назвать это случайностью. И чтобы понять это, углубимся в биографию одного из редакторов и основателей энциклопедии Александра Наумовича Гранат.

В 1879 году он принимал непосредственное участие в харьковском народовольческом кружке Теллалова-Глушкова. После разгрома кружка Гранат долгое время находился под негласным надзором полиции, а одно время и под гласным. Связи его с революционерами не прекращались. С 1892 по 1933 годы он руководил популярной энциклопедией.

Не стоит сомневаться, что бывшему народнику были хорошо известны шифры подполья. И совпадение криптографических систем в энциклопедии с практикой российских революционеров показательно и вряд ли может быть случайным. Автором статьи из 49 тома мог быть не обязательно сам А. Н. Гранат, но его косвенное влияние отрицать так же трудно. Одним словом, в момент издания в 1932 году «Архива «Земли и Воли» и «Народной Воли»», основной шифр этих организаций был уже опубликован в советской печати.

На этом стоит подвести черту в рассмотрении шифров народнического и народовольческого подполья. Уже к середине 1880-х годов некогда грозная организация террористов перестала существовать. В период 1880 – 1890 годов было подвергнуто казни 17 народовольцев и 106 человек осуждено на продолжительные каторжные сроки. Такого кровопускания «Народная Воля» выдержать не смогла. Да и сама идея изменить общественный строй при помощи убийства императора и его ближайших сановников оказалась совершенно несостоятельной. Это был акт отчаяния и террористов ждал неизбежный разгром. Конечно, попытки продолжить революционный террор не прекращались – например, группами А. Ульянова или С. Гинсбург. Но молодые революционеры, мечтавшие возродить некогда мощную боевую организацию, не имели для этого твердых убеждений, конспиративного опыта, прочных традиций.

Разумеется не все шифры народовольцев получили здесь свое описание. Об этом говорит последующая революционная эпоха. Именно тогда был издан ряд брошюр, посвященных подпольным шифрам. Часть из них, несомненно, брала начало в 1880-х годах. Но это только теория. Практических примеров использования этих шифров в рассмотренный нами период мы не находим.

Народовольчество было разбито. Подавляющее большинство активных революционеров отправилось на эшафот, каторгу, ссылку или скрылось в эмиграции.

Но память об этих отважных первопроходцах политической революционной борьбы не могла исчезнуть вместе с ними. И молодые поколения всегда помнили о своих предшественниках. Весь их богатый опыт брался на вооружение и получал дальнейшее развитие в новых исторических условиях России.

Часть вторая

Новый революционный подъем

Глава первая

Марксисты России

Упадок народовольческого движения неминуемо привел многих российских революционеров к поиску новых путей свержения ненавистного самодержавия. И на первые роли постепенно выдвинулась группа «Освобождение труда», сделавшая чрезвычайно много в деле распространения марксизма в России.

Сравнительно небольшая часть видных народников, обосновавшихся в Швейцарии, к осени 1883 года отказалась от своих прежних иллюзий и прямо приступила к тщательному изучению марксистской теории. Все лица, составившие группу, к этому времени имели громкие имена. Георгий Плеханов был одним из редакторов газеты «Земля и Воля», а позднее стал руководителем оппозиционного народовольцам «Черного передела». Вера Засулич своим выстрелом в генерала Трепова открыла эру террора. Лев Дейч прославился участием в Чигиринском восстании и смелым побегом из Киевской тюрьмы. Павел Аксельрод в свое время редактировал журнал «Община» и был известен в южных народнических организациях. Последний член группы Василий Игнатов не был так знаменит, но входил в основной кружок «Земли и Воли» – а туда случайные люди не попадали. Он оказал группе Плеханова материальную поддержку в самый момент ее становления. Несвоевременная смерть от туберкулеза не дала возможности по-настоящему раскрыться этому революционеру.

Таким образом, была обеспечена самая тесная преемственность народников и первых русских социал-демократов. И нет ничего удивительного, что конспиративный аппарат новой организации впитал в себя лучшие традиции землевольцев и народовольцев.

Однако, как это ни странно, мы очень немного знаем о практической деятельности группы «Освобождение труда» в России. И здесь нам мало поможет даже ее обширный архив, тщательно сохраненный в Доме Плеханова в Петербурге. Конечно, группа постоянно пыталась завязать сношения с Россией для распространения своих взглядов. Но малочисленность первых социал-демократов и разгром в империи народнического и народовольческого движения обусловили минимум таких связей. К тому же с арестом в 1884 году Дейча группа потеряла своего главного практика. Через него проходили все основные связи с родиной. После этого нелегкая работа по переписке с Россией легла на плечи П. Аксельрода.

> «Павел Борисыч Аксельрод в гораздо большей степени, чем Плеханов и Засулич, был организатором… Он вел переписку с Россией, знал конспиративные способы сношений» – так вспоминала о нем Надежда Крупская, близко знавшая Аксельрода по работе в редакции «Искры» (1).

Проповедуя новые революционные пути, члены группы ,однако, прекрасно сознавали, что без старого накопленного опыта в России невозможно осуществить построение социал-демократической партии. В одной из своих статей Плеханов справедливо замечал:

> «Тайная, строго конспиративная и централистическая организация необходима для всякой революционной партии, энергично борющейся при современных русских условиях; она не может быть названа отличительной особенностью какой-нибудь из партий» (2).

Образовавшись в конце 1883 года, группа Плеханова очень скоро наладила первые связи с молодыми социал-демократами в самой России. Речь идет о кружке Димитра Благоева. Его участник Василий Харитонов вспоминал, что при разгроме их кружка в руки следователей попало одно из писем группы «Освобождение труда». Послание было написано химическими чернилами между строк вполне легального текста. «Шифр этого письма остался жандармам неизвестен, они так и не разобрали зашифрованного адреса…» (3). Далее Харитонов замечает, что переписка между Петербургом и Женевой была «приличная», но лишь одно письмо оказалось в руках властей. После революции оно было разыскано в архивах полиции, но, к сожалению, только в копии. Не разобранные шифрованные строки письма были опущены, и мы ничего не можем сказать о первых шифрах группы «Освобождение труда». Можно лишь предположить, что они были аналогичны шифрсистеме Дейча-Стефановича конца 1881 года. Или что-то в этом же роде. Во всяком случае, в известной нам шифрпереписке группы Плеханова мы встречаем преимущественно искусственные способы криптографии. Сведения о них очень скудны, но они все-таки есть, правда, относятся к более позднему периоду.

В ноябре 1892 года один из социал-демократов Екатеринослава Илья Тейтельбаум в своем письме к Аксельроду указал ключ к шифру для связи с его братом Владимиром. Система шифра не пояснена, но основывалась она на лозунге «Чужбина» (4).

В январе 1893 года социал-демократ В. Шмуйлов напомнил Плеханову свой ключ: «Шифр: вся первая строка, первое слово не под(…)ать, азбука без И, Ъ, Ѣ, Ѳ» (5).

Письмо Шмуйлова «перекрыто» цифровым шифром и до сих пор до конца не разобрано. Остается только сожалеть, что криптограмма из этого интересного документа не опубликована. Это дало бы возможность более предметно говорить о шифропыте первых марксистов России. А пока остается предположить, что система Шмуйлова – гамбеттовская. Неразобранное подготовителями слово можно прочесть как «не под (писыв) ать».

Группа «Освобождение труда» усиленно искала связи с Россией. Помимо Екатеринослава, она имела сношения с Вильно, Варшавой, Петербургом, Москвой… Но связи были нерегулярными, часто нарушались, кружки проваливались.

. В 1892 году в Россию через Польшу отправился эмиссар Плеханова Семен Райчин. С собой он вез транспорт литературы. В Варшаве посланец получил явки в Москву. Так Райчин вошел в соприкосновение с марксистской группой Бруснева и Егупова. Они быстро сошлись, условились об адресах, методах переписки и шифрах. Но на обратном пути Райчин был арестован. Вслед за этим оказались разгромлены подпольные кружки Варшавы и Москвы. Полиции стало известно многое. В том числе и шифры марксистов. Они строились на лозунгах «Черемуха» и «Шпицберг» (6).

Здесь мы снова наблюдаем исключительно искусственные системы криптографии. Анализ указывает на вероятный «квадратный шифр». Слишком коротки ключевые лозунги, и на них удобно строить именно квадратные таблицы. Интересно, что известный «охранник» Леонид Меньшиков в своем труде «Охрана и революция» привел еще один ключ к шифру московских революционеров. Использовался он в конце XIX века и базировался в квадрате по слову «Кулябко». Здесь мы имеем явную аналогию (7).

Поэтому не подлежит сомнению, что группа «Освобождение труда» и близко стоящие к ней социал-демократические кружки России продолжали широко использовать при шифровке квадратные и гамбеттовские системы эпохи народничества. Хотя к этому времени они были уже порядком дискредитированы в глазах старых народовольцев.

В нашем распоряжении очень мало реальных фактов о шифрпрактике группы Плеханова, чтобы делать какие-то обобщения. Но кое-что все же имеется.

Например, в марте 1895 года Плеханов получил письмо из Вены от марксиста Владимира Перазича. И содержащийся в нем короткий шифртекст мы приведем здесь в качестве образчика криптограммы того времени. К сожалению, она до сих пор не разобрана, но система шифра явно искусственная. Вот нужная цитата:

> «Не знаю, передал ли вам П.Б. [Аксельрод – А.С.)] ключ к шифру письма. На всякий случай сообщаю вам то, что просил вас спросить у П.Б.
>
> 11 8 5 7 9 112 3 10 4 9 1 4 10 6 5 5 6 8 3 3 7 3 4 4 5 6 6 5 6 3 3 2 3 5 7 7 5 7 5 6 4 3 8 2 8» (8).

Очень скоро Владимир Перазич покинет Вену и окажется в России. Ровно через три года, в марте 1898 года, при ликвидации Московского «Союза борьбы» полицией был арестован «перекрещенный еврей Константин Константинов (Абрам Мовшов) Солодухо… При нем оказалась масса подпольных изданий, рукописные документы и… шифр для сношений» (9). Это и был Владимир Перазич, один из первых марксистов-нелегалов. Не опознанный при дознании, он как «Солодухо» отправился в сибирскую ссылку. А в 1904 году принял участие в вооруженном «Романовском протесте» якутских ссыльных, за которое Перазич поплатился приговором в 12 лет каторги. Но это уже другая история.

1895 год вообще насыщен доступными нам документами, способными осветить криптографический опыт тогдашних марксистов. Вот еще один – донесение печально знаменитого полицейского агента, а в будущем – одного из руководителей партии социалистов-революционеров, Евно Азефа. Но тогда он еще не определился в своих симпатиях и одновременно вращался и в среде бывших народовольцев и среди первых русских социал-демократов. Азеф сообщал начальству:

> «Между г-ном Петерсом и Мееровичем установлен шифр для их переписки в России. Слово шифра «**Великобритания».** Азбука составлена из первых чисел: 1 – А, 2 – Б, 3 – В и т.д. К каждой букве прибавляется буква слова «**Великобритания»** и все цифрами, например, слово «вода» пишется так:
>
> В –3 (в) + 3 (в) = 6 (в одной строке), О = цифра, соответствующая «О» + цифра для «Е» и т.д.» (10).

В довольно неуклюжем объяснении начинающего провокатора нетрудно распознать гамбеттовский шифр. Принадлежал он социал-демократам Б. Петерсу и Ф. Мееровичу, в заграничный кружок которых одно время входил и Азеф. Любопытно, что речь идет в донесении о первоначальном варианте гамбеттовского шифра. В конце XIX века он получил название «раздельного гамбеттовского ключа». Но «сокращенный гамбетт» был забыт, как и имя его изобретателя. И это не единичный случай, в чем мы сможем убедиться в дальнейшем.

Одновременно в конспиративный оборот начинали входить все больше иные системы. Так в ноябре того же 1895 года молодой Владимир Ульянов в одном из писем к Павлу Аксельроду употребил книжный ключ! Очевидно, что спектр практикуемых способов криптографии у революционеров все более расширялся. Но это было только начало.

Конец XIX века в России характеризовался поразительно быстрым ростом социал-демократических кружков во многих местах империи. В Петербурге, Москве, Одессе, Вильно, Киеве, Екатеринославе и других городах возникали уже целые организации марксистов. Несмотря на преследование полицией, постоянные погромы и неопытность начинающих подпольщиков, процесс распространения идей Маркса в России стал необратим. Уже в марте 1898 года состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Инициатива его созыва принадлежала Киевскому «Союзу борьбы», а практическое обустройство съезда взяли на себя еврейские социал-демократы, к тому времени основавшие свою самостоятельную организацию (БУНД). О ней мы поговорим подробно позже. Что же касается киевлян, то их организация отличалась зрелостью и наличием опытных в конспиративном отношении работников. Среди них можно назвать Боруха Эйдельмана, Исаака (Альберта) Поляка, Владимира Сапежко… Видный историк РКП(б) и старый большевик В. Невский писал по этому поводу:

«Необыкновенная конспиративная выучка у киевлян достигла действительно совершенства. В одном из документов, приписываемых жандармами Эйдельману (хотя он отрицает его принадлежность себе) и, во всяком случае, написанном в Киеве, подробно рассказывается, что требуется для того, чтобы стать настоящим конспиратором - революционером. В этом замечательном документе изложено 20 правил конспирации» (11).

Только в 1988 году «замечательный документ» киевского подполья был полностью опубликован историком Ю. С. Уральским. В четвертом пункте свода конспиративных правил говорится:

> «Необходимо избегать излишней корреспонденции… В случае надобности написать письмо лучше всего пользоваться заранее условленным ключом или писать иносказательно, т.е. так, чтобы только заинтересованное лицо могло понять истинный смысл письма… При употреблении химических чернил не мешает шифровать некоторые слова, но нельзя их ставить вперемежку с обыкновенными, ибо тогда их нетрудно прочесть; поэтому необходимо шифровать целые предложения. Все шифрованные фразы надо заранее списать и проверить, нет ли ошибок. В письмах следует, безусловно, избегать фамилий, адресов, чисел. Надо твердо помнить пословицу: «Что написано пером, того не вырубишь топором» (12).

Под «заранее условленным ключом» для открытых писем автор документа, вероятно, имел в виду определенный жаргонный код.

Ни Невский, ни Уральский не указали автора «Правил». Известно, что они были изъяты полицией при аресте лидера киевского «Союза борьбы» Б. Эйдельмана в 1898 году. Представляли они из себя рукописный список. И ни до, ни после этого он никогда не публиковался революционерами. Поэтому «Правила» больше доступны современному читателю, чем были известны российскому подполью.

В. И. Невский издал свои очерки истории РКП(б) в 1924 году. А в 1930-м видная участница киевского подполья Вера Крыжановская назвала имя автора таинственного документа:

> «Чем интенсивнее работа, тем больше риска провалиться, и потому к вопросу о конспирации мы относились чрезвычайно серьезно. У нас был даже теоретик конспирации В. М. Сапежко – «Великий конспиратор», как мы его называли, составивший целую ***инструкцию*** [выделено мною – А.С.] для работников подполья; но в его педантичных указаниях многое было не применимо, и потому взять эту инструкцию за руководство было нельзя. Однако многие его указания имели жизненное значение и применены были в дальнейшей подпольной работе. Сам Владимир Михайлович Сапежко, обладая бросающейся в глаза красивой внешностью и ведя ответственную работу среди железнодорожных рабочих, умел очень искусно лавировать среди всяких шпионских сетей и не попадался в них. Независимый по складу характера, самостоятельный в своих выводах, он всякий шаг тщательно обдумывал и действовал наверняка» (13).

Владимир Сапежко (1869 – 1941) родился в семье захудалого священника. Учился в Новгород-Северской гимназии вместе с известными впоследствии марксистами Николаем Алексеевым и Константином Тахтаревым. Позднее Сапежко принимал активное участие в киевской подпольной группе «Искры», а после II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В этот период он широко употреблял в своей нелегальной переписке стихотворные шифры. И этот факт дает некоторое представление о его криптографическом образовании. После революции 1905 года Сапежко, подобно многим революционерам, отошел от активной революционной деятельности. В качестве присяжного поверенного он имел юридическую практику в Одессе, а в годы Советской власти работал в различных госучреждениях. В. М. Сапежко был фанатиком конспирации типа народовольца Михайлова. Интересно, что и учились они оба в одной гимназии, правда в разные годы. «Конспиратор донельзя» – такую характеристику дал Владимиру Михаил Сильвин, агент Русской организации газеты «Искра» (14). И составленные Сапежко правила конспирации предвосхитили появление в ближайшем будущем других подобных работ, получивших уже широкое распространение.

В. Сапежко

О шифропыте первых марксистов нам дают представление воспоминания известного социал-демократа Виктора Катина-Ярцева. Одно время он возглавлял Петербургский «Союз борьбы», но в марте 1897 года был заключен на 22 месяца в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Вместе с ним в соседних камерах содержались многие его товарищи. Среди них назовем Николая Баумана и Владимира Махновца. Катин-Ярцев писал:

«Шифровали так: положим ключом к шифру будет стихотворение:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.

Предстоит зашифровать фразу: «Петр арестован». Первая буква первой строки – «П», обозначаем 1/1, где числителем будет строка, знаменателем – порядок букв в этой строке. Для «Е» мы можем взять, например, тринадцатую букву первой строки или двенадцатую третьей и т.д. Рекомендовалось вносить побольше разнообразия, заимствуя букву из разных мест ключа, чтобы затруднить для посторонних специалистов расшифрование написанного.

При шифровке в книгах слева отсчитывалась и отмечалась еле заметной карандашной точкой буква, указывающая номер строки в ключе, а справа – порядок букв в строке.

В конспиративном отношении предпочтительнее являлось менее общеизвестное стихотворение. Писали между строк легального письма лимонным соком и, кажется, молоком. Буквы проступали при нагревании. Все письма, нами получаемые, по жандармской традиции перечеркивались крест накрест химическим реактивом (полуторахлористым железом)» (15).

Как видим, основные традиции эпохи народничества марксисты сохранили в полном объеме. Только в качестве ключевой таблицы вместо искусственного ее построения бралось готовое (естественное) скопление букв в виде короткого стихотворения.

О том же вспоминает другой (уже рядовой) участник питерского марксистского подполья И. Михайлов:

«Распространенный между революционерами шифр заключался в том, что намечалась страница какой-нибудь книги, по ней та или иная буква для нужного слова записывалась двумя цифрами, отделенными запятой: первая цифра показывала строчку сверху или снизу, а вторая – букву в строке слева направо или справа налево, смотря по тому, как условились переписывающиеся. Иной раз в книге записывались адреса разметкой букв в определенном порядке» (16).

Очевидно, что, начиная с 1890-х годов, в практику революционного подполья все более входили книжные и стихотворные шифры, которые очень ограниченно присутствовали в предыдущие десятилетия. Ясно, что это было вызвано, в первую очередь, неудовлетворенностью подпольщиков стойкостью прежних систем. Однако все эти процессы продвигались очень медленно. И вступающие на революционную тропу молодые люди, без опыта и знаний, вновь и вновь обращались к шифрам народовольцев, не имея еще своего печального опыта их использования. Воспитанные под обаянием героев революционного террора, юные марксисты эксплуатировали и их отнюдь не лучшие криптографические системы.

Я заранее прошу прощения у читателя за обширность следующей цитаты. Но это тот редкий случай, когда из уст российского революционера мы слышим аргументированную критику тогдашних шифров. Правда, автор этих воспоминаний сделал ее на закате своей долгой жизни. Речь идет о мемуарах одного

из представителей того же петербургского подполья конца 1890-х – начала 1900 годов Станислава Струмилина (он же Струмило-Петрашкевич), известного советского экономиста.

«В нашей группе был в ходу, между прочим, такой весьма элементарный метод шифровки. Ключом к шифру избиралось какое-нибудь слово, например, *«Халтурин»*. Выписав это слово один или два раза акростихом по вертикали и продолжив каждую строку следующими буквами, в порядке алфавита, по горизонтали, мы получали в квадрате 9 х 9 = 81 букву алфавита, годную для любой шифровки. Каждая буква в этом квадрате обозначается двузначной цифрой, указывающей ее место в горизонтальном и вертикальных рядах. Так допустим, что требуется расшифровать запись:

22 26 31 82 36 51 79 34 23 83 61 34 23 82 72 21 41 76 36.

Строим по ключу *«Халтурин»* указанный квадрат:

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1	Х	ц	ч	ш	щ	ы	э	ю	я
2	А	б	в	г	д	е	ж	з	и
3	Л	м	н	о	п	р	с	т	у
4	Т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы
5	У	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	э
6	Р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш
7	И	к	л	м	н	о	п	р	с
8	Н	о	п	р	с	т	у	ф	х
9	Х	ц	ч	ш	щ	ы	э	ю	я

Затем, определяя букву за буквой в этом квадрате по номеру строки и месту в ней буквы, расшифровываем всю запись: «*Белорусов провокатор*». В свое время этот шифр казался нам очень остроумным и надежным. Но после первого же ареста обнаружилось, что его расшифровали жандармы. И в этом не было особой премудрости. Пороком шифра был алфавитный порядок букв в каждой строке квадрата. Угадав лишь одну букву, вы владели всей строкой шифра. В самом деле. Исходя из более чем вероятного предположения, что в ключе шифра, т.е. в первой вертикали квадрата должна найти себе место первая буква алфавита и что она непременно встретится и в записи, мы находим в ней только пять цифр из первой вертикали: 21, 31, 41, 51 и 61. Одна из этих цифр, значит, обозначает букву А. Пробуя их одну за другой, мы уже при первой пробе – второй строки – раскрываем пять букв нашей записи: 22, 26, 23, 23 и 21 и получаем: «Бе … в … в … а …». Допуская далее, что первое «В» в этом тексте заканчивает собой фамилию на «ов», раскрываем уже и всю третью строку шифра, в которой буква «О» занимает четвертое место. Вместе с тем расшифровывается еще пять букв записи: 31, 36, 34, 34 и 36. Подставив их на свое место в текст, получим: «Бел … р … ов … в … а … ор», после чего дальнейшая расшифровка представляет собой уже совершенно детскую задачу. После букв «Бел» сама напрашивается буква «О», обозначенная в записи цифрой 82, откуда раскрываем всю 8-ю строку шифра и, дополняя наш текст еще тремя буквами (82, 83 и снова 82), получаем: «Белор…ов п…ово… а …ор». Полагаю, что любой жандарм, знающий свою агентуру, прочел бы такую запись уже без запинки» (17).

На страницах своей книги Струмилин сообщил и рецепты действующих в Петербургском «Союзе борьбы» химических чернил. Они все те же – молоко и лимонный сок.

Полиция могла только аплодировать неопытности молодых подпольщиков-марксистов. Все это жандармы уже проходили в кровавой борьбе с народовольцами и их предшественниками. И не удивительно, что провалы социал-демократического подполья в России конца XIX века проходили с пугающей регулярностью. Но на смену уходящих в сибирскую ссылку марксистов спешили новые революционеры. Правда, в них было много энтузиазма, но мало теоретических знаний и опыта. Зачастую, марксисты России, причисляющие себя к одной партии, плохо понимали друг друга и имели разные цели.

Необычайно быстрый рост социал-демократического движения тем самым обернулся негативной стороной. Очень рано наметились серьезные противоречия внутри этого движения, что привело даже к фактическому обособлению отдельных крупных организаций друг от друга. Решения первого съезда РСДРП оказались чисто формальными. И в начале XX века существовало три крупных марксистских центра в рамках единой партии.

Во-первых, это искровская организация, объединенная вокруг редакции газеты «Искра».

Во-вторых, «Союз русских социал-демократов за границей», центр которого находился в Париже.

И в-третьих, так называемый БУНД – «Всеобщий еврейский рабочий союз», действующий на западных окраинах России.

Соперничая друг с другом в идеологических вопросах, преследуя свои собственные интересы, они пытались самостоятельно и независимо друг от друга решать и практические дела – транспортировку нелегальной литературы, устройство типографий, налаживание связей с существующими в России иными марксистскими организациями.

Заграничный «Союз русских социал-демократов» был основан в 1894 году в Швейцарии при прямом участии группы «Освобождение труда». Но уже к 1898 году (сразу после учредительного партийного съезда) отношения между «стариками (Плеханов и его товарищи) и молодыми членами «Союза» обострились до крайности. Раскол стал неизбежен. Организация в своем большинстве скатывалась к так называемому «экономизму», проталкивая на первое место экономическую борьбу рабочего класса. Ставящая во главу угла политическую борьбу с российским абсолютизмом, группа Плеханова в ноябре 1898 года вышла из заграничного «Союза». Его центр переместился из Женевы в Париж, где начал издаваться журнал «Рабочее Дело».

Одним из наиболее активных деятелей реформированного «Союза русских социал-демократов» стал Владимир Петрович Махновец. В своей жизни он имел много псевдонимов, но самый известный – Акимов. Под этим именем он вошел в политическую историю России.

В. Акимов-Махновец

Родился Махновец-Акимов в 1872 году в Воронеже в семье врача. После окончания реального училища он поступает в Петербургский технологический институт – в традиционный революционный очаг петербургского студенчества. Происходит это важное для него событие в 1891 году, но через два года он переводится в Петербургский университет на юридический факультет. Все больше и больше его стали занимать гуманитарные проблемы общества. Подобно большинству студентов, Владимир с первых месяцев пребывания в столице России начинает контактировать с революционными студенческими кружками. В 1896 году он попадает под наблюдение полиции – жандармы отметили тесную связь Махновца с так называемой народовольческой группой «Четвертого листка». Но при полицейском разгроме кружка Владимира не тронули. Оставшийся без связей и без опытных товарищей, он пытается возродить группу «Новых народовольцев», вступая при этом в тесный контакт с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Постепенно он все ближе подходит к марксистскому пониманию революционной борьбы. Но окончательно перековаться в социал-демократа не успевает – 21 марта 1897 года за ним захлопнулась одиночная камера Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. После продолжительного заключения Махновца высылают в Восточную Сибирь, но в сентябре 1898 года он бежит за границу.

Так Владимир Акимов оказался в Швейцарии, где вошел в «Союз русских социал-демократов», заняв в нем место лидера самого правого его крыла (экономистов). Его трансформация из народовольца в марксиста была очень естественна в эпоху торжествующего наступления марксизма. Однако Акимов-Махновец не стал правоверным сторонником Маркса, а все больше склонялся в своих политических взглядах к Эдуарду Бернштейну. Этот бывший ученик основателя марксизма в конце XIX века подверг учение своего наставника основательной ревизии. Вслед за немецким социал-демократом, Акимов проповедовал теорию стадий и мелких шагов, чем вызвал резкое неприятие Плеханова и редакции «Искры».

В советский период в исторической литературе не жалели черных красок для портрета злейшего врага революционного марксизма. Особенно доставалось ему за бескомпромиссную борьбу с вождем большевиков В. Лениным, проявившуюся на втором съезде РСДРП. Однако В. Акимов не был таким оголтелым реакционером, каким его стремилась изобразить припартийная литература. Вот что писал о нем известный социал-демократ Н. Валентинов (настоящая фамилия – Вольский):

> «Он [Акимов – А.С.] в 19-20 годы служил тогда в Звенигороде, недалеко от Москвы, и иногда приезжал ко мне. Узнав его поближе, я не мог не оценить и его обширных знаний, и большую скромность. Конечно, у него было много чудачества, но это был кристальной честности человек, до мозга костей демократ, неутомимый общественный работник, без всякой позы, громких слов, проникнутый мыслью, что вся его жизнь до самого последнего дыхания должна служить общественному благу... И вот этого человека, своими демократическими взглядами опередившего многих партийных товарищей, Ленин считал кретином, полуидиотом» (18).

Все так. Но тогда взгляды Акимова (который между прочим совсем недавно был народовольцем!) не соответствовали задачам построения единой централизованной конспиративной марксистской партии в

условиях монархической России. Политическая борьба между сторонниками полярных идеологий доходила до самых крайних оскорбительных форм. И Акимова здесь тоже не следует идеализировать.

В 1905 году на волне революции он вернулся навсегда в Россию и вскоре расстался с РСДРП, став одним из родоначальников кооперативного движения. Умер Владимир Петрович Акимов в Москве 15 ноября 1921 года.

Читая столь пространную биографическую справку на давно забытого политического деятеля, читатель, вероятно, не раз спросил себя: причем здесь Акимов и криптография? Этот человек действительно имел очень разносторонние интересы. Он был не только теоретиком революционной борьбы, но и видным ее практиком. Именно Акимову принадлежит заслуга в написании и публикации двух уникальных брошюр начала XX века. Первая из них появилась в Женеве в 1900 году в типографии «Союза русских социал-демократов» и называлась «Как держать себя на допросах». Вторая работа имеет к теме нашей книги самое непосредственное отношение, ибо она носит название «**О шифрах**». Обе брошюры Акимов издал под одним псевдонимом – В. Бахарев. И для нас его книги – уникальный источник уяснения взглядов революционеров тех далеких лет по важнейшим вопросам их конспиративной техники. Выходец из народовольческой среды, Акимов попытался поделиться с молодыми революционерами своими практическими знаниями подпольного работника. Мечтая о самой широкой демократии в деятельности рабочей партии, он, тем не менее, понимал важность внедрения конспирации в ее повседневную работу. Своей книгой он внес весомый вклад в развитие шифровального дела в среде русских революционеров. Брошюра «О шифрах» оказалась первой среди других, ей подобных. И в этом историческая заслуга Владимира Акимова.

Ныне его книга является огромной редкостью и имеется только в фондах крупнейших российских библиотек. Поэтому будет правильно дать ниже небольшой конспект брошюры Акимова, чтобы читатель получил информацию не через посредника, каким я, в сущности, являюсь, а лично. Но перед этим еще несколько деталей.

Брошюра «О шифрах» была выпущена в твердой серо-голубой обложке карманного формата (105 х 150 мм), объемом около 50 страниц убористого текста. Издание предназначалось, в первую очередь, для нелегальной транспортировки в Россию, и такой формат книги способствовал облегчению этой задачи.

На титульном листе читаем:

РСДРП

В. Бахарев

О шифрах

Издание «Союза русских социал-демократов за границей»

Цена 10 копеек

Женева, 1902 год. Типография Союза.

Глава I. Наша азбука.

1. **Простейший способ** [здесь автор дает общее представление о шифрах – А.С.].

2. **Шифр «по слову»** [так автор именует «квадратный ключ» – А.С.].

Пользуясь этим шифром, следует:

1) Писать только небольшие письма;

2) Не повторять одинаковых шифробозначений;

3) Как можно чаще менять строчки шифртаблицы.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	П	р	с						
2									
3	Т	у	ф	х	ц	ч			
4									
5	А	б	в	г	д				
6	Ш	щ							
7	Е	ж	з	и					
8	К	л	м	н	о				
9	Ъ	ы	ь	ю	я				

3. **Шифр «по таблице Пифагора».**

Для составления ключа рисуют квадратную сетку, как для таблицы умножения Пифагора, размещая в первом ее столбце слово-ключ. Например: «Пташекъ».

Суть шифра в наличии в криптограмме большого количества фиктивных цифр. Например:

8 6 2 8 8 9 5 7 2 8 1 5 1

л о ж к а.

Табличка шифра имеет множество вариантов. Главный ее принцип: она должна включать в себя комплект букв всего алфавита.

5. **Гамбеттовский шифр** [в начале автор объясняет правила обычного «гамбетта», а затем дает его усложненный вариант – А.С.].

Для нумерации букв алфавита при шифровке рекомендуется следующий метод: выборка из условленной ключевой фразы букв алфавита с их последующей нумерацией в порядке нахождения в «ключе».

Кроме того, вместо того, чтобы при шифровке складывать числа, удобнее вычитать из верхнего нижнее. Если же верхняя цифра меньше нижней, то к ней прибавляют число 36 (количество букв в полной русской азбуке). Например: 5 – 25 = 16.

[В последнем примере мы фактически видим реализацию несколько иного варианта системы Л. Златопольского – А.С.]

6. **Выбор метода.** [Здесь автор дает пояснения своим читателям, где, когда и какой шифр лучше всего применять – А.С.]

Глава II. Как спрятать шифр.

1. Отмеченные буквы. [Бахарев-Акимов рассказывает о способе нанесения уколов в нужных буквах печатного книжного текста. Затем он приводит метод записи цифрового шифра указанным способом – А.С.]

На странице книги с левой стороны в строке ставят точку, обозначающую числитель дроби шифра. С правой стороны на той же строчке ставят точку, обозначающую знаменатель. Удобнее шифровать двузначные числа.

Менее заметны, чем уколы и точки, значки, поставленные не около букв, а на их черном фоне. Карандаш должен быть очень острый и твердый, при шифровании его необходимо постоянно подтачивать наждачкой. Вместо точек лучше ставить крошечные черточки, которые незаметны, если смотреть перпендикулярно плоскости книги, а видны, если взглянуть искоса, чтобы лучи шли от букв к глазу под очень острым углом к плоскости книги. При этом черточки дают отблеск и становятся заметными.

2. Цифры, имеющие благонадежный вид. [В разделе объясняется способ маскировки шифра легальным текстом в виде счета, математической задачки, торгового документа и т.п. – А.С.]

3. Химические чернила.

1) Все кислоты при нагревании обугливают те места, которые ею покрыты. Поэтому часто пишут слабым раствором соляной или серной кислот (1 – 2 % раствором), соком лимона, лука и, даже, мочой. Кислоты, однако, оставляют легкий след и могут самопроявиться со временем. Это зависит от крепости раствора и от качества бумаги. Поэтому раствор кислоты требуется приготовлять как можно более слабый (опытным путем), а бумагу брать лучших сортов, но не глянцевую!

После нанесения химического текста бумаге нужно дать возможность как следует просохнуть, а затем тщательно вычистить мягкой белой резинкой.

Соки лимона и лука не всегда бывают одинаковой густоты, а перо удерживает мелкие волокна клетчатки, которые при высыхании становятся видны на бумаге. Следовательно – это не лучший способ.

Перо следует брать мягкое, с длинным расчепом и узкой медленно заостряющейся нижней частью.

Лучший способ химической переписки – писать азотно-свинцовой солью ($PbNO_3$). Соль следует растворить в воде. Когда дальнейшее прибавление соли перестанет растворяться, мы получим

насыщенный раствор. Его следует слить и разбавить в 4 - 5 раз, иначе он придаст глянец бумаге. Бумагу затем следует также вычищать резинкой.

2) Более надежны химические чернила, проявляющиеся при обработке написанного определенным химическим составом. Самый известный способ – писать синеродистым кали, растворенным в малой дозе воды. Проявляется «химия» полуторахлористым железом. Кали – вещество сильно ядовитое. В нечистом виде может быть добыто в любой слесарной мастерской, где оно под названием желтой окалины применяется при лужении. А полуторахлористым железом жандармы проверяют в тюрьмах все письма.

В этом разделе сообщены только те химические составы, которые хорошо известны полиции.

Глава III. Перестукивание в тюрьме.

[Здесь Бахарев-Акимов пространно остановился на роли и методах перестукивания сквозь тюремные стены, поделился своим личным опытом. Любопытна приводимая им тюремная азбука. Он ее дает не в классическом 28-буквенном варианте, а в 30 букв. Причем буква «ять» (Ѣ) стоит в конце «тюремного алфавита», что выбивается из общей традиции и объясняется только личным опытом автора – А.С.]

Тюрьма. 25 мая 1902 года. В. Бахарев.

Теперь читатель имеет общее представление о брошюре Владимира Акимова и может составить о ней собственное мнение. Содержание ее нельзя назвать глубоким. Она является больше описательной, чем аналитической. Советы автора, зачастую, банальны. Серьезной аргументированной критики слабых способов шифрования мы в брошюре не найдем. Тем не менее повторюсь, что это была первая попытка создать подобный «революционный учебник». Именно поэтому, наряду с шифрами, Акимов подробно остановился на химической переписке, а так же на методах перестукивания. Книжка вышла в период небывалого подъема революционного движения в России накануне первой русской революции. И, конечно, она имела своего широкого читателя.

Упоминание же о тюрьме, как месте написания брошюры – чистейший вымысел Акимова. Вплоть до 1905 года он оставался за пределами России и в тюрьме не сидел, занимаясь политической деятельностью русского эмигранта.

И еще один момент. В отличии, например, от организации «Искры», мы совершенно не располагаем образцами шифрпереписки из деятельности «Союза русских социал-демократов за границей». Хотя она, несомненно, присутствует в перлюстрационных коллекциях Департамента полиции. Ведь, скажем, по той же «Искре» такой фонд значителен и полностью опубликован. Но Заграничный союз являлся чересчур одиозной организацией с сильнейшим оппортунистическим уклоном. И партийные историки ее никогда не жаловали. Именно поэтому мы не имеем возможности изучить реальную технику шифрования этой организации. Но книга одного из виднейших руководителей Союза позволяет судить об этом с большой полнотой. Особенный интерес вызывает «шифр Пифагора» – красивый и одновременно простой вариант известного квадратного шифра. Ни «Искрой», ни БУНДом он в начале XX века не практиковался, и этот шифр Акимов, несомненно, вынес из своей прошлой народовольческой деятельности. То же самое касается методов усложнения гамбеттовских шифров и превращения их в двойные системы. Все это очень интересно и идет от старого народовольческого опыта. Но, как уже отмечалось ранее, мы опубликованными примерами пользования этими шифрами не располагаем. Так же остается под большим сомнением настоящее время появления брошюры Акимова из печати. Позже мы еще коснемся этого вопроса, но здесь укажем, что реальнее всего этот выход отнести на 1903 год.

К сожалению, работа «Союза русских социал-демократов» непосредственно в России никогда специально историками не изучалась. Мы имеем об этом косвенную информацию и лишь в том случае, когда она пересекалась с практикой искровских организаций. Впрочем, в отличие от последней, Заграничный союз не стремился строить свои собственные подпольные структуры. Главной задачей ставилось издание за границей нелегальной литературы и транспортировка ее в Россию. И с этой задачей союзовцы более-менее успешно справлялись. Выступая в августе 1903 года на II съезде РСДРП Акимов смог заявить, что в течение четырех последних лет Союз выпустил 72 выпуска агитационных изданий в количестве около 200 тысяч экземпляров, что составило почти миллион листов. Экспедиторы Союза сумели доставить через российские пограничные кордоны 215 пудов литературы, т.е. 55 пудов в среднем ежегодно. Однако успешная техническая деятельность не смогла перекрыть провалов организации по идеологической части. К 1903 году Заграничный союз в значительной мере утерял весь свой авторитет среди большинства российских марксистов. Но об этом у нас тоже еще будет возможность поговорить более предметно.

А пока приведем некоторые любопытные исторические факты из реальной работы Союза в России. Весной 1902 года Департаменту полиции удалось провести блестящую операцию по разгрому крупных марксистских организаций. Под видом искровского представителя в Воронеж явился кадровый сотрудник московского Охранного отделения Леонид Меньшиков. После чего повсеместно в Воронеже, Ярославле, Костроме были «изъяты» социал-демократические группы, входящие в «Северный рабочий союз».

Наряду с искровцами разгрому подверглись и сторонники Заграничного союза. Среди арестованных подпольщиков оказался некий Николай Богданов – бывший студент Лесного института, сосланный в Кострому. Давая ему характеристику, Леонид Меньшиков писал:

> «Очень подвижный, нервный молодой человек, социал-демократ (до мозга костей) с рабочедельскими тенденциями. Деятельный член Костромского комитета… Автор большинства комитетских воззваний и, вероятно, брошюры «Как держать себя на допросах и в тюрьме», экземпляры которой хранит у себя на квартире… Секретную переписку он ведет шифром химическим способом (азотно-кислым свинцом) с проявлением на огне или нашатырем (последний способ признан неудобным)» (19).

Все указывает на теснейшую связь Богданова с Заграничным союзом, редакцией его журнала «Рабочее Дело» и, вероятно, лично с Акимовым. Примечателен факт совпадения рецепта химической переписки Н. Богданова с книжкой Акимова «О шифрах» (азотно-кислый свинец и есть азотно-свинцовая соль). У искровцев была несколько иная рецептура.

Совершенно зря жандармы приписали Богданову авторство в брошюре «Как держать себя на допросах». Как мы помним, она появилась из печати в 1900 году, но и к весне 1902-го полиция еще не знала имени истинного ее автора – Владимира Акимова.

Н. Богданов, являясь заметным членом «Северного рабочего союза», тесно соприкасался в своей деятельности и со сторонниками «Искры». Например, Ольга Варенцова (активная искровка) вела из Ярославля обширную переписку с Богдановым. Причем тот же Меньшиков сообщает, что она шла «содой – шифром». Так мы узнаем еще об одном рецепте революционной «химии» – растворе обычной пищевой соды, следы от которой проявлялись привычным нагреванием.

Таковы некоторые моменты деятельности представителя Заграничного союза в Костроме. Подобных сторонников «Рабочего дела» в различных социал-демократических кружках начала XX века было немало. И все же единой рабочедельской организации в России не имелось. Руководители Заграничного союза и редакторы «Рабочего дела» осуществляли, в большей части, только идеологическое влияние на своих сторонников. И в этом было их отличие от искровцев и бундистов, прилагавших огромные усилия по созданию своих собственных нелегальных организаций на территории империи.

Глава вторая

Всеобщий еврейский рабочий союз (БУНД)

БУНД вырос из марксистских рабочих кружков Западного края России и сыграл в истории ее революционного движения очень важную и неоднозначную роль. «В начале 90-х теперешние представители БУНДа были продолжателями традиций 70-х гг., представителями русских революционеров. Первые кружки еврейских рабочих воспитывались в духе русской революционности. Эти рабочие были русскими революционерами в лучшем смысле этого слова. Взгляды их с тех пор сильно изменились. В дальнейшей работе, расширяя свою деятельность, основатели БУНДа перешли к агитации на еврейском языке. Новые формы деятельности оправдывались чисто практическими соображениями, а отнюдь не национальными особенностями. Вопрос о выделении БУНДа в особую организацию еще не возникал. Но прошло немного времени – национализм прорвался» – так говорил о БУНДе на II съезде РСДРП Ефрем Левин, член его Оргкомитета.

А вот мнение из 1923 года. Известный большевик и историк ВКП (б) В. И. Невский писал:

> «Они [еврейские социал-демократы – А.С.] вообще очень много дали общероссийскому движению. Их опыт, их навыки работать, их выучка очень сильно подняли и организационные приемы русской работы. Здесь пока не место останавливаться на отрицательных сторонах бундовской организации, они сказались сильно уже в следующий период истории, а тогда, будучи самой значительной организацией, БУНД был сам заинтересован в объединении русских товарищей: ему приходилось доставлять литературу русским организациям, ему приходилось переправлять беглецов за границу, ему приходилось постоянно сталкиваться с русскими рабочими и на Юге и на Западе России, у него, наконец, в общем была одна и та же задача, что и у русских социал-демократов, и, для того, чтобы все это разрешать и скорей и лучше, удобнее было иметь дело с единой общерусской организацией, а не с разрозненными группами. Вот почему БУНД так энергично работал по созданию общероссийского объединения» (20).

Формально «Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России» (таково его полное название) был основан в сентябре 1897 года на учредительном съезде в Вильно. Однако уже с 1895 года еврейские социалистические группы были связаны между собой и сконцентрированы вокруг виленского кружка. Фактически в тот самый момент Вильно превратилось в центр социал-демократии России. Через БУНД шла литература от заграничных организаций, еврейские марксисты имели прочные связи со всеми крупнейшими подпольными организациями от Петербурга до Киева. И нет ничего удивительного, что бундисты вместе с киевлянами встали у истоков I съезда РСДРП, состоявшемся в вотчине БУНДа Минске.

Бундовцы первыми проинформировали о прошедшем съезде группу «Освобождение труда». Сделал это Арон Кремер («Александр») - член ЦК БУНДа и делегат съезда. Письмо его в Женеве получил эмигрант Иосиф Блюменфельд. Оно было зашифровано точками в присланной газете и, после разбора криптограммы, Блюменфельд немедленно проинформировал о событии П. Аксельрода и Г. Плеханова. Оба находились в тот момент в Цюрихе.

> «Среда. Ночью.
>
> Дорогой Павел Борисович!
>
> К вечеру я получил газету из *Минска* от Алек(сандра) и там он пишет следующее: «Только что кончился *съезд предст(авителей) соц.-дем. организаций в России, постанов(лено) образовать российскую соц.-дем. партию*; заграничный – Ваш – *Союз* объявить *членами партии* и заграничным органом. Если согласны, отвечайте немедленно же телеграммой, – да или нет, – в Берлин. Туда написали, чтобы эту телеграмму переслали. Ответ необходим скоро, чтобы *издать манифест*. До выхода *манифеста* все должно быть тайной». Берлинцам не писали. Представляют это сделать вам по своему усмотрению. Подробности книгой, которую получите. Переговоры будет вести с вами и Питер. Уведомите немедленно о получении настоящего письма» (21).

Выделенные фразы в письме Кремера были зашифрованы, но сам шифр этот неизвестен.

Членами первого ЦК РСДРП стали Арон Кремер, Борух Эйдельман и Степан Радченко (от Петербургского Союза борьбы). В Берлине же находились члены Заграничного комитета БУНДа во главе с Цемахом Копельзоном. Сам Кремер еще в мае 1897 года специально ездил в Женеву, где вел переговоры с группой Плеханова от имени виленских и петербургских марксистов.

Долгое время Департамент полиции был в полном неведении о деятельности «Еврейского союза». Выходили его газеты и листовки, среди ремесленников Западного края устраивались денежные сборы, сходки и забастовки. Но местные жандармы были не в состоянии реально противостоять этому. Заслуга

первого крупного разгрома БУНДа принадлежала небезызвестному главе Московского охранного отделения Сергею Зубатову.

27 февраля 1898 года его летучие агенты, рыскающие по югу России вслед за лидером киевского подполья Б. Эйдельманом, прибыли из Харькова в Минск. Именно в Харькове Эйдельман случайно попал под наблюдение и получил от филеров кличку «Лохматый». На следующий день по прибытии в Минск была зафиксирована его встреча с неизвестным интеллигентом-евреем. То был один из членов ЦК БУНДа Абрам Мытникович (он же Мутник). Шла завершающая стадия подготовки съезда, но зубатовские ищейки еще не подозревали этого. И только 1 марта, после начала заседаний, они забили тревогу. Но было уже поздно – съезд завершился, и его делегаты покинули Минск. Но на своих плечах они увели летучих агентов. В ночь с 11 на 12 марта в Киеве, Москве, Екатеринославе и других городах были произведены массовые аресты. Только в Киеве охранка схватила 175 человек. А всего в 27 городах России за решеткой одновременно оказалось 500 революционеров, причастных к деятельности социал-демократического подполья. В Екатеринославе была изъята хорошо обставленная типография Киевского комитета и печатающийся в ней 3-й номер «Рабочей газеты».

Затем настала и очередь БУНДа. Агенты засекли встречи Мутника с другим чрезвычайно деловым евреем. Им оказался А. Кремер. Таким образом, сразу в проследки полиции попали два члена ЦК БУНДа, а через них цепочка начала быстро распутываться.

В июле 1898 года Зубатов предпринял масштабную попытку покончить с еврейским Союзом. Был арестован весь наличный ЦК, масса рядовых бундистов и типография в Бобруйске. В числе захваченной добычи оказались цифровые записи, обнаруженные у некоторых арестованных, а затем дешифрованные в Департаменте полиции специалистом этого дела И. Зыбиным. Это были конспиративные заметки по выдаче членам бундистского подполья нелегальной литературы. Перечень ее читателей попал в руки жандармов, и это еще больше расширило орбиту полицейской ликвидации (22). Всего более 70 человек подверглось аресту. Зубатов торжествовал, но радость жандармов длилась недолго.

Уже в конце 1898 года В. Засулич писала Г. Плеханову:

> «А еврейский Союз чистый «Ванька-встанька»: взяли у них две типографии и массу народа, …а у них уже успели выпустить в России маленький номер жаргонной газеты. И путь опять налаживается через границу. И досадно, что они такие деловые, а не русские, а все же надо им отдать справедливость» (23).

А вот взгляд с другой стороны. Начальник Особого отдела Департамента полиции Л. Ратаев – С. Зубатову, июль 1900 года:

> «Не могу не остановить вашего внимания на одной характерной особенности. На вид розыск ведется успешно, параллельно с точным агентурным указанием, и приводит к желанным результатам, т.е. к обнаружению подпольных типографий, со всеми вещественными доказательствами и соприкасающимися к оным революционными группами. Тем не менее, движение не только не ослабевает, а напротив, разрастается, на смену одной типографии через месяц появляется другая, взамен ликвидированной группы вырастает другая, еще более серьезная и обширная. Такая особенность, по моему мнению, указывает на то, что в пределах еврейской оседлости революционным движением руководят строго замкнутые комитеты, которые, не принимая непосредственного активного участия, остаются нетронутыми и после ликвидации одной революционной группы немедленно пополняют поредевшие ряды» (24).

На долгое время еврейский БУНД стал основной головной болью полицейской России. В «Обзоре важнейших дознаний, проводившихся в жандармских управлениях за 1901 год» сказано:

> «Действующий в России и за границей… означенный «Союз» представляет одну из самых стойких сплоченных революционных организаций… Это объясняется тем, что в данное время евреи повсеместно составляют преобладающий элемент в революционной среде».

Последнее утверждение спорно. Наибольший процент среди революционеров России составляли представители коренной нации. Но действительно среди руководящих кадров всех без исключения революционных партий было немало евреев. Постоянные унижения и притеснения еврейского населения (вроде создания зоны оседлости евреев) не могли не выталкивать из ее среды революционно настроенную молодежь. И БУНД на первоначальном этапе стал некоей кузницей кадров для других социал-демократических организаций. Но искать в евреях первопричину всех бед России нет никаких оснований. Стоит лишь вспомнить, что, к примеру, в партии «Народная Воля» и среди ее предшественников процент этих самых евреев был невелик.

Роль БУНДа рано признали все современники. В октябре 1901 года вышел юбилейный 25 номер его газеты «Голос рабочих», издающейся на еврейском жаргоне. Он был напечатан в российской нелегальной типографии на 38 страницах с пропечатанными красным шрифтом заголовками. В условиях подпольной

печати выполнить это было очень непросто. По поводу выхода номера газета «Искра» (вероятно, словами Юлия Мартова) писала:

> «Возникши в 1896 году, …«Голос рабочих» издается с успехом вот уже пять лет… После польского «Работника», издавшего уже свыше 40 номеров, «Голос рабочих» является старейшим из числа издающихся в России нелегальных социал-демократических органов, которому удается выходить довольно регулярно, несмотря на чрезвычайные усилия, прилагаемые Зубатовым и его командой для разгрома еврейской рабочей организации. Еврейские товарищи вправе гордиться этим успехом, которого им удалось достичь только благодаря своему самоотвержению, энергии и организационной настойчивости. Нашим организациям приходится еще поучиться организационному умению у деятелей БУНДа» (25).

Своеобразное отношение к БУНДу сложилось и у Владимира Ульянова-Ленина, вместе с Мартовым и Плехановым редактирующим «Искру». По воспоминаниям Н. Валентинова (относящимся, правда, к 1904 году) он «жестоко поносил БУНД, говоря, что его организация превосходна, но ее возглавляют дурачки» (26).

Возникши как часть русского социал-демократического движения, войдя в состав РСДРП как автономная организация, БУНД в течение пяти лет (до II съезда РСДРП) существовал и развивался совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. «Тот авангард еврейского рабочего движения, который сложился в годы 1897 – 1903, по своим организационным навыкам и сплоченности, если кому-либо в революционном рабочем движении и уступает, то только большевизму, да и то только последнего десятилетия» – так писал в 1923 году историк БУНДа М. Рафес (27). И там же:

> «БУНД складывался как массовая большевистская рабочая организация, но в то же время этот самый БУНД все больше обособлялся от общей социал-демократической организации, замыкаясь в самом себе и проникаясь националистической идеологией» (28).

На II съезде РСДРП БУНД вышел из состава партии, не желающей видеть в нем единственного и исключительного представителя еврейских рабочих в России. У БУНДа была еще долгая история. Но после Октябрьской революции и отделения многих прежних его районов действия от России, еврейский Союз распался. В тридцатые годы XX века Центральным партийным архивом был приобретен за границей архив БУНДа, включающий в себя огромную коллекцию документов. Но, как и в случае других – «оппортунистических» – партий, история и заслуги БУНДа в Советском Союзе подверглись забвению, и имеющиеся материалы практически никогда не публиковались.

Давая столь длинную справку по этой социал-демократической организации, я преследовал двоякую цель. Во-первых, хотелось возродить в читателе интерес к ней, а, во-вторых, теперь становится понятным, почему именно в кругах БУНДа появился человек, внесший максимальный вклад в дело развития революционной криптографии.

П. Розенталь

Речь идет о Павле Исааковиче Розентале, одном из видных руководителей БУНДа, написавшем в 1902 году книгу «**Шифрованное письмо**». Однако она вышла из печати только в 1904-м, не успев опередить брошюру В. Акимова.

Павел (Пинхас) Розенталь родился в Вильно 22 мая 1872 года. До девяти лет он учился в еврейской религиозной школе («хедере»), а с 1881 по 1890 гг. в гимназии. По окончании ее он поступает на медицинский факультет Харьковского университета. Но в 1893 году за революционную деятельность исключается из него. После шестимесячного тюремного заключения Розенталя выслали на родину в Вильно. Там он включается в деятельность подпольных кружков, составивших в недалеком будущем основу БУНДа.

В 1899 году Розенталь поселился в Белостоке, где в это время ширилось массовое рабочее движение (преимущественно, правда, «экономическое», но БУНД в этот период как раз и увлекался экономизмом). Приехал Павел в этот город вместе со своей женой Анной. Из справочников можно выяснить, что «Розенталь, урожденная Геллер, Анна Вельвелева (Вульфова) – Юделева, родилась 10 октября 1874 года в Волковыске Гродненской губернии, по профессии дантист» (29).

В качестве одного из главных руководителей Белостокского комитета БУНДа П. Розенталь проявил большие способности конспиратора, организатора и пропагандиста. Он был из тех революционеров, которые заложили славу «конспиративной выучки» БУНДа. Правда, еще в 1905 году член ЦК РСДРП Леонид Красин отмечал, что БУНД находился в гораздо более выгодных

условиях и с гораздо меньшим районом действия, чем вся остальная партия. Он работал среди населения, которое в массе своей было враждебно русскому правительству. Там отсутствовала самая опасная форма сыска – обывательская (30).

Во многом именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что Розенталю удалось в таком сравнительно небольшом городке как Белосток одновременно вести частную врачебную практику и руководящую подпольную работу. И о том, что «Доктор Носон» (нелегальное имя Павла) был настоящим доктором, многие бундовские рабочие узнали только после его ареста в 1902 году.

Розенталь стал основателем «Союза кожевников» (филиал БУНДа, строящегося по «цеховому» принципу). Он же постоянно сотрудничал в газете «Голос рабочих», ведя в нем самостоятельный раздел «Из темного царства». С начала 1900-х годов его кооптировали в ЦК Союза. Но, будучи организатором, литератором и теоретиком еврейского движения, он не пренебрегал и «черной» технической работой рядового подпольщика. Свои выдающиеся конспиративные качества Павел проявил, в частности, в устройстве в Белостоке IV съезда БУНДа (май 1901 года). Именно на этом съезде Розенталь официально выбирается в ЦК, и он (вместе с Н. Портным) издает отчет о съезде, вышедший на трех языках (еврейском, польском и русском). Документ этот вызвал немалые споры в РСДРП и обрушил на БУНД лавину обвинений в национализме.

Одновременно Павел Розенталь обратил внимание на неудовлетворительность тогдашних шифров подполья. И он с упомянутым выше Портным реформировал употреблявшийся БУНДом шифр, введя в практику ***смешанный еврейско-русский ключ***.

Нойах Портной (К. Я. Бергман) был известным революционером. Еще в начале 1890-х годов, будучи народным учителем, он связался с виленскими социал-демократами. А в 1896 году его сослали на 5 лет в Сибирь. С 1900 года Портной рководил Варшавской бундовской организацией и на IV съезде (вместе с Розенталем) был выбран в ЦК БУНДа. Оба подпольщика фактически возглавили российских бундистов и весной 1902 года приняли участие в подготовке общепартийной конференции РСДРП. Речь о ней у нас будет впереди. Здесь же скажем, что именно она привела к аресту супругов Розенталей.

«Я с женой были арестованы в Белостоке 31 марта 1902 года, через два дня по закрытии упомянутой Белостокской конференции, организации которой мы содействовали и в которой я участвовал, как член Центрального комитета БУНДа» - так вспоминал об этом эпизоде в своей книге «Романовка» сам П. Розенталь.

С марта 1902 года началась его напряженная тюремная жизнь, сначала в губернском центре Гродно, а затем в Москве. Пятнадцать с половиной месяцев чета Розенталей провела в заключении, получив, затем, приговор – шесть лет якутской ссылки. Но еще в Таганской тюрьме, располагая неограниченным временем, Павел Розенталь использовал свой досуг для написания давно им задуманной книги о революционных шифрах.

Интересно представить, как это могло происходить. На глазах у своих надзирателей он умудрился написать «учебник» о практике нелегальной деятельности в России. Ясно, что «свирепый» тюремный режим благоприятствовал такому полезному времяпровождению.

Законченная в конце 1902 года, брошюра была опубликована в Женеве только в 1904-м. В это время Розентали находились в далеком Якутске, где Павел и Анна приняли в феврале 1904 года участие в известном «Романовском протесте». 56 ссыльных разных политических направлений, протестуя против нарушения их человеческих прав, подняли над избой якута Романова красное знамя. 18 суток революционеры держали оборону, не давая стрельбой приблизиться местной полиции. Именно П. Розенталь был главным противником сдачи, а впоследствии переправил за границу для публикации все основные документы и речи подсудимых «Романовского процесса». В 1923 году он напишет подробную книгу об этом событии, но в революционном историоописании Советского периода мы не найдем его имени среди руководителей выступления. Как, впрочем, и имен многих других ссыльных – меньшевиков, бундистов и т.п. «оппортунистов». Официально протест возглавили большевики. Тем самым история была в очередной раз оболгана и забыта партийными литераторами.

За «Романовский протест» Павел и Анна (вместе с другими своими товарищами) получили приговор в 12-лет каторги, но первая русская революция 1905 года освобождает их.

Павел Исаакович Розенталь прожил бурную жизнь несгибаемого революционера. О его жизни и смерти написал замечательный некролог его товарищ Гирш Лурье (31). Он скончался на своей родине в Вильно 29 февраля 1924 года от рака желудка. В настоящее время его прах перезахоронен на Вильнюсском еврейском кладбище.

Трагически завершилась жизнь Анны Розенталь. В октябре 1939 года (после ввода в Литву советских войск) она была арестована органами НКВД как лидер Вильнюсского отделения партии БУНД и умерла в тюрьме в 1940 году.

Итак, книга Розенталя – «Шифрованное письмо». Вышла она под псевдонимом «Бундовец» и представляет собой довольно внушительную брошюру в 112 страниц. Формат книги –130 на 200 миллиметров. Конечно, нет никакой возможности привести здесь весь этот интереснейший материал. И, подобно брошюре Акимова, мы ограничимся лишь кратким ее изложением, пройдя по узловым фрагментам книги. Главной своей задачей Розенталь ставил критическое рассмотрение известных среди революционеров шифрсистем. При этом он проявил огромную эрудицию, способность к аналитическому мышлению и замечательное владение «криптологическим аппаратом». Напомним, что по образованию Павел Исаакович был врачом и, следовательно, в шифровальном деле являлся самоучкой. Все это вместе взятое не может не удивлять и не восхищать. Мой же «конспект» будет сосредоточен, главным образом, на прояснении разнообразных видов революционных шифров российского подполья. Все, что касается самой критики шифров, почти всегда опускается, а это значительная часть брошюры. Ибо по каждому способу тайнописи Розенталь привел конкретный пример ее разбора.

Книга «Шифрованное письмо» среди историков давно известна. О ней еще упоминал в 1923 году летописец БУНДа М. Рафес среди других изданий Союза на русском языке. Об этой же брошюре писал современный историк Ю. С. Уральский (32). На основе книги Розенталя-Бундовца осветила революционные шифры историк российской криптографии Т. А. Соболева. Но следует не забывать, что в книге «Шифрованное письмо» дана именно бундовская шифрпрактика и только до 1902 года. Значит, материал этот не полный. К тому же в ней освещены лишь хорошо известные полиции виды шифров, а это также ограничивает материал брошюры.

Как и работа Акимова «О шифрах», книга «Шифрованное письмо» – исключительно редкий документ прошлого. Она имеется, к примеру, в фондах открытого хранения «Российской государственной библиотеки» (бывшей «Ленинки») – однако очень мало востребована историками революционного движения. Все это заставляет меня более-менее подробно осветить книгу П. И. Розенталя и заранее попросить читателя набраться для этого некоторого терпения.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

«Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (БУНД)»

А. Бундовец

Шифрованное письмо

Критика употребляемых у нас шифров.

Женева, апрель 1904 года.

Цена: 3 франка = 3 кроны = 60 центов.

Предисловие.

Цель книги – дать представление о непригодности той или иной системы криптографии. Автор старался принять во внимание все употребляемые у нас виды шифров. Системы, обнародование которых по тем или иным причинам неудобно, не приводятся.

***Введение:* I. Неосторожность и предательство.**

[Глава посвящена анализу причин, приводящих к провалу революционеров – А.С.]

II. Легальное письмо.

Каждый революционер должен выработать свой «нелегальный» почерк (видоизменить обычный) для затруднения графологической полицейской экспертизы.

При написании писем «эзоповским языком», в тексте требуется дать намек, что дальше в письме идет «эзоповщина». Это достигается, например, тем, что корреспондент приписывает получателю такое действие, которого он не совершал.

Об общеизвестных сведениях, событиях можно писать вполне открыто, освещая их в письмах с точки зрения добродетельного бюргера, возмущенного проделками бунтовщиков.

III. Гибельный самообман.

Если мы обратимся к социал-демократическим организациям, то, рассматривая вопрос с точки зрения конспиративной ловкости и выдержки революционеров, мы видим, что они не только стоят несравненно ниже деятелей «Народной Воли», но почти не делают успехов из года в год. На чем основана наша вера в неразрешимость шифра? Что если мы ошибаемся? Если тайна, доверенная шифру уже не тайна? Если мы все время пребываем в состоянии мистификации? Основываясь на случаях раскрытия писем бюро Департамента полиции и нашем личном опыте, мы не только ставим вышеприведенный вопрос о самообмане, но даем на него вполне определенный утвердительный ответ: да, мы, российские революционеры, в отношении шифров пребываем в состоянии вредного самообмана. И нам, и некоторым товарищам нашим приходилось иногда предпринимать попытки раскрывать письма без ключа. Это случалось тогда, когда корреспондент перепутывал ключ или, если в отсутствие товарища, обыкновенно ведшего переписку, получалось письмо из такого города, для которого тот позабыл сообщить ключ. И что же? Не было ни одного случая, когда бы шифр оставался неразобранным.

Подавляющее большинство шифрсистем, которыми пользуются революционеры, легко могут быть раскрыты. Ни одна из них не может быть названа удовлетворительной. В то же время возможны и хорошие, надежные способы. В этой книге мы решили разобрать все системы, которыми приходится пользоваться и представить образчик их раскрытия, чтобы отбить впредь всякую охоту ими шифровать.

Глава I. Немножко фонетики. Классификация шифров.

Русская азбука содержит в себе 36 букв, в том числе две конечные «фита» (θ) и «ижица» (ν) почти совершенно не употребляются. За вычетом этих двух букв, которые всегда игнорируются, остальные 34 расположены в следующем порядке:

а б в г д е ж з и І й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь Ѣ э ю я.

Мы поместили букву «Й» после «і», но некоторые помещают ее в конец алфавита. Часто используется так называемая тюремная азбука в 28 букв:

а б в г д е ж з и к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ы ю я.

Все буквы алфавита по частоте употребления на 1000 знаков текста имеют следующие величины:

А – 75 ; Б – 20 ; В – 40 ; Г – 12 ; Д – 32 ; Е – 66 ; Ж – 10 ; З – 16 ; И – 66 ; І – 7;

Й – 9 ; К – 29 ; Л - 42; М – 30 ; Н - 69 ; О – 112 ; П – 25 ; Р - 37; С – 54 ; Т-65;

У – 23; Ф - 0,5 ; Х - 8 ; Ц - 3 ; Ч - 13 ; Ш - 4 ; Щ - 4 ; Ъ – 48; Ы – 20 ; Ь – 12;

Ѣ – 20 ; Э - 1 ; Ю - 9 ; Я – 17,5.

С учетом этих значений азбука делится на пять разделов (разрядов):

Высший разряд: «О» (120 - 80);

Первый разряд: «А, Н, Е, И, Т, С, Ъ, Л» (80 - 40);

Второй разряд: «В, Р, Д, М, К, П, У» (40 - 20);

Третий разряд: «Б, Ы, Ѣ, Я, З, Ч, Г, Ь» (20 - 10);

Четвертый разряд: «Ж, Й, Ю, Х, І, Ш, Щ, Ц» (10 - 1);

Пятый разряд: «Э, Ф» (1 - 0).

Конечно, в разных текстах буквы колеблются около своей частоты употребления. Но обычно они не покидают своих разрядов.

Буква «і» ставится перед гласными (кроме: «МІРЪ»);

- // - «Й» – после гласной;

- // - «Ъ» – непременно после согласной в конце слов.

Самое частое сочетание согласных: «ст». Самое частое сочетание одинаковых букв: «нн».

Классификация шифров.

Постояннозначные системы:

Единозначные системы.

1. Единозначный парный шифр (со взаимозамещением букв в паре).
2. Единозначный непарный шифр (без взаимозамещения).

Многозначные системы.

А. Искусственные шифры.

3. Простой квадратный.
4. Сложный квадратный (с одним горизонтальным распределителем).
5. Сложный квадратный (с несколькими горизонтальными распределителями).
6. Сложный квадратный (с горизонтальными и вертикальными распределителями).
7. Сложный квадратный с двумя ключами.
8. Прерывистый квадратный (с фиктивными цифрами).
9. Рациональный квадратный.

Б. Естественные шифры.

10. Книжный.
11. Стихотворный.

Переменнозначные системы.

В. Непериодические системы.

12. Множественный квадратный.

Г. Периодические системы.

13. Раздельный периодический (гамбеттовский).
14. Сокращенный гамбеттовский.
15. Замаскированный гамбеттовский (наполеоновский).
16. Разностный гамбеттовский.
17. Слитный периодический с однородным ключом.
18. Слитный периодический с разнородным ключом.
19. Вторичный периодический (комбинация с квадратным).

В постояннозначных системах шифров каждому знаку соответствует определенная буква. В искусственных системах ключом является определенное слово, число при помощи которых составляется таблица знаков или изменяется текст письма. В естественных системах имеется готовая таблица знаков в форме естественного печатного или письменного скопления букв. Наиболее употребительными системами являются следующие: №№ 1, 3, 4, 8, 12, 13, 14.

Глава II. Единозначный парный шифр.

В единозначном шифре каждому знаку ключа соответствует одна определенная буква. В связи с тем, что ключ должен быть легким для запоминания, чистая форма единозначного шифра совершенно не употребительна. Зато в большом ходу его упрощенная модуляция – парный единозначный шифр.

Представим себе фразу из 17 различных букв, т.е. половины азбуки. Оставшиеся 17 букв подпишем под этой фразой в алфавитном порядке.

Например, ключ:

Ж	**е**	**л**	**е**	**з**	**н**	**ы**	**й**	**ш**	**п**	**и**	**ц**	**ъ**	**д**	**о**	**м**	**а**
б	в	г	і	к	р	с	т	у	ф	х	ч	щ	ь	э	ю	я

Каждая верхняя буква с лежащей под ней нижней составляет пару, в которой одна буква взаимозамещает другую.

Такая система чрезвычайно проста и совершенно непригодна для употребления. Она возможна только для временных записей.

Глава III. Непарный единозначный шифр.

В разобранном выше шифре половина ключа связана с другой половиной. Но легко построить шифр, где этого нет, используя два разных лозунга. Берут две ключевые фразы по 17 букв, дополняют каждую недостающими 17 буквами, но пишут их рядом с соответствующей фразой. В первой – справа от нее, во второй – слева. Наконец, один ряд букв подписывается под другим. Например:

Ж	**е**	**л**	**е**	**з**	**н**	**ы**	**й**	**ш**	**п**	**и**	**ц**	**ъ**	**д**	**о**	**м**	**а**	б	в	г	і	к	р	с	т	у	ф	х	ч	щ	ь	э	ю	я
я	э	Ъ	ш	ч	ф	т	с	ц	м	й	і	з	ж	е	г	б	**Ц**	**ы**	**р**	**ю**	**л**	**ь**	**н**	**и**	**к**	**ъ**	**х**	**у**	**д**	**о**	**щ**	**а**	**в**

Это и есть ключ к шифру. Каждый горизонтальный ряд заключает в себе полную азбуку. Не исключена возможность случайного совпадения букв в рядах. Можно этого избежать, если переставить совпавшую букву на место соседней.

Изобретать словосочетание из 17 букв – задача трудная, но можно взять два любых стихотворения: в них выкидываются повторяющиеся буквы, пока не наберется 17 разнородных. Это и будет ключ, заменяющий две условные фразы.

Букву «Ъ» при шифровке всегда опускают, так как после ее легкого отгадывания она упрощает дальнейшую расшифровку.

Шифр этот так же нельзя рекомендовать к употреблению.

Глава IV. Простой квадратный шифр.

Пусть будет ключом десятибуквенная фраза или часть ее, например: «Эта коробка». Начертим квадрат, разделим его на сто квадратиков. Ключ помещается в первый столбец квадрата, а по горизонтали выписываются буквы согласно алфавита. Таблица эта носит название «магазин знаков». Каждая буква алфавита шифруется с помощью двузначных чисел – номеров строки и столбца. Двузначные числа пишут сплошняком. Если квадрат больше стоклеточного, то шифруют дробями. Можно так же употреблять в этом случае написание нуля перед однозначными числами. Например: 13/15 2/3 = 13150203.

Можно писать еще короче: вместо «15» записывать «5» со штрихом.

Шифр чрезвычайно распространен, особенно в виде таблички развернутого ключа (на длину всего алфавита). Но при наличии большого текста легко поддается дешифровке.

Глава V. Сложный квадратный шифр.

С целью уничтожить алфавитный порядок букв в шифр вводится «распределитель». Для этого берут слово из 10 букв, например: «квадратный». Под той буквой, которая в азбуке стоит ближе к началу, поставим единицу. Под той буквой, которая ближе всего к «Б» – два и т.д.

к	в	а	д	р	а	т	н	ы	й
6	3	1	4	8	2	9	7	0	5

Получается распределитель в десять различных чисел. Таблица ключа составляется так. Пусть ключ «Шампанское». Построим квадрат 10 х 10 и напишем сверху числовой распределитель, а под цифрой 1 – вертикальный ключ. После составления таблицы зачеркнем распределительное число и подпишем сверху обычный ряд чисел.

Можно сделать и иначе: пишут ключ и оставшиеся буквы как при простой квадратной системе, а затем сверху подписывается распределительное число (таблицы в обоих вариантах получаются совершенно разные). Поэтому следует всегда договариваться, как писать распределитель.

Основная беда такого шифра в том, что закон распределения букв одинаков для всех рядов. Одно угаданное слово и ключ раскрывается!

Глава VI. Прерывистый квадратный шифр (с фиктивными цифрами).

Пусть дан ключ из восьми букв («Моя щетка») , и условлено считать фиктивными две цифры – 4 и 7. Составляют квадратную табличку, где №№ 4 и 7 – пустые. Шифрование заключается в том, что забираются из таблицы нужные знаки и вставляются фиктивные. При этом нет надобности брать стоклеточный квадрат (10 х 10). Можно 8 х 8, но пропустить при нумерации 4 и 7. Этот же способ применим и к сложному квадратному ключу.

Но шифр неудачен, так как сильно уменьшает количество действительных знаков. При шифровке следует вначале писать черновик, а затем снимать копию, чтобы убрать невольные подсказки – промежутки между фиктивными и действительными цифрами.

Сами же фиктивные цифры при дешифровке могут быть довольно легко выявлены математическими методами.

Глава VII. Множественный квадратный шифр.

Вместо того, чтобы пользоваться одним ключом и одной таблицей квадратной системы, составляют их несколько. Например: «Эта коробка», «Начальник» и «Александр». Затем последовательно берут знаки из таблиц, периодически обходя все развернутые ключи. При этом вводится сигнал условного перехода к очередной таблице. Он должен быть «внутренним». Для этого можно ввести условное слово, но гораздо лучше брать двухкратное или большее употребление одной буквы. Таблицы можно уславливаться составлять по разным системам. Следовательно, могут быть три вида шифра:

1. Множественный простой квадратный шифр.
2. Множественный сложный квадратный шифр.
3. Множественный смешанный квадратный шифр.

Ключ очень сложен для дешифрования, но полной гарантии дать не может. К тому же он весьма неудобен для применения.

Глава VIII. Периодический раздельный шифр (гамбеттовский).

Сущность шифра заключается в том, что живая речь, преобразованная в числовой ряд, видоизменяется числовым же ключом, накладываемым на нее последовательно, периодически. Предположим, необходимо зашифровать фразу: «Письма не получила». Подставив вместо букв числовые значения их места в русском алфавите, получим ряд: 17, 9, 19, 30, 14, 1, 15, 6, 17, 16, 13, 21, 25, 9, 13, 1.

Допустим, ключом будет слово «Европа», которое в числовом выражении будет иметь вид: «6, 3, 18, 16, 17, 1». Наложим ключ на цифровой текст столько раз, сколько он уместится, и произведем сложение вертикальных пар чисел. В результате получаем шифртекст:

Ключ:	6	3	18	16	17	1	6	3	18	16	17	1	6	3	18	16
Текст:	17	9	19	30	14	1	15	6	17	16	13	21	25	9	13	1
Шифр	23	12	37	46	31	2	21	9	35	32	30	22	31	12	31	17

Такой периодический раздельный шифр весьма употребителен. Мы называем его «раздельным» потому что вследствии перемежающихся в нем двузначных и однозначных чисел, их приходится во избежании путаницы писать отдельно. Впрочем, можно писать и слитно, вставляя нули.

Система располагает всего 67 знаками (от 2 до 68), но имеет, казалось бы, громадное преимущество: одинаковые числа обозначают разные буквы. Исключение составляют только крайние знаки – 2 и 68.

При попытке дешифровать текст в первую очередь определяют длину периода. Если изобразить графически числовой ряд шифра, то выделится ширина волны – период. После определения периода разбивают криптограмму на грани и подписывают их одна под другой. Тогда в вертикальных рядах будут стоять числа, полученные от сложения разных чисел с одним и тем же числом (буква ключа). Так как буква «А» весьма распространена и может оказаться во всех столбцах, то уменьшив номера столбцов на единицу, мы имеем шанс получить истинную букву ключа! Следовательно в таком виде пользоваться гамбеттовским шифром совершенно невозможно!

Для усложнения ключа можно менять нумерацию букв в алфавите по вышеприведенной системе однозначного парного шифра и т.п.

Глава IX. Сокращенный гамбеттовский шифр.

Здесь суммы, получившиеся от сложения числовых выражений букв текста и ключа, превосходящие 30, уменьшаются на 30 единиц. То есть вместо 31 пишут 1, вместо 55 – 25 (использована тюремная азбука). Если же при шифровке применена полная азбука, то следует «скидывать» 40 единиц. Таким образом, число знаков, которыми располагает система, уменьшается до 30. Из них только четыре (27, 28, 29, 30) представляют истинные суммы. Остальные – либо действительные, либо – фиктивные (уменьшенные на 30). Следовательно числа шифра могут означать сразу два числа. Например: 17 = 17 = 47.

Но здесь не может быть ошибки, ибо соответствующая буква ключа дает ответ, что нужно брать: 17 или 47.

Это нововведение отвергает метод дешифровки, изложенный выше. Исчезает прочный базис: малые числа соответствуют малым суммам, большие – крупным. Следовательно невозможно получить прежним способом длину ключа. Но все же и этот шифр поддается разбору, хотя гораздо труднее.

Глава X. Замаскированный гамбеттовский шифр (наполеоновский).

Шифр предполагает составление большой квадратной таблицы 28 х 28 клеток. В первом горизонтальном и левом вертикальном рядах пишется непрерывный последовательный ряд от 1 до 28 (по числу букв в тюремной азбуке). Затем заполняем по порядку все горизонтальный строки, начиная от крайнего левого числа. Доходя до 28 продолжаем с 1. После этого, выше первого ряда чисел и левее первого столбца выписываем тюремную азбуку.

Составленная таблица одинакова при всех ключах. Ключ же – условленная фраза или слово. Например: «Сильный пожар». При шифровке: отыскивают горизонтальный ряд, который начинается соответствующей буквой текста, а затем тот вертикальный столбец, который начинается соответствующей буквой ключа. Находят клетку на месте пересечения строк и столбцов таблицы и получают число из клетки – шифр.

Несмотря на всю сложность, практически знаки вычисляются математически просто: от сложения букв текста и ключа. Но есть две особенности: получается не вся сумма, а уменьшенная на 1. А из чисел больше 28 вычитается 28. Следовательно, при шифровке вовсе не нужна громоздкая таблица и шифр представляет из себя сокращенный гамбеттовский!

Тем не менее рассмотренный ключ применяется до сих пор. Например: в 1901 году в Лукьяновской тюрьме в Киеве. Это своего рода курьез шифров. Наполеон как-то сказал, что от

великого до смешного один шаг. Курьезно, что носящий его великое имя шифр, оказывается смешным фарсом, водевилем с переодеванием.

Глава XI. Разностный гамбеттовский шифр (с двойным периодом).

Рассмотренные выше шифры основаны на сложении. Но можно с успехом производить и вычитание. Нет смысла на этом останавливаться. Здесь все аналогично.

Мы рассмотрим только усложненную форму разностного периодического шифра, которая встречается в революционной практике. Возьмем ключ: «Шкурный вопрос» и фразу: «Нам нужны наборщики». Первая буква ключа «Ш» (= 24 по тюремной азбуке) больше первой буквы текста «Н» (= 13) на 11 единиц. Это мы выразим так: 1 – 11. В приведенном двучлене единица означает первую букву текста, а 11 – что она меньше первой буквы ключа на 11 единиц.

Вторая буква ключа «К» (= 10) больше второй буквы текста «А» (= 1) на 9. Следовательно пишем: 2 – 9. Третья запишется: 3 – 7. Четвертая: 4 – 3. Пятая буква ключа «Н» (= 13) меньше соответствующей буквы текста «У» (= 19) на 6 единиц. Поэтому эта пара изображается так: 5 + 6. Получаем ряд числовых пар:

1 – 11, 2 – 9, 3 – 7, 4 – 3, 5 + 6, …

Но этим дело не кончается. Вводится второй период, представленный коротким числом. Например 795. Три цифры будем последовательно прибавлять к каждому числу наших двучленов. Получаем шифр: 8 – 20, 7 – 16, 12 – 12, 11 – 12, 10 + 13, …

Такой шифр весьма громоздок в применении, что не оправдывается его надежностью. Однако до сих пор встречается в революционной переписке.

Глава XII. Слитный периодический шифр с однородным ключом.

Здесь мы имеем весьма существенное видоизменение гамбеттовского шифра, описанного в VIII главе. Оно заключается в том, что первоначальный текст и ключ при превращении в числа пишут не раздельно (т.е. не отделяя друг от друга числа, соответствующие отдельным буквам), а слитно. Сложение производится между двумя сплошными рядами цифр, начиная слева. В случае, если при сложении цифры ключа и текста получается число больше 9, то единицу десятков переносят направо (а не влево, как при обычном сложении). Например, знакомая нам фраза: «Нам нужен наборщик» при ключе: «Шкурный вопрос» по тюремной азбуке изобразится так:

Слитный текст:	13112131976131312141625910
Слитный ключ:	24101916132693141516141724
Шифротекст:	37213057019725453657766644

Здесь совершенно исчезают границы между буквами, что весьма важно. Это обстоятельство настолько изменяет дело, что после того, как посредством вычитания получим слитный текст, мы все еще пребываем в недоумении, благодаря его слитности.

Рассмотрим разбор криптограмм при полной 34-буквенной азбуке. Если после вычитания мы встречаем сочетания 35, 36 и т.д., то они представляют только соединение двух частей, принадлежащим разным буквам и разъединительная граница (цезура) должна пройти внутри такого сочетания: 3/5, 3/6, 3/7…

Далее, так как десятками могут быть только цифры 1, 2 и 3, то все остальные (4, 5, 6, 7, 8, 9, 0) могут изображать только единицы. Следовательно, цезура упадет справа от них. Например: 15/2, 29/9…

Равным образом, в сочетаниях 10, 20, 30 цезура не может их разрезать, а должна упасть слева или справа от них. Например: 1/20/11…

На сто букв приходится до 81 цезуры, так что только 19 букв остаются невыделенными. Так цифросочетание 3162028231329 разделится цезурой так: 316/20/28/231329.

Сомнительные участки не могут служить препятствием для чтения. Можно пойти и на хитрость. Раз 10 (= «И» десятеричное (i)) и 30 (= Ъ) мало употребляются, то можно их выкинуть, а ноль ставить после 1 и 3 вместо цезуры.

Несмотря на кажущуюся оригинальность и надежность, этот шифр очень громоздок и трудоемок. К тому же он поддается аналитическому вскрытию, так как первичный текст и ключ представлены заранее известным распределением цифр. Среди них преобладают 1, 2, 3. Этот факт трудно скрыть от опытного дешифровщика.

Глава XIII. Слитный периодический шифр с разнородным ключом.

В этом шифре делается попытка преодолеть недостатки предыдущей системы – преобладание известных групп цифр.

Пусть ключом служит фраза «Шкурный вопрос». Составим по ней числовой распределитель, как это делается в сложных квадратных шифрах. Но с той разницей, что одинаковые буквы обозначим одинаковыми цифрами, а не последовательными. Затем (так как тут число букв больше десяти) вместо 11 берем 1, вместо 13 – берем 3 и т.д. Можно условиться здесь писать и сумму цифр, то есть вместо 11 – 2 (1 + 1), 12 – 3 (1 + 2) и т.п.

Таким образом получим число:

Ш	к	у	р	н	ы	й	в	о	п	р	о	с
0	3	9	7	4	1	2	1	5	6	7	5	8

Составленный по такому способу ключ (число) не обладает теми специфическими особенностями, какие имеет предыдущий шифр. В нем нет преобладания цифр 1, 2 и 3. Но это обстоятельство только усложняет дешифровку, но не дает ее избежать.

Глава XIV. Вторичный слитный шифр (комбинация с квадратным).

Шифр состоит в том, что числовой ключ накладывается на предварительно зашифрованный по другой системе текст. Следовательно, здесь мы имеем комбинацию периодического шифра с каким-то иным, например, квадратным. Это самый надежный из всех описанных нами систем и близок к идеалу. Однако он весьма трудоемок в применении.

Глава XV. Книжный шифр.

Для шифрования годится всякий напечатанный текст. Надо только условиться относительно книги, года издания и страницы. Шифрование производится дробями с обозначением строк и букв в них.

Нет совершенно никакой надобности ограничиваться одной страницей. Можно перескакивать с одной страницы на другую. Следует только обозначать переход (например, посредством условного сочетания букв. Или совсем просто – посредством твердого знака, который, обычно, не употребляется).

Для облегчения шифровки удобно пользоваться бумажной лентой, где воспроизведена нумерация строчек книги.

Громадное преимущество системы – колоссальное количество знаков. Она далеко оставляет за собой все искусственные системы. Если даже ограничиться одной страницей, то и тогда мы имеем сразу до 2000 букв. Если же менять страницы, то шифр становится переменнозначным! Буквы в книжных текстах находятся в естественных пропорциях друг к другу, так как это необходимо при шифровании.

Между знаками нет никакой связи и даже при угадывании целой фразы задача дешифровки нисколько не облегчится. Шифр весьма удобен и при употреблении. Следовательно здесь мы имеем идеал шифра! Но он потеряет всю свою надежность, как только эта книга станет известна жандармам.

Некоторые революционеры прибегают к различным «фокусам» – шифруют снизу вверх страницы, справа налево и т.п. Все это совершенно лишнее и основано на недоразумении. Одно из двух: если книга остается жандармам неизвестной, то ухищрения не нужны. Если же они до нее добрались, то все фокусы ни к чему не приведут. Таким образом, шифр по книге удобен для дипломатов и военных, но не для революционеров.

Глава XVI. Стихотворный шифр.

Предыдущая система неудобна только благодаря тому, что шифровальную книгу нужно всегда иметь по близости, что очень опасно при аресте. Но это можно избежать в стихотворном ключе. Здесь легко контролировать и планомерное пользование знаками, вычеркивая использованные буквы из текста написанного заранее стихотворения. Не следует буквы, которых в стихотворении нет, оставлять без зашифровки, а нужно «привязывать» их к имеющимся.

Однако при этой системе упрощается дешифровка. Подавляющее большинство стихотворных строк начинается с букв: и, в, п, н, с, к, о. Зная это, жандармский дешифровщик не перебирает сплошь все стихотворения (известные поэты в полиции, конечно, хорошо изучены), а только часть их, где в нужных местах есть указанные буквы.

Поэтому пользоваться стихотворным шифром можно только если стихотворение крайне редкое или вообще никому не известное, а лучше всего – вообще не напечатанное. Следовательно, несмотря на ряд достоинств – это не идеал шифра.

Глава XVII. Ухищрения и паллиативы.

Все рассмотренные выше шифры можно подвергнуть определенным усложнениям. Например, для сложного квадратного ключа ввести несколько горизонтальных распределителей и пользоваться ими при шифровке периодически.

Глава XVIII. Оазисный и сплошной способ зашифрования.

При оазисном (частичном) способе шифрования по смыслу предыдущих фраз можно догадаться, о чем идет речь в зашифрованном тексте. Поэтому категорически необходимо шифровать только сплошняком, без перерывов.

Пишущий должен всю конспиративную часть письма собирать в его конце, предпочитая слова покороче. Нужно всегда обращаться к адресату «Ты» (пиши, а не пишите), даже если близко не знакомы. Нужно по возможности сокращать слова. И только затем подвергать сплошной зашифровке. В крайнем случае допускается выборочное шифрование, но отдельные фразы должны шифроваться целиком, без разрывов между словами и знаков препинания.

Глава XIX. Выводы.

Мы рассмотрели все известные в революционной среде шифры, но ни один из них нас не удовлетворил. Идеал шифра – удобство применения и абсолютная недоступность. Систему шифрования скрыть очень трудно и вряд ли надо к этому стремиться. «Искра» здесь не права [имеется в виду известная Розенталю публикация «Воззвание о шифрах», помещенная в тринадцатом номере газеты «Искра» от 20 декабря 1901 года – А.С.]

«Выезжать» на незнакомой системе так же дело очень рискованное. Дешифровальное бюро Департамента полиции конечно знает все ухищрения революционеров, имея колоссальный опыт.

А. Безусловно не годятся: единозначные, простые квадратные, прерывистый квадратный (с фиктивными цифрами) и почти все периодические шифры.

Б. Для всякой величины текстов допустимы:

а) Книга для определенной категории корреспондентов.

б) Стихотворения – редкие или же неизвестные.

В. Для небольших текстов в 100 – 300 букв при правильном шифровании годятся:

а) Сложный квадратный с несколькими распределителями (гл. XVII).

б) Вторичный слитный периодический с длинным периодом (гл. XIV).

в) Сокращенный гамбеттовский (гл. IX) с тем условием, чтобы ключом служил целый отрывок какого-либо текста. В этом случае система перестает быть периодической. Здесь мы имеем просто наложение одного текста на другой. В этом случае задача дешифровки абсолютно неразрешима. Отрывок должен начинаться с середины слова, а не с начала. В книге из 20 листов (т.е. примерно 60 000 знаков) возможно 60 тысяч периодов. Чтобы их перебрать, нужно пять-шесть лет

непрерывной работы. Если же ввести ухищрения (например, пропуски определенных слов), то решение займет еще больше времени.

Проблема здесь одна – при непрерывном пользовании книгой «затирается» ключевая страница. Выход – выучить длинный отрывок из книги.

Какая азбука для употребления выгоднее? Для периодических систем – тюремная, а для квадратных – полная (так как здесь мы имеем плохую пропорцию букв).

В случае употребления квадратных систем полезно пользоваться буквенно-цифровым изображением знаков. Это дает прямоугольник в 340 клеток (34 х 10). Комбинации записываются так: 2а, 2б, 5ж… Вертикальная нумерация может быть заменена азбукой, проставленной в три-четыре столбца с целью уменьшения размера «магазина знаков».

Глава XX. Рациональный шифр.

Предлагаемая ниже система удовлетворяет всем требованиям надежного и удобного шифра. По внешнему виду его можно отнести к категории квадратных.

I. Форма шифра.

Он представляет из себя квадрат в сто клеток (10 х 10), но можно и более.

II. Содержание.

Имеющиеся в шифре 100 знаков распределяют пропорционально частоте букв в живой речи, смотрите главу I.

1. 12 знаков для «о» = 12;
2. по 7 знаков для «а, е, и, н, т» = 35;
3. по 5 знаков для «л, с» = 10;
4. по 4 знака для «в, р» = 8;
5. по 3 знака для «д, к, м» = 9;
6. по 2 знака для «б, г, п, у, ы, я» = 12;
7. по 1 знаку для «ж, з, І, й, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ђ, э, ю» = 14.

Всего: 7 категорий, 33 буквы (без «Ъ, Ѳ, Ѵ»), 100 знаков.

Эти пропорции необходимо твердо запомнить. Для этого применяется мнемоническое правило, сведенное к следующему стихотворению:

Двенадцать лет блуждала «О», но к ней
Был послан на седьмом году АНТЕЙ.
Пять лет гонял ее со всех он СиЛ,
Пока на четырех свалилась в РоВ,
Что с трех сторон наш ДоМиК окружил.
Когда б я это знал, то Я БЫ ПлУГ
Вкруг хижины с боков обвел лишь с двух.
И стал я звать по одному рабов:
Же – Зе, І с точкой, Й с крючком, коров!
Эф – Ха, Це – Че, Ша – Ща, «ЕРЬ» – «ЯТЬ», Э – Ю!

III. Ход буквенной цепи.

Нужно составить из наших ста букв непрерывную цепь. Здесь возможна масса вариантов. Но будем считать, что «нормальный способ» – согласно букв в стихотворении. Тогда получим:

12о + 7а + 7н + 7т + 7е + 7и + 5с + 5л + 4р + 4в + 3д + 3м + 3к + 2я + 2б + 2ы + 2п + 2у + 2г + ж + з + І + й + ф + х + ц + ч + ш + щ + ь + ђ + э + ю.

IV. Порядок разнесения цепи.

Исходный пункт квадрата обозначается формулой (см. ниже).

Буквы наносятся по следующим правилам:

а) по диагонали квадрата;

б) по часовой стрелке;

в) когда буквенная цепь подходит к левому краю квадрата, она поднимается на одну клетку вверх. Если соседняя клетка занята, то она ползет по направлению часовой стрелки по краю до первой свободной клетки. После чего цепь снова идет по диагонали. Если цепь натыкается на занятые уже клетки, то она через них перескакивает. Например (формула 8/9):

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**0**
1	44	29	12	58	70	80	88	94	98	100
2	28	11	30	13	59	71	81	89	95	99
3	10	43	45	31	14	60	72	82	90	96
4	9	27	42	46	32	15	61	73	83	91
5	57	8	26	41	47	33	16	62	74	84
6	69	56	7	25	40	48	34	17	63	75
7	79	68	55	6	24	39	49	35	18	64
8	87	78	67	54	5	23	38	50	1	19
9	93	86	77	66	53	4	22	2	20	36
0	97	92	85	76	65	52	3	21	37	51

V. Ключ.

Он состоит из трех элементов – формулы и двух распределителей (вертикального и горизонтального). Предположим, что ключ – начало стихотворения: «Когда же слезами до самого края…» [в старой орфографии – А.С.].

Отделяем в указанной фразе два отрывка по десять букв каждый и дополнительно еще две буквы. Пронумеруем распределители (гл. V):

К	о	г	д	а	ж	е	с	л	е	/з	а	м	и	д	о	с	а	м	а	/г	о/
7	9	2	3	1	6	4	0	8	5.	5	1	7	6	4	9	0	2	8	3.		

Для получения числового выражения формулы (буквы «Г, О») поступаем так: первую букву («Г») ищем в первом распределителе, а вторую («О») – во втором. Получаем: 2/9 = 29.

Если же родственных букв не оказалось, то следует взять ближайшие меньшие по алфавиту.

По формуле отыскивается исходная клетка (числитель дроби соответствует горизонтальному ряду квадрата, а знаменатель – вертикальному). Затем разносятся буквы цепи, надписываются распределители и таблица готова.

Каждая буква в шифре обозначается двумя цифрами – номерами горизонтального и вертикального рядов. Благодаря пропорции букв, они утилизируются равномерно. Для контроля каждую использованную букву обозначают чертой. Конечно, полной пропорции достичь невозможно, но мы приблизились к этому вплотную. К тому же родственные буквы можно заменять друг с другом:

	7	**9**	**2**	**3**	**1**	**6**	**4**	**0**	**8**	**5**
5	й	у	к	в	с	е	а	щ	ь	ю
1	и	к	в	с	е	а	е	а	о	Ъ
7	к	р	с	т	а	в	с	е	н	о
6	р	и	т	а	у	я	в	с	о	н
4	и	т	а	і	ф	г	я	о	н	е
9	т	а	м	п	з	х	о	н	е	л
0	о	и	р	м	ы	о	н	е	л	д
2	о	т	и	р	о	н	и	л	д	б
8	ш	о	т	о	н	и	л	д	б	г
3	э	и	о	т	и	л	м	ы	ж	ц

1) э = Ъ; 2) ф = п = в; 3) ш = щ = сч = с; 4) і = й = и = ы; 5) ж = з = ч; 6) ю = у = іу; 7) я = а = іа; 8) ц = ч; 9) м = н; 10) к = х.

Больше одной замены в слове производить не следует. Полезно те буквы квадрата, которые не попадают в текст, вставлять искусственно в конце слов.

В Рациональный шифр можно дополнительно ввести массу усложнений. Хотя систему легко распознать, но раскрыть шифр чрезвычайно трудно. Здесь невозможно установить преобладание одной буквы над другой. И даже если будет известна табличка шифра – все равно, подобрать распределитель невозможно. Число возможных комбинаций в ключе: 13 168 189 440 000!!! Если же неизвестна табличка и формула, то насчитывается полтора квадриллиона комбинаций ($1{,}5 \times 10^{15}$).

Ключ прекрасно запоминается. Посредством анализа текста добраться до таблички нельзя – на расстоянии многих десятков букв знаки в криптограмме не повторяются. Одним словом – здесь мы имеем идеальный шифр! При правильном применении он практически нераскрываем!

Заключение.

(Адреса. Походный шифр. Адресаты. Тюремная переписка и пр.)

1. При шифровке адресов рекомендуется применять следующие приемы:

а) Названия городов не нужно помещать в начале адреса. Лучше всего – в его середине.

б) В названиях улиц не нужно писать окончание «ая» или «ская». А фамилию адресата нельзя писать в дательном падеже.

в) Слова: «улица», «дом» и т.п. должны быть выброшены вовсе. Если же этого нельзя сделать, то следует заменять их условными обозначениями, которые различны в разных адресах. Лучше пользоваться здесь названиями растений, зверей и пр.

г) Номера домов и квартир можно не зашифровывать, а писать цифрами, помещая их в конце адреса и условным образом изменив (увеличив на определенное число).

2. Походный (временный) шифр.

Не всегда у революционеров имеются условия для качественной зашифровки конспиративных сведений. В таком случае нужно иметь более простой шифр с небольшим количеством знаков и легко запоминающийся. Для этих целей может служить либо единозначный шифр, упрощенный до 12 пар, либо квадратный с размерами в 25 клеток.

	2	**4**	**1**	**3**	**5**
2	а	б	в	г	д
1	е	ж	з	и	к
5	л	м	н	о	п
3	р	с	т	у	ф
4	х	ц ч	Ш щ	ы	я

Используется для построения обоих шифров тюремная азбука, сокращенная дополнительно еще на четыре буквы для первой системы и на три буквы – для второй.

А) Квадратный шифр.

Таблица шифра:

На табличку шифра, построенную на базисе «азбуки для перестукивания», наносят два пятибуквенных распределителя. Например, ключ:

Б	л	а	г	о	/д	а	р	н	о/	с	т	ь
2	**4**	**1**	**3**	**5.**	**2**	**1**	**5**	**3**	**4.**			

Б) Единозначный шифр.

При пользовании единозначным шифром из азбуки выбрасывают еще букву «Ф», заменяя ее сочетанием «хв». Для ключа берут слово из 12 букв, например:

О	**б**	**ы**	**в**	**а**	**т**	**е**	**л**	**ь**	**н**	**и**	**ц**	**у**
г	д	ж	з	к	м	п	р		с	х	щ	я

Шифровать указанными способами следует только короткие фразы и при первой возможности перешифровывать их другими, более стойкими системами.

Оба ключа легко запоминаются и находят себе применение не только в революционной борьбе на воле, но и в тюрьме при перестукивании.

[Далее Бундовец пишет о принципах постановки секретной переписки, правилах подбора адресатов, приводит некоторые способы тюремного общения и другие советы бывалого конспиратора – А.С.]

Приложение (разные советы).

[В этой главе автор поделился с читателями пространными советами по подпольной работе вообще, нам для нашей темы не нужными – А.С.]

Итак, мы привели здесь лишь общий «скелет» обширной книги П. Розенталя (Бундовца), являющейся, по сути, настоящим теоретическим исследованием из области криптографии и криптологии. На конкретных примерах автор подробнейшим образом продемонстрировал, как можно вскрыть те или иные практикуемые подпольщиками шифры, какие они имеют пороки и как их можно избежать. Все это было очень важно в момент быстрого роста революционного движения, когда в его ряды вливались все новые новобранцы. Однако, книга Павла Исааковича так и не смогла переломить отрицательные тенденции в переписке революционеров более позднего времени.

Анализируя работу Розенталя, нетрудно обнаружить в ней давно нам знакомые шифры. В частности, систему Златопольского, которую автор именует «сокращенным гамбеттовским шифром». В то же время он ничего не говорит о первоисточнике всех гамбеттовских ключей – шифре Виженера. Именно с него началась разработка подобных периодических систем. Впрочем в книге есть «замаскированный гамбеттовский шифр» – цифровой вариант «Виженера». Приведенная Розенталем таблица является связующей нитью между шифром французского дипломата XVI века и гамбеттовским шифром революционеров 1870-х годов. Между прочим в подпольной практике были другие варианты подобного ключа, но информации о них у Розенталя нет.

Описанный им в XII главе «слитный периодический шифр» довольно сложен для практического использования. Однако он близко стоит к широко применяемому в современном шифровании «криптографическому сложению» (или, аналогично, вычитанию). Еще его называют принципом Фибоначчи или китайской арифметикой. Согласно этому правилу, при сложении цифр у чисел больше 10, десятка опускается (не переносится в следующий разряд). Например: 2368 + 2955 = 2 + 2,3 + 9,6 + 5,8 + 5 = 4213. В результате математические вычисления при шифровке значительно упрощаются, а нежелательная дешифровка, наоборот, усложняется. Но революционерам это правило так и осталось неизвестным. Хотя от сложения по модулю 30 (система Златопольского) до сложения по модулю 10 (принцип Фибоначчи) всего один шаг.

Интересно и то, что Розенталь называет «сокращенный гамбеттовский шифр» в числе самых распространенных в революционном подполье систем криптографии. Однако, например, в практике раннего большевизма мы его так и не встретим.

Ничего автор книги не говорит и о «шифре по таблице Пифагора» – более удачной разновидности квадратного шифра с фиктивными цифрами. Напомним, что Розенталь работал над брошюрой в тюрьме и поэтому не имел представления о книжке Бахарева-Акимова.

Совершенно в книге Бундовца не отразились системы перестановок. Хотя о них революционеры, безусловно, знали. Более того – в таком шифре как «сложный квадратный» Розенталь подробно развил принцип числового распределителя (и вертикального, и горизонтального). Здесь фактически объединены идеи «квадратного шифра» и «шифра нигилистов».

Павел Розенталь преувеличивает опыт такой организации, как «Народная Воля». Основные ее шифры (квадратный, гамбеттовский, сокращенный гамбеттовский, замаскированный гамбеттовский) он в своем исследовании раскритиковал до основания. Но эту ошибку понять нетрудно – о шифрпрактике народовольцев автор мог судить только на основе революционных легенд.

Розенталь (как и Акимов) дает немало способов криптографии, которые нам ранее не встречались. Ясно, что они появились где-то в период упадка народовольчества. Но конкретных случаев их применения среди опубликованных документов нет. Вероятно они есть в государственных архивах (перлюстрации полиции). Изучение их могло бы пролить свет на более конкретные сроки внедрения в практику этих шифров и их возможное авторство.

Кстати, те названия шифров, которые приводит Розенталь, очевидно, даны им самим, или же использовались в среде БУНДа. Ведь у Акимова (представителя петербургской подпольной школы) мы находим более упрощенные термины.

Совершенно ясно и то, что описанный в книге «Рациональный шифр» придуман самим Павлом Розенталем. На это указывает хотя бы тот факт, что частотная таблица встречаемости знаков в русском языке, без сомнения, подсчитана им лично. Любопытно сравнить эти подсчеты со стандартной таблицей относительной частоты встречаемости букв русского алфавита. Некоторая часть их имеет существенные расхождения. Так, для самой распространенной буквы «О» эта величина равна 90, а не 112 (как у Розенталя). Или букве «А» соответствует 62 против его 75. Отчасти это объясняется старыми правилами орфографии. Но в подавляющем большинстве случаев цифры революционера и современных криптографов совпадают, или же очень близки друг к другу (33).

Попытка изобрести «идеальный шифр» просто замечательна. Однако до идеала здесь было далеко. Разумеется, по сравнению с действующими на тот момент шифрсистемами, эта действительно обладала огромным запасом прочности. Кроме того, она выходила за рамки революционной традиции, что тоже очень важно. Но сама идея пропорционального шифра была стара как мир. С давних пор она использовалась в криптографической практике, и методы вскрытия подобных шифров так же были давно разработаны. При обширных криптограммах задача эта вполне решалась. Как здесь автор не предостерегал от ошибок, но их революционеры избежать вряд ли могли. К тому же, похоже на то, что «Рациональный шифр» так и не получил серьезного распространения из-за сложности своего построения.

В книге Розенталь делает специальную оговорку, что приводит в ней не все известные шифры, а только те, обнародование которых считает удобным. Значит, были и другие системы. Одну из них назвал друг и первый биограф Розенталя бундовец Гирш Лурье. Это с его слов известно, что в начале 1900-х годов Розенталь и Портной «реформировали бундовский шифр, введя ***смешанный еврейско-русский ключ***» (34). Больше ничего мы об этом не знаем.

Можно лишь предположить, что здесь подразумевается способ шифрования текстов, написанных по определенным правилам сразу двумя языками. Это старинный и очень эффективный прием криптографии, которым достигалось выравнивание статистических характеристик шифруемых текстов, что окончательно запутывало дешифровщика. К тому же для успешного разбора таких криптограмм требовалось знание еврейского жаргона, что еще больше усложняло работу.

Подводя итог рассмотрению этой замечательной книги, развенчаем еще один исторический миф. Считается почему-то (хотя ясно, почему!), что лучшими конспираторами в революционном подполье являлись большевики. Но факты показывают совсем иное. Среди революционеров, реально внесших вклад в развитие шифров подполья, мы видим Владимира Сапежко (будущего меньшевика), Владимира Акимова (экономиста, врага ленинизма) и Павла Розенталя (бундовца-националиста). Добавим в этот ряд искровца Михаила Вечеслова. Примерно в то же время (1901 год) он работал над своей брошюрой «О шифрах». Она так и не была издана редакторами газеты «Искра». Но сам факт примечателен. Автор этой брошюры примкнул впоследствии к меньшевистской фракции РСДРП.

К сожалению, приклеенный припартийными историками «ярлык» оппортунистов привел к забвению всех этих революционеров. Конечно, и у большевиков имелись первоклассные подпольщики-конспираторы. Они

так же пытались разрабатывать новые шифры и имели свой собственный тяжелый опыт пренебрежения основами криптографии. И во всем этом нам еще предстоит тщательнейшим образом разбираться. Речь не об этом. Но очевидное игнорирование в нашей исторической литературе заслуг представителей других (не большевистских) политических течений антиисторично и делает из истории как науки только ее подобие, изымая из нее множество захватывающих страниц.

То же самое можно сказать не только о социал-демократах. Параллельно с марксистами в России действовали другие подпольные левые политические образования. Здесь укажем и целый ряд национальных партий, исповедующих различные политические взгляды – польские, финские, украинские, белорусские, литовские, латышские, армянские, грузинские организации. Впрочем, для нас они мало интересны. Но мимо одной из них пройти никак невозможно. Имеется в виду знаменитая Партия социалистов-революционеров (ПСР), прямая продолжательница дела «Народной Воли».

Глава третья

Партия социалистов-революционеров

В начале XX века резко обострившиеся классовые противоречия придали новый сильнейший толчок революционному движению в России. Ширилась не только социал-демократия. Свежее дыхание обрели многочисленные неонародовольческие кружки. Зашевелилась старая эмиграция. В конце 1901 года состоявшееся за границей совещание отдельных групп социалистов-революционеров учредило новую партию эсеров. У истоков ПСР с самого начала стояли ветераны народничества и народовольчества – Е. Брешковская, М. Гоц, М. Натансон, Н. Ракитников, Н. Чайковский, Н. Тютчев… Список этот можно продолжать и продолжать. Влияние старых народовольцев испытали на себе большинство молодых революционеров, ставших первыми эсерами и боевиками.

ПСР гремела в России в прямом и переносном смысле. Ряд удачных покушений на видных царских сановников до невероятных размеров подняли ее популярность. Это мало нравилось основным оппонентам эсеров – марксистам. А царская полиция направила на борьбу с террористическим кошмаром свои лучшие силы.

Все это привело к тому, что теоретическая и практическая деятельность партии эсеров получила сравнительно широкое освещение. Причем со всех точек политического спектра – от революционеров до деятелей царского сыска. Но о такой деликатной детали конспиративной деятельности эсеров, как их шифры, мы знаем очень и очень мало. Однако конспирация являлась общей наукой для всех нелегальных организаций России. И ясно, что изученные нами шифры социал-демократов имели такое же распространение среди эсеров. Ведь здесь действовали точные криптографические законы, а не правила политической борьбы.

Эту мысль подтверждают и редкие жандармские документы, имеющиеся в нашем распоряжении. Вот, к примеру, выдержка из доклада начальника Петербургского охранного отделения подполковника Кременецкого директору Департамента полиции Лопухину от 12 ноября 1903 года:

> «Вся конспиративная переписка партии эс-эров шифруется при помощи известного календаря Гатцука, издаваемого в Киеве… Ключом к переписке с Москвой и Харьковом служит имя *«Николай»*, с Екатеринославом – *«Огюст Кант»*, а заграничная переписка шифруется по 8-й книге за август сего года журнала «Мир Божий». Второму отделению при дешифровании заграничной переписки следует к проставленной на письме дате прибавить число 13, то есть разницу между старым и новым стилем, и полученное число укажет ту страницу в указанной книге, с которой начата шифровка…» (35).

Доклад Кременецкого не вызывает никаких вопросов – речь в нем идет о квадратных (или же гамбеттовских) и книжных ключах, традиционных для российского подполья.

Вот еще один пример. К партии эсеров близко стоял старый народоволец и издатель журнала «Былое» Владимир Бурцев. В качестве адепта террора он был под неусыпным контролем заграничной агентуры Департамента полиции. Возле него постоянно действовали осведомители. Например, некий Лев Бейтнер, бывший у Бурцева одно время чуть ли не личным секретарем. Возможно, через него, а может и через иные агентурные источники, жандармы многое знали о деятельности своего поднадзорного.

В 1914 году в журнале «Минувшее» (Париж) бывший охранник Л. Меньшиков опубликовал разоблачительную статью «Русский политический сыск за границей». На основе этой публикации видный марксист и журналист Л. Троцкий в том же году печатает свою работу: «Гартинг и Меньшиков». Она вышла уже в самой России – в газете «Киевская мысль». Через такую длинную цепь Париж-Киев мы узнаем сегодня о шифре В. Бурцева. Цитируем:

> «Департаменту [полиции – А.С.] известен был ключ шифра, который употреблялся всеми находившимися в конспиративных сношениях с Бурцевым. Шифр этот: *«И вот тебе, коршун, награда за жизнь воровскую твою»*. Происходило, следовательно, вот что: Бурцев писал черновик письма, заменяя буквы цифрами, подписывал фразу ключа, букву под буквой, подставляя и в ней цифры, слагая обе строки и посылая адресату цифры суммы. Получатель проводил ту же изнурительную работу в обратном порядке и таким образом выписывал фразу, которая в это время была уже доподлинно известна Департаменту, может быть даже по бурцевскому черновику» (36).

Ироничное изложение Троцким гамбеттовского шифра Бурцева просто восхитительно. Особенно любопытно его указание на «изнурительную работу». Дело в том, что Троцкий сам немало пользовался тем же самым «гамбеттом» и имел здесь собственный опыт.

Между прочим, и Бурцев, как опытный революционер, весьма интересовался тайнописью. Ему даже принадлежит находящаяся в материалах бывшего Центрального Партийного Архива (ныне – РЦХИДНИ, фонд В. Бурцева) статья «Из записной книжки русского революционера», посвященная шифрам подполья. К сожалению ничего более конкретного об этом интересном документе автору неизвестно.

И Кременецкий, и Меньшиков только подтверждают нам старые истины и не дают ничего нового. Однако у эсеров были и свои собственные нововведения. Об одном из них мы узнаем из письма главы Боевой организации Евно Азефа (он же по совместительству агент полиции «Виноградов») к старому народнику Николаю Чайковскому. Письмо датировано 1905 годом и адресовано в Лондон. Чайковский, как и Азеф, был членом Центрального комитета ПСР.

«О всяком предположительном транспорте сообщать раньше в Петербургский комитет по имеющемуся у вас адресу… Шифр – наш обычный.

27	22	17	12	7	31	26	21	16	11	6	30	25	20	15	10	5	29	19	14	9	4	28	23	24	18	13	8	3	0
а	е	к	п	ф	щ	б	ж	л	р	х	ы	в	з	м	с	ц	ю	и	н	т	ч	я	д	г	э	о	у	ш	–

Ключ: 3162» (37).

Если вникнуть в нумерацию букв, то становится очевидным, что она выполнена при помощи следующей таблички:

27	**22**	**17**	**12**	**07**	**31**
а	е	к	п	ф	щ
26	**21**	**16**	**11**	**06**	**30**
б	ж	л	р	х	ы
25	**20**	**15**	**10**	**05**	**29**
в	з	м	с	ц	ю
24	**19**	**14**	**09**	**04**	**28**
г	и	н	т	ч	я
23	**18**	**13**	**08**	**03**	**0**
д	й	о	у	ш	—

Здесь вписанные в 30-клеточный квадрат буквы алфавита (в его правильном виде вертикальными столбцами) пронумерованы в обратном порядке, начиная с буквы «Ш» (соответствует цифре 3). Оставшиеся в крайнем правом столбце литеры (щ, ы, ю, я) обозначены отдельно. Это несомненно так. Азеф в своем буквенном наборе сначала забыл вписать букву «Г» (= 24), а затем указал ее в конце списка. Приведенная же буква «Э», вероятно, является ошибкой и следует ее читать как «Й». Ведь табличка построена на основе «тюремной азбуки», и к ней добавлена лишь одна буква. Судя по нумерации и народовольческой традиции, это никак не «Э». Нулю в таблице нет буквенного соответствия. Роль его сводилась к разделению двузначных и однозначных цифр.

Рассположив буквы шифра в одну строку, мы получим более простую таблицу, являющуюся, по-сути, обычным ключом Цезаря:

27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	31	30	29	28	0
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ю	я	-

Приведенный Азефом числовой ключ так же легко поддается заучиванию. Максимальное число в таблице 31, которое при умножении на число групп в ключе (= 2) дает 62. Предположительно, процесс зашифровки мог выглядеть так:

Текст:	р 11	е 22	в 25	о 13	л 16	ю 29	ц 05	и 19	я 28
+ Ключ:	3	1	6	2	3	1	6	2	3
Шифр:	14	23	31	15	19	30	11	21	31

Здесь мы имеем образец самого настоящего двойного шифра. Может, именно такую систему пытался запечатлеть в романе «Андрей Кожухов» Степняк-Кравчинский. А бундовец П. Розенталь назвал ее «вторичным слитным шифром». Это

был один из наиболее стойких видов, употребляемых революционерами, среди всех периодических систем криптографии. Правда в данном случае представлен его простейший вариант. Таким образом двойные шифры прочно вошли в практику эсеровской партии. Недаром Азеф писал Чайковскому, что «шифр – наш обычный». А вот еще один пример (из опыта 1918 года!), взятый из переписки членов ЦК ПСР А. Альтовского и Н. Ракитникова: «Посылаю… два наших новых ключа, так как не помню, дал ли я их… перед отъездом… Для сношений с ЦК будем пользоваться этими ключами, а так же ключом ЦК (двойным - сложение)» (38). Аналогия с шифром из 1905 года очевидна.

Кроме шифров в эсеровской подпольной практике нашли широкое применение всевозможные виды кодов. Так, в конце 1906 года группа террористов Никитенко – Синявского – Наумова (осколок известного Боевого отряда при ЦК ПСР Льва Зильберберга) начала вынашивать планы покушений на императора Николая II, командующего Петербургским военным округом великого князя Николая Николаевича и председателя Совета министров Столыпина. С этой целью они попытались завербовать казака императорского конвоя Ратимова. Уклоняясь от непосредственного участия в теракте, он, однако, дал согласие телеграфно оповещать эсеров по данному ему адресу о времени прибытия в Царское село великого князя и премьер-министра. Для этого эсерами был выработан следующий код. В депеше всегда должно было стоять слово *«Приезжайте»*. *«Захворал»* – обозначало утренние часы, от 10 до 12; *«Заболел»* – вечерние, от 5 до 10 часов; *«Степан», «Дядя»* – Великий князь Николай Николаевич; *«Иван», «Отец»* – Столыпин. Таким образом, телеграмма: *«Приезжайте, заболел Иван»* обозначала, что премьер-министр приезжает к царю на доклад между 5 и 10 часами вечера.

Поглощенные своими планами, эсеры не догадывались, что Ратимов вел с ними двойную игру в интересах полиции. В результате этого дела в марте 1907 года было арестовано 28 эсеров, из которых трое руководителей группы подверглись смертной казни, а 15 подсудимых ушли в каторгу и ссылку. Представленная в громком судебном разбирательстве условная телеграмма Ратимова о предстоящей поездке к царю его дяди Николая Николаевича послужила одной из главных улик обвинения. Она была обнаружена при обыске террористов и инспирирована начальником Петербургского охранного отделения Герасимовым (39).

Теперь обратимся к воспоминаниям Виктора Чернова – одного из идеологов и руководителей ПСР. Он написал их в эмиграции, где кончил свои дни в 1952 году. Чернов стоял у истоков эсеровской партии, прожил бурную жизнь и был прикосновенен к важнейшим тайнам своей эпохи. И его мемуары – важный документ истории.

> «Для связи с русскими товарищами у нас были шифры и код, а кроме того условные краткие сообщения почтовыми открытками. Свой особый условный смысл имели трафаретные приветствия, лучше всего печатные, ко дню рождения, именин, вступления в брак и т.д. Тут разгадать что-либо был бессилен и сам «Черный кабинет»… Текст открыток совсем не имел никакого значения; иллюстрация, изображавшая, например, мужские фигуры, означала успешный ход работы, женские фигуры – трудности и неудачи» (40).

Эти воспоминания Чернова относятся к деятельности центральной Боевой Организации, руководимой Евно Азефом и Борисом Савинковым. Действующая совершенно самостоятельно и изолированно, в глубокой тайне, она контактировала исключительно с заграничным центром эсеровской партии, который возглавлял старый народоволец Михаил Гоц. Переписка была редкой. Все обставлялось самой тщательной конспирацией.

Особо важные письма отправлялись в Россию надежными курьерами в легальных книгах и журналах, где химией и шифром вписывался секретный текст. Одним из таких курьеров стал известный в последствии эсер Владимир Зензинов. Именно он в 1904 году, в момент охоты боевиков за министром внутренних дел В. Плеве, привез из Женевы в Москву для руководителя Боевой Организации Азефа очень важное письмо от М. Гоца, о чем Зензинов рассказал в своих воспоминаниях. Из них нам интересен также следующий фрагмент: «Ничего компрометирующего у меня никогда не было; все свои адреса и нужные свидания я записывал мнемонически — замечательный метод, которому меня в свое время научил Михаил Рафаилович [Гоц – А.С.]. Хорошо записанный мнемоническим способом адрес невозможно расшифровать другому — его неудобство заключается лишь в том, что иногда сам забываешь, что сам с собой условился связывать в памяти с тем или другим словом, поэтому сделанные записи необходимо время от времени перечитывать» (40). Здесь мы видим все тот же народовольческий способ опорных слов, о котором в своих мемуарах писал Борис Оржих.

Стоявший во главе БО Евно Азеф, долгие годы сотрудничал с полицией. И он не мог не понимать, что совершенно случайная перлюстрация и расшифровка переписки боевиков могла сразу выявить его двойную игру с полицией и революционерами. Провокатор обманывал и тех и других. Его хозяева в Департаменте полиции даже не подозревали, что он лично курирует БО. Так что возможно сам Азеф развивал подобную секретную переписку. Помимо всего прочего, он гарантировал себя от опасного провала.

Но все это только догадки автора. К сожалению, о реальностях шифрованной переписки эсеров, меньшевиков, бундистов, рабочедельцев и т.п. мы судим лишь по их брошюрам, мемуарам, редким письмам, полицейским документам. И только в случае большевистского крыла РСДРП ученые располагают огромным опубликованным архивом. Его тщательной разработке посвящена третья часть нашей книги.

Но предварительно нужно обратиться еще к одной теме – деятельности дешифровального бюро Департамента полиции, опыта которого справедливо опасался Павел Розенталь.

Глава четвертая

Делопроизводитель Иван Зыбин

Работа криптологов Департамента полиции на всем протяжении революционной истории России была вполне ощутима. Но стоит напомнить, что первоначально службы этой в структуре III отделения не было. Ведь еще в эпоху «хождения в народ» в начале 70-х годов XIX века разбор революционных криптограмм проводили соответствующие специалисты МИДа или же просто любители этого дела. Но рост революционного движения, все возрастающий объем перехваченной конспиративной переписки, важность ее дешифровки для улучшения сыска – все это заставило думать о создании специализированного бюро при самом Департаменте полиции. 1 января 1898 года в его структуре начал действовать Особый Отдел, где был сосредоточен весь политический розыск и преследование революционеров. Его специальное отделение целенаправленно стало заниматься изучением перехваченных шифрованных писем подполья.

Успехи дешифровальной службы Департамента полиции напрямую связаны с деятельностью легендарного русского криптолога Ивана Александровича Зыбина. Родился он в 1865 году и в августе 1887 года в качестве рядового чиновника для письма поступил на службу в Департамент полиции.

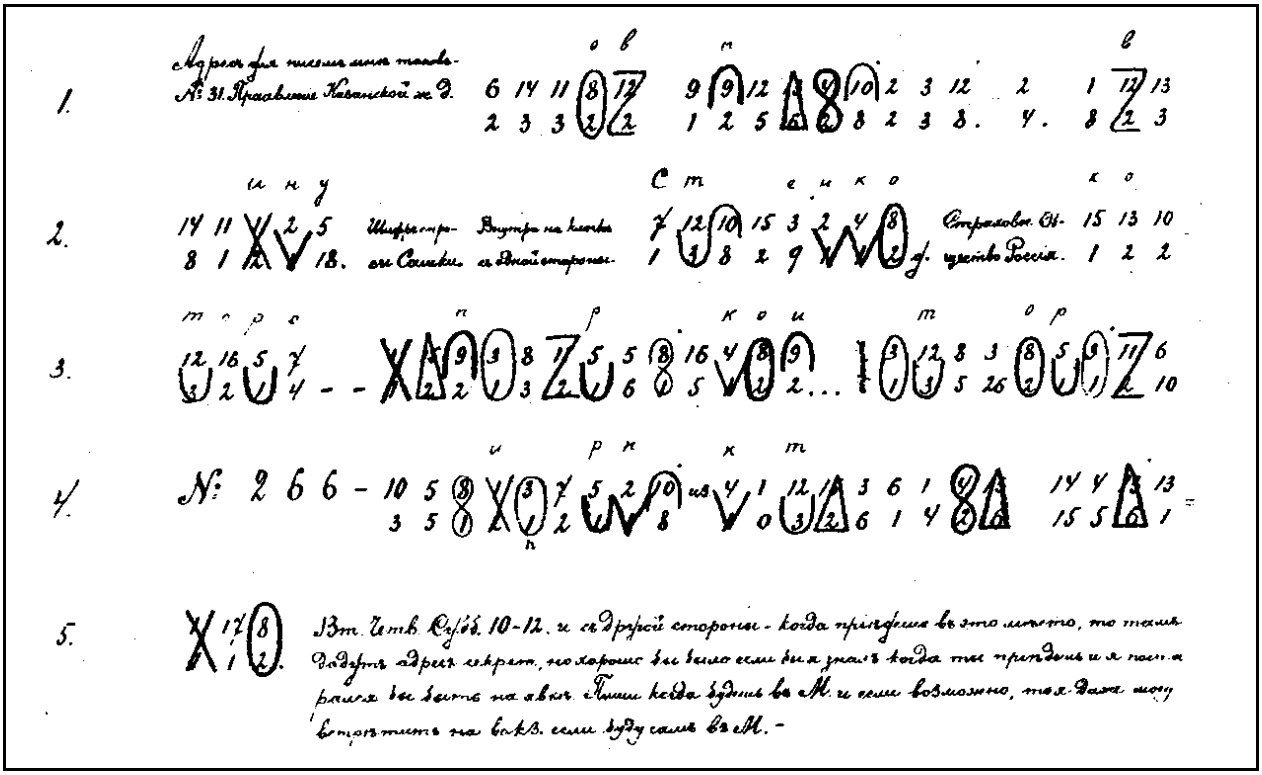
Имея за плечами лишь курс СПб. классической гимназии, благодаря своему исключительному таланту и трудолюбию, Зыбин к моменту образования Особого Отдела становится ведущим криптологом Департамента. В его документах (1902 год) он именовался «старшим помощником делопроизводителя». Высокий, худой брюнет с длинными волосами, расчесанными на пробор, с совершенно желтым лицом, с живым и проницательным взглядом – таким запомнили Зыбина современники. Историк Т. А. Соболева писала о нем:

> «Работая в области дешифрования переписки революционного подполья, он накопил огромный теоретический и практический опыт. Являясь от природы личностью высокоодаренной, обладая прекрасной памятью, Зыбин к тому же был высоко образован, что позволяло ему получать сведения о шифрах не чисто научно-аналитическим способом, а с помощью косвенных сведений. Именно Зыбин ввел в практику полицейских, производивших арест или обыск революционеров, обычай тщательно искать среди имевшихся у них книг именно те, которые могли представлять интерес для дешифровальщика» (41).

В Департаменте полиции разработкой перлюстрационной переписки занималось несколько сотрудников. Но на самой дешифровке «сидело» всего двое – И. А. Зыбин и его ученик С. И. Жабчинский (выпускник СПб. университета). Для сравнения скажем, что в Цифирном комитете МИДа, возглавляемом В. В. Сабаниным, в тот же период работало семь человек. Между тем, объем работы стремительно возрастал. Если в конце XIX века «черные кабинеты» по всей России перехватывали по 150 – 200 конспиративных писем в год, то, начиная с 1901 года, эта цифра увеличилась на порядок – 2,5 тысячи! А в 1910-х годах она подскочила до 4 – 5 тысяч ежегодно!!! И речь здесь идет только о химических шифрованных письмах революционеров. Это была целая лавина, с которой едва успевали справляться чиновники (42).

Уже в своей докладной записке от 22 мая 1903 года директору Департамента полиции Лопухину Зыбин писал, что разрабатывать шифрованные документы с каждым годом становится все труднее по ряду причин. Во-первых, как он мог наблюдать, за последние два года, то есть с 1901 по 1903 год, их количество стало огромным; во-вторых, сравнительно легкие приемы шифрования текста, где ключом служит какое-нибудь слово или стихотворение, постепенно оставляются и «более опытные революционные деятели (группа «Искра» и др.) пользуются для переписки в настоящее время или двойными ключами, или страницами малоизвестных книг и брошюр, избирая для каждого отдельного корреспондента отдельную книгу и избегая повторения страниц, что крайне осложняет работу» (43). Для успешного разбора криптограмм нередко требовалось наличие в распоряжении полицейских дешифровщиков не менее 3 – 5 текстов из одного и того же пункта, перекрытых единым ключом. Тем самым еще более усиливалась роль «черных кабинетов» в регулярном перехвате революционной переписки.

Любопытны условия работы криптологов. Так Зыбин предпочитал заниматься дешифровкой у себя дома, иногда сутками просиживая за любимым занятием. В Департаменте полиции царила сутолока и неразбериха, мешающая ему сосредоточиться.



2. Автограф И.А.Зыбина.

Первое литературное упоминание о Зыбине мы находим в записках о деятельности «черных кабинетов» бывшего сотрудника Департамента полиции Михаила Бакая:

«Если встречались письма с шифром, то они расшифровывались специалистом этого дела чиновником Департамента полиции И. А. Зыбиным, который в дешифровке дошел до виртуозности, и только в редких случаях ему не удавалось этого сделать. Зыбин считается единственным своего рода специалистом в этой области, и он даже читает лекции о шифровке и дешифровке на курсах для офицеров, поступающих в отдельный корпус жандармов… Для Зыбина важно уловить систему ключа, тогда для него не составляет труда подобрать соответствующее значение для букв или цифр… Пользуясь случаем, я обратился к Зыбину с просьбой ознакомить меня со способом разбора шифров и на это получил указание, что письмо с шифрами заранее известных ключей дешифруется очень легко, при этом он мне указал на некоторые ключи революционных организаций, полученные при посредстве провокаторов» (44).

Эти строки появились в знаменитом журнале «Былое» за 1908 год, редактируемом Бурцевым. Судьба автора заметок прелюбопытна. Бывший секретный сотрудник охранки среди екатеринославских подпольщиков, Бакай в декабре 1902 года открыто становится чиновником Департамента полиции, а через некоторое время направляется сотрудником в Варшавское охранное отделение. Работа в «охранке» открывает ему глаза на всю грязь в деятельности этого учреждения, а революция 1905 года ускорила его обратный дрейф в сторону революционеров. Весной 1906 года Михаил Бакай явился к Бурцеву в его петербургскую редакцию и с этих пор он стал неутомимым помощником в раскрытии тайн полиции и ее секретной агентуры. Именно с информации Бакая началось скандальное разоблачение Азефа. Надо полагать, что воспоминания из «Былого» относятся к 1903 году, когда их автор начинал служить внештатным чиновником при Департаменте полиции в Петербурге.

Другой крупный жандарм, глава московского охранного отделения генерал Заварзин в своих заграничных мемуарах вспоминал о Зыбине еще более красноречиво:

> «Простые шифры он разбирал с первого взгляда, зато более сложные приводили его в состояние, подобное аффекту, которое длилось, пока ему не удавалось расшифровать документ».

Летом 1911 года Зыбин прибыл из Петербурга в Москву для работы с одним из перехваченных революционных шифрованных писем. Успев только поздороваться с Заварзиным, он тут же попросил показать ему письмо. Заварзин уступил столичному гостю свой кабинет и Зыбин с головой ушел в разбор депеши, зашифрованной дробными числами. Когда Заварзин вернулся, чтобы пригласить гостя на обед, ему пришлось дважды обращаться к Зыбину – тот его просто не слышал. За обеденным столом он продолжал удивлять присутствующих. Доев суп, Зыбин тут же перевернул тарелку и попытался писать по ней. Но так как карандаш на фарфоровой тарелке не был виден, он начал писать на манжетах, не обращая ни на кого внимания, и забыв, где находится. Вдруг Зыбин вскочил со стула и закричал: «Тише едешь –

дальше будешь!» После этого он спокойно уселся обратно, не торопясь, закончил обед и объяснил оторопевшему Заварзину, что четырехкратное повторение в письме буквы «Ш» дали ему ключ к квадратному шифру террористов. Выкрикнутая им фраза и была нужным ключом (45).

Таким странным и чудаковатым предстает перед нами этот выдающийся человек. Между тем, он не был просто «эксцентричным криптологом». Иван Александрович Зыбин кончил службу в Департаменте полиции в 1916 году (в самый разгар Первой мировой войны) в звании делопроизводителя. Т. А. Соболева поместила в своей книге еще один важный документ – докладную записку неизвестного чиновника директору Департамента полиции Белецкому за январь 1916 года:

> «Ваше Превосходительство! Вы удивляетесь, что секреты ДП являются достоянием публики, а дело очень просто: находящиеся на службе в ДП писцы и чиновники постыдным образом продают эти тайны. Удачно удален Зыбин…» (46).

Выгнанный из Департамента полиции якобы за разглашение его тайн, Зыбин после революции 17 года долгое время был не удел, устроившись простым писарем на одной из станций Мурманской железной дороги. Лишь после Гражданской войны о нем вспоминают новые власти и он становится штатным сотрудником криптографической службы ОГПУ. Еще долгие годы он успешно работал в знаменитом ныне Спецотделе, помогая создавать уже советскую школу криптологов. Перед молодыми сотрудниками он не боялся рассказать, что в свое время дешифровал некоторые письма Ленина! Впрочем, дело это было не очень сложное…

И. А. Зыбин, обладая исключительными способностями, так и не сделал блестящей чиновничьей карьеры. У него имелись непростые повороты в судьбе. Но он не эмигрировал за границу в разгаре Гражданской войны (как это сделали некоторые его коллеги), не примкнул к многочисленным контрреволюционным заговорам и к Белому движению, не торговал самыми важными секретами родины (именно ими являются государственные шифры). Он просто всегда занимался своим любимым делом. И в этом смысле был по-своему счастлив. Гений и чудак. Наверное, таким же по характеру и душевному складу был народоволец Лев Златопольский! Стоящие на разных политических полюсах – чиновник Департамента полиции и революционер-террорист – неожиданно оказались очень похожи. И, конечно, не случайно. Об этом стоит задуматься. Ведь биография выдающегося русского криптолога Зыбина еще ждет своего исследователя.

Часть третья

Ленинское крыло РСДРП

Глава первая

Владимир Ильич Ленин как зеркало русской революции

Коротка и до последних мгновений
Нам известна жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь товарища Ленина
Надо писать и описывать заново.

Эти замечательные строки поэта Владимира Маяковского ничуть не потеряли сегодня своего значения. Казалось бы о Ленине мы знаем все! Однако многое в его жизни предстоит переосмыслить вновь. Отношение к этому политическому деятелю России всегда было очень конъюнктурное. В конечном счете, у каждого из нас есть свое собственное мнение о нем. Все зависит от политического момента, личного благополучия, образования, социальной принадлежности, воспитания, возраста … Самые разные причины влияют на наше отношение к основателю Советского государства.

В. Ульянов (Ленин)

Теперь ясно, что большинство представлений Ленина о ходе исторического процесса не подтвердились. Это правда. Но в чем ему никто и никогда не отказывал, так это в его организаторских качествах. Даже после всех «разоблачений» вождя мирового пролетариата в этом никто не усомнился. Может быть, Г. Плеханов, Ю. Мартов, П. Струве, А. Потресов, М. Туган-Барановский, А. Богданов глубже понимали марксизм… Но ни один из этих блестящих умов России не смог стать государственным деятелем масштаба В. Ленина.

Задача не в том, чтобы объяснить мир, а в том, чтобы его изменить… Эту мысль Карла Маркса только Ленин сумел реально осуществить на практике. И в этом его величие, его трагизм и загадка. Проходят годы, десятилетия. Но интерес к этому человеку вряд ли потускнеет. К сожалению в нашем не стабильном обществе и отношение к Ленину адекватное. Но обязательно наступит момент, когда улягутся политические бури, и Россия спокойно сможет оценить свою непростую историю. Это будет нескоро. Но время это придет обязательно. И сегодня мы не должны растерять знания о нашем прошлом, которые были приобретены несколькими поколениями историков.

Начиная с 1920-х годов в стране были затрачены колоссальные интеллектуальные и материальные усилия по поиску новых данных о жизни и политической деятельности Владимира Ленина. Государство не жалело на это средств. Историки и исследователи «перелопачивали» отечественные и зарубежные архивы, делая параллельно другие любопытные находки. Упорство и энтузиазм оказались не напрасными. Если вдуматься, то станет очевидным – Владимир Ильич Ульянов (Ленин) является единственным и уникальным политиком России, о котором мы знаем максимально много – и плохого, и хорошего.

Сразу после его смерти был создан специальный Институт Ленина – прообраз будущего института Марксизма-Ленинизма. Каждая уцелевшая бумажка, вышедшая из-под пера вождя, бережно сохранена, каждое слово его зафиксировано. Десятки воспоминаний о нем его товарищей, учеников, политических противников и совершенно посторонних людей ныне опубликованы… Все это представляет из себя такую «кашу», которую очень непросто переварить. И наша проблема восприятия Ленина состоит в том, что его лакированный (или же наоборот – чересчур очерненный) портрет мало соответствует тем документам, которые так тщательно берег в своих бронированных сейфах Центральный партийный архив при институте Марксизма-Ленинизма.

Это противоречие с годами неминуемо сгладится, и только тогда мы сможем по заслугам оценить труд скромных историков, архивистов, исследователей сохранивших эти документы. Они прекрасно понимали их взрывную силу. Но зажатые десятками инструкций, опекаемые компетентными органами, являясь носителями важнейших партийных тайн, ученые, тем не менее, при малейшей возможности публиковали ленинские материалы. Пусть обставлялось все часто пустопорожней политической трескотней. Но это были правила игры прошедших десятилетий, и по-другому вести себя было немыслимо. Благодаря

усилиям историков мы располагаем ныне целым рядом уникальнейших изданий документов по деятельности Ленина, руководимых им партийных учреждений, его соратников и даже его врагов.

Особенно это все касается ранней истории Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Период этот очерчен десятилетием 1895 – 1905 годов: временем вступления молодого Владимира Ульянова в активную революционную деятельность и эпохой Первой русской революции. Видный большевик П. Лепешинский назвал упомянутое десятилетие самым красочным за весь его немалый подпольный период жизни революционера. Под такими словами могли бы подписаться десятки и десятки других большевиков. И, очевидно, сам Ленин. Это была их молодость, время подпольной романтики, время создания их партии, эпоха несбывшихся надежд и горьких разочарований.

Подпишемся под этими словами и мы. Даже сейчас, через сто лет после тех событий, история создания РСДРП и ее первых шагов воспринимается не иначе, как лихо закрученный захватывающий политический детектив. И как у каждого детектива в нем немало тайн. Одна из них – большевистские шифры. Здесь мы имеем совершенно уникальную возможность шаг за шагом проследить всю историю «партийной криптографии». И сделать это не только на основе революционных мемуаров (кстати, сведений о шифрах в них удивительно мало), а на материалах гораздо более интересных и, главное, обширных – тщательно сохраненных и опубликованных письмах самого Ленина и его соратников.

К столетию со дня рождения Ленина в Центральном партийном архиве при институте Марксизма-Ленинизма (ЦПА – так и будем его в дальнейшем называть, хотя ныне он имеет совсем другое название (1)) был задуман и начал реализовываться грандиозный издательский проект. Из архивов института и других государственных документальных хранилищ (в первую очередь ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской Революции – с 1991 года Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)) были извлечены, тщательно изучены и опубликованы в хронологическом порядке все сохранившиеся фонды переписки большевистских организаций РСДРП. К юбилею Ленина в 1969 – 1970 годах вышел трехтомник «Переписки редакции газеты «Искра»», а затем на протяжении следующих двадцати лет том за томом выходили очередные сборники. Тираж их при этом значительно колебался (от 35 тысяч первых книг до 5 тысяч последней). В перспективе публикаторы издания планировали дойти до 1917 года – последнего в подпольной деятельности большевизма. Но жизнь внесла свои коррективы. Работа над каждым сборником документов требовала огромной предварительной черновой работы. И занимала по два – четыре года. Реально подготовители «Переписки» вышли только на осень 1905 года, фактически завершив «самое красочное десятилетие» русского революционного движения. Дальше продолжения не было.

В 1991 году Советский Союз, основанный когда-то Лениным, перестал существовать. И ученые не успели даже издать готовый к печати последний том, включающий переписку революционеров за октябрь-декабрь 1905 года (впрочем, криптографические тексты в нем полностью отсутствуют). Указанный сборник так и остался в виде второй корректуры в архивах ЦПА. В России началась новая демократическая эпоха…

Тем не менее подготовителям этой серии документов удалось главное. Теперь мы имеем возможность сами изучать все многочисленные большевистские криптограммы, которые с большой тщательностью воспроизвели архивисты. Таких писем сотни. К большинству из них удалось подобрать соответствующие шифрключи, некоторые до конца расшифровать. Но около трех десятков криптограмм так до сих пор и не разобрано, не подобран целый ряд ключей к прочитанным шифрам. Это обстоятельство дает возможность включиться и другим исследователям в расшифровку переписки революционеров – занятие поучительное и захватывающее.

Публикация всех томов «Переписки Ленина и руководимых им учреждений…» осуществлялась группой известных советских архивистов – Владлена Николаевича Степанова, Зои Николаевны Тихоновой (оба представляли ЦПА) и Клары Георгиевны Ляшенко (сотрудница ЦГАОР). Конечно, в разные годы им помогали другие специалисты. Но именно эти три историка вынесли за двадцать лет всю тяжесть издания от начала до конца. Лучшие годы их жизни были отданы этому выдающемуся «проекту». И просто невозможно здесь не помянуть их добрым словом. Особенно стоит выделить В. Н. Степанова. Он был бессменным руководителем группы подготовителей, одним из постоянных редакторов сборника и удачливым дешифровщиком многих ранее не разобранных криптограмм большевиков. Всего Степанову удалось прочесть 35 писем искровского периода и 18 последующего большевистского (2). Правда, значительная часть их оказались «закрыта» одинаковыми шифрключами.

Кроме указанных сборников «Переписки» на протяжении десятилетий в разных журналах и книгах были опубликованы ряд других важнейших документов. Большинство из них увидели свет благодаря все тому же В. Н. Степанову. Таким образом, в течение многих лет после Октябрьской революции советскими историками закладывался фундамент настоящего исследования. Публикуя революционные криптограммы, архивисты преследовали совершенно конкретные цели. В 1980 году группа подготовителей «Переписки» высказались на эту тему:

З. Н. Тихонова – «Нерасшифрованные части писем остаются в тексте, давая возможность специалистам провести дополнительные попытки к их прочтению».

К. Г. Ляшенко – «При передаче текста писем впервые воспроизведен цифровой шифр… Это дает материал для исследователей, которые, возможно, заинтересуются способами шифровки и сумеют расшифровать строки писем, оставшиеся непрочтенными» (3).

Но, как не странно, за годы, прошедшие после издания первых томов «Переписки», так никто серьезно и не занялся этим вопросом. Только один из исследователей – московский историк Юрий Стефанович Уральский – попытался осветить искровский период большевистской партии. Но попытку эту следует признать не совсем удачной. В 1988 году вышла его монография «Пароль: «От Петрова»», посвященная постановке конспирации в искровской организации. Книга явилась одним из последних крупных исследований организации «Искра» за весь советский период. Изобилие серьезных ошибок в рассмотрении шифров революционеров дает наглядное представление об уровне проработки криптографической темы в официальной исторической литературе конца 1980-х годов – кануна новой российской эпохи.

Таким образом, даже шифрпереписка искровцев не нашла своего достойного исследователя среди сотен официальных историков КПСС. И своей книгой я надеюсь, наконец, прояснить этот важный вопрос истории Российской социал-демократической партии. Так получилось, что еще ничего не зная о пожеланиях Тихоновой и Ляшенко из 1980 года, автор именно с этого момента вплотную приступил к разбору опубликованных историками большевистских криптограмм. И эта книга – итог многолетних исканий, находок и размышлений.

Партийными историками непрерывный процесс создания и развития РСДРП был искусственно поделен на этапы согласно периодизации, сделанной еще самим Лениным. Отдельно изучались и различные годы жизни вождя. Большинство историков специализировалось на своей узкой выбранной теме: Петербургский «Союз борьбы», сибирская ссылка, издание газеты «Искра», второй и третий съезды РСДРП и т.п. Конечно, это имело свой смысл, но только не в нашем случае. При изучении такой темы, как шифры революционеров требуется рассмотрение документов в комплексе. И выбор для исследования периода эпохи Первой русской революции обусловлен не только тем, что публикация «Переписки» хронологически оборвалась 1905 годом. Нет! Просто все эти годы связаны для революционеров неразрывной цепью событий, общими историческими персонажами, едиными шифрами.

Изданная переписка подпольщиков за все эти годы представляет из себя фактически одно целое. И в этом огромная историческая ценность издания. Исследователи получили возможность день за днем проследить всю сложность внутреннего развития РСДРП, взглянуть на происходившие события глазами самих революционеров в момент их свершения, а не десятилетиями спустя. Поэтому публикация «Переписки» являлась уникальнейшим случаем не только в истории политических партий России, но и во всей мировой практике. И очень жаль, что это замечательное издание со временем становится все менее и менее доступным и известным. На его страницах мы встречаем не только деятелей большевизма (в современном понимании фракционного деления РСДРП), но и Плеханова, Мартова, Потресова, Богданова, Троцкого и других менее крупных революционеров, бывших в свое время правоверными искровцами и большевиками. И изучение шифров революционеров по материалам томов «Переписки» дает нам возможность прояснить взгляды этого круга лиц на проблемы шифробеспечения созданных ими впоследствии своих собственных фракций в рамках единой РСДРП. А это представляется важным для дальнейшего изучения существующих архивов других ветвей социал-демократической партии.

В материалах «Переписки» приводится громадное число различных ключей к шифрам подполья (главным образом, стихотворных). Но я в своем исследовании буду обращаться к ним минимально. В первую очередь нас интересуют ключи к реальным шифрфрагментам сохранившейся и опубликованной переписки. А они-то, как не печально, зачастую не нашли своего отражения в дошедших до нас документах. Поэтому, эта часть книги, как и две предыдущих, максимально насыщена новой, впервые вводимой в научный оборот, информацией. И при отсутствии в тексте ссылок на литературные источники надо понимать, что их нет вовсе. А приводимые исторические данные прямо получены на основе непосредственного изучения революционных криптограмм.

Глава вторая

«Союз борьбы» и сибирская ссылка

1893 – 1900 годы

31 августа 1893 года в столицу Российской империи из провинциальной Самары прибыл никому не известный начинающий адвокат Владимир Ильич Ульянов. Полицейский чиновник, зафиксировав этот факт негласного надзора, никак не мог предположить, что составленный им документ о регистрации совершенно заурядного события, через двадцать лет будет извлечен из старых архивов и войдет в историю современной России.

Да и сам Владимир Ульянов вряд ли мог знать свою грандиозную судьбу. Но уже тогда он решил, что станет профессиональным революционером. Политическая история страны насчитывает тысячи имен, но только ему, Ульянову, суждено было стать главным ниспровергателем самодержавия и основателем нового государства. На это потребовалось всего двадцать пять лет…

Владимир Ульянов бывал в Петербурге и раньше. Здесь он окончил экстерном университет, здесь похоронил любимую сестру Ольгу. Здесь еще свежи были воспоминания о казни в мае 1887 года его родного брата Александра – героя второго первого марта России.

Но сейчас Владимир прибыл в столицу надолго. Еще будучи в Самаре он решил для себя все теоретические вопросы и знал главное – только создание марксистской партии могло вывести российское революционное движение на новые рельсы своего развития. Через два года за Ульяновым захлопнется дверь одиночной камеры. А пока он не предвидел даже этого…

Почти сразу Ульянов сошелся с небольшим кружком студентов-технологов – осколком разгромленных немногим раньше марксистских кружков Петербурга. Это была типичная для столицы группка молодежи, исповедующая входящие в моду социал-демократические взгляды. Кружок, главным образом, занимался пропагандистской работой среди рабочих Петербурга. И усилиями его лидера Степана Радченко был сильно озабочен конспирацией. В. Ульянов очень скоро стал для кружковцев ближайшим товарищем и руководителем. Существуют десятки свидетельств современников о петербургском периоде Ульянова-Ленина, о его роли в марксистском подполье столицы. Для нас интересны, например, следующие фрагменты воспоминаний будущей жены Ульянова Надежды Крупской:

> «Из всей нашей группы Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпиков, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку «Дворник»» (4).

Действительно, Владимир Ульянов очень рано стал интересоваться вопросами революционной конспирации. Уже в Самаре он завел тесные знакомства с проживающей там колонией бывших народников и народовольцев. Из воспоминаний сестры Ленина Анны Ульяновой-Елизаровой:

> «Чаще других видался Владимир Ильич… с супругами Ливановыми, представляющими собой типичных народовольцев, очень цельных и идейных… Умея брать отовсюду лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других народовольцев, – он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народовольцев» (5).

А. Ливанов

Александр Иванович Ливанов и его жена Виктория Юлиановна Виттен были в прошлом известными революционерами. Ливанов судился по процессу 193-х пропагандистов, а Виттен привлекалась в 1878 году по делу вооруженного сопротивления при аресте Ивана Ковальского в Одессе. Супругам было, что вспомнить за годы своей бурной молодости. Ливанов отбыл восьмилетнюю каторгу и в конце 1880-х годов прибыл с женой в Самару прямо из сибирской ссылки. Он был чутким, деликатным человеком, любил и умел общаться с молодежью и, очевидно, многими своими знаниями подпольного существования Владимир Ульянов был обязан именно Ливанову и его супруге.

Ясно также, что и о применяющихся в революционной среде системах шифрования уже тогда Ульянов имел четкое представление. Ведь они были неотъемлемой частью конспиративной науки. И конечно, речь шла, в первую очередь, о квадратных и гамбеттовских шифрах, как самых ходовых в народовольческой среде. Разумеется, это только предположение, но по-другому быть просто не могло.

Зная очень много о петербургском периоде жизни Владимира Ульянова, о деятельности его нелегального кружка, мы, к сожалению, абсолютно ничего не можем сказать о действующих среди кружковцев шифрах. А они были! Так, в январе 1894 года «технологи» познакомились с Сергеем Шестерниным, работавшим в то время городским судьей в Иваново-Вознесенске. Много позже последний вспоминал:

> «В результате моих бесед с членами кружка было установлено, что я буду связывающим звеном между питерским кружком и ивановцами. Кружковцы дали мне шифр для сношения с ними…» (6).

Итак, Шестернин пишет, что уже в 1894 году получил шифр от кружка технологов. Но такой важный и обстоятельный мемуарист, как Михаил Сильвин и супруга Ленина Надежда Крупская оставили совсем другие воспоминания. По их словам, только к весне 1895 года, перед отъездом В. Ульянова за границу, кружковцы всерьез занялись изучением существующих методов конспиративной переписки. В начале апреля Ленин провел совещание петербургской марксистской группы. Оно происходило на квартире Сильвина в Царском Селе. Лишь тогда среди «технологов» вплотную встал вопрос об усилении конспирации. Послушаем самого Сильвина:

> «У меня съехались товарищи, и Владимир Ильич… наметил дальнейший план работы и разделение функций между нами на случай ареста… Владимир Ильич особо настаивал на соблюдении элементарных правил конспирации… Он учил писать молоком между строчек, точками в книгах… Все… сообщили здесь данные о своих связях… Надежда Константиновна, уже тогда выполнявшая главную работу… по секретной части, тут же наскоро зашифровала все это» (7).

Слова Сильвина подтверждает и Крупская:

> «Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки» (8).

Очевидно, что воспоминания Шестернина с одной стороны, и Сильвина с Крупской с другой хронологически плохо стыкуются. Так же ясно, что петербургский кружок технологов не представлял в 1893 – 1894 годах четкой революционной структуры, как, впрочем, и все другие марксистские группы столицы. Неясна так же роль Степана Радченко. В воспоминаниях социал-демократов он остался образцовым подпольщиком, хранителем революционных традиций. Но конспиративным образованием товарищей занялся В.Ульянов и почему-то только через полтора года после вступления в кружок. Вообще, воспоминания – вещь очень не надежная, часто тенденциозная (особенно в отношении самого Ленина!) и обращаться к ним следует лишь при отсутствии других свидетельств. Здесь именно такой случай. Абсолютно ничего мы не найдем о действующих шифрах группы Радченко-Ульянова ни в мемуарах, ни в полицейских документах, ни в многочисленных исторических исследованиях на всем протяжении XX века. А между тем здесь есть, что сказать. Но предварительно осветим более подробно петербургское социал-демократическое подполье начала 1890-х годов.

Весной 1892 года произошел полицейский разгром крупной группы Михаила Бруснева. Но и после этого крушения в столице остались нетронутыми несколько разрозненных марксистских кружков, которые, не сливаясь друг с другом, продолжали действовать и соприкасаться. Помимо кружка технологов речь идет о группах Юлия Цедербаума (Мартова), Константина Тахтарева и Иллариона Чернышева.

Петербургские марксисты испытывали на себе огромное идейное влияние группы «Освобождение труда». Летом 1892 года с Плехановым установил первые связи Александр Потресов, близкий к так называемым «легальным марксистам» (Петр Струве и Михаил Туган-Барановский). Легальный марксизм входил в те годы в большую моду и Владимир Ульянов очень близко общался с членами кружка Струве, понимая всю важность союза с ним для борьбы с идейным влиянием народничества.

Через виленских социал-демократов в Петербург начала регулярно поступать нелегальная марксистская литература, издаваемая заграничным «Союзом русских социал-демократов».

Петербургские кружки постепенно подошли в своем развитии к новой неизбежной стадии. Уже к началу 1895 года стала очевидной настоятельная задача объединения их в единую крупную организацию. Владимир Ульянов, к этому времени признанный лидер узкого кружка технологов, вполне понимал свою роль в этом объединительном процессе. Но другие кружки еще мало видели в нем своего будущего вождя. Видимо тогда Владимир Ильич понял, что для продолжения успешной «революционной карьеры» ему требуется личный контакт с группой «Освобождение труда» и непосредственно с Г. Плехановым. Решение о поездке в Швейцарию совпало с дискуссией, развернутой виленскими социал-демократами, о соотношении агитации и пропаганды среди рабочих. В феврале 1895 года в Петербурге состоялось

совещание руководителей кружков столицы, Москвы, Киева и Вильно. На этой встрече была подтверждена необходимость незамедлительного прямого контакта с Плехановым и его группой. Вообще говоря такая связь уже существовала. В Берлине находилась транспортная группа Исайя Айзенштадта и Вильгельма Бухгольца, тесно связанная с П. Аксельродом и виленскими марксистскими кружками. С Вильно же имели прочные контакты петербуржцы – главным образом, через членов группы Ю. Цедербаума. С Плехановым теснейшим образом общались и легальные марксисты в лице А. Потресова.

Но все эти взаимоотношения с заграничным кумиром В. Ульянова шли через посредников и никак его не устраивали. Пришла пора личного выхода молодого революционера непосредственно на идейных основоположенников русского марксизма.

Из полицейского донесения от 27 мая 1895 года:

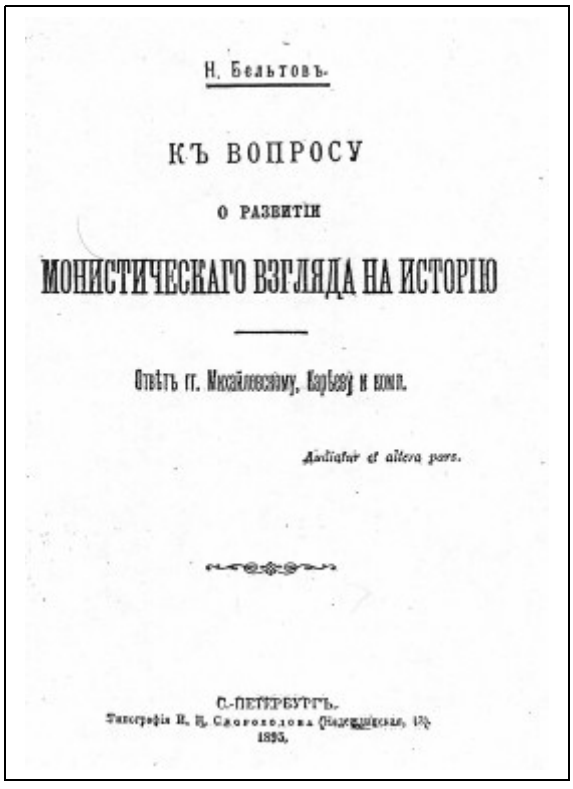
> «Брат казненного государственного преступника Александра Ульянова… стоит во главе кружка, занимающегося пропагандой среди рабочих, и в интересах этого кружка, для приобретения революционных связей, 25 минувшего апреля выбыл за границу» (9).

Владимир Ульянов ехал на встречу с Георгием Плехановым. Его влияние на начинающего марксиста было огромным. Он воспитывался на его трудах. Позднее, в 1900 году, в своих известных заметках «Как чуть не потухла «Искра»» Ленин написал:

«Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением». В багаже Владимира Ульянова наверняка лежала книга некоего Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Под этим псевдонимом и ученым названием скрывалась выдающаяся работа Плеханова, незадолго до этого вышедшая в Петербурге. Бывший товарищ Ленина А. Потресов (а позднее его непримиримый идеологический противник) в 1927 году оставил воспоминания, очень важные для нас. Он познакомился с молодым Ульяновым во время рождественских каникул 94-95 годов XIX столетия на одной из сходок марксистов Петербурга. Цитируем:

> «На собрании, о котором идет речь, Ленин реферировал о литературно-политических новинках того дня, о первых легально напечатанных в самой России и ставших для всех доступными марксистских изданиях. За несколько месяцев перед тем вышла книга П. Струве… А чуть ли не за несколько дней до занимающего нас собрания мне удалось выпустить в свет, под псевдонимом Бельтова, книгу Плеханова, …давшую огромный, решительный толчок распространению марксизма в России. Ленин, вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова-Бельтова, с тем большей энергией… направил свою критику против Струве» (10).

В 1923 году Потресов точно указал дату выхода книги Плеханова. В письме к Николаю Мещерякову, старому марксисту и историку, он вспомнил, что «Н. Бельтов… был сдан в цензуру 22 декабря 1894 года – в последний присутственный день перед праздниками и, стало быть, вышел в продажу 29 декабря 1894 года» (11).


Н. Бельтовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТІИ

МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРІЮ

Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.

Audiatur et altera pars.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

Итак, практически сразу после публикации труда Плеханова Владимир Ульянов с ним познакомился. До нас дошло множество свидетельств о влиянии книги Бельтова-Плеханова на современников. Вот только одно из них. Близкий к группе «Освобождение труда» марксист Сергей Ганелин писал Павлу Аксельроду в том же 1895 году:

> «По моему мнению, Бельтов принес, наконец, из горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи. А по дороге такой комментарий к ним написал, что в остальном мире эта книжка займет одно из первых мест. Предста ляю себе, как русские марксисты обрадовались этой книжке» (12).

Чувства Ганелина вполне мог разделить и В. Ульянов. Много позже, когда его дороги с Плехановым окончательно разойдутся, он напишет, что на этой книге «воспитывалось целое поколение русских марксистов» (13).

А тогда, весной 1895 года, скорый поезд мчал его в Женеву. Владимиру Ульянову только-только исполнилось 25 лет, а Георгию Плеханову было всего 39! Но его молодежь уже считала стариком. Ведь за спиной Георгия Валентиновича стояла целая эпоха революционной борьбы. Ученик ехал на встречу с учителем. С группой «Освобождение труда» будущий ЛЕНИН связывал тогда всю свою дальнейшую судьбу революционера.

К чести Владимира Ульянова, он произвел выдающееся впечатление на Плеханова. Сейчас некоторые публицисты склонны преуменьшать эффект от встречи двух марксистов. Но вот отрывок из письма Георгия Плеханова к его жене:

> «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди!».

Ульянов и Плеханов имели тогда несколько встреч. Они проходили в Женеве, но чаще в горном местечке Ормони. Тогда же там оказался А. Потресов, приехавший к Плеханову договариваться о планах издания в Петербурге новой книги. Разговоры были больше теоретическими. Практическими делами в группе «Освобождение труда» ведал Павел Аксельрод, проживающий в Цюрихе. И после женевских встреч Владимир Ильич выехал к нему. В своих воспоминаниях Аксельрод более-менее подробно изложил обстоятельства встречи с молодым Лениным весной 1895 года:

> «Был май, стояла прекрасная погода. Мы целыми днями гуляли и... все время беседовали о волновавших нас обоих вопросах. И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я… вспоминаю о них как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение труда»… С появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались, наконец более или менее правильные сношения с Россией» (14).

Трудно поверить, что эти слова написаны в годы непримиримого противостояния Ленина и Аксельрода. Но это именно так.

Обговорив в Цюрихе все практические вопросы о способах дальнейших сношений (и за границей, и в России), получив нужные явки, Ульянов выехал в Париж. Затем его путь пролег в Берлин. Все лето 1895 года Владимир Ильич провел за рубежом. Но очень важно заметить, что он больше не вернется в Цюрих до самого своего отъезда в Россию. И только тонкая нить переписки будет его связывать с Павлом Аксельродом. Поэтому нет причин сомневаться, что тогда же, в мае 1895 года, между Аксельродом и Лениным был условлен шифр. Но об этом чуть позже…

Среди интересных заграничных встреч петербургского марксиста отметим его свидание в Берлине с Исайем Айзенштадтом и Вильгельмом Бухгольцем. Первый был одним из основателей и руководителей социал-демократических кружков в Вильно. В сентябре 1894 года он появился в Берлине и установил оттуда прочные связи с группой «Освобождение труда». Айзенштадт создал транспортную сеть для контрабанды через германскую границу марксистской литературы и являлся берлинским представителем виленского подполья в только что образованном заграничном «Союзе русских социал-демократов». Весной 1895 года для работы по нелегальному транспорту им был привлечен эмигрант Бухгольц. Забегая вперед, добавим, что в августе 1895 года Айзенштадт вернулся в Россию, вручив все свои полномочия последнему . До осени 1897 года Бухгольц оставался главным связывающим звеном между группой Плеханова и российским подпольем. А затем передал конспиративные дела видному виленскому марксисту Цемаху Копельзону.

Бухгольц и Айзенштадт оставили свои воспоминания о встрече с Лениным в Берлине летом 1895 года. Собеседники договорились о транспортировке нелегальщины в Петербург, о линиях и способе связи. Между прочим, Бухгольц и Ульянов были старыми знакомыми еще по Самаре. Тем проще им было понимать друг друга. Тогда же Владимир Ильич познакомил берлинцев со способом прессования и превращения в переплетный картон подлежащих к тайному перевозу литературных материалов:

> «Листы таковой литературы или писем (только писанных тушью), по этому рецепту соединяются особым клеем, накладываются один на другой до определенной толщины, обкладываются снаружи подходящей бумагой; в таком виде прессуются и сушатся, после чего получается обычный на вид картон, не навлекающий ничьего подозрения; когда же спрятанную в этом картоне литературу нужно возвращать в первобытное состояние, то картон кладут в теплую воду и осторожно разнимают на составные части» (15).

Как мы помним, способ запрятывания литературы и писем в корешки и обложки книг был хорошо известен еще предыдущему революционному поколению. В частности, им широко пользовалась группа «Освобождение труда». Но методы заделки были разными и все время продолжали совершенствоваться. Сохранились два письма Ленина к Аксельроду за ноябрь 1895 года, где Владимир Ильич развивает ту же тему:

> 1. «Писать надо китайской тушью. Лучше, если прибавить маленький кристаллик хромпика ($K_2Cr_2O_7$): тогда не смоется. Бумагу брать потоньше…».
>
> 2. «Необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды. Только для верхнего листа и цветной бумаги нужен обыкновенный (хороший) клейстер, а бумага держится хорошо, под влиянием пресса, и при самом жидком клейстере. Во всяком случае, способ годен, и его следует практиковать» (16).

Надеюсь читатели простят автора за избыточные технические подробности. Но мне кажется, что эти факты придают тем минувшим десятилетиям свой колорит. Указанный Владимиром Ульяновым хромпик представляет из себя кристаллы красного цвета и известен в химии как исходный материал для всех других соединений хрома. В XIX веке это вещество широко применялось как окислитель в процессе фабричного крашения тканей и в фотомеханических способах печатания изображений. Поэтому хромпик был тогда вполне доступным для подпольщиков химикатом.

Способ расклеивания подобной «посылки» мы находим в одном из писем Надежды Крупской от 1901 года:

> «Переплет надо опустить в теплую воду, и когда он станет расслаиваться, начать отделять листы, подставляя под кран с кипящей водой, надо только не спешить. Отделенные таким образом листы вытереть губкой, чтобы снять клей, потом дать высохнуть и сыроватыми положить под пресс» (17).

По сравнению со старыми, хорошо известными жандармам способами переписки (химия или точки в буквах), метод заделки писем в картон, безусловно, был гораздо более надежен, и революционеры высоко ценили его. Конечно, он был громоздок, трудоемок, требовал определенных материальных затрат, но гарантировал хорошую конспирацию. И молодой В. Ульянов свою революционную деятельность начал именно с этого надежного способа переписки с эмиграцией.

Ленин провел за границей четыре месяца и многое успел сделать. Он установил прочные связи с группой «Освобождение труда», договорился о транспортировке нелегальной литературы из Берлина в Петербург через Вильно, провел удачные переговоры об издании сборника «Работник» (на основе присылаемых в Женеву материалов), увлеченно работал в заграничных библиотеках. В конце концов Владимир Ильич просто занимался лечением своего катара желудка, что являлось его официальной причиной поездки за рубеж. В обратном направлении Ульянов пересек российскую границу 7 сентября 1895 года. Настроение было превосходное. Единственное, что волновало – пограничная таможня. В его багаже в чемодане с двойным дном находилась нелегальщина, заделанная в Берлине. Это была первая и последняя попытка контрабанды, выполненная лично будущим вождем мирового пролетариата. Больше он так никогда не рисковал, но все сошло отлично. При самом тщательном досмотре двойное дно обнаружено не было, о чем жандармы составили специальный документ. Судя по купленному билету, из Вержболово Ульянов направился в Вильно, но на этом его следы полицией были утеряны (18). Виленские товарищи помогли петербуржцу успешно скрыться от наблюдения.

Только 29 сентября 1895 года Владимир Ульянов вновь объявился в Санкт-Петербурге и факт этот зафиксирован в полицейских архивах. Успех от заграничного вояжа был полный. Кружок технологов вступил в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и «с помощью этой связи не замедлил расширить круг своих русских знакомств» – так оценивал результат поездки Ульянова его ближайший товарищ по кружку Глеб Кржижановский. Особенно важны были (по словам А. Елизаровой-Ульяновой) установившиеся «совсем близкие, дружественные» контакты с П. Аксельродом.

Владимир Ильич вернулся в столицу России по окончании традиционного для Петербурга летнего «мертвого сезона». По обыкновению в эти месяцы революционная деятельность замирала. Студенты разъезжались по домам, господа переселялись на загородные дачи, оставленные без руководства рабочие кружки прекращали свои занятия. Тем активнее с наступлением осени возобновлялась революционная работа. Окрыленный успехом, Владимир Ульянов в октябре 1895 года прямо ставит среди марксистов вопрос о слиянии петербургских кружков в единую централизованную организацию. Что и происходит фактически – группа Цедербаума объединилась с кружком Ульянова. На собрании, состоявшемся на квартире Степана и Любови Радченко, окончательно оформилась общегородская социал-демократическая организация. Был выбран руководящий центр (Ленин, Цедербаум, Кржижановский, Старков и Ванеев), утверждены районные группы, охватывающие весь Петербург, наладились тесные контакты с группой «Молодых народовольцев», к этому времени все более тяготевших к марксистам. Еще летом 1895 года Надежда Крупская через Лидию Книпович связалась с Лахтинской типографией народовольцев, что открывало реальную возможность постановки своей марксистской газеты. Так был создан знаменитый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», ставший примером и призывом к действию для социал-демократов других российских городов.

В начале ноября 1895 года Владимир Ульянов написал свое первое с момента пересечения русской границы письмо в Цюрих – к Павлу Аксельроду. Оно хорошо знакомо историкам и печаталось во всех изданиях сочинений Ленина. Письмо было частично перекрыто цифровым шифром, но вот он почему-то никогда не публиковался. История его обнаружения следующая.

В 1920 году был создан известный в свое время «Истпарт» – научная организация по изучению истории коммунистической партии. С 1922 года его сотрудниками начался активный поиск за границей уцелевших партийных документов. В Германии в это время проживал видный большевик А. Шаповалов, фактически представляющий там интересы «Истпарта». Весной 1922 года произошла его встреча со студентом-медиком Г. Вязьменским. Последний состоял хранителем меньшевистского «Архива русской революции»,

находящегося в Берлине. Только в декабре Шаповалову наконец удалось посетить упомянутый архив, где он, в частности, обнаружил давно разыскиваемую историками первую книгу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (издана в 1894 году на гектографе кружком технологов). Шаповалов срочно связался с Москвой, и к нему на помощь выехал официальный сотрудник «Истпарта» Н. Ангарский (Клестов). Ему-то и посчастливилось найти среди множества бумаг «Архива русской революции» два письма Ленина к Аксельроду за ноябрь 1895 года. Осенью 1923 года Институт Ленина при ЦК РКП (б) выпустил свой «Бюллетень № 1», где на страницах 9 – 12 были опубликованы обширные отрывки и фотография третьей страницы первого из писем Ленина. Именно оно заключало в себе цифровые криптограммы. И при подготовке рукописи к печати историкам удалось разобрать все зашифрованные места.

С тех пор письмо неоднократно издавалось, широко цитируется, но ни в каких публикациях мы не найдем сами шифрфрагменты из этого редчайшего документа. Можно только адресовать интересующихся читателей к статье историка Г. М. Дейча «Два из пяти тысяч» в журнале «Наука и жизнь», где приведена вполне разборчивая фотокопия первой и третьей страниц ленинского послания (19).

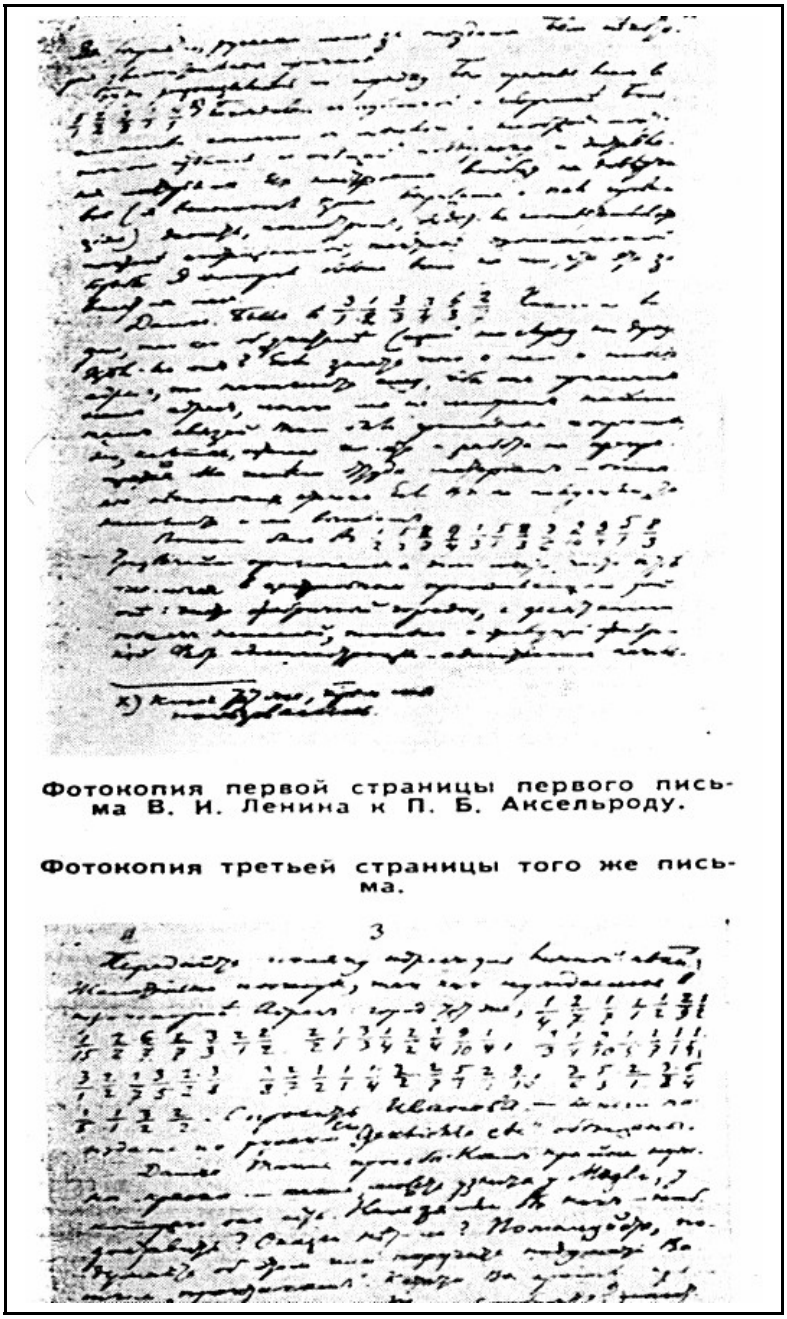
Впрочем, упомянутое нами письмо (вернее, его копия) выставлялось ранее в некоторых ленинских музеях – например, в Ленинграде. Так что в ознакомлении с криптограммой непреодолимых преград у историков не было.

Приведем теперь выдержки из этого письма, чтобы потом прояснить его загадки. В скобках рядом с цифровым шифром дана соответствующая дешифровка:

> «Вы, наверное, ругаете меня за опоздание. Были некоторые уважительные причины. Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в 5/1 2/2 3/8 1/1 4/1 [*Вил/ь/не*]. Беседовал с публикой о сборнике…
>
> Далее. Был в 3/1 1/2 3/3 3/4 6/3 2/7 *[Москве*]. Никого не видал… Там были громадные погромы…
>
> Потом был в 1/2 5/3 2/7 9/4 1/3 5/1 8/3 3/6 9/10 2/7 5/1 8/3 [*Орехове-Зуеве*]…
>
> Мне не нравится адрес в Цюрихе. Не можете ли достать другой – не в Швейцарии, а в Германии. Это было бы гораздо лучше и безопаснее. Далее. Посылая нам ответ – книжку по технологии, адрес 11/6 2/2 1/4 2/7 5/3, 3/5 3/8 4/1 2/1 3/3 3/5 1/1 1/5 5/3 1/2 5/1 3/3 2/1 2/2 [пробел – А.С.] 5/8 9/10 1/15 9/10 1/1 1/1 3/2 2/2 [пробел – А.С.] 5/5 5/4 5/1 1/2 1/5, 1/7 2/2 2/3 2/2 6/7 2/7 3/3 2/1 5/4 7/10. 3/8 5/4 6/1 1/2 5/3 5/4 1/4 1/3 5/3 2/2 7/10. 1/15 1/2 3/3 11/6 1/2 1/5 2/2 1/1 9/10, 5/6 9/10 9/11 2/2 1/1 3/3 2/1 1/2 3/1 9/10 [*Питер. Александровски/й/ чугунный завод, химическая лаборатория, господину Лучинскому]* – прибавьте, если будет место, другой материал… Отвечайте поскорее, чтоб мы знали о том, что сей способ годен.
>
> Передайте поляку адрес для личной явки. Желательно поскорее, так как нуждаемся в транспорте. Адрес: город тот же, 1/4 2/7 1/7 1/1 1/2 2/9 1/2 1/15 2/2 6/7 2/7 3/3 2/1 2/2 [пробел – А.С.] 2/2 1/1 3/3 1/4 2/2 1/4 9/10 1/4, 3/3 1/4 9/10 1/5 2/7 1/1 1/4 [пробел – А.С.] 3/1 2/2 1/7 3/5 2/2 3/8 [пробел – А.С.] 3/8 2/7 1/2 1/1 1/4 5/2 2/7 5/1 2/2 9/10 [пробел – А.С.] 3/6 5/4 2/1 3/8 5/4 1/5 1/1 3/2 2/2 [*Технологически/й/ институт, студент Михаил Леонтьевич Закладный*]. Спросить Иванова.
>
> Далее. Такая просьба: нам крайне нужна краска… Нельзя ли как-нибудь доставить? … Пожалуйста, подумайте об этом или поручите подумать вашим «практикам». Кстати, вы просили прямо к ним обращаться. Тогда сообщите:
>
> 1) знают ли они наш способ и ключ;
>
> 2) знают ли, от кого идут эти письма… Ваш…» (20).

На письме есть пометка Ленина – «***Ключ тот же, которым мы пользовались***». Понятно, что еще до ноября 1895 года шифр активно использовался в переписке Владимира Ульянова и Павла Аксельрода. Очевидно, это была заграничная переписка. О том, что она существовала, подтверждают и мемуары Аксельрода, вспомнившего, что Ленин переписывался с ним из Берлина (21). Но самих этих писем в распоряжении историков нет. Ясно так же, что из Петербурга в Цюрих (и обратно) письма шли в склеенном виде. Возможно, что данное послание было отправлено В. Ульяновым вместе с материалами для сборника «Работник». М. Сильвин указывал, что рукописи для сборника превращались в картон, в который переплеталась какая-нибудь нейтральная книга. Она и отправлялась по заранее условленному подставному адресу за границу (22).

Этим способом отправки и объясняется, очевидно, очень хорошее состояние ленинского письма к Аксельроду, выполненного четким почерком самого Владимира Ильича. Между прочим это первое известное, шифрованное самим Лениным, письмо.



Фотокопия первой страницы первого письма В. И. Ленина к П. Б. Аксельроду.

Фотокопия третьей страницы того же письма.

3. Фотокопия письма В. Ульянова к П. Аксельроду за ноябрь 1895 года.

Таких документов вообще сохранилось очень мало. Так что здесь мы имеем редчайший случай получить некоторые сведения о криптографическом опыте Владимира Ульянова. Наблюдение за его криптограммой приводит нас к любопытным выводам. Оказывается на заре своей революционной молодости он не был тем опытным конспиратором-шифровальщиком, каким его восторженно рисуют современники.

Одним из грубейших нарушений правил шифрования является обозначение одинаковых букв одинаковыми шифрзнаками. Это дает возможность криптоаналитику вскрыть текст на простом подсчете частоты встречаемости тех или иных букв текста. В этом смысле криптограмма Ульянова выглядит неутешительно. Из общего числа 149 криптознаков дробь «2/2» встречается 17 раз (соответствует букве «И»); дроби «1/1» и «1/2» – по 11 раз каждая (буквы «Н», «О»); дробь «2/7» – 10 раз (буква «Е»); дробь «3/3» – 9 раз (буква «С»); дробь «9/10» – 8 раз (буква «У»)… А это почти 50% всех шифрсимволов. Кроме того, при шифровке Ульянов вынужденно делал естественные разрывы между словами, отметив их пробелами и знаками препинания. Он передавал Аксельроду адреса и боялся, что их неправильно разберут. Но это еще больше увеличивало шансы нежелательной дешифровки жандармами.

Разумеется, в этих нарушениях очевидных правил криптографии нет ничего обидного и странного для начинающего подпольщика, каким в те годы был Владимир Ульянов. Для приобретения подобного навыка нужна обширная практика, которой ему не хватало. Но когда в конце 1980-х годов я изложил свое мнение

некоторым историкам партии, то получил от них настоящую отповедь в «формальном отношении» к историческим фактам. А между тем, если заглянуть на несколько лет вперед (в годы «Искры»), то мы без труда обнаружим множество подобных эпизодов в биографиях очень заслуженных революционеров. Так, секретарь редакции «Искры» Надежда Крупская неоднократно поправляла своих корреспондентов:

1. Октябрь 1901 года – Александру Богданову:

> «Ваше письмо прочитали, не зная ключа, не употребляйте для одной и той же буквы одних и тех же знаков» (23);

2. Июнь 1902 года – Глебу Кржижановскому:

> «Вы шифруете очень плохо, постоянно употребляете одни и те же знаки, жандармам прочитать такое письмо нет ничего легче» (24);

3. Декабрь 1902 года – Дмитрию Ульянову:

> «Не шифруйте иначе, как целыми фразами, иначе очень легко раскрыть ключ» (25).

Подобных примеров можно привести немало, и воспринимаются они вполне нормально. Но в отношении В. И. Ленина даже предположить такое уже было нельзя. Этот двойной стандарт подхода к рядовым партийцам и к их вождю сейчас вызывает только улыбку, но в советскую эпоху за такие «обвинения» вполне можно было поплатиться «карьерой». Возможно именно поэтому шифр из письма Ленина предпочитали широко не афишировать и не публиковать. Зачем было провоцировать неудобные вопросы у дотошных читателей?

О разделении же шифруемых слов здесь стоит поговорить более подробно. Сплошная шифровка текста нередко приводила к невозможности его правильного разбора. Особенно это касалось адресов и фамилий. Так, при всем опыте Надежды Крупской, она еще в августе 1901 года рекомендовала искровцу Левику Гальперину:

> «Адреса пишите, разделяя слова, а то не понять, где имя, где город, где улица» (26).

За всю российскую революционную историю подпольщики так и не стали использовать специальные обозначения для знаков пробела, препинания и цифр, как это принято в современной криптографии. Отчасти это связано с практикуемыми ими способами шифрования, хотя, например, для гамбеттовских шифров это было сделать довольно просто. Стоило только ввести в типовой шифралфавит дополнительные цифрообозначения для нужных знаков. Примечательно, что и рассмотренный нами ранее жандармский шифр имеет те же самые недостатки. Так что проблема, с которой в конце XIX века столкнулся молодой Ульянов, не была правильно решена в течение нескольких подпольных десятилетий. Никаких рекомендаций на этот счет мы не найдем и в книгах Акимова и Розенталя. Но все это только объяснение, а не оправдание нестойкого шифра Ленина из его письма к Аксельроду.

Я так и не знаю каким путем историкам 20-х годов удалось разобрать криптограмму. Обнаруженное в начале 1923 года, письмо уже осенью было опубликовано. Ключ к шифру могла дать Крупская (сам Ленин в это время был тяжело болен). Возможно, что прочли письмо аналитическим путем. Во всяком случае, на подлиннике документа разбор криптограммы отсутствует. Так или иначе, я не смог получить ответ на этот важный вопрос даже от сотрудников ЦПА (В. Н. Степанов).

Оставалось определить ключ к шифру самостоятельно. В конечном счете, это удалось, но ушло на поиски двадцать лет…

Когда-то очень давно, когда я был еще школьником, в мои руки попал упомянутый выше журнал «Наука и жизнь» за 1972 год – в нем я впервые обнаружил фотокопию письма молодого Ленина. Наверное, с этого момента и началось мое увлечение революционной криптографией. И толчок, полученный в далекие семидесятые, вылился сегодня в написание книги… Шифр вождя завораживал, но все мои многолетние попытки обнаружить ключ к нему терпели фиаско. Были перепробованы сотни стихотворений (ведь историки традиционно считали, что искровские шифры были большей частью стихотворные, а значит и более ранние – тоже!), но ничего не получалось. Я расположил известные буквы шифртекста по квадратной табличке и сумел восстановить две фразы ключевого текста: «*Но отд(о)х(нем)*» (из первой строки) и «*Мы сказ(а)л(и)*» (из третьей).

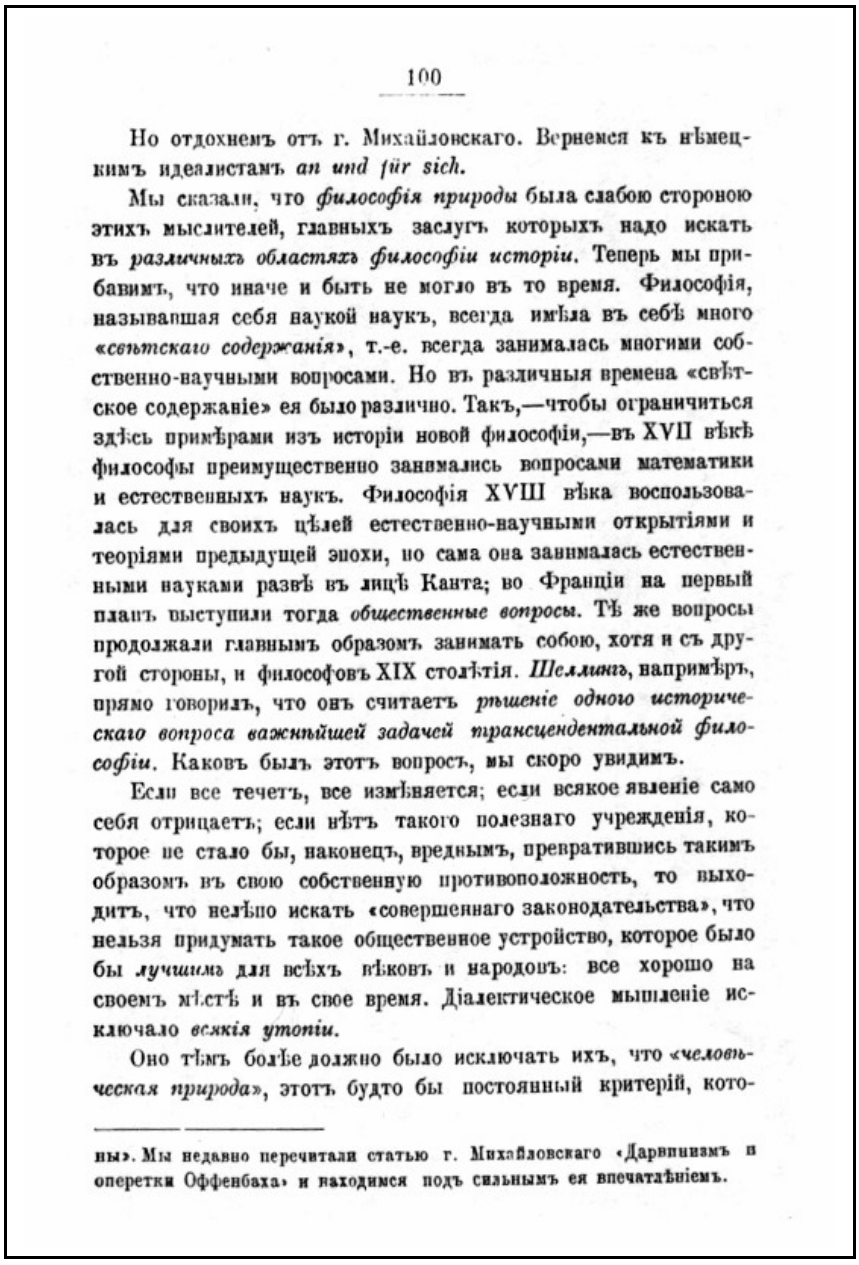
Здесь можно было только благодарить Владимира Ильича за его криптографические ошибки. И вот однажды я взял в руки книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданную в 1949 году и приобретенную, по случаю, у букинистов. И вдруг все годы раздумий вылились в очевидный теперь вопрос – а почему именно стихи? А может разгадка в книге Плеханова?! Я начал быстро просматривать в ней страницу за страницей, ища в них ключевые слова. После пятого или шестого обнаружения фразы «мы сказали» (что само по себе показывало верность моих предположений), я на странице 107-ой набрел, наконец, на строки, вобравшие в себя все известные мне буквы из криптограммы Ленина! В том числе и вторую фразу: «Но отдохнем»… Ключ был найден. Но у меня было издание 1949

года. Революционеры в выборе ключевых книжных страниц всегда тяготели к круглым цифрам. Простые пропорциональные подсчеты привели меня к выводу, что в издании 1895 года ключом к шифру, вероятно, была страница 100. И какова оказалась моя радость, когда позже в найденном первом издании книги Бельтова-Плеханова я получил полное подтверждение своим догадкам!

Я так подробно описываю этот случай не только потому, что он до сих пор волнует меня. Данный поиск дает общее представление о методах обнаружения ключей к другим подобным шифрам. Книжные системы революционеров одни из самых сложных в практике исследователей. Но тем интереснее работа над ними.

Итак, ключ к шифру Владимира Ульянова стал, наконец, известен. Все мгновенно сошлось в одной точке – и издание книги Бельтова, и колоссальный интерес к ней русских марксистов, и поездка Ленина к Плеханову и Аксельроду…

Александр Потресов сумел издать легендарный труд Плеханова на рубеже 1894/1895 года тиражом в 2 000 экземпляров. Вышла книга в момент смены царствования. В конце октября 1894 года умер Александр III и на престол взошел последний российский самодержец Николай II. Неразберихой, царящей тогда, видимо, и объясняется, почему книга никому неведомого Н. Бельтова беспрепятственно прошла предварительную цензуру (27).



100

Но отдохнемъ отъ г. Михайловскаго. Вернемся къ нѣмецкимъ идеалистамъ *an und für sich.*

Мы сказали, что *философія природы* была слабою стороною этихъ мыслителей, главныхъ заслугъ которыхъ надо искать въ *различныхъ областяхъ философіи исторіи.* Теперь мы прибавимъ, что иначе и быть не могло въ то время. Философія, называвшая себя наукой наукъ, всегда имѣла въ себѣ много *«свѣтскаго содержанія»*, т.-е. всегда занималась многими собственно-научными вопросами. Но въ различныя времена «свѣтское содержаніе» ея было различно. Такъ,—чтобы ограничиться здѣсь примѣрами изъ исторіи новой философіи,—въ XVII вѣкѣ философы преимущественно занимались вопросами математики и естественныхъ наукъ. Философія XVIII вѣка воспользовалась для своихъ цѣлей естественно-научными открытіями и теоріями предыдущей эпохи, но сама она занималась естественными науками развѣ въ лицѣ Канта; во Франціи на первый планъ выступили тогда *общественные вопросы.* Тѣ же вопросы продолжали главнымъ образомъ занимать собою, хотя и съ другой стороны, и философовъ XIX столѣтія. *Шеллингъ*, напримѣръ, прямо говорилъ, что онъ считаетъ *рѣшеніе одного историческаго вопроса важнѣйшей задачей трансцендентальной философіи.* Каковъ былъ этотъ вопросъ, мы скоро увидимъ.

Если все течетъ, все измѣняется; если всякое явленіе само себя отрицаетъ; если нѣтъ такого полезнаго учрежденія, которое не стало бы, наконецъ, вреднымъ, превратившись такимъ образомъ въ свою собственную противоположность, то выходитъ, что нелѣпо искать «совершеннаго законодательства», что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшимъ* для всѣхъ вѣковъ и народовъ: все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Діалектическое мышленіе исключало *всякія утопіи.*

Оно тѣмъ болѣе должно было исключать ихъ, что *«человѣческая природа»*, этотъ будто бы постоянный критерій, кото-

ны». Мы недавно перечитали статью г. Михайловскаго «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» и находимся подъ сильнымъ ея впечатлѣніемъ.

4. Сотая страница книги Г. Плеханова (Бельтова),

непосредственно являющаяся ключом к шифру П. Аксельрода и В. Ульянова.

Зададимся теперь вопросом – кто был инициатором установления ключа к шифру между Петербургом и Цюрихом? Между прочим это вообще первый дошедший до нас случай применения книжного шифра революционерами. Конечно они использовались подпольщиками и раньше, но крайне редко, и нам не известны другие примеры. Мне кажется (учитывая недостаточный опыт молодого Ульянова), что при встрече в Цюрихе книжный шифр предложил Павел Борисович Аксельрод. А вот саму книгу для шифра вполне мог указать Владимир Ильич. Дело происходило за границей, где вообще русских изданий явно не хватало. А книга Плеханова имелась у обоих цюрихских собеседников. Более того, среди обсуждаемых ими тем труд «О монизме…» наверняка был не последним. Весь 1895 год прошел у русских социал-демократов под знаком этой книги.

Нужно признать, что конспиративная переписка обставлялась вполне профессионально. Был выбран книжный шифр (и это тогда, когда еще несколько лет он использовался в революционных кругах крайне мало!), решено было переправлять корреспонденцию в виде склеенного картона, вводились подставные адреса (отдельно для переписки и для явки). С этой стороны опасности не ожидалось. Но тучи над только что организованным «Союзом борьбы» все более сгущались.

Из доклада министра внутренних дел императору Николаю II (декабрь 1895 г.):

> «Принимая во внимание, что за последние месяцы кружок стал проявлять особую энергическую деятельность, приобретать материалы и инструменты для печатания и воспроизведения преступных изданий, а равно принял деятельное участие в происходивших в ноябре и декабре месяцах рабочих волнениях на Путиловском и Торнтоновском заводах, – признано было своевременным приступить к обыскам и арестам участников названного кружка. Обыски эти произведены в ночь на 9 сего декабря и вполне подтвердили имеющиеся указания на преступную деятельность заподозренных лиц» (28).

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года был арестован и присяжный поверенный Владимир Ульянов. Сохранился список вещественных доказательств, обнаруженных при обыске. Среди них книга Н. Бельтова «О развитии монистического взгляда на историю» не значится (29). Для Владимира Ильича, подписывающего протокол осмотра его квартиры, этот факт был одним из утешительных. Однако на первом же допросе революционера (21 декабря 1895 года) книга вдруг всплыла в вопросах жандармского следователя подполковника Клыкова. Протокол точно фиксирует ответы подследственного:

> «Зовут меня Владимир Ильич Ульянов… Предъявленный мне счет составлен лицом, имени которого я назвать не желаю, по порученной им мне продаже книг, во-первых, Бельтова (О монизме и истории)... Что же касается до упоминаемого в этом счете Ив. Никол. (должен два рубля), то это относится к моему знакомому Ивану Николаевичу Чеботареву, купившему у меня один том вышеозначенной книги Бельтова за два рубля…» (30).

Зная теперь, что сотая страница книги Бельтова была ключом к шифру переписки Ульянова с опаснейшими государственными преступниками и то, что накануне ареста велся усиленный обмен письмами между Цюрихом и Петербургом, мы можем представить чувства Ленина, когда ему задавались, казалось бы, несложные вопросы. Однако допрос явно успокоил подследственного. Никаких посланий перехвачено не было! И уже 16 января 1896 года Владимир Ульянов направляет из одиночной камеры Дома предварительного заключения письмо к своей сестре Анне с просьбой прислать ему для работы ряд книг. Среди них находим и Бельтова! (31). Заключенный устроил из своей вынужденной многомесячной отсидки максимальную выгоду. Он принялся в тюрьме, пользуясь немалыми в те годы льготами, за сбор материалов для будущей своей книги «Развитие капитализма в России». Через камеру Владимира Ульянова прошли сотни книг и журналов. Среди них книга Бельтова ничем не выделяется. Но для чего ее все-таки попросил в одиночку Владимир Ильич? Между прочим это было связано для него с немалым риском. Книга неминуемо должна была привлечь внимание жандармов. Еще в январе 1895 года Главное тюремное управление обратилось в Главное управление по делам печати с запросом, «может ли быть выдаваема политическим арестантам, содержащимся в СПб. одиночной тюрьме, книга Н. Бельтова»?

Повторное ее цензирование привело к крайне отрицательному заключению. Над ней нависла угроза запрещения. Сочинение в то время все же не стали «репрессировать», но Главному тюремному управлению сообщили, что «книга Бельтова неудобна к обращению между арестантами» (32). Поэтому неясно, получил ли указанную книгу подследственный Ульянов, а если ее и пропустили в тюрьму, то зачем она была нужна Владимиру Ильичу? Уже в течение всего 95 года он мог всесторонне изучить труд Плеханова. И даже обсуждать его с самим автором. А если у Ульянова было желание использовать «Бельтова» для работы над другими (своими) статьями, то какими? За весь период пребывания Ленина в ДПЗ мы находим лишь один случай цитирования книги «о монизме». Он обнаруживается в малоизвестной статье «К характеристике экономического романтизма». Специалисты датируют ее появление позднее августа 1896 года (33). Очень сомнительно, что Владимир Ульянов думал написать подобную статью в начале 96 года – сразу после ареста. Тогда у него были совсем иные проблемы. Поэтому заданный выше вопрос совсем не прост, а ответ на него не так очевиден. Скорее всего, Ленин планировал продолжить в тюремной камере общение с Аксельродом! Конечно, от планов до реальных писем еще далеко. Но мы

знаем уже совершенно определенно, что в шушенской ссылке такая переписка осуществлялась. Значит и там она велась по книге Бельтова-Плеханова, которая точно была в Сибири у Ленина.

Не подвергнутая запрету в 1895 году, монография продолжала свое победное шествие. Уже в феврале 1896 года Департамент полиции шлет секретное письмо в Главное управление по делам печати. В нем, в частности, сказано:

«Названное сочинение Бельтова, вышедшее пока первым изданием, быстро раскупается и в настоящее время весьма распространено среди читающей молодежи, придающей этому сочинению весьма серьезное значение». А дальше идет настоятельная просьба не разрешать повторного издания книги. Но только 3 января 1898 года книга Плеханова была официально запрещена к обращению в библиотеках и читальнях. Такова история публикации «Н. Бельтова» и его тайны. Факт использования этой книги в качестве шифра между молодым Лениным и группой «Освобождение труда» очень характерен и демонстрирует истинное отношение Владимира Ульянова к Плеханову. И этот факт из далекого 1895 года, а не из последующих (часто лакированных) воспоминаний современников.

Но и это еще не все! В феврале 1896 года А. Потресову удается выпустить в Петербурге очередную книгу Плеханова: «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)». Издана она была под новым псевдонимом – А. Волгин. 14 февраля 1896 года Потресов писал Плеханову в Женеву: «Кстати, могу Вам сообщить, что АнтиВеВе появился в 3 000 (трех тысячах) экземпляров» (34). Эта монография фактически по содержанию примыкала к «Бельтову». По объему и формату оба издания были очень похожи («Бельтов» – 288 страниц, «Волгин» – 286 страниц). Новая книга беспрепятственно прошла предварительную цензуру, вызвала оживленный интерес и незамедлительно оказалась в камерах арестантов ДПЗ. 1 июля 1896 года Анатолий Ванеев, ближайший товарищ Ульянова, писал из тюрьмы своей приятельнице в Нижний Новгород:

> «Следишь ли ты за новой литературой? Читала ли вышедшие в последнее время сочинения Волгина … и прочие?» (35).

Понятно, что и Владимир Ульянов, сидевший с Ванеевым по соседству, имел ту же самую книгу. Я бы попросил читателя обратить внимание на этот занимательный факт. Книга Волгина-Плеханова – важный поворот в наших дальнейших изысканиях. Но сначала поговорим о способах тайной переписки, которую из одиночной камеры осуществлял наш герой.

Во время декабрьских арестов 1895 года «Союз борьбы» был разгромлен лишь частично. Оставалась на свободе и «наследница» – Надежда Крупская. С помощью приехавших в Петербург матери и сестры Анны, с Владимиром Ильичом была установлена тесная связь. Очевидно, что еще перед арестами среди членов «Союза борьбы» были условлены определенные шифры. Мы совершенно ничего не знаем об этом. В качестве одного из них могла служить все та же книга Бельтова. Но способы переписки нам хорошо известны. Наиболее концентрировано об этом рассказала Анна Ульянова-Елизарова:

> «Это, пожалуй, самые интересные страницы из его [Ленина – А.С.] тюремной жизни… Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно… И вот он стал писать им меж строк жертвуемой для этого книги… Таким образом, шифрованные письма точками были заменены этим, более скорым способом. В письме точками Ильич сообщал, что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо нагреть на лампе. Вследствие трудности прогревания в тюрьме этим способом пользовался больше он, чем мы. Надежда Константиновна [Крупская – А.С.] указывает, впрочем, что можно было проявлять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимоном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в предварилке. Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разыскивать в книгах. Первое время надо было искать этот значок на странице семь. Это был тоненький карандашный штрих, и перемножение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-ая буква 7-ой строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо… Этот способ обозначения, – страницы время от времени менялись, – сохранялся у нас постоянно» (36).

О реально используемых членами «Союза борьбы» шифрах во время их сидения в одиночках ДПЗ дают некоторое представление воспоминания Глеба Кржижановского:

> «Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «предварилки» нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом. Дело при этом не обошлось без некоторого курьеза. Вышло как-то так, что вместо моего первого письма, написанного точками в условленной книге шифром по определенному стихотворению, Владимиру Ильичу попала другая книга в тюремной библиотеке, в которой тоже точками оказалось написанным шифрованное письмо.

> Владимир Ильич рассказал мне потом, что, применив условленный шифр и получив осечку, он весьма вознегодовал на меня за недопустимую путаницу. Но не в его правилах было отступать. Шифровальщик, во всяком случае не из опытных, обдумывая ситуацию, он немедленно делает простые и правильные выводы. Знаки, которыми он будет пользоваться, по своей повторяемости будут, вероятно, вполне соответствовать повторяемости букв в любом обычном тексте. Тогда он начинает высчитывать, сколько раз и в каком соотношении друг к другу повторяется та или иная буква и ищет соответствия этой повторяемости в цифири зашифрованного письма. После двухдневной работы письмо было прочитано, и оказалось, что я тут ни при чем: Владимир Ильич расшифровал переписку одного уголовного с другим» (37).

Многое в этих воспоминаниях вызывает недоверие – и «крайне суровый режим в «предварилке»», и умелая расшифровка чужого шифра (вспомним, что буквально перед самым арестом В. Ульянов мало задумывался над соответствием знаков шифра и букв открытого текста). В таком случае вся его дальнейшая криптографическая практика должна была пойти несколько в ином направлении. Но то, что в качестве шифровального ключа могли использоваться стихи – вполне вероятно. Факт этот подтверждается дальнейшими событиями. В общем, воспоминания Кржижановского – это изрядная смесь вымысла с действительностью. По такой схеме построено большинство воспоминаний о Ленине – и его соратников, и врагов.

В тюремных буднях Владимира Ульянова есть еще одна загадка. Кроме шифра по книжке Бельтова, имеется некий документ, содержащий иную цифровую криптограмму. Разрозненные источники рисуют нам примерно такую картину. Давно известно, что при работе над сочинением «Развитие капитализма в России» Ленин широко использовал различные библиотечные труды. Их в тюремную камеру доставляли родственники Владимира Ильича. И вот, реализуя идею, что такие книги сохранились в фондах государственных библиотек, архивисты начали планомерное обследование источников, которые мог использовать Ленин. На этом кропотливом пути их ждало несколько удач. Однажды в руки исследователей попал «Военно-статистический сборник за 1871 год». На одной из вклеенных в него географических карт, с тыльной стороны, было обнаружено полустертое, выполненное карандашом, неизвестное письмо Ленина к членам «Союза борьбы». «Биографическая хроника» вождя свидетельствует, что оно было написано позднее 16 января 1896 года (38). Датировка основана на другом письме Ленина от 16 января, где он просит родственников доставить ему в тюрьму указанный «Сборник». В том же самом письме Ленин просил прислать книгу Бельтова! Однако сам текст на географической карте появился гораздо позднее. Речь в нем идет о выпуске «Союзом борьбы» революционных прокламаций, указываются их возможные темы, перечисляются методы распространения листовок на заводах Петербурга. Часть записки содержала шифр. Разбором его занималась Эсфирь Абрамовна Корольчук – очень авторитетный историк революционного движения.

В 1964 году в журнале «Вопросы истории КПСС» она поместила статью об агитационной деятельности «Союза борьбы», где сделала ссылку на «недавно расшифрованное в значительной части и еще неопубликованное письмо Ленина из тюрьмы от 23 мая 1896 года» (39). С тех пор этот таинственный документ так и не был опубликован. Очень немного известно о нем. Некоторую ясность вносит небольшая детская книжка писателя А. Зверинцева «Шифр 3 –7», вышедшая в 1979 году (39). В ней он рассказал, как Корольчук прочла шифр Ленина на старой географической карте:

> «Первое, что удалось установить: в тексте применены разные способы шифровки. Иногда один за другим в строчке идут наборы букв. Попадаются слова, написанные на двух языках: одна половина по-английски, другая – по-немецки или по-русски. Часто встречаются группы цифр. Как-то занимаясь сопоставлением некоторых групп цифр, она вдруг заметила, что чаще других повторяются «3» и «7». А возле них всюду стоят маленькие, еле заметные вопросительные знаки. Случайно ли это? Не являются ли эти две цифры ключом к тексту?.. А что, если попробовать третью букву заменить седьмой? Сгорая от нетерпения, Корольчук быстро пишет… алфавит, затем переписывает его, соответственно заменяя буквы. На другом таком же листке седьмую букву заменяет третьей… Что же получилось? Она берет шифрованный текст из письма и, пользуясь то одним, то другим алфавитом читает: «С(оциал)–д(емократы) ждут решения…» Применяя найденный ключ «3 – 7» она пробует читать дальше, но терпит неудачу. В тексте, что ни абзац, то новый способ шифровки».

Долгое время изучая революционные шифры, я здесь так и не смог понять способ Владимира Ульянова, который детский писатель попытался объяснить своим читателям. Увы… Выскажу лишь наиболее приемлемую версию. Без сомнения – на географической карте был обнаружен черновик письма Ленина. На волю они уходили в более конспиративном виде («химией» или же точками в книгах). А речь **о ключе «3 – 7»** наводит на мысль, что здесь имел место простейший гамбеттовский ключ. То, что для прочтения Корольчук применяла то один, то другой алфавит, явно указывает на периодичность шифрсистемы. Наличие в криптограмме цифр «3 – 7» демонстрирует ход шифрования – к каждой букве шифруемого текста (ее числовому обозначению в азбуке) поочередно прибавлялась та или иная цифра ключа. Очень

легко подобную систему криптографии можно превратить в таблицу из двух сдвинутых относительно друг друга алфавитов (то есть табличку типа шифра Виженера, но в числовом изображении).

Разумеется подобный гамбеттовский способ совсем несложен. Скорее всего, он использовался Владимиром Ульяновым как вспомогательный для коротких записей. Но возможно, что ключ «3 – 7» применялся в переписке с «Союзом борьбы». Здесь бы не было никаких сомнений, если бы весь черновик Ленин обработал одним шифром. Но, по сведениям Корольчук, разные абзацы его перекрыты различными способами (о них автору ничего уже не известно).

Между прочим еще Э. А. Корольчук обратила внимание на общность цифры 7 в ключе «3 – 7» и в номере условной страницы, где проставляли знак для обнаружения конспиративного письма (по свидетельству Анны Елизаровой). Конечно, это не случайно. И, подводя черту всем нашим рассуждениям, отметим главное – на заре своей революционной карьеры Ленин уже применял книжный, стихотворный и гамбеттовский шифры – основные криптографические системы следующего революционного десятилетия.

Больше года провел в стенах Дома предварительного заключения Владимир Ульянов и его товарищи. Но наступил момент, когда их дальнейшая судьба была решена. Как водится – административным порядком. Владимир Ильич подлежал высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на три года. Это решение было объявлено 13 февраля 1897 г. Аналогичные приговоры получили и большинство его товарищей. Тогда же стало известно, что по ходатайству родственников высылаемым в Сибирь марксистам разрешили до 17 февраля остаться в Петербурге.

Сохранилась знаменитая фотография тех дней – перед расставанием Ульянов и его товарищи сфотографировались на память. На снимке запечатлен сам Владимир Ильич в окружении Василия Старкова, Глеба Кржижановского, Юлия Цедербаума, Алексея Малченко, Петра Запорожца и Анатолия Ванеева. Чем были заняты эти неожиданные три дня свободы? Встречами с родственниками и товарищами по «Союзу борьбы», сборами в дорогу. И конечно они строили свои дальнейшие революционные планы. Друзья отправлялись в бескрайнюю Сибирь, еще не зная, что их ждет впереди. Поэтому обязательно предстояло договориться о способах конспиративной переписки. И конечно – о шифре. Теперь мы в состоянии прояснить и этот вопрос. Для ответа на него заглянем на пять лет вперед.

15 мая 1902 года из Самары в далекий Мюнхен ушло письмо. Его авторами были руководители «Русской организации «Искры»» Глеб и Зинаида Кржижановские. А адресовано оно было их старым друзьям Владимиру Ульянову и Надежде Крупской. В письме, в частности, сообщалось:

«Надо переменить ключ, возьмем 150 стр(аницу) книги, которая у Вас была в Сибири» (40).

Этой книгой, как мы убедимся дальше, была работа А. Волгина (Г. Плеханова) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.) », изданная в феврале 1896 года Потресовым.

А. ВОЛГИНЪ.

ОБОСНОВАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ Г-НА ВОРОНЦОВА (В. В.).

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Suum cuique!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія Н. А. Тиханова. Садовая № 37.
1896.

У Ленина за трехлетнюю ссылку накопилось в Шушенском множество книг. Историки насчитывают их не менее четырехсот! Очевидно, что Кржижановские, намекая на сочинение Плеханова, имели в виду шифркнигу! Значит, еще в Шушенском она имела свое применение. Но если порассуждать, то становится очевидным – только в феврале 1897 года мог быть условлен подобный ключ. Труд Волгина-Плеханова уже был на руках у большинства марксистов и его популярность на какое-то время затмила «Бельтова». Новую книгу Плеханова не преследовала цензура, а тираж ее был на 1 000 экземпляров больше предыдущей. Следовательно, «Волгин» стал гораздо доступнее «Бельтова». Условленный сначала между вышедшими из ДПЗ товарищами, новый шифр уже в Сибири приобрел статус общего для всех друзей Ульянова.

Один из них, Фридрих Ленгник, вспоминал о годах ссылки:

> «Наряду с углубленной литературной работой Владимир Ильич принимал самое деятельное участие в установлении самых оживленных сношений с группой «Освобождение труда», … а так же переписывался с Петербургом, Москвой и другими российскими городами и с товарищами по ссылке, с которыми он находил время переписываться в виде длиннейших писем, в которых освещались иногда очень сложные и интересные вопросы революционного движения…» (41).

Ф. Ленгник и был одним из товарищей Ленина, с которым он переписывался по шифру «Волгин».

В подтверждение мысли, что он был установлен именно в 1897 году, можно сказать следующее. Во время ссылки Ленину удалось опубликовать две собственные книги, которые он рассылал своим

товарищам. И ему для шифрключа проще было бы взять именно их! Но этого не произошло. К сожалению, вся обширная конспиративная переписка тех лет безвозвратно уничтожена самими революционерами. И мы вынуждены оперировать только косвенными доказательствами. Но обратите внимание, как логически выстраиваются в ряд все известные нам шифровальные книги Ленина: «Бельтов» (1895 г.) и «Волгин» (1896 г.) Конечно, трудно назвать случайным этот выбор.

Он основан на огромном интересе и уважении, которые в те годы испытывали к родоначальнику русского марксизма сам Ленин и его соратники. И если ключ по книге «Бельтова» использовался мало (связь с Аксельродом была эпизодической – слишком велики были географические расстояния!), то книга «Волгина» стала самым продолжительным шифром по времени его использования. Вплоть до конца 1905 года (тогда и закончился первый нелегальный период РСДРП) разные страницы ее продолжали применяться в качестве шифровальных таблиц. То есть почти целое десятилетие!

Дмитрий Ильич Ульянов высказал в свое время мнение, что свой псевдоним «Ленин» его брат выбрал по аналогии с псевдонимом Плеханова – «Волгин». Может быть и так. Слишком часто держал эту книгу Владимир Ульянов в своих руках. И не только для чтения!

Здесь будет уместно привести еще одно воспоминание, оставленное видным большевиком Сергеем Мицкевичем:

> «В начале 1895 года появилась книга Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а в 1896 году книга Волгина-Плеханова «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)». Я сидел в то время в тюрьме и мне удалось достать эти книги только летом 1896 года… Трудно теперь представить ту бурную радость, которая охватила меня, когда я прочитал эти книги. Я был, по правде сказать, в полной уверенности, что автор обеих этих книг В. И. Ульянов: до того много общего я нашел в них с тем, что читал два года назад, летом 1894 года, в статьях «Друзья народа»… И только в 1897 году я узнал от товарищей, что псевдонимы Бельтова и Волгина принадлежат Плеханову» (42).

Конечно, Мицкевич не подозревал, что обе упомянутые им книги использовались его старым товарищем в качестве ключей к шифрованной переписке. Но процитированные мемуары дают нам объяснение, почему именно они служили этой цели. Взгляды молодого Ленина были тогда прямым продолжением и развитием произведений Плеханова-Бельтова-Волгина. И это было настолько «рядом», что они надолго стали настольными книгами будущего вождя большевиков.

Приехавшая в мае 1898 года в Шушенское Надежда Константиновна Крупская стала верной женой и настоящим другом Ленина на всю его жизнь. Значительная часть его забот, в том числе и кропотливую конспиративную переписку, взяла она на свои плечи. Много лет спустя Крупская писала:

> «Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная… Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера… Получали письма из далекой ссылки – из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жили Лепешинский, Ванеев, Сильвин… В 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповалов, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались обо всем – о русских вестях, о планах на будущее…» (43).

Конечно, не все можно было доверить открытым письмам. Дадим опять слово сестре Ленина Анне Ильиничне:

> «Переписка с Ильичом шла у меня в те годы все время самая деятельная… Во время моей летней поездки за границу (1897 год) я познакомилась с членами группы «Освобождение труда», отвезла им привет от Владимира Ильича… Речь шла о том, чтобы он посылал писания для рабочих за границу… и обсуждался вопрос, каким образом наладить это. Владимир Ильич писал, что знает только один способ – химией, но что трудно найти переписчика. Аксельрод считал этот способ чересчур кропотливым… Некоторые работы… были переправлены, тщательно заделанные в переплетах… Даже личная переписка с Аксельродом ни у Ильича, ни у меня регулярно не установилась. Вообще Аксельрод был очень неаккуратен и рассеян в отношении переписки… Все более интересное… я, ездившая время от времени в Петербург, …описывала Ильичу (химией) на листах каталогов, ненужных книг, последних страничках журналов, иногда даже не разрезанных, чтобы еще больше отдалить подозрение в возможности каких-либо шифрованных сообщений. Ни разу, за все три года ссылки Ильича, ни одно из таких писем не пропало, не обратило на себя внимания. Никто, кроме самых близких людей, не знал, каким способом идет переписка… Все имена, кроме того, шифровались» (44).

В качестве химических чернил для тайнописи Анна Елизарова опять называет молоко, разведенное водой. Если консистенция его была слишком густа, написанные молоком буквы могли самопроявиться (45). Обратим особое внимание, что на протяжении всего опыта тайной химической переписки и из тюрьмы и из

ссылки участники тех событий пишут только о молоке и лимоне. Никаких более сложных реактивов не упоминается. Конечно, память – вещь крайне ненадежная. Все воспоминания писались в 20-х – 30-х годах XX века, зачастую искусственно подгоняясь друг под друга. Речь в них идет исключительно о революционной «химии». И ни слова о шифрах! Особенно этот упрек можно было бы обратить к неизменному секретарю Ленина – к его жене. Воспоминания Крупской на этот счет удивительно коротки. Но это странное обстоятельство вполне объяснимо. За всю многолетнюю деятельность через ее руки прошли сотни и сотни всевозможных ключей к шифрам огромного числа революционеров. Только за период до Первой русской революции (1901 – 1905 годы) насчитывается не менее 400 разных шифров. А ведь были еще и десять последующих лет, которые заслонили собой все шифры века XIX. Ни одна память не способна удержать такое количество информации, да и была она для Крупской только ненужным «балластом». Поэтому не будем винить Надежду Константиновну, а попытаемся во всем разбираться сами.

Кое в чем здесь могут помочь полицейские архивы. Так, сохранились и опубликованы интереснейшие материалы по наблюдению за деятельностью Анны Елизаровой. По сведениям жандармов, в мае 1897 года она выбыла за границу и только в сентябре вернулась в Москву. Через подставной адрес в Штутгарте (Германия) Елизарова развернула нелегальную переписку с эмигрантом Павлом Аксельродом. Черный кабинет регулярно перехватывал ее корреспонденцию. Для нас особенно любопытно следующее жандармское донесение:

> «10 февраля 1898 года. Совершенно доверительно.
>
> … 7 сего февраля по известному Вам адресу на имя Бабеты Вагнер в Штутгарт отправлено письмо, писанное печатными буквами, следующего содержания: «В письме опять лишь начало можно было разобрать. Но из того, что начало вполне верно, видно, что дело совсем не в издании, а лишь в небрежном отношении к делу. Можно было прочесть лишь о том, что Вы не можете исполнить моего поручения, – только теперь собрались ответить… с октября просим и ждем… Дальше же идет след.: «*агобо Вы изо революции и пришлите сюда озвенокилезтууаах*» … Разобрать такую тарабарщину не имею ни времени, ни желания, о чем уже докладывал/а/…». Сообщая об изложенном, долгом считаю добавить, что вышеприведенное письмо … будет отправлено по назначению. Подписал: Л. Ратаев» (46).

Приведенный документ начальник Особого Отдела Департамента полиции Леонид Ратаев направил в Московское охранное отделение к Сергею Зубатову. Из агентурных сведений жандармам было известно, что адрес Бабеты Вагнер использовался для переписки с Россией группой «Освобождение труда», а цитируемое письмо принадлежало Анне Елизаровой. Из перлюстрации следует, что в качестве ключа к шифру переписки служила некая книга, выдержавшая несколько переизданий. Очевидно, что этот ключ установлен был Анной Ильиничной во время заграничных встреч с Аксельродом. Так же ясно, что данной шифркнигой не могли быть произведения Плеханова.

Все это наводит нас на следующие размышления. За период 1895 – 1900 годов в шифрпереписке революционеров, близких Владимиру Ульянову, мы встречаем только страничные книжные ключи. Но уже с конца 1900 года (начало издания «Искры») данное правило было отброшено, и широко начали внедряться шифры стихотворные. Это, непонятное, на первый взгляд, понижение надежности шифров я постараюсь объяснить в следующей главе.

В.И. Ленин пробыл в шушенской ссылке три года. Это очень важная и насыщенная страница его биографии. Огромная теоретическая и литературная работа сделала его одним из ведущих марксистов России. За годы тюрьмы и ссылки он и его товарищи приобрели неоценимый конспиративный опыт. Раньше им не доводилось в таком объеме вести нелегальную переписку, используя тайнопись и шифры. Ленин тщательно продумывал свои дальнейшие планы, списывался с друзьями. Именно в Шушенском был разработан знаменитый проект построения марксистской партии в России при помощи постановки за ее пределами нелегальной организующей газеты «Искра».

Картина в социал-демократическом движении России к этому моменту сложилась безрадостная. После проведения весной 1898 года I съезда РСДРП по марксистским кружкам и организациям центральной России проехал новый каток жандармских репрессий. И ссыльным социал-демократам приходилось возвращаться на пепелище разбитых организаций. Среди оставшихся на воле революционеров все более и более преобладали экономические воззрения. В заграничном «Союзе русских социал-демократов» наметился неизбежный раскол. Группа Плеханова попала в настоящую изоляцию от кружков в России, где все больше восхищались идеями Э. Бернштейна. Конечно, Ленин был прекрасно осведомлен обо всех этих событиях и. соответственно, корректировал свои шаги.

Ссылка истекала 29 января 1900 года. К этому времени было решено главное. План Ленина был горячо поддержан ближайшими товарищами Юлием Цедербаумом (Мартовым) и Александром Потресовым. Заключение между ними «тройственного союза» – важнейший шаг на пути осуществления нового Проекта. С помощью переписки договорились о месте встречи в России. Возможно, что книга Плеханова-Волгина сыграла в этом деле не последнюю роль. Напомним, что Мартов вместе с Лениным вышел из тюрьмы в

феврале 1897 года, а Потресов стал «крестным отцом» этой книги. Встретиться решили в Пскове, где Потресов и Ленин наметили поселиться после ссылки. Свои искровские планы Владимир Ульянов связывал только с совместной работой с группой «Освобождение труда». Шли последние месяцы ссылки. Ленин, Мартов и Потресов активно искали новых сторонников. Давно отмечено, что вятские ссыльные, входящие в окружение Александра Потресова (Н. Бауман, Ф. Дан, В. Кожевникова, И. Смидович, М. Леман, А. Кузнецова. К. Захарова, В. Воровский) окажутся, в основном, за границей, где примут важнейшее участие в организации закордонных центров «Искры». Товарищи же Ленина по минусинской ссылке (Г. Кржижановский, Ф. Ленгник, П. Лепешинский, П. Красиков, О. Энгберг, В. Курнатовский, А. Шаповалов, Е. Барамзин) останутся работать в России… Все было готово к новой борьбе. Приближался XX век. Наступала пора действовать.

Глава третья

Как возгоралась «Искра»

В историографии Коммунистической партии Советского Союза нет другой темы, которую бы с такой любовью, обстоятельностью и тщательностью разрабатывали историки и писатели. Сотни научных монографий, статей, художественных книг… Ведь «Искра» была любимым детищем самого В. И. Ленина. Среди россыпей искровской литературы можно встретить крупные научные труды, обширные воспоминания участников событий, интереснейшие документальные публикации.

Но с самого начала в работе историков наметилась и зона умолчания. И год за годом она становилась все обширнее и глубже. В становлении «Искры» приняли участие выдающиеся социал-демократы России, ее золотой фонд – Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов, Дан, Богданов, Троцкий и десятки других революционеров, вставших после октября 1917 года в сложные отношения с Советской властью. Непримиримая политическая борьба наложила свою негативную печать на правдивое описание тех далеких событий. И даже сейчас трудно пробираться сквозь эти исторические завалы.

Решающую роль в создании газеты «Искра» сыграло образование в самом начале последнего года XIX века так называемого «тройственного союза» – литературной группы в лице Ленина, Мартова и Потресова.

Юлий Осипович Цедербаум (Мартов) родился в 1873 году в Константинополе, но юность провел в Петербурге, где он окончил гимназию и университет. Рано приняв участие в студенческом революционном движении, Юлий уже в 1892 году был арестован, но выпущен на поруки. Вслед за этим его высылают в Вильно – центр Северо-Западного края России. Стояла весна 1893 года. При помощи петербургской знакомой Мартова Любови Баранской (ставшей впоследствии женой Степана Радченко) в Вильно с ним вошли в контакт местные марксисты – А. Кремер, Ц. Копельзон, А. Мутник, Н. Портной, И. Айзенштадт. Так он оказался в самом центре подпольного кружка, через пять лет основавшего БУНД. Только в 1895 году Юлий вернулся в Петербург, где осенью стал одним из руководителей «Союза борьбы». Тогда и произошло сближение двух будущих вождей «Искры» – Ленина и Мартова. Они стали не только политическими товарищами, но и близкими друзьями. Мартов умел привлекать людей, имел превосходную память, являясь настоящей «ходячей энциклопедией». Он проявил себя блестящим журналистом, переводчиком, поэтом, полемистом. Мартов всегда имел свое собственное мнение и убеждение. Являясь одним из «отцов» БУНДа, он впоследствии вел непримиримую борьбу с его националистическими проявлениями, а затем вошел в резкую конфронтацию и с Лениным.

В отличие от большинства своих товарищей по «Союзу борьбы», Мартов был выслан (очевидно, как еврей) в самый северный пункт Енисейской губернии - Туруханск, отделенный непроходимыми топями от других мест ссылки. Но, несмотря на все тяготы, Юлий упорно работал над своим марксистским образованием. В ссылке он написал ряд известных брошюр и статей. Перевел книгу немецкого экономиста Г. Геркнера «Рабочий вопрос в Западной Европе» (вышла в СПб. в 1899 году). Постоянно сотрудничал в легальных журналах и писал прекрасные стихи:

«То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В шуме ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело,
И над долей злой
Песней насмеемся
Удалой!» (47).

Положенные на музыку, эти стихи стали одной из любимых песен ссыльных революционеров. Три года Туруханска не сломили волю Юлия Мартова. Сразу приняв искровский план Ленина, он решает по окончании ссылки поселиться на юге России – в Полтаве, где находился под полицейским надзором его брат Сергей. В то время юг становился центром социал-демократического движения. Там возникла новая большая организация «Южный Рабочий». И Мартов справедливо решил, что в Полтаве он сможет обрести прочную базу нарождающимся искровским планам. Но только в марте 1900 года ему удается выбраться из Сибири. Этот счастливый месяц стал основой его самого известного литературного псевдонима. Полный энергией, Юлий Осипович спешит в Псков на встречу с Лениным и Потресовым. Надежда Крупская писала Марии Ульяновой из Уфы, где она осталась отбывать последний год ссылки: «Заезжал Егор [Мартов – А.С.]. Я страшно рада была его видеть, а то не знала что и думать о нем. У него живой и сияющий вид. Болтал все время без умолку…» (48).

Не менее примечательной личностью являлся и А. Н. Потресов. Он был на год старше Ленина. Родился Александр в дворянской родовитой семье. Его отец сделал военную карьеру и завершил ее в звании генерал-майора. Потресов получил блестящее образование – он окончил в СПб. университете естественный факультет и дополнительно два курса юридического. Рано став социал-демократом, он уже с 1892 года тесно сошелся с Георгием Плехановым. Близкий к легальным марксистам, Александр тесно сотрудничал и с «Союзом борьбы»... В декабре 1896 года по его делу он арестовывается и ссылается на два года в город Орлов Вятской губернии.

Александр Николаевич оказался в Пскове раньше своих товарищей, успев освоиться к их приезду. Конечно у него не было того практического подпольного опыта, как у Ленина и Мартова. Но в их планах Потресов играл очень важную роль. Он был не только марксистом-литератором. Особенно ценным являлись его многолетние дружеские связи с Плехановым. Даже во время ссылки их переписка не прекращалась. Ульянов же видел Георгия Валентиновича всего несколько дней, хотя и произвел на последнего неизгладимое впечатление. Кроме личных связей, Потресов имел значительный издательский опыт и хорошо знал заграницу. Фактически в тщательно продуманном плане издания «Искры» он сыграл роль своеобразного «Троянского коня». Раньше всех по литературной тройке он выехал к Плеханову и заручился его принципиальным согласием.

Ленин прибыл в Псков 26 февраля 1900 года. Этот период его жизни тщательно исследован и нет нужды в его подробном комментировании. Отметим лишь то, что здесь и состоялось окончательное решение об издании «Искры», сверстаны все планы и обговорены действия каждого члена «тройственного союза». Это произошло в конце марта – начале апреля 1900 года, когда по пути в Полтаву в Пскове остановился Мартов. Думаю, что только после этих встреч вопрос об издании «Искры» и создании в России групп содействия газете был окончательно переведен в практическую плоскость.

Перед самым приездом в Псков, будучи в Петербурге, Ленин совершенно неожиданно для себя встретился с Верой Засулич, под чужим паспортом путешествующей по России. До этого они не виделись, но много слышали друг о друге. Планы Ульянова захватили Засулич, сделав из нее подлинного сторонника «Искры». Времена для группы «Освобождение труда» были непростые. Еще в ноябре 1898 года в Цюрихе на первом съезде «Союза русских социал-демократов» наметился раскол, а в апреле 1900 года «старики» и «молодые» окончательно разошлись. Поддерживая политическую линию Плеханова, «тройственный союз» сразу занял сторону группы «Освобождение труда». Борьба с «экономизмом» выдвинулась на первый план и на своих совещаниях литературная тройка в составе Ленина, Мартова, Потресова приняла твердое решение остаться самостоятельной группой, не вступая ни в какие тесные контакты с Заграничным союзом.

В конце апреля 1900 года в Швейцарию выехал Александр Потресов. Ленин также хлопотал о выдаче заграничного паспорта и настойчиво проводил организационную работу. Предстояло сделать очень многое. И в первую очередь – оставить в России опорные пункты «Искры». Эта нелегкая задача легла на плечи Мартова (на юге) и Ленина (на севере).

Деятельность искровских групп содействия в литературе широко изучена и освещена. Но вопрос их шифробеспечения исследован недостаточно. Начало этому процессу положили сами искровцы. В 1921 году Пантелеймон Лепешинский так описал конспиративную переписку Псковской группы содействия (после отъезда Ленина именно он возглавил местных искровцев):

> «Для нас, агентов «Искры», у Надежды Константиновны [Крупской – А.С.] имелось миллион сто тысяч заграничных адресов… Все мы были связаны с ней своими особыми условленными шифрами (по системе, конечно, не постоянных знаков для букв, как у Эдгара По в рассказе «Золотой жук», а переменных). Письмо писалось обыкновенно таким образом: открытый текст письма носил что ни на есть обывательский характер. Между строк писалось «химией», т.е. составом, который проявлялся на бумаге при подогревании ее над лампой. Если не было под рукой сложного состава, можно было писать простым раствором соли, молоком или лимонной кислотой» (49).

Итак, ничего конкретного. Однако жена Лепешинского Ольга Борисовна впоследствии прояснила слова мужа:

> «Всю секретарскую работу по переписке с редакцией Пантелеймон Николаевич возложил на меня… Ключом к шифрованной переписке служило стихотворение Надсона «Друг мой, брат мой…» … Это стихотворение я знала наизусть и довольно бегло научилась зашифровывать» (50).

И тут же Лепешинская приводит первую строфу стихотворения, где путает, за давностью лет, слова и строки.

Помимо шифра Лепешинского мы знаем и другие псковские ключи, установленные Владимиром Ульяновым перед его отъездом за границу. Так для переписки с Владимиром Оболенским, товарищем

Потресова и членом местного марксистского кружка, было избрано стихотворение Лермонтова «Ангел» (50).

Со Степаном Радченко, который специально приезжал в Псков для встреч с Ульяновым и Мартовым, условились писать по стихотворению Лермонтова «Сон». Интересно, что сам Ленин был не равнодушен к этому стихотворению и любил слушать романс Балакирева, написанный на его слова (51).

В то же время был решен вопрос о шифре в переписке с петербургским «Союзом борьбы», не прекращающим свою деятельность в столице. Им стало стихотворение Некрасова «Маша». Возможно, что и этот ключ был утвержден при содействии С. Радченко, продолжающего работать в петербургском марксистском подполье.

В начале мая 1900 года Владимир Ульянов получил, наконец, заграничный паспорт и начал готовиться к собственному отъезду. 19 мая в Пскове появился Юлий Мартов (видимо, для передачи имеющихся к этому времени связей), а уже вечером он вместе с Лениным выехал в Петербург. Там 21 мая их арестовывает полиция! Возможно, что история «Искры» могла «потухнуть», так и не разгоревшись. Но «блестящая» операция охранки по аресту опаснейших социал-демократов окончилась позорным провалом. Кроме незаконного посещения столицы предъявить революционерам было нечего. Хотя серьезнейшие улики были в руках жандармов – выполненные «химией» обширные конспиративные записи на ничего не значащем коммерческом счете Ульянова. Но проявить не догадались, и уже через десять дней полиция отпустила революционеров восвояси. Теперь Ленин не медлит. Он прекрасно понимает, что находится на невидимом полицейском крючке и при первой же возможности охранники постараются взять реванш. Начинается прощальное турне по России.

Сначала Ленин едет к матери в Подольск, где встречается с вызванным туда Лепешинским и уславливается с ним о шифре по стихотворению Надсона.

В начале июня по пути к жене в Уфу Ульянов останавливается в Нижнем Новгороде. Здесь жили супруги Пискуновы, которых Ленин знал через старую петербургскую приятельницу Ольгу Чачину. Для нижегородских марксистов принят шифр по стихотворению Лермонтова «Три пальмы».

15 июня Владимир Ильич уже в Уфе. И здесь калейдоскоп встреч с целым рядом революционеров, готовящихся к окончанию вынужденной ссылки. С каждым назначен свой ключ к переписке. Для Виктора Крохмаля выбрано стихотворение Некрасова «Песня». С приехавшей из Астрахани Лидией Книпович условлено стихотворение Некрасова «Калистрат». Этот же шифр был дан позднее Конраду Газенбушу, выбывшему весной 1901 года из Уфы в Самару. Для самой уфимской группы, где оставалась работать Надежда Крупская, была взята известнейшая песня на стихи А. Навроцкого «Есть на Волге утес».

10 июля 1900 года Ленин вернулся в Подольск, откуда через три дня выехал в Австро-Венгрию. Но по пути он посетил Смоленск для свидания с Иваном Бабушкиным и местными социал-демократами. Так был установлен шифр для будущей смоленской транспортной группы – стихотворение Некрасова «Плач детей». Кроме того, Ленин договорился с Бабушкиным о ведении химической переписки и посоветовал последнему в качестве симпатических чернил раствор щавелевой кислоты (52).

В то же время для переписки с Ю. Мартовым и его полтавской группой было условлено стихотворение Пушкина «Брожу ли я…»

16 июля 1900 года Владимир Ульянов пересек австро-русскую границу. При этом таможенниками был составлен список имеющихся при нем книг. Из него следовало, что из художественной литературы при Владимире Ильиче был только сборник стихотворений Некрасова и «Фауст» Гете (видимо, на немецком языке). Остальные немногие книги имели экономическую тематику (53). Вся огромная шушенская библиотека весом в 15 пудов временно осталась в России.

Итак, мы сегодня знаем подавляющее большинство ключей к шифрам групп содействия «Искре» и отдельных ее агентов на момент отъезда Ленина за границу. Всеми этими шифрами в ближайшее время начнется интенсивная конспиративная переписка. И почти все приведенные выше ключи получены в результате прямого исследования сохранившихся криптограмм первых искровцев.

В свое время участник псковской группы содействия «Искре» Николай Сергиевский оставил следующие воспоминания о своих встречах с Лениным в Пскове:

«Я устраивал для него конспиративную переписку, рассылку шифров (книг для шифра) и пр.» (54).

Как видим слова мемуариста вступают в полное противоречие с известными нам фактами. Это тоже своего рода легенда. Ни одного книжного шифра в тот период совершенно неизвестно. Были забыты или же на время оставлены все ключи сибирского трехлетия (например, «Волгин»). Почему? Ведь такое решение значительно снизило устойчивость шифров искровцев и явилось впоследствии прямой причиной их крупнейших провалов. Заметим, что мы не видим в это время и других революционных шифров – гамбеттовских и квадратных систем. Они, безусловно, были прекрасно известны основателям «Искры» – слишком долго они занимались подпольной деятельностью, слишком хорошо знали опыт старых революционеров и

как можно тщательнее готовились к предстоящему сражению с жандармами. Это были уже далеко не наивные люди. И в их действиях надо искать не отсутствие надлежащих знаний, а какой-то резон.

Основная нагрузка по созданию искровской революционной «почты» легла на Владимира Ульянова. В то же время он до предела был загружен литературной и организационной деятельностью. Ближайшая помощница и жена находилась в ссылке в Уфе. Требовались многочисленные поездки и встречи. И все это под неусыпным надзором полиции. В любой момент мог последовать обыск и арест. И первое требование к назначаемым шифрам – их безуликовость и простота. Стихотворные ключи отвечали этим пунктам в полной мере. Ведь любой гамбеттовский или квадратный шифр требует определенных математических вычислений, построения обширных таблиц, особого внимания к применению. Все это отнимало много времени и сил. Конечно, в период подготовки это не имело особого значения (самой переписки еще не было!), но нужно было думать о перспективе. Из писем Ленина той поры мы знаем, что в Мюнхене он буквально «изнемогал» от нахлынувшей на него работы. Вся трудоемкая тайная переписка также ложилась на плечи главного редактора «Искры».

В этих условиях простой стихотворный шифр становился просто незаменимым – готовая шифровальная таблица уже имелась в нужном виде. С различными корреспондентами требовалось назначение разных ключей. Книжный шифр в этом смысле представлял непреодолимые трудности. Вывозить с этой целью из России целую библиотеку – подобную идею Ленин отверг сразу. За границей еще не было никакой искровской базы и надежных адресов. Не было ясно, чем окончательно завершатся переговоры с Плехановым, где обоснуется редакция и типография газеты. И потом, как известно, шифры уславливались чуть ли не в последний момент – перед отъездом Ленина в Швейцарию. Немаловажным фактором было и то, что в будущем о большинстве шифров предстояло договариваться по переписке. И стоило только назвать стихотворение, как дальнейшие объяснения подпольщикам уже не требовались. Способ шифровки был всегда одинаков – числитель шифрдроби обозначал нужную строку, а знаменатель – номер нужной буквы этой строки, считая, обычно, слева направо.

Очевидно, что стихотворный шифр становился наиболее привлекательной криптографической системой. И Ленин здесь отнюдь не был «пионером» – в те годы подобный шифр входил во все большую моду среди всех подпольных организаций революционной России. И это было совершенно правильно, если бы не одно «но»! Выбор авторов стихотворений вел искровцев к неизбежному провалу. Пушкин, Некрасов, Лермонтов, Надсон и, затем, Крылов – этими поэтами и закрывался малочисленный список шифровальных ключей.

Почему же внимание искровцев остановилось именно на них? Во-первых, требовалась полная уверенность, что в любом пункте России и Европы можно будет найти нужное стихотворение. Кроме того – это были любимые поэты самих революционеров. Ленин прекрасно знал Пушкина. Крупская помнила наизусть большинство произведений Лермонтова. Некрасов был для них почти современник и среди демократических кругов России стихи поэта получили огромную популярность.

Любопытна гимназическая программа по словесности той эпохи. Так на устных экзаменах четвертого класса (!) ученики в 1880-х годах должны были продемонстрировать комиссии знание наизусть свыше ста стихотворений поэтов-классиков. В том числе 45 басен Ивана Крылова, 31 стихотворение Александра Пушкина, 10 стихотворений Михаила Лермонтова – итого 86 из 100 (55). Так что большинство своих ключевых стихотворений революционеры помнили с гимназических времен.

Надежда Крупская вспоминала, что привезла с собою в Шушенское сборники произведений Пушкина, Лермонтова и Некрасова, которые она и Владимир Ильич постоянно перечитывали. Некоторые вопросы оставляет только Семен Надсон. Ныне мало известный поэт когда-то количеством своих переизданий превзошел даже Пушкина! Каждый год в России выходили его посмертные сборники. Они имели широчайшее распространение. Почему-то Глеб Кржижановский, вспоминая о литературных вкусах Ленина, заявил, что он недолюбливал Надсона (56). Но вряд ли это так. В свое время тот же Кржижановский переписывался с редакторами «Искры» именно по Надсону. Другие историки заявляют, что этого поэта любила Инна Смидович, ставшая первым секретарем редакции «Искры» (57). Но шифр между Псковской искровской группой и Лениным по стихотворению Надсона «Друг мой…» был условлен до отъезда Владимира Ильича за границу. Известно, что творчество С. Надсона ценила Анна Ульянова, сама, между прочим, занимавшаяся литературной деятельностью. Об этом она прямо написала в одном из своих писем (58). Очевидно и этот поэт был не случайным для Ленина в ряду авторов революционных ключей.

Теперь понятно, почему в качестве шифров были выбраны произведения популярнейших поэтов-классиков. Неясно только, как Ленин и его товарищи не опасались очевидной легкости разбора подобных ключей. Стоило только дешифровщику запастись терпением и пятью томами упомянутых поэтов, как простой перебор подряд всех стихотворений приводил к неизменному успеху. И не надо удивляться проницательности жандармов или подозревать прямое предательство! Это же очевидно! Тем более, что шифровали подпольщики, обычно, с первой строки стихотворения. Искровцы, вероятно, надеялись, что поэтические ключи тогда мало применялись в российском подполье. Однако ими пользовались в свое время еще народники, и, конечно, этот факт был прекрасно известен политической полиции. Стихотворный ключ стал настоящей ви-

зитной карточкой искровцев. Так, исследуя одно из перлюстрированных писем подпольщиков Петербурга за 1903 год, полицейский эксперт доложил начальству:

> «Судя по системе шифра, препровождаемое письмо написано лицом, прикосновенным к деятельности преступного сообщества «Искра»» (59). Впрочем в данном случае чиновник явно оплошал. Судя по письму, оно написано представителем враждебного искровцам Петербургского «Союза борьбы» и отправлено в Варшаву на подставной адрес БУНДа.
>
> Все вышесказанное идет вразрез со сложившимся историческим мнением. В 1968 году один из лучших историков «Искры» В. Н. Степанов писал: «Шифры искровцев в употреблении были очень просты, но в то же время чрезвычайно сложны для расшифровки. Достаточно было сохранить тайну ключа, то есть название стихотворения, …как шифр, даже без всяких усложнений, прочесть непосвященному лицу становилось невозможно» (60).

Можно было бы легко пренебречь данным высказыванием, если бы не личность самого Степанова. Этот выдающийся советский архивист сам расшифровал несколько десятков писем искровцев из фондов ЦПА. И все обнаруженные им ключи были стихотворные! Очевидно, что Степанов просто соблюдал правила игры – в те «затертые» годы писать иначе про искровцев и Ленина было просто невозможно. Большевики были в революционной истории России «самые-самые», и их шифры, соответственно, тоже. Но это ошибочное заявление Степанова было растиражировано в огромном количестве других исследований советского периода.

В. И. Ленин покинул пределы Российской Империи в середине лета 1900 года. И уже в конце декабря первый номер газеты «Искра» вышел из типографии. Но мы пропустим весь сложнейший этап переговоров с Плехановым и комплектования редакции газеты из литературной тройки и группы «Освобождение труда». В стороне останется история обоснования центра «Искры» в Мюнхене и налаживания издательской базы в Лейпциге и Штутгарте. Но нельзя пройти мимо постановки секретарской работы в редакции газеты.

Длительное время Ленину приходилось в одиночку справляться со всем этим хлопотливым хозяйством. И только в октябре 1900 года в Мюнхен прибыла Инна Гермогеновна Смидович (по мужу – Леман), которой было поручено стать секретарем. Но лишь к концу года Инна вплотную приступила к своим нелегким обязанностям – в Мюнхене у нее родился сын.

История этой революционерки по-своему примечательна, и нам не обойти ее стороной. Родилась она в Туле в 1870 году в многодетной помещичьей семье. Ее родной брат Петр также был видным социал-демократом. А их троюродный брат Викентий в начале XX века стал известен как писатель Вересаев. Давно известно, что прообразом одной из его героинь (Наташи из повестей «Без дороги» и «Поветрие») явилась именно Инна Смидович. Поступив в 1890 году на петербургские курсы лекарских помощниц, она уже через несколько месяцев за неблагонадежность была выслана на родину. Образование революционерка смогла получить лишь в Швейцарии. С 1895 года Инна опять в Петербурге, в самой гуще марксистского подполья. В этот период она близко сходится с кружком Юлия Мартова, куда входили такие социал-демократы, как Федор Гурвич и Михаил Леман. Все трое оказали на дальнейшую судьбу девушки огромное влияние. В августе 1897 года следует арест по делу СПб. «Союза борьбы» и высылка в Вятскую губернию. Там же оказывается ее муж М. Леман, Ф. Гурвич и А. Потресов. Непоседливая революционерка совершает побег и в конце 1899 года появляется в Швейцарии в близком окружении группы «Освобождение труда». Видимо хорошее знакомство с Потресовым и с Плехановым предопределило ее назначение на ответственный пост секретаря редакции «Искры».

В дальнейшем Инна Смидович под псевдонимом «Димка» станет одной из виднейших подпольщиц, совершит ряд невероятных побегов из рук жандармов. Раскол на II съезде РСДРП предопределил семейную драму – Инна стала меньшевичкой, а Михаил – большевиком. Тем неожиданнее был следующий поворот в судьбе революционерки. Она вдруг примкнула к анархистам! После революции 17 года Инна Смидович неоднократно подвергалась политическим репрессиям. Старая заслуженная революционерка вынуждена была работать простой работницей на фабрике. Умерла она в 1942 году, начав терять рассудок. Совершенно одинокая и малозаметная смерть ее как нельзя глубже показывает всю трагедию жизни революционера. Отступление от общепринятых канонов вело к неизбежной политической, а зачастую и к физической смерти. Добавим к сказанному, что единственный сын Инны Гермогеновны пропал без вести в годы Гражданской войны. Нет повести печальнее на свете, чем судьба русского революционера, увидевшего, к чему привели все их мечты и действия. И конечно, в начале XX века никто не ведал, чем закончится дорога, прокладываемая энтузиазмом таких талантливых людей, какими были большинство социал-демократов.

Деятельность Инны Смидович (Димки) в качестве искровского секретаря не была продолжительной. В апреле 1901 года ее заменила Надежда Крупская. Безусловно, что вся ее работа на этом посту направлялась Лениным. Однако роль Димки не была чисто техническая. Ленин в революционной деятельности всегда ратовал за возможно большее разделение труда. После появления в редакции штатного секретаря, он отошел непосредственно от трудной, кропотливой и рутинной технологии конспиративной переписки. Шифрами также занималась исключительно секретарь. Естественно, по-началу она использовала только те из

них, которые назначили в России Ленин и Мартов. И все эти ключи – стихотворные. Объем переписки тогда был не очень велик. Поддерживались связи с Полтавой (Ю. Мартов и Л. Радченко), Псковом (П. Лепешинский), Москвой (Н. Бауман), Покровом (И. Бабушкин), Киевом (В. Крохмаль), Уфой (Н. Крупская), Смоленском (В. Клестов). Из крупных организаций можно назвать Петербургский «Союз борьбы», но отношения с ним неуклонно становились все хуже и хуже. «Экономически» настроенное руководство Союза предпочитало иметь дело с редакцией журнала «Рабочее Дело» и «Союзом русских социал-демократов за границей».

С работой И. Смидович на посту искровского секретаря связано одно недоразумение, кочующее из книги в книгу по истории «Искры». Например, известный историк Е. Р. Ольховский писал:

> «Вначале, особенно до приезда за границу Надежды Константиновны Крупской, способы шифровки писем были весьма примитивными. Инна Смидович шифровала так: «Пифитефер, Софоюфуз». А Бауману в Москву она писала «Графачуфу». Такой «шифр» весьма похожий на всем известную детскую игру в слова, не требовал каких-либо усилий для расшифровки: «Питер, Союз, Грачу»» (61).

Шел 1988 год – в стране и исторической науке была объявлена «перестройка». А уважаемый историк продолжал жить прошлыми представлениями и писал об ответственных вещах наивно и незаслуженно для той же «Димки». Разберем ее «детский шифр».

Действительно, за март-апрель 1901 года сохранилось несколько писем в Россию (вернее – их черновиков) – в Петербург, Москву, Покров, Смоленск и Киев, где присутствует указанный шифр (62). В начале каждой копии письма стоит зашифрованный через букву «Ф» географический пункт, куда направлялось письмо и его адресат. Все же остальные конспиративные данные Смидович тщательно перекрывала стихотворными ключами через цифровые дроби. Так, к примеру, документы, на которые ссылается Ольховский, закрыты по ключу СПб. «Союза борьбы» (стихотворение Некрасова «Маша») и шифру Н. Баумана. Но такие вещи, как город и адресат в чистовых вариантах писем никто не шифровал! Следовательно, все эти «Фи-Фе-Фо» отложились только в черновиках архива редакции «Искры, и не представляли никакой опасности подпольщикам в России.

Что же касается упомянутого шифра Николая Баумана (Грача, Полетаева), то здесь есть о чем поговорить подробнее. Выдающийся искровский агент обосновался в Москве в начале 1901 года. После выхода первого номера «Искры» он лично провез часть тиража в Россию и остался на родине для нелегальной работы. Сохранилась обширная переписка Баумана и редакции вплоть до его ареста в феврале 1902 года. Девять писем из нее отложились в виде криптограмм с параллельной их расшифровкой. Это обстоятельство вполне позволяет восстановить ключ к шифру «Грача». Он для искровской практики по-своему уникален. Только Бауман использовал стихотворный ключ в подобном виде. Он представлял из себя текст неизвестного поэта, вписанный в стоклеточный квадрат по типу старого народнического шифра. Часть букв таблицы установить не удалось:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	—	12
1	З	в	е	з	д	ы	у	с	ы	п		
2	В	ъ	с	у	м	р	а	к	е	н	е	ж
3	К	а	к	ъ	б	е	з	м	я	т	е	ж
4	Б	л	е	щ	е	т	ъ	и	х	ъ		
5	Т	у	ч	к	и	п	и					
6	Ф	л	о	т	о	м						
7	Д	а	н	а	д	о	с	ч				
8	Н	е	т	ъ	р	а	в	н	о	д	у	ш
9	Б	о	г	ъ	д	а	р	о	в			
10	В	ъ	м	е	с	я	ц	е	и			

Каждая литера при шифровании заменялась дробью в общепринятой системе. При этом вместо первого десятка цифр можно было брать второй или третий. Очевидно, что такие буквы, как «Ж» и «Ш» не присутствовали в основном ключевом квадрате, и был дополнительно введен еще 12-й столбец, где они по тексту стихотворения имелись. Так, к примеру, фраза *«Нижний Нов(город)»* в одном из писем зашифрована в следующем виде:

18/11 15/15 3/12 8/8 4/8 5/5 8/18 6/3 1/2 (63).

Ключ Николая Баумана был известен еще публикаторам «Переписки». Но многолетние попытки историков (в том числе, В. Н. Степанова, Ю. С. Уральского и мои собственные) так и не привели к открытию автора стихотворения. Возможно, что кто-то из читателей сумеет разгадать эту любопытную загадку искровцев.

Ясно, что в свое время приведенный шифр был условлен между Бауманом и секретарем «Искры» Смидович. И когда Надежда Крупская заняла место последней, вдруг встал вопрос о ключе «Грача». В сентябре (!?) 1901 года сам Ленин обращается к Бауману в Россию: «Сообщите химией наш ключ для переписки, я забыл. Ответьте на это письмо тотчас» (64).

Ответ «Грача», к сожалению, не сохранился, и остается только гадать – может быть, это вообще неопубликованное стихотворение какого-нибудь революционера? Но подобную идею ставит под сомнение следующее обстоятельство.

Полиция вышла на след Баумана через Киев, где под постоянным наблюдением находился искровец Виктор Крохмаль. В феврале 1902 года произошла всероссийская ликвидация частично открытой жандармами Организации «Искра». Среди прочих были схвачены Бауман и Крохмаль. Первого августа 1902 года начальник Киевского ГЖУ генерал Новицкий в своем донесении в Департамент полиции сообщал:

> «В Москве по связям с Крохмалем арестованы были: … служащий в банке, мещанин Михаил Марков Меерсон… Что же касается Меерсона, то он, как оказалось впоследствии, имел сношения не только с Крохмалем, но и непосредственно с заграничными эмигрантами. 5 февраля н. ст. 1902 года Меерсон получил из Мюнхена написанное химическим способом письмо за подписью «Катя» … Весьма возможно, что адресом Меерсона только пользовались для писем, и это письмо относится не к нему, а к известному Грачу, …но так как письмо адресовано непосредственно к Михаилу Маркову Меерсону, без всякой передачи, а сам он никаких объяснений по этому поводу не дает, то вопрос этот до сих пор остается открытым» (65).

В этом обширном документе (процитированном нами только частично) полностью приводится письмо Н. Крупской (Кати) к Н. Бауману (Грачу). При этом неразобранная жандармами криптограмма дается Новицким в первозданном дробном виде.

Однако в современной публикации указано, что данный шифр прочтен в Департаменте полиции (66). Но когда? Новицкий датирует свое «отношение» первым августа 1902 года. А уже 18-го происходит невероятное – из киевской тюрьмы совершили побег сразу одиннадцать политических. Из них – десять искровцев! Все старания жандармерии и лично генерала Новицкого пошли прахом. И какой смысл был после этого дешифровщикам Департамента полиции разбирать февральский шифр Баумана, когда он в числе десяти бежавших оказался вне досягаемости российских властей – в Женеве? Но если ключ был все-таки обнаружен, значит и стихотворение, положенное в его основу, также стало известно жандармам! Как видим, здесь больше вопросов, чем ответов.

Шифровкой писем в Россию занималась преимущественно секретарь И. Смидович. Но в заграничных письмах Ленина есть одно, заслуживающее особое внимание. Имеется в виду его послание к Виктору Ногину (он же Новоселов). Этот виднейший искровец в свое время принадлежал к осколкам группы «Рабочее знамя», в которую, между прочим, входили брат и сестра Мартова – Сергей и Лидия. Будучи в полтавской ссылке одновременно с Мартовым, Ногин близко сошелся с Юлием Осиповичем. Вскоре Виктор совершил побег из Полтавы и оказался в Лондоне у своего приятеля по «Рабочему знамени» Сергея Андропова. Случилось это в сентябре 1900 года. А в октябре по рекомендации Мартова с ним связался Владимир Ульянов.

В январе 1901 года он отправил Ногину очередное письмо, в котором написал следующее:

> «Мне сообщили фамилию… петербуржца… Боюсь доверить фамилию почте – впрочем, передам Вам ее таким образом. Напишите имя, отчество (на русский лад) и фамилию Алексея и обозначьте все 23 буквы цифрами по их порядку. Тогда фамилия этого петербуржца составится из букв: 6-ой, 22-ой, 11-й , 22-ой (вместо нее читайте следующую по азбуке букву), 5-й, 10-й и 13-й» (67).

Имя, отчество и фамилия «Алексея» (псевдоним Мартова) – **Юлий Осиповичъ Цедербаумъ**. Перед цифрой «22» Ленин опустил цифру «18», которая означает букву «Р». Если вставить ее на место, то тогда мы получим фамилию *«Смирновъ»*, которую имел один из членов группы «Рабочее знамя», а именно Михаил Смирнов.

Любопытно отметить профессиональный рост (как криптографа) автора письма. Если шифр Владимира Ульянова из 1895 года (к П. Аксельроду) вызвал наши скептические нарекания, то в 1901 году прогресс очевиден. Ленин очень грамотно выходит из положения, когда требуется объяснить товарищу секретный ключ. Кроме того, он (очевидно сознательно) пропускает одну букву, прекрасно зная, что Смирнов и Ногин – старые товарищи. Написание криптограммы с ошибкой – это эффективный и распространенный способ запутать нежелательного дешифровщика.

Кроме того, интересен опыт Ленина по привязке отсутствующей в ключевой фразе буквы к соседней, там имеющейся. Довольно часто подпольщики оставляли подобные буквы вообще без всякой зашифровки, что являлось грубейшим нарушением криптографических законов. В своем письме к Ногину Ленин избегает подобной ошибки. Но вот пример иного рода – послание Владимира Ульянова к Федору Гурвичу (Дану) от 22 марта 1901 года:

> «Что и как с Ф 10/1 2/2 2/6 5/14 2/2 6/6 5/1 1/22 4/2 7/6 7/3 6/1?».

Криптограмма расшифровывается так: «Что и как с *финлянд(скими) путями?*» (68). Письмо Ленина шифровала Инна Смидович, а ключом являлось стихотворение Лермонтова «Пророк». Отсутствующая в его

тексте буква «Ф» так и осталась без зашифровки. И таких примеров из переписки социал-демократов можно привести множество. Этим страдала не только Инна Смидович, но и подавляющее большинство других революционеров.

К середине апреля 1901 года в Мюнхен, наконец, с большими дорожными приключениями добралась Надежда Крупская. Уже загодя в редакции «Искры» было решено, что с ее приездом к ней отойдут все секретарские обязанности. И Инна Смидович быстро сдала свои дела. Шестнадцатым апреля датируется первое конспиративное письмо «Кати» (под этим псевдонимом знали Крупскую российские искровцы). Так началась многолетняя тяжелейшая работа на поприще тайной переписки этой выдающейся русской революционерки.

Ленин, возлагая на собственную жену секретарские обязанности, знал, что делал. Сейчас нет предела в упреках (как и сто лет назад), что он узурпировал все связи с Россией, оттеснил от общения с революционерами остальных редакторов «Искры» и вообще проявлял бонапартистские замашки. Но вряд ли это было действительно так. Просто никто из пяти других редакторов не умел или не хотел заниматься этой сложной и рутинной работой. Все «спихнули» на трудолюбивую Крупскую и все успевающего Ленина. Только Юлий Мартов помогал в переписке с Россией, но его круг общения ограничивался его братьями и сестрой (Сергей, Владимир и Лидия Цедербаумы), южными организациями и БУНДом. Все остальное легло на плечи четы Ульяновых. А работа секретаря была весьма непростая. Помощница Крупской по секретарской части в 1904—1905 годах Лидия Фотиева рассказывала, как это было:

> «Переписка с Россией была тяжелой и трудоемкой работой. Она состояла из ряда операций: прежде всего полученные письма следовало разобрать, каждое письмо проявить, расшифровать зашифрованную часть текста и переписать. Затем надо было написать текст письма, направляемого в Россию, зашифровать наиболее секретную часть его, вписать все письмо химическим способом между строк заготовленного заранее и написанного обыкновенными чернилами письма, которое по содержанию не могло бы вызвать подозрения охранки. Нередко в шифровке полученных писем встречались ошибки, и приходилось долго биться над их расшифровкой» (69).

Н. Крупская

В одном из своих писем Лидия Фотиева прямо призналась: «Меня просто угнетает эта работа» (70).

При первой возможности помощники Крупской бросали секретарскую деятельность, и только она неизменно оставалась на своем посту. Той же Фотиевой она отвечала:

> «То, что вы недовольны своей функцией, я понимаю, но, прочитав ваше письмо, у меня явилось желание жестоко обругать вас. Вы прекрасно знаете, что успех общепартийной работы в значительной мере зависит от того, насколько прочно будут связаны между собой различные комитеты и группы, насколько толково будут вестись сношения…. И, зная это, вы готовы сбросить работу на первую подвернувшуюся девицу, совершенно к этому делу не пригодную…» (71).

Постепенно у Н. Крупской появлялись помощники. В разное время ей помогали Лидия Канцель (Цедербаум), Иосиф Блюменфельд, Лидия Фотиева, Мартын Мандельштам (Лядов), Мария Ульянова, Сергей Моисеев и другие революционеры, оставившие в большевистском архиве свои автографы. Но в период «Искры» все ложилось, главным образом, на плечи одной Надежды Константиновны. Уже к середине 1903 года Организация «Искра» представляла из себя внушительную для подполья структуру. В разные годы она охватывала собой около 250 революционеров, большинство из которых имели свои индивидуальные шифры. Такой же рост партии мы наблюдаем и в следующие годы. Лишь опубликованная революционная переписка вместилась в 13 объемных книг! И это только за четыре года! Сколько же всего за все подпольные будни прошло через руки ленинского секретаря писем и документов? Тысячи и тысячи. Но, благодаря усилиям Крупской, большевистская фракция РСДРП располагает ныне архивом, аналога которому нет.

Десятилетия спустя Надежда Константиновна дала свое видение собственной секретарской деятельности:

> «Перечитывая сейчас переписку с Россией, диву даешься наивности тогдашней конспирации. Все эти письма о носовых платках (паспорта), варящемся пиве, теплом мехе (нелегальной литературе), все эти клички городов, начинающиеся с той буквы, с которой начиналось название города (Одесса – Осип, Тверь – Терентий, Полтава – Петя, Псков – Паша и т.д.), вся эта замена мужских имен женскими и наоборот – все сие было до крайности прозрачно, шито белыми нитками. Тогда это не казалось таким наивным, да и все же до некоторой степени путало следы».

Так же наивны были многие шифры подпольщиков и способы их переписки. Может быть, именно поэтому Крупская очень мало и скупо вспоминала об этой сфере своей деятельности, понимая, что хвастаться особенно нечем. Но она оставила для истории нечто гораздо более ценное, чем мемуары. Изучение сохранившегося эпистолярного наследия революционеров способно сегодня ответить на большинство возможных вопросов (72).

Крупская приехала в Мюнхен, уже имея богатый опыт в организации конспиративной переписки. Одна трехлетняя ссылка в Шушенском и Уфе чего стоила, когда ни на день не прерывались связи с товарищами. Благодаря опыту и сноровке Надежды, не было провалено ни одного письма из Сибири. Это также нам многое говорит.

Первым делом, за что она взялась – реформирование химической переписки. До этого момента она велась излюбленными подручными средствами подпольщиков – молоком, лимоном, солью, содой, щавелевой кислотой и т.п. Их еще широко применяли учителя марксистов народники. Но именно они же перешли к более сложным реактивам. Социал-демократы сильно отстали от своих предшественников. Рецепт народовольцев (желтая соль) был к этому времени окончательно отвергнут. И секретарем редакции «Искры» было решено не усложнять свою жизнь. Ведь вся переписка шла до этого без перебоев и провалов. Более того – молочная «химия» в течение года не была обнаружена и в петербургском Доме предварительного заключения. Так или иначе, но введенная Крупской рецептура не являлась особенно изощренной. Нестойкие природные «чернила» были заменены ею на водный раствор уксуснокислого свинца. Проявлялись они все тем же нагреванием. По письмам тех лет можно составить целую инструкцию для правил химической переписки:

> 1. «Не пишите лимоном, можно читать не проявляя: проявляются сами».
>
> 2. «Для писем в книгах употребляйте уксуснокислый свинец, но сделайте предварительно опыт… Можно так же писать… письма химией и в обыкновенных письмах между строк, надо брать только толстую английскую бумагу, это наилучший способ сношений».
>
> 3. «Во всех… газетах и журналах бумага ни к черту не годна».
>
> 4. «Надо писать совсем чистым пером и вовсе не нажимать, а то видно. Я писала вам про уксуснокислый свинец».
>
> 5. «Химия ваша никуда не годна, …можно было прочитать не грея. Проверьте-ка свою химию, все ясно видно было бледно желтым цветом, очевидно, состав долго стоял» (73).

Итак, с появлением Надежды Крупской в арсенале искровцев впервые начинает фигурировать уксуснокислый свинец. Вообще свинцовые соли для «химии» широко применяли и другие революционные группировки. Так параллельно существующий «Союз русских социал-демократов за границей» считал наилучшим составом раствор азотно-свинцовой соли. Но искровцы шли своим путем. Ситуацию проясняет вышедший в 1900 году 58-й том энциклопедии «Брокгауза и Ефрона». В указанном томе помещена обширнейшая статья по симпатическим чернилам, где приведено пятнадцать их разнообразных рецептов. Здесь можно, в частности, узнать, что название «симпатические чернила» введено в конце XVII века химиком Лемортом из Лейдена. Он дал это имя водному раствору «свинцового сахара». Так называлась уксусно-свинцовая соль (она же *уксусно-кислый свинец* $Pb(CH_3COO)_2$), которая в те времена в значительных количествах употреблялась в крашении и ситцепечатании.

Из всего сказанного легко напрашивается очевидная версия событий. Надежда Крупская появилась в Германии в апреле 1901 года. В это время 58-й том «Брокгауза» был уже в руках российских читателей. И при всей популярности энциклопедии в России трудно сомневаться, что искровцы почерпнули свой рецепт именно из нее! Старинный, веками испытанный химический состав стал служить искровскому подполью. Впрочем, не все было ладно и с новой «химией». Киевская искровка Августа Кузнецова жаловалась товарищам: «Пишите лимоном… Свинцовой водой ничего не вышло» (74).

Таким образом, несмотря на определенные нововведения, химическая тайнопись искровцев оставалась все такой же несложной для жандармских экспертов. Впрочем в использовании революционерами простых составов был свой смысл. Ведь если при перлюстрации химического письма возникало подозрение в его «втором дне», то никакие ухищрения уже не могли помешать специалистам обнаружить «химию». Пусть занимало это немного больше времени. Как же это происходило? Ответ мы найдем все в том же 58-м томе «Брокгауза»:

> «Чтобы распознать присутствие штрихов, сделанных симпатическими чернилами на белой бумаге или между строками, написанными обыкновенными чернилами, подозрительную бумагу помещают между пластинками белого стекла, сильно придавливают последние друг к другу и рассматривают внимательно при падающем (отраженном) и проходящем свете. Нередко это дает возможность прямо прочесть даже совершенно бесцветные штрихи. В противном случае проводят по подозри-

тельной бумаге ряд косвенно-пересекающихся линий при помощи гусиных перьев, обмакиваемых в различные реактивы, как разведенную уксусную кислоту, сероводородную воду, сернистый аммоний, йодную воду, растворы железного, медного купороса, сулемы, азотно-серебряной соли, хлорного железа, желтой и красной кровяной соли, свинцового сахара, танина и пр. Если какой-нибудь из реактивов дает положительное указание, то нетрудно отыскать соответствующий раствор для проявления всего написанного» (75).

Любопытно теперь сравнить эту статью энциклопедии с жандармским перечнем реактивов, приведенным в одном из документов той далекой эпохи:

«1. Растворить азотнокислое серебро при подкуривании аммиаком и при освещении вольтовой дугой.

2. Раствором эскулина (флюоресцирующих мест не заметно при освещении вольтовой дугой).

3. 5 %-ным раствором ализариновых чернил (контроль – бумага с надписями чистой водой).

4. Раствором желтой кровяной соли (0,5 %).

5. Раствором сернистого аммония (1 %).

6. Раствором аммиака (1 %).

7. Раствором красной кровяной соли с бромистым калием (1 %). В виду проб (1, 2, 3) пробы йодом, нагреванием и полуторахлористым железом как менее чувствительные и бесполезные применены не были» (76).

В списке жандармских экспертов фигурирует 10 химических проб и лишь по пунктам 2 и 3 мы не находим соответствия со статьей из энциклопедии «Брокгауза и Ефрона». Так что революционеры уже в 1900 году получили возможность точно знать, что проделывает с их письмами «Черный кабинет». Более всего интересен последний абзац докладной, где перечислены пробы нагреванием, йодом и полуторахлористым железом. Эти основные «проявители» революционной переписки с успехом заменялись более эффективными реакциями.

Вывод, который из всего этого могли сделать революционеры, заключается в одном: любая «химия» не имела никаких шансов устоять при экспертизе специалиста. Поэтому главной задачей подпольщиков было не дать самого повода заподозрить неладное. А это уже зависело от их мастерства. Именно в этом конспиративном искусстве Надежда Константиновна Крупская имела огромный практический опыт.

Глава четвертая

Обоюдоострое оружие

Из редакционной переписки тех лет:

Юлий Мартов – Павлу Аксельроду, июль 1901 года.

> «С лондонцами, которые уехали, пробыв здесь пять дней, мы подробно потолковали, да еще и раньше с Новоселовым я жил 1/2 года на юге и достиг достаточной гармонии во взглядах. Они едут в Россию и, если только не влетят скоро, несомненно, окажут большие услуги делу. Вместе с ними у нас теперь на службе будет уже девять «нелегальных», что, конечно, нет ни у одной организации, действующей в России. К осени это число может увеличиться до 12 – 15» (77).

Дела «Искры» летом 1901 года шли на подъем. С приездом в Мюнхен в конце марта Ю. Мартова соединились, наконец, два основных редактора газеты. До этого фактически все ложилось на плечи двужильного Ленина. Прибывший Мартов усилил русские связи организации. Еще находясь под негласным полицейским надзором, он объехал многие южные марксистские кружки Харькова, Киева, Екатеринослава, Крыма. В Полтаве Юлий Осипович основал деятельную искровскую группу. Руководство ею приняла на себя его старая приятельница Любовь Радченко, но вскоре она обосновалась в Харькове (ключ к шифру у нее остался полтавский – Пушкин, «Брожу ли я…»).

Мартов вошел в контакт с организацией «Южный Рабочий», особенно с редакторами издаваемой одноименной газеты – Сергеем Харченко и Ефремом Левиным. Тогда же был условлен шифр между ними – поэма Пушкина «Граф Нулин».

Серьезная искровская группа была заложена в Киеве, где стараниями Виктора Крохмаля сложилась основная южная база «Искры». Ключом киевских искровцев стало стихотворение Лермонтова «Дума».

В Кишиневе обосновался Леон Гольдман, устроивший при помощи редакции «Искры» и БУНДа знаменитую подпольную печатню. От первой были получены деньги, вторые снабдили типографским станком. О шифре договорились весной 1901 года, когда Гольдман приезжал в Мюнхен обучаться печатному делу. Им стало стихотворение Некрасова «Плач детей».

В Вильно работал бежавший из-под надзора Сергей Цедербаум. Основная его задача – организация транспорта через прусскую границу и связь с БУНДом.

В Москве и прилегающих к ней фабричных районах активно действовали Николай Бауман и Иван Бабушкин. В Астрахани находилась Лидия Книпович. Через нее редакция связалась с бакинскими революционерами – Левиком Гальпериным, Леонидом Красиным, Ладо Кецховели и Николаем Козеренко. Их энергией создавалась подпольная типография «Нина» и закладывались персидские транспортные пути «Искры». В Пскове на своем посту оставался Пантелеймон Лепешинский. В Петербурге работал Степан Радченко.

За границей также не дремали. Еще в конце 1900 года под руководством Михаила Вечеслова в столице Германии возникла первая зарубежная группа содействия «Искре». На первых порах в ее задачи входил сбор денежных средств. Но к лету 1901 года Берлин превратился в центральный пункт транспортировки газеты в Россию. На адрес Вечеслова приезжали экспедиторы, а он снабжал их литературой, упакованной в чемоданы с двойным дном. Способ был стар, как сама контрабанда. Но на первое время все сходило удачно. Среди берлинских искровцев назовем Анну Ульянову-Елизарову, супругов Федора и Веру Гурвич, Инну и ее брата Петра Смидович. К их кружку (по сведениям секретной агентуры) примыкала группа «Сибирских социал-демократов». Среди последней врач Владимир Броннер и его жена.

«Искра» и ее российские помощники все более наращивали свою деятельность. Один за другим выходили очередные номера (к декабрю 1901 года их было уже 13). Для примера – «Южный Рабочий» за полтора года сумел издать только пять номеров своей одноименной газеты!

Департамент полиции, еще не видя за искровской конспирацией всей глубины организации, тем не менее тоже почитывал подпольную прессу. Открытый политический призыв к свержению самодержавия, упор на рабочих, явная симпатия к «Искре» оппозиционной части общества – все это могло далеко зайти.

> «Рабочий класс – коллектив такой мощности, каким в качестве боевого средства революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений. Чисто количественная его величина усугублялась в своем значении тем обстоятельством, что в его руках обреталась вся техника страны, а он, все более объединяемый самим процессом производства, опирался внизу на крестьянство, к сынам которого принадлежал; вверху же, нуждаясь в требуемых знаниях по специальности, необходимо соприкасался с интеллигентным слоем населения. Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной аги-

> тацией в направлении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой для существования порядка вещей»

– так проницательно оценивал марксистскую угрозу глава московской охранки Зубатов (78).

Опасность социал-демократических идей все больше беспокоила Департамент полиции. Но если раньше марксисты действовали в определенных районах страны, то с появлением «Искры» все стало гораздо сложнее. Стремясь сгруппировать вокруг центральной политической газеты разрозненные и разбросанные по всей стране кружки, агенты «Искры» действовали уже во всероссийском масштабе – от западных и южных границ до восточных.

Один за другим под знамя «Искры» вставали все новые и новые революционеры. Одними из первых были Сергей Андропов и Виктор Ногин, лондонские эмигранты. И царская агентура четко фиксирует их планы. 12 марта 1901 года директор Департамента полиции Зволянский подписывает директиву:

> «Ввиду полученных указаний, что разыскиваемый… дворянин Сергей Васильев Андропов предполагает прибыть из-за границы в Россию по чужому паспорту, Департамент полиции считает полезным разослать вместе с сим фотографические карточки, в двух видах, названного Андропова» (79).

Но только к началу июля 1901 года Андропов и его друг Ногин появляются в Мюнхене (в совершенно законспирированном искровском центре) для получения перед отъездом в Россию последних инструкций. Среди прочего условлен и ключ к шифру – начало поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (У Лукоморья дуб зеленый). Выбран район действия – Одесса. Решен вопрос о маршруте проникновения в Россию. С этой целью Андропов и Ногин отправляются в Берлин. Через искровскую группу содействия и связанных с нею контрабандистов революционеры, наконец, оказываются в Вильно у их старого товарища по «Рабочему знамени» Сергея Цедербаума (Якова). И здесь планы Андропова и Ногина начали резко меняться. Вся троица решает более важным ехать не в Одессу, а в Петербург, где дела «Искры» были не блестящи. Там, в вотчине российского «экономизма», революционеры решили основать искровскую районную газету. Это было полное непонимание главного плана «Искры» – покончить с кустарничеством и сплотить местные организации вокруг центрального печатного органа. Все силы (и литературные, и материальные, и людские) бросались на выполнение этой сверхзадачи. И вдруг собственные агенты устроили такой демарш!

Ответ Ленина скор и резок:

> «Это что-то невероятное! После целого года отчаянных усилий… вдруг опять рассыпать храмину и возвращаться к старому кустарничеству. Более самоубийственной тактики для «Искры» я не могу себе представить!.. Мы требуем, чтобы новый план был брошен» (80).

Доводы Ленина возьмут верх. Но пока, не зная отношения редакции к их решению, Ногин и Андропов разъехались – Виктор к матери и брату в Москву, а Сергей к сестре в Уфимскую губернию в город Бирск.

Не бездействует и полиция. 20 июля 1901 года Зволянский подписывает телеграмму в Московское охранное отделение к Зубатову:

> «По достоверным указаниям Андропов и Новоселов выехали из-за границы в Россию… Должны теперь находиться в Москве. Примите тщательные меры к выяснению и учредите неотступное секретное наблюдение, сопровождая при выездах. Жду уведомления. Директор Зволянский» (81).

Полиция не скоро узнает, что упомянутый Новоселов есть рабочий Виктор Ногин, но его уже ищут по всей империи. Однако в Москве след искровца обнаружен не был. А Виктор был там и терпеливо ждал ответа редакции.

Наконец в середине августа 1901 года Ногин получил письмо «Кати» (Крупской):

> «Мы ничего не имеем против того, чтобы вы и Брусков ехали в Питер. Питер для нас очень важен, и у нас там совсем нет своих людей. Только как для вас Питер в смысле безопасности? В Одессу поедет теперь свой человек… Главным образом против чего мы возражаем…. – это против устройства массовой газеты (не литературы, а именно газеты)… Доставка литературы вам будет обеспечена…» (82).

Конфликт был улажен. И Виктор Ногин отправился в Петербург. Но предварительно он написал письмо в Бирск Андропову (Брускову), информируя товарища о событиях. Туда же он отправил ответ Ленина, полученный им через Вильно от С. Цедербаума.

Переписка Москвы и глухого уральского городка не проходит мимо жандармов. 21 августа Зволянский просит выяснить Уфимское ГЖУ, не находится ли разыскиваемый Андропов у его сестры, на имя которой идут конспиративные письма. И уже 26 августа он арестовывается на пристани Казани. При нем обнаруживают фальшивый паспорт, жидкость для химической переписки и ленинское шифрованное письмо, выполненное между строк сборника стихотворений Тана.

Тем временем 2 сентября в Санкт-Петербурге появился Ногин. Уже на следующий день он информирует искровский центр в Мюнхене:

> «Даю вам адрес до половины октября: 4.1 2.3 4.2 4.5 8.3 9.1 11.5 4.3 10.1 12.2 8.4 1.10 2.2 3.3 7.18 8.14 3.2 4.5 3.5 4.2 4.3 7.3 6.1 6.2 7.7 2.7 2.5 7.1 2.10 1.4 4.1 3.2 5.3 6.5 8.14 12.2 6.1 6.2 3.2 4.13 3.5 9.1 10.6 9.2 2.4 6.3 3.1 6.4 8.1 8.2 ф 1.5 4.1 3.3 2.8 11.5 9.1 5.3 3.3 6.13 3.4 1.8, письмо обязательно начинайте со слов «Дорогой друг». Перешлите этот адрес и в Берлин, сообщите им, что я не могу понять систему их ключа (сам ключ я знаю) и потому прошу пользоваться ключом, употребляемым вами со мною… Ваш Яблочков» (83).

5 сентября скалькированное в «Черном кабинете» и расшифрованное письмо неизвестного Яблочкова легло на стол директора Департамента полиции. Адрес гласил: «*Вас(ильевский) Ост(ров), шестая л(и)ния, дом семнадцать, кв(артира) девятнадцат(ь), Нат(а)лье Руфовне Штенгер».* Ключ к шифру был не сложен – Пушкин, «У Лукоморья дуб зеленый». Справки навели быстро – упомянутая Штенгер 23 августа прибыла в Петербург из Берлина. Вместе с ней приехала и дочь – Наталья фон Бах, очень подозрительная особа. Установленное наблюдение за квартирой Штенгер и привело сыщиков к Яблочкову. Зафиксированы были его многочисленные контакты с давно известным полиции Степаном Радченко, а так же с только что прибывшими из Берлина студентками Ревекой Рубинчик, Августой Минской и Елизаветой Мандельштам. Вскоре в Петербурге объявился и Сергей Цедербаум, тут же попавший в орбиту жандармского наблюдения. Прослежены были его встречи с известным членом СПб. «Союза борьбы» Николаем Аносовым, ведавшим сношениями с заграницей и иногородними организациями. Из постоянно перлюстрируемых писем Яблочкова жандармы узнали о создании Петербургского отдела «Искры» и об активно ведущихся переговорах о слиянии искровцев с «Союзом борьбы». Полиция ждала результатов, а пока фиксировала переписку социал-демократов. Например:

Редакция «Искры» – Яблочкову.

> «Вот адрес для явки с чемоданами. Берлинцы бьют тревогу и написали Грачу, чтобы он взял чемоданы. Мы уже говорили про них Грачу, но пока их, очевидно, никто не взял, и лучше всего будет, если возьмете Вы» (84).

> «Настрочите питерских девиц, чтобы они писали аккуратно, присылали корреспонденции и всякие листки, а то с Питером нет никаких связей» (85).

Между тем, кольцо слежки все более сжималось. Для «внутреннего освещения» была даже задействована серьезная агентура – на встречу с Яковом (Сергеем Цедербаумом) вышел Михаил Гурович, известный издатель марксистского журнала «Начало». Он пользовался особым доверием «Союза русских социал-демократов» и их российских приверженцев. И никто не подозревал, что «Начало» издавалось на деньги полиции, а его редакция была тем «аквариумом», в котором жандармы ловили нужную им «рыбку». Именно после встречи

Цедербаума и Гуровича полиция точно выяснила место нахождения редакции «Искры» .(Мюнхен) и роль Берлина в транспортировке газеты через прусскую границу.

С конца сентября наблюдение за Яблочковым и Яковом становится неотступным. 2 октября 1901 года в 10 часов 20 минут Ногин встретился в Ботаническом саду с Ревекой Рубинчик. В тот же день вечером прямо на улице Петербургской стороны искровский агент был арестован. Только тогда жандармы дознались, что Яблочков, Новоселов и Ногин – одно и то же лицо.

С арестом искровского представителя и бегством из Петербурга Цедербаума в столице из крупных искровцев оставался только С. Радченко. Да и тот под угрозой провала свернул активную подпольную деятельность. Редакция «Искры» начала срочно восстанавливать связи. Еще перед своим арестом Ногин сообщил в Мюнхен:

> «Берлинцы и т.д. удивительные люди…: до сих пор я не получил от них ни одного письма. Я не могу объяснить их молчание неимением времени, так как их знакомые, живущие здесь, получают чуть не каждую неделю письма» (86).

Полиция перехватывает послание. Она прекрасно знает, о ком идет речь. «Знакомые берлинцев», «питерские девицы» – это давно установленные агентурой Н. фон Бах, Р. Рубинчик, А. Минская и Е. Мандельштам. Их заграничная переписка так же берется под контроль.

Но «Катя» (Крупская) ищет питерские связи именно через берлинских искровцев – от них получены адреса и шифр.

1 декабря 1901 года Крупская отправляет в Петербург очередное письмо, шифруя его берлинским ключом:

> «Ваш знакомый 7.6 1.4 4.5 5.2 6.2 2.1 5.1 10.2 1.1 6.5 3.9 1.10. Очень рады, что 5.11 1.4 8.3 2.6 6.5 2.3 2.1 9.5 4.1 5.5 1.9 9.4 3.9 попадает в среду рабочих…» (87).

Письмо не находит адресата. 4 декабря произошел форменный разгром питерских искровцев. Подверглись одновременному обыску 24 лица, 10 из них арестованы. В их числе Степан Радченко, Ревека Рубинчик, Елизавета Мандельштам, Августа Минская. Шифровку Крупской прочитали уже жандармы. Ключом к ней оказалась прямоугольная таблица, построенная по слову **«Вашингтонъ»** (азбука в 35 букв, «Й» в конце алфавита): см. Таблицу 6.

Таблица 6

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**
1	**В**	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р
2	**А**	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о
3	**Ш**	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	й	а	б	в	г
4	**И**	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц
5	**Н**	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы
6	**Г**	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с
7	**Т**	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я
8	**О**	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь
9	**Н**	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы
10	**Ъ**	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Ѳ	й	а	б	в	г	д	е

Судя по шифру, секретарь редакции «Искры» Катя писала в столицу:

«Ваш знакомый *чемоданы взял.* Очень рады, что *через Вас «Искра»* попадает в среду рабочих…».

Речь в письме шла о питерском посланце, получившем в Берлине чемоданы, где под двойным дном транспортировалась «Искра».

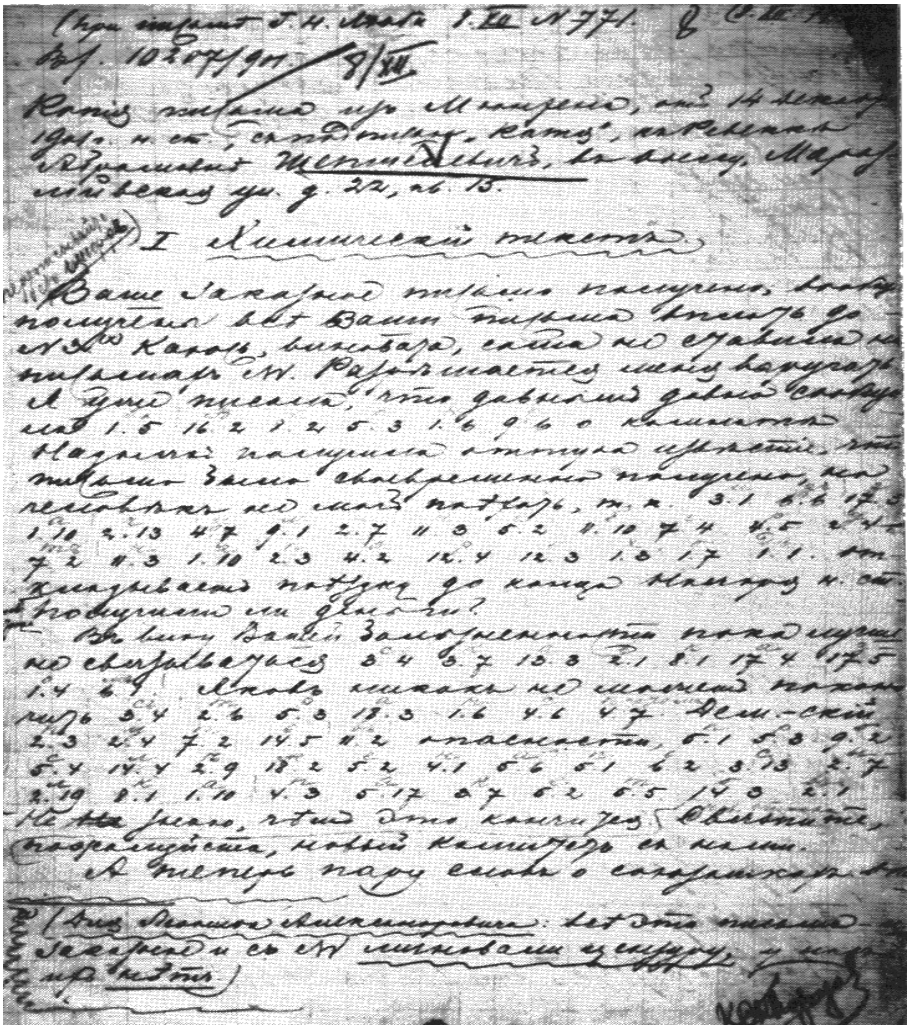
Возможно, криптограмма предназначалась Августе Минской, отвечающей в петербургской искровской группе за доставку литературы. При ее аресте жандармами было изъято другое письмо, в котором речь шла также о транспорте, но только с прусской границы через группу «Якова». Шифр этого послания в полиции разобрать не смогли. Зато был арестован сам Сергей Цедербаум при очередной попытке организовать переброску подпольной литературы в Петербург (88).

Что же касается шифра **«Вашингтонъ»,** то он, очевидно, был условлен в Берлине никак не позднее середины июля 1901 года. Именно тогда через столицу Германии проследовал в Вильно Ногин. И об этом шифре он писал в своем письме в редакцию от 2 сентября. Только систему его он так и не сумел понять. Дело в том, что уже тогда ключ одновременно использовался в двух вариантах, но искровцу этого не объяснили. Совсем скоро на юге России жандармы столкнуться с тем же самым шифром, но в другой его интерпретации… А пока жандармский розыск выплеснулся за пределы Петербурга.

В начале октября 1901 года, еще не зная о провале Яблочкова-Ногина, редакция «Искры» адресовала ему очередное письмо. Вероятно, полиция смогла заполучить и его:

«Лучше всего будет, если вы поедете в Одессу. Там у нас свой представитель, но ему одному не справиться. А пункт важный для нас в отношении приемки и развозки литературы» (89). Там же сообщался и ключ к шифру одесского агента «Искры» – «Тодорки» (стихотворение Пушкина «Пророк»).

С этого момента в Одессе начинаются активные розыски. Впрочем, обнаружить «Тодорку» не представляло большой сложности. Ею оказалась бывшая ссыльная Конкордия Захарова, прописавшаяся в Одессе по собственному паспорту. Более того – даже заграничная тайная корреспонденция на первых порах приходила по ее же адресу! И с 19 октября все письма «Тодорки» начинают оседать в «Черном кабинете».



5. Письмо Н. Крупской к К. Захаровой (Тодорке) от 1 /14/ декабря 1901 года.

Копия (перлюстрация) из архивов полиции.

Ключ к шифру Тодорки – стихотворение А. Пушкина «Пророк».

Захарова к этому времени уже имела некоторый подпольный опыт. Еще в 1897 году по делу СПб. «Союза борьбы» ее выслали в Вятскую губернию в город Орлов, где рвением властей сформировалась деятельная колония будущих искровцев. Сразу после ссылки Конкордия выехала в Харьков, а оттуда за границу. Весной 1901 года революционерка осуществила путешествие с транспортом «Искры» по семи городам России, а в августе становится одесским представителем редакции. Главной ее задачей являлось налаживание транспортировки газеты через Болгарию. В сентябре 1901 года к «Тодорке» прибыл курьер Иван Загубанский с первыми чемоданами «Искры». Так начал действовать «Тодоркин путь». Не чувствуя еще опасности, Захарова вела обширную переписку с Мюнхеном, Берлином и местными организациями марксистов. Но арестовывать «Тодорку» жандармы не торопились. Наконец, в руки полиции попадает ее очередное письмо в редакцию газеты:

> «Сообщите сегодня же *в Варну – комната есть*, пусть *приезжают по адресу Княжеская 20, кв. 23, Гейман.* Ждут» (90).

Все послание, конечно, зашифровано, но ключ полиции уже прекрасно известен. Ясно вполне и о чем идет речь – в Одессе ждали очередной искровский транспорт. С его прибытием и наметили ликвидацию подпольщиков. 1 декабря, почти одновременно с петербургскими арестами, начался одесский разгром.

Спустя две недели, 16 декабря, в ночном вагоне поезда Киев – Харьков молодая женщина писала письмо:

> «Ночь. Вагонная тряска, тусклое освещение… но ни души в вагоне, кроме меня, есть чернила и перо, а свечку из фонаря можно вынуть и поставить к себе на столик. При таких условиях я написала довольно успешно несколько писем и хотя немного устала от них, но хочу и вам написать, хоть несколько слов... Страшно тяжелое впечатление произвело на меня пребывание в Одессе. Более основательно трудно было погибнуть. Часа в три дня прямо с вокзала со всем багажом взяли госпо-

> дина, а в пять часов дня на улице взяли Тодорку. Дома ничего не нашли, но скверно то, как оказалось, что уже недели за две до этого начали перехватывать письма Тодорки… и, говорят (узнали косвенным образом), что открыт ключ. Соображайте и обдумывайте…» (91).

Упомянутый в письме «господин» был И. Загубанский, «Тодорка» – К. Захарова, а писала послание Инна Смидович – близкая подруга Конкордии, недавний секретарь «Искры», а сейчас ее ответственный эмиссар. В качестве доверенного лица она в конце ноября прибыла в Киев для участия в намечаемом южными искровцами съезде агентов организации. А пока она скиталась по России, объезжая местные комитеты. В Одессе «Димка» нашла только пепелище.

«Соображайте и обдумывайте…» А подумать, в самом деле, было о чем. С начала осени жандармы стали с удивительной регулярностью громить искровские группы. Настоящих причин редакция, конечно, не знала. Агент «Искры» М. Сильвин писал впоследствии в Мюнхен: «Становится грустно от сознания, что два-три месяца – средняя продолжительность политического существования» (92).

Озабоченная провалами своих агентов (в первую очередь, вероятно, в Петербурге) редакция в 13-ом номере газеты от 20 декабря 1901 года поместила воззвание «Вниманию революционеров». Кто его автор – неизвестно. Но, как будто подгадав под одесский разгром, в воззвании говорилось:

> «В последнее время стало вновь известно несколько печальных случаев, когда обыски и аресты были вызваны непростительною оплошностью революционеров… Поэтому всякий революционер… обязан, по нашему мнению, непременно шифровать адреса, имена и конспиративные поручения, каким бы путем письмо не посылалось…».

А дальше редакция «Искры» прибавляла уже от себя:

> «Добавим со своей стороны, что шифр – оружие обоюдоострое, ибо жандармы легко сумеют раскрыть всякий шифр, если не применять при шифровании особых предосторожностей. Безусловно, необходимо:
>
> 1) не отделять слова от слова;
>
> 2) не повторять часто одинаковых знаков, особенно знаков для наиболее употребительных букв;
>
> 3) писать шифр так, чтобы нельзя было узнать системы шифра;
>
> 4) не употреблять слишком известных стихотворений и книг.
>
> Без соблюдения этих правил шифр прямо-таки недопустим» (93).

Кто конкретно мог стоять за этой краткой инструкцией? Ленин, Мартов или Крупская? Работа с шифрами была прямой обязанностью секретаря «Искры». И скорее всего именно Надежде Константиновне и принадлежит авторство. Однако 4-й пункт «инструкции» вступает в прямое противоречие с действующей тогда искровской практикой. Трудно назвать неизвестными произведения классиков русской поэзии Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова и Надсона. Обращусь в этой связи к небольшой статистике. За весь период деятельности Надежды Крупской на ее посту секретаря различных партийных структур (1901 – 1905 годы) для стихотворных шифров было использовано свыше 20 произведений Пушкина и столько же Лермонтова, 15 басен Крылова, 16 стихотворений Некрасова и 10 Надсона. Все остальные встречаемые в материалах переписки стихотворные ключи редки и задействованы не более, чем по единственному разу, причем часто это известные революционные песни. Комментарии здесь излишни. Искровцы сами прямо нарушали то, что декларировали в газете. Достаточно было полицейским экспертам однажды выяснить, что для шифрования их конспиративных писем использовалось какое-нибудь стихотворение, как с очевидностью напрашивался вывод – все другие, не разобранные криптограммы, также могли быть перекрыты по произведениям того же автора! А объемы томов перечисленных поэтов не так уж велики – не более одной-двух книжек на каждого. Задача криптоаналитиков сильно облегчалась при правильном угадывании некоторых букв и слов, что при частичном (оазисном) шифровании делалось сравнительно легко. В этом случае отпадала необходимость монотонного пересмотра подряд всех стихотворений. Следовало выбирать лишь те, где имелись известные буквы. Поэтому-то так опасно было оставлять редкие знаки без зашифровки. Но то, что с такой очевидностью ясно сейчас, тогда не воспринималось столь однозначно. Почему? Ответить точно на этот щекотливый вопрос могут только сами революционеры.

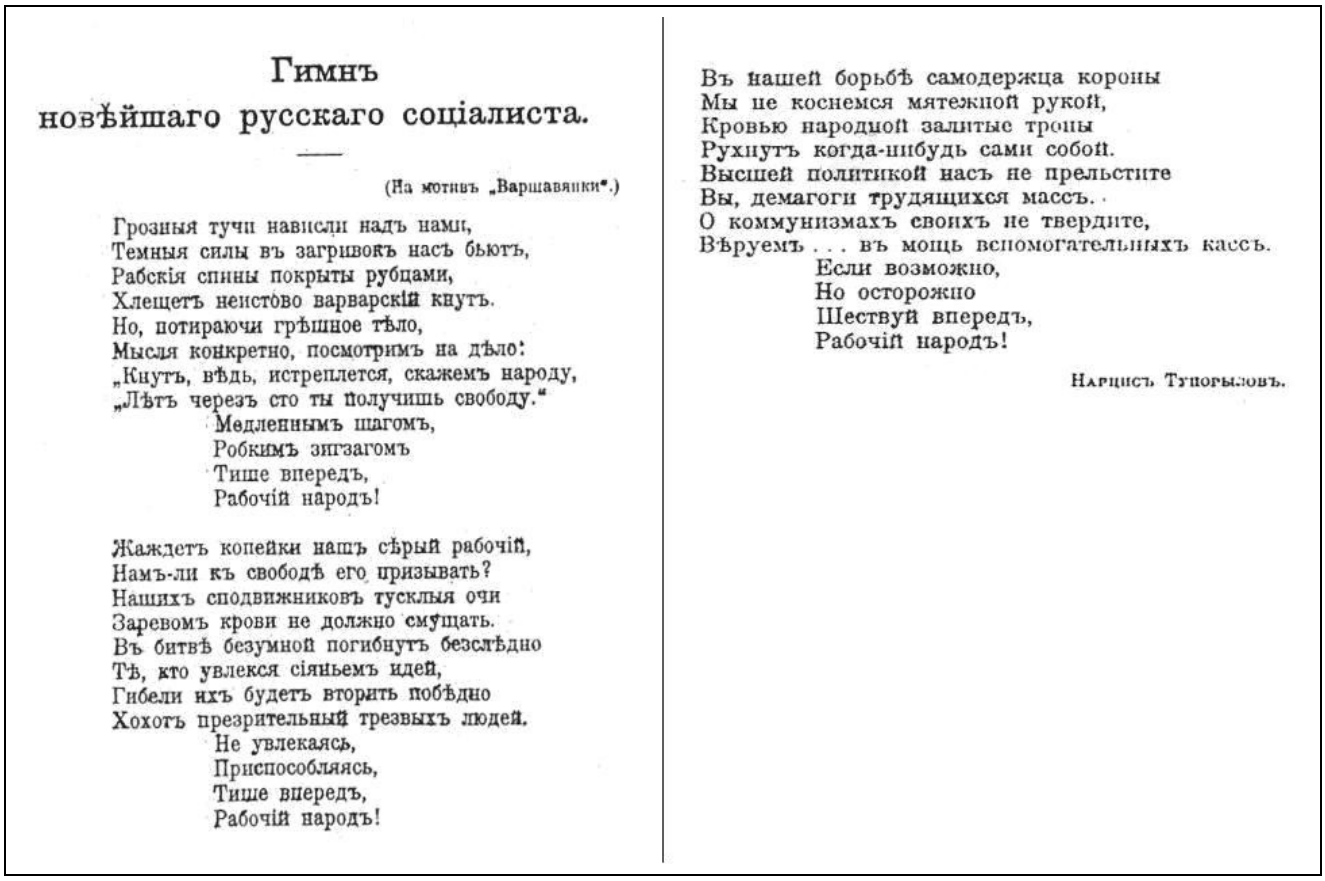
Воззвание о шифрах не было прямо связано с жандармским открытием одесского ключа «Тодорки». Об этом говорит простое сопоставление дат. Письмо Смидович о провале в Одессе датировано 16 декабря. Между этим днем и 20 декабря (выход 13 номера) стоит очень короткий временной промежуток, чтобы успеть получить известие об аресте и открытии шифра Захаровой, да еще оперативно отреагировать на это в печати. Но совпадение двух дат было символично и зловеще. И это оказалось лишь началом.

В середине декабря 1901 года в Киев по адресу «Большая Житомирская, дом 22, квартира 2, Софье Николаевне Афанасьевой» пришло письмо из Германии. Адрес был в полиции хорошо известен, как и сама девица Афанасьева – она же член Киевского комитета РСДРП «Елена». Писала ей секретарь «Искры» «Катя»:

> «Получили оба ваши письма. Только теперь ясно себе представляешь, как нужна была ваша поездка. Ведь до сих пор мы не могли ни от кого добиться… сообщения о положении вещей. Отправила вам вчера письмо в 7.1 3.6 4.3 7.6 [*Киев*]… Имярек переслал нам письмо 7.1 7.3 1.4 5.1 – ой [*Кузн/ецов/ой*], где она описывает свои первые впечатления… От Тодорки все нет писем… Крепко целую» (94).

Было понятно, что Афанасьева есть только «почтовый ящик» для другой, неизвестной еще искровки. Очень скоро шифр ее письма перестал быть преградой для полиции.

В качестве ключа оказалось взято широко известное в радикальных кругах стихотворение некоего Нарциса Тупорылова «Гимн новейшего русского социалиста». Оно было опубликовано в первом номере журнала «Заря», ставшем теоретическим органом искровцев. Случилось это в апреле 1901 года и только самые доверенные искровцы знали, что под шутливым псевдонимом скрывался редактор «Искры» Юлий Мартов.



Гимнъ
новѣйшаго русскаго соціалиста.

(На мотивъ „Варшавянки".)

Грозныя тучи нависли надъ нами,
Темныя силы въ загривокъ насъ бьютъ,
Рабскія спины покрыты рубцами,
Хлещетъ неистово варварскій кнутъ.
Но, потираючи грѣшное тѣло,
Мысля конкретно, посмотримъ на дѣло:
„Кнутъ, вѣдь, истреплется, скажемъ народу,
„Лѣтъ черезъ сто ты получишь свободу."
Медленнымъ шагомъ,
Робкимъ зигзагомъ
Тише впередъ,
Рабочій народъ!

Жаждетъ копейки нашъ сѣрый рабочій,
Намъ-ли къ свободѣ его призывать?
Нашихъ сподвижниковъ тусклыя очи
Заревомъ крови не должно смущать.
Въ битвѣ безумной погибнутъ безслѣдно
Тѣ, кто увлекся сіяньемъ идей,
Гибели ихъ будетъ вторить побѣдно
Хохотъ презрительный трезвыхъ людей.
Не увлекаясь,
Приспособляясь,
Тише впередъ,
Рабочій народъ!

Въ нашей борьбѣ самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнутъ когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой насъ не прельстите
Вы, демагоги трудящихся массъ.
О коммунизмахъ своихъ не твердите,
Вѣруемъ . . . въ мощь вспомогательныхъ кассъ.
Если возможно,
Но осторожно
Шествуй впередъ,
Рабочій народъ!

Нарцисъ Тупорыловъ.

6. Стихотворение Ю. Мартова, ставшее ключом к шифру И. Смидович (Димки) в конце 1901 года.

Все внимание полиции теперь было обращено на Софью Афанасьеву. Она появилась в Киеве в середине августа 1901 года, вступив отсюда в деятельную связь с Берлинской группой содействия «Искре». Непосредственно переписывался с ней некто «Имярек» (позже жандармы установят его как Федора Гурвича). Знали в полиции и Августу Кузнецову – близкую подругу Афанасьевой, прибывшую в Киев в начале ноября все из того же Берлина. Она тоже отбывала вятскую ссылку, затем работала в берлинской группе содействия «Искре», а осенью 1901 года выехала на родину. Революционерки были окружены плотным наблюдением. Оставалось только дождаться, кто явиться к Афанасьевой за письмом «Кати». А предназначалось оно И. Смидович. Однако попала она под наблюдение совсем в другом месте – 10 января 1902 года на Киевском почтамте при попытке получить письмо из Одессы. Сразу взятая в проследку под кличкой «Модная», Инна долго филировалась агентами наружного наблюдения по многим городам России. Постоянно перлюстрировалась и корреспонденция некоей «Димки» – как оказалось, той же «Модной». Кроме ключа по «Гимну…», часть писем шифровалась иным путем – по стихотворению Некрасова «Внимая ужасам войны», что так же стало известно жандармам. Но Инне Смидович тогда сопутствовала удача – объе-

хав за 45 дней на глазах у филеров 16 городов, она даже во время большого киевского провала умудрилась уйти за границу.

Киевский провал 1902 года – это особая страница в истории «Искры». Впервые в борьбе с революционерами полиция скоординировала силы всех розыскных ведомств юга России, подчинив их начальнику Киевского ГЖУ генералу Новицкому. Последний начал карьеру еще во времена процесса 193-х пропагандистов. Теперь же на закате своей блестящей службы генерал решил потягаться с марксистами. Сам киевский разгром готовился загодя, расчетливо, не спеша. В поле жандармского внимания оказались не только искровцы. Началось все гораздо раньше – с организации «Южный Рабочий». История ее такова.

К январю 1900 года в Екатеринославе сложилась активная группа марксистов (в основном ссыльных), основавших газету «Южный Рабочий». Вокруг этого предприятия сформировалась впоследствии организация, сыгравшая немалую роль в создании РСДРП. Еще весной 1900 года екатеринославцы планировали собрать очередной съезд партии. С этой целью давний товарищ Ленина по Самаре Исаак Лалаянц (один из первых редакторов подпольной газеты) даже виделся с ним в Москве. Ленину и всей литературной тройке прямо предлагалось принять активное участие в съезде и возглавить редакцию будущей центральной газеты. На это Лалаянц получил мотивированный отказ.

Встреча бывшего шушенского ссыльного и лидера «Южного Рабочего» была тут же зафиксирована московскими филерами – за Лалаянцем уже длительное время шел «хвост». Искали типографию газеты. Наконец слежка за ним привела в «тихий домик» в Кременчуге, где сотрудники Зубатова обнаружили печатню. 16 апреля 1900 года начался массовый разгром «Южного Рабочего». Был схвачен и сам И. Лалаянц. Одновременно в Екатеринославе, Харькове, Полтаве, Кременчуге было проведено более ста арестов и множество обысков. Намеченный в Смоленске на 6 мая второй партийный съезд не состоялся. Хотя его техническая часть стараниями членов «Южного Рабочего» Андрея Гинзбурга и Владимира Розанова была подготовлена полностью. В Смоленск явились только делегаты от заграничного журнала «Рабочее Дело» и БУНДа.

Попытки созвать съезд на этом не прекратились. Очередная из них опять была связана с «Южным Рабочим», БУНДом и заграничным Союзом. В сентябре 1900 года съезд был намечен в Париже – резиденции рабочедельцев. Но на явку из России прибыли всего два делегата – Леон Гольдман из Одесского комитета и Осип Ерманский от харьковских социал-демократов. Попытка вновь не удалась. Будущие искровцы не приняли в ней никакого участия. Да и вряд ли этого хотели.

Апрельской ликвидацией «Южного Рабочего» Зубатову не удалось полностью искоренить крамолу. Во время арестов уцелели два редактора газеты Сергей Харченко и Андрей Гинзбург. Вместе с полтавским ссыльным Ефремом Левиным им удалось уже к ноябрю 1900 года выпустить очередной, третий, номер издания. К этому времени редакция была вновь скорректирована. По полицейским причинам из нее временно устранился Левин, зато вошел вернувшийся из Парижа Осип Ерманский (Геноссе). Последний, работая в Харьковском комитете РСДРП, был теснейшим образом связан с «Рабочим Делом». Именно он с этого момента стал играть в редакции «Южного Рабочего» доминирующую роль. И если до этого стараниями Харченко и Мартова отношения между двумя организациями были дружественными и деловыми, то с появлением «Геноссе» они стали быстро охлаждаться. Ситуация еще более усугубилась к весне 1901 года. Состоящий под негласным надзором полиции бывший студент петербургского Лесного института Сергей Харченко перебрался на жительство из Полтавы в Харьков. И в мае его неожиданно арестовала полиция.

При обыске у Харченко были обнаружены многочисленные тщательно зашифрованные адреса. Потребовалось несколько месяцев, пока дешифровщики полиции сумели разобрать текст. Комментируя декабрьские 1901 года провалы в Ростове-на-Дону, один из членов Донского комитета РСДРП писал своему товарищу:

> «Говорят, что аресты объясняются тем, что в Харькове восемь месяцев назад у кого-то нашли зашифрованные адреса арестованных и только теперь как-то умудрились прочесть» (95).

Этим «кто-то» и был Сергей Харченко. Разобранные адреса принадлежали 20-ти лицам в Смоленске, Ростове, Кишиневе, Полтаве, Екатеринославе, Николаеве и Киеве. Все перечисленные города попадали в сферу непосредственных интересов «Южного Рабочего», и в них Харченко имел надежные связи. Оказались в зашифрованном списке и лица, поддерживающие близкие контакты с искровцами.

Например, по явке «Леовская, 73, глазная лечебница, Квятковской, спросить Квятковского, пароль: «Правда ли, что в Кишиневе запрещено носить очки»» была установлена близкая связь Харченко с кишиневским ссыльным и транспортером «Южного Рабочего» Александром Квятковским (сыном легендарного народовольца). Но полиция не предполагала, что он одновременно являлся экспедитором находящейся в том же Кишиневе искровской типографии.

Среди киевских адресов в записной книжке Харченко был и адрес адвоката Виктора Крохмаля – главного южного представителя «Искры». Шел конец 1901 года. Разбор записей подпольщика оказался во многом

запоздалым. Но адреса давали направление дальнейших розысков, приведших весной 1902 года к новому разгрому «Южного Рабочего».

Лишь в отношении Виктора Крохмаля все было гораздо проще. Полиция и без записей Харченко давно уже обратила внимание на этого бойкого присяжного поверенного. Но, как раз к моменту расшифровки его адреса, стала все больше вырисовываться роль Крохмаля (он же «Красавец» и «Загорский») как лидера искровцев всего юга России. Слежка за ним с этого момента становится неотступной. Филеры вели его по всей стране – в Киеве, Витебске, Москве, Харькове… Тщательно фиксировались все встречи «Красавца», а затем контакты скрупулезно проверялись. Постоянно перлюстрировалась обширная конспиративная переписка революционера.

Постепенно генералу Новицкому удалось убедить Департамент полиции, что именно Киев «для юга империи является центром революционной и социалистической деятельности всех фракций». В Киев от Департамента полиции был направлен чиновник по особым поручениям Московского охранного отделения Леонид Меньшиков. Вместе с ним прибыл отряд летучих филеров. Охота началась. К началу 1902 года наблюдение по Киеву захватило уже 200 лиц. «Лидировал наблюдение» Виктор Крохмаль. А он как будто не ощущал упорной слежки.

К этому времени в организации «Искры» стал назревать опаснейший конфликт между самой заграничной редакцией и ее местными агентами. Видные искровцы – Виктор Крохмаль и Леон Гольдман – недовольные диктатом Ленина и Мартова и увлеченные «местным патриотизмом», выработали свой проект реорганизации искровской деятельности. Редакции предлагалось прекратить вмешательство в дела российских организаций. Функции ее ограничивались подготовкой очередных номеров «Искры», а вся издательская база планировалась к переносу в Россию. К этому времени активно развернули свою работу подпольные типографии в Кишиневе и Баку.

Таким образом «отцы» «Искры» Ленин, Мартов и Потресов прямо отодвигались от того, что они так долго вынашивали и создавали: от непосредственного руководства революционным движением в России. Это был один из первых конфликтов подобного рода и надо было срочно что-то предпринимать. На январь 1902 года в Киеве было намечено решающее совещание российских искровцев. От редакции на него направилась Инна Смидович. На этом фоне подготовки к важнейшей встрече, которая грозила коренным образом изменить всю дальнейшую историю «Искры», резко усилились разъезды, переписка и личное общение между революционерами. И все это в момент особенно усиленного полицейского наблюдения. Результаты были плачевными. Непосредственно через Крохмаля жандармы вышли на давно разыскиваемого московского представителя «Искры» Николая Баумана, на харьковскую группу Любови Радченко, на остатки петербургских искровцев, на транспортную группу Иосифа Басовского, на кишиневскую типографию Леона Гольдмана… Полиции стали известны «почтовые ящики» подпольщиков в Киеве, Николаеве, Харькове, Полтаве, Москве, Петербурге, Кишиневе, Одессе… Были вскрыты многие шифры искровцев – или в результате их прямой дешифровки, или через перлюстрированную переписку. Так жандармы сумели заглянуть внутрь искровской организации.

К февралю накалилась атмосфера в Киеве – готовилась масштабная общегородская демонстрация, приуроченная к приближающейся годовщине отмены крепостного права в России – 19 февраля 1861 года. 17 января 1902 года киевский «Черный кабинет» изъял и перлюстрировал очередное письмо С. Афанасьевой, хорошо уже известной по связям с Крохмалем и переписке с Берлином. Поэтому к письму отнеслись со всей серьезностью:

> «Дорогой товарищ! … Настроение у нас крайне напряженное. Демонстрация будет, вероятно, назначена на **21305272901923**. Полиция всячески старается дезорганизовать силы… В высших сферах решено положить сразу конец всем демонстрациям – стрелять в толпу. Новицкий вернулся из Питера чуть ли не с неограниченными полномочиями на случай «бунта» … Елена» (96).

Это было одно из многих перехваченных писем в Берлинскую группу содействия и непосредственно к Федору Гурвичу (Дану). И полиция уже сумела разобрать шифр «Елены». Им являлся один из вариантов давным-давно известного народовольческого ключа. А в качестве опорного лозунга было выбрано слово «**Вашингтонъ**», по которому строилась вся ключевая таблица. Так в глазах жандармов и Департамента полиции соединились искровцы Петербурга и Киева. И там, и здесь их объединял общий ключ, но системы его использования резко отличались друг от друга. Однако таблица шифра составлялась на том же 35-ти буквенном алфавите с «Й» в конце азбуки (см. таблицу 7).

В сущности ключевая табличка Афанасьевой представляет собой все ту же таблицу Виженера. Но в отличие от нее верхний ряд букв заменен на их порядковые номера в правильной азбуке. Это обстоятельство коренным образом повлияло на схему шифрования, хотя принцип ключа не изменился. Раньше знаки для криптограммы выбирались из самой таблицы. Теперь же из нее последовательно брались уже буквы открытого текста. Это было похоже на обычный квадратный ключ. Но здесь отмечалось только местоположение буквы в строке, а не сама строка. Если же криптограмма прерывалась обыкновенны письмом, то при следующей шифровке счет возобновляли с начала – с первой строки. При этом можно было вставлять какие угодно числа – вместо первого десятка брали четвертый, пятый и т.д. В довершение ко всему Афана-

сьева ввела в свой шифр фиктивные цифры – ими считались первый и последний знаки каждой новой криптограммы.

Так, шифрзапись: «21305272901923» превращалась в новый ряд чисел: 13 05 27 29 01 02. Разбираются они как *«первое».*

Фиктивные знаки в периодический шифр начали вставлять еще народники. Им же вообще принадлежит честь внедрения в подпольную деятельность «шифра Виженера», трансформированного в «гамбеттовский ключ». Главное здесь отличие – введение в таблицу верхнего цифрового ряда. И это очень существенно. Раньше таблица употреблялась исключительно при буквенном виде криптограммы. Затем у народовольцев появился сокращенный гамбеттовский шифр, где суммы чисел уменьшали по модулю 30. Если приглядеться, то легко понять, что шифр Афанасьевой есть табличная запись сокращенной гамбеттовской системы.

Таблица 7

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а
ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш
и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н
г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г
т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т
о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о
н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н
ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ

Интересно в этом шифре и то, что нумерация буквенного ряда как бы сдвинута на один столбец вправо. Это делало шифр искровки еще более похожим на шифр Виженера, что, несомненно, говорит об их ближайшем родстве и прямой связи с опытом землевольцев и народовольцев. Однако в самом ближайшем будущем нумерацию таблицы шифра искровцы начнут вести прямо от букв лозунга. И мы знаем только один пример подобного шифра, близнеца таблицы Афанасьевой – это ключ ее подруги Августы Кузнецовой. Она переписывалась с берлинским искровским центром по слову **«Семипалатинскъ»**. Разница с системой «Елены» заключалась лишь в порядке введения фиктивных цифр – у Кузнецовой ими являлись три первых знака каждой новой шифрзаписи. Впрочем, это мало помогло революционерке - жандармы разобрали и ее шифр тоже.

Несмотря на то, что цифровой вариант таблицы Виженера получил в деятельности искровцев широкое распространение, мы не знаем его названия. Общее наименование «гамбеттовский» подпольщики сохранили для классического варианта шифра. Но есть все же одна зацепка. Августа Кузнецова появилась в Киеве в конце ноября 1901 года. И уже 20 числа она отправила в Берлин первое конспиративное письмо. В нем она напоминает товарищам свой ключ:

«Ключ м у д р е н ы й [разрядка моя – А.С.], такой же как у Елены, только слово другое» (97).

Нет никакого сомнения, что внедрение новой шифрсистемы в искровскую практику принадлежит Берлинской группе содействия. Начиная с июля 1901 года (когда через Берлин проехал Ногин) она уже была в ходу. В августе того же года в Киев выбыла Афанасьева, поздней осенью туда же направляется Кузнецова. Система их шифра одинакова. Одновременно с ними квадратным ключом «**Вашингтонъ»** переписывались с Берлином и Мюнхеном петербургские искровки Рубинчик, Мандельштам и Минская. Все пять революционерок были выходцами из Берлинской группы содействия «Искре». Близость даты отъезда Афанасьевой (август 1901 года) и появление в сентябре в Петербурге «имярековских девиц» (Рубинчик, Мандельштам и Минская) указывает на общую подготовку их отъезда Федором Гурвичем (он же Дан и Имярек). Поэтому здесь совпал ключ к шифру Киева и Питера. И, как мы увидим из дальнейшего, искровцы зачастую использовали одновременно обе системы шифра при одинаковом ключе даже в одном письме! Именно так применял подобный шифр Ф. Гурвич – наставник всех пяти берлинских искровок. Исходя из всего вышесказанно-

го, я бы предложил дать новой периодической системе искровцев название ***«мудреного ключа»,*** как его именовала Августа Кузнецова. Судя по всему, так называли подобный шифр берлинские искровцы.

Вообще использование квадратной развернутой таблицы для двух разных систем шифрования – явление примечательное. В принципе, все книжные, стихотворные, квадратные, мудреные, гамбеттовские системы есть суть одного и того же метода. Каждый из этих шифров можно представить как буквенную таблицу с различными правилами извлечения из нее шифрзнаков. Очень просто было превратить любой стихотворный или книжный ключ в «прыгающую» со строчки на строчку систему, давая лишь привязку отсутствующих букв к имеющимся. Но до этого нововведения подпольщики так и не дошли. А это был бы интересный шифр!

Через два года Иосиф Басовский (выдающийся искровский агент) предложил мудреную систему по слову **«Шаляпин»** для переписки редакции «Искры» с ним самим, а так же с членами ОК по созыву II съезда РСДРП Борисом Гольдманом и Петром Красиковым (98). В своем письме он подробнейшим образом описал свой шифр, привел ключевую таблицу и дал все нужные объяснения. Когда-то шифр Басовского произвел на юного автора этой книги исключительное впечатление. Новый шифр казался вершиной криптографического искусства! Видимо, того же мнения придерживались и другие советские партийные историки. Восхищаясь шифром «Дементьева» (под этим именем значился Иосиф Басовский), называя его «новой разновидностью техники шифрования», они относили появление системы к началу 1903 года. По мысли историков «Искры», именно тогда подпольщики, озабоченные провалами старых шифров, активно внедряли более стойкие и сложные виды (99). Но как теперь ясно, такая трактовка совершенно не соответствует реальному положению дел. Подобные шифры появились в арсенале первых народников и давно уже не представляли больших проблем при расшифровке их опытными криптоаналитиками. Все это было только повторением пройденного и возврат к шифру Виженера из XVI века.

Но мы сильно отклонились от нашего повествования. Давайте вернемся в напряженную атмосферу Киева зимы 1902 года. В конце января А. Кузнецова писала товарищам за границу:

> «Не приведи Боже нынче влететь на демонстрации… Между тем теперь такая слежка, что прямо недоумеваем, отчего еще все живы. Чего эти идиоты ждут, не понимаем. Или арестуют накануне демонстрации? Вообще очень странно» (100).

Киевская демонстрация, о которой информировали берлинских искровцев Афанасьева и Кузнецова, состоялась днем позже – не первого, а второго февраля. На Крещатике готовая к выступлению полиция быстро навела порядок. Но на прилегающих к центральной части города улицах началась настоящая схватка и свалка. Третьего числа все повторилось. В числе многих арестованных демонстрантов оказался и «Дементьев» – Иосиф Басовский. Это предопределило сроки всей киевской ликвидации.

Из постановления №4 по Киевскому ГЖУ:

> «1902 года, февраля 8 дня, в г. Киеве. Начальник ГЖУ генерал-майор Новицкий, рассмотрев добытые розыском и наружным наблюдением по г. Киеву и другим городам, продолжавшимся непрерывно в течение десяти месяцев, с апреля 1901 года, сведения о преступной деятельности различных революционных организаций и фракций в течение минувшего 1901 года и в начале текущего года, нашел:
>
> Жизнь и опыт последних лет с несомненностью выяснил, что город Киев для юга империи является центром революционных и социалистических фракций…
>
> Постановляю: в ночь с 8 на 9 февраля произвести общую по г. Киеву ликвидацию, подвергнув обыскам всех лиц, отмеченных наблюдением, не оставляя в розыскных целях ни одного человека, так как при частных ликвидациях всегда можно упустить главное…» (101).

Так по Киеву и другим южным городам России покатилась волна арестов. Только в Киеве в ночь с 8 на 9 февраля было схвачено 200 человек и сделано 163 обыска. А в Одессе подверглись «изъятию» 50 революционеров и обыскано 66.

Юлий Мартов летом 1901 года насчитывал в искровской организации девять нелегалов – Сергея Андропова (Брускова), Виктора Ногина (Новоселова), Ивана Бабушкина (Богдана), Николая Баумана (Грача), Иосифа Басовского (Дементьева), Левика Гальперина (Лошадь), Леона Гольдмана (Акима), Любовь Радченко (Лейбу), Сергея Цедербаума (Якова) (102). К концу марта 1902 года не осталось ни одного. Были схвачены и все участники предполагаемого киевского совещания искровцев. Только Инне Смидович чудом удалось «вывернуться». Разгром был полный. Но Киевской ликвидацией успех полиции не ограничился.

В середине декабря 1901 года Киевским «черным кабинетом» было перлюстрировано, а вскоре и дешифровано письмо неизвестной искровки из Харькова на подставной адрес Крохмаля в Киеве. Незнакомка писала: «Я уезжаю совсем на Север сегодня… Сношения с Акимом остаются на вашу долю исключительно и это необходимо, а потому книгу, которая получится на ваш адрес, перешлите Акиму немедля и напишите,

что это требует быстрого исполнения; предварительно попросите у него теперь же для этой цели адрес… Адрес для писем ему – Николаевская 14, Е. Шиндер, ключ – «Плач детей» Некрасова…» (103).

Скажем сразу – адрес дешифровщики разобрали не совсем верно и полиция не сумела до конца прояснить его. Но название улицы прочли совершенно правильно. Это была основательная зацепка в поиске искровской подпольной типографии. Адресом лично занимались филеры московской охранки во главе с Меньшиковым. Кое-что о нелегальной печатне жандармы уже знали.

Департамент полиции – Заведующему заграничной агентурой П. Рачковскому в Париж от 5 октября 1901 года:

> «Из совершенно постороннего источника, заслуживающего, однако, безусловного доверия, получены указания, что русская типография «Искры» находится в Полтаве, …помещается на одной из главных улиц… В числе работающих находятся давно разыскиваемые Департаментом Мера Гинзбург и Леон Гольдман» (104).

В Полтаве типографию не обнаружили. Харьковское письмо давало новый след. Автором его оказалась Любовь Радченко, жена схваченного в Петербурге Степана Радченко. Туда же по разрешению полиции выехала Любовь Николаевна. С арестом мужа жившие с ним малолетние дети остались одни. Все свои обязанности по сношению с типографией она вынужденно сдала «Красавцу». Но в письме к Крохмалю Радченко не указала город. Сначала полиция заподозрила сам Харьков. Но безуспешно. Такой улицы там не оказалось. Предстояла планомерная проверка всех южных городов. И только 12 марта 1902 года капкан, наконец, захлопнулся. Надежда Крупская писала полтавским искровцам:

> «Аким был взят при следующих обстоятельствах: он пошел на вокзал опускать письма и был случайно узнан одесским шпионом, который настоял на его аресте. Дома у него сделали обыск, взяли технику, много литературы и два заграничных письма…» (105).

Однако случайности места не было. Из доклада начальника Бессарабского ГЖУ – прокурору Одесской судебной палаты:

> «Секретно. 13 марта 1902 года. Вечером 12 сего марта был задержан около вокзала г. Кишинева неизвестный, который по наружным приметам был признан за разыскиваемого …Гольдмана Леона Исакова, виленского мещанина, привлеченного в 1900 году при Виленском ГЖУ дознанием по делу Виленского кружка «Литовской социал-демократической партии», и после освобождения своего из-под стражи … бежал, … а затем проживал нелегально…».

Среди обнаруженных на кишиневской квартире Гольдмана вещественных доказательств помимо типографии, шрифта, подпольных брошюр нашли и маленький клочок бумажки с цифрами 12/1 9/2 4/5 7/10 12/4 и т.д. Это было одно из конспиративных писем искровцев. К сожалению, это все, что нам о нем известно. Но по ключу «Плач детей» получим расшифровку: «*Мой се…*» (106). Остальной «химически проявленный огнем» текст письма для нас безвозвратно потерян. Но, возможно, автором его была все та же «Лейба» – «Лейбович» – Любовь Радченко, уехавшая в конце 1901 года на Север – в Петербург. Так закончилась эта полицейская история. Леонид Меньшиков, извлекая уроки из своего длительного розыска, писал начальнику Особого отдела Департамента полиции Ратаеву 29 марта 1902 года:

> «Прецедент с типографией «Искры» является довольно поучительным. Законспирирована она была необычайно. Все сношения с ней руководящего центра искровцев велись, очевидно, при помощи переплетенных книг с почтовыми тайниками в корках оных (таких книг при типографии обнаружено более дюжины)».

Интересно, что в начале лета 1902 года по почтовым учреждениям страны был разослан тайный циркуляр о вскрытии в почтовых посылках переплетов подозрительной толщины, где, по данным полиции, пересылались революционные издания (107). Об этом проинформировала своих читателей «Искра». Так может доклад Меньшикова и этот циркуляр были как-то связаны между собой? Первый послужил толчком в появлению второго. А почему нет? Все может быть…

В середине марта 1902 года из Петербурга в Киев ушло письмо, давшее еще одно направление в жандармском розыске.

«Его Высокоблагородию Л. П. Меньшикову 18 марта 1902 года.

М. г. Леонид Петрович!

> Поспешаю препроводить Вам для соображений и для самой тщательной разработки копию расшифрованного химического письма с подписью «Катя» (по почерку Апполинария Хворостанская…) по конспиративному адресу Рябова в Самару. Это письмо, если им надлежащим образом воспользоваться может дать в наши руки всю организацию «Искры». Господин директор признает в высшей степени желательным, дабы Вы приняли на себя трудную и чрезвычайно деликатную задачу самолично поехать в Воронеж и в качестве нелегального заграничного делегата от-

правиться по указанному адресу и с надлежащей явкой вступить в сношения с американцами и таким путем добраться до «Северного Союза»… Предлогом для явки может послужить хотя бы известие о кончине Акима, т.е. типографии, или же об аресте Квятковского с компанией…

Начальник Особого отдела Департамента полиции Л. Ратаев» (108).

Еще весной 1902 года жандармы не догадывались, кто скрывается под именем «Катя». К сопроводительному письму было приложено обширное письмо Крупской к некоему «Грызунову». Под упомянутой кличкой числился Глеб Кржижановский, но и этого полиция тогда не знала. В послании искровского центра говорилось:

«У нас арестованы чуть не все прежние люди: Грач, Лейбович, Красавец, Лошадь, …Дементьев… - и потому все функции в расстройстве. Приходится спасать остатки… Поэтому было бы чрезвычайно важно, чтобы Грызунов … повидался… с Семеном Семеновичем (3.3 12.11 20.5 х 10.3 2.3 2.25 14.5 17.3 22.4), ибо он хотя и расположен к нам, но для того, чтобы он решился действовать решительно, надо с ним еще хорошенько столковаться…» (109).

А дальше Крупская в обширной криптограмме дала «Грызунову» подробнейший выход на «Семена Семеновича». Искровский секретарь датировала свое письмо 8 марта. Но уже через десять дней (!) оно было полностью расшифровано в Департаменте полиции, а по его содержанию были приняты соответствующие меры. За эти дни письмо должно было дойти из Германии через посредников в Россию, попасть из «черного кабинета» в Особый отдел Департамента полиции, а там дешифроваться. На все про все десять дней! Впрочем, задача экспертов не была особенно трудной. Ключом к шифру «Кати» и «Грызунова» являлось стихотворение Надсона «Друг мой, брат мой» – популярнейшее произведение поэта!

И жандармы без труда прочитали:

«Чрезвычайно важно, чтобы Грызунов … повидался с Семеном Семеновичем (*Сев/ерным/ союзом*) … Адрес – *Воронеж, Садовая* улица, собственный дом*, Софья* Александровна *Мартынова*. У этого лица попросить вызвать кого-либо из американцев…».

***

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнкѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ!

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

7. Стихотворение С. Надсона, являющееся ключом к шифру Псковской группы содействия «Искре» (1901 год) и Самарского центра русской организации «Искры» (1902 год).

Его высокоблагородие и милостивый государь Леонид Меньшиков с блеском и артистизмом выполнил коварный жандармский план. В 1909 году он скроется от бывших коллег за границей и начнет оттуда систематически выдавать жандармские секреты. Оправдываясь перед революционерами, Меньшиков писал в 1911 году в «Голосе социал-демократа»:

> «В 1902 году я, состоя чиновником особых поручений при Московском охранном отделении, получил приказание выяснить «Северный рабочий союз». Пользуясь явками и паролями, добытыми агентурным путем (перлюстрация химической зашифрованной переписки искровцев), я под видом нелегального явился к так называемым «американцам»… в Воронеже, и, получив от них рекомендации, объехал в течение недели города Ярославль, Кострому и Владимир, где имел свидания с социал-демократическими деятелями (Варенцова, Богданов, Багаев и др.). Результатом моего доклада по начальству была «ликвидация», во время которой было арестовано несколько человек».

«Несколько человек» – это 51 член «Северного рабочего союза», его законсервированная типография, искровский эмиссар Федор Гурвич и подробнейшая информация о внутреннем состоянии социал-демократического движения в России. Что ни говори – блестящая и образцовая операция полиции.

Как мы помним, ключ по стихотворению «Друг мой…» был задействован в России еще летом 1900 года – в переписке с руководителем Псковской группой содействия П. Лепешинским. Осенью 1901 года в Мюнхене у Ленина и Крупской появились давно ожидаемые Глеб и Зинаида Кржижановские. До этого они жили на станции Тайга под Томском, где Зинаида Павловна отбывала оставшийся год ссылки. Вероятно там, в Мюнхене, и был супругам дан ключ Лепешинского. Ведь все они были старыми друзьями по минусинской ссылке. Очень может быть, что к этому времени переписка Лепешинского также находилась под жандармским контролем и его шифр стал известен полиции. Тогда оперативность разбора ею переписки с Кржижановскими становится более понятной.

Попадая в руки жандармов, революционная корреспонденция не только оседала в архивах полиции. Охранники предпринимали все усилия, чтобы не дать подпольщикам заподозрить, что их письма регулярно «разрабатывают» в «черных кабинетах». Но как это можно было сделать практически? Ведь после проявления химического письма уже невозможно было вернуть ему прежний вид. Но не будем торопиться и дадим слово историку В. Н. Степанову:

> «Зачастую в интересах политического сыска переписка Особым отделом не прерывалась. «Специалисты» по подделке почерков изготовляли копию письма, воспроизводившую все его мельчайшие особенности, которая и посылалась адресату. Широко практикуя подделку писем, полиция получала возможность контролировать через «черные кабинеты» переписку лиц, попавших в поле ее зрения, и тем самым быть в курсе дел, как отдельных членов партии, так и той или иной организации в целом» (110).

В штате Департамента полиции был некий В. Н. Зверев, выходец из Московского охранного отделения – подлинный виртуоз по подделке любых почерков. В жандармских документах указаний на такую практику можно найти множество. Например:

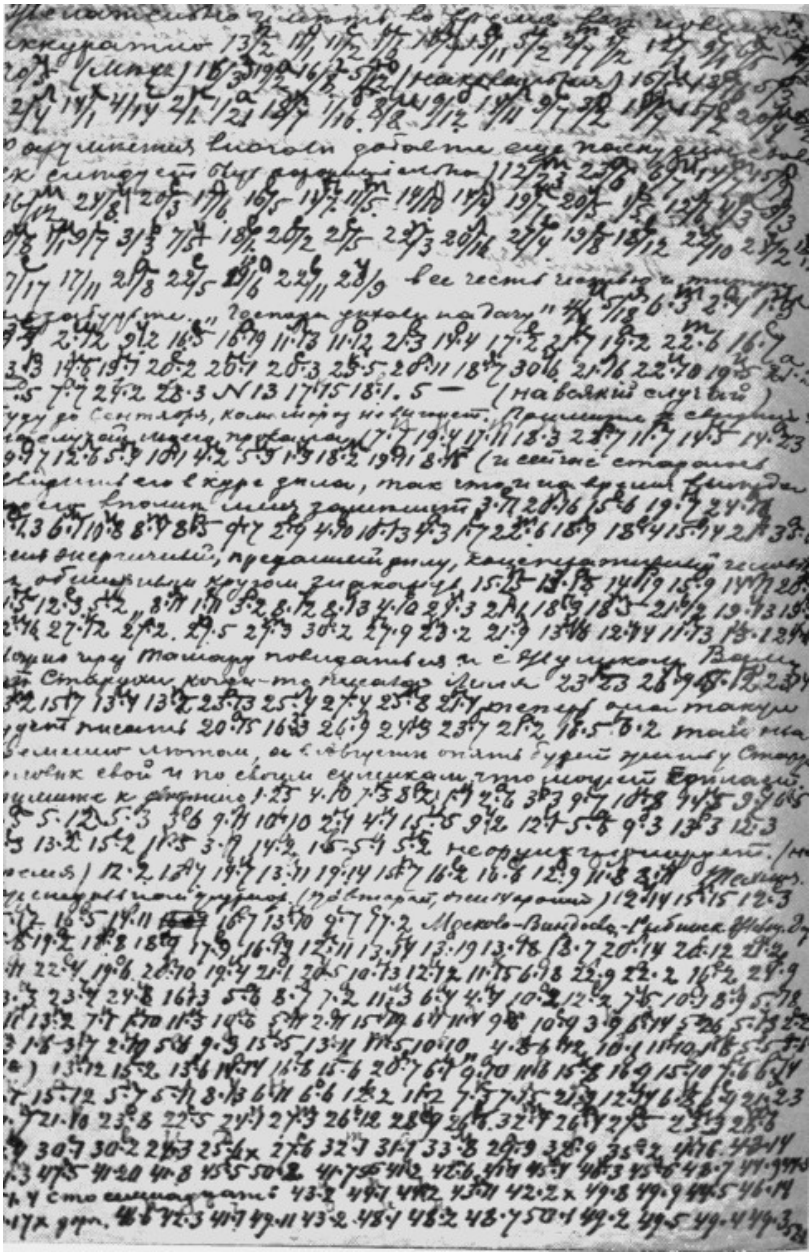
«Все подобные письма калькируются, воспроизводятся химическим способом и отправляются по назначению» (111) – это о письмах К. Захаровой. А вот о переписке «Северного рабочего союза»: «Означенное письмо было воспроизведено и отправлено по назначению» (112).

Поэтому нет ничего удивительного, что в архиве Н. К. Крупской запросто можно обнаружить подделки, выполненные в полиции. А оригиналы их разрабатывались в Петербурге.

С этой точки зрения интересно посмотреть на одно из писем И. Смидович от 30 декабря 1901 года. В современных публикациях указано, что в искровском архиве находится подлинник письма, но утверждать это категорически вряд ли кто возьмется. Мы уже знаем, что множество посланий «Димки» были перехвачены жандармами, прекрасно знали они и оба ее шифра. Так что упомянутое нами письмо могло вполне «задержаться» в «черном кабинете» и полиции. Сведения же в нем содержались крайне важные – описание результатов поездки искровского эмиссара в Петербург сразу же после разгрома там подполья в начале декабря 1901 года. Цитируем:

> «Адрес Аркадия для писем следующий: *Питер, Малая Морская, 16, Бруно К. Шварц, Василию Ивановичу Курятникову. Ключ: стихотворение Некрасова «Меж высоких хлебов затерялося»,* в письмах химией» (113).

«Аркадием» был выдающийся летучий агент «Искры» Иван Иванович Радченко. Длительное время жандармам не удавалось прояснить его псевдоним. Но самого революционера она прекрасно знала. Еще в январе 1902 года, филируя за «Модной», агенты зафиксировали ее свидание с проживающим в Санкт-Петербурге счетоводом конотопским мещанином Иваном Радченко, 27-ми лет.



8. Страница зашифрованного письма И. И. Радченко редакции «Искры» от 26 (13) июня 1902 г. Ключ к шифру – Н. Некрасов «Похороны».

Революционный послужной список «Аркадия» был велик – с 1898 года он под руководством старшего брата Степана проходил подпольные науки в СПб. «Союзе борьбы». А с возникновением «Искры» всецело примкнул к ней.

После разгрома Кишиневской типографии полиция выяснит, что первоначально у супругов Риман (Леон Гольдман и Мера Гинзбург) проживал в качестве квартиранта счетовод Иван Радченко. Каким «счетоводством» занимался он вместе с Гольдманом станет ясно только в марте 1902 года. Но все розыски Радченко успехов не дадут – к этому времени он уже будет нелегалом.

С февраля 1902 года по петербургскому адресу Курятникова пошли химические шифрованные письма из-за границы. Адресовались они «Аркадию» и

«Касьяну». Неизвестному в полиции революционеру редакция «Искры» передавала все уцелевшие после арестов связи. Так что значение «Аркадий» приобретал в глазах сыщиков чрезвычайно высокое.

Письма на Курятникова перлюстрировались, дешифровывались и тщательно изучались. Шифр, впрочем, был прост – даже не имея перехваченного письма И. Смидович, определить ключ по стихотворению Некрасова «Похороны» не было слишком сложной задачей.

Уже прокатилась по России волна опустошительных арестов, уже «Искра» призвала своих агентов не употреблять слишком известных стихотворений и поэтов. Но практически ничего не изменилось! Развязка наступила 27 августа 1902 года. В этот день жандармы арестовали Василия Курятникова. Адрес его для переписки «Аркадия» был давно отменен, ибо из Киева редакции сообщили, что «о Курятникове спрашивали, знали фамилию, но не знали города» (114).

Постоянно фиксируя неуемную деятельность «Аркадия-Касьяна» в Петербурге, полиция никак не могла к нему подобраться. Решено было действовать через Курятникова. На первом же допросе он сообщил следователям, что получал письма для Ивана Радченко, с которым жил в 1900 году вместе на одной квартире. Затем Радченко уехал, сославшись на болезнь матери. Лишь в 1901 году они снова встретились. Как отмечает полиция, Курятников «после некоторых колебаний… написал совершенно откровенное показание в форме заявления… в котором довольно объективно выяснил свою роль в передаче заграничной корреспонденции».

Дальнейшие драматические (и одновременно – комические) события передает одно из писем той поры:

> «Его [Курятникова – А.С.] призывали в охрану и допрашивали, для кого он получал письма, и он выдал Касьяна, хотя утверждал обратное, и наклеветал на одно лицо совершенно непричастное (по его словам, чтобы спасти Касьяна). Последний узнал об этом от него самого у него на квартире, где в соседней комнате были шпионы, которые бросились за ним, когда он выскочил на лестницу после заявления Курятникова, что ему не уйти, так как весь двор занят полицией. Выхватив из двери ключ, он запер ее снаружи и успел удрать… Можно судить поэтому, как его будут искать» (115).

Чудом Радченко и на этот раз удалось уйти от ареста. Его схватят 4 ноября 1902 года на ночном вокзале Пскова с паспортом на имя почетного гражданина Моторина и с «чернильницей с химическим бесцветным составом». Ивана Радченко ждала Петропавловская крепость, Восточная Сибирь… И еще долгая жизнь русского революционера, инженера и организатора советской промышленности. Оборвется она в 1942 году в самый разгар войны. Но не на фронте от вражеской пули, а в сталинских лагерях…

Арест Ивана Радченко был во многом запоздалым шагом полиции. За восемь месяцев ему, под постоянным жандармским прицелом, удалось то, что так тщательно хотели ликвидировать охранники осенью и зимой 1901/1902 года. «Аркадий» оказал решительное влияние на Петербургский «Союз борьбы» и его руководство встало на искровские позиции. Он своими беспрестанными разъездами от Самары до Баку создавал, собирал, связывал, налаживал разбитые полицией искровские ячейки. Одна за другой местные организации вставали под знамя «Искры». «Касьян» заложил основы транспортной организации «Искры», создав ее бюро. И главное – под его энергичным давлением в самый канун ареста в Пскове был воссоздан Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП.

Конечно, ничего этого жандармы тогда не ведали. Поздней осенью 1902 года новый директор Департамента полиции Лопухин с торжеством докладывал Николаю II:

> «Что касается группы «Искра», то ей нанесен решительный удар, так как она с последними арестами 4 и 27 [в действительности – 28-го числа – А.С.] минувшего ноября в Питере и Москве потеряла всех своих проживающих в России нелегальных заграничных представителей и лучшие местные силы. Все арестованные лица задержаны при этом с поличным».

Император наложил на документ соответствующую докладу резолюцию: «Весьма успешно».

Было чему радоваться. Вслед за арестами в Пскове и Петербурге, когда за решеткой оказались 12 активнейших искровцев (Радченко, Лепешинский, Краснуха, Копп и др.), последовал разрушительный московский провал. Обе столицы России были, по мнению жандармов, основательно вычищены от искровской заразы.

В Москве же события разворачивались следующим образом. 30 августа 1902 года туда прибыла нелегальная «Юлия Николаевна Каменская». На ее беду она сразу обратилась за помощью к известной среди местных революционеров Анне Егоровне Серебряковой. Никто не знал, что еще с народовольческих времен эта обаятельная женщина служит агентом полиции. Во многом благодаря ей в Москве громилось одно революционное подполье за другим. Так с первых шагов очередной искровский представитель оказался под наблюдением охранки. За личностью Каменской скрывалась разыскиваемая полицией 28-ми летняя Вера Васильевна Гурвич, урожденная Кожевникова, жена врача, окончившая курс СПб. женской гимназии. Мужем Веры был не раз нами упомянутый Федор Ильич Гурвич (он же Дан). Кожевникова стала известна полиции с 1895 года как периферийный работник СПб.«Союза борьбы». Сосланная вместе с мужем в Орлов, она в 1900 году возвратилась в Петербург. Там в 1901 году Вера вновь была привлечена к дознанию по делу объединенной организации «Рабочее знамя и Социалист». Не дожидаясь ареста, революционерка скрылась в Германии.

В Берлине ее ждал вернувшийся из ссылки муж и она становится одной из активисток искровской группы содействия. Ей поручаются ответственные дела. Так во время переезда редакции «Искры» из Мюнхена в Лондон, Вере доверили выпуск очередных номеров в Германии. Весной 1902 года Федор Гурвич был аре-

стован в России. И Вера решает ехать нелегально в Москву, где в это время сидел в Таганской тюрьме Федор Ильич.

28 августа 1902 года Надежда Крупская проинформировала Ивана Радченко: «К Старухе [Москва – А.С.] поехала Наташа (жена Виктора)» (116). «Наташа» и «Виктор» – Вера и Федор Гурвичи.

Попав с первых шагов в проследки охранки, «Наташа» длительное время не чувствовала слежки. Между тем каждый ее шаг фиксировался, а заграничная переписка тщательно перлюстрировалась. Сохранилось значительное количество перехваченных писем. Но в подлинниках осталось всего два – оба они содержат шифр, разобранный в московской охранке.

Первое письмо датируется 13 октября 1902 года. Начинается оно так:

> «Простите, дорогие друзья, что так редко пишу… Вероятно мой геноссе [Глафира Окулова – А.С.] вам сообщил о нашем свидании с **17091422242628**, он произвел на нас чудное впечатление…» (117).

Лишь этот фрагмент сохранился в расшифровке полиции. Здесь был все тот же мудреный ключ, задействованный искровцами в Киеве с осени 1901 года. Однако примененный для построения алфавит был значительно короче – 29 букв (см. таблицу 8).

Таблица 8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
С	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р
Е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д
В	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б
Е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д
Р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н

По приведенному в таблице ключу прочесть шифр Гурвич-Кожевниковой легко: «… о нашем свидании с *Горьким*…»

Так что у истоков «романа» Максима Горького с большевиками стояла будущая меньшевичка Вера Кожевникова. И с самого начала за этой «интимной связью» негласно подсматривала охранка.

Ключ **«Северно»** следует, вероятно, читать как **«Северное…»** Дальше может быть масса вариантов. Некоторый свет на ключевую фразу «Наташи» проливает ее более раннее письмо от 13 сентября 1902 года:

> «Я от вас не получила ни одного письма… Может быть вы забыли, что я вам давно писала, что четвертое слово надо вычеркнуть. Обратите на это внимание, боюсь, что вы меня не понимаете» (118).

Из этого следует, что ключевая фраза «Наташи» состояла, в конечном итоге, из трех слов. Но только первое из них нам известно. Интересно, что муж Веры (Федор Дан) имел аналогичный шифр – ключевую фразу из трех слов при азбуке в 29 букв.

Раньше мы уже выяснили, что мудреный ключ начал внедряться в искровских организациях через берлинцев. Кстати, сама Вера Кожевникова вышла из той же группы содействия, что и Афанасьева с Кузнецовой. Но в данном случае мы видим переписку не с Берлином, а с редакцией «Искры» – Надежда Крупская постепенно осваивала новую для себя систему шифрования.

Второе письмо Кожевниковой-Гурвич, содержащее цифровую криптограмму, написано через месяц – 13 ноября 1902 года, незадолго до ареста московских искровцев. Речь в нем снова идет о М. Горьком. Однако ключ к шифру уже иной. Но полиция читает и его. Искровка сообщила Крупской пароль к писателю: «От вересаевской Наташи». Стоит напомнить, что прототипом этого персонажа Вересаева была его троюродная сестра Инна Смидович, хорошо знакомая Вере по совместной работе в Петербурге, Орлове, Берлине и Мюнхене! Так что пароль придуман совсем не случайно.

Затем Кожевникова пишет о неизвестной личности, явившейся к Горькому и заявившей, что писатель должен иметь «дело не с нами, а с ним». Дальше цитируем по тексту:

> «Сей же неизвестный господин с нами не повидался, и мы не имеем возможности его найти. Он назвал себя 26-1, 1-5, 2-3, 7-6, 16-2, 3-5, 4-2, 1-11, 3-9, 7-5, 11-4, 12-1, 22-5, 31-4. Теперь нам очень важно знать, кто это такое – наш ли это человек» (119).

Шифр к этому письму так же стал известен полиции. Им была поэма Некрасова «Саша». Ключ принадлежал Глафире Окуловой. В отличие от «Наташи», ее послал в Москву искровский Самарский центр. 8 сентября 1902 года Глеб Кржижановский сообщил в редакцию:

> «Зайчик [Окулова – А.С.]… направлен нами на продолжительный срок к Старухе [в Москву – А.С.] для подкрепления тамошних сил. Будет писать вам запасным «Саша» Некрасова» (120).

По этому ключу шифр читается как: «Он назвал себя *Г. номером первым*».

Письмо искровки показательно тем, что его расшифровали одновременно и Крупская и охранка! Причем в Лондоне это сделали в части приведенной криптограммы неверно. Значит, за границу ушла подделка письма! И возможно, что ошибку в шифре в нем допустили жандармские специалисты. Полиция вела слежку за Кожевниковой и Окуловой безукоризненно. Вся их переписка копировалась, изучалась и отправлялась дальше. Но ни разу они не заметили в получаемых ими письмах чего-то тревожного. Осенью 1902 года наступила развязка. При подготовке арестов в Петербурге Департамент решил одновременно вычистить и Москву. 28 ноября на заседании московского комитета РСДРП была арестована «Наташа». А 9 декабря такая же участь постигла Г. Окулову. Москва в который раз осталась без искровских представителей.

В начале 1902 года вышла книга В. И. Ленина «Что делать?» Процитируем некоторые строки из этой выдающейся работы: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами…» Эти возвышенные строки вождь большевиков относил к искровцам.

А следующий пассаж обращен к революционерам-кустарям, как любил их именовать сам Владимир Ильич:

> «Новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину» (121).

Весь 1902 год шла опустошительная травля искровцев. Но ни Ленин, ни его товарищи не понимали, что шифры, которым они полностью доверялись, и были той самой сохой и кустарничеством. Мы проследили целый год бескомпромиссной схватки жандармов и революционеров (с осени 1901 по осень 1902 годов), и везде одним из существенных факторов разгрома искровских групп были их совершенно неудовлетворительные шифры, неумелое их применение и удивительная самонадеянность.

Царская полиция, пройдя через кровавую борьбу с народовольчеством, имела к началу XX века огромный опыт по преследованию революционеров. Против вчерашних студентов боролись матерые жандармы, талантливые сыщики и дешифровщики. Все это так! Однако было одно «но»! Полиция защищала режим, который к началу XX века практически исчерпал себя. С бурным революционным потоком уже не смогла бы справиться никакая политическая полиция! А создание РСДРП становилось делом ближайшего времени.

Глава пятая

Белостокская конференция

Возникшая в марте 1898 года Российская социал-демократическая рабочая партия еще долгое время представляла собой аморфное, не связанное никакими центральными учреждениями образование. Это была некая совокупность комитетов, групп и отдельных революционеров, раздираемая межфракционными противоречиями, амбициями вождей и неустанными полицейскими преследованиями.

В надежде не формально, а фактически создать РСДРП марксисты не раз пытались собрать очередной съезд. В их представлении только отсутствие Центрального комитета мешало воссозданию единой организации. Но это была лишь иллюзия.

Тем не менее, благодаря инициативе «Южного Рабочего», БУНДа и «Союза русских социал-демократов за границей», в начале 1900 года такая попытка была предпринята. Организаторы съезда всячески старались привлечь к участию в нем Ленина и Мартова. Но «тройственный союз» отнесся к подобной идее отрицательно. Однако Ленин терпеливо ждал результата и даже в июле 1900 года явился к техническому устроителю съезда члену «Южного Рабочего» В. Розанову. Там, в Смоленске, Ульянов из первых рук узнал все подробности неудачной попытки – на явку съезда прибыли лишь три российских делегата — бундовцы Н. Портной, Д. Кац и представитель самого «Южного Рабочего» А. Гинзбург. От Заграничного Союза присутствовал бундист Т. Копельзон. От крупнейших местных комитетов РСДРП не было никого. Ленин еще раз убедился в несвоевременности проведения партийного съезда. 16 июля он пересек границу России.

«Прежде чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» – так писал Владимир Ульянов осенью 1900 года в редакционном заявлении «Искры». Это «размежевание» искровцы и поставили во главу угла своей деятельности. Принципиальная борьба с российским «экономизмом» до предела обострила отношения «Искры» и «Рабочего Дела». А война с национализмом БУНДа привела к скорому охлаждению связей и с этой организацией.

В течение следующего 1901 года заграничные социал-демократические группировки делали неоднократные попытки сблизить свои позиции. С этой целью на осень в Цюрихе был назначен даже объединительный съезд. Накануне его, 14 сентября, Надежда Крупская в письме к своей близкой подруге Лидии Книпович пояснила позиции и планы редакции «Искры»:

> «Сейчас нужна такая организация, которая бы объединила все районы, сплотила бы вокруг себя все революционные элементы, чтобы в критический момент можно было поднять на ноги всех. Опыт Центральных комитетов показал неприменимость их к русским условиям. Сплотиться легче всего около какого-нибудь прочно стоящего революционного органа. Таким органом хочет стать «Искра»… Приходится встречать вражду со стороны комитетов, которые, например, подобно Питерскому, ставят условием принятия в свои члены выход из организации «Искры»… Приходится бороться с непониманием публики вреда районных органов, которые только мешают объединению, вызывая местный патриотизм (вроде «Южного Рабочего», который считает «Искру» конкурентом и мешает ей в организационных делах)… Будет на днях съезд, но толку не будет никакого, наперед можно сказать. Тут вопрос не в принципиальных разногласиях, но в различных ролях: «Рабочее Дело» подчеркивает то, что оно есть лишь исполнитель воли комитетов; от комитетов оно получает средства и старается лишь «выражать» их настроение и пр. «Рабочее Дело» создало за границей свою демократическую организацию, где каждый имеет свой голос, – своего рода игра в «демократизм». «Искра» хочет быть руководящим органом и мало заботится о всей демократической обстановке. Соединения не будет…» (122).

Так оно и вышло. Состоявшийся в начале октября цюрихский съезд зафиксировал невозможность объединения. Межфракционная борьба выплеснулась в российские пределы, где было намечено проведение новой конференции. С целью дискредитации «Искры» в глазах российских комитетов в империю срочно выехал эмиссар Заграничного союза Михаил Коган (он же Гриневич, он же Товарищ Прокурора). Комментируя его поездку, Крупская писала в Одессу «Тодорке» (Захаровой):

> «…Они с грязью мешают «Искру». Уверяют, что «Искра» вносит повсюду дезорганизацию, приглашают комитеты положить этому конец, утверждают, что «Искра» презрительно относится к малоразвитым массам, что «Искра» – непрошеный «спаситель», от которого партия должна поскорее избавиться. Вообще стараются о пользах отечества» (123).

Коган-Гриневич приехал в Россию нелегально. С фиктивным паспортом на имя Пьера Вальхредена он заявился в Москве прямиком к известной Анне Серебряковой. С этого момента эмиссар попал под не-

ослабное наблюдение московской охранки (124). Прекрасно зная о незатухающих распрях среди заграничных групп, жандармы не мешали ему в разжигании междоусобицы. Однако в Москве, Харькове, Воронеже и в Киеве марксистов он «засветил», после чего Когану-Гриновичу дали возможность вернуться за кордон.

События разворачивались все стремительнее. 1 декабря 1901 года Крупская пишет опять Конкордии Захаровой: «А теперь пару слов о союзниках. Оказывается эти господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций. Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту» (125).

6 декабря секретарь «Искры» проинформировала (шифром) о том же Степана Радченко – члена первого ЦК РСДРП и «почти что агента «Искры»» в Петербурге:

> «Союзники хотят устроить 2.6 3.7 13.5 7.3 5.3 1.6 5.2 9.2 13.3 9.10 14.1 16.4 14.4 18.1 1.6 4.1 4.4 15.5 6.12 10.7 7.1. Тактика такая, чтобы устроить как можно скорее и вести дело так, чтобы «Искра» узнала лишь в последний момент. СПб. «Союз борьбы» высказался за скорость».

Надежда Крупская еще не знала, что за два дня до этого Радченко был арестован с остатками петербургских искровцев. Письмо оказалось в руках жандармов, но полностью текст они разобрать так и не смогли. Ключом «Генерала» (С. Радченко) было стихотворение Лермонтова «Сон». По нему криптограмма читалась: «Союзники хотят устроить *на рождес/т/ве съезд партии*…» (126).

Однако в январе второй съезд не состоялся. В один день с искровцами, 4 декабря, был арестован и видный член СПб. «Союза борьбы» Николай Аносов – одна из ключевых фигур российских «экономистов». Еще в 1898 году он вступил в «Союз русских социал-демократов», а в Берлине, учась в политехническом институте, входил в группу Михаила Когана. И с первым, с кем провел последний переговоры насчет съезда, был именно Аносов. С его «изъятием» дело несколько застопорилось, но ненадолго.

Николай Аносов появился в Петербурге в феврале 1901 года и вскоре вызвал себе на помощь видного бундовца Шендера Зельдова. С целью легализовать последнего в столице Аносов обратился за содействием к литератору Михаилу Гуровичу. Он-то и помог дантисту Зельдову пристроиться по специальности, а заодно дал возможность полиции контролировать каждый шаг руководителей «Союза борьбы».

С арестом Аносова за дело взялся Зельдов. Вскоре состоялось узкое совещание между М. Коганом (Заграничный союз), Ш. Зельдовым (СПб. Союз борьбы) и П. Розенталем (БУНД).

Были окончательно распределены организационные функции и установлено будущее место съезда – город Белосток, где жил Розенталь.

13 февраля 1902 года из Петербурга по адресу – Берлин, Шенлейштрассе 17, Фердинанду Эвальду – ушло письмо. Автором его был, очевидно, Шендер Зельдов. Предназначалось оно руководству «Союза русских социал-демократов». Но еще раньше рабочедельцев с письмом ознакомились жандармы. Текст его поднял на ноги всю полицию и ее агентуру:

> «Получили ли вы письмо, в котором извещалось об аресте Аносова? Партийный съезд начнется в четверг 21 марта. Решено пригласить по одному представителю от вас и от «Искры». Передайте «Искре» от нашего имени приглашение и скажите ей, что мы ей напишем особо. Примите все меры к тому, чтобы широкая публика не узнала о готовящемся съезде…» (127).

С этого момента главным стал вопрос о месте созыва съезда РСДРП – об этом ничего в письме не говорилось. Белосток был условлен заранее.

Насколько важной считалась разработка петербургского письма говорит тот факт, что специальное задание по нему получил Евно Азеф – крупный агент Департамента полиции, с конца 1901 года выехавший в Берлин и освещавший там революционную эмиграцию.

Уже через две недели, 26 февраля, начальник Особого отдела Ратаев запрашивает Азефа о «съезде представителей разных революционных групп». 6 марта агент ответил:

> «Здесь пока еще ничего не известно относительно предстоящего съезда в Петербурге 21 марта. Если берлинские представители разных организаций будут ехать, то я, наверное, буду знать об этом. Сообщите еще раз адрес Эвальда, так как я не разобрал его» (128).

Но опытный Азеф здесь ничем не смог помочь своему начальству. Даже отъезд искровского представителя остался для него незамеченным. А день съезда стремительно приближался.

Примерно тогда же, в марте 1902 года, весть об инициативе питерских экономистов дошла до редакции «Искры». Отклик Ленина последовал незамедлительно:

> «5 марта 1902 года.
>
> Товарищи! Мы получили только третьего дня извещение о созыве совещания на 21 марта вместе с совершенно неожиданным сообщением, что первоначальный план устроить конференцию заме-

нен планом устроить партийный съезд. Кем совершена эта внезапная и немотивированная замена мы не знаем. Со своей стороны мы находим ее крайне неудачной… В такой поистине критичный момент… мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе… Лучше не жалеть затраты нескольких тысяч рублей денег и несколько месяцев подготовительной организационной работы и воспользоваться настоящей конференцией для подготовки к лету действительно общепартийного съезда… Исходя из этой основной мысли, мы позволим себе предложить на усмотрение товарищей следующий список вопросов нашей конференции:

1. Принципиальная резолюция…

2. Второй очередной съезд РСДРП. Мы имеем здесь в виду предварительное… решение вопроса о времени съезда (лето или самое позднее осень, ибо желательно покончить к началу будущего «сезона»), о месте его (причем надо тщательно взвесить конспиративные условия), …наконец, об общих основаниях и возможной полноте представительства (т.е. чтобы были представлены определенно намеченные наперед комитеты и известные группы, …не говоря о сравнительно легкой задаче представить обе заграничные с.-д. организации…)

3. Выбор Организационного комитета…

7. Текущие практические вопросы движения, – например …

(б) майская демонстрация – время и способы ее устройства…» (129).

Это письмо было переписано «химией» в журнал «Русское богатство» и вручено Федору Гурвичу – искровскому представителю на намечаемой конференции (130).

А 8 марта «Катя» (Крупская) отправила уже известное нам письмо в самарский искровский центр к Глебу Кржижановскому – и его перехватила полиция. Это было как раз то послание, благодаря которому сотрудник Московского охранного отделения Меньшиков проник в «Северный рабочий союз». Частично мы его уже цитировали. Добавим еще несколько важных строк (выделенные курсивом слова были зашифрованы):

«Мы получили письмо от Николая Петровича (*Петербургского комитета)* с просьбой познакомиться с Сашей. *Делегатом от Лиги поехал Гурвич* (Имярек), который прежде всего повидается с Бродягой и сообщит ему все подробности теперешнего положения дел и все связи. Имярек *остается в России нелегальным*. Кто из вас познакомится с Сашей (*поедет на съезд* и т.д.)? Знакомство с Сашей устроено благодаря стараниям Николая Петровича и Бори (*БУНДа*), момент выбран крайне неудобный во всех отношениях, после разгрома… Николай Петрович и Боря это прекрасно понимают, но они понимают точно так же и то, что чем дальше, тем невыгоднее будет становиться их позиция и выгоднее наша. Настроены они к нам враждебно, вы не знаете всех их козней. Знакомый Роберта *(Рабочего Дела)* настроил комитеты против нас, специально предпринимал для этого объезд. Николай Петрович и Боря большие друзья Роберта. Очень вероятно, что знакомство с Сашей приведет к расколу» (131).

17 марта Надежда Крупская делает последнюю попытку достучаться до далекого СПб. «Союза борьбы»:

«До съезда осталось четыре дня, а мы еще не знаем ни места, ни пароля. Вы прекрасно знаете, что для того, чтобы переслать эти сведения конспиративным путем в Россию нашим представителям, нужно не 4 дня, а гораздо больше… Мы энергично протестуем против такого образа действий Петербургского союза, который ставит нас в невозможность присутствовать на съезде. Представитель Лиги поехал в Россию, мандат зашифрован вашим ключом» (132).

Ключом Петербургского союза являлось стихотворение Некрасова «Маша». Его и имеет в виду Крупская.

Вот в таких драматических условиях началось путешествие искровца Дана (Федора Гурвича) в Россию. Развернутую характеристику момента мы находим в письме Мартова к Плеханову от 20 марта:

«Дорогие товарищи из БУНДа (русского) и Петербургского комитета энергично взялись за доведение до конца старого плана «Союза» – того самого, который им не удалось провести два года назад (перед нашим переселением сюда) и немедленно после октябрьского съезда (цель поездки Товарища Прокурора)… План удалить вовсе Лигу не удался – нас, как редакцию, пришлось позвать, но во 1-х, устранена русская наша организация, от которой тщательно скрывались все планы; во 2-х, мы оповещены в самую последнюю минуту и приняты все меры, чтобы затруднить нам предварительную агитацию. Для противодействия этим ковам товарищ Дан немедленно двинулся в объезд и мы со дня на день ждем известий о его первых шагах… План кампании, которая, конечно, вдохновляется Союзом, очевиден: добиться санкционирования существующего положения и признания Союза официальным представителем. Дан уполномочен предложить устроить съезд летом или осенью при таких условиях, которые позволили бы присутствовать группе «Освобождение труда», то есть за границей. Есть надежда, что, несмотря на все интриги противников, удастся склонить комитеты к этому шагу» (133).

Всю критичность ситуации обрисовал сам Плеханов в ответном письме:

> «Женева, 4 апреля 1902 года [22 марта русского стиля – А.С.]. Интрига союзников может повредить нам очень сильно… Надо теперь же обдумать, каким образом мы разорвем с «российскими» социал-демократами в случае удачной интриги Союза» (134).

Ситуация становилась угрожающей. Страшный полицейский разгром осени - зимы 1901/1902 года, слабая ориентация русских марксистов в заграничных дрязгах, коварство «Союза русских социал-демократов» и его последователей – все сплелось в тугом узле. В довершение к этому редакция «Искры» срочно покидала Мюнхен – слежка полиции стала совершенно очевидной. История РСДРП могла бы иметь совсем иную судьбу. Белостокская конференция – один из возможных трагических поворотов на ее пути. И в том, что раскол тогда не случился, огромная заслуга представителя «Искры» Федора Дана. Мы уже неоднократно встречали его имя на страницах книги. Пришло время познакомиться с ним более внимательно.

Ф. Гурвич-Дан

Федор Ильич Гурвич (он же Дан, Имярек, Виктор, Дерево) родился в Петербурге 19 октября 1871 года в семье аптекаря. В 1895 году он окончил медицинский факультет Юрьевского университета (в Дерпте) и вернулся в столицу. С 1894 года Гурвич стал марксистом, работал в кружке Юлия Цедербаума (Мартова), а после разгрома ядра «Союза борьбы» в декабре 1895 года, сам стал одним из его руководителей. Затем следует арест и полуторогодовое заключение в Петропавловской крепости. Трехлетняя ссылка в Орлове Вятской губернии многое дала Федору Гурвичу – и надежных товарищей, и марксистское углубление знания, и первый литературный опыт. Работая в Орлове статистиком, он опубликовал свое исследование «О положении крестьян в Вятской губернии». Ссылка закончилась к марту 1901 года и почти сразу, с разрешения полиции, Гурвич выехал в Германию. Открылась новая страница его биографии.

Федор Ильич немедленно вступил в ряды Берлинской группы содействия «Искре», тесно контактируя с Мартовым и Лениным. Любопытно, что последний одно из своих писем к Гурвичу отправил 15 июля 1900 года – за день до пересечения Ульяновым российской границы. Так что в своих планах будущий редактор «Искры» отводил петербургскому товарищу не последнее место.

Федор Ильич прожил в Берлине ровно год. Принято считать, что главой Берлинской группы содействия «Искре» был Михаил Вечеслов. Но это верно только отчасти. С появлением в столице Германии Гурвича постепенно именно к нему отошло основное руководство. Судя по дошедшим до нас письмам, революционер развернул в Берлине кипучую организационную работу, отправлял в Россию искровцев, вел с ними переписку. В ней он постоянно применял известный нам мудреный ключ (по словам «Вашингтонъ» и «Семипалатинскъ»), став инициатором внедрения подобного шифра в искровскую практику. Федор Гурвич под псевдонимом «Дан» принял центральное участие в цюрихском объединительном съезде и был тем человеком, который объявил Заграничному союзу (в том числе Акимову и Когану-Гриневичу) о невозможности сотрудничества с ним искровцев.

Тогда же, в октябре 1901 года, сразу после провала объединения, заграничные искровцы образовали «Лигу русской революционной социал-демократии» – в противовес Заграничному союзу. Одним из руководителей Лиги становится Дан-Гурвич.

В довершение ко всему, он был старым товарищем Ленина и Мартова по Петербургу, превосходно знал многих российских революционеров, имел широкие связи и был очень конспиративен. За все время пребывания в Берлине Федор Ильич так и не попал под наблюдение царской агентуры. Во всяком случае, такой прожженный провокатор как Евно Азеф в своих подробных донесениях из Германии Дана не назвал. Ничего не говорит о нем и «Обзор важнейших дознаний, проводившихся в жандармских управлениях» за 1901 год. Между прочим там сообщается, что «Искра» печатается в Мюнхене (!!!), а центр организации обосновался в Берлине. Среди ее руководителей фигурируют Михаил Вечеслов, Анна Елизарова и Петр Смидович. О Гурвиче-Дане ни слова! Так что совсем не случайно именно он выехал делегатом на предстоящий Белостокский съезд. Но путь его был не прост…

Оставались считанные дни до съезда, а искровский посланец не знал главного – где?! Этого не знала и полиция! Они как будто соревновались друг с другом – одинокий русский революционер и многочисленная армия филеров. Были взяты под неотступное наблюдение все известные полиции руководители крупных марксистских организаций. Особое внимание уделялось Зельдову – с его письма начался весь переполох, и Петербург первоначально рассматривался как место съезда.

Но Ф. Дан еще не скоро попадет в филерские проследки. Первым делом он появился в Пскове у Лепешинского (Лаптя) и Сильвина (Бродяги). Несколько десятилетий спустя Михаил Сильвин вспоминал в своих записках:

> «Не помню, приехал ли Дан в Псков, или мы встретились где-то на станции, но только встретившись, мы направились прямо в Воронеж для свидания с членами «Северного союза», от которых Дан надеялся узнать адреса затеянного рабочедельцами съезда, полагая, что они не могли не получить на него приглашения. Я не видел Дана почти шесть лет и теперь с интересом присматривался к нему и к тому новому, что мне в нем открывалось. Он был несколько иным теперь, чем тот скромный, самоотверженный пропагандист и агитатор, каким я его знал в Петербурге. От него веяло самоуверенностью, самовлюбленностью… И, глядя на Дана, на его опрятный костюм, уверенные манеры, на все его повадки, на скрытое в нем презрение вожака к слепо идущему за ним «людскому стаду», я думал, что и у нас скоро появится этот тип беспардонного в своем бесстыдстве парламентария, у которого только одна забота, чтобы именно он был выбран «голосующим стадом» в депутаты…» (135).

Я специально привел эти нелицеприятные слова Сильвина о его старом товарище Федоре Гурвиче. В них – вся дальнейшая официозная советская оценка роли этого видного политического деятеля России. А между тем сам Сильвин после II съезда примкнул к меньшевикам, возглавляемым «беспардонным в своем бесстыдстве» Даном. Почему-то в те годы это совсем не смущало Михаила Сильвина. В дальнейшем он вообще сошел с опасной дороги русского революционера. А в годы сталинизма Сильвин старался не афишировать своих искровских заслуг. И его воспоминания – во многом плата за свое меньшевистское прошлое и спокойное настоящее. Совсем другую картину представляла жизнь Ф. И. Дана, до конца дней своих оставшегося революционером. Он умер в Нью-Йорке в 1947 году, загнанный за океан фашистским нападением на Францию. Федор Ильич всегда верил в будущую демократическую Россию. И, будучи антисталинистом, активно выступал за победу СССР во Второй мировой войне. Очень много Дан сделал для пропаганды взглядов своего друга Юлия Мартова, на сестре которого Лидии он был женат вторым и долгим браком. Советская историография оставила нам в наследство только жалкую карикатуру Федора Ильича, выпячивая его человеческие ошибки и забывая заслуги политика.

Но вернемся в весну 1902 года. В Воронеже Дан не узнал места съезда и отправился на восток в пыльную Самару. Там-то глава русской организации «Искры» Глеб Кржижановский сообщил ему нужные сведения. И теперь курьерский поезд мчал Дана в обратную сторону – через пол-страны, опять на западную российскую границу, в Белосток! Ничего не скажешь – конспирация съезда была отменная! Но Федору Гурвичу удалось преодолеть все «козни» экономистов и явиться по «местожительству Саши».

Среди малочисленных документов, дошедших до наших дней и повествующих нам о ходе Белостокской конференции РСДРП, есть один – совершенно уникальный. Это обширное письмо Федора Дана в редакцию «Искры», отправленное им сразу после окончания съезда. Все остальное – это изложение событий через вторые и третьи руки, или редкие тенденциозные и отрывочные воспоминания через десятки лет участников событий (Розенталя и Ерманского), или косвенные свидетельства современников. Именно поэтому письмо Дана всегда привлекало историков партии, несмотря на его «меньшевизм».

Оно уникально не только своим содержанием, но и исторической судьбой. Впервые письмо появилось в советской печати в 1930 году не без помощи известного архивиста С. Н. Валка (под его редакцией тогда же вышли материалы «Архива землевольцев и народовольцев»). Статья Валка – первый обстоятельный анализ письма Дана на фоне всех прочих известных историкам документов (136).

Валк дал понять, что часть письма содержала неразобранный шифр и, поэтому, не была опубликована. Именно в этой криптограмме заложена вся интрига письма Гурвича.

Была еще жива Н. К. Крупская, непосредственно участвующая в изучении своего архива. Но прочесть текст Дана она не помогла. Был жив и сам автор, с начала 1920-х годов снова превратившийся в берлинского эмигранта. Но Ф. Дан стал врагом Советской власти, и общение с ним было чревато неприятностями.

Значительно позднее, в 1969 году, письмо искровца оказалось, наконец, опубликовано полностью в первом томе известной «Переписки». С этого момента и началась его новейшая история. Многие исследователи пытались прочесть интригующую криптограмму, но терпели неудачу. Для правильного ее разбора, казалось, имелись все предпосылки – часть шифра была прочтена Надеждой Крупской еще в 1902 году. Однако ничего не получалось. Наконец историк Юрий Стефанович Уральский предложил свою версию расшифровки письма. И, начиная с 1983 года, он неоднократно опубликовал ее в различных изданиях. В развернутом виде читатель может найти этот вариант в монографии Уральского «Пароль: «От Петрова»», изданной в 1988 году. Расшифровка Уральского – одна из крупных дезинформаций по важнейшему историческому вопросу советской партийной истории. Она даже была опубликована в последнем, девятом, издании многотомного сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (1983 год, том первый, страница 43). Ведь криптограмма Дана содержала утраченный текст резолюции Белостокской конференции об избрании Организационного комитета по подготовке II съезда РСДРП. И просто удивительно, что никто из специалистов даже не перепроверил Уральского и не заподозрил никакого подвоха. И, видимо, настал момент до конца разобраться во всей этой истории. Но об этом чуть позже. А пока вернемся к письму Дана. Оно очень обширно, но самые интересные для нас его фрагменты мы процитируем:

Ф. И. Дан из Белостока – В. И. Ленину.

28 марта (10 апреля нового стиля) 1902 года.

> «Наконец конференция кончилась. Постараюсь хоть вкратце передать все по порядку.
>
> Явившись на место (25-го), я узнал, что вся почтенная коллегия заседала уже с 21-го… Я узрел: 2-х представителей ЦК Б/УНДа/, Александра от ЗК БУНДа, Геноссе от Южного союза, Товарища Прокурора от Заграничного союза, одного екатеринославца и 2-х питерцев…» (137).

Прервемся на время и проясним состав участников съезда. От ЦК БУНДа присутствовали Павел Розенталь и Нойах Портной. Их мы уже хорошо знаем. Особенно выделялся последний. Впоследствии искровец Глеб Кржижановский писал о Нойахе: «Парень он умный, с большой партийной выдержкой и пониманием партийной дисциплины». А другой руководитель российских искровцев Фридрих Ленгник добавлял: «Мы все от него в восторге» (138).

Делегат от Заграничного Комитета БУНДа – «Александр» – известный Арон Кремер, один из организаторов БУНДа и участник I съезда РСДРП. В начале августа 1901 года он скрылся из-под гласного полицейского надзора и очутился за границей. Своим присутствием в Белостоке Кремер как бы осуществлял преемственность съездов.

«Товарищ Прокурора» – Михаил Коган-Гриневич, представляющий «Союз русских социал-демократов за границей».

«Геноссе» – подпольная кличка одного из редакторов «Южного Рабочего» Осипа Аркадьевича Когана (литературный псевдоним Ерманский).

Родился он в 1866 году в семье мелкого ремесленника, учился в Одессе на юридическом факультете Новороссийского университета. Но за участие в студенческом движении Осип уже в 1888 году был сослан на Кавказ. В 1891 году в Швейцарии он познакомился с Плехановым, а в 1894-м стал делегатом учредительного съезда «Союза русских социал-демократов». Окончив цюрихский политехникум, Ерманский с 1895 года обосновался на родине. С 1899 года он стал одним из руководителей Харьковского комитета РСДРП, продолжая поддерживать тесные связи с Заграничным союзом. В ноябре 1901 года Осип вошел в редакцию «Южного Рабочего». А после ареста С. Харченко он приобрел в редакции решающее значение, активно проводя в ней рабочедельские взгляды.

В сентябре 1902 года другой редактор «Южного Рабочего» Ефрем Левин в письме к искровцам так характеризовал своего коллегу:

> «Следует признать за Геноссе… большую организаторскую способность и чрезвычайную энергию. Сюда присоединяются благоприятные внешние условия: Геноссе был тогда человеком чистым, самостоятельным, имел большие связи почти по всей России» (139).

Усилиями Ерманского и его последователей в январе 1902 года в Елизаветграде был созван областной съезд южных комитетов и групп. В нем приняли участие близкие к «Южному Рабочему» организации Екатеринослава, Николаева, Одессы, Харькова и Кишинева. На этом малочисленном и во многом искусственном съезде «Геноссе» был выбран в члены ЦК «Союза южных комитетов и организаций». Вместе с ним в него вошли два других редактора газеты «Южный Рабочий» – Борух Цейтлин (Борис) и Абрам Гинсбург (Андрей). Но с самого начала образование южного ЦК оказалось мертворожденным – там же, в Елизаветграде, 16 февраля 1902 года были арестованы два из трех его членов – Гинсбург и Цейтлин. Самому Осипу Когану удалось выскользнуть из лап жандармов. Положение железнодорожного инженера давало ему возможность беспрепятственно ездить в курьерских поездах, что, в свою очередь, помогало скрываться от слежки. К тому же «Геноссе» был прирожденный конспиратор – занимаясь революционной деятельностью с 1888 года, он еще в начале XX века умудрялся сохранять свою легальность. Но такой удачный «елизаветградский исход» неожиданно для Ерманского обернулся подозрением товарищей. В феврале 1902 года один из членов Харьковского комитета РСДРП писал в редакцию «Искры»:

> «О Когане я и рекомендовавшая его изменили свое мнение и берем свою прежнюю о нем рекомендацию обратно. Здесь все прежде относившиеся к нему с величайшим уважением теперь не подают ему руки… Прошу относиться к нему с большой осторожностью. Возмутительные факты о нем сообщу когда-нибудь в другой раз» (140).

Таким образом, прибыв сразу после арестов в Белосток, «Геноссе» представлял уже сам себя – «Южный союз» перестал существовать, а его разгром, безусловно, был приурочен к общей ликвидации марксистов по югу России.

Двух следующих делегатов – Зельдова и Краснуху –делегировал СПб. «Союз борьбы» – формальный инициатор съезда. Первый нам уже знаком. А Владимир Краснуха в будущем сыграет важную в истории РСДРП роль. Родился он в 1868 году, окончил курс Петербургской военно-медицинской академии. Еще в студенческие годы Краснуха работал в нелегальной типографии партии «Народное право» в Смоленске

(создана М. Натансоном в 1894 году, но быстро провалилась). Однако Владимир избежал ареста, успев надеть форму военного врача. С 1899 года Краснуха стал членом Петербургского союза и долгое время был вне подозрений охранки.

Последний участник съезда-конференции Феофан Шипулинский (от Екатеринославского комитета) ничем особенным не был отмечен и вскоре сошел с исторической сцены.

Продолжим теперь цитирование письма Федора Дана:

> «Мне стало очень не по себе, когда я узнал, что за 4 дня компания «для облегчения занятий» уже сговорилась между собою и даже поручила Геноссе выработать проект общемайского листка… Больше всего в принципиальных вопросах поддерживал меня 1/18 2/6 [*Ал/ександр/* - **расшифровка Крупской**], затем иногда ЦК БУНДа. Настоящей язвой оказался Геноссе, который «будучи согласен» и т.д. на самом деле производил самые подлые и интриганские подвохи… Товарищ Прокурора играл самую жалкую роль… Один из питерцев (бывший бундист) – ниже всякой критики, другой более интеллигентен… Между прочим Геноссе и прочие с самого начала пытались все вопросы сводить к мелочам, «техническим удобствам» и т.д., и я, конечно, ни единого раза не допустил этого, и прежде всего в вопросе о том, почему нужно объявить себя конференцией… Все остальное… вы увидите из прилагаемых документов… Распределение всех майских листков между организациями, развозку и т.п. по моему предложению поручили Русской организации «Искры». Днем празднования назначено 3/5 5/22 6/3 7/2 8/5 9/8 10/22 11/6 12/16. Кроме того приняты такие резолюции: 215 200 905 12 13 292 802 19 210 81 01 806 01 17 25 27 090 104 26 01 13 17 04 14 08 20 24 24 26 03 15 23 01 10 10 18 06 27 25 21 25 01 02 09 25 29 15 24 10 02 21 04 12 11 23 13 19 16 04 190 31 40 82 52 62 70 30 12 0 17 29 28 111 41 207 11 17 24 28 05 200 80 224 26 09 06 14 29 20 12 23 12 07 21 07 02 06 14 19 07 09 24 18 11 18 25 16 25 19 09 26 29 17 10 25 01 11 08 25 26 192 31 62 21 9 20 26 010 50 917 16 11 25 180 30 80 40 91 30 31 63 14. «Борьбу» после заявления моего (подтвержденного Товарищем Прокурора), что группа эта в обеих наших организациях возбуждает одинаковое презрение, единогласно послали к черту. 116 2812 27 16 13 17 1926 23 2808 2528 1422 21 **[далее идет ошибочное повторение предыдущих цифр – 14 222 1 – при расшифровке их следует исключить – А.С.]** 16 28 114 29 для образования 18025 25 22 2417 02 20 09 06 02 01 27 23 09 204. В общем при данных обстоятельствах я результатами доволен. Как вы? … Виктор» (141).

Дальше в письме имеется еще несколько шифрованных фрагментов, разобранных в свое время Надеждой Крупской и дающих ключ к прочтению остального.

В качестве ключа Дану служила фраза «**Немцы побили француза»**, по которой и строилась шифртаблица (см. таблицу 9).

Для построения шифра Ф. Дан применил азбуку, где «мягкий знак» стоит на месте «твердого». И это не ошибка автора книги.

Сама ключевая фраза, очевидно, была навеяна Федору Ильичу событиями франко-прусской войны 1870 – 1871 годов. Это была последняя крупная война того периода, и марксисты тщательно изучали ее влияние на дальнейшую историю Европы. Вспомним, в частности, что благодаря именно этой бойне возникла знаменитая Парижская коммуна 1871 года. К тому же Дан долгое время жил в Берлине – в столице страны-победительницы. И это не могло не отложить свой отпечаток на его интерес к данной теме. Нет причин сомневаться, что искровец сам выбрал фразу для своего личного шифра.

Письмо его зашифровано сразу в двух системах, и обе они нам уже отлично известны – «квадратная» (криптограмма в виде дробных чисел) и «мудреная». Причем, если дробная часть шифра в тексте письма разобрана в основном Крупской, то шифрфрагменты в виде набора цифр стали настоящим камнем преткновения. Но по порядку.

Легко видеть, что цифровые дроби «3/5 5/22 … 12/16» в начале криптограммы разбираются как «*рус/ское/ первое*». Речь идет о дне празднования в России Первомая. Однако Надежда Крупская прочитала шифр как «нтс первое», что зафиксировано в подлиннике письма Дана. С. Н. Валк в 1930 году воспроизвел эту же фразу как «ртс первое» и дал свою ее интерпретацию. Буквы «ртс» он прочитал в обратном порядке и получил «стр» – «старое первое». Но, как видим, здесь все разбирается гораздо проще (142).

Таблица 9

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29

1	Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
2	Е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д
3	М	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л
4	Ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х
5	Ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь
6	П	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о
7	О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
8	Б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а
9	И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з
10	Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к
11	И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з
12	Ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у
13	Р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п
14	А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я
15	Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
16	Ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х
17	У	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т
18	З	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж
19	А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ь	ы	ю	я

Следующая часть криптограммы выполнена уже в системе «мудреного шифра» с введением фиктивных знаков. Ими являлись три первые и три последние цифры каждой сплошной шифрзаписи. Так, для первого фрагмента шифра фиктивны числа 215 и 314, для второго – 116 и 429, для последнего – 180 и 204. В итоге в криптограмме всегда стояло четное число цифр, которые, по мысли революционера, должны были запутать дешифровщиков полиции. Для разбора шифра следовало отбросить фиктивные знаки, а остальные цифры разбить на двучлены. Например: 20 09 05 12 13 29 28… Теперь письмо прочесть совсем не трудно:

«Приняты такие резолюции: ***в Оргком/итет/ выбр/аны/ Я, Ген/ссе/ и один из ЦК Б/УНДа/ с правом выпуска листков. С/ъ/езд к концу лета за гр/аницей/. Представительство имеют комитеты, местн/ые/ груп/п/ы с соглас/ия/ двух ближ/айших/ ком/итетов/, ред/акции/ «И/скры/» и «Р/абочего/ д/ела/», Лига, Союз, ЗК Б/УНДа/, гр/уппа/ «Осв/обождение/ Тр/уда/»… «*****Борьбу*****»…единогласно послали к черту.*** ***Л/ига/, С/оюз/ и ЗК Б/УНДа/ выбир/ают/ по одн/ому/ дел/егату/*** **для образования** ***Загр/аничной/ Оргкомис/с/ии*****».**

Расшифровка письма Дана была завершена мною еще в 1984 году, но стала известна подготовителям «Переписки» (Степанов, Тихонова, Ляшенко) и Уральскому в конце 1987 года. Однако до сих пор ее не найти ни в одном из трудов по истории РСДРП. Впрочем, в 1989 году она попала на страницы газеты «Советская Сибирь» (143).

Таким образом, еще в ходе подготовки к печати своей монографии Ю. С. Уральский получил правильный текст расшифровки и даже частично нашел возможным опубликовать ее первую фразу с указанием моей фамилии (144). Этим он и ограничился, дав свою прежнюю трактовку криптограммы Дана:

> *«Во исполнение решений избран Оргкомитет. Высказались за созыв съезда к концу лета. Заграничные представители оповестят комитеты. Место встречи согласуют организации «Искра», Лига, Союз в короткий срок… Согласованы предложения для образования Заграничной оргкомиссии»* (145).

Теперь читатель может сам проверить правильность обеих расшифровок, сделать выводы и задать вопросы. Например, такой: почему кардинально меняя в разные годы (1983 и 1988) свой числовой ключ, Уральский совершенно не изменил сам расшифрованный им текст?

Историк так и не захотел объяснить, каким образом он произвел разбор шифра Дана и почему, имея уже правильный текст, оставил без изменения свою версию. Не найдем мы этих ответов и в его книге. Впрочем,

они вполне очевидны. Человек трудной судьбы, ветеран Великой отечественной войны, полковник, кандидат исторических наук… Но однажды Уральский не нашел в себе мужества признать правоту какого-то «мальчишки» и одновременно согласиться, что на протяжении нескольких лет сознательно (или бессознательно?) вводил в заблуждение весь научный мир и своих ближайших коллег.

> «Наверное, ни в одной профессии этические требования к личности не связаны так непосредственно, напрямую с характером работы, как профессия научного работника. Здесь непрерывно (или, скажем мягче, весьма часто) подвергаются испытаниям такие «старомодные» человеческие качества, как честность, мужество, совестливость, справедливость и т.д. …Понятия «научный работник» и «порядочный человек» обязаны быть, если угодно, синонимами… Вся наука строится на доверии, на порядочности…»

– так рассуждал в те же годы конца 1980-х о положении ученого д.т.н. лауреат госпремии СССР Я. Пархомовский (146).

Именно это понижение уровня порядочности не только в элитной научной среде, но и вообще во всем Советском государстве привело его к неизбежному крушению в памятном 1991-м. Правдивость ученого, политика, революционера – это краеугольный камень всего построенного ими. В этом ответ на вопрос, почему так плачевно закончился великий коммунистический эксперимент. И, наверное, предвидя этот результат жили, боролись и исчезали в изгнании многие наши соотечественники. Среди них Федор Ильич Дан.

Белостокская конференция не привела к расколу среди социал-демократов, но стала поворотным пунктом во всей дальнейшей истории РСДРП. Инициативу по созыву съезда перехватили искровцы. Это был «закат» экономизма и одновременно первый шаг к новым фракционным распрям. Но участники закончившейся конференции этого еще не знали.

Практически Федор Дан выполнил все установки ленинского письма, врученного ему в Мюнхене. Приведенные формулировки из его криптограммы буквально повторяют некоторые выражения Ленина. Конечно, это не случайно. И на ход всей конференции немалое влияние оказала только что вышедшая книга «Что делать?», которую Дан успел захватить с собой в Россию.

Выбранная на конференции Оргкомиссия (или Оргкомитет – разные политики употребляли обе формулировки одновременно) включала трех ее участников. Однако, указывая в числе членов себя и Ерманского, Дан так и не назвал имени третьего. Этим он обозначил некоторую историческую загадку. До самого конца 1920-х годов дискутировался вопрос о третьем члене ОК. Осип Ерманский в своих мемуарах указал на Павла Розенталя. Историки партии колебались между кандидатурами Кремера и Портного (147). И лишь позднее выбор окончательно пал на последнего. Письмо Дана, разобранное выше, однозначно подтверждает этот факт – он пишет об «одном из ЦК БУНДа». Им был Портной, а Кремер входил в его Заграничный комитет.

. В радужном настроении покидал Белосток Федор Дан. Он совсем не думал, что ему остались последние дни свободы. В поисках места съезда полиция так же добралась до маленького польского городка. Здесь 23 марта 1902 года филеры обнаружили известных им Зельдова, Когана-Гриневича и Ерманского-Геноссе. Гродненское ГЖУ немедленно сообщило о скоплении известных социал-демократов в Петербург, но помешать заседаниям марксистов жандармы, очевидно, не захотели. Однако сразу же по завершении конференции начались аресты. 28 марта в Варшаве был схвачен «Товарищ Прокурора» (Михаил Коган). На этот раз уйти за границу ему не дали. 31 марта в самом Белостоке арестовали Павла Розенталя и его жену. На их квартире как раз и происходили заседания революционеров, и агенты выследили опытного подпольщика. Но мест проживания других участников конференции филеры никак не могли установить, так как им «благодаря сильной конспирации всегда удавалось скрыться от наблюдения» (148).

Наверное, этим фактом можно объяснить, что Ерманского полиция арестовала только 6 апреля в Елизаветграде. Зельдова не тронули – около него находился сотрудник полиции Гурович и торопиться с арестом пока смысла не было. Только в сентябре 1902 года он очутился за решеткой. Впрочем, к этому времени тот уже отошел от СПб. «Союза борьбы». Ф. Шипулинскому удалось скрыться от наблюдения. Лишь в январе 1903 года он подвергся аресту в Петербурге по наводке екатеринославского агента полиции Михаила Бакая (в будущем известного разоблачителя тайн Департамента полиции).

Удалось уйти из Белостока и опытному конспиратору Федору Дану. Но его ждал куда более серьезный капкан. В Ярославле (в резиденции «Северного союза») он столкнулся с Л. Меньшиковым – когда-то революционером, а теперь чиновником Московского охранного отделения, проводившим в интересах «сыска» ревизию марксистского подполья.

Ольга Варенцова, один из лидеров «Северного рабочего союза», вспоминала, как во время ее встречи с «Иваном Алексеевичем» (Меньшиковым) «к несчастью, явился другой товарищ, назвавшийся Владимиром Михайловичем Броннером, приехавший в тот же день и с таким же паролем, что и первый». Броннером был Федор Дан. И Варенцова познакомила его с Меньшиковым, как с товарищем, только что прибывшем из Воронежа от «американцев». «Броннер очень заинтересовался этим обстоятельством и спросил: не встре-

чал ли он в Воронеже Бродяги, к которому Иван Алексеевич проявил не меньший интерес; словом, судьба Бродяги сблизила их» (149).

Произошла эта памятная для Дана встреча утром 2 апреля. В этот день в Санкт-Петербурге Степан Балмашев убил министра внутренних дел России Сипягина. С его револьверным выстрелом вышла на сцену русской истории новая партия социалистов-революционеров и ее Боевая организация. Вся жандармерия была поднята на ноги. По Ярославлю шныряли шпики, полиция проверяла паспортный режим, искала подозрительных приезжих. Однако «Ивана Алексеевича» это совсем не смущало. И 2-го, и 3-го апреля он подолгу общался с Даном, лихорадочно запоминая все слова собеседника.

Вечером третьего числа «Владимир Михайлович Броннер» выбыл из Ярославля, а утром четвертого был арестован на перроне Ярославского вокзала Москвы.

Леонид Меньшиков составил для начальства подробнейший отчет о счастливой встрече с эмиссаром редакции «Искры». Из донесения охранника следует, что «Владимир Михайлович прибыл 2 апреля в Ярославль утренним поездом (во втором классе) из Москвы, оставил чемодан, под двойными стенками которого скрыта была литература, на хранение в вокзале и поехал… к Новицкой, где его ждала уже Варенцова, с которой познакомился по паролю «самовар – огурец» и отрекомендовался представителем редакции «Искры». Дал ей отчеты съезда, с которого приехал… Другими участниками съезда были представители Петербургского комитета (очевидно, Шендер Мееров Зельдовой, наблюдаемый в С.-Петербурге), «Заграничного Союза русских социал-демократов», «Заграничного Комитета БУНДа», «Центрального Комитета БУНДа», «Южного союза» (Иосиф Коган, упрямый человек, которого В.М. довел до бешенства) и Екатеринославского комитета (субъект малоинтеллигентный). «Заграничная Лига русской социал-демократии» на съезд приглашена не была. Попытка конституирования съезда… большинства не получила, и соглашение последовало лишь на том, что сформировалась комиссия для организации грядущим летом за границей действительного общепартийного съезда, хотя рабочедельцы высказали опасение, что там делегаты из России могут подпасть под влияние «теоретиков»» (150).

Да, многое стало известно Меньшикову от Дана. Но психологически это легко понять. Только что закончена сложнейшая миссия. Перед тобой товарищ, снабженный самыми верными паролями и полный максимального внимания. И главное – Л. П. Меньшиков превосходно ориентировался в искровской среде. Он непосредственно занимался розыском революционеров на юге России и в Москве. Леонид Петрович сам многое мог порассказать Гурвичу. И не только о неведомом «Бродяге», но и о берлинских товарищах Дана, арестованных в Киеве – А. Кузнецовой и С. Афанасьевой. Так что беседы охранника и искровца были взаимно интересны. Тем не менее, Меньшиков ничего не узнал о персональном составе Оргкомитета и других закрытых резолюциях конференции. Однако о месте и времени съезда информация самая точная.

Перед убытием из Ярославля, Дан написал редакции «Искры» еще одно письмо. Оно было изъято при его аресте в Москве, но прочесть шифрованные строки жандармы не сумели. В таком виде письмо и появилось в материалах «Переписки»:

> «3 апреля 1902 года. Вот известие, которое прошу вас абсолютно никому, кроме самого тесного круга наших, не передавать: пронесся слух, между прочим, о нем говорил на таких же условиях одному господину Бродяга, что 8/3 19/6 1/1 7/1 3/6 14/6 10/5 13/1 6/29 5/6 3/3 2/5 1/18 6/4, как быть при таких условиях? Лично о себе не говорю, тут уж ничего не поделаешь, но при том, что вы узнали из посланного мною в книге, вы понимаете, что положение может чертовски осложниться. Напишите свой совет, но опять-таки прошу только мне, т.е. моим шифром…» (151).

По ключу Ф. Дана шифр читается*: «Генос/с/е провокат/ор/»*!

Для Дана-Гурвича подобная новость стала оглушительной. Геноссе-Ерманский был не только известнейший революционер, вхожий во все заграничные и российские организации, не только лидер «Южного союза», но и один из трех членов ОК по созыву съезда. Было из-за чего задуматься.

Это обвинение Осипа Когана в предательстве отнюдь не единственное. О подозрениях харьковчан мы уже знаем. Вот еще один пример – от руководителя Полтавской группы содействия «Искре», традиционно близкой к «Южному Рабочему», А. Штесселя:

> «Паша [Полтава – А.С.] просит следующее держать пока в секрете: Андрей [Гинзбург – А.С.]… с некоторыми другими арестованы в Елизаветграде и отвезены в Одессу. Генос уехал… У многих лиц уже давно, за последнее время еще более усилились подозрения насчет Геноса. Не входя в разбор этих подозрений, насколько они основательны или нет, Паша и Аркадий [Иван Радченко – А.С.] предлагают Фекле [редакции «Искры» – А.С.] до выяснения этого вопроса воздерживаться от сношений лично с Геносом и с теми организациями, представителем которых он явится для конспиративных дел» (152).

Письмо полтавского агента датировано 25-м марта – моментом Белостокского съезда.

Но Осип Ерманский никогда не был провокатором. «Откуда шли обвинения… в провокаторстве, не установлено. Надо думать, что они были вызваны тем обстоятельством, что Ерманский уцелел от провала остальных членов ЦК Союза южных комитетов и организаций в январе [правильно: в феврале – А.С.] 1902 года… Во всяком случае вскоре дальнейший ход дела (арест, ссылка и бегство Е.) полностью рассеяли всякую возможность таких обвинений и доказали полную партийную безупречность О. А. Ерманского» – так писали составители «Ленинского сборника» в 1928 году (153).

Расшифрованное нами письмо Федора Дана значительно проясняет источник подобного слуха. Эту клевету на Ерманского целенаправленно распространяла сама полиция! Посудите сами – еще 2 апреля Дан в беседе с Меньшиковым рассказывает об «упрямом Когане, доведенном до бешенства», а 3 апреля в своем письме вдруг заявляет, что он «провокатор».

В Ярославле Федор Гурвич виделся только с членами «Северного союза», а они были далеки от юга. Занятную характеристику дал в те дни «инженеру Осипу Аркадьевичу» один из них - Михаил Багаев (ее передает в своем отчете все тот же Меньшиков):

> «Иосиф Коган – ярый рабочеделец, которого в Харькове все побаиваются, и конспиратор, каких только надо желать».

И ни слова о том, что «Геноссе» подозревают в провокаторстве. Итак, «северяне» как источник слухов отпадают. С «Бродягой» (Сильвиным) Дан в Ярославле не встречался. Остается сам Меньшиков! Стремясь отвлечь внимание искровцев от причин многочисленных провалов, он указал на Ерманского-Когана как возможного предателя – черная клевета уже шла по его следам. Спасения не было. Через три дня, 6 апреля, он был схвачен в Екатеринославе.

Подтверждением этой версии является и то, что Федор Ильич в своем письме ссылается на «господина, с которым виделся Бродяга». Но как раз на «судьбе Бродяги» и сошлись близко Дан и Меньшиков. Последний прибыл на явки «Северного союза» прямо с юга, где Меньшиков сыграл далеко не последнюю роль в провале «Южного Рабочего».

Случай ложного обвинения революционера в предательстве уже тогда не был единичным. Так, в июле 1896 года Московская охранка разгромила очередной состав местного «Рабочего союза». В числе многочисленных арестованных оказался и студент Леонид Рума, заподозренный затем своими товарищами в прямом провокаторстве. Эту же версию подтвердила и «Искра» в своем 12-м номере газеты. Между тем Рума не был ни предателем, ни, тем более, провокатором. Тот же Меньшиков уже после революции указывал на его революционную честность и безупречность, обвиняя своего непосредственного шефа Зубатова в распространении клеветы насчет провокаторства Румы. Причем делал это Зубатов, якобы, за несговорчивость студента во время личных встреч (154).

Так что история с «провокаторством Геноссе» очень похожа на «предательство Румы». Финал был только здесь совершенно разный. Но полицейские персонажи в обоих случаях одни и те же: Зубатов и Меньшиков. Между прочим, 12-й номер «Искры» вышел в декабре 1901 года. И нарастающий вал обвинений искровцев против Румы мог подтолкнуть Меньшикова весной 1902 года на повторение проверенного способа дискредитации неуловимого революционера.

Конечно, мы не можем упрекать в этом прямо Леонида Петровича (как он обвинял Зубатова в истории с Румой), но то, что Меньшиков принимал активное участие в розыске Ерманского и распространении клеветы против него теперь совершенно очевидно. И это дает дополнительный черный штрих к портрету охранника, предавшего через ряд лет уже сам Департамент полиции.

Арестованный в Москве, Федор Дан отказался давать показания. Жандармы по-началу даже не знали, кто есть на самом деле «Владимир Михайлович Броннер». Но улик вполне хватало. В отобранном у него чемодане, за двойными стенками и дном, полиция обнаружила четыре экземпляра «Искры» №17, газету «Рабочая Мысль», два экземпляра брошюры «Что делать?» (почему-то жандармы на первых порах приписали ее перу Юлия Мартова, а не Ленина), первомайскую прокламацию (текст ее утвердила Белостокская конференция), план города Москвы, карту российских железных дорог и, главное, сделанные через копирку копии резолюций состоявшейся конференции.

Вскоре удалось дознаться и о подлинной личности Дана. Мы же теперь знаем, что он воспользовался паспортом своего товарища по Берлинской группе содействия «Искре» Вольфа Моисеевича Броннера. Между прочим, сам Броннер осенью 1902 года выехал из Берлина в Томск по своему паспорту, ничуть не опасаясь того, что по копии с его документа весной того же года был арестован Дан.

Расшифрованное письмо Ф. И. Дана из Белостока ставит перед историками интересный вопрос – знала ли редакция «Искры» в полной мере решения конференции по образованию Оргкомитета? Длительное время считалось, что эти резолюции вообще утрачены и делались косвенные попытки восстановить их основные моменты (155).

А в начале 1980-х годов Ю. С. Уральский заявил, что «зашифрованный текст с сообщением о принятых конференцией конспиративных резолюциях в редакции «Искры» прочитать не смогли по каким-то причинам, скорее всего из-за низкого качества шифрования» (156). Как видим, оба эти соображения оказываются ложными. Резолюции по ОК теперь есть в нашем распоряжении и зашифрованы они без особых ошибок. Несмотря на это, Ю. С. Уральский так и остался при своем мнении, что Крупская прочесть документ не сумела. Основывал он это свое заключение на двух фактах.

Первое: занимаясь расшифровкой, Уральский в 1979 году получил доступ в ЦПА к самому письму Дана. В подлиннике он увидел над начальными цифрами шифра «215 200 905…» проставленные Крупской только две буквы: 20 – В, 09 – О. На этом основании историк и сделал заключение, что шифр так и не сумели дальше понять. Но почему? Дело в том, что любую «периодическую систему» очень неудобно разбирать прямо в тексте криптограммы (под цифрами шифра), как это обычно практиковали секретари «Искры». К тому же в данном частном случае Федор Дан повел себя как опытный шифровальщик – цифры криптограммы разбиты на группы разной длины (для затемнения системы шифра), текст очень сильно сокращен (от большинства ходовых слов оставлены только начальные буквы). Все это, очевидно, заставило Крупскую произвести дешифровку на отдельном черновике, впоследствии утерянном.

Между прочим, благодаря начальной расшифровке букв «Во…», которые в действительности читались «В О (рг…)», Уральский с самого начала знал, что первые три цифры криптограммы /215/ фиктивные. Мне же приходилось это устанавливать длинным кружным путем, исследуя иные шифрзаписи Дана. Уральский, безусловно, знал о шифртаблице по фразе «**Немцы побили француза**», хотя еще в 1983 году ключ этот выглядел у него как «За немощ побили франца» (156). Однако применить таблицу для разбора всего шифра он не догадался. Исследователь считал, что «мудреный ключ» появился в арсенале «Искры» лишь в 1903 году. Таким образом, Уральский ошибся принципиально – он решил, что в письме использованы два совершенно разных ключа: «квадратный» по известной фразе и «гамбеттовский» по длинному числовому ряду. Причем в разных публикациях этот ряд у него различный (157). Однако ключ был единый, по одной таблице, но в двух разных вариантах ее использования. И я попросил бы сейчас читателя вспомнить, как искровцы из «Берлинской группы содействия» применяли шифр по слову «**Вашингтонъ**». Здесь мы найдем полную аналогию – в Петербурге «квадратный ключ», а в Киеве – «мудреный». Ф. Дан объединил в своем письме сразу два эти способа. По предварительной договоренности Надежда Крупская знала – если запись криптограммы дробная, то применен квадратный ключ. Если же шел числовой набор в виде ряда цифр, то следовало отбросить шесть фиктивных знаков, разбить оставшиеся на пары и использовать мудреную систему по той же самой табличке шифра. Таким образом, Уральский был за шаг до правильного решения, но не сумел его сделать. Получая при своей расшифровке отдельные верные слова, он не нашел ничего другого, как связать их в логической последовательности по своему собственному усмотрению. Понятно, что такую систему разбора криптограммы трудно назвать настоящей дешифровкой.

Второй аргумент Уральского более существенен. Он считал, что в искровской переписке отсутствуют факты, соответствующие расшифрованным выше строкам. Но так ли это? На мой взгляд, проблема гораздо глубже и шире. И чтобы понять ее, придется углубиться в документы.

Действительно сразу после конференции Федор Гурвич выпал из поля зрения редакции. Начиная с середины апреля 1902 года, в письмах Крупской появляются первые сведения об итогах белостокской встречи. Основное в них – решение о праздновании Первомая по старому русскому стилю. Источником информации для искровской организации стал, очевидно, Заграничный комитет БУНДа, представитель которого Арон Кремер благополучно вернулся из России. Эту мысль подтверждает письмо Крупской к Кржижановскому в Самару:

> «Свидание с Сашей имело место 21 – 24-го… Вышло так, что к ней попали лишь друзья Роберта. Приехал туда и Имярек. Гостей было 7 человек, ни до чего определенного не договорились. Между друзьями Роберта нет полного единогласия, и Борис стал даже держать нашу сторону. Условились, что знакомство с Сашей останется шапочным. Борис, который очень хлопотал об устройстве свидания, видя, что вышла ерунда, сваливает всю вину на Николая Петровича. Мы посылали через Бориса и Николая Петровича протест против образа действий инициаторов свидания. Протест оказал свое действие. Однако вся эта глупая затея стоила нам, по-видимому, очень дорого: мы, кажется, потеряли Имярека. Борис под тем предлогом, что у Имярека была литература, не устроил его как следует (теперь он винит Имярека в неосторожности), и Имярек влетел со всем добром. Был он на квартире у одного знакомого Бориса, а после его ухода через 2 часа на квартире был сделан обыск. Куда девался Имярек, неизвестно. Мы от него не имеем никаких вестей» (158).

Датировано письмо 19 апреля и трудно сомневаться, что основано оно на сведениях бундовцев (Бори).

Отвечая на не разысканное письмо Кремера, Ленин писал ему в Париж – 21 апреля (через два дня после послания в Самару):

> «Уважаемый товарищ! Мы имеем веские основания опасаться, что наш делегат (на конференции) взят вскоре после конференции, не успев передать своей должности. Поэтому просим вас сообщить нам:

1) кто еще выбран в члены подготовительного (или организационного и т.п.) комитета, кроме нашего делегата? и 2) как нам снестись с этими лицами (адрес, ключ, пароль и т.п.)?» (159).

Все эти письма, казалось бы, подтверждают мнение Уральского – к 21 апреля редакция не располагала еще сведениями по решениям конференции. Но ведь и вестей от Гурвича-Дана еще нет! Однако уже 23 апреля, буквально следом после письма к Кремеру, Ленин лично инструктирует Г. Кржижановского:

«Получили письмо. Дерево, видимо, взято… Свидание с Сашей (о ней нам еще успел написать Дерево) привело к назначению комиссии по созыву съезда через пять месяцев. Теперь наша главная задача – подготовить это… Если есть… адреса для посылки вам подробностей о Саше (т.е. адрес для склеенного переплета) – пришлите поскорее» (160).

А 24 апреля Юлий Мартов сообщил своей сестре Лидии в Москву:

«Вот наши новости: Виктор, очевидно, исчез; взят, вероятно, сейчас же после конференции… Ему удалось расстроить козни врагов и тем перенести все важные вопросы до съезда, который будет к осени…» (161).

Итак, 21 апреля сведений от Дана еще нет, но 23 апреля получено уже его письмо. Получается, что прийти оно должно было 22 апреля 1902 года и тогда же, очевидно, прочитано. Почти месяц (!!!) шло оно в Лондон. Почему так долго? Мы не сможем, естественно, дать здесь точного ответа. Но объяснение есть. Гурвич переслал свое письмо в корешке какой-то книги вместе с резолюциями конференции, копии которых были обнаружены при нем полицией. Бандероль с книгой шла в редакцию кружным долгим путем, через один-два передаточных адреса. Письмо было отправлено из Белостока 10 апреля нового стиля. А 12 числа редакция «Искры», спасаясь от слежки русской полиции, срочно покинула Мюнхен. Мартов выехал в Цюрих, Ульяновы в Лондон, а в Германии вместо них осталась жена Дана – Вера Кожевникова. Этот поспешный отъезд не мог не внести неразбериху в отлаженную систему связи. Но, так или иначе, послание Дана было, наконец, получено. Но смогли ли в Лондоне его полностью дешифровать? Очевидно да. Если мы это сумели сделать через сто лет, то для Крупской разобрать тайнопись было гораздо проще! Обратимся вновь к документам.

10 мая Надежда Константиновна продолжает информировать Самарский центр:

«Свидание с Сашей кончилось крайне печально. Кроме Дерева, который сидит в Москве (влопался здорово, у него взято письмо к Тяпкину), взят Геноссе, заграничный представитель Союза и бундовец. Из лиц выбранных в комиссию по подготовке съезда, остался лишь бундовец, его мы направим к вам. Вам придется заняться подготовлением съезда совместно с ним, но с ним надо вести дипломатию и не открывать всех карт. Ввиду страшных погромов и ввиду образования новой партии (социалистов-революционеров) мы подумываем теперь об объединении. БУНД после свидания с Сашей переменил фронт и склоняется к «Искре», союзники тоже поговаривают об объединении» (162).

«Тяпкин» – здесь Ленин. Оставшийся на свободе бундист – Портной. Но он так и не связался с Кржижановским. БУНД в России на время устранился от выполнения решений им же собранной конференции.

Однако за границей действительно подумывали об объединении. Начало было положено видным членом Заграничного союза Николаем Лоховым (Ольхиным) – к нему перешли функции арестованного в России Когана-Гриневича. Но предубеждения против рабочедельцев были у искровцев настолько велики, что переговоры с ними встретили весьма холодное отношение. Находящийся в Париже Мартов писал Ленину 17 июня 1902 года (новый стиль):

«Относительно предложения Лохова: ты не пишешь, виделся ли с Александром [А. Кремером – А.С.]? Это необходимо, ибо вовсе необязательно нам «устраивать» вместе и с Б(УНДом) и с Союзом. Ни Александр не говорил, ни Имярек не писал, чтобы подобное решение там было принято. Если б сговорились с БУНДом, то могли бы считать приглашение Союза вопросом второстепенным» (163).

Получается, что сам Мартов был вообще не в курсе об истинных решениях в Белостоке, если хотел устранить рабочедельцев от участия в ЗОК. Сговорившись со своим старым товарищем по Вильно А. Кремером, он всерьез рассчитывал поставить ЗОК под искровский контроль. Отношения с БУНДом в эти дни как-будто налаживались.

Однако сразу после отправки своего письма в Лондон, Мартов встретился с приехавшим в Париж Ольхиным. Вот как передает эту встречу Ю. Мартов в августовском письме к Плеханову:

«Я сказал ему, что мы не видим смысла в совместной работе по подготовке съезда, если мы не сделаем попытки наметить условия совместной работы в партии… Это было принято как прямое настаивание на сближении. Ольхин заговорил заносчиво. Я ответил переходом в самый холодный тон» (164).

А вот комментарий Ленина на ту же тему и опять Плеханову:

> «С «союзниками», по-моему, нечего теперь объединяться: они держат себя нахально и «изобидели» жестоко Берга [Мартова – А.С.] в Париже… В России наши дела идут теперь сильно на подъем, а «союзники» грозятся самостоятельность проявлять! Избави господи» (165).

Ленин писал свое письмо 12 июля, не зная, что в Париже Мартов и Лохов постепенно нашли зыбкий компромисс:

> «Оказалось, что заносчивость Ольхина не встретила одобрения его товарищей, и они побудили его уже самому поднять разговор о возможном сближении. На этот раз наши беседы носили более мирный характер… Мы разошлись.., решив в Организационном комитете (Александр, Ольхин и я) вести дальше переговоры о чисто технических деталях российского съезда, причем вести их по соглашению с соответствующим учреждением в России» (164)

– так писал Мартов Плеханову.

Эти встречи Мартова и Лохова вызвали целую волну откликов и среди искровцев и среди рабочедельцев. «Союз» интерпретировал их не иначе, как слабость «Искры». «Да и сам Ольхин держал себя, в сущности, так, что мол, вы теперь в нас нуждаетесь, давайте торговаться».

9 июля Плеханов отвечает встревоженному Аксельроду: «Юлий Осипович никаких переговоров в Париже не ведет: он просто разговаривает с Ольхиным, своим старым знакомым… Тот, кто действительно примирил бы нас с «Рабочим Делом», оказал бы услугу отечеству. Теперь наши враги – социалисты-революционеры» (166).

Однако переговоры в Париже все-таки шли. В тот же день, 9 июля, Мартов проинформировал об их итогах Ленина:

> «С Ольхиным мы в Оргкомитете постановили (соответственно предлагаем Александру постановить) следующее:
>
> 1. Мы из Лондона вступаем в официальные сношения с русским ОК…
>
> 4. Допускаются все комитеты; с согласия 3-х комитетов, заявленного в Оргкомитет допускаются русские группы, не носящие звания комитетов…
>
> 7. Вопрос о допущении заграничных групп, не участвовавших в конференции, будет решен на съезде.
>
> Примечание: О группе «Борьба» остается в силе решение конференции, признавшей ненужность ее участия в съезде (Ольхин, опираясь на слова их делегата и Александра, так объясняет выражение Дана «решено послать к черту»).
>
> 8. Время – не ранее ноября. Оргкомитет должен предварить комитеты, что работы по съезду (с включением езды) отнимут у делегатов 2-3 недели…
>
> Все эти пункты предлагаются на усмотрение Р. О. К.» (167).

Всего документ содержит 14 пунктов предварительных переговоров по функциям Оргкомитета и его заграничной комиссии. Для нас же интересно главное – письмо Дана из Белостока было активно включено в переговоры с Ольхиным и Кремером. В то же время есть очевидные нестыковки с зашифрованной частью письма. Конечно, они ставят под сомнение правильную расшифровку Крупской указанной криптограммы. Но вряд ли нужно ожидать здесь прямого копирования. Важнее всего то, что Мартов и Ольхин обсудили практически все пункты, перечисленные Даном. Впрочем, дело не только в его письме. Собеседники в Париже располагали куда более надежным источником информации о прошедшей конференции и ее решениях – через общение с прямым ее участником Ароном Кремером. И здесь уже объяснить «нестыковку мелочей» простой неудачей в расшифровке письма Дана невозможно! Очевидно, что правильное понимание этих фактов историкам нужно искать в другой плоскости.

С криптографической точки зрения здесь интересно следующее соображение, ставящее, по моему мнению, все точки над «i».

Тогда же в жарком июле 1902 года Федору Дану удалось из стен Таганской тюрьмы переслать письмо в редакцию «Искры». В архиве сохранился подлинник этого послания, зашифрованного Даном его личным «мудреным ключом». И Надежда Крупская совершенно верно прочла криптограмму. Значит и предыдущее, белостокское, письмо от 28 марта она так же сумела разобрать. Да и вообще маловероятно, что перед убытием в Россию Дан не получил обстоятельного инструктажа в Мюнхене и не объяснил Крупской свой шифр. Там оставалась и жена Дана – Вера, способная всегда помочь в разборе писем мужа. О чем же сообщал Федор Гурвич из Таганки?

«Писал вам в июне на адрес Пецеля в Берлине, не знаю, дошло ли, опасаюсь за Веру, ничего о ней не слышу, у меня отобрали ее письма, установили такой надзор, что в камеру посадили надзирателя, причин не объясняют, черкните мне при оказии, не знаю даже, дошла ли до вас книга с документами конференции и одобрили ли вы мои действия. Крепко жму руки…» И в самом конце шифра он добавил: *«Я юн/н/»*. Надежда Крупская не разобрала эту короткую фразу, служащую больше для усложнения криптограммы. Но она очень характерна для душевного состояния таганского узника.

История Белостокской конференции кончилась. Но история Организационного комитета только начала разворачиваться. Переговоры в Париже шли вяло и недолго. Как только Н. Лохов вернулся в Швейцарию, он снова образовал «крайнюю партию» с В. Акимовым. Юлий Мартов, заканчивая уже неоднократно цитируемое письмо к Плеханову, писал:

> «Получается такое впечатление, что «Союз» отказался от всяких других интересов, кроме интересов сохранения своей «лавочки» и, считая, что мы «очень ими нуждаемся», хочет «набить цену». При таких условиях трудно ожидать какого-либо прока от всех этих переговоров» (164).

Начатые в июле, контакты искровцев с рабочедельцами по поводу ЗОК уже в начале августа были свернуты. Не лучше дела обстояли и с бундовцами. В том же июле Ленин инструктировал Ивана Радченко вполне определенно:

> «С БУНДом держитесь крайне осторожно и сдержанно, не открывая карт, предоставляя ему ведать дела бундовские и не давая ему совать нос в дела русские: помните, что это ненадежный друг (а то и враг)» (168).

Главные события происходили в России. В начале августа 1902 года в Лондоне появился Владимир Краснуха – член СПб. «Союза борьбы», участник Белостокской конференции, а теперь искровец. В результате его переговоров с редакторами «Искры» был дан решительный толчок к формальному возобновлению деятельности РОК. Дальнейшие события проясняет письмо Ю. Мартова к новому лидеру «Южного Рабочего» Ефрему Левину:

> «Здесь мы слышали от Гражданина [Краснухи – А.С.] что бундист – член ОК – уцелел.., ввиду чего немедленно для его сведения было сообщено в ЗК Б(унда), что «Искра» и Петербургский комитет желают вступить в сношения для восстановления ОК… Здесь мы лично передали ЗКБ просьбу дать явку в ЦК. Ее нам не давали упорно, требуя от нас явки к нашим. Мы ответили, что явки у нашего представителя (Аркадия) сейчас (летом) нет, но что его найти они могут в Питере через местный комитет…»

Формальности, таким образом, были соблюдены.

Новый Оргкомитет конституировался в Пскове в первых числах ноября 1902 года. В его состав вошли представители СПб. комитета (Краснуха), «Искры» (И. Радченко) и «Южного Рабочего» (Левин), тут же кооптировавшие в ОК искровцев Кржижановского, Ленгника, Красикова, Лепешинского и Стопани. И хотя сразу после Псковского совещания Лепешинский, Краснуха и Радченко были арестованы, но разрушить весь ОК полиции не удалось. В декабре 1902 года в «Искре» появилось извещение об образовании Оргкомитета, явившееся неприятным сюрпризом не только для жандармов, но и для БУНДа. Один из руководителей его Заграничного Комитета (вероятно А. Кремер) с горечью писал в Варшаву члену ЦК и лидеру российских бундовцев Н. Портному:

> «Сообщение о том, что три организации (СПб., Юг и «Искра») выпустили воззвание об Организационном комитете для созыва II съезда партии, оказывается верным… Все известные нам и вам факты наводят на мысль, что «Искра» нас дурачит: то петербургские адреса для явки годятся, то не годятся. Алексей нас морочил с этими адресами несколько недель. То их письма не доходят до ЦК, в результате конференция Организационного комитета без нашего участия; и возмутительное воззвание об образовании Организационного комитета. Ввиду всего этого я нахожу в высшей степени ошибочным и вредным для нашего дела намерение ЦК «не сдвинуться с места, лишь только явится малейшее подозрение, что его обходят сознательно». Ведь такое поведение ЦК в интересах наших противников. По-моему надо немедленно сделать все, чтобы не дать Организационному комитету действовать без нас» (169).

Письмо было датировано 1 января 1903 года и перлюстрировано «черным кабинетом». Кремер и Портной прекрасно знали упомянутого в тексте «Алексея» – Юлия Мартова – еще по совместной деятельности в виленских кружках.

Результатом этого послания явился неожиданный визит Портного на Харьковское совещание нового ОК (1 – 3 февраля 1903 года). Никто тогда даже и не предполагал, что третий член ОК первого созыва все еще на свободе! Ефрем Левин так прокомментировал пикантную ситуацию:

> «С Борисом произошло примирение… Нас уверял Гражданин [Краснуха – А.С.], что единственный живой человек – это он. Представьте же всеобщее изумление, когда мы увидали настоящего живо-

го человека, самого близкого родственника Александра. Думаем, что это страшная бестактность» (170).

В противоположность двум предыдущим заседаниям ОК (в Белостоке и в Пскове) Харьковское прошло вполне благополучно – в полицейском смысле. Но трения между искровцами и бундистами здесь дошли до предела.

Только личное обаяние Портного в какой-то степени сглаживало серьезнейшие расхождения революционеров по поводу роли и места БУНДа в РСДРП. Итогом совещания в Харькове явилась разработка подробнейшего проекта «Устава II съезда РСДРП» (171). Но если мы сравним «резолюции» из письма Дана и этот проект, то найдем в них мало общего – и в размерах и в содержании. Очевидно, что белостокские решения к началу 1903 года были сильно скорректированы и углублены. А информация, полученная от Дана, Кремера и Портного принималась лишь к сведению. Вообще преемственность решений различных составов ОК требует специального исследования и далеко выходит за рамки нашей книги.

Вернемся к судьбе Федора Дана. Прибывшая в Москву Вера Кожевникова поддерживала с мужем постоянную связь. В октябре 1902 года она сообщила в редакцию, что «Имярек чувствует себя очень плохо, он не может до сих пор примириться с той мыслью, что попался так глупо, так здорово и так скоро и что придется долго сидеть» (172). Тогда же «Наташа» сообщила о причине провала – провокаторе «Иване Алексеевиче», якобы сотруднике московской охранки. Последнее обстоятельство Дан, похоже, переживал хуже всего (несмотря на его бодрые письма в Лондон). Так довериться неизвестному собеседнику!

Следующие сведения о Дане поступили в редакцию в январе 1903-го. Лидия Цедербаум-Канцель (а в будущем – новая жена Дана!) писала из Таганки:

«Следствия по делу Белостокского съезда скоро заканчиваются. Тоже будут переведены в общую. Один из привлекающихся по этому делу, Федор Гурвич, почему-то переведен в одиночку, в Бутырку, но не в Башню, а в каторжный корпус. Почему это так – неизвестно» (173).

Вообще же сидение в тюрьме не было обременительным. Та же Канцель сообщала: «Сидеть хорошо, очень свободно, добились очень многого». Вспомним, что вместе с другими белостокцами в Таганской тюрьме находился Павел Розенталь. Как раз в это время он задумал и реализовал свою монографию «Шифрованное письмо». Так что условия этому благоприятствовали.

Что же касается Дана, то ему было предъявлено обвинение сразу по трем делам: «О партийном съезде в Белостоке», «О Северном рабочем союзе» и «О распространении в Московской центральной пересыльной тюрьме преступных сочинений». Очевидно, по последнему делу он и попал в Бутырский изолятор. Елена Стасова в феврале 1903 года дополнила сведения Лидии Канцель:

«Из Москвы мы узнали.., что с сидящим там Гурвичем выделывают ужасы. Его избрали объектом мести, перевели на уголовное отделение, и хотя посадили в одиночную камеру, но у него неотлучно находится жандарм. Говорят так же, что его нравственно мучают ужасно» (174).

К лету судьба подследственных по делу «Белостокского съезда» несколько прояснилась. В ожидании приговора их было решено выслать в отдаленные районы Восточной Сибири. Согласно этого решения Ф. Гурвич в начале августа 1903 года был водворен под гласный надзор в село Кондратьево Пинчугской волости Енисейской губернии. Но это была самая короткая ссылка в биографии революционера. В том же августе Самарской организации РСДРП со стороны вновь образованного ЦК партии было предложено «напрячь все силы для устройства побега Дерева» (175). В сентябре был объявлен окончательный приговор – шесть лет Восточной Сибири. Однако вышедший 15 сентября (нового стиля) 48-й номер «Искры» доводил до сведения читателей, что бежавшие из ссылки Ф. И. Гурвич, О. А. Коган и А. М. Зельдов благополучно прибыли за границу! Впрочем, удивляться этому не нужно. Бывший начальник Особого Отдела Департамента полиции Л. Ратаев писал в 1910 году:

«Наряду со слабостью государственной полиции замечалось еще и полное отсутствие всяких способов воздействия на надвигающуюся революцию. Ссылка существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кому, по личным соображениям, не было надобности бежать» (176).

Но у марксистов Дана, Ерманского и Зельдова такая надобность была! Все они вернутся к активнейшей революционной деятельности. Федор Дан станет одним из лидеров меньшевистского крыла РСДРП и умрет в изгнании в далекой Америке. Осип Ерманский после революции отойдет от меньшевиков, будет жить в Москве, заниматься наукой и партийной историей, а затем падет жертвой сталинских репрессий. Шендер Зельдов станет видным литератором и деятелем БУНДа. Павел Розенталь так же проживет яркую жизнь. Николай Ольхин отойдет от политической деятельности, став в Париже известным обеспеченным художником. Арон Кремер и Нойах Портной после революции будут жить в Польше и продолжать свою борьбу за счастье еврейских рабочих. У всех их будет разная судьба. Но было и одно общее – они очень мало расскажут потомкам о том событии, которое свело их вместе в 1902 году, которое предопределило во многом их судьбу и которое через сто лет продолжает интересовать исследователей. Я имею в виду Белостокскую конференцию и Оргкомитет по созыву II съезда РСДРП.

Глава шестая

«Мудреный ключ» и «квадратный шифр»

М. Вечеслов

Газета «Искра» была детищем не только В. Ленина, Ю. Мартова и других редакторов. Десятки русских марксистов восприняли как свою идею ее издания и прилагали бесчисленные усилия в обеспечении ее деньгами, литературными материалами, нелегальным транспортом. Среди искровцев были разные люди: теоретики и практики революционной борьбы. Одного из них мы уже упоминали не единожды – Михаил Григорьевич Вечеслов (Юрьев), организатор Заграничной группы содействия «Искре» в Берлине. В начале 1890-х годов он входил в первые социал-демократические кружки Казани. А осенью 1898 года Михаил прибыл в Берлин для учебы на медицинском факультете здешнего университета. Но занятие революционной деятельностью тоже оказалось не последним. Член «Союза русских социал-демократов», Вечеслов летом 1900 года отдает себя в распоряжение редакции «Искры». Встречи с Плехановым, Блюменфельдом и Потресовым окончательно делают его активнейшим функционером новой организации. Он становится на первых порах ее основным транспортером. Литература шла через разные границы, главным образом через прусскую и австрийскую. Но весной 1901 года внимание искровцев все больше привлекала Финляндия. С этой целью Вечеслов специально выезжал в Норвегию, чтобы на месте оценить возможность переброски «Искры» через финские кордоны. Во время этой рекогносцировки Михаил написал небольшую брошюру о революционных шифрах и предложил ее издать в типографии «Искры».

Все, что мы знаем об этой книжке сосредоточено в двух письмах Надежды Крупской к автору. 5 июля 1901 года Вечеслову предложили прислать брошюру в Мюнхен для ознакомления. А через полтора месяца, 23 августа, он получил ответ:

> «Брошюра о шифрах очень хороша, идет вопрос о том, не поместить ли ее отдельной статьей в «Заре»» (177).

Но работа искровца Вечеслова так и не была напечатана. А жаль. Вероятно, это был бы самый первый подобный опыт среди российского подполья. Вспомним, что Владимир Акимов выпустил аналогичный труд только через год, а книга Павла Розенталя увидела свет вообще в 1904-м. Мы теперь можем лишь догадываться о содержании брошюры Вечеслова.

Безусловно, в ней можно было найти «стихотворный ключ» – сам Михаил переписывался с Лениным по басне Крылова «Пловец и море». Параллельно с этим речь должна была идти и о «книжном шифре» – в это время они все больше применялись в марксистской среде. Наверняка автором брошюры был описан «гамбеттовский ключ» – история его тянулась с эпохи народовольчества. И очень возможно, что нашел свое место в книжке «мудреный ключ». Как раз берлинская группа Вечеслова активно внедряла подобную периодическую систему в деятельность искровских агентов.

Однако все подобные ключи, за редким исключением, известны сегодня только благодаря прямому анализу самих сохранившихся криптограмм социал-демократов. Мы уже встречались с шифровальными лозунгами **«Вашингтонъ», «Семипалатинскъ», «Немцы побили француза**» и **«Северно(е)**». Говорили мы и о том, что Иосиф Басовский (Дементьев) в феврале 1903 года довел до сведения искровской редакции свой новый шифр по слову «**Шаляпин».** Это единственный случай из «Переписки», когда подробнейшим образом дано описание «мудреного ключа» (178). Он уже нам хорошо известен и нет нужды цитировать письмо Басовского. Тем более что это часто делали другие авторы. Отметим только два обстоятельства.

Басовский сообщил Крупской, что по этому же шифру будет писать «Адель» – видный искровец Борис Гольдман (родной брат «Акима» - Леона Гольдмана). Сосланный в Сибирь по делу СПб. «Союза борьбы», он в сентябре 1902 года проехал на пути обратно через Самару. Там произошла его встреча со старым товарищем Глебом Кржижановским, главой Русской организации «Искры». Дальше путь Бориса пролег за границу, где революционер вошел по полученным явкам в контакт с редакторами «Искры» – и Мартова и Ульянова он еще знал по Питеру. В начале 1903 года новый искровский агент вернулся в Россию. Именно Басовский переправил Гольдмана через австрийскую границу, попутно обусловив с «Аделью» ключ к шифру.

Однако словом «Шаляпин» Гольдман не воспользовался. В качестве своего «лозунга» он взял совсем другой ключ: **«Организация»**. И этим шифром перекрыто несколько криптограмм искровца в Лондон.

Второй любопытный факт: Басовский предложил редакции писать цифры шифра не в одну строку, а представлять их в качестве числовых дробей. Делалось это для маскировки системы шифрования и запутывания нежелательных дешифровщиков. Такой способ записи подобных шифров сохранился на протяжении следующих лет. Воспользовался им и Борис Гольдман. Он возвращался домой с важной миссией. Шла энергичная подготовка ко II съезду партии. Благодаря очередным полицейским набегам в составе действующего с ноября 1902 года Оргкомитета первую роль стали играть представители «Южного Рабочего» – Левин и Розанов. Задачей «Адели» ставилось войти в ОК и вести в нем искровскую линию. Что успешно было воплощено в жизнь.

Итак, шифровальным лозунгом Гольдмана стало слово «**Организация».** В одном из дошедших до наших дней писем искровца оказался не разобранный адрес для высылки «Искры» в Россию. Относится оно к апрелю 1903 года. Криптограмма имеет следующий вид:

«5.1 2.6 3.8 1.7 6.5 5.4 5.8 2.3 2.7 2.3 2.6 – 8.4 10.8 – 3.10 6.2 4.3 9.7 1.3 – 3.20 2.2 4.5 – 1.8 3.4 1.5 3.9 4.1 5.6 3.2» (179).

Шифровальная табличка Б. Гольдмана представлена в таблице 10.

Таблица 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н
Р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п
Г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я
Н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з
З	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я
Ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х
И	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з
Я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ы	ь	ю

При разборе криптограммы шифрдроби преобразовывались в цифровые пары. Делалось это так: если первая и вторая часть дроби имели по одной цифре, то они объединялись в пару. Если же было больше двух цифр, то в расчет брались только две последние. Так приведенный выше шифр трансформировался в следующий вид: 51 26 38 17 65 54 58 23 27 23 26 – 84 08 – 10 62 43 97 13 – 20 22 45 – 18 34 15 39 41 56 32.

Но этим превращения не заканчивались. Памятуя, что при составлении таблицы применялась 29-ти буквенная азбука, при шифровке вместо первого десятка брали третий, четвертый, пятый и т.д. Например: 51 = 1, 38 = 8 и т.д. Начинать же расшифровку в данной конкретной криптограмме Гольдмана следует **со второй** строки таблицы, так как разбор предыдущей фразы письма (см. указанный том «Переписки») окончился на первой строке. Теперь криптограмму прочесть нетрудно: «*Рязан/ь/, Липецк/ая/ ул/ица/, Колон/иальный/ маг/азин/, Бутиной».*

Между прочим, это единственный искровский адрес в Рязани, который вообще присутствует в сборниках «Переписки». Значит, и сюда шла по подставным адресам нелегальная «Искра».

Гольдман развил в России бурную деятельность, ведая делами Оргкомитета в Петербурге, Москве и во всем центральном районе страны. Полиция неоднократно перехватывала его письма, но раскрыть шифр искровца так и не смогла. Сохранилось письмо «Адели» в Лондон от 30 марта 1903 года (180), скопированное жандармами. Но зашифрованные места его пропущены. Зато в архиве Крупской обнаружено то же самое послание (очевидно, подделка полиции) разобранное полностью секретарем редакции.

Приведем еще одно письмо Гольдмана от 26 мая 1903 года. Оно имеет некоторую историческую ценность:

«Вы уже знаете, конечно, что 1/6 1/9 6/3 4/11 2/3 2/5 4/23 1/8 отсюда» (181).

В Лондоне Надежда Крупская прочла шифр без затруднений: «*Я – делегат»*. Речь шла о выборе Бориса Гольдмана делегатом на II съезд партии от Петербургского комитета РСДРП. Однако 22 июня 1903 года при попытке нелегально пересечь границу он был арестован пограничной стражей. С 1903 по 1905 год Гольдман провел в тюрьме в ожидании суда. Но по России уже катилась революционная волна. 5 мая 1905 года Борис был выпущен под негласный полицейский надзор и уехал домой в Вильно. На свободе «Адель» сразу же связался с партийным центром в Женеве. Крупская через виленских большевиков переслала ответ своему товарищу:

«Передайте… Борису Гольдману, что шифр с ним будет старый – слово **«Организация»,** двадцать восемь букв, обозначается только место в строке, строки брать по порядку…» (182).

Шел июнь 1905 года. Ключ «Адели» получил новое дыхание. Одно только запамятовала Крупская – Гольдман раньше использовал азбуку в 29 букв. А в остальном – все верно.

После состоявшегося II съезда РСДРП можно наблюдать настоящий «бум» вокруг «мудреного шифра». В какой-то момент Надежда Крупская и ее товарищи начали отдавать этой системе все большее предпочтение. Так в декабре 1903 года в состав ЦК партии был кооптирован Левик Гальперин – участник бакинского подполья, один из бежавших из Лукьяновской тюрьмы искровцев, видный революционер-практик. Тогда же он под псевдонимом «Альфа» отправился в Москву, где решено было устроить резиденцию ЦК. В качестве шифровального ключа «Альфа» выбрал фразу **«Пансіонъ Фурнье»**. Для построения шифртаблицы использовался 35-ти буквенный алфавит. Происхождение этой фразы имеет свою историю. В Женеве на одной из центральных площадей Пленде-Пленпале находился тот самый пансион. В нем, в частности, в конце 1903 года жила известная большевичка Циля Зеликсон (Бобровская). Вполне вероятно, что там же обитал, будучи в Женеве, и Гальперин. Тогда выбор ключа становится еще более понятен – это был своего рода центр проживания большевиков (183). Часть переписки Гальперина отложилась в фондах Департамента полиции. Судя по расшифрованным копиям писем «Альфы», его ключ не был таким уж «мудреным» и жандармы его успешно читали.

Подобной же системой по слову **«Контакурент**» (азбука в 28 букв) писали из России в Женеву Ольга Виноградова и Екатерина Голикова. Интересно, что, работая в разных районах страны, они имели один и тот же псевдоним «Ганна» и общий ключ к шифру. Впрочем, здесь возможна и некая архивная путаница. Применение этими большевичками «мудреного ключа» было своеобразное. Ранее революционеры, следуя народническим традициям, каждый новый фрагмент письма шифровали с одной и той же первой буквы (строки) ключа, что значительно упрощало работу над криптограммами, не давая запутаться. Но в то же время, это облегчало и криптоанализ в полиции. К 1904 году данное обстаятельство начали понимать и большевики. Во всяком случае именно с указанного момента принципы шифрования стали усложняться. Виноградова и Голикова запоминали, на какой букве ключа окончена была предыдущая шифровка, а затем по следующей букве (или строке таблицы) продолжали очередное шифрование. Кроме того, запись шифрдробей так же была несколько иная. Вот, например, образец одной из их криптограмм:

«3/891 28/14 1/14 12/21 20/8

В и г р у ш к а х» (184).

Здесь все знаменатели дробей, включающие более двух цифр, представляли «пустышки» – фиктивные знаки (читать текст, в данном случае, следует с пятой строки ключа).

По таким же правилам Надежда Крупская переписывалась и с Верой Швейцер – молодой революционеркой из Ростова-на-Дону. Сохранился черновик письма к ней за 18 февраля 1905 года:

«Вере. Письмо… получено, пишите точнее адрес… Шифр разобрали, но вы не отделяли адресов друг от друга и не всегда обозначали город, боимся, как бы не вышло путаницы. Последнего адреса не поняли совершенно. Повторите его еще раз, а также сообщите, по какому из двух адресов (*Элькену* и *Шендоровичу*) вам лучше писать и действует ли явка *Наум/а/ Альбова*… Не знаете ли где *Ставский*…» (185).

В конце черновика Мария Ульянова, сестра Ленина и помощница Надежды Крупской, тщательно зашифровала выделенные слова:

«28.1, 29.27, 5.9, 4.30, 23.6, 17.2, 4.17, 31.2, 4.8, 6.

12.1, 23.10, 25.12, 10.1, 10.22, 22.

18.22, 33.27, 18.27, 9.30.»

Ключ между Ростовом и Женевой опирался он на слово **«Глауберовая»**. На основе 35-ти буквенной азбуки («Й» в конце алфавита) строилась нужная таблица (см. таблицу 11).

Таблица 11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
Г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в
Л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й
У	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т
Б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а
Е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д
Р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п
О	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н
В	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й	а	б
А	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю	я	Θ	й
Я	Θ	й	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ъ	э	ю

Нетрудно, сравнивая криптограмму и шифртаблицу, увидеть, что Мария Ульянова произвела тут сплошную зашифровку нужных слов. Причем, между предпоследним и последним шифрфрагментом она допустила сбой в одной строчке таблички. Такие оплошности приводили к полному непониманию адресатом всего остального текста. И может быть именно эта проблема долгое время заставляла Надежду Крупскую избегать подобных шифрсистем.

Очень широко при «мудреной системе» большевики использовали тюремную 28-ми буквенную азбуку. Именно так шифровал свои криптограммы Лев Потушанский (Лоло) по ключу «**Механик труб**». То же самое можно сказать про неизвестных нам большевиков «Катюшу» (из Риги) и «Арсения-Исаака» (из Ковно). Они применяли лозунги «**Сказочный д…**» и «**Вашингтон»** соответственно. Первый ключ до конца не установлен из-за короткости сохранившейся криптограммы. А использование проваленного несколькими годами ранее шифра «Вашингтон» возможно как-то связано с бывшей берлинской группой содействия «Искре». Может быть, это обстоятельство позволит прояснить личность «Исаака».

Любопытен случай ключа одного из транспортеров литературы в 1905 году, некоего «Вольтмана». В качестве лозунга была взята фраза «**Графинъ воды**». Однако слова эти трансформировались в другой буквенный набор по определенным правилам. Сначала по порядку выписывались согласные буквы фразы, а затем гласные. Твердый знак, не являющийся звуком, ставился посередине. В итоге получалось ключевое буквосочетание: «**грфнвдъаиоы**». По этому лозунгу и строилась шифртаблица (азбука в 34 буквы).

Интерес представляет вариант мудреного ключа Петра Смидовича, которым он писал из Баку осенью 1905 года. Этот известнейший большевик был по образованию электротехник и ключ его соответствующий – слово «**Электротехника»**. Он применял 35-ти буквенную азбуку с «Й» в конце алфавита, однако нумерацию производил от 0 до 34. В результате буквы из первого столбца шифртаблицы получали обозначения 0, 40, 50, 60 и т.п.

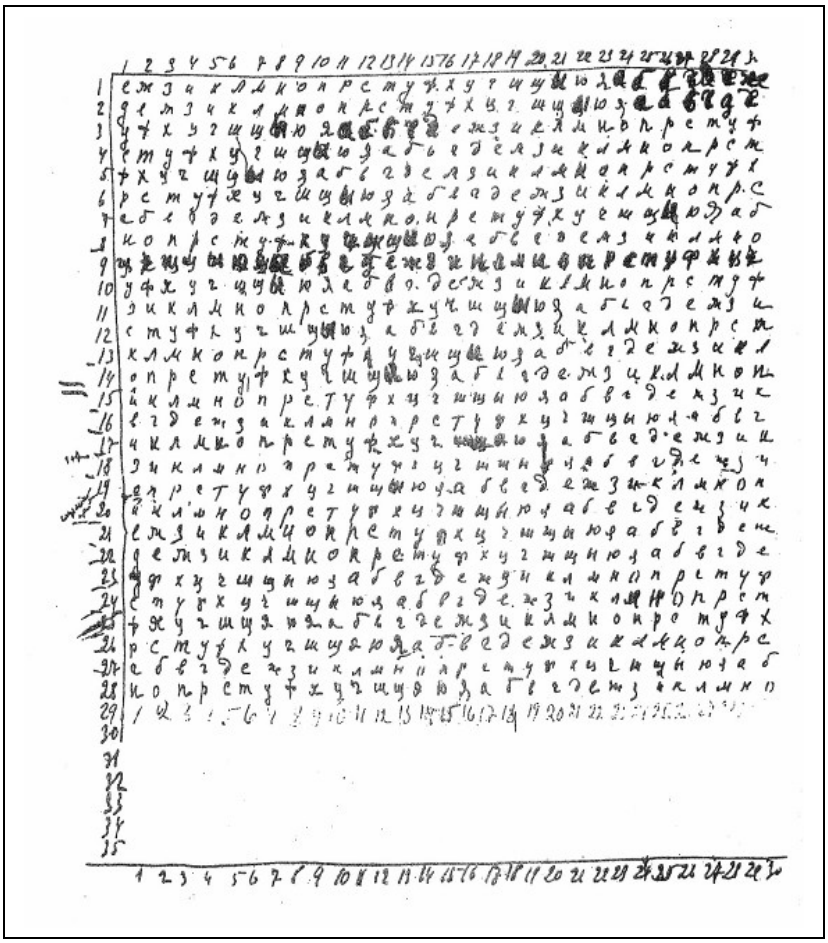
В общем при всем единообразии «мудреного шифра» имелось его множество вариантов. Всего из материалов «Переписки» удалось извлечь информацию о 13 ключах революционеров, используемых в подобной системе. В отличие от своих несомненных предшественников (народовольцев и землевольцев), применявших стандартную 30-ти буквенную азбуку с «Й» в конце алфавита, искровцы и большевики значительно отступили от этого правила. Их алфавиты были самых разных величин (от 27 до 35 букв) с «блуждающими» некоторыми знаками («Й» и «Ь»). Все это частенько запутывало самих революционеров. А некоторые из них, несмотря на значительный подпольный стаж, вообще не знали секрета мудреного ключа. Виктора Ногина мы уже упоминали. Но это был 1901 год. Однако то же самое можно сказать про Максима Литвинова из 1904 года (186).

Параллельно с «мудреной системой» криптографии в практике искровцев и большевиков широко применялись и обычные «квадратные шифры» с координатным обозначением знаков. Характерно, что в переписке «Искры» квадратный и мудреный шифры появились практически одновременно (по слову «Вашингтонъ») летом 1901 года. Вряд ли это случайно. Ведь в обеих системах использовалась совершенно одинаковая буквенная таблица.

Можно указать одиннадцать лозунгов для квадратных шифров, имеющих конкретное применение в письмах «Переписки». Так екатеринославские искровцы писали в редакцию «Искры» ключами «**Благонадежный**» и **«Что делать»**. Левик Гальперин использовал свой лозунг **«Пансіонъ Фурнье**» так же и в квадратной системе. Упомянутый выше М. Литвинов начинал свою шифрпрактику с того же самого способа. Еще находясь в Лукьяновской тюрьме Киева (побег из которой он совершит вместе с десятью своими товарищами), он просил писать ему по ключу «Австралия» (187). Весной 1904 года Литвинов отправился на подпольную работу в Ригу. В качестве лозунга к квадратному шифру он выбрал слово «**Прогностика».**

Киевский большевик Владимир Вакар в 1904 году перекрывал свою корреспонденцию по фразе «**Лев Николаевич Толстой**». Надо полагать, что этот ключ брал свое начало еще с искровских времен, когда Вакар писал из Киева корреспонденции о великом русском писателе. Интересно, что зачастую шифр использовался в подполье как пароль. Так, давая Южному бюро ЦК РСДРП явку в Киев, Н. Крупская писала:

«Вот явка туда: Киев… Владимир Викторович Вакар. Пароль: «От Льва Николаевича»» (188).



9. Образец квадратного шифрключа из архива меньшевиков (188)

(Еду с французской визой)

Петербургские большевики Александр Дивильковский и Вениамин Липшиц шифровали тексты по слову «**Учениками»,** а неизвестный нам «Виталий» по ключу «**Мануфактура**».

Брат известного эсдека Мартына Лядова Николай Мандельштам переписывался с женевским центром большевиков по специфичной фразе «**Твердокаменное большинство**». Во всех перечисленных примерах также использовались шифралфавиты самых разных величин. Конечно, это мешало дешифровщикам полиции, но не меньшие проблемы ожидали и самих подпольщиков при незнании размера азбуки. Не удивительно, что через переписку революционеры сравнительно редко договаривались о своих шифрах в мудреной, квадратной или гамбеттовской системах. Делалось это чаще всего при личных встречах. Этим фактом и можно, видимо, объяснить, что в опубликованной «Переписке» в основном можно встретить лишь стихотворные ключи.

Нет нужды опять повторяться о ненадежности шифров, построенных на алфавитных закономерностях. Но большевики того периода не придавали этому обстоятельству должного значения. Отходя от провален-

ных стихотворных ключей, они опять надеялись на скомпрометированные всей предыдущей революционной историей системы криптографии.

«Квадратные шифры» в российском подполье имели еще другое название – «**дипломатические**». Об этом говорит письмо Надежды Крупской к Розалии Землячке. Сообщая ей одни из шифров, она писала: «Ключ дипломатический без числителя, слово «Дикарь», азбука в 30 букв».

Название «дипломатический», вероятно, как-то связано здесь с исследованием историка А. Н. Попова «Дипломатическая тайнопись времен царя Алексея Михайловича с дополнением к ней», изданной в 1853 году (189). Характерно, что Крупская на момент написания письма не была лично знакома с Землячкой. Однако она не сомневалась, что ее поймут без длинных объяснений. Добавим, что сам шифр по слову «Дикарь» принадлежал марксистской группке в Мелитополе – и ключ ее был абсолютно типичным для российского революционного подполья.

Суммируя теперь известный объем знаний, накопленных нами за всю революционную историю России, можно ясно увидеть вектор развития знаменитого «шифра Виженера». К началу XX века его идея была максимально приближена подпольщиками к их наиболее ходовым «квадратным шифрам». Революционеры даже не подозревали, какую эволюцию проделали первые народнические гамбеттовские ключи, чтобы превратиться в «мудреную систему». А историки «Искры» ошибочно искали ее корни именно в «квадратных шифрах» революционного подполья. Так они стали похожи и близки.

Но очень важно, что такой исследователь революционных шифров, как Павел Розенталь, проведя всесторонний обзор периодических систем шифрования, ничего не написал о «мудреной». Получается, что этот популярный в начале XX века шифр следует приписать в актив первых искровцев. Во всяком случае, в распространении его они приложили максимальные усилия.

Глава седьмая

«Гамбеттовский ключ» подполья

Конечно, и этот вид шифра был прекрасно известен в искровской среде. Еще молодой Владимир Ульянов простейшим гамбеттовским шифром **(«3 - 7»**) пользовался в камере Дома предварительного заключения в 1896 году. Тем более удивительно, что во всей искровской переписке мы не найдем примера употребления подобного ключа. В ходу были стихотворные, мудреные, квадратные и книжные шифры. Но «гамбетта» нет.

Причина этого, вероятно, в том, что секретарь «Искры» Н. Крупская с недоверием относилась к старому народовольческому шифру, делая ставку на стихи. Между прочим все остальные перечисленные выше системы внедрялись в практику искровцев исключительно по инициативе периферийных революционеров. И «гамбеттовский ключ» здесь не исключение.

В сентябре 1902 года руководитель Самарского бюро Русской организации «Искры» («Соня») Г. Кржижановский сообщил в Лондон последние «новости дня»:

> «У нас был только что бежавший из Сибири Бронштейн. Запомните следующую характеристику (его имя в письмах к вам П. Алек/сандров/; организационное – Перо). Он будет писать Фекле по адресу Пинкау ключом Гамбетта, подписывается под всем текстом фраза-к/люч/: «**Письма постороннего человека**», переводятся оба текста в ряд цифр, обозначая каждую букву ее номером в русской азбуке (в 35 букв), суммируются оба ряда, прибавляется число 10 и полученное двузначное изображается дробью 38 = 3/8; или ключом – «**картина**» – с произвольными рядами полной азбуки» (190).

Бронштейн – Александров – Перо есть никто иной, как знаменитый Лев Троцкий. Совершив свой побег при ближайшем участии иркутского подполья, он по пути в Европейскую Россию остановился в Самаре для знакомства с искровцами. Очень скоро Троцкий окажется в Лондоне у Ленина и Мартова. Но пока самарцы направили его на юг для возобновления связей с возродившейся организацией «Южный Рабочий».

Квадратный шифр по слову «картина» не вызывает у нас никаких вопросов. К этому времени сами искровцы им уже широко пользовались. Да и гамбеттовский ключ так же понятен. Единственное новшество – перешифровка чисел по модулю 10 и обозначение их дробью. Этого в историческом прошлом мы не встречали. Но своего распространения в искровской и большевистской среде двойные шифры так и не получили.

Письмо Кржижановского дошло до нас в редакционной копии и приведенная часть его имеет неясности, исправленные автором. Так словосочетание «фраза-ключ» Крупская ошибочно прочла как «вразп.х.», что делало дальнейший текст маловразумительным. В книжном шифре Кржижановского по 150 странице Волгина-Плеханова не было буквы «Ф»! И ее просто заменили на «В».

Не разобравшая шифр Надежда Крупская теребит Самару: «Повторите ключ к Перу» (191). И Кржижановский торопится дать пояснения: «Перо, наверно, скоро будет у вас… Соня (теперь Даша) поручила Перу потолковать с вами по поводу съезда… Его шифр, оказывается, вовсе не так хорош и давно известен кому следует, поэтому не повторяю» (192).

На этом и закончилась первая попытка внедрения в искровскую переписку гамбеттовского ключа. Разумеется, прибывший в Лондон Троцкий дал нужные пояснения к собственному шифру. Ну а что имел в виду Кржижановский не совсем ясно – то ли то, что сам «гамбетт» был малонадежен, то ли то, что жандармам стала известна ключевая фраза. Скорее последнее, ибо уже через год этот вид шифра приобретет в большевистской среде важное значение.

Здесь нам предстоит сделать некоторое отступление. Постоянный приток в революционное подполье молодых сил во всей остроте ставил перед руководителями революционного движения проблему обучения их конспиративным навыкам. Мимо этих вопросов не могла пройти и «Искра». Ее 33-й номер от 1 февраля 1903 года опубликовал характерное письмо неизвестного революционера, в примечании к которому редакцией отмечалось, что оно «поднимает один из действительно больных вопросов нашей практики»:

> «Товарищи!.. Молодому революционеру буквально неоткуда набраться революционной практической мудрости, так как опытных революционеров в России всюду немного… В нелегальной литературе… совершенно нет руководств или книжек с изложением конспиративных правил, добытых долголетним опытом русской революции. Издание такой книжки и ее широкое распространение ... было бы чрезвычайно полезно».

Первое, о чем спрашиваешь себя, читая эти строки – почему ни слова не говорится о брошюре Акимова «О шифрах», датированной 1902 годом. Неужели еще в начале 1903 года она еще не вышла из печати? И тогда – когда вообще она появилась у революционеров?

К концу 1902 года «Союз русских социал-демократов» испытывал все большие трудности. Фактически организация разваливалась. Ее покидали видные члены, перестал выходить журнал «Рабочее Дело». Российские комитеты порывали с «экономизмом» и лишь в Петербурге шла отчаянная схватка искровцев и рабочедельцев. Выход на этом фоне брошюры Акимова мог восприниматься редакцией «Искры» как попытка реанимировать практическую деятельность Союза в России. Между тем автор книги подробнейшим образом описал гамбеттовский шифр и некоторые его разновидности. Никаких практических выводов искровцы тогда из брошюры заклятого идейного врага не сделали. Но, безусловно, «Искра» испытывала в это время в области шифров определенный кризис. Призывая русских революционеров к «возможно большей осторожности … в употреблении шифров» («Искра» №25 от 15 сентября 1902 года), редакция сама «топталась» около нестойких систем переписки.

Есть интересный документ – работа Ленина «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП к общепартийному съезду» (декабрь 1902 – январь 1903 года). Это обширный перечень вопросов, по которым редакция желала получить ответы российских практиков. В разделе «IV. Типографии, транспорты и конспиративное оборудование работы» читаем: «Шифры. Переписка между городами, внутри города, с заграницей» (193). Редакция так настойчиво интересовалась шифрами комитетов в первую очередь для улучшения своих собственных. Это стремление качественно обновить криптографическую базу и привело к внедрению новых систем. Хотя все они были взяты из арсенала предыдущего революционного поколения. Одним из таких «реабилитированных» шифров стал «раздельный гамбеттовский ключ» (по терминологии бундовца Розенталя) – далеко не самый удачный способ. Его появление в деятельности большевиков неразрывно связано с драматическими событиями, начавшимися сразу после окончания II съезда РСДРП.

Он прошел в Брюсселе и Лондоне в июле - августе 1903 года. 43 делегата с 51-им решающим голосом представляли 26 организаций. Искровцам принадлежало 33 голоса. Казалось – здесь была решительная победа. Но тем невероятнее оказались последующие события.

Из письма Надежды Крупской к Марии Ульяновой в Самару от 13 августа 1903 года:

> «Медведю. В ЦК выбраны Борис Николаевич [В. Носков – А.С.], Клер [Г. Кржижановский – А.С.] и Курц [Ф. Ленгник – А.С.]. Борьба была отчаянная. Кончилось расколом редакции. Пока в редакции только Старик [Ленин – А.С.] и Плеханов. Остальная часть редакции стояла за смешанный ЦК. Разругались вконец. Положение крайне тяжелое. ЦК наперед обвиняют в недееспособности, но мы верим в то, что такой ЦК наилучший, употребим все усилия, чтобы содействовать его успеху… Курц пусть немедленно выезжает к нам, но прежде заедет к Клеру, куда поехал Борис Николаевич. Ради бога скорее!» (194).

Это был, пожалуй, самый болезненный раскол за всю историю РСДРП. Трещина прошла по живому. Некогда единый «тройственный союз» оказался не так уж един. Разделение редакции «Искры», а вслед за ней и всей партии на большинство и меньшинство – вот главный итог съезда, навсегда предопределивший всю дальнейшую судьбу партии.

И это была трагедия российской социал-демократии. Близкая к редакции «Искры» Александра Калмыкова справедливо писала в те дни Ленину:

> «Слишком долго на свете жила, чтобы не знать, что в таких случаях правда не на одной только стороне, а на обеих. Жду, чтобы определилось направление равнодействующей… и судить и решать так тяжело, мучительно» (195).

Потеряв в ходе съезда возможность преобладать в ЦК и редакции «Искры», меньшевики создали внутри РСДРП свою тайную организацию и устроили настоящую травлю Ленина, Плеханова и их сторонников.

13 сентября 1903 года Владимир Ульянов обратился к Потресову:

> «Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и других литераторов партии, отказ работать в ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, – все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей приведет к расколу партии… И вот, я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешенно», я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой… Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешенной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства» (196).

Потом, задним числом, участники тех событий будут искать принципиальные причины раскола, пытаться кому-то что-то объяснить, найти себе сторонников, оправдаться перед историей. Существует обширнейшая литература по истории II съезда РСДРП. Но лучше всего те дни нам опишут письма самих социал-демократов. Вот, к примеру, фрагмент переписки членов первого Центрального комитета за ноябрь 1903 года. Фридрих Ленгник из Женевы – Владимиру Носкову в Киев:

> «Если б мы хотели быть простыми прислужниками комитетов, то мы начали бы с того, что созвали бы съезд, а не ждали бы два с половиной года, пока все комитеты были почти насильно, против их воли, подготовлены к тому, чтобы стать на централистическую революционную точку зрения. Я не скрываю от себя, что с оппозицией – теперь более разношерстной, чем когда бы то ни было, так как кроме всякого рода сепаристов, экономистов, хвостистов и пр. придется еще бороться, и бороться отчаянно, с мягким искровством, по доброте душевной проповедующим о «либеральной политике» (слова Мартова) по отношению к комитетам и т.п. Нет, пусть лучше будет «осадное положение», чем размякнуть опять в старом российском дилетантизме, пусть лучше будет самая свирепая борьба со всеми «любителями» революции, считающими унизительным для себя подчиняться общепартийной дисциплине, чем прежняя безалаберщина, прежняя многословность и безголовость» (197).

События развивались стремительно. Потерпев поражение на партийном съезде, сторонники меньшинства решили взять реванш в «Заграничной лиге русской революционной социал-демократии». Фактически, это была лишь часть организации «Искры», включающая в себя не более 40 человек. На октябрь 1903 года был назначен ее съезд. Краткую хронику тех дней проследим дальше по переписке Крупской и Ленина с членом ЦК Г. Кржижановским, перебравшимся к этому времени в Киев.

26 октября. Н. Крупская:

> «Сейчас начался съезд Лиги… Приготовьте квартиру и сапоги для Карла [Лалаянца –А.С.]» (198).

3 ноября. Н. Крупская:

> «…У нас происходит нечто дикое. Мартовцы созвали съезд Лиги и, пользуясь тем, что в Лиге у них оказалось большинство в два голоса, провели свой устав, который отказались дать на утверждение ЦК… Мартов обвинял Ленина в интриганстве, причем совершенно перешел все границы… А даны, троцкие, загорские ликовали, кричали: позор!, аплодировали и пр… Результаты такие: Плеханов испугался скандала и заявил, что он на раскол не пойдет. Решено, что Плеханов кооптирует всех бывших членов редакции, а Ленин из редакции уходит… Кол предлагает членам ЦК кооптировать в ЦК Ленина…» (199).

Под псевдонимом «Кол» значился Фридрих Ленгник, представитель ЦК в Женеве.

8 ноября. В. Ленин:

> «Смиту. Дорогой друг!.. Плеханов изменил нам, ожесточение в нашем лагере страшное; все возмущены, что из-за скандалов в Лиге Плеханов позволил переделать решения партийного съезда. Я вышел из редакции окончательно. «Искра» может остановиться. Кризис полный и страшный…» (200).

Из воспоминаний Исаака Лалаянца (Жоржа), старого товарища Ленина по Самаре, организатора «Южного Рабочего», члена Лиги:

> «На меня была Лениным и Ленгником возложена миссия – немедленно выехать в Россию, ознакомить возможно подробнее ЦК со всем ходом событий… и всячески настаивать на скорейшем выезде в Женеву Кржижановского и еще кого-либо другого члена ЦК. Отъезд мой из Женевы состоялся дня через четыре или пять по окончании съезда Лиги и поворота Плеханова – числа 4-го или 5 ноября 1903 года … Кнунянц, один из кавказских делегатов на II съезде партии, снабдил меня «своим» паспортом на имя какого-то персидского подданного Жана Жакоба Леона; документ оказался, как я сам убедился потом, очень хорошим… Резиденция ЦК … находилась тогда в Киеве… Решено было, что Кржижановский… двинется за границу… В отношении меня решено было так: я закрепляюсь в Одесском комитете, как месте постоянной работы, а оттуда, глядя по обстоятельствам, время от времени заглядываю в тот или иной из южных комитетов» (201).

Прошло семь месяцев. В ночь с 8 на 9 июня 1904 года в Одессе был совершен жандармский налет на конспиративную квартиру Южного бюро ЦК РСДРП, хозяйкой которого оказалась Любовь Щедровицкая. В квартире среди прочих гостей находился и персидский подданный Яков Исааков Леон, попытавшийся при аресте разорвать какое-то письмо. Обрывки его тщательно собрали жандармы. Длительное время личность «перса» оставалась неустановленной, сам он упорно отказывался давать показания. Однако это было лишь делом времени. Заграничная агентура донесла, что в революционных кругах упорно циркулируют слухи об аресте в Одессе видного социал-демократического деятеля Исаака Лалаянца. Туда срочно отправили фотографический снимок подозреваемого. И 9 октября 1904 года Лалаянц был опознан.

Но только 2 ноября он начал давать некоторые показания и признал свою личность. Арестованный так же заявил, что он женат, но переписки с супругой не ведет и не знает, где она живет. Жандармам так и не стало известно, что Прасковья Лалаянц (Кулябко) под именем «Мышь» была секретарем Южного бюро ЦК РСДРП и в момент задержания Лалаянца находилась в той же Одессе.

Четыре месяца полиция не могла опознать «Карла». Но содержание обнаруженного на месте ареста письма однозначно указывало на его руководящую роль в одесском подполье. Это был черновик письма в заграничный революционный центр. Некоторые строчки его содержали обрывки цифровой криптограммы:

> «Ваши последние два письма приводят нас прямо в отчаяние… Совершенно не проявляется. Надеюсь, что вы уже приняли меры к устранению этого. Далее вот что, я вам уже писал вкратце о положении дел в Крымском союзе… **7 4 9 1 8 2 6** хочет реорганизовать этот нелепый Союз… **1 0 1 8 4, 2 0 6** прибыл благополучно, как нельзя кстати. Большое вам спасибо за него. Ради бога, присылайте людей и хотя немного денег. Нам буквально жрать нечего. А между тем дела идут право недурно, меньшинство на юге трещит по всем швам. Только бы деньги… Ах как бы деньги, черт бы побрал!!. Привет всем. Ваш Карл».

И в самом конце:

«**07, 49, 18, 26, 5, 17, 1, 11, 1 + 5 –1,3,9 – 5 = 10,18,4,20,6**» (202).

Приведенное письмо Лалаянца неоднократно публиковалось в различных сборниках по истории РСДРП, но шифр его так и не был разобран. Имелись только некоторые догадки, впрочем, вполне верные (203).

Самой сложной и неподдающейся казалась последняя криптограмма. А в ней, собственно, был заключен весь секрет шифра. Нет никакого сомнения, что жандармские эксперты легко его разобрали.

Стоит только воспроизвести цифры несколько иначе, и все встанет на свои места:

07, 49, 18, 26 5, 17, 1, 11, 1

\+

5, 1, 3, 9, 5

10, 18, 4, 20, 6.

Легко видеть, что правая часть записи представляет из себя процесс суммирования чисел при зашифровке текста. И если подставить вместо цифр буквы согласно их положения в алфавите, то криптограмма легко разбирается.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л	м	н	о	п	р	с
19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	
т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	Ђ	э	ю	я	Θ	й	

Набор чисел: 5, 17, 1, 11, 1 означает слово «**Драка**», а цифросочетание 5, 1, 3, 9, 5 – «*Давид*».

Просто прочесть и первый шифр: 07, 49, 18, 26:

07 49 18 26

—

5 17 1 11 (**Драк**…)

02 32 17 15 – «*Бюро*».

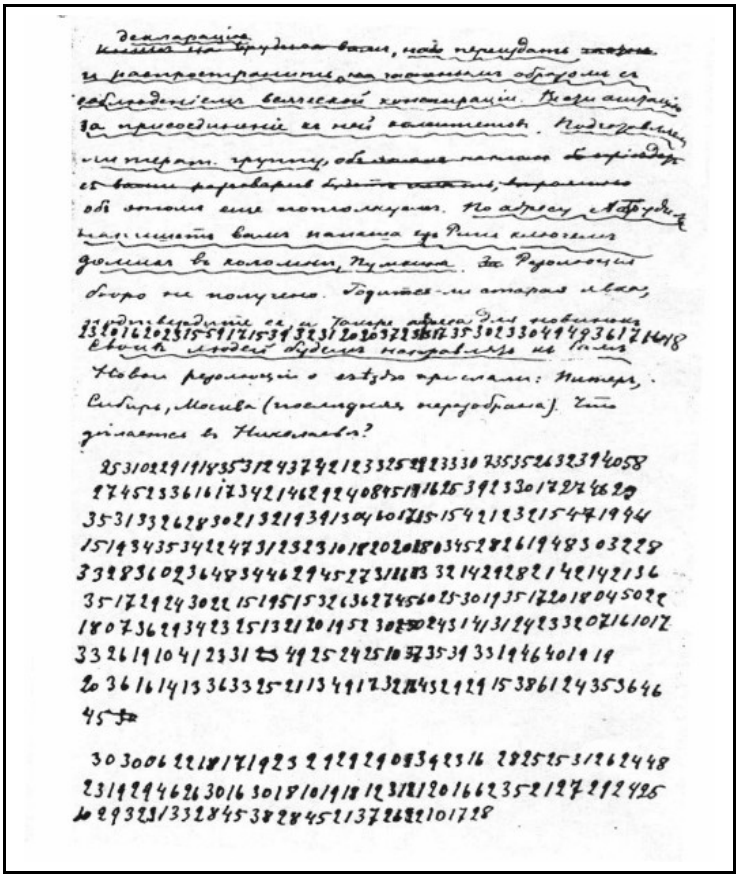
Оба рассмотренных выше шифра мы встречаем в тексте письма «Карла». А последний фрагмент – есть лишь часть процесса зашифровки, оставленной в черновике. Интересно, как революционер использовал запятую для разделения чисел криптограммы – 1 0 1 8 4, 2 0 6. Этим он показывал, что 20 есть целое число: 10 18 4 20 6. Иначе разобраться в цифири было бы не просто.

Первый шифр так же легко разбивается на группы: 7 4 9 1 8 2 6 = 7 49 18 26. В других вариантах разбивки цифр появляются числа 74, 91, 82. Их в шифре быть не могло – при «гамбеттовском раздельном ключе» максимальное число не могло превышать двойной длины алфавита (в данном случае – 70).

Речь в письме Лалаянца шла о Южном бюро ЦК РСДРП, которое возглавлял Лалаянц. «Давидом» был известный социал-демократ и типографщик Давид Гершанович. В свое время он привлекался по делу организации «Рабочее Знамя». С 1902 года Давид работал в Женеве в искровской типографии, возглавляемой Лалаянцем. На просьбу последнего прислать в Одессу наборщика для подпольной печатни отозвался Гер-

шанович. И буквально накануне ареста «Жоржа» Крупская сообщила в Одессу: «К вам поехал Давид (наборщик)» (204).

Слово «**Драка**» не было полным лозунгом к шифру Лалаянца. Окончательный его текст помогают определить иные сохранившиеся письма подпольщиков. После провала «Карла» его шифром продолжали пользоваться другие одесские большевики, в частности, Вацлав Воровский (Жозефина) и Прасковья Лалаянц-Кулябко (Мышь). А вся целиком ключевая фраза гласила: **«Драка въ лигѢ кончилась успѢшно»** (в старой орфографии, что очень важно для гамбеттовской системы шифрования).



10. Фотокопия письма Н. Крупской к В. Воровскому в Одессу.

Ключ к шифру – «гамбеттовский», по фразе «Драка въ ЛигѢ кончилась успешно».

Смысл ключевой фразы Лалаянца не оставляет сомнений в ее прямой связи с памятным съездом «Заграничной лиги русской социал-демократии». С одной стороны Ленин писал, что «кризис полный и страшный…», а с другой - шел бодрый рефрен шифра: «Драка в лиге кончилась успешно». Крах большевиков казался неминуемым. Меньшевикам удалось в течение 1904 года захватить в свои руки не только Лигу, редакцию «Искры», но и овладеть всеми другими центральными учреждениями партии – ее Советом и Центральным комитетом!!! В мае 1904 года Потресов торжествующе писал Аксельроду: «Итак, первая бомба отлита и с божьей помощью – Ленин взлетит на воздух… Взрывать его, так взрывать до конца методично и планомерно…» (205).

Мы сегодня превосходно знаем, чем завершилась эта сомнительная «подрывная работа». Драка большевиков с меньшевиками кончилась успешно. А их стремление придавать своим ключевым фразам определенный идеологический смысл вообще очень характерно. В этом контексте можно вспомнить ключи «**Что делать»**, **«Организация»** или «**Твердокаменное большинство**». Особо выделим лозунг к шифру Прасковьи Лалаянц: «**Упрямство легко принять за твердость характер(а)**» (без последней буквы «А» для округления количества шифрзнаков).

Эта фраза, претендующая быть крылатой, возникла не на пустом месте и имеет четкие временные рамки. 7 ноября 1903 года (нового стиля) 52-й номер «Искры» опубликовал этапную статью Г. Плеханова «Чего не делать». В ней основоположник русского марксизма попытался объяснить читателям причины своего неожиданного поворота от большевиков к меньшевикам. Особенно доставалось Ленину за его «прямоли-

нейность» в политической борьбе. В частности, Плеханов писал: «Она [прямолинейность – А.С.] тем более опасна.., что ***легко*** может быть ***принята за твердость характера*****,** с которой она на самом деле не имеет ровно ничего общего, гораздо легче уживаясь с обыкновенным ***упрямством***». Выделенные мною слова цитаты и легли в основу шифрлозунга большевиков, но адресованы они были уже к самому Плеханову. Ключ этот был задействован осенью 1904 года, но, несомненно, возник значительно раньше.

В сентябре 1904 года Надежда Крупская сообщила в Одессу (Осипу): «В Вильно были аресты и … там арестованы документы и, кажется, ключ Жоржа. Передайте Осипу, чтобы он писал фразой «**Агитация за съезд идет успешно**»» (206).

Казалось бы, при провале шифра следовало менять весь ключ, особенно в таком, как гамбеттовский. Но слово «*успешно*» оставалось неизменно. Это был символ и пароль между товарищами. Каким образом ключ Лалаянца (Жоржа) провалился в Западном крае неизвестно. Но теперь мы определенно знаем другое – еще летом 1904 года полиция имела начало ключевой фразы из захваченных в Одессе бумаг.

Уехавшая в Петербург Прасковья Лалаянц так же получила предостережение большевистского центра. Сделано это было через Марию Ульянову:

> «Скажи Мыши, что ключ Карла взят, пусть пишет своим. Кроме того, необходимо соблюдать при шифровке правила - не шифровать отдельных слов, а целые фразы. Такие вещи, как Петербургский комитет, ЦК, Ленин, шифровать нет никакой надобности. Так шифровать очень опасно» (207).

Постепенно к большевикам приходило понимание необходимости сугубой осторожности при пользовании периодическими шифрсистемами. Самое здесь интересное я вижу в том, что, общаясь напрямую с видными деятелями народнического подполья – Плехановым, Дейчем, Аксельродом – искровцы совершенно не усвоили от них пороки старых шифров. Так из переписки большевиков мы можем выделить исключительно раздельный гамбеттовский шифр. От него еще народовольцы предпочли отказаться в 1879 году. Сбежавший из Сибири Л. Дейч сам неоднократно шифровал системой Златопольского, ставшей основной на всем протяжении 1880-х годов. Однако Надежда Крупская и ее товарищи об этом как-будто не догадывались. В 1904 году бундовец Розенталь печатно дал всестороннюю критику «раздельного гамбетта». И опять – ничего. В 1905 году практика большевистского заграничного центра не изменится – «проваленный» шифр все еще оставался в строю.

Единственное усложнение, примененное большевиками, заключалось в ведении для цифр первого десятка – чисел, начинающихся с восьмого и девятого. Так 6 = 86, 2 = 92, 8 = 98 и т.п. Таким примером может служить образец зашифровки письма Крупской к А. Фабричному (208). Это редкий случай архивного документа, где воспроизведена сама технология использования раздельного гамбеттовского шифра. Здесь для ключа было взято слово «**Стародубъ**».

Интересный казус можно наблюдать с мудреными и гамбеттовскими шифрами большевиков. С одной стороны, они понимали, что чем больше период гамбеттовского лозунга, тем надежнее сам шифр. Поэтому, например, у П. Кулябко ключевая фраза «**Упрямство…**» насчитывала 40 знаков.

В то же время широко применялся табличный вариант сокращенного гамбеттовского шифра – мудреный ключ. Правда, сами революционеры об этом вряд ли задумывались. Но строить огромные буквенные таблицы по длинным ключевым фразам было долго и утомительно. И большевики, зачастую, ограничивались короткими лозунгами. Самый протяженный «период» здесь принадлежит искровцу Федору Дану – его фраза-ключ «**Немцы побили француза**» содержала 19 букв. Таким образом, подпольщики при наиболее слабой гамбеттовской системе употребляли длинные периоды, а для наиболее стойкой – короткие.

Чем больше вдумываешься в различные шифры революционеров, тем отчетливее понимаешь, что они были озабочены исключительно удобством и простотой процесса шифрования, легкостью запоминания и воспроизведения ключа, малым временем разбора криптограмм. Это особенно характерно для Надежды Крупской – к 1905 году через ее руки проходило до трех сотен писем ежемесячно. И секретарь задавала здесь тон. К примеру, совершенно были отвергнуты двойные шифры. Это можно утверждать вполне определенно, несмотря на то, что некоторая часть сохранившейся переписки до сих пор не дешифрована. Она относится, большей частью, к периферии искровских и большевистских организаций. Зато ключи видных подпольщиков известны почти полностью и двойных систем среди них нет. Конечно в те годы нашли широкое употребление надежные книжные шифры. Но их применение требовало специфичных условий. А квадратные, мудреные и гамбеттовские системы вытесняли, в первую очередь, нишу стихотворных ключей.

Так какие же ключевые фразы еще использовали для своей переписки марксисты? Отправившийся в 1904 году в Тифлис Владимир Бобровский (Маргарита) писал по фразе «**Южно-американские штаты**» (азбука в 34 буквы). Точно таким же лозунгом пользовался большевик Иван Егоров (Большак) – один из руководителей Тверского комитета РСДРП. Весной 1904 года он был в Женеве у Ленина и Крупской. И при отъезде в Россию получил шифр, аналогичный с Бобровским.

В ноябре 1904 года Надежда Крупская писала Прасковье Лалаянц – секретарю петербургской большевистской организации:

> «Передайте поскорее в Тверь, что Большак Фома пишет гамбеттовским ключом по фразе «Северно-американские штаты», система та же, что у Жоржа, только не 35 букв, а 34 и «Й» в середине».

Но уже через пять дней Крупская внесла срочную корректировку: «В прошлом письме ключ с Большаком был сообщен неверно, надо «Южно-американские штаты»» (209). Фраза ««Й» в середине» понятна – эта буква ставилась внутри азбуки (пример – сохранившаяся переписка с В. Бобровским). А «Жорж» (Лалалянц) использовал алфавит, где «Й» стояла в конце.

Другой случай связан с Михаилом Кореневским (Эммой), в начале 1904 года готовящегося выехать в Россию. 2 января секретарь Заграничного отдела ЦК РСДРП Надежда Крупская писала в ЦК:

> «Приготовьте сапоги Кореневскому, брюнет, ниже среднего роста, не еврей» (210). Направлялся «Эмма» в Петербург, но по пути надолго застрял в Вильно. Ключевой фразой его были выбраны три слова: «**Ревизия Тверского земства**».

Занимаясь историей земств в России, я обнаружил, что такая ревизия действительно состоялась! Еще в 1903 году министр внутренних дел В. Плеве назначил проведение ревизий земств Московской и Тверской губерний, которые более всего не ладили с царской администрацией. 17 января 1904 года был издан высочайший манифест по поводу ревизии Тверского земства из-за его вредного направления. Уже 21 января новым указом Николая II оно было упразднено. Российское общество всколыхнулось и зароптало. Последние милости убитого народовольцами Александра II беззастенчиво отбирались обратно… До «Кровавого январского воскресения» оставался ровно год (211).

А названные нами даты совершенно совпадают со временем убытия Михаила Кореневского в Россию. Ясно, что под впечатлением газетных статей в конце января 1904 года (накануне отъезда) и был выбран «Эммой» этот ключ.

Тогда же, в феврале 1904 года, из Женевы в Екатеринослав выехала еще одна большевичка – учительница Е. Штейнер (Барская). Условленный с нею гамбеттовский ключ по-своему уникален. О нем мы узнаем из черновика письма Крупской в Одессу от 23 июля 1905 года. Там к этому времени оказалась революционерка. На сохранившемся списке Крупская пояснила ее шифр для своих помощников:

> «Ключ Барской записан в тетрадке (гамбеттовский): «Куда ни взглянь, везде степь», причем повторяющиеся буквы пропускаются» (212).

Надежда Константиновна немного здесь ошиблась, а может быть это огрехи публикации. Правильно ключ следовало читать так:

> «**Куда ни взглянешь, везде степь**».

До нас дошло одно из писем к Штейнер от 23 июня 1905 года, содержащее подобный шифр:

> «Вы конечно, знаете, что 22 20 15 62 29 10 12 11 5 28 36 17 30 20 19 29 27 22 19 73 27 14 12 19 13 33 36 17 51 31 19 18 24 30 11…» (213).

Принятая для шифровки азбука была довольно редкой для тех лет – 27 букв.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я

Ключевая фраза по описанным Н.Крупской правилам трансформировалась в новый буквенный ряд: «**куданивзгляешстп**». Приведенная выше криптограмма разбирается следующим образом:

22	20	15	62	29	10	12	11	5	28	36	17	30	20	19	29	27	22
к	у	д	а	н	и	в	з	г	л	я	е	ш	с	т	п	к	у
10	19	05	01	13	09	03	08	04	11	27	06	24	17	18	15	10	19
12	01	10	61	16	01	09	03	01	17	09	11	06	03	01	14	17	03
М	*а*	*к*	*а*	*р*	*а*	*и*	*В*	*а*	*с*	*и*	*л*	*е*	*в*	*а*	*о*	*с*	*в*

19	73	27	14	12	19	13	33	36	17	51	31	19	18	24	30	11	
д	а	н	и	в	з	г	л	я	е	ш	с	т	п	к	у	д	
05	01	13	09	03	08	04	11	27	06	24	17	18	15	10	19	05	

14	72	14	05	09	11	09	22	09	11	27	14	01	03	14	11	06	
о	*б*	*о*	*д*	*и*	*л*	*и.*	*Ц*	*и*	*л*	*я*	*н*	*а*	*в*	*о*	*л*	*е*	

Здесь «Макар» – Виктор Ногин, «Васильев» – Фридрих Ленгник, а «Циля» – Цецилия Зеликсон-Бобровская. Все они были товарищами «Барской» по Екатеринославу и Женеве. В этом примере мы можем проследить то, о чем говорили выше: число 61 = 01 = а, 72 = 02 = б. Таким путем большевики пытались усложнить свой шифр.

Однако подобная трансформация ключевой фразы сильно уменьшала период самого ключа – из него выбрасывалось слишком много букв. Следовательно, стойкость и без того простого шифра падала. Но здесь подпольщики следовали в русле народовольческих традиций и мало думали о настоящей надежности своих шифртекстов.

Е. Штейнер, связывая местные большевистские группы с Женевой, давала им точно такие же ключи к переписке:

> «Связала вас с Ялтинской группой. Шифр тот же, что у меня, но фраза «Португалия вывозит много шелка»» (214).

Но сама Надежда Крупская уславливала «гамбетт» все реже и реже. Несмотря на всю свою заслуженную революционную биографию, он был очень трудоемок и приводил к частым ошибкам и недоразумениям. Да и надежность этого шифра Крупская все больше ставила под сомнение.

Глава восьмая

«Круглый ключ» и шифр ЦК РСДРП

«Круглый ключ» (или, как его называл В. Акимов, шифр «по таблице Пифагора») несомненно, был придуман российскими революционерами. Он представлял собой прямое усовершенствование квадратного шифра, известного еще со времен народничества.

Первое мимолетное упоминание о нем мы находим в переписке за сентябрь 1902 года. За месяц до этого в Лондон прибыл представитель СПб. «Союза борьбы» В. Краснуха. Во время проведенных встреч с редакцией «Искры» было решено возобновить деятельность российского Оргкомитета по созыву II съезда партии.

8 августа Краснуха покинул столицу Великобритании. Надежда Крупская писала в Петербург Ивану Радченко: «Вчера уехал в Швейцарию Ваня. Мы с ним спелись совершенно. Он верный друг Феклы» (215). Владимир Краснуха, известный в подполье как «Ваня», «Гражданин» и «Юрко», сыграл большую роль в становлении нового ОК. Участник Белостокской конференции, он сделал все, чтобы ее решения были воплощены в жизнь. Около двух недель провел «Гражданин» в кругу редакторов «Искры». В его лице Ленин и Мартов приобрели надежного союзника в проведении искровской политики в Петербурге. Это было тем более важно, что как раз в эти дни И. Радченко пришлось срочно покинуть столицу. Его место занял Краснуха.

26 сентября он писал в Лондон: «Того и гляди выйдешь из терпения, несмотря на все прирожденное хладнокровие. Начинаем с безалаберщины… Наплодили столько ключей, что сам леший ногу сломит. Дабы положить конец этому распутству, прошу и умоляю пользоваться только ***круглым***, нашим и «Машей»» [выделено мною – А.С.] (216).

Ключ по стихотворению Некрасова «Маша» нам прекрасно известен. Еще с середины 1900 года он служил петербургскому подполью. Но о «круглом» Краснуха более ничего не сообщил. Переписка этим шифром, видимо, не состоялась. Продолжали во всю использоваться старые стихотворные системы. В начале октября 1902 года Крупская выговаривала «Гражданину»:

«Перво-наперво позвольте вас выругать… за небрежную шифровку. Не зная, что вы условились о ключе с Евгением [Л. Дейчем в Швейцарии – А.С.], я недоумевала, каким ключом вы пишите, и, наконец, расшифровала ваше письмо без ключа в какие-нибудь 1/2 часа. Это прямо скандал. Не повторяйте одних и тех же знаков для одной и той же буквы, иначе вся шифровка никуда не годится» (217). Так что, несмотря на значительный подпольный стаж, шифровальщиком «Гражданин» был неважным. А речь в письме искровского секретаря шла о стихотворении Надсона «Умерла муза моя».

Следующие следы «круглого шифра» мы находим только в 1904 году. В партии не утихала отчаянная межфракционная борьба. Но основные ее баталии перенеслись непосредственно в Россию. Туда один за другим уезжали видные представители «большинства» и «меньшинства», чтобы уже в местных комитетах до конца выяснить свои отношения. Начало нового 1904 года ознаменовалось очередным крупным провалом.

Обеспокоенная информацией агентуры о возможном проведении в Киеве III съезда РСДРП, 1 января в резиденции Центрального комитета партии полиция провела масштабную акцию. Было одновременно произведено 600 обысков у неблагонадежных киевлян и арестовано 167 человек. Никто из членов ЦК схвачен не был. Но в Лукьяновском замке оказались их ближайшие помощники – Дмитрий, Анна и Мария Ульяновы с женой «Клэра» Зинаидой Кржижановской.

Центр партии был немедленно перенесен в Москву. Там обосновались члены ЦК Левик Гальперин, Леонид Красин и Розалия Землячка. Туда же в апреле 1904 года выехал из Женевы цекист Фридрих Ленгник. Центральный комитет уже не был един, в своем большинстве проводя примиренческую линию. Поэтому большевик Ленгник сосредоточил свою деятельность в Северном бюро ЦК РСДРП, возглавляемом Николаем Бауманом. 19 июня 1904 года по Москве прокатились очередные аресты. Всего в руках охранки оказалось 15 революционеров, причастных к работе упомянутого бюро. Среди прочих – Н. Бауман и еще один господин… Им оказался подданный Германии некий Артур Циглер, специалист по артезианским колодцам системы Ракки. Допросы его велись исключительно на немецком языке. Арестованный ни слова не понимал по-русски. Однако полицейская агентура утверждала обратное – Циглер прекрасно владел русской речью.

Задержанная по тому же делу Елена Стасова писала из Таганской тюрьмы в Женеву: «В охранке мне заявили, что я арестована за знакомство с Бауманом и Циглером, который привезен тоже сюда, в Таганку. Он еще не раскрыт, но в нем подозревают какого-то политического ссыльного, бежавшего из Сибири»

(218). Не скоро жандармам удалось дознаться, что арестованный Циглер есть бывший ссыльный Фридрих Вильгельмович Ленгник.

Родился он в Екатеринославе в 1873 году. Революционную деятельность начал в Петербурге в кружке И. Чернышева. Сосланный на три года в Сибирь, Фридрих познакомился там с двумя марксистами – Владимиром Ульяновым и Глебом Кржижановским. Эта встреча предопределила всю судьбу Ленгника.

Весной 1901 года он вернулся на родину в Екатеринослав. А с октября поселился в Самаре, устроившись инженером на железной дороге. Жизнь революционера-профессионала кидала Фридриха по разным городам по обе стороны границы, а в Екатеринославе его ждала семья. Арестованному Циглеру-Ленгнику 10 сентября 1904 года сообщили: «Жена Кола и ребенок здоровы, живут в Екатеринославе». А на следующий день Надежда Крупская отправила письмо к супруге своего товарища. Оно было сплошь зашифровано. Но, помимо криптограммы, сохранился ее открытый текст: несколько строк, подписанных словом «**Штерами**». Это непонятное буквосочетание отнюдь не было чьей-то кличкой. В конце своего наброска Надежда Крупская приписала ключ к «круглому шифру» Фридриха Ленгника и его жены.

Как в обычном квадратном ключе, здесь так же выстраивалась табличка на основе ключевого слова. Но принцип ее построения был несколько иной. К выписанному по вертикали лозунгу сбоку приписывались строго по алфавиту последующие буквы. Делалось это с таким расчетом, чтобы в ячейках таблички появились знаки алфавита лишь по одному разу. Остальные клетки представляли собой «пустышки». Смысл круглого шифра и заключался во введении в его структуру значительного количества фиктивных цифр.

Ключевая табличка семьи Ленгник, таким образом, имела следующий вид:

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1	Ш	щ	ъ	ы	ь	ю	я		
2	Т	у	ф	х	ц	ч			
3									
4	Е	ж	з						
5	Р	с							
6	А	б	в	г	д				
7									
8	М	н	о	п					
9	И	к	л						

Строки таблички под номерами 3 и 7 также представляли собой фиктивные величины. Тут была полная аналогия с брошюрой В. Акимова «О шифрах» и его примером по слову «Пташекъ». И даже примененный в шифре 30-ти буквенный алфавит был точно такой же, как у «Бахарева». Надо полагать, что здесь имелась прямая связь. Именно книга Акимова дала прямой толчок к составлению шифра Ленгника. Но только толчок…

Обозначение знаков в криптограмме осуществлялось по привычной координатной системе, цифры писались без естественных разрывов в одну сплошную строку. Смысл шифра чрезвычайно прост. И легче всего его понять на конкретном примере. Только для уяснения правил шифрования мы разобьем криптограмму на группы чисел:

853 291 273 531 9571 2875 61 672 184 9453 83 8954 91 532 881 8953

О т Ф р и ц а б ы л о п и с /ь/ м о.

Как видим, каждая буква обозначалась двумя, тремя и более цифрами, но разобраться в них не трудно. Весь текст письма Н. Крупской гласил: «*От Фрица было письмо, его еще не узнали, улик никаких нет, настроение отличное, сидит с товарищами, о нем заботятся, беспокоится о вас, напишите ему письмо, я перешлю*» (219).

Фраза из черновика «Он здоров» (ее приводят подготовители «Переписки») в шифре отсутствует и, значит, в окончательный вариант текста она не вошла. Надежда Константиновна не стала здесь лукавить. Страдая туберкулезом, Ленгник чувствовал себя в тюрьме весьма неважно. Только весной 1905 года (на волне революции) Фридрих очутился на свободе и, затем, долго лечился в Швейцарии.

Ключ семьи Ленгника неожиданно повел меня совсем в другую сторону. Все началось с вышедшей в 1981 году книги С. Рубанова и Г. Усыкина «Под псевдонимом Дяденька». К своему изумлению, я обнаружил на ее страницах тот же самый лозунг! Авторы книги рассказали, как подруги Лидия Книпович и Надежда Крупская разработали в 1896 году (!) шифр на основе буквосочетания «**Штерами»!** Правда, само это описание не оставляет никаких сомнений, что оно полностью выдумано (220). К большому сожалению, историки не указали источник своих знаний. Но совпадение ключевых слов 1896 и 1904 годов просто поразительно и никак не может быть случайным. Даже в предложенной в книге шифртаблице можно уловить элементы нашей таблички, хотя Рубанов и Усыкин были очень далеки от правильной трактовки круглого шифра.

Этот след возвращает нас в Петербург конца XIX века. Очевидно, там и возник подобный вид шифра. И если мы вспомним, что Л. Книпович, В. Акимов и Ф. Ленгник были, как и В. Краснуха, выходцами именно из петербургской «подпольной школы», то наша версия еще более окрепнет. Нельзя не вспомнить здесь и гамбеттовский ключ В. Ульянова из 1896 года (число «3 – 7»), цифры которого полностью соответствуют фиктивным величинам шифра «Штерами». Конечно это случайность, но уж очень показательная.

Рубанов и Усыкин утверждают, что «Штерами» есть производное от французской фразы «шер ами», что в переводе читается как «милый друг». Это интересное наблюдение нам пригодится в дальнейших рассуждениях.

А теперь скажем, что круглый ключ Ленгника в большевистской переписке был отнюдь не одинок. Точно такой же вид шифра использовался в том же сентябре 1904 года – в письме к некоему «Сынку» из Житомира. Кем был этот революционер, мы не знаем. Но известен его шифровальный ключ, который способен нам кое-что прояснить. Им было слово «**Учениками**». Табличка шифра выписывалась уже без фиктивных интервалов при 28-ми буквенной азбуке:

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**
1	У	ф	х	ц					
2	Ч	ш	щ	ы	ю	я			
3	Е	ж	з						
4	Н	о	п	р	с	т			
5	И								
6	К	л							
7	А	б	в	г	д				
8	М								
9	И								

Сохранилось несколько писем Надежды Крупской, где есть подобный шифр. Что же касается «Сынка», то вот образец его криптограммы:

«267736617178934276534147545191».

[Я в к а в О д е с с у] (221).

А дальше идет нерасшифрованный публикаторами письма текст: «*Преображенская 69, д-р Левенсон, пар/оль/: «Мне нужно видет/ь/ царя персидскаго. Спросит/ь/ Осипа*»». Столь странный пароль, несомненно, связан с документами «персидского подданного Якова Леона» – руководителя Южного бюро ЦК Исаака Лалаянца. К осени 1904 года он был уже арестован, но назначенные им явки продолжали работать.

Шифр «Сынка» однозначно указывает на принадлежность этого неустановленного историками революционера к большевистской женевской группе. Ибо шифр «**Учениками**» присутствует в переписке других членов этого кружка – Александра Дивильковского, Вениамина Липшица, Израиля Мордковича и Лидии Фотиевой. Причем первые двое шифровали в классическом «квадратном» варианте, а последние – в «круглой» системе.

Например, в июне 1905 года Надежда Крупская «цифирила» Израилю Мордковичу в Кострому:

«4/3 4/2 2/2 6/2 3181312336168253146314471 46». Криптограмму нетрудно понять: «*Пошлем еще литерат/уры/*» (222).

А вот вариант шифра к Лидии Фотиевой (сентябрь 1905 года): «В Питер поехала девица с литературой –

75842151478644345173495637176126».

[Д м и т р е в с к а я] (223).

Такой разброс шифровального ключа – и временной и географический (Житомир, Берлин, Женева, Кострома и Петербург) заставляют обратить на него пристальное внимание. Особенно, на тех подпольщиков, которые им пользовались. Один из них, Израиль Давидович Мордкович («Рюрик» и «Юрий») даже оставил потомкам свои мемуары. Родился он в 1882 году, получил образование счетовода, однако профессию себе выбрал революционную. Весной 1904 года «Юрий» исчез из Одессы и очутился в Женеве, где после некоторых колебаний примкнул к большевистской эмигрантской группе. Мордкович в 1930-х годах вспоминал, как в начале сентября из своего путешествия по Швейцарии в Женеву вернулся Владимир Ленин и тут же сорганизовал «рабочий кружок» большевиков. Среди его членов мемуарист называет и Лидию Фотиеву с Вениамином Липшицем. Помимо Ленина, с кружковцами занимались другие большевики-ветераны. В частности – Крупская.

«Надежда Константиновна знакомила нас с отдельной отраслью конспирации – перепиской химическими чернилами и шифрованной перепиской. С этой областью конспирации я совершенно не был знаком и потому для меня это было ново и интересно. Я узнал, что для писания химическими чернилами имеет большое значение и качество бумаги, на которой пишешь, и перо, которое должно скользить по бумаге, не оставляя на ней следа… Гораздо сложнее было дело с шифрованием писем, но и в этом отношении ее уроки не прошли для меня без пользы. Я научился не только шифровать, но и расшифровывать чужие письма, не зная ключа. Это очень кропотливая работа, своего рода искусство. Требуется не только усидчивость, терпение и систематичность в работе, но и известное наитие, вдохновение, догадка… Надежда Константиновна предупреждала нас об опасности пользования шифром вперемежку со словесным текстом» (224).

Но если правда, что Крупская преподавала своим слушателям азы дешифровки, то почему же и в 1905 году она продолжала широко использовать сравнительно простые шифры?

После начала революционных событий десятки эмигрантов потянулись назад, в Россию. Среди них сам Мордкович и все его товарищи по большевистскому кружку. Совершенно ясно, что именно тогда был со всеми ими условлен общий ключ «**Учениками**». Это немного корявое слово вполне объясняется следующим образом. «Если поверить, что «штерами» есть «шер ами», то «учениками» так же легко представить

как «ученик – ами». То есть: «ученик – друг»! Все это, несомненно, указывает на связь ключа с «рабочим кружком» учеников Ленина. Однако, есть здесь и крупная заминка. Как известно, письмо к «Сынку» в Житомир Крупская пометила началом сентября 1904 года. Следовательно, само появление лозунга нужно датировать более ранним временем, чем образование женевского кружка. И «Сынок» к нему не имеет отношения. Впрочем, легко предположить, что ученических кружков в разные периоды было несколько.

Ключ «**Учениками»** давно известен историкам из опубликованных бумаг революционеров. Так на одном из сохранившихся писем к Фотиевой в Петербург Крупская сделала пометку: «Адрес Киски… Шифр по табличке «**учениками**»» (225).

Однако гораздо любопытнее другой документ. До нас дошел список конспиративных связей ЦК РСДРП за 1905 год. В нем для города Костромы (резиденция Израиля Мордковича!) указан ключ: ««**Учениками» - круглый**» (226).

Именно эта уникальная публикация доказывает, что система шифра «**по таблице Пифагора**» носила *одновременно* название «**круглого ключа**». Об этом ранее в исторической литературе имелись недостоверные сведения. Так историк Ю. С. Уральский считал, что «квадратный» и «круглый» ключи есть одно и то же. Но это были технически разные шифры. Причем, если криптограмма выполнялась в виде цифровых дробей, то использовали первую систему. А при сплошной записи шифра шла в ход вторая. К примеру, так (сразу в двух вариантах) было перекрыто письмо И. Мордковича из Костромы, пример которого был разобран нами выше.

«Круглый ключ» (или «шифр по таблице Пифагора») относится к так называемым «прерывистым квадратным шифрам», описанным П. Розенталем. А они, в свою очередь, входили в разряд наиболее употребительных революционных шифров. Поэтому нет сомнения, что «круглые» системы были в большом ходу у социал-демократов. Конечно, они им казались красивыми, простыми и надежными. По первым двум пунктам можно, пожалуй, согласиться. Но надежность подобного способа оставалась под большим вопросом.

Кроме того, шифр этот был очень непрактичен и требовал предельного внимания при работе с ним. Достаточно было допустить ошибку в одном лишь знаке, пропустить цифру или, наоборот, приписать лишнюю, как вся криптограмма превращалась в абсолютно нечитаемую «абракадабру». А это, при «химическом» копировании шифра или его некачественном проявлении, происходило сплошь и рядом. Так что у той же Надежды Константиновны были причины пользоваться этим видом ключа как можно реже. Даже по сравнению с «гамбеттовским» и «мудреным» шифрами, «круглый» встречается в большевистской переписке сравнительно редко.

В разное время участники женевского большевистского кружка отправлялись в Россию. В январе 1905 года в Костроме оказался Мордкович. В августе в Петербург прибыла «Киска» – Лидия Фотиева, ставшая помощницей в секретариате русского бюро ЦК РСДРП. Но раньше всех в столицу России отправились Александр Дивильковский (Авдей) и Вениамин Липшиц (Лев).

Из «отношения» начальника СПб. Охранного отделения подполковника Кременецкого к начальнику СПб. ГЖУ от 11 января 1905 года:

> «В середине ноября минувшего года были получены в отделении указания, что в местной социал-демократической организации появился некий «Лев», приезжий, по-видимому, нелегальный, который … занял видное место среди главарей указанной организации в качестве опытного и энергичного руководителя и организатора рабочих… При наблюдении за указанным «Львом», который … оказался прописанным по паспорту на имя кр-на Могилевской губернии Михаила Моисеева Кугаева, установлены его сношения со многими видными деятелями социал-демократической организации» (227).

Впоследствии сыщики выяснили, что под личиной «Кугаева» скрывался ранее известный жандармам по Одессе рабочий-столяр Вениамин Хаимович Липшиц. С именем этого большевика связан интересный случай употребления ключа «**Учениками»**. В декабре 1904 года из Петербурга в Женеву ушло конспиративное письмо. Липшиц адресовал его своему старому одесскому товарищу Мордковичу:

> «Вот адрес для Макса… Написано двойным ключом, первый ключ тот же. Я нарочно пишу этим шифром, потому, что я к нему так привык, что вполне свободно владею им [см. справа. – В.С.]…
>
> Твой Алл.» (228).

	1	2	3	4	5	6
1	7/3	4/3	4/4	2/4	2/3	2/5
2	7/4	2/6	1/2	4/6	5/1	6/1
3	4/5	4/2	6/2	3/2	3/1	2/2
4	2/1	9/1	1/3	4/1	3/1	8/1
5	3/3	7/1	7/2	1/1	7/5	2/7

Применяя табличку **«Учениками»** (здесь при азбуке в 29 букв) легко восстановить второй шифр Липшица:

	1	2	3	4	5	6
1	в	п	р	ы	щ	ь
2	г	ю	ф	т	и	к
3	с	о	л	ж	е	ш
4	ч	и	х	н	е	м
5	з	а	б	у	д	я

Этим несложным квадратным ключом и перекрыт в письме адрес для переписки с «Максом» (М. Генкиным). Вот начало криптограммы Липшица:

«123524451353312432133244 52 …»

[Петерб. сторона…]

Проще этой системы подпольщикам придумать было уже нечего. Революционер просто «перетасовал» буквы алфавита в удобной для запоминания форме. Естественно, что надежность такого шифра была минимальной. Он очень близок к «походному ключу», описанному в книге Розенталя.

В опубликованной переписке большевиков мы больше не встретим подобный способ шифрования. Однако в реальной жизни подполья он использовался повсеместно. Это был полный возврат к старым народническим шифрам. Ценные сведения на эту тему оставила известная большевичка Елена Дмитриевна Стасова:

> «Иногда обстановка требовала упрощения шифра, которым мы пользовались… У меня… был собственный ключ для шифровки. Он состоял из семи слов, содержащих все буквы алфавита. Например:
>
> 1) телефония, 2) привычка, 3) хитрюга, 4) будущее, 5) мездра, 6) сцепщикъ, 7) женьшень.
>
> Каждая буква, как в обычном шифре, обозначалась двумя цифрами: порядковым номером слова (числитель) и места буквы (знаменатель), которое она занимала в слове. Так, например, буква «Л» в моем шифре обозначалась цифрой 1/3 (первое слово, третья буква). Кроме того, я могла менять шифр: например, назвать первое слово восьмым, потом пятнадцатым, потом двадцать вторым. Таким образом, один раз буква «Ф» может быть 1/5, другой – 8/5, третий – 22/5. Я шифровала так же быстро цифрами, как писала буквами, так как знала наизусть, в каком слове какое место занимает буква. Вот образец зашифрованного слова «Провокатор» – 2134162416675633,15622.
>
> Как видите, сплошной ряд цифр и только в одном месте стоит запятая. Это для того, чтобы показать, что число 15 – это не первое слово и пятая буква в нем, а пятнадцатое слово (т.е. то же первое, но для заблуждения на случай провала названное пятнадцатым, как указано было выше), шестая буква – в данном случае «О»…
>
> Я стала зашифровывать адреса в адресной книге «Весь Петербург». На определенной странице с левой стороны в строке ставила легонькую точку, обозначающую числитель. С правой стороны в той же строчке я ставила опять-таки легонькую точку – это был знаменатель… А шифр был тот же – из семи строк» (229).

Эти воспоминания хорошо известны. Они вышли несколькими изданиями, широко комментировались. Кстати, «хитроумный способ» запрятывания цифрового шифра в строках книжных текстов даже выдавался советскими историками за изобретение самой Стасовой. Однако, уже в 1902 году Акимов дал его описание в своей брошюре, а еще раньше его узнала полиция.

Идея квадратного (координатного) шифра была настолько притягательна, что к ней вновь и вновь обращались подпольщики. Придумывались новые интересные варианты. Но все они содержали прежние пороки – малый набор используемых знаков или алфавитный порядок букв. Не избежали этого и руководители РСДРП. Несомненный интерес и удивление вызывает ключ к шифру Центрального комитета партии, установленный сразу по окончании III съезда РСДРП. Он давно известен (или должен быть известен!), так как еще в 1926 году был опубликован самими большевиками. Однако с тех пор ни один историк не коснулся этого шифра в своих исследованиях.

Мы нарушим это длительное умолчание. Но предварительно вернемся к событиям, предшествовавших партийному съезду.

К началу нового, 1905 года, межфракционные отношения в РСДРП все более накалялись. Фактически, существовало три партийных центра – примиренческий ЦК, меньшевистская редакция «Искры» и «Бюро комитетов большинства» (БКБ). Последний был создан для непосредственного созыва очередного съезда в обход ЦК, считающего, что этот съезд фактически приведет к расколу партии. «Кровавое» 9-е января и начало революции по-новому осветили задачи партии, показали правоту Ленина в его борьбе за крепкую сплоченную организацию и ускорили созыв съезда. Однако ЦК, все ближе примыкающий к меньшевистскому крылу, всячески мешал БКБ и фактически сам вел раскольническую политику. Выход из партийного кризиса, как водится, нашла российская полиция.

12 февраля 1905 года Надежда Крупская запросила Московский комитет РСДРП:

> «Сейчас прочли в газетах, что арестованы Андреев, Чириков, Скиталец и еще 14 писателей. Правда ли это? Кто эти 14? Что за причина?» (230).

Речь шла об аресте в Москве 9 февраля почти всего состава Центрального комитета РСДРП – Владимира Носкова, Левика Гальперина, Иосифа Дубровинского, Льва Карпова, Виктора Крохмаля, Владимира Розанова, Екатерины Александровой, Александра Квятковского и агента ЦК Михаила Сильвина. Собрание цекистов происходило на квартире писателя Леонида Андреева.

Такого провала у социал-демократов еще никогда не было! Несмотря на фальшивые паспорта у задержанных «писателей», полиция быстро дозналась, с кем имеет дело. Только два цекиста остались на свободе: случайно опоздавший на заседание инженер Леонид Красин (Никитич) и находящийся в Смоленске Алексей Любимов (Марк). Уцелел и агент ЦК Дмитрий Постоловский.

Разгром центра делал бессмысленным его дальнейшее противодействие сторонникам Ленина. И 12 марта 1905 года Красин от имени ЦК подписал соглашение с представителем БКБ Яковом Драбкиным (С. И. Гусевым) о скорейшем созыве партийного форума. Большинство российских комитетов приветствовало этот шаг и 12 апреля в Лондоне открылся III съезд РСДРП. Однако непримиримая позиция Совета партии и редакции новой «Искры» привела к тому, что 14 меньшевистских комитетов проигнорировали Лондон и собрались отдельно в Женеве. В итоге марксисты получили «два съезда и две партии». Раскол стал фактом.

Большевистский съезд длился с 12 по 27 апреля (25 апреля – 10 мая н.с.) и в его работе участвовали делегаты более 20 комитетов. Нет нужды освещать ход съезда и его итоги. Приведем лишь воспоминания Надежды Крупской:

> «На съезд от ЦК приехал Зоммер (он же Марк – Любимов) и Винтер (Красин). Марк имел архимрачный вид. Красин – такой, точно ничего не случилось. Делегаты бешено нападали на ЦК за его примиренческую позицию. Марк сидел темнее тучи и молчал. Молчал и Красин, подперев рукой щеку, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему никакого отношения» (231).

25 апреля на 23-м заседании съезда в 3 часа 25 минут Красин и Любимов начали зачитывать доклад ЦК о проделанной работе. Их двухчасовой отчет представляет исключительный интерес с точки зрения постановки нелегальной партийной работы в России. Опубликованный в протоколах III съезда РСДРП (1959 год), он мало известен, но дает очень многое для правильного понимания всей сложности деятельности партийного центра. Вечером того же дня на закрытом заседании был выбран новый Центральный комитет. В него вошли Владимир Ульянов, Леонид Красин, Александр Богданов, Дмитрий Постоловский и Алексей Рыков.

В 1931 году, отвечая на нападки председателя «Общества старых большевиков» Ольминского о «богдановщине» в ЦК, Н. К. Крупская писала:

> «Неверно считать, что тут были какие-то подвохи со стороны Богданова. Красин играл крупнейшую роль в Баку, исключительно удачно выступал на съезде. К Красину Ильич до конца относился очень хорошо… О Постоловском много хорошего писали товарищи из России. Натансон характеризовал его как крупнейшего работника. Рыков раньше жил за границей и гораздо больше говорил и работал с Ильичом, чем с Богдановым. Выбор ЦК на III съезде ни в чем не противоречил желаниям Ильича, был с ним до конца согласован» (232).

Марк Натансон весной 1904 года прибыл в Женеву как член партии социалистов-революционеров. И чета Лениных познакомилась с ним. В своих воспоминаниях Крупская писала:

> «Натансон был великолепным организатором старого типа. Он знал массу людей, знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу можно приставить. Что особенно поразило Владимира Ильича, – он знал прекрасно состав не только своих, но и наших с-д организаций лучше, чем многие наши тогдашние цекисты. Натансон жил в Баку, знал Красина, Постоловского и др. Владимиру Ильичу показалось, что Натансона можно убедить стать социал-демократом… Недели две продолжался роман с Натансоном. …» (233).

Об этих памятных встречах с организатором кружка чайковцев писала Крупская и Дяденьке (Л. Книпович) в Россию:

> «Относительно Никитича дело тоже не безнадежно. У нас был его друг (старый знакомец Чухны) приходил в качестве дружественного нейтралитета, произвел на нас прямо чарующее впечатление, понимали друг друга с полунамека. Вот это голова! Вот это был бы Фауст! К сожалению, – в лучшем случае, – это дипломат – дружеский нейтралитет и никогда ничем больше не будет, но у него есть чему поучиться, и Никитич прошел, значит, хорошую школу» (234).

Лидия Книпович (Чухна) хорошо знала Натансона и Красина, очевидно, еще по Баку, куда нередко наезжала из Астрахани. Сам Леонид Борисович познакомился с Натансоном еще раньше – в Иркутске, участвуя вместе с последним в горячих политических дебатах ссыльной колонии между ветеранами народничества и молодыми марксистами. А под «Фаустом» значился Центральный комитет РСДРП.

Просто удивительно, как все переплеталось в истории. И человек, стоящий у истоков первых народнических организаций, оказал прямое влияние на формирование нового ЦК РСДРП.

27 апреля (10 мая) Владимир Ленин закрыл съезд. Вечером того же дня состоялось заседание утвержденного Центрального комитета. Сохранился уникальнейший документ. Он выполнен рукою Ульянова и является кратким «конспектом» конспиративного заседания цекистов. В нем масса интересных деталей практической деятельности большевиков.

Так в разделе «Сношения между членами ЦК» приводятся пароль, шифр и клички руководителей партии. Трудно удержаться и не дать здесь фрагменты этого любопытного документа. Начинается он следующим абзацем:

«Пароль исключительно для членов ЦК: «Иван Иванович Иванов».

Письмо к… 1) Ивану – minimum …

Поклон и т.д. 2) Ивану Ивановичу - // -

3) Ивану Иванычу Иванову – maximum доверия, «абсолютное».

Ответ: «Очень рад, слышал, что он был болен»» (235).

Перед нами так называемый «пароль трех степеней доверия». Начиная с 1905 года, он начал широко входить в жизнь большевистского подполья.

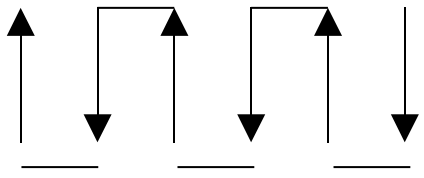
«Клички: ЦК = Дон Жуан. Винтер = -ерт, Власов = -о, Александров = -а, Ленин - -ей. Центральный Орган = Донна Анна» (235).

С «Дон Жуаном» и «Донной Анной» все понятно. Это конспиративные названия ЦК и ЦО партии. Окончания же «вейн, ерт, о, а, ей» были введены для того, чтобы дать возможность в некоторых пределах варьировать клички цекистов при сношениях.

Так, Леонид Красин (Винтер) в переписке фигурирует как Розенвейн, Тидвейн, Тидевейн, Явейн и Глинтвейн. Александр Богданов (Вернер) именовался Райнерт, Рейнерт, Зейферт. Дмитрий Постоловский (Александров) обозначался как Антуа, Дюбуа, Дюруа и Делота. Владимир Ульянов (Ленин) был, кроме того, известен как Фрей и Линдлей. Только для Алексея Рыкова (Власова) мы не знаем подобных кличек. Сразу, по-возвращении в Петербург он был арестован. Такая система трансформации конспиративных имен была по тем временам совершенно уникальна.

То же самое можно сказать и о **шифре Центрального Комитета**, который можно изобразить в следующем виде:

Лабиринт:



12 х 7 = 84

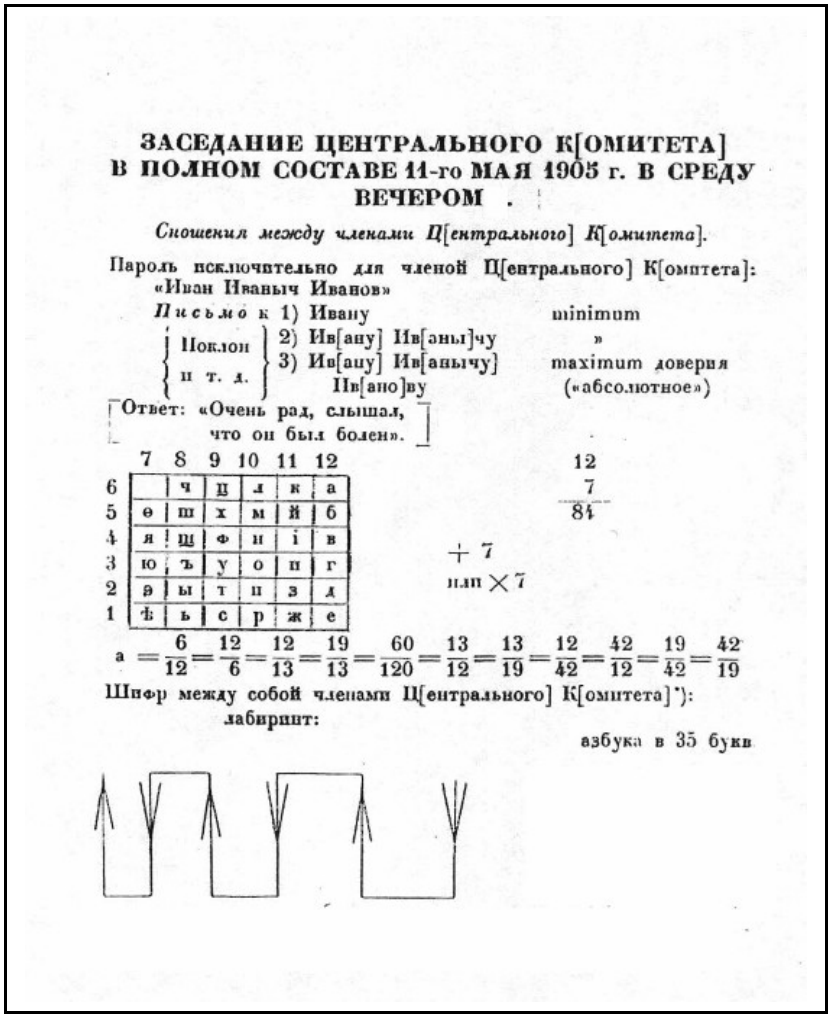
+ 7

или: х 10.

	7	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**
6	—	ч	ц	л	к	а
5	Ѳ	ш	х	м	й	б
4	я	щ	ф	н	і	в
3	ю	ъ	у	о	и	г
2	э	ы	т	п	з	д
1	Ѣ	ь	с	р	ж	е

А = 6/12=12/6=12/13=19/13=60/120=13/12=13/19=12/42=42/12=19/42=42/19 (235).

Нетрудно понять структуру этого ключа. Буквы в табличке разнесены согласно положения в алфавите по схеме приведенного в протоколе графического лабиринта. Совершенно оригинальной является нумерация строк и колонок таблички. Обозначенные от 1 до 12, они не совпадают друг с другом. Поэтому при перемене местами числителя и знаменателя дробей их смысл не меняется. Сами же числа можно было увеличивать на цифру семь или умножать на семь и десять. Следовательно максимальные числа, встречающиеся в дробях – 84 и 120. Все эти нововведения должны были сбивать с толку дешифровщиков и маскировать систему шифра. Существовала и фиктивная дробь (пустышка): 6/7 = 7/6 и т.п., соответствующая пустой клетке таблички, она же могла (вероятно) использоваться как знак раздела между словами.



ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО К[ОМИТЕТА]
В ПОЛНОМ СОСТАВЕ 11-го МАЯ 1905 г. В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ .

Сношения между членами Ц[ентрального] К[омитета].

Пароль исключительно для членов Ц[ентрального] К[омитета]:
«Иван Иваныч Иванов»

Письмо к 1) Ивану — minimum
Поклон и т. д. 2) Ив[ану] Ив[аны]чу — »
3) Ив[ану] Ив[аныч]у — maximum доверия («абсолютное»)
Ив[ано]ву

Ответ: «Очень рад, слышал, что он был болен».

	7	8	9	10	11	12
6		ч	щ	л	к	а
5	ѳ	ш	х	м	й	б
4	я	щ	ф	и	і	в
3	ю	ъ	у	о	п	г
2	э	ы	т	п	з	д
1	ѣ	ь	с	р	ж	е

+ 7
или × 7

12
7
84

$$а = \frac{6}{12} = \frac{12}{6} = \frac{12}{13} = \frac{19}{13} = \frac{60}{120} = \frac{13}{12} = \frac{13}{19} = \frac{12}{42} = \frac{42}{12} = \frac{19}{42} = \frac{42}{19}$$

Шифр между собой членами Ц[ентрального] К[омитета]*):
лабиринт:

азбука в 35 букв

11. Страница из «Ленинского сборника №5» за 1926 г.,

где был воспроизведен ключ к шифру ЦК РСДРП. Автограф В. Ленина (фрагмент).

Сохранились два обширных письма заграничного секретаря ЦК Надежды Крупской к цекистам Красину и Постоловскому, содержащих подобный шифр. В качестве примера приведем начало послания к «Винтеру» от 1 июня 1905 года:

> «Дорогой товарищ! Вы, конечно, знаете о провале 19/4 10/13 12/42 16/1 17/21 12/28 6/12. Кого послали вместо него на юг?..» (236).

Шифрряд легко преобразовать в более простой вид:

12/4 10/6 12/6 9/1 10/3 12/4 6/12 – [Власова] .

Это была «вершина криптографической мысли» большевиков к весне 1905 года. Прикидывая, кто бы мог претендовать на изобретение этого шифра, на первое место следует выдвинуть Леонида Борисовича Красина. Несомненно, что разработчиком шифра мог быть только один из членов ЦК – вся его надежность держалась на уникальной системе обозначения букв. А имеющаяся в документе приписка Ленина о том, что Красин сообщит подробности Крупской, однозначно указывает на автора шифра.

Теперь посмотрим хронологию событий. 25 апреля, делая свой доклад, Красин совсем не был уверен, что он будет вновь переизбран в ЦК. Ведь тот же Любимов был назначен только агентом Центрального комитета. Слишком много претензий имели ортодоксальные большевики к двум бывшим цекистам. Но Красин произвел очень выгодное впечатление на всех делегатов съезда и уверенно прошел в новый состав ЦК. И уже через день он предложил свой оригинальный шифр! А они так быстро не рождаются. Совершенно очевидно, что «Никитич» придумал свою систему переписки задолго до партийного съезда. Но ее применение на более раннем этапе партийной истории не выявлено.

Шифр Центрального Комитета был известен исключительно его членам и секретарю заграничного бюро ЦК Крупской. Даже назначенная секретарем русского бюро Елена Стасова (Абсолют) первоначально его не знала.

14 июня 1905 года Крупская отправила в Петербург письмо Постоловскому, перекрытое ключом ЦК. Для верности в начале текста она сделала пометку личным шифром «Абсолюта» (Крылов «Дуб и трость»): 1/13 4/5 23/5 17/7 3/5 12/7 11/12 17/5 6/7 – «*Для Вадима*» (237).

Л. Красин

Но Постоловского в столице не оказалось – он выехал на Кавказ. И в очередном письме Крупская сообщает недоумевающей Стасовой:

«Письмо к Вадиму писано ключом, который знает также и Тидвейн, спросите у него» (238). «Тидвейн» – член ЦК Александр Богданов.

Такова роль Леонида Красина в создании новых шифров революционного подполья. Выдающийся революционер, конспиратор и практик нелегальной деятельности. И одновременно видный российский инженер-электротехник. Единственный член ЦК РСДРП, долгие годы сохранявший свою легальность и избегавший подозрений полиции.

Созданная под руководством «Никитича» подпольная типография «Нина» в течение пяти лет беспрепятственно работала в Баку и не была открыта полицией. «В деле печатания и распространения нелегальной литературы в России ЦК нашей партии сделал больше, чем было сделано до сих пор какою бы то ни было нелегальной организацией, не исключая «Народной Воли», с ее громадными материальными средствами, с ее строго централизованной организацией» – так с гордостью говорил «ответственный техник и финансист» Леонид Красин в своем докладе III съезду РСДРП. И это был факт. За 1903 – 1904 годы Департамент полиции насчитывал по России не менее 43 типографий, принадлежащих социал-демократам. В значительной степени их работа направлялась лично «Никитичем». Он умудрялся совмещать свою огромную деятельность в крупных российских компаниях с изнурительной и опасной работой члена ЦК нелегальной партии.

Оценивая квадратный шифр системы Красина, нельзя не видеть, что он страдает теми же пороками, что и все ключи этой группы. Каждая буква имела до 20 возможных обозначений (Ленин привел лишь часть из них), но пропорции букв в текстах не учитывались. И при значительных объемах перехваченной переписки, шифр мог подвергнуться аналитической дешифровке на основе частоты встречаемости знаков. Кроме того сохранялся алфавитный порядок букв, хотя и скрытый «лабиринтом». Однако несмотря ни на что, нельзя не признать красоту и новаторство этого шифра. Даже здесь Красин проявил себя оригинальным изобретателем. К сожалению, при всей огромности литературы об этом видном деятеле Советского государства, ничего не сказано об этой сфере его подпольной деятельности.

Ныне Красина обвиняют в терроризме и авантюризме, экспроприациях и водворении оружия, беспринципности и даже в печатании фальшивых ассигнаций. Но для многих и многих россиян он остался «инженером революции», героем своего времени и одним из выдающихся деятелей России XX века.

Глава девятая

И снова поэзия: 1902 – 1905 годы

Целый шквал опустошительных погромов революционного подполья 1901/1902 года не мог не насторожить социал-демократов.

> «Везде многочисленные аресты. Замечательно при этом, что более серьезные из них попадают в самую голову и производятся чаще всего по предписанию из Киева или от Департамента полиции… Арестованные и уцелевшие все говорят о провокации, которая и для нас несомненна. Я долго думал, откуда она исходит, и начинаю бояться, не от вас ли. Не читаются ли предварительно получаемые вами письма, надежна ли ваша прислуга, если она у вас есть, ваши квартиры и пр.? Живя в Европе, не забывайте, что вы окружены русскими шпионами… Простите, что я позволяю себе напоминать об осторожности вам, искушенным в опыте, по меньшей мере, не меньше моего. Но обстоятельства таковы, что я уже падал духом и приходил в отчаяние»

– так писал в те месяцы в редакцию «Искры» летучий агент русского бюро Михаил Сильвин (239). Теперь мы точно знаем, как близок к истине был искровец. Переписка подпольщиков действительно перлюстрировалась и дешифровывалась жандармами.

Наиболее уязвимым оказался стихотворный шифр. К началу 1902 года революционеры постепенно стали это все более сознавать. Но поэзия не могла быть отвергнута сразу и полностью. Слишком большие удобства представлял подобный шифр. Однако он начал быстро усложняться. Стали вводиться

всевозможные ухищрения в правила шифровки. Так уже Федор Дан в своем отчете о белостокской конференции в марте 1902 года указал следующий ключ для переписки ее делегатов с редакцией «Искры»:

> «Для начала я всем дал один ключ «Полтава», счет строк с конца. Устанавливать разные шифры абсолютно не было никакой возможности за крайним недостатком времени» (240).

Заметим, что этот шифр Дан назначил среди прочих и с П. Розенталем, настоящим экспертом в области подпольных криптографических систем. А тот против поэмы Пушкина, значит, не возражал.

Другой видный искровец П. Лепешинский с января 1902 года поменял свой шифрключ. Он взял стихотворение Н. Тупорылова (Мартова) «Гимн новейшего русского социалиста», но счет строк стал вести со второй строки (241). Кроме того Лепешинский начал вводить в криптограммы ряды фиктивных дробей. Так в одном из своих писем он зашифровал фразу «… отвезен в Уфу» в следующем виде:

«Отвезен в 18.6 15.11 ф 16.6 7.4 9.22»

ъ У ф у ъ - (242).

В том же направлении начала действовать Н. Крупская. В мае 1902 года она инструктировала Лидию Книпович:

> «За последнее время страшно много изменилось. Разгром страшный, у нас взята масса людей, типография, провалились все транспортные пути, с деньгами плохо и т.д. … Вношу некоторые изменения в ключ, буду употреблять ряд фиктивных цифр (все цифры со знаменателем больше 16 фиктивны)» (243).

Здесь Надежда Константиновна явно описалась. При таком условии фиктивным становился числитель шифрдроби. Лидия Книпович (она же «Чухна» и «Дяденька») возглавляла тогда астраханскую группу содействия «Искре» и ее ключом было стихотворение Некрасова «Калистрат». В этом произведении поэта всего 16 строк, а числитель дроби при шифровке означал именно номер строки, где стояла нужная буква.

Покидая впоследствии Астрахань, «Дяденька» передала все свои полномочия Анне Руниной (Педагогу). В качестве ее шифра было выбрано стихотворение Лермонтова «Ангел» (244), включающее в себя опять 16 строк! И правила шифрования, предложенные Крупской, не изменились! Сохранилось плохо проявленное подлинное письмо «Педагога», труднодоступное для чтения. В нем фигурирует криптограмма, ряд дробей которой Крупская неверно скопировала – имеются явные ошибки. Одну из групп дробей в редакции прочитали следующим образом:

«12.2 2.4 6.11 11.7 5.12 9.25 25.16 16.14 16.4 4.9 9.14 14.16 16.30 30.1»

С е р е ж н - и к о в ъ - - (245).

Речь шла о бывшем члене СПб. «Союза борьбы» астраханском ссыльном В. Сережникове.

А вот примеры более поздних лет. В ноябре 1904 года из Швейцарии в Россию выехал на нелегальную работу видный большевик Яков Драбкин (С. И. Гусев, Харитон, Нация). Путешествие его дало сбой с самого начала. Из письма Гусева к Крупской:

> «Дорогая Надежда Константиновна! Со мной случилась крупная неприятность… По дороге из Мюнхена в Берлин у меня вытащили бумажник с деньгами и адресами. Это, несомненно, не шпионская проделка, потому что, во-первых, в том же отделении вагона у одного немца вытащили бумажник с 2 000 марок; во-вторых, установлено, что вытащившие были немцы. По-видимому, нам во время сна дали чего-то понюхать, иначе вытащить было бы совершенно немыслимо. Во всяком случае, насчет явок и адресов беспокоиться, кажется, нечего. Я в полном отчаянии, история эта меня сильно расстроила, кроме того, в дороге я схватил, по-видимому, ревматизм и чувствую себя преотвратительно…» (246).

Вагонное происшествие немало обеспокоило Крупскую. И она немедленно известила секретаря Петербургской большевистской организации Прасковью Лалаянц:

> «Мы послали к вам Гусева, но в Мюнхене у него украли деньги и адреса… Надо изменить пароли. Досадно это ужасно, главное, денег нет больше ни гроша, и он не может двинуться» (247).

Только в последних числах декабря (буквально накануне «Кровавого воскресенья») Сергей Гусев добрался до Петербурга, став здесь видным представителем Бюро комитетов большинства. Сохранилось значительное количество его писем, содержащих обширные дробные криптограммы.

В качестве ключа к ним служила басня Крылова «Обоз». Шифрование Гусев осуществлял с шестой строки басни («Катиться возу не давая»), а отсчет букв производил справа налево! По этим правилам фраза одного из писем Гусева к Ленину читалась, например, так:

«Ключ дяди Тома: 7/4 13/1 21/4 1/2 13/1 17/5 19/4 1/2 23/2 30/3 29/2 1/2 17/4 21/2 1/2» («*Пятая глава /от/ Марка»*) (248). Таким образом, в ключе Харитона оказалось сразу двойное усложнение шифра, что в те годы встречалось сравнительно редко. Между прочим деятельность Гусева в Петербурге не осталась без внимания полиции. Однако вся его переписка шла через некую Анну Петрову, проживающую по фальшивому паспорту дочери священника Лидии Бельтюковой. Установили охранники и кличку последней – «Серафима». Однако шифр корреспонденций разбирать не удавалось. Не знали жандармы и того, что под видом Бельтюковой скрывалась давняя их поднадзорная Софья Афанасьева – секретарь БКБ в Петербурге.

Другой важный шаг в развитии большевистских стихотворных ключей сделал Александр Александрович Богданов. Настоящая его фамилия – Малиновский. Человек выдающихся способностей, он оставил глубокий след в истории свой страны и в людях, соприкасающихся с ним. Вот лишь несколько отзывов о нем:

Николай Бердяев, русский философ:

> «А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее… Богданов очень благородно держал себя во время большевистский революции. Он был старым большевиком… Но в эпоху торжества большевизма он оттолкнулся от его уродливых сторон, признал не настоящим и занимал очень скромное положение» (249).

Владимир Иков, видный меньшевик:

> ««Когда года минули, страсти улеглись», к гробу Малиновского-Богданова в 1928 году пришли не только ближайшие друзья и единомышленники, но вчерашние антагонисты, идейные враги. Пришли не по долгу службы и не во имя соблюдения декорума (как, например, на похоронах В. Н. Фигнер), но в знак искреннего уважения к большой, преждевременно погасшей интеллектуальной силе… Широко, всесторонне образованный человек, естественник и врач, он обладал даром самостоятельной творческой мысли… Богданов был чуть ли не единственным в России марксистом, попытавшимся подвести под марксизм иную философскую базу, чем та, на которой покоится казенная, официальная доктрина… Я готов признать, что попытка кончилась крахом и что Богданов развелся с марксизмом. Это в моих глазах еще не преступление. Я ценю его поиски цельного миросозерцания, его отказ от трафаретных путей, рожденный возникшим у него сомнением в истинах философского материализма Маркса-Энгельса и их русского последователя Г. В. Плеханова» (250).

Николай Бухарин, один из руководителей ВКП (б):

> «Мы пришли сюда прямо с пленума ЦК нашей партии, чтобы сказать последнее «прости» А. А. Богданову… Да, он не был ортодоксален. Да, он с нашей точки зрения был «еретиком». Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником… В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место… среди крупнейших умов всех стран. Это – поистине редчайшее качество среди работников революции… Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной «Красной звезды» – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли… Исключительная сила его ума, бурлившая в

нем, благородство его духовного облика, преданность идее заслуживают того, чтобы мы склонили перед его прахом свои знамена» (251).

Религиозный философ, правоверный меньшевик и ортодоксальный большевик – что может быть более противоречивым, чем этот союз. Но личность Богданова сумела объединить даже непримиримых идейных противников.

А. Богданов с сыном Сашей
1915 год, Москва

Александр Малиновский родился в 1873 году в обыкновенной чиновничьей семье. Отец его заведовал городским училищем, а мать воспитывала детей. Саша закончил Тульскую гимназию с золотой медалью. Там он сдружился с известными впоследствии большевиками Александром Рудневым (Базаровым) и Петром Смидовичем (Матреной). Учился вместе с ними и Викентий Смидович – будущий писатель Вересаев. Он так же был близок с Малиновским всю жизнь. Революционная юность Богданова похожа на сотни других. Московский университет, исключение за студенческие беспорядки, высылка домой в Тулу. В 1896 году Малиновский стал студентом медицинского факультета Харьковского университета. Но в этом городе он проводил лишь три-четыре месяца в году. Остальные – в Туле, среди рабочих кружков. Провал московской группы пропагандистов, с которой был связан Александр, привел в ноябре 1899 года к серьезному аресту. Дипломированный психиатр отправился из тюрьмы в ссылку – сначала в Калугу, затем на три года в Вологодскую губернию. Здесь он вел, между прочим, переписку с известной вятской колонией ссыльных. В частности, с Воровским, которого он хорошо знал по Москве. Первая научная книга Богданова вышла все в том же 1899 году. С этого момента он стал известен в России как писатель-марксист. И находящийся в Сибири В. Ульянов даже написал хвалебный отзыв на первый литературный опыт неведомого ему Богданова.

Вологодский период был заполнен для Александра Малиновского активной литературной и революционной деятельностью. Совершенно уникальный подбор ссыльных всячески способствовал этому. Вот только некоторые имена – марксисты Тучапский, Саммер, Русанов, Струмилин, Луначарский, Карпинский, Чернышев, будущий эсер-боевик Савинков, философ Бердяев, историк Щеголев, писатель Ремизов…

Частную практику врача-психиатра Богданов удачно совмещал с руководством подпольным кружком. Через сестру Мартова Лидию Цедербаум-Канцель ему удалось наладить тесную переписку с редакцией «Искры». Во время ссылки Богданов много печатался и к моменту ее окончания имел уже громкое литературное имя.

В начале 1904 года, по завершении ссылки, Малиновский с женой обосновался в Твери. Там же в это время оказалась и известная большевичка, личный друг семьи Ульяновых, Лидия Книпович. С ней у Богданова не было разногласий. Это был переломный момент в судьбе революционера. Только что воссозданная РСДРП была вновь повергнута в глубочайший кризис. И Богданов решает ехать за границу, чтобы на месте лично ознакомиться с положением дел в партийных центрах.

В мае 1904 года Крупская сообщила Книпович: «Виделись с Богдановым… Богданов парень славный и умный, жаль только, что на дело глядит несколько со стороны и не целиком уходит в него» (252).

Но это только казалось… Уже в июне мнение Надежды Константиновны меняется кардинально:

«Богданов всецело на стороне большинства… Вообще это большое приобретение» (253).

Положение большевиков летом 1904 года осложнилось крайне. Мартын Мандельштам («Лядов» и «Русалка») вспоминал много лет спустя: «Побывав нелегально в России, я снова вернулся в Женеву. Здесь я застал Ильича отдыхающим в маленькой деревне возле Лозанны. Единственный раз за все встречи с Лениным он произвел впечатление человека, который не знает, на что решиться. Ильич засел прочно в деревне и как бы устранился от всяких дел. Измена цекистов, ради примирения с меньшевиками отрекшихся от него, произвела на Ильича глубокое впечатление. Он почувствовал себя одиноким, у него не было ни газеты, в которой он мог бы писать, ни средств для постановки издательского дела. ЦК постарался (правда, неудачно) изолировать его от непосредственных сношений с российскими работниками. Такое положение не могло долго продолжаться… Ленина мы застали за самой мирной работой. Он помогал своему хозяину, швейцарскому крестьянину, копать картошку. Он как будто обрадовался нам и засыпал нас вопросами о

новостях из России… Я сразу взял быка за рога. Заявил Ильичу, что нельзя ни минуты медлить, надо приступить к газете, средства есть, есть достаточно литературных сил, нужен он, чтобы все завертелось. Поставим газету, вроде «Искры», мы, практики, поедем в Россию, организуем связи и начнем вновь строить партию вокруг газеты… Вначале Ильич нас выругал за бессмысленные мечтания. Но в конце дня, когда нам нужно было уезжать, он заколебался и охотно согласился на мое предложение привести к нему Богданова, который успел уже сейчас же по приезде разругаться с меньшевиками и обозвал их оппортунистами. Обратно мы ехали веселей. Богданов очень охотно поехал к Ильичу и, после длительного разговора, Ильич окончательно согласился вернуться в Женеву и взяться за дело» (254).

Воспоминания Лядова дополняет Крупская:

> «Появился на горизонте Богданов… Было видно, … что это работник цекистского масштаба. Его переход на сторону большевиков был решающим. Он приехал за границу временно, в России у него были большие связи. Кончался период безысходной склоки» (255).

А вот фрагмент из переписки той же Крупской с Прасковьей Куделли из Твери за август 1904 года:

> «Несмотря на провалы наших лучших друзей и на полный разрыв отношений с Фаустом, настроение бодрое. Особенно много бодрости внес ваш делегат, у нас с ним самые широкие планы» (256).

«Ваш делегат» – это Александр Богданов. В конце августа он вернулся в Россию, чтобы на месте возглавить Бюро комитетов большинства (кроме Ленина и Богданова в него вошли Гусев, Землячка, Литвинов, Лядов, Румянцев и Рыков).

Из письма Надежды Крупской к Розалии Землячке: «Не давайте Рядовому поручений, его надо всячески беречь, потому что без него все наши планы рушатся» (257).

Александр Малиновский, известный в подполье как «Рядовой», «Рахметов» и «Сысойка», находился в России под постоянным полицейским прицелом. Еще 27 ноября 1904 года глава Заграничной агентуры Аркадий Гартинг донес в Петербург, что в редакцию вновь организованной большевистской газеты «Вперед» входит один из редакторов московского ежемесячного журнала «Правда» некто Богданов.

А 28 января 1905 года директор Департамента полиции Лопухин сообщил начальнику СПб. ГЖУ:

> «По сведениям заграничной агентуры Департамента полиции, сотрудник журнала «Право» или газеты «Правда», проживающий в Петербурге и работающий под псевдонимом Богданов, состоит посредником в транспортировке денежных сумм, жертвуемых привлеченным при вверенном вам управлении к дознанию Алексеем Пешковым на издание заграничной революционной газеты «Вперед»» (258).

Упомянутый А. Пешков есть никто иной, как писатель М. Горький.

Несмотря на пристальный интерес полиции, Александр Богданов не скрылся за границу, как настойчиво советовал ему Ленин. Весь 1905 год он находится в самой гуще событий, являясь вместе с Красиным фактическим руководителем всей большевистской партии.

Впоследствии роль Богданова в истории РСДРП окажется всячески оболгана и принижена. Начиная с 1930 года, будет объявлен настоящий «поход» против «богдановщины». Небезызвестный М. Ольминский (редактор ряда партийных газет) был в первых рядах разоблачителей. В 1931 году он облил грязью имя незадолго до этого трагически погибшего товарища. Комментируя состав ЦК, выбранного на III съезде партии, он переходил все границы реальности. Оказывается, что ни один ленинец, кроме самого Ленина, не был выбран в Центральный комитет. А Богданов, Красин, Постоловский и Рыков – «безнадежные ренегаты», всячески зажимающие истинного вождя партии. Партийный идеолог сообщал публике:

> «Почти тотчас после сближения Ленина с Богдановым Ленин говорил осенью 1904 года мне и Лепешинскому (порознь), что сближение это временное. В Куоккале, где жили на одной даче и Ленин и Богданов, я в разговоре с Лениным, не понижая голоса, высказал:
>
> - Вы – лидер партии, а Богданов не годится.
>
> И я был удивлен, с какой тревогой стал Ленин оглядываться, не услышал ли этих слов Богданов» (259).

Так переписывалась партийная история в угоду политическому моменту. Даже вдова Ленина Н. К. Крупская нашла нужным ответить Ольминскому:

> «В том, что М. С. Ольминский пишет о Богданове, он прав лишь отчасти. Богданов был очень хорошим организатором, но совсем другого типа, чем Владимир Ильич. Богданов в вопросе подбора людей и пр. вносил очень много дипломатии, не все договаривал до конца, слишком много «комбинировал»… Насчет «обуздания заграницы», подчинения ее русскому центру – эту линию вел, конечно, Богданов» (260).

Разумеется, не все старые большевики кинулись топтать мертвого товарища. Владимир Бонч-Бруевич в 1929 году пытался остаться на позициях правды:

> «Невольно возникает вопрос: какое же влияние на ход событий в нашей партии имел А. А. Богданов? Ведь он занимал долгое время очень ответственное и руководящее положение в большевистской части партии, ведь он последовательно был участником в женевском совещании «22 «твердокаменных» большевиков», своим обращением к партии положившим начало организации всей большевистской партии… Затем он был редактором первой большевистской газеты «Вперед», потом входил в «Бюро комитетов большинства», был самым ответственным и действительно руководящим представителем этого бюро в России, где он долгое время вел неустанную подпольную работу… Сделав очень много для созыва III съезда, … он был выбран членом ЦК партии… Бывали времена, … когда в России непосредственное руководство в партии всецело принадлежало А. А. Богданову и его авторитет среди наших самых активных рядов, среди подпольщиков, был действительно огромен» (261).

«Великим визирем большевистской страны» назвал Богданова другой видный марксист историк Михаил Покровский. По его мнению, личность последнего выступила в революции 1905 года на первый план, а Ленина в России большевики знали плохо – он был далекий от них эмигрант.

В этом, собственно, и заключалось все дело – допустить такого расклада политических сил было просто невозможно! Вся история РСДРП писалась под главного большевика В. И. Ленина. Все ненужное отсекалось, оплевывалось, забывалось. Понятию «большевик» отныне придавалось значение «преданности вождю», а не первоначальное – сторонника большинства II съезда РСДРП. Александр Богданов и многие его товарищи под это определение никак не подходили.

Но, к счастью, помимо литературных пасквилей на Богданова, сохранились и опубликованы десятки писем за период деятельности БКБ и ЦК партии в 1904/1905 годах. Они-то и дают реальное представление о масштабах деятельности замечательного подпольщика в России. Часть корреспонденций содержит обширные криптограммы, зашифрованные «ключом Рахметова». Таких писем одиннадцать – большинство из них выполнено рукой Крупской и адресованы в Россию лично Богданову. Главная особенность его шифра – обилие фиктивных дробей в самой криптограмме.

Постепенно разбирая эти преграды, ставя нужные буквы в соответствующие места шифртаблицы, анализируя текст, я однажды восстановил полностью весь ключ к шифру из 1904 года! Им оказалась некая стихотворная строфа:

1. В потоке явлений, в движении вечном,
2. Где с будущим прошлое тесно слилось,
3. С великим ничтожное цепью сплелось,
4. Затеряна в хаосе форм безконечном
5. Ты звездочкой бледной горишь…

Понятна стала и система введения в криптограммы фиктивных знаков – «пустышек». Все дроби со знаменателем больше 30 и числителем больше пяти являлись ложными. Это определялось размерами самого стихотворного ключа. В качестве примера можно привести письмо Надежды Крупской Александру Богданову за сентябрь 1904 года:

> «5/4 6/1 1/9 3/5 5/14 3/30 5/17 9/8 13/1 1/17 5/13 5/2 8/2 3/4 10/1 15/2 3/20 5/22 10/18 1/5 3/2 4/2 3/27».

Разбор шифра несложен: «*В Вильно был провал*» (262).

Из приведенных в криптограмме 23 шифрдробей – 7 фиктивные. А это третья часть всего их количества! То же самое – во всех письмах.

В обширной большевистской переписке тех лет – это единственный подобный случай. Конечно, такой шифр был несколько громоздок, но наличие большого числа «пустышек» сильно осложняло возможную дешифровку.

Реконструированное однажды неизвестное стихотворение завораживало, притягивало и побуждало к действию. Некоторое время я еще пытался найти автора этих строк среди «монблана» русской поэзии, но постепенно разочаровался в своих попытках. И я все больше склонялся к мысли, что это, скорее всего, чьи-то оригинальные стихи, возможно, самого Богданова. Об этом говорил хотя бы тот факт, что в стихотворном ключе отсутствовали положенные по старой орфографии твердые знаки в конце слов! Однако это были только предположения.

Прошло несколько лет. Однажды в мои руки попал очерк журналиста Виталия Новоселова о его встречах в Москве с сыном выдающегося большевика – Александром Александровичем Малиновским. Это было потрясающее известие. Новоселов подтвердил, что Богданов сам писал стихи. И что современники считали их старомодными. В авторе чувствовался не столько поэт, сколько ученый. И шли они больше от ума, чем

от сердца (263). Полученное «на кончике пера» стихотворение полностью попадало под эту характеристику.

Одно только смущало меня – несколько пессимистический тон ключевых строк. Они как-то не гармонировали с обликом революционера Богданова, судьба которого все больше привлекала меня. Но желание разыскать его сына перевесило все возможные сомнения.

Прошло много лет с того памятного сентября 1988 года, когда на мой письменный стол легло долгожданное письмо от А. А. Малиновского. Доктор биологических наук, 79-летний ученый, прошедший через все тернии истории современной России и сохранивший удивительную простоту и человеческое обаяние. Таким я узнал и навсегда запомнил этого замечательного человека. И до сих пор меня волнуют строки из его письма:

> *«Я действительно сын Богданова… Стихотворение «вычисленное» Вами – действительно принадлежит А. А. Богданову-Малиновскому. Я поражен, как Вы сумели восстановить эти строки. Это стихотворение называется «Мысль человечества» (пишу по памяти, но вероятно верно: записная книжка со стихами Богданова сейчас не у меня в руках) …».*

А. А. Малиновский
(1909 – 1996)

Стояла осень 1988-го, разгар горбачевской «перестройки». Уже готовились к переизданию давно забытые книги Богданова, и восстанавливалось его имя на первом в мире «Институте переливания крови». Но я еще очень мало знал о Богданове как о человеке, о его героической и трагической смерти в 1928 году. И письмо А. А. Малиновского многое поведало мне. Узнал я и о студенте Колдомасове, который вызвался помочь Богданову в его опасных опытах по переливанию человеческой крови. Он тоже стал участником эксперимента «на себе», который погубил Богданова. Но сам Колдомасов не пострадал и жил долгое время в Новосибирске – моем родном городе! Это было незабываемое чувство ожившей истории.

Только через год мне довелось ознакомиться с полным текстом стихотворения, послужившим некогда ключом к шифру революционера Богданова (263).

МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В потоке явлений, в движении вечном,
Где с будущим прошлое тесно слилось,
С великим ничтожное цепью сплелось,
Затеряна в хаосе форм бесконечном
Ты звездочкой бледной горишь.

Но там, где и солнца, все той чередою
По тем же и тем же проходят путям,
Где движется все по железным кругам,
Где новое все повторяет собою
Лишь то, что уж было давно, –

Ты цепь нарушаешь, ты круг разрываешь,
Как северу стрелка магнита верна,
Стремленью вперед, в бесконечность одна,
Одно направленье прямое ты знаешь
И все победишь!

1899 год.

Сохранившаяся записная книжка Богданова содержит несколько десятков его стихотворений, большая часть которых так и не опубликована. Но почему же именно это произведение подпольщик выбрал в качестве своего шифра? Разумеется, не только потому, что в пяти его строчках имелись все буквы алфавита (хотя это и играло свою роль). Но гораздо важнее здесь был психологический мотив. Стихи датированы 1899 годом. Той осенью Александр Малиновский оказался под арестом в одной из московских тюрем. Возможно, там и родились эти «космические» строки. И как здорово, что в них не оказалось ни капли пессимиз-

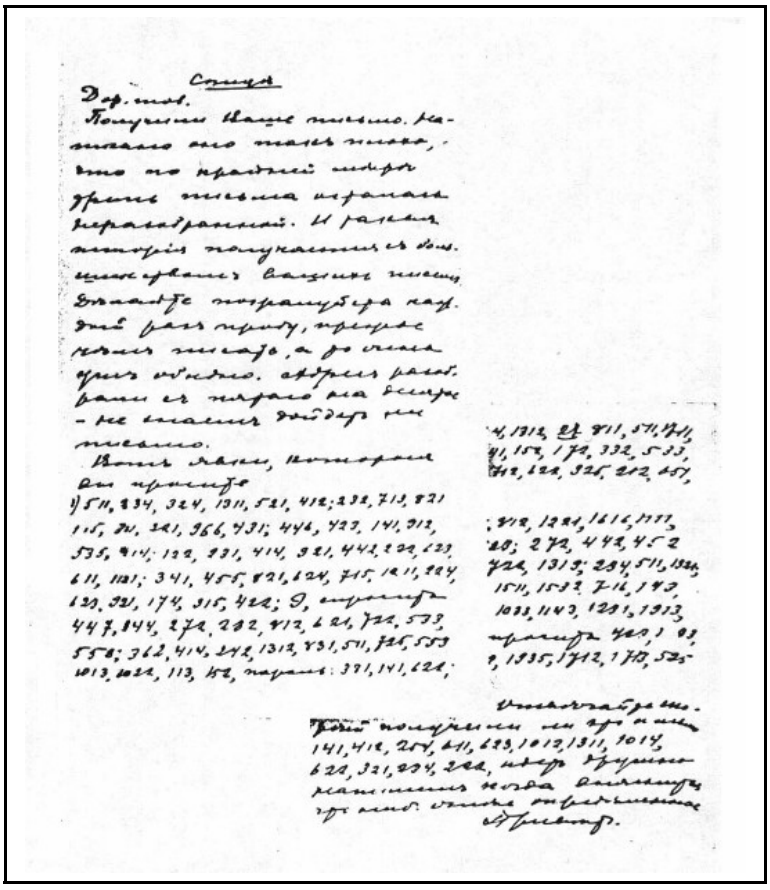
ма: «Ты звездочкой бледной горишь… И все победишь!» Как этот рефрен соответствует всему облику Александра Александровича Богданова, человека, революционера, ученого. Это был своего рода «гимн» ко всей его замечательной жизни. Но лишь через 60 лет после смерти Богданова мы, наконец, узнали об этом!

«Шифр Рахметова» в большевистском архиве совершенно уникален. До него мы знаем (пока?) только один случай использования стихотворения революционера Мартова в качестве ключа для конспиративной переписки искровцев. Но «Гимн новейшего русского социалиста» (в отличии от произведения Богданова) был опубликован в журнале «Заря» и стал широко доступным.

Однако новации шифром А. А. Богданова не кончались. В январе 1905 года в Россию выехал Владимир Иванович Невский. За этим партийным псевдонимом скрывался другой видный большевик Феодосий Кривобоков. Впоследствии он станет известнейшим партийным историком, навлекшим на себя гнев официальных партийных идеологов типа Ольминского. А тогда Невский под кличкой «Спица» объехал целый ряд российских городов. Давая ему характеристику, Надежда Крупская писала Анне Елизаровой:

«Спица лучше всех, посланных нами, страшно ценный человек» (264).

И совершенно замечателен шифр Невского, условленный им с Крупской перед отъездом на родину. Он был все тот же – стихотворный. В качестве ключа было выбрано малоизвестное произведение Лермонтова «К гению». Оригинальной оказалась новая система шифрования. Здесь реализовывалась давняя идея редакторов «Искры» о том, что шифровать надо так, чтобы нельзя было догадаться о системе шифра. С этой целью ликвидировалась дробная запись криптограмм. Отныне каждая буква записывалась как многозначное число. Первые одна или две цифры указывали на строку стихотворения. Следующая за ними цифра обозначала номер слова в этой строке, а последняя давала нужную букву в этом самом слове.



12. Фотокопия письма М. Ульяновой из Женевы к В. Невскому от 6 мая (23 апреля) 1905 года.

Ключ к шифру – стихотворение М. Лермонтова «К гению».

Так письмо Марии Ульяновой (в это время помогавшей Крупской в переписке) к Невскому-Спице от 23 апреля 1905 года содержит до сих пор не разобранный шифрованный ряд:

«716, 143, 224, 345, 611, 726, 1033, 1143, 1231, 1913,1921, 1931, 2023, спросить 423, 1033, 1111, 1242, 1431, 1812, 1935, 1712, 1713, 525 № 53» (265).

По указанным правилам читаем: «*Училище Левина, спросить Женю, пароль: № 53».*

Легко здесь видеть, что, к примеру, цифрогруппа «143» есть третья буква четвертого слова («ночей») первой строки ключа («Когда во тьме ночей…»). Но группа «1143» – это уже третья буква четвертого слова («молю») одиннадцатой строки того же стихотворения («Но я тебя молю…»).

Очевидно, что «пароль: № 53» является намеком на 53-й номер «Искры», где впервые были опубликованы важнейшие резолюции II съезда РСДРП и сообщено о расколе в редакции ЦО. Таким образом, этот номер газеты явился поворотным событием в истории партии, и революционный пароль зафиксировал это.

Примененная В. Невским система значительно облегчала процесс шифрования – теперь не было нужды утомительного отсчета знаков. Революционеры при этом частенько сбивались и допускали ошибки. Сам же шифр маскировался под различные искусственные системы криптографии. В дальнейшем этот способ переписки займет свою нишу в шифровальной технике большевиков.

Иногда подпольщики для усложнения своих криптограмм меняли значения элементов шифрдроби. Так в октябре 1905 года Крупская в одном из писем в Восточное бюро ЦК РСДРП привела следующий шифр для сношения с Курганом:

«Ключ к ним будет басня «Обоз», числитель – буква, знаменатель – строка» (266). Впрочем, во избежание путаницы, такие примеры были довольно редки.

Итак, на протяжении 1902 – 1905 годов мы видим непрекращающиеся попытки усложнить традиционный стихотворный ключ. Однако, как это ни покажется странным, продолжали широко применяться старые, давно проваленные способы. Причем для самых верхних «эшелонов» партии. Делалось это годами, когда не менялся даже сам ключ к шифру.

Наиболее «пожилым» следует признать ключ Нижегородского комитета РСДРП, который был условлен Владимиром Ульяновым еще летом 1900 года. Им являлось стихотворение Лермонтова «Три пальмы» и вошло в историю как «ключ Макара». Впрочем, сохранилось лишь одно письмо в Нижний Новгород, перекрытое этим шифром (267). Остальные документы имеют отношение к Московскому комитету РСДРП, с начала 1905 года шифровавшему «ключом Макара». В одном из писем этого комитета прямо сказано: «Писано старым нижегородским ключом» (268).

Мы не знаем доподлинно, как шифр нижегородцев очутился в распоряжении москвичей, хотя эти географически близкие города всегда были спаяны тесными революционными связями. Документы говорят, что уже с февраля 1902 года ключ «Три пальмы» оказался в арсенале московских искровцев (269). Пять лет (до осени 1905 года) стихотворение широко эксплуатировалось в подпольной переписке. И конечно было известно полиции. Сохранилась одна из перлюстраций за май 1904 года, где этот шифр полностью разобран жандармскими экспертами (270). Как сказано в этом документе: «Шифр тот же, которым мы переписывались со старой редакцией». В конце письма стоит подпись: «Макар». Примечательно, что еще в феврале 1902 года полиция из перехваченной переписки Ивана Радченко и редакции «Искры» узнала об этом московском шифре (271).

Одновременно и независимо от Москвы и Нижнего Новгорода, подобным ключом начали пользоваться социал-демократы черноморского города Николаева. Об этом проинформировал редакцию «Искры» член ОК Ефрем Левин в апреле 1903 года (272). Вплоть до 1905 года переписка по шифру «Три пальмы» там так же не прекращалась.

Другим долгожителем является знаменитый шифр Елены Стасовой (она же Жулик, Гуща, Абсолют и Дельта). Свой ключ сообщила потомкам сама революционерка:

> «Одним из шифров переписки с Надеждой Константиновной у нас была басня И. А. Крылова «Дуб и трость», потому что в этой басне есть решительно все буквы алфавита. Так как мы часто пользовались этим шифром, мы знали наизусть, в какой строчке какая буква стоит. Это важно было потому, что, как бы чисты у вас ни были руки, если вы каждый день проводите пальцем по строкам, то какие-то следы остаются на книжке и, в конце концов, страница пачкается. Мы с Надеждой Константиновной все же из предосторожности писали басню на отдельной бумажке, а потом по ней шифровали» (273).

В отличие от большинства других примеров, мы совершенно точно знаем время и причины появления этого шифра. Стояла поздняя осень 1902 года. В Пскове и Петербурге шли погромы искровцев. В тюрьме оказались участники Псковского заседания ОК И. Радченко (Касьян), В. Краснуха (Гражданин) и П. Лепешинский (Лапоть). 6 ноября секретарь СПб. искровской организации Елена Стасова сообщила в Лондон редакции «Искры»:

> «Лапоть арестован третьего дня с поличным… У Жулика в ночь на четвертое был обыск, ничего не нашли, но взяли Некрасова (всего), Пушкина (поэмы), Лермонтова (мелкие стихотворения) и Надсона. Предлагаю изменить ключи, взять Крылова «Дуб и трость»» (274).

Таким образом, уже в конце 1902 года искровцы доподлинно знали, что их системы тайнописи прекрасно известны жандармам. Ведь Стасова перечислила весь набор авторов подпольных шифров. Однако это предостережение «Жулика» мало что изменило. Стихи остались на «вооружении» искровского подполья.

Сама Е. Стасова занимала очень видное место в российских социал-демократических организациях. В разное время она последовательно была секретарем СПб. «Союза борьбы», Петербургского комитета РСДРП, Северного бюро ЦК в Москве, а после III съезда партии возглавила секретариат Русского бюро ЦК РСДРП. Поэтому сохранилась обширнейшая переписка этой большевички, содержащая значительное число криптограмм, перекрытых ключом «Дуб и трость». Их пятнадцать. Но самое первое датировано 5 июля 1904 года и содержит следующий текст:

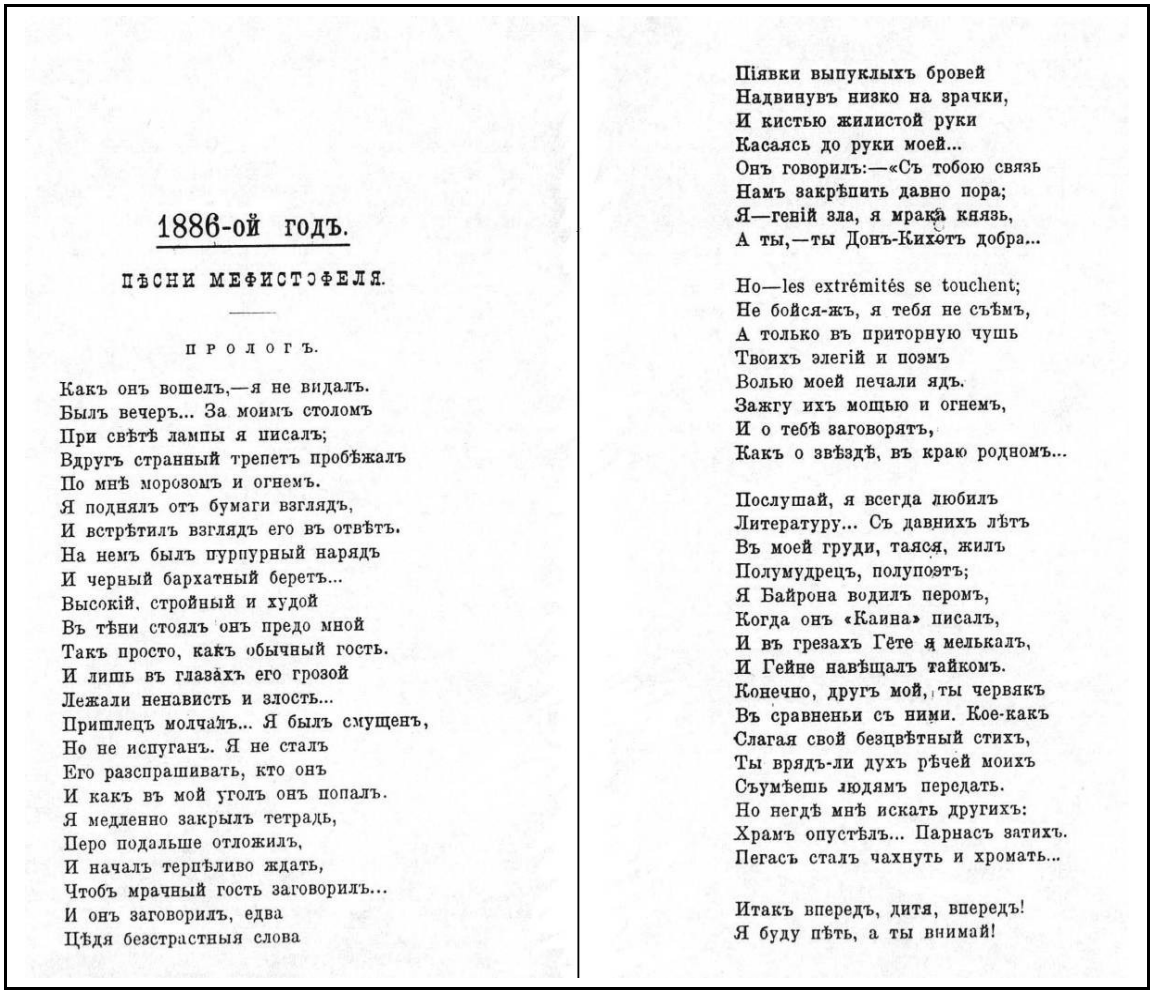
> «Пишите впредь слабым раствором крахмала, проявляется раствором йода, от тепла не проявляется. Отмечайте письма, писанные крахмалом, чертами под подписью» (275).

Автором этого письма к Стасовой оказался Мартын Лядов. Большевики стремились разнообразить свою химическую рецептуру. Но и этот способ был хорошо известен полицейским экспертам. Кроме того наличие в высококачественных сортах бумаги большого процента крахмала (для ее отбеливания) вызывало значительные трудности при проявлении «химии». А именно такая бумага считалась лучшей среди революционеров.

Ключом же «Дуб и трость» шла наиболее секретная переписка марксистов. Им переписывались члены Центрального комитета партии и даже члены Боевой технической группы при ЦК РСДРП (276). В то же время надежность басни Крылова была невелика. Стасова не была первой подпольщицей, которая ввела в оборот произведения баснописца. Еще М. Вечеслов общался с Лениным по басне «Пловец и море». Кроме того, подумаем, как легче всего полиция могла определить стихотворный шифр? Очевидно, методом последовательного перебора всех известных произведений поэта. Но «Дуб и трость» для Крылова явилась одной из первых его басен и во всех сборниках печатается в самом их начале. Так в издании басен Крылова за 1900 год «Дуб и трость» стоит на первом месте (277). Таким образом, при малейшем подозрении полиции ключ Стасовой имел очень мало шансов устоять. Кроме всего прочего, она шифровала с первой строки басни, и все это происходило на фоне многочисленных провалов стихотворных шифров. В частности, сама Стасова по делу Северного бюро ЦК РСДРП просидела несколько месяцев в Таганской тюрьме, а по выходе из нее опять возобновила переписку с заграничным центром большевиков по своему старому шифру «Дуб и трость». Все это мало похоже на серьезное отношение к такой важнейшей подпольной сфере, как шифры.

Справедливости ради отметим, что неизвестно ни одного перлюстрированного письма Стасовой, где бы полиция разобрала ее криптограммы. Но здесь более важна тенденция.

Точно таким же длительным примером употребления стихотворного шифра является «ключ Тани» – Тверского комитета РСДРП. Его сообщила в редакцию «Искры» Л. Книпович в феврале 1903 года: «Ключ – Надсон, «Песни Мефистофеля», начиная с «Как он вошел – я не видал»» (278). В архиве Крупской отложилось 19 писем, перекрытых этим шифром. Он имел широкую географию. Им переписывались Прасковья Куделли, Лидия Книпович и связанные с ними подпольщики. Сама Книпович всегда была одной из наиболее опытных и приближенных к партийным верхам революционерок. Она состояла секретарем Технического бюро ЦК РСДРП в Киеве, работала в Северном бюро ЦК в Москве, долгое время «конспирировала» в Твери, Петербурге, Одессе. И везде на этих важнейших постах в ходу у нее был «ключ Тани».



1886-ой годъ.

ПѢСНИ МЕФИСТОФЕЛЯ.

ПРОЛОГЪ.

Какъ онъ вошелъ,—я не видалъ.
Былъ вечеръ... За моимъ столомъ
При свѣтѣ лампы я писалъ;
Вдругъ странный трепетъ пробѣжалъ
По мнѣ морозомъ и огнемъ.
Я поднялъ отъ бумаги взглядъ,
И встрѣтилъ взглядъ его въ отвѣтъ.
На немъ былъ пурпурный нарядъ
И черный бархатный беретъ...
Высокій, стройный и худой
Въ тѣни стоялъ онъ предо мной
Такъ просто, какъ обычный гость.
И лишь въ глазахъ его грозой
Лежали ненависть и злость...
Пришлецъ молчалъ... Я былъ смущенъ,
Но не испуганъ. Я не сталъ
Его разспрашивать, кто онъ
И какъ въ мой уголъ онъ попалъ.
Я медленно закрылъ тетрадь,
Перо подальше отложилъ,
И началъ терпѣливо ждать,
Чтобъ мрачный гость заговорилъ...
И онъ заговорилъ, едва
Цѣдя безстрастныя слова

Піявки выпуклыхъ бровей
Надвинувъ низко на зрачки,
И кистью жилистой руки
Касаясь до руки моей...
Онъ говорилъ:—«Съ тобою связь
Намъ закрѣпить давно пора;
Я—геній зла, я мрака князь,
А ты,—ты Донъ-Кихотъ добра...

Но—les extrémités se touchent;
Не бойся-жъ, я тебя не съѣмъ,
А только въ приторную чушь
Твоихъ элегій и поэмъ
Волью моей печали ядъ.
Зажгу ихъ мощью и огнемъ,
И о тебѣ заговорятъ,
Какъ о звѣздѣ, въ краю родномъ...

Послушай, я всегда любилъ
Литературу... Съ давнихъ лѣтъ
Въ моей груди, таясь, жилъ
Полумудрецъ, полупоэтъ;
Я Байрона водилъ перомъ,
Когда онъ «Каина» писалъ,
И въ грезахъ Гёте я мелькалъ,
И Гейне навѣщалъ тайкомъ.
Конечно, другъ мой, ты червякъ
Въ сравненьи съ ними. Кое-какъ
Слагая свой безцвѣтный стихъ,
Ты врядъ-ли духъ рѣчей моихъ
Съумѣешь людямъ передать.
Но негдѣ мнѣ искать другихъ:
Храмъ опустѣлъ... Парнасъ затихъ.
Пегасъ сталъ чахнуть и хромать...

Итакъ впередъ, дитя, впередъ!
Я буду пѣть, а ты внимай!

13. «Ключ Тани» - стихотворение С. Надсона, одно из самых распространенных произведений, являющихся ключами к шифрам подполья.

Старая революционерка с народовольческой выучкой, чрезвычайно опытный конспиратор, близкая подруга Надежды Крупской и ее первая наставница на «секретарском» поприще. Такова беглая характеристика этой заслуженной социал-демократки. Однако и она безбоязненно доверялась шифру с первой строки популярного стихотворения Надсона. Благодаря Книпович этот шифр попал и в арсенал Центрального Комитета РСДРП (весна 1904 года).

Но первым искровским шифром Лидии Михайловны являлось стихотворение Некрасова «Калистрат». С ним связано одно любопытное воспоминание племянницы революционерки – Ю. Н. Книпович:

> «Тетушка поручила мне и моей сестре Татьяне писать безобидные послания несуществующим подругам. Мы набрасывали письма редкими строками. Между ними бесцветными … чернилами комбинациями цифр вписывался настоящий текст… Случалось, что нелегальной переписке помогала обычная легальная. Помню один такой характерный случай. Как-то Надежда Константиновна дала знать, что шифр, которым велась переписка, ненадежен. Тогда очередное письмо Лидия Михайловна написала своим старым испытанным шифром. Но Надежда Константиновна ответила, что не помнит его и не может расшифровать. Вот тут-то и пошла в ход легальная переписка. Наша мать среди прочих домашних новостей сообщила Елизавете Васильевне: «А Лидия, как всегда, поет что-нибудь. Вот сейчас у нее модное: «Надо мной певала матушка». Вот таким образом был передан ключ к шифру Дяденьки» (279).

Елизавета Васильевна – это мать Надежды Крупской, жившая с дочерью долгие годы в эмиграции. А строка, которую напевала Лидия Книпович – начало упомянутого стихотворения Некрасова «Калистрат». В свое время автор этой книги и Ю. С. Уральский независимо друг от друга установили шифр «Дяденьки», прочитав два ее не разобранных ранее письма. Но оказывается ключ «Калистрат» был давно известен.

Совершенно аналогичный случай можно обнаружить и в материалах большевистской переписки. В июне 1905 года некто «Андреев» из Подольской губернии отправил письмо в редакцию газеты «Пролетарий»,

ставшей новым центральным органом РСДРП. Текст его довольно любопытен и, кроме того, содержит не разобранную ранее криптограмму:

> «Здравствуйте, товарищ! Я, как видите, в России. Пока нахожусь в очень глухом местечке. Останусь ли я здесь надолго, не знаю. Пока очень скучно. Хорошо, что здесь природа, местность недурная, часто выхожу один на дорогу, ведущую в горы (у нас есть таковые – отроги Карпат), и подолгу любуюсь пейзажем… Вышлите мне номер «Пролетария»… по адресу… Шифр, надеюсь, вы не забыли? 18/2 1/2 5/5 3/1 4/1 ц 19/2. 18/5 – 2/5. 1/5. 4/6. 2/1 2/7 7/6. 6/2. 16/8 1/1 3/8 18/2 ц 10/8 4/7 3/1 9/1 … Ваш Андреев» (280).

Приступая к дешифровке криптограммы, я действовал традиционно. Памятуя, что любимым поэтом Н. Крупской был М. Лермонтов, начал с него. Последовательное изучение его стихотворений привело к закономерному результату. Андреев «постарался» дать своим письмом мощную подсказку – незашифрованная буква «Ц» дважды встречается в его криптограмме. Поэтому исключению подвергались сразу все стихотворения поэта, имеющие в себе эту букву. Кроме того, отсутствие «Ц» в шифре говорило о небольших размерах ключевого произведения. А таких у Лермонтова оказалось сравнительно мало. Очень быстро выявился сам ключ «Андреева» – известнейшее стихотворение **«Выхожу один я на дорогу»!** И он прямо указал шифр в открытых строках своего письма. Но воспользоваться подсказкой революционера нам не довелось. Но, так или иначе, ключ стал известен. Побуквенная дешифровка дает следующий текст:

«*Рыбница, Ю/го/-З/ападной/ ж/елезной/ д/ороги/. Стм. П. Шварцману*».

Здесь «Стм» – вероятно, ошибочная зашифровка слова «Станция» (Стн). Кто такой Шварцман и какова его связь с «Андреевым» – не установлено. Возможно, что это одно и то же лицо. Ныне глухая станция в Подольской губернии Рыбница – небольшой город в Приднестровье. Более ничего добавить к этому письму нельзя. Но его скоротечная дешифровка еще раз демонстрирует абсолютную ущербность стихотворных шифров и показывает колоссальную опасность оставления в криптограммах незашифрованных букв.

Выход из этого криптографического тупика подпольщики искали неоднократно. О привязках букв к имеющимся в ключе знакам мы уже говорили. Это был самый надежный способ, но наименее употребительный. Обычно поступали гораздо проще. Например: «Посылаю вам адрес… В нем вместо В – читать в фамилии Ф» (281). Однако, здесь сразу становилось ясно, что в ключе нет определенной буквы, и поиск криптоаналитиков резко сужался.

Был и иной способ. Известный петербургский большевик Николай Дорошенко (Неаполь) шифровал, например, по стихотворению Лермонтова «Воздушный корабль». Оно имело точно такой же порок, как и «шифр Андреева» – в нем отсутствовала буква «Ц»! Шифруя в сентябре 1905 года адрес для присылки в Петербург «Пролетария», «Неаполь» обозначил «Ц» как знак 0/0. Такая «нулевая дробь» сразу давала понять Крупской, что подобной буквы в тексте ключа нет и наводила на верный выбор (282).

В эпистолярном наследии большевистской партии мы находим десятки и десятки всевозможных стихотворных ключей. Но на протяжении долгих лет новых авторов практически не появлялось. Обойма пяти известных классиков эксплуатировалась в полном объеме. Каждый подпольщик или отдельная организация стремились иметь свои собственные ключи. Все это часто приводило к недоразумениям. И чтобы разобраться в этом все возрастающем «хаосе» они получали свое персональное название – обычно, по имени «хозяина» шифра. А для связи с партийными центрами сравнительно рано стали вводиться «единые шифрключи».

В искровский период таким шифром стало стихотворение Некрасова «Саша» (так называемый «Запасной ключ») (283). А летом 1904 года этот опыт был повторен.

Заведующий Берлинским отделением заграничного сыска Аркадий Гартинг в сентябре 1904 года докладывал в Петербург:

> «По полученным совершенно секретным путем сведениям, для всех «твердокаменных» (большевиков) установлен следующий общий пароль: «Мне нужен свирепый контрабас», а ответ: «а мне сентиментальная скрипка», а для письменных сношений служит ключом «Домик в Коломне» Пушкина» (284).

Сведения эти были получены Гартингом от врача Якова Житомирского –члена Берлинской большевистской группы и одного из самых опасных предателей в ранней истории РСДРП. Именно через Берлин шли основные подпольные транспортные пути и выезжали в Россию социал-демократы. Житомирский многое знал, а еще больше мог узнать, вращаясь около известных большевиков – Осипа Пятницкого, Максима Литвинова, Владимира Носкова. Летом 1904 года Житомирский собрался в Россию. Помимо поручений от большевиков, он получил задание и от члена Центрального комитета Владимира Носкова (Глебова, Бориса, Нила) – тогда уже примиренца. В итоге по возвращении в Берлин предатель предоставил Гартингу сведения о партийных явках в 34 городах империи!

Комментируя «записку Гартинга» видный большевик Осип Таршис (Пятницкий) писал, что Житомирский «морочил» своим хозяевам голову. «Никогда не бывало, чтобы со многими организациями и даже лицами был один и тот же ключ для шифра. Не верится мне, чтобы явка и пароль для всех «твердокаменных» большевиков были одни и те же» (284).

Однако документы опровергают мнение Пятницкого. Как раз в августе 1904 года (момент выезда в Россию Житомирского) в переписке большевиков появляются первые сведения о шифре «Домик в Коломне» (285). Окончательно все вопросы разрешает письмо Крупской от 2 ноября 1904 года, направленное петербургским большевикам:

> «Свяжите нас с Северным комитетом, Нижним и Тверью:
>
> 1) Дайте каждому из них по два адреса для писем к нам,
>
> 2) велите ключом «Домик в Коломне» Пушкина немедленно сообщить нам свой адрес для писем, ключ и явку…
>
> Сообщите повсюду, что для явки может служить наш личный адрес, давайте его в комитеты. Пароль: «Мне нужен свирепый контрабас» …» (286).

Так что информация Якова Житомирского была совершенно точна. Несмотря на многочисленные подозрения, он долгие годы находился среди эмигрантов-большевиков и в окружении Ленина. Разоблаченный окончательно после революции 1917 года, предатель скрылся в неизвестном направлении.

История же этого своеобразного пароля совершенно прозрачна. Во все том же 53-ем номере газеты «Искра» В. Ленин опубликовал свое открытое письмо ее редакторам. В нем он в частности писал: «Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку».

После III съезда РСДРП традиция «единого ключа» была сохранена. Русское бюро ЦК вновь назначило общий шифр для переписки с комитетами – басню Крылова «Крестьянин в беде» (287).

Очень серьезной проблемой для подпольщиков всегда оставалась задача правильного разбора шифрованных адресов. Особенно это касалось адресов иностранных. Обычно передавались они русскими буквами по аналогии с латинским алфавитом. Например, сообщая адрес для высылки в Одессу «Пролетария», Сергей Гусев так воспроизвел его своим шифром:

> «Первый – по-французски: *Готел ди Норд. Емма де Вуаед*». В латинской транскрипции он выглядит так: *Hotel du Nord, Emma de Vyaed* (288).

Ясно, что при таком методе шифровки английские, немецкие и французские адреса легко превращались в мало понятные и ошибочные. Выход нашли быстро. Заграничные адреса стали перекрывать при помощи иностранных стихотворений, а их, в свою очередь, сообщали обычным русскоязычным ключом. Так Александр Богданов писал в сентябре 1902 года: «Дайте свежие адреса, для них пусть будет ключ Гейне «Бимини» по-немецки» (289). Но такой способ так и не стал общим.

Само написание шифром адреса требовало определенных правил. В январе 1905 года Надежда Крупская специально инструктировала на этот счет одного из руководителей Восточного бюро ЦК РСДРП в Самаре Василия Арцыбушева:

> «Лучше адреса писать в таком порядке: имя и фамилия, потом город, потом улицу. Не могли определить, каким шифром пишите, впрочем, это не помешало нам расшифровать письмо. Дело в том, что при шифровке Вы не соблюдаете элементарных правил. Не надо отделять слова от слова и надо употреблять для одних и тех же букв разные обозначения» (290).

При правильной зашифровке адреса криптоаналитики неизбежно попадали в трудное положение – выделить из криптограммы фрагменты, соответствующие известным словам (названиям городов и улиц), становилось значительно сложнее. К 1905 году большевистский центр начал уделять более серьезное внимание шифрам и правилам обращения с ними.

А личность большевика Василия Арцыбушева («Маркса» и «Сатаны») несомненно заслуживает нашего внимания. Он родился в 1857 году и начал свою революционную деятельность в народнических кружках 1870-х годов. Уже в 1877 году он оказался в Петропавловской крепости одновременно с землевольцами А. Оболешевым, М. Коленкиной, О. Натансон и другими. Вместе с ними в феврале 1879 года Василий принял участие в известном тюремном бунте, а его фамилия встречается в переписке землевольцев тех лет. Летом 1880 года революционер был сослан в Верхоянск. В конце XIX века он постепенно эволюционировал в сторону марксизма и в 1902 году вошел в Самарский центр Русской организации «Искры».

И вот такой заслуженный и опытный подпольщик продолжал питать иллюзии в области революционных шифров. Почему? Размышляя на эту тему, следует обратить внимание, что в период народнической дея-

тельности основным шифром Арцыбушева оставался «гамбетт». А при этой системе знаки криптограммы получаются «автоматически» – все зависит только от комбинации букв шифруемого текста и ключа. Роль самого шифровальщика здесь была пассивной и требовала лишь внимания и усидчивости. Видимо, поэтому тот же Арцыбушев так небрежно обращался с координатными ключами, в число которых входили квадратные, стихотворные и книжные шифры.

Вообще же фигура Василия Арцыбушева среди молодых социал-демократов – явление уникальное. Старые революционеры возвращались к подпольной деятельности, в основном, через партию эсеров. И если не считать группу «Освобождение труда», то обнаружить ветеранов прошлых десятилетий у марксистов России становится довольно трудно. Среди своих молодых товарищей Арцыбушев носил кличку «Дед». Он прожил яркую жизнь революционера и умер в 1917 году, успев принять участие в событиях Февральской революции.

Очень близко к стихотворным шифрам примыкали так называемые «евангелические ключи» революционеров. Они основывались на использовании текстов Святого писания и были известны еще со времен народничества. Впрочем, каждое поколение революционеров открывало этот шифр для себя заново. Идея его лежала на поверхности – в России не было более массовой и популярной книги, чем «Евангелие».

История его современного текста берет свое начало в 1876 году, когда по благословению Святейшего правительствующего синода вышла в свет «Русская библия 1876 года». В нее вошли переводы библии, выполненные в середине XIX века. Это издание стало каноническим и носит название «Синодального русского библейского перевода». Частью его является «Святое евангелие». Оно издавалось Синодом огромными тиражами. Так к 1914 году появилось уже 74-е издание. И это за неполные сорок лет! В любом уголке России и мира можно было без труда обнаружить эту книгу. Она была совершенно вне подозрений властей и только лишний раз подчеркивала благонадежность обладателя священного писания.

Одним словом – это был «идеальный» шифр. Даже сама структура «Евангелия» как будто создавалась авторами специально для удобства шифровки. Оно включало в себя четыре составные части (Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), четко разбитые на отдельные главы. Каждый стих книги носил свое цифровое порядковое обозначение, давая возможность легко находить в тексте местоположение любой буквы.

Начиная с 1904 года, евангелистские шифры стали быстро распространяться по социал-демократическому подполью. Кто был здесь первым, неизвестно. Но уже весной этого года большевик Эдуард Эссен (он же «Барон») задействовал для своего шифра третью главу «Евангелия от Марка». Каждая буква по-прежнему обозначалась дробью, где числитель указывал номер нужного стиха, а знаменатель букву в нем. С осени того же года «Евангелие от Луки» (четвертая глава) стало ключом к шифру Максима Литвинова.

Идея подобного шифра захватила и центральные партийные учреждения. Разные главы «Евангелия» использовали для переписки члены ЦК РСДРП Владимир Носков и Леонид Красин, яркие выразители примиренческой политики в партии. Летом 1904 года состоялось «июльское заседание ЦК» в составе Носкова, Красина и Гальперина. Это было этапное событие в РСДРП. В своем стремлении восстановить партийный мир ЦК отвернулся от Ленина и пошел на переговоры с меньшевиками. По этому поводу Ленин писал В. Бонч-Бруевичу:

> «Но каковы гуси, а? Спорят 5 и 4; двое из пяти уходят, двух из четверых берут, – тогда тройка вместо ухода делает переворот!» (291).

Двое арестованных – это большевики Фридрих Ленгник и Мария Розенберг (Эссен). Покинувшие состав ЦК – Глеб Кржижановский и Федор Гусаров. От представителей большинства в ЦК остались Владимир Ленин и Розалия Землячка. С ними тройка примиренцев поступила кардинально – Землячка была объявлена вышедшей из Центрального комитета по собственному желанию, а Ленина просто отстранили от дел. С этой целью в Женеву прибыл Носков для полной перестройки возглавляемого Лениным Заграничного бюро ЦК. Это действительно было настоящим переворотом. Уже в начале сентября Носков официально встретился с тремя представителями меньшевистской оппозиции – Владимиром Розановым, Иосифом Блюменфельдом и Юлием Мартовым. Центральный комитет своим большинством решительно сдавал позиции, дав согласие на кооптацию в свой состав меньшевиков. Возможно, что уже в сентябре Носков и Мартов установили особый ключ для переписки российского ЦК с ЦО «Искрой» в Женеве.

К февралю 1905 года результаты осенних встреч стали очевидны. В состав ЦК входили Носков, Красин, Гальперин, Любимов, Карпов, Дубровинский, Квятковский, Крохмаль, Розанов и Александрова. Последние трое были откровенными меньшевиками. Одиннадцатый член ЦК Ленин числился в нем лишь номинально и через БКБ всячески боролся за созыв III съезда партии. Это в корне противоречило духу примиренчества и требовало действий со стороны большинства цекистов.

7 февраля 1905 года в Москве на квартире писателя Леонида Андреева собрался почти весь состав ЦК РСДРП. Сразу же по окончании заседания в Женеву полетело письмо. Его текст не вызвал особого беспокойства у цензоров:

«Милостивый государь! Я вам очень благодарен за предложение, но так как я уже устроился здесь и нарушить контракт никак не могу, то принужден в настоящее время отказаться от вашего предложения. С совершенным почтением. Семен Агапов».

Но невинные строки скрывали в себе химический текст, предназначенный редакторам новой «Искры»:

«7/1 7/3 1/3 3/4 10/6 6/1 7/3 8/4 9/5 9/1 1/1 11/1 15/2 5/3 10/2 13/3 14/5 15/9 15/2 28/5 22/1 22/3 23/4 23/3 17/5 18/2 13/1 15/3 17/2 27/6 23/10» (292).

Ключ к дробной криптограмме был не сложен: седьмая глава «Евангелия от Матфея». Разбор шифра давал открытый текст: «*Постановление Ц/ентрального/ Ком/итета/ сед/ь/мого февраля*». Далее шел незашифрованный авторами текст:

«Принимая во внимание 1) что тов. Ленин уже около года фактически не принимает никакого участия в работе Ц. К-а, 2) что в последнее время это уклонение от сотрудничества превратилось в систематическую кампанию против ЦК… ЦК постановляет не считать тов. Ленина в числе своих членов, ни членом Совета Партии и довести о настоящей резолюции до сведения тов. Ленина и Совета Партии».

ОТЪ МАТѲЕЯ

СВЯТОЕ

БЛАГОВѢСТВОВАНІЕ.

ГЛАВА 7.

Не судѝте, да не судимы будете;

2. ибо, какимъ судомъ суди́те, *такимъ* будете судимы: и какою мѣрою мѣрите, *такою* и вамъ будутъ мѣрить.

3. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?

4. Или, какъ скажешь брату твоему: «дай, я выну сучекъ изъ глаза твоего»; а вотъ, въ твоемъ глазѣ бревно?

5. Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, *какъ* вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.

6. Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобъ онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ.

7. Просѝте, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ;

8. ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ.

9. Есть ли между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подалъ бы ему камень?

10. и, когда попроситъ рыбы, подалъ бы ему змѣю?

11. Итакъ, если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ нашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него.

12. Итакъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки.

13. Входите тѣсными вратами; потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими;

14. потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ.

15. Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные;

16. по плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы?

17. Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые:

18. не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

19. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь.

20. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.

21. Не всякій, говорящій Мнѣ: «Господи! Господи!», войдетъ въ Царство Небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго.

22. Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: «Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили?»

23. И тогда объявлю имъ: «Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе».

24. Итакъ всякого, кто

14. Седьмая глава Евангелия от Матфея – ключ к шифру ЦК РСДРП.

Но это была только предпоследняя точка в затянувшейся межфракционной борьбе. Последнюю поставила русская полиция. Через день (9 февраля 1905 года) весь состав ЦК (кроме Любимова и Красина) был неожиданно арестован на той же квартире и отправлен в Таганскую тюрьму. А письмо цекистов, дойдя до Женевы, осело в меньшевистском архиве и только в 1931 году увидело свет. Мы не знаем даже, был ли Ленин официально проинформирован о своем исключении из ЦК, или меньшевики предпочли промолчать об этом. Их позиции в Центральном комитете оказались полностью подорваны. А уцелевшие Красин и Любимов пошли на прямой контакт с БКБ. Можно лишь предположить, что Ленин был все же в курсе событий. Ибо до самого конца он не верил в договор ЦК и БКБ, предполагая очередные козни своих политических противников.

Что же касается шифра для связи ЦК и ЦО, то самым вероятным временем его появления можно считать сентябрь 1904 года. Помимо всего прочего тогда же «евангелическим ключом» от Матфея переписывался со своими товарищами член ЦК Красин. Только употреблял он для этого 18-ю главу (293). Нетрудно допустить, что подобный шифр имел хождение среди других членов Центрального комитета РСДРП.

Продолжали его «эксплуатировать» и большевики. В том же феврале 1905 года из Женевы в Россию выехал эмиссар Ленина Владимир Бонч-Бруевич (дядя Том) с целью объезда местных партийных комитетов. Ключом к личному шифру он выбрал седьмую главу «Евангелия от Марка». Однако вскоре он был скорректирован. 11 марта член БКБ Гусев сообщил Крупской в Женеву новый ключ «дяди Тома» – пятую главу того же самого Евангелия. Причину замены мы найдем в перехваченном полицией письме Гусева к самому Бонч-Бруевичу:

> «Очень просим дядю Тома не пользоваться теми адресами, которые он дал в день отъезда…: они все потеряны, и пока неизвестно, в какие руки попали… Кроме того, следует изменить вам ключ. Пусть он будет тот же, только из цифры вычесть два. О перемене ключа напишу за границу» (294).

За время своего вояжа «дядя Том» посетил Петербург, Тверь, Тулу, Москву, Ростов и Харьков. Именно в Харькове его застало письмо Гусева, и совсем не случайно большевик А. Санин (член Харьковской большевистской группы) начал шифровать свои письма к Крупской по пятой главе «Евангелия от Марка». Его передал ему Бонч-Бруевич, внесший корректировку в свой прежний шифр.

До сих пор нам встречались «евангелические ключи» по фиксированным главам. Однако в переписке БКБ и Кавказского «Союзного комитета РСДРП» была задействована уже вся книга. В начале каждой новой шифрзаписи дробью указывалась используемая в данном случае глава. При этом числитель обозначал порядковый номер евангелиста, а знаменатель главу.

В большевистском архиве сохранилось одно из таких писем кавказцев с неразобранной ранее криптограммой:

> «Адрес для денег 1/10 6/5 6/2 3/1 3/3 1/5 21/6 12/1 12/2 27/1 26/3 3/3 8/4 5/1 19/1 19/5 16/1 ул., д. № 33/7 39/6 39/1 37/2 8/4 2/1 9/2 5/1 7/4 6/5 15/3 9/5 9/2 6/5 39/8 39/9 17/3 12/14 1/3 20/1 22/1 2/2 1/7 2/4 27/3 18/4 9/1 2/3 9/18 10/4 17/5 19/5 20/2 20/3 12/2 4/4 6/2» (295).

Первая дробь криптограммы указывает ключ – «Евангелие от Матфея» и его десятую главу. Адрес так же легко разбирается: «*Тифлис, Авчальская ул., д. № шестьдесят третий, Т/а/ри Ивановне Зурабовой*».

Известно, что по адресу «Тифлис, Авчальская 55» в 1904/1905 годах находилась конспиративная квартира тифлисских большевиков, хозяйкой которой была член Кавказского союзного комитета Нина Аладжалова. И близость домов №55 и №63, конечно, не случайна. Адрес Зурабовой являлся подставным и прикрывал большевистского секретаря. Сама Аладжалова оставила краткие мемуары, некоторые страницы которых полезны и для нас:

> «В январе 1905 года я была введена в состав Кавказского союзного комитета и выполняла обязанности секретаря… В круг моих секретарских обязанностей входила… шифровка… писем… На моей этажерке среди книг находилось Евангелие, 17-я глава которого служила ключом к зашифрованным письмам. Письма писались молоком или лимонным соком… Моя комната на Авчальской улице, 55, была местом явок, встреч товарищей» (296).

К моменту написания воспоминаний Аладжалова уже плохо помнила подробности своего шифра – главы были не фиксированные, а переменные. А упомянутая в ее письме Т. И. Зурабова очевидно была родственницей (а возможно, и женой!) известного на Кавказе большевика Аршака Зурабова. Именно он ввел Нину Аладжалову в революционное движение, она была его близкой помощницей и даже жила некоторое время на его тифлиской квартире. В январе 1905 года Зурабов был арестован, но его семья продолжала обитать в Тифлисе.

Используемый в начале для переписки с БКБ, находящимся в Петербурге, «евангелический ключ» Кавказского союзного комитета вскоре получил более широкое распространение. После III съезда РСДРП он стал частью конспиративной переписки Кавказа и Заграничного бюро ЦК РСДРП. У Крупской он проходил как «ключ Алеши-Тамарина» – Алексея Джапаридзе, делегата Лондонского съезда.

Продолжало «Евангелие» использоваться и в переписке Кавказа с русским бюро ЦК. Так, сохранившаяся адресная книжка ЦК РСДРП приводит шифр для писем Баку и Тифлиса: ««Евангелие», числитель – Евангелист, знаменатель – глава» (297). Кроме этих двух городов тем же шифром переписывались Кутаиси и Чиатури. Можно утверждать, что все комитеты, входящие в состав «Кавказского союза РСДРП», употребляли для внешних сношений единый шифр. Более того, через Кавказ «евангелический ключ» оказался даже у социал-демократов далекого Ташкента! (298). Интересно, что в Ташкенте некоторое время жили известные грузинские меньшевики братья Шендриковы. Возможно, через их связи началось общение Кавказа и Средней Азии.

Тот же «евангелический ключ» применялся в переписке русской части ЦК с социал-демократами Двинска и Иркутска (297). Одним словом этот вид шифра имел широчайшую географию от Сибири и Средней Азии до Кавказа и Женевы. Только сохранившиеся письма социал-демократов содержат 18 случаев употребления для их зашифровки «Нового завета». «Евангелием» широко пользовались и рядовые революционеры, и представители партийных верхов.

Но надежность подобного шифра была не высокая. «Святое евангелие» было давно на подозрении жандармских криптоаналитиков. И простой перебор его глав и стихов зачастую приводил к закономерному провалу указанных шифров. Однако притягательность их была настолько велика, что «Евангелие» стало неизменным атрибутом многих нелегальных организаций буквально всех времен. Вот, например, еще один случай – занимательный и неожиданный.

В 1919 году советскими чекистами был разгромлен контрреволюционный «Национальный центр», тесно связанный с Добровольческой армией генерала Деникина. У арестованного в Москве офицера Мартынова была изъята бумажка с изложенным в ней шифром заговорщиков: «Возьмите русское Евангелие от Луки, главу 11 (где «Отче наш») – текст пишется цифрами в два и три цифровых знака; справа всегда означает порядок буквы в стихе, а остальные цифры означают номер стиха. Так, например: 311, 26, 46, 41, 311, 54 означает 1-ая буква в 31 стихе – Ц; 6-ая буква во 2-ом стихе – А и т.д.; все слово означает «царица»» (299).

Вероятно бывшим подпольщикам, а теперь чекистам, было любопытно ознакомиться с контрреволюционным шифром и вспомнить свои нелегальные будни при царском самодержавии.

Глава десятая

Книжные шифры

Теперь известно, что еще на заре своей революционной деятельности молодой Владимир Ульянов начал использовать в нелегальной переписке книжные шифры. Весь период «Союза борьбы» и последующей сибирской ссылки он отдавал им несомненное предпочтение. Однако с началом издания «Искры» подобные ключи были отвергнуты. Несмотря на высокую надежность, книжные шифры оказались весьма неудобны в складывающейся тогда обстановке. Ведь речь шла о налаживании регулярной переписки между Европой и Россией для десятков корреспондентов. И было просто немыслимо вывезти из страны целую библиотеку шифровальных книг или найти нужные издания за рубежом. Ленин и Мартов это прекрасно сознавали. Еще в апреле 1902 года В. Ульянов жаловался в одном из своих писем к матери, что испытывает недостаток русских книг в Германии (300).

В этом и заключается основная причина того, что мы знаем лишь единичные случаи, когда по прямой инициативе заграничных центров уславливались какие-либо книжные ключи. Обычно они назначались революционерами из самой России. Поэтому в начале становления «Искры» их известно очень и очень мало.

В октябре 1901 года Плеханов сообщил в Мюнхен, что ему «передали адрес для переписки с Николаевом и шифр». Речь шла о комитете РСДРП в южном городе России, искавшем связи с редакцией «Искры». 19 октября Надежда Крупская проинформировала об этом искровского агента Конкордию Захарову: «Вот адрес в Николаев… Ключ: биография Спинозы… Кстати, пришлите поскорей обе книги, указанные в тексте» (301). Имелись в виду биографические издания о Г. Ибсене и Б. Спинозе, которые Крупская упоминала в «скелете» своего химического письма. Но уже 31 октября «Катя» поправляется: «Если ты еще не послала биографию Ибсена, то ее больше не надо, пришли только Спинозу» (302). Из сказанного ясно, что искровский секретарь не сумела разыскать нужную книгу в Германии и просила россиян выслать ее в Мюнхен. В ответ «Тодорка» уточняет страницу ключевой книги. И, наконец, 19 ноября (через месяц непрерывной переписки) Крупская ставит здесь последнюю точку:

«Снеситесь с Николаевом… Ключ: биография Спинозы, стр. 60» (303).

Имелся в виду очерк Герасима Паперна «Спиноза. Его жизнь и философская деятельность», выпущенный в биографической серии знаменитого Флорентия Павленкова. Его издания пользовались в России невиданной популярностью, имели огромные по тем временам тиражи и низкие цены (что особенно привлекало «нищих» подпольщиков). Брошюры издавались в удобном карманном формате. Не удивительно, что они очень часто фигурируют в письмах революционеров как ключи к их конспиративной переписке.

Например, в январе 1902 года через Инну Смидович Харьковский комитет РСДРП установил в качестве шифра биографию Льва Толстого (304).

Но весенние погромы «Искры» и «Южного Рабочего» порвали тонкую нить связи Харькова и Мюнхена. Летом 1902 года харьковчане повторили свою попытку: «Вообще комитет желает завести правильные сношения, прежние связи утеряны… Шифр предлагает комитет лимоном по «Спинозе», биографическое издание Павленкова, указывать страницу цифрой, а потом дробью: числитель обозначает строку сверху, знаменатель – букву от левой стороны» (305).

Все приведенные выше примеры инспирированы были не искровскими комитетами партии и имели единичный характер. Основным шифром по-прежнему оставался стихотворный. И перелом в этой негативной тенденции принадлежит Глебу Кржижановскому, руководителю «Русской организации «Искры»». Только осенью 1901 года он непосредственно вошел в «искровскую конспирацию». Это было трудное время для его ближайших друзей Ленина и Мартова. Среди искровцев неожиданно пошли трения и расхождения по организационным вопросам построения «Искры». Недовольные постоянными указаниями заграничных редакторов, южные искровцы стремились всячески ограничить роль Ленина и Мартова, оставив в их ведении только подготовку газетных номеров. Вдохновителями этих планов оказались Леон Гольдман и Виктор Крохмаль – революционеры, не из числа близких к Ленину.

Понимая всю важность немедленного создания в самой России формального искровского центра, он в то же время не мог доверить его руководство лично не преданным искровским идеям революционерам. Появление в Мюнхене Глеба и Зинаиды Кржижановских как никогда оказалось своевременным. Возвращение «Суслика-Грызунова» к подпольной деятельности явилось поворотом в создании российской искровской организации.

«За время его пребывания за границей, – говорится в докладе редакции II съезду партии, – с ним велось также много разговоров на тему о необходимости создать в России «Организацию «Искры»», в беседах с ним развивались организационные планы «Искры»».

Прибыв в Мюнхен в начале сентября, Кржижановские через месяц убыли на родину. Путь их лежал в Самару, где, по согласованию с Лениным, решено было обосновать штаб-квартиру будущей организации. Выбор этого провинциального города далеко не был случайным. Кржижановским временно запрещалось проживание в крупных промышленных центрах и университетских городах России. Самара в число их не входила. К тому же сам Глеб родился и долго жил в этом городе, сохранив в нем многочисленные личные связи. То же самое касалось и Владимира Ульянова. В Самаре находились его мать и младшая сестра Мария. Высланная из Москвы, она работала статистиком в губернской управе и входила в местную искровскую группу. В ней же числились Конрад Газенбуш и Фридрих Ленгник, прекрасно известные Ленину и Крупской.

Самара являлась крупным транспортным центром страны, связывающим Западную и Восточную части России. В то же время в глазах политической полиции она ничем особенным не выделялась. Казалось, что это был удачный выбор искровцев.

В конце 1901 года чета Кржижановских окончательно осела в Самаре. Благодаря протекции Ленгника, служившего на Самаро-Златоустской железной дороге, Глеб Кржижановский с 15 января 1902 года был зачислен туда же помощником начальника местного депо. 30 января З. Кржижановская сообщила в Мюнхен о создании «Центрального комитета «Искры»». В исторической литературе он больше известен как «Самарское бюро русской организации «Искры»». Ближайшей задачей нового центра стало осуществление плана: «разъехаться в разные места: 2 – на юг, 2 – в среднюю полосу России, 4 – на Восток, 2 – летучие агенты, один на Севере» (306). Для координации действий были выбраны секретарь Самарского бюро Зинаида Кржижановская и ее помощница Мария Ульянова.

Комментируя этот список, историки давно установили его персональный состав. На юге должны были работать Фридрих Ленгник и Дмитрий Ульянов. В средней полосе – Егор Барамзин и Глафира Окулова. На Востоке – Василий Арцыбушев, Кржижановские и Мария Ульянова. Разъездными агентами становились Иван Радченко и Михаил Сильвин. На севере работал Пантелеймон Лепешинский. Все эти революционеры были старыми товарищами, объединенными годами совместной работы в Петербурге и сибирской ссылки. Январь 1902 года стал месяцем основания «Организации «Искры»».

Создание российского ЦК «Искры» совпало с массовыми погромами социал-демократов на юге. Жандармы ликовали, не предполагая, что своими действиями разрешили очередную искровскую проблему. Первоначально, как это нам уже известно, Кржижановский переписывался с редакцией «Искры» по стихотворению Надсона «Друг мой, брат мой». Другой видный искровец Ленгник общался с мюнхенским центром по тексту известной революционной песни «Вековые устои» (Вековые устои качнулись, Пошатнулся старинный уклад, С тех пор как от сна мы проснулись И сбросили старый наряд). Обладавший красивым голосом Ленгник часто пел ее в Сибири своим товарищам (307). Конрад Газенбуш писал за границу по стихотворению Некрасова «Калистрат». Таким образом, на этапе становления «Самарского бюро» его членами были использованы привычные стихотворные шифры. Все указывает на то (вопреки мнению историков), что при отъезде из Сибири между Лениным и его товарищами не было условлено определенных шифров на будущее. О них им пришлось затем специально договариваться. Это значит, что и планов определенных еще тоже не было. Ведь литературная тройка в лице Ульянова, Мартова и Потресова окончательно приступила к действиям только в Пскове.

Весна 1902 года принесла искровцам немалые огорчения – погромы на юге, аресты в Белостоке и провал Дана, разгром «Северного союза»… Неладное Кржижановские ощущали и в Самаре. Они, разумеется, не знали, что часть их переписки попала под контроль жандармов, а шифр «Друг мой» стал известен полиции. За совладельцем кирпичного завода в Самаре Иваном Рябовым, адрес которого подпольщики использовали для конспиративной переписки, было установлено тайное наблюдение. Велось оно силами филерского летучего отряда, прибывшего из Москвы.

Из телеграммы Л. Ратаева – С. Зубатову:

> «Благоволите … предложить филерам в Самаре учредить тщательное осторожное наблюдение Иваном Ефремовым Рябовым, Молоканский сад, дача четыре. Желательно выяснить, кто через него получает заграничную корреспонденцию. Дело очень важное» (308).

Кропотливая слежка приносит свои плоды. Среди многочисленных знакомых Рябова филеры отметили негласно поднадзорных Глеба Кржижановского с супругой и девицу Марию Ульянову. Жандармы сразу вспомнили, что еще в отчетах Меньшикова по делу «Северного союза» всплывала фамилия некоего Кржижановского, «по-видимому, крупного революционного работника» (309). Выводы были сделаны незамедлительно.

12 апреля 1902 года Кржижановский писал в редакцию «Искры»: «За нами за всеми отчаянно следят, и во многих случаях мы, увы, оказались не на высоте положения. Опыт показывает, что, чтобы что-нибудь сделать под нашей фирмой, надо быть прямо гением конспирации» (310).

Самым слабым звеном любого тайного общества во все времена оставались письменные связи. И Кржижановский понимал это отчетливо. Не прекращающееся полицейское наблюдение заставляло самарцев

кардинально менять принципы нелегальной переписки. И незамедлительно. Уже 7 мая 1902 года Зинаида Кржижановская сообщила в Лондон:

> «Вот новый способ для переписки: писать 1% спиртовым раствором В-нафтола; чистить резинкой. Для проявления растворить немного паранитранилина в разведенной соляной и серной кислоте, прибавить туда несколько капель раствора азотисто-натриевой или азотисто-калиевой соли и тотчас по приготовлении влить эту смесь в большой объем крепкого раствора уксуснонатриевой соли» (311).

Через неделю следует новое решение Самары:

«Надо переменить ключ, возьмем 150 стр(аницу) книги, которая у вас была в Сибири» (312). Имелась в виду книга Плеханова (Волгина) «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова» (СПб., 1896 год). Это был прямой возврат к старому испытанному шифру.

А еще через 10 дней Зинаида Кржижановская внесла последнее новшество:

«Мы бесконечно давно не имеем от вас никаких писем, дорогие друзья! Приходится предположить, что они не доходят до нас… Это нас крайне тревожит, надо изобретать другие способы переписки. Присылайте нам какой-нибудь английский журнальчик невинного характера, или детский еще лучше, способ писанья меняется также» (313).

И, наконец, 31 мая 1902 года последовал ответ редакции «Искры»:

> «1) Перво-наперво дайте новый адрес или еще лучше два (ибо по обоим старым письма пропадают), на которые бы мы могли бы посылать какой-нибудь еженедельный журнал (технический, ветеринарный, модный и пр.). Тогда вы будете получать наши письма регулярно каждую неделю…
>
> 2) Будем употреблять новый шифр, присланный вами в письме 15.05.
>
> Вы шифруете очень плохо, постоянно употребляете одни и те же знаки, жандармам прочитать такое письмо нет ничего легче.
>
> 3) Новый способ переписки получили, но не можем пока его употреблять, так как в здешних магазинах нет одного вещества, пришлось выписывать» (314).

Итак, в течение одного месяца «Самарское бюро» изменило все – шифр, «химию», способ переписки. Нам неизвестно насколько эффективны были «нафтоловые чернила». Во всяком случае, полиция знала их секрет из перлюстрированной переписки искровцев. Но книжному шифру Кржижановского (Клера, Смита, Суслика, Грызунова) и его товарищей можно посвятить немало любопытных страниц. Предыстория его нам уже хорошо знакома. Помимо «Грызуновых», ключ по книге Плеханова начал использовать Фридрих Ленгник, так же в свое время писавший им Владимиру Ульянову из Тесинского в Шушенское. С сентября 1902 года он окончательно обосновался в Киеве для разворачивания деятельности Организации «Искры» на юге России. Ключом к его шифру продолжала служить 150 страница «Волгина».

Однако оставшиеся в Самаре Кржижановские в конце октября изменили параметры шифра: «Наш ключ теперь стр. 200» (315). Ленгник этого не знал. 6 ноября 1902 года он писал в Лондон по поводу прошедшего в Пскове совещания нового Оргкомитета:

> «Вам, вероятно, сообщили уже подробно о положении дел в ОК. К сожалению, Клеры не присутствовали. Нужно употребить все меры, чтобы немедленно вытащить их на сцену. Они должны обязательно опять заведовать бюро. В этом их никто заменить не может … Употребите свое влияние, чтобы Клеров поскорее мобилизовать. От этого зависит страшно много… К сожалению, я не получаю от них уже два месяца писем, боюсь, что у них опять лопнул адрес для писем» (316).

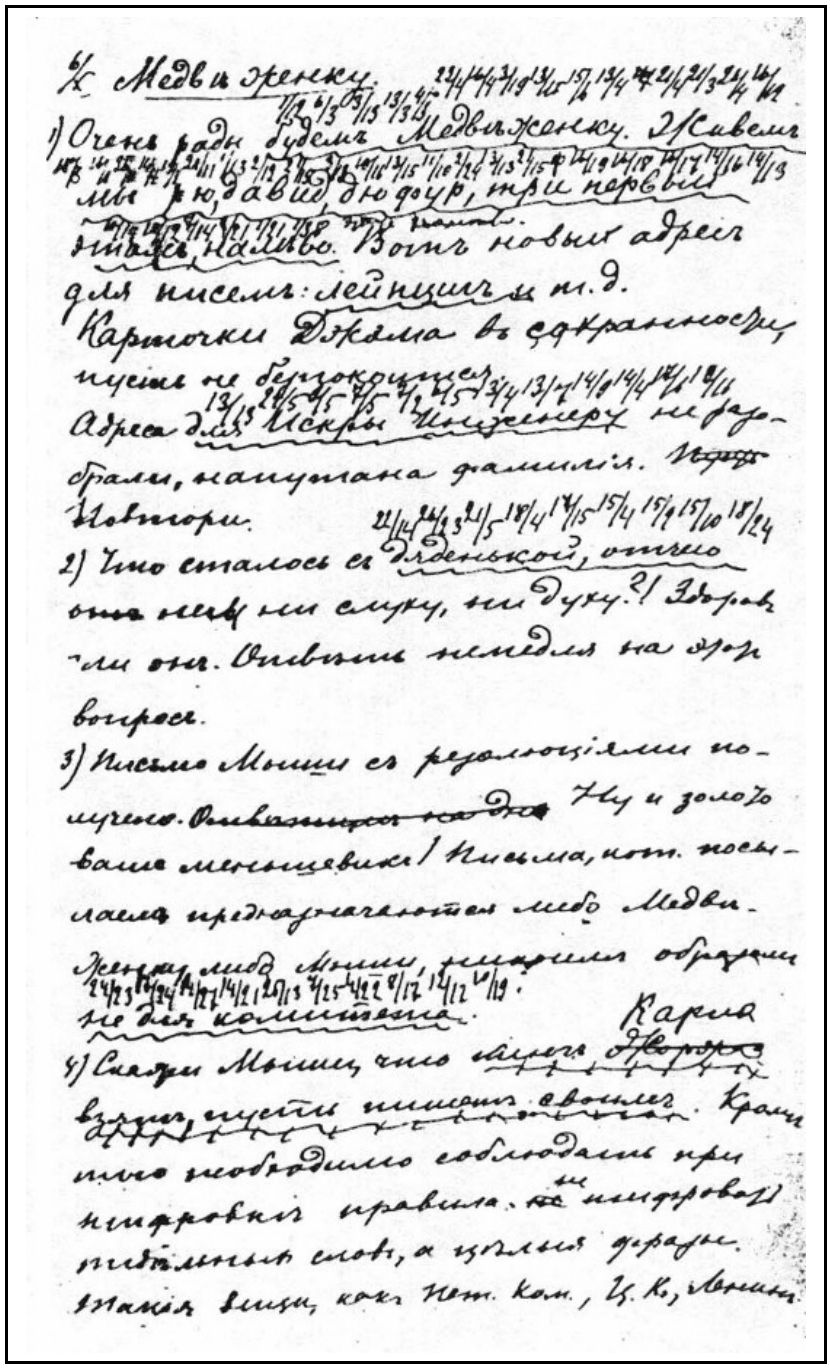
Это очень важный момент в истории шифра по книге Плеханова. Отныне ключ раздвоился. Шифр по 200-й странице известен как «ключ Даши» – по конспиративному названию Самарского бюро.

Он получил широкое распространение, особенно после II съезда РСДРП - в момент обширного партийного кризиса. Вплоть до конца 1905 года «ключом Даши» переписывались, помимо Кржижановских, Мария Ульянова, Прасковья Лалаянц, Розалия Землячка, Лидия Книпович.

Сохранилось восемь писем, перекрытых по 200-й странице «Волгина». Кроме того, имеются многочисленные упоминания этого ключа в самых разных контекстах. Например, в письме Л. Книпович к Н. Крупской (февраль 1905 года, Одесса): «Мне пишите теперь ключом Даши, а ключ Тани я передаю теперь Апполинарии. Мне писать одним ключом с ней нельзя, так как если этот ключ будет известен Осипу Ивановичу, то до меня не дойдет ни одно письмо. Здесь утвердились очень патриархальные нравы: к кому письмо попало, тот и прочел, а там и забыл о нем, и одно спасение в том, что ключ неизвестен, тогда ищут источника» (317).

О «ключе Даши» идет речь и в письме Н. Крупской от 20 августа 1905 года к З. Кржижановской (Чайке) в Киев:

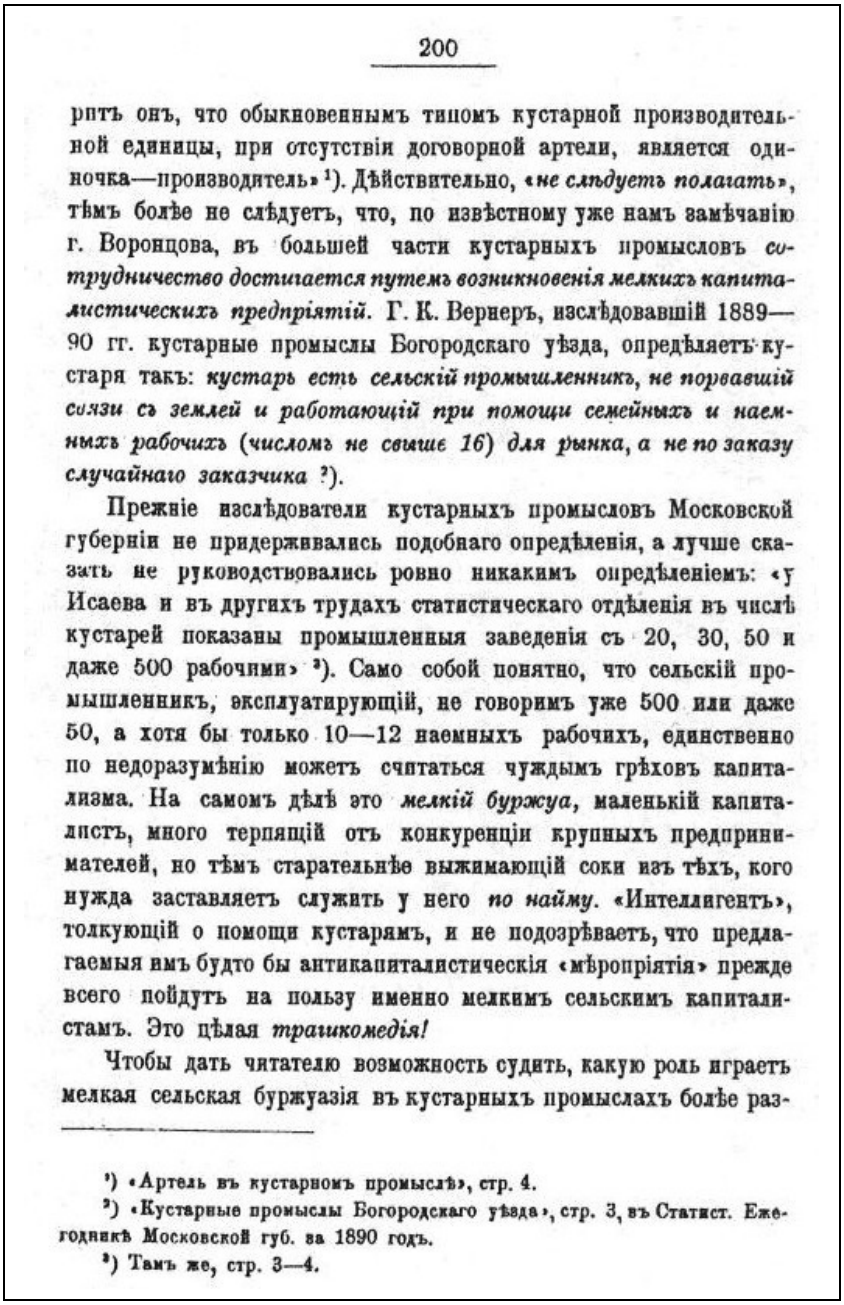
«Нам сообщили, что ЦК поручил Чайке организовать Южное бюро… Напишите, поэтому немедля ключом Даши = (200) представляете ли Вы из себя бюро или нет» (318).



15. Письмо Н.Крупской к М. Ульяновой в Петербург от 6 октября (23 сентября) 1904 года.

Черновик послания демонстрирует, как производилась зашифровка текста.

Ключ к шифру – 200-ая страница книги Г. Плеханова (Волгина).



200

рнтъ онъ, что обыкновеннымъ типомъ кустарной производительной единицы, при отсутствіи договорной артели, является одиночка—производитель»[1]). Дѣйствительно, «*не слѣдуетъ полагать*», тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, что, по извѣстному уже намъ замѣчанію г. Воронцова, въ большей части кустарныхъ промысловъ *сотрудничество достигается путемъ возникновенія мелкихъ капиталистическихъ предпріятій*. Г. К. Вернеръ, изслѣдовавшій 1889—90 гг. кустарные промыслы Богородскаго уѣзда, опредѣляетъ кустаря такъ: *кустарь есть сельскій промышленникъ, не порвавшій связи съ землей и работающій при помощи семейныхъ и наемныхъ рабочихъ* (*числомъ не свыше 16*) *для рынка, а не по заказу случайнаго заказчика* [2]).

Прежніе изслѣдователи кустарныхъ промысловъ Московской губерніи не придерживались подобнаго опредѣленія, а лучше сказать не руководствовались ровно никакимъ опредѣленіемъ: «у Исаева и въ другихъ трудахъ статистическаго отдѣленія въ числѣ кустарей показаны промышленныя заведенія съ 20, 30, 50 и даже 500 рабочими» [3]). Само собой понятно, что сельскій промышленникъ, эксплуатирующій, не говоримъ уже 500 или даже 50, а хотя бы только 10—12 наемныхъ рабочихъ, единственно по недоразумѣнію можетъ считаться чуждымъ грѣховъ капитализма. На самомъ дѣлѣ это *мелкій буржуа*, маленькій капиталистъ, много терпящій отъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей, но тѣмъ старательнѣе выжимающій соки изъ тѣхъ, кого нужда заставляетъ служить у него *по найму*. «Интеллигентъ», толкующій о помощи кустарямъ, и не подозрѣваетъ, что предлагаемыя имъ будто бы антикапиталистическія «мѣропріятія» прежде всего пойдутъ на пользу именно мелкимъ сельскимъ капиталистамъ. Это цѣлая *трагикомедія!*

Чтобы дать читателю возможность судить, какую роль играетъ мелкая сельская буржуазія въ кустарныхъ промыслахъ болѣе раз-

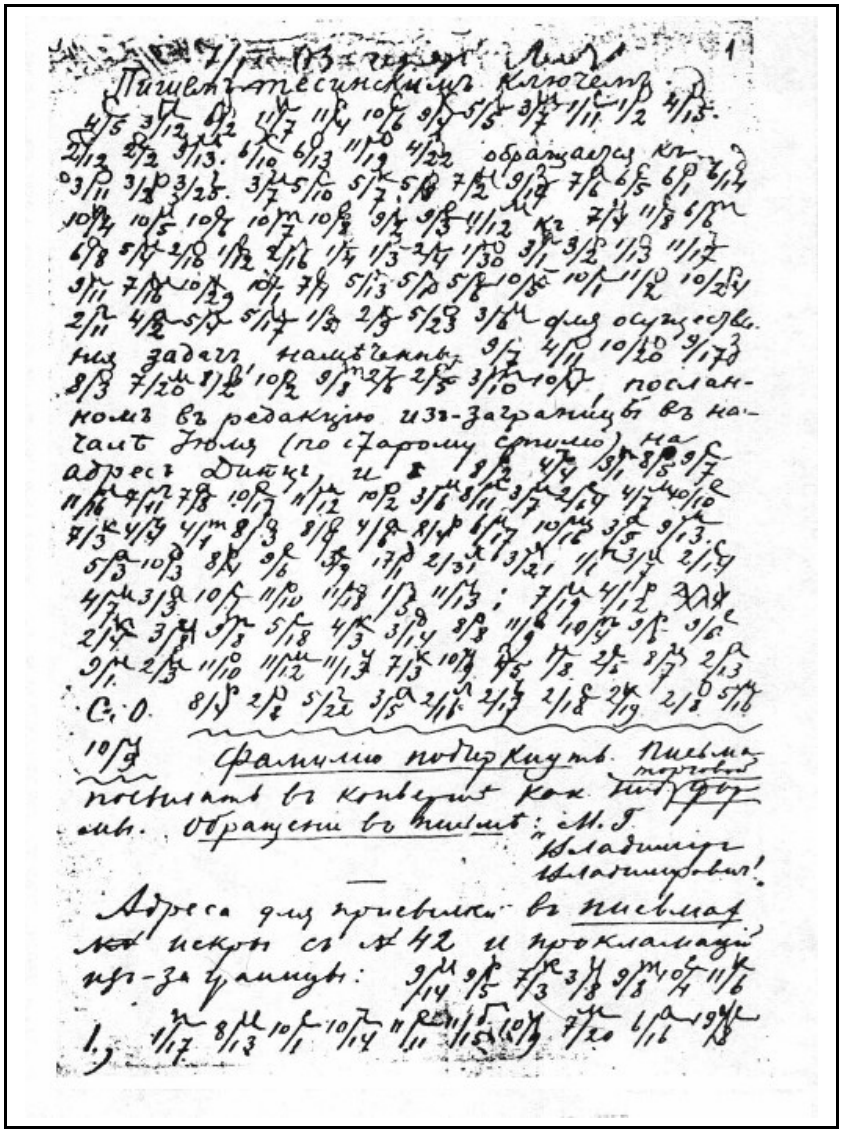
[1]) «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 4.

[2]) «Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда», стр. 3, въ Статист. Ежегодникѣ Московской губ. за 1890 годъ.

[3]) Тамъ же, стр. 3—4.

16. 200-ая страница книги Г. Плеханова (Волгина) стала известна как «ключ Даши» - Самарского бюро русской организации «Искры».

Особенно интересна другая ветвь шифра – по 150-й странице «Волгина». Ею, как мы уже знаем, продолжал пользоваться поселившийся в Киеве «Кол» – Фридрих Ленгник. В феврале 1903 года в Харькове состоялось заседание Оргкомитета, где серьезно болевший искровец сдал свои полномочия и выехал в Сибирь. Очевидно именно через «Кола» в комитеты Сибирского союза РСДРП попал для обсуждения «Проект устава съезда РСДРП», утвержденный в Харькове. Переписка Ленгника и Крупской совершенно замерла. Поэтому мы очень немного знаем об этой поездке и ее причинах. Сам Ленгник оставил весьма краткие воспоминания о своей бурной молодости. Доподлинно известно одно: весной 1903 года «Кол» очутился в Сибири, а к августу вернулся в Самару, где его застало известие о выборе в состав Центрального комитета партии.



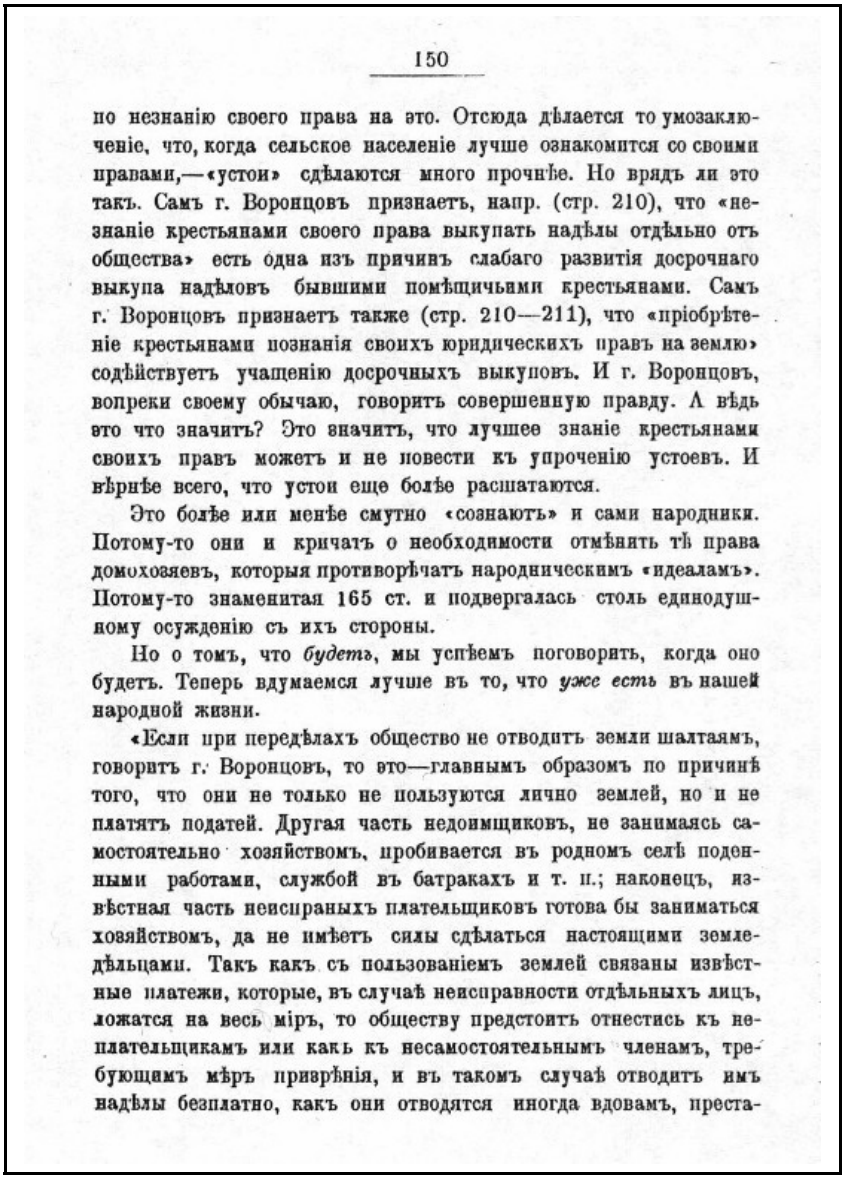
17. Первая страница письма Сибирского союза РСДРП к редакции «Искры»

от 29 (16) августа 1903 года.

Зашифровано «Тесинским ключом» - 150-ой страницей книги Плеханова (Волгина).

Но вот, что самое любопытное – тем же летом была налажена интенсивная переписка редакции «Искры» с «Сибирским социал-демократическим союзом», обосновавшимся в Иркутске и координирующим работу марксистского подполья в Сибири. И вся его обширная корреспонденция перекрыта «Тесинским ключом»! Им была все та же 150-ая страница книги Плеханова-Волгина. Первое из писем «Союза» датировано 16 августа 1903 года. Еще не зная о прошедшем съезде партии, сибиряки писали:

«10/1 11/10 1/10 1/5 11/7 9/4 9/16 7/20 3/7 2/7 5/6 6/11 11/16 просят редакцию «Искры» напечатать прокламацию Союза с заявлением о солидарности и признании ее руководящим органом» (318). Криптограмма читается согласно «Тесинского ключа» (на что прямо указывает автор письма) как «*Союз и комитеты*»…



150

по незнанію своего права на это. Отсюда дѣлается то умозаключеніе, что, когда сельское населеніе лучше ознакомится со своими правами,—«устои» сдѣлаются много прочнѣе. Но врядъ ли это такъ. Самъ г. Воронцовъ признаетъ, напр. (стр. 210), что «незнаніе крестьянами своего права выкупать надѣлы отдѣльно отъ общества» есть одна изъ причинъ слабаго развитія досрочнаго выкупа надѣловъ бывшими помѣщичьими крестьянами. Самъ г. Воронцовъ признаетъ также (стр. 210—211), что «пріобрѣтеніе крестьянами познанія своихъ юридическихъ правъ на землю» содѣйствуетъ учащенію досрочныхъ выкуповъ. И г. Воронцовъ, вопреки своему обычаю, говоритъ совершенную правду. А вѣдь это что значитъ? Это значитъ, что лучшее знаніе крестьянами своихъ правъ можетъ и не повести къ упроченію устоевъ. И вѣрнѣе всего, что устои еще болѣе расшатаются.

Это болѣе или менѣе смутно «сознаютъ» и сами народники. Потому-то они и кричатъ о необходимости отмѣнить тѣ права домохозяевъ, которыя противорѣчатъ народническимъ «идеаламъ». Потому-то знаменитая 165 ст. и подвергалась столь единодушному осужденію съ ихъ стороны.

Но о томъ, что *будетъ*, мы успѣемъ поговорить, когда оно будетъ. Теперь вдумаемся лучше въ то, что *уже есть* въ нашей народной жизни.

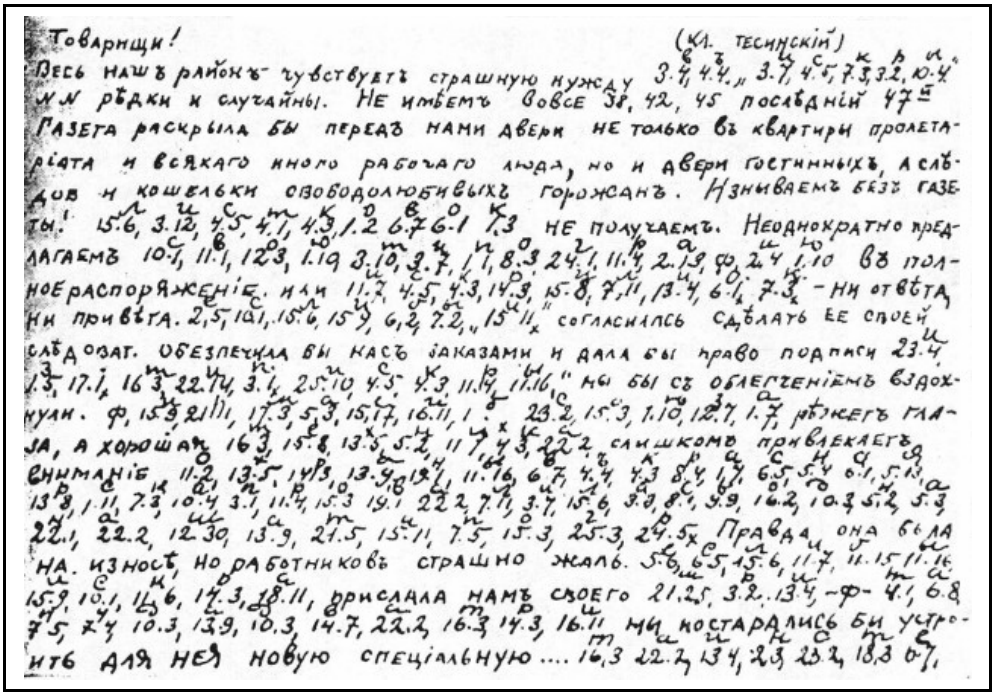
«Если при передѣлахъ общество не отводитъ земли шалтаямъ, говоритъ г. Воронцовъ, то это—главнымъ образомъ по причинѣ того, что они не только не пользуются лично землей, но и не платятъ податей. Другая часть недоимщиковъ, не занимаясь самостоятельно хозяйствомъ, пробивается въ родномъ селѣ поденными работами, службой въ батракахъ и т. п.; наконецъ, извѣстная часть неисправныхъ плательщиковъ готова бы заниматься хозяйствомъ, да не имѣетъ силы сдѣлаться настоящими земледѣльцами. Такъ какъ съ пользованіемъ землей связаны извѣстные платежи, которые, въ случаѣ неисправности отдѣльныхъ лицъ, ложатся на весь міръ, то обществу предстоитъ отнестись къ неплательщикамъ или какъ къ несамостоятельнымъ членамъ, требующимъ мѣръ привѣнія, и въ такомъ случаѣ отводитъ имъ надѣлы безплатно, какъ они отводятся иногда вдовамъ, престa-

18. 150-ая страница книги Г. Плеханова (Волгина)

вошла в историю искровского подполья как «Тесинский ключ»

Здесь сходится все – место ссылки Ленгника (село Тесинское), его поездка в Сибирь, одинаковая страница шифркниги. Очевидно, что случайность отпадает – Ленгник прямо вошел в контакт с лидерами «Сибирского союза». Конечно, такие связи поддерживались и ранее. Вспомним, что бежавший осенью 1902 года при помощи иркутян Лев Бронштейн (Троцкий) прямиком явился в Самаре к Глебу Кржижановскому. Интересны следующие его воспоминания: «В Иркутске проездом получил явки в Самару, может быть, впрочем, и в Киев к товарищу Ленгнику, от которого уже попал в Самару к Кржижановскому. Это было главное русское бюро организации “Искры”». Получается, что Ленгник поддерживал связи с сибиряками задолго до своего визита к ним.

Однако сношения революционеров были эпизодичны. И даже энергичный Троцкий их не расшевелил. Заслуга в этом принадлежит Ленгнику. Именно он передал «Сибирскому союзу» свой личный шифр и указал его название: «Тесинский». Это был своего рода пароль, с помощью которого Надежда Крупская мгновенно поняла и сам шифр, и способ, которым сибиряки его получили.



Товарищи! (Кл. Тесинскій)

Весь нашъ районъ чувствуетъ страшную нужду 3.4, 4.4, „3.7, 4.5, 7.3, 3.2, 10.4" NN рѣдки и случайны. Не имѣемъ вовсе 38, 42, 45 послѣдній 47-й. Газета раскрыла бы передъ нами двери не только въ квартиры пролетаріата и всякаго иного рабочаго люда, но и двери гостинныхъ, а слѣдов и кошельки свободолюбивыхъ горожанъ. Изнываемъ безъ газеты! 15.6, 3.12, 4.5, 4.1, 4.3, 1.2 6.7 6.1 7.3 не получаемъ. Неоднократно предлагаемъ 10.1, 11.1, 12.3, 1.19 3.10, 3.7, 1.1, 8.3 24.1, 11.4, 2.13, ф, 2.4 1.10 въ полное распоряженіе. или 11.7, 4.5, 4.3, 14.3, 15.8, 7.11, 13.4, 6.1, 7.3 – ни отвѣта ни привѣта. 2.5, 10.1, 15.6, 15.9, 6.2, 7.2, „15.11" согласились сдѣлать ее своей слѣдоват. Обезпечила бы насъ заказами и дала бы право подписи 23.4, 1.5, 17.1, 16.3, 22.14, 3.1, 25.10, 4.5, 4.3, 11.14, 11.16, мы бы съ облегченіемъ вздохнули. ф, 15.9, 21.11, 17.3, 5.3, 15.17, 16.11, 1. 23.2, 15.3, 1.10, 12.7, 1.7, рѣжетъ глаза, а хорошая 16.3, 15.8, 13.5, 5.2, 11.7, 4.3, 22.2 слишкомъ привлекаетъ вниманіе 11.2, 13.5, 14.3, 13.9, 19.1, 11.16, 6.7, 4.4, 4.3, 8.4, 1.7, 6.5, 5.4, 6.1, 5.13, 13.8, 1.11, 7.3, 10.4, 3.1, 11.4, 15.3, 19.1, 22.2, 7.11, 3.7, 15.6, 3.3, 8.1, 9.9, 16.2, 10.3, 5.2, 5.3, 22.1, 22.2, 12.30, 13.9, 21.5, 15.11, 7.5, 15.3, 25.3, 24.5. Правда она была на износѣ, но работниковъ страшно жаль. 5.6, 6.5, 15.6, 11.7, 11.15, 11.16, 15.9, 10.1, 11.6, 14.3, 18.11, прислала намъ своего 21.25, 3.2, 13.4, – ф – 4.1, 6.8, 7.5, 7.4, 10.3, 13.9, 10.3, 14.7, 22.2, 16.3, 14.3, 16.11 мы постарались бы устроить для нея новую спеціальную.... 16.3 22.2, 13.4, 2.3, 23.2, 18.3 6.7,

19. Письмо Сибирского союза РСДРП к редакции «Искры»,

написано ранее 7 ноября (25 октября) 1903 года.

Зашифровано «Тесинским ключом».

Возникнув в 1901 году с центром в Томске, «Союз» длительное время поддерживал рабочедельские взгляды и совсем не стремился к тесным контактам с искровцами. Ранняя история этой организации еще ждет своего исследователя. Более-менее подробные сведения о «Сибирском союзе» содержатся в воспоминаниях известного большевика Николая Баранского (родного брата Л. Радченко). Родом из Томска, он принимал деятельное участие в социал-демократическом движении родного города. С осени 1902 года Николай входил в «Сибирскую группу революционных социал-демократов», образованную в противовес «Сибирскому союзу». Но к январю 1903 года прежний лидер «Союза» Вальян Воложанинов вышел из его состава и руководство организацией было сосредоточено в Иркутске в руках Викентия Гутовского, страстного поклонника книги Ленина «Что делать?».

Впоследствии он войдет в историю под псевдонимом «Маевский» и трагически погибнет от рук колчаковцев. Коренной сибиряк, талантливый литератор и публицист, активный организатор подполья, истинный революционер. Однако, за свое меньшевистское прошлое Гутовский никогда не отмечался вниманием партийных историков, хотя и был правоверным сторонником «Искры». В июле 1903 года он провел в Иркутске общесибирскую конференцию социал-демократов, в работе которой от Томска принял участие Баранский. Состоялись ее заседания в доме Марии Цукасовой – видной иркутской подпольщицы и общественной деятельницы. Сам Гутовский именовал себя на конференции лишь агентом «Сибирского союза», всячески демонстрируя мощь своей организации. Хотя «Союз» к этому времени насчитывал всего несколько человек в Иркутске, Томске и Красноярске.

Между тем социал-демократическое подполье Сибири, опирающееся на обширную колонию ссыльных революционеров, все более попадало в сферу полицейского внимания. Усиливались репрессии. В ночь на 3 ноября 1903 года прокатились аресты в Иркутске. Среди двух десятков схваченных подпольщиков оказался и Викентий Гутовский. Его личный секретарь бывшая питерская курсистка Мария Лаврова срочно вызвала из Томска Баранского. В Иркутске ему объявили, что Гутовский был последним членом «Союза» и что он завещал Николаю восстановить организацию по связям, полученным от Лавровой. Подавленный такой «нечаевщиной» Баранский, тем не менее, успешно воссоздал «Сибирский союз». Центр его вновь обосновался в Томске.

Нам же теперь понятно, что именно Гутовский и его секретарь Лаврова получили от члена Оргкомитета Ленгника «тесинский ключ» и адреса для переписки с редакцией «Искры». С ноябрьскими арестами в Иркутске он был упразднен. Из всех шифров, исследуемых нами, «Тесинский ключ» был самым заслуженным. Он использовался свыше восьми лет совершенно разными революционерами (от В. Ленина до меньшевика В. Гутовского). И, тем не менее, историки ничего не знали о нем.

Изучение искровской переписки приводит нас к совершенно определенному выводу о том, что распространение книжных шифров было положено именно Самарским бюро «Искры» и близкими к нему социал-демократами. Вот только некоторые примеры:

1) Ноябрь 1902 года, Фридрих Ленгник из Киева – редакции:

> «Недавно виделся с одним из выпущенных воронежцев: они просят сообщить вам ключ для переписки: «Развитие капитализма…», произведение числителя на знаменатель первой дроби означает страницу названной книги, например 3/4 = 12-й странице, перед каждой переменой страниц должны стоять буквы Н.Ш. Со мной система та же, книга прежняя» (319).

Здесь «воронежцы» – члены «Северного рабочего союза». «Н.Ш.» – есть, очевидно «новый шифр», а «книга прежняя» – «Волгин»!

Из письма Ленгника следует важный вывод: в конце осени 1902 года он отказался от 150-й страницы книги Плеханова и перешел на переменнозначный ключ. Но руководителям Сибирского союза он дал свой старый шифр. Отсюда шло и его название как «Тесинский ключ», а не как, к примеру, «ключ Курца» (Ленгника). А значит, и сам Ленин шифровал в Сибири именно по 150-ой странице книги Плеханова.

Шифр по книге Ленина «Развитие капитализма в России» (СПб., 1899 год) подтвердил позднее член «Северного союза» Александр Стопани. Он еще более усложнил шифр: «С – переход к следующей странице, таблицы не считаются, каждый отдел с новой нумерации» (320).

Из воспоминаний другого видного члена «Северного союза» Михаила Багаева известно, что еще с 1901 года он переписывался с руководителем упомянутой организации Владимиром Носковым по книжным шифрам. Кроме того, при разгроме «Северного союза» весной 1902 года полиция предварительно перлюстрировала некоторую часть переписки тех же Багаева и Носкова, но шифр их разобрать не смогла. Все говорит за то, что уже с самого образования «Северного союза» его члены отдавали предпочтение именно книжным шифрам (321).

2) Ноябрь 1902 года, Мария Ульянова из Самары – редакции:

> «Был у нас очень ценный человек… Будет писать Вам… по 3-му тому «Капитала» без предисловия, по 10 букв на страницу» (322).

Как видим, уже с осени 1902 года в практику российских искровцев вошли переменнозначные книжные шифры. Но фиксированные страницы еще долгое время оставались в ходу.

3) Февраль 1903 года, Мария Ульянова из Самары – редакции:

> «Связались с Уфой… будут писать ключом Геркнер, 10-ая страница» (323).

Упомянутая книга Геркнера есть обширная монография немецкого экономиста Густава Геркнера «Рабочий труд в Западной Европе», изданная в Петербурге в 1899 году. Вся интрига этого шифра заключается в том, что автором русского перевода Геркнера был Юлий Мартов. В своих биографических «Записках социал-демократа» он вспоминал, что в туруханской ссылке «зарабатывал… взятым… из Питера переводом увесистого тома Геркнера «Рабочий вопрос»» (324).

Труд Геркнера действительно был увесистым – 551 страница убористого текста. Сохранилось и одно из писем уфимских марксистов, выполненное этим шифром:

> «Наш адрес… Уфа, Уфимское 1/6 5/3 3/5 3/2 3/12 3/1 6/2 7/1 1/8 4/3 1/27 4/2 1/13 3/1 3/14 3/15 3/1 3/2 5/3 1/2 4/2 4/3 6/3 4/4 4/8 1/27 1/8 3/2 4/2 7/2 1/27 7/6 3/7 5/5 1/27 4/3 4/4 3/2 3/1 6/2» (325).

При шифровке криптограммы были задействованы следующие семь строк 10-й ключевой страницы «Геркнера»:

1. того, распределение доходовъ въ высшей степени неравномерно
2. (65,30 % подвергнутыхъ обложению имеютъ доходъ ниже 80 мар.),
3. ни того, что низшие слои общества подвигаются вверхъ по лестнице
4. благосостояния гораздо медленнее, чем высшие.
5. Такую же неутешительную картину распределения доходовъ ри-
6. суютъ сметныя предположения относительно прусской дополнительной
7. подати, как доказываетъ нижеследующая таблица.

Согласно приведенной ключевой книжной таблице криптограмма без труда разбирается: *«Акцизн/ое/ управление. Николаю Гавриловичу Вагину».*

4) 11 марта 1903 года, Глеб Кржижановский из Самары – редакции:

> «Письма с подписью Немов читайте ключом 20 страница Железнова» (326).

Имелась в виду книга В. Я. Железнова «Очерки политической экономии», 1902 года издания. Этот обширный (в 806 страниц!) фолиант вряд ли был удобен революционерам. Но присутствовал один плюс, перевесивший все недостатки. Кржижановский доподлинно знал, что «Железнов» есть в библиотеке Ленина. В конце 1902 года его выслала брату Мария Ульянова (327).

5) Большой интерес вызывает ключ к шифру томских искровцев образца 1903 года. Он неразрывно связан с именем старшей сестры Ленина Анной Елизаровой. В октябре 1902 года она приехала на жительство в Томск (через Самару), где некоторое время работал ее муж. 15 ноября Елизарова писала из Томска в Лондон:

«Здесь образую группу «Искры». Есть сестра Любы и еще берлинцы-искровцы» (328).

«Сестра Любы» – это Надежда Баранская, одно время член СПб. «Союза борьбы». А «берлинцы-искровцы» – супруги Броннеры, в сентябре 1902 года обосновавшиеся в Томске.

В. Броннер родился в 1876 году в Верхнеудинске, а в 1894 году поступил в Томский университет. Исключенный из него за студенческие беспорядки, Броннер отправился на учебу в Берлин. Там-то он и сошелся с искровцами. Получив медицинское образование, Владимир вместе с женой Еленой Фуксман (выпускница Берлинского университета по факультету философии) вернулся в Сибирь (предварительно повидавшись с Плехановым).

Покидая Томск, Анна Елизарова все полномочия искровского представителя сдала своему старому берлинскому знакомому Броннеру. После революции Е. Фуксман вспоминала, что они с мужем неоднократно встречались в Томске с Елизаровыми и были в курсе всех дел местной социал-демократии. По ее словам, перед отъездом Елизарова передала им адреса и шифр для связи с редакцией (329).

Однако еще в феврале 1903 года переписка с Томском не поддавалась разбору. И только в мае она была налажена в полном объеме. Крупская – Броннеру: «От Джэм узнали наконец, ключ и адрес» (330). «Джэм» – Анна Елизарова. Ключом же к шифру «Тоблера» (В. Броннера) являлась книга В. Ильина (Ленина) «Развитие капитализма в России», СПб., 1899 год – страница 274.

ИЗДАНІЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Владиміръ Ильинъ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА

ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности.

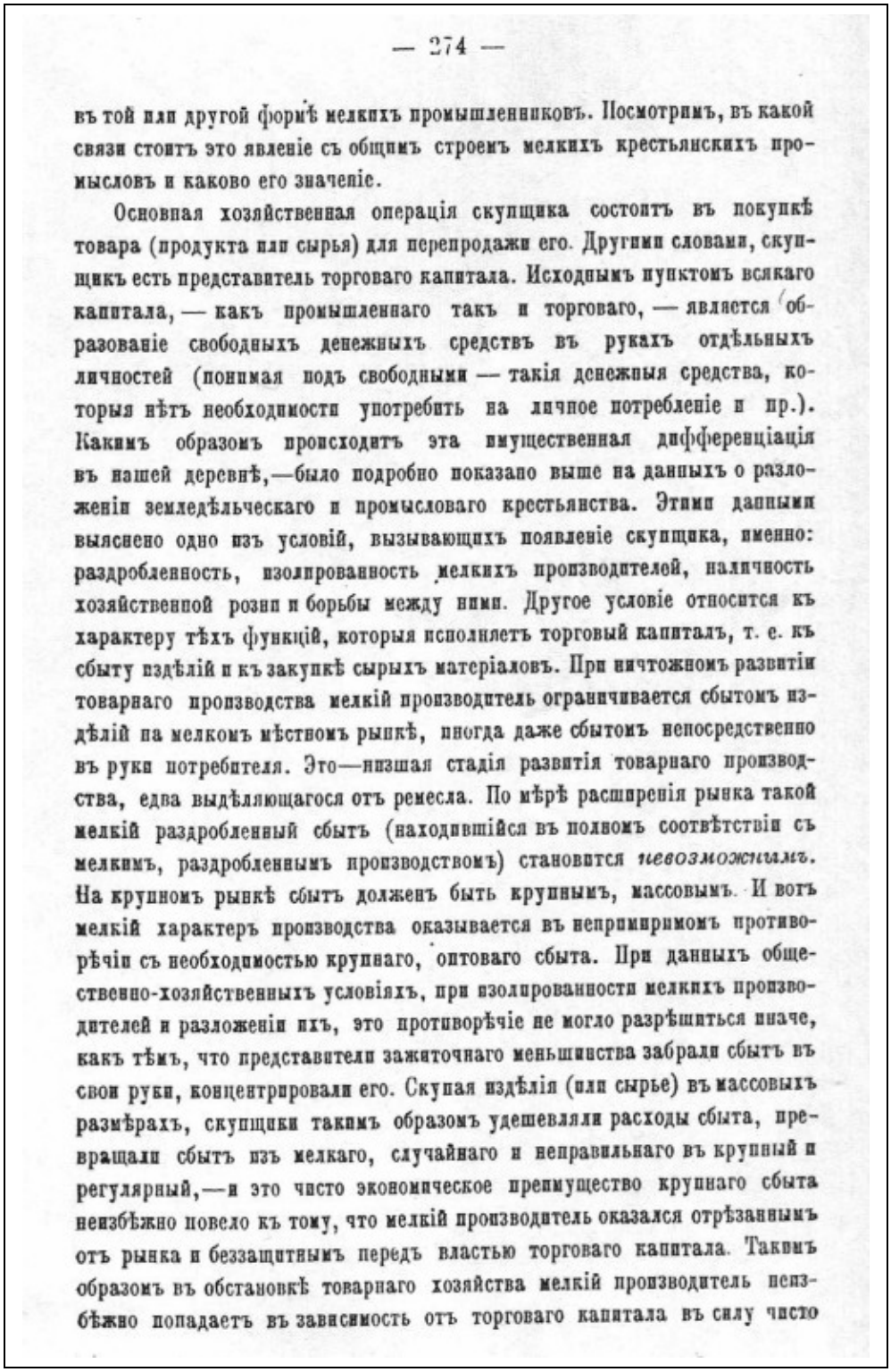
Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-литографія А. Лейферта, Вол. Морская 65.
1899.

Совершенно понятно, почему в качестве шифра была взята книга Ленина – очевидно прямое влияние сестры автора Анны Елизаровой. Но почему страница – 274? Ведь обычно подпольщики предпочитали круглые цифры – 5, 10, 20, 60, 100, 150, 200… Ответ, пожалуй, можно найти в годе рождения Владимира Броннера – 1876-й! Здесь есть простое мнемоническое правило: 274 = 2 + 74 = 76.

После II съезда РСДРП «шифр Тоблера» продолжал активно использоваться в переписке с томичами. Письма отправлялись по адресу: "Томск. Аптекарский магазин Пойзнер и Нови. Елене Яковлевне Тернер." Аптека располагалась на первом этаже двухэтажного дома на набережной реки Ушайки. А над аптекой снимали квартиру супруги Броннер.

Проведенный выше анализ появления в практике разных книжных шифров дает все основания считать, что подобные ключи внедрялись российскими искровцами в противовес заграничной традиции. А точкой отсчета можно взять осень 1902 года. Именно тогда объем книжных шифров стал неуклонно расти. И на эту тенденцию совершенно правильно обратил внимание И. А. Зыбин, штатный криптолог Департамента полиции. В мае 1903 года он утверждал, что «более опытные революционные деятели (группа «Искра» и др.) пользуются для переписки в настоящее время или двойными ключами или страницами малоизвестных книг и брошюр, избирая для каждого отдельного корреспондента отдельную книгу и избегая повторения страниц, что крайне усложняет работу». Конечно, в этих строках правда немного утрируется. В искровской переписке двойные шифры полностью отсутствовали, да и книжных шифров к весне 1903 года было еще не так много. Однако криптографы загодя готовили себе оправдание - доля успешных дешифровок революционных криптограмм неуклонно снижалась.



— 274 —

въ той или другой формѣ мелкихъ промышленниковъ. Посмотримъ, въ какой связи стоитъ это явленіе съ общимъ строемъ мелкихъ крестьянскихъ промысловъ и каково его значеніе.

Основная хозяйственная операція скупщика состоитъ въ покупкѣ товара (продукта или сырья) для перепродажи его. Другими словами, скупщикъ есть представитель торговаго капитала. Исходнымъ пунктомъ всякаго капитала, — какъ промышленнаго такъ и торговаго, — является образованіе свободныхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ отдѣльныхъ личностей (понимая подъ свободными — такія денежныя средства, которыя нѣтъ необходимости употребить на личное потребленіе и пр.). Какимъ образомъ происходитъ эта имущественная дифференціація въ нашей деревнѣ,—было подробно показано выше на данныхъ о разложеніи земледѣльческаго и промысловаго крестьянства. Этими данными выяснено одно изъ условій, вызывающихъ появленіе скупщика, именно: раздробленность, изолированность мелкихъ производителей, наличность хозяйственной розни и борьбы между ними. Другое условіе относится къ характеру тѣхъ функцій, которыя исполняетъ торговый капиталъ, т. е. къ сбыту издѣлій и къ закупкѣ сырыхъ матеріаловъ. При ничтожномъ развитіи товарнаго производства мелкій производитель ограничивается сбытомъ издѣлій на мелкомъ мѣстномъ рынкѣ, иногда даже сбытомъ непосредственно въ руки потребителя. Это—низшая стадія развитія товарнаго производства, едва выдѣляющагося отъ ремесла. По мѣрѣ расширенія рынка такой мелкій раздробленный сбытъ (находившійся въ полномъ соотвѣтствіи съ мелкимъ, раздробленнымъ производствомъ) становится *невозможнымъ*. На крупномъ рынкѣ сбытъ долженъ быть крупнымъ, массовымъ. И вотъ мелкій характеръ производства оказывается въ непримиримомъ противорѣчіи съ необходимостью крупнаго, оптоваго сбыта. При данныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, при изолированности мелкихъ производителей и разложеніи ихъ, это противорѣчіе не могло разрѣшиться иначе, какъ тѣмъ, что представители зажиточнаго меньшинства забрали сбытъ въ свои руки, концентрировали его. Скупая издѣлія (или сырье) въ массовыхъ размѣрахъ, скупщики такимъ образомъ удешевляли расходы сбыта, превращали сбытъ изъ мелкаго, случайнаго и неправильнаго въ крупный и регулярный,—и это чисто экономическое преимущество крупнаго сбыта неизбѣжно повело къ тому, что мелкій производитель оказался отрѣзаннымъ отъ рынка и беззащитнымъ передъ властью торговаго капитала. Такимъ образомъ въ обстановкѣ товарнаго хозяйства мелкій производитель неизбѣжно попадаетъ въ зависимость отъ торговаго капитала въ силу чисто

20. 274-ая страница книги «Развитие капитализма в России»

- ключ к шифру В. Броннера (г. Томск) в 1903 году.

Пример шифровки: «Адреса в Томск: **… 15\6 15\7 15\8 6\8 12\5 11\2 2\3 7\3 8\4 15\4 1\12 1\4 5\5 8\7 7\2 10\5**…» - Адреса в Томск:.. *Большая Подгорная*…» (Из письма В.М.Броннера Редакции «Искры» от 17(4) сентября 1903 г.).

В Музее революции в Москве долгое время демонстрировался уникальный экспонат – простое дамское зеркало. Когда-то оно принадлежало видной большевичке Розалии Землячке. Попало зеркало в музей не случайно и прямо связано с важнейшими событиями в истории РСДРП. В августе 1904 года в Женеве состоялось знаменитое совещание 22-х сторонников большинства II партийного съезда. Собрание приняло

обращение ко всем организациям с призывом немедленного созыва III съезда в обход центральных учреждений РСДРП.

Из письма Надежды Крупской к Марии Ульяновой в Петербург (1 августа 1904 года):

> «Ключ Даши. Медвежонку личное… Дальнейшее строго конспиративное и никому, ни одной душе, кроме Медвежонка и Дяденьки, не должно быть известно ни под каким видом… Конференция сторонников большинства выработала манифест, который привожу ниже. По многим соображениям, в особенности конспиративным, надо чтобы никто абсолютно не знал о месте происхождения его, но надо, чтобы все комитеты как можно скорее ознакомились с его содержанием и выражали свою солидарность с ним» (331).

В тот же день ушло письмо и в Ригу к Максиму Литвинову:

> «К вам поехала Землячка, она расскажет о нашей тактике».

Уже 15 августа Литвинов ответил Ленину с Крупской:

> «Связался сейчас с Землячкой, которая гостит у нас, ожидая печатающейся декларации, с которой она поедет по комитетам… Образовали мы тут группу и предложили Землячке такие же неофициальные группы составлять во всех городах из твердых и надежных сторонников конференции» (332).

Розалия Самойловна Залкинд – по мужу Берлин, а по партийному псевдониму «Землячка», стала известна полиции еще с 1898 года. Вернувшись из сибирской ссылки в Полтаву, она (через Ивана Радченко) вошла в контакт с искровцами и, перейдя на нелегальное положение, стала виднейшей партийной функционеркой. Землячка работала в Одессе и Екатеринославе, организовывала техническую часть II съезда партии, была кооптирована в ЦК, заняв в нем непримиримую ленинскую позицию. По своему складу она принадлежала к типу фанатичных революционерок, что часто обостряло ее отношения не только с меньшевиками, но и с ближайшими товарищами по фракции. Именно Землячке был поручен объезд с «декларацией 22-х» всех российских комитетов РСДРП. Обращение было переписано через лупу бисерным почерком, а затем приложено к задней стенке упомянутого зеркала, после чего придавлено стеклом. В этом тайнике документ проследовал в Ригу – в подпольную типографию, которую контролировал большевик М. Литвинов. Отсюда манифест начал победное шествие по всем российским партийным организациям. За четыре месяца Землячка объехала множество городов. В своих воспоминаниях она сообщала о13-ти, в «Переписке» речь идет о 15-ти, но и эта цифра не окончательна.

13 декабря Землячка в крайнем раздражении писала Ленину:

> «Разброд, который вы констатируете, сильно преувеличен… Неужели завоевание 15 комитетов – это черт знает что?.. При объезде я очень энергично связывала с вами комитеты и частных лиц… Я прошу только об одном: посчитаться несколько с моим знанием русских комитетов, последние ваши письма показали мне, что как мало вы их знаете и как мало хотите с ними считаться» (333).

Стремясь успокоить обиженную большевичку, Ленин отвечал:

> «Вашу громадную работу по завоеванию 15 комитетов и организации трех конференций мы ценим чрезвычайно… Без вас мы не делали и не делаем ни шагу…» (334).

Но вот мнения большевиков, к которым Ленин не мог не прислушиваться. Лидия Книпович:

> «Землячкино путешествие и ее бумажки не стоят ни гроша. Ни малейшего представления об организациях у нее нет. Сознательно или бессознательно она врет направо и налево… Дяденька пока лично советует вам убрать ее, если большинство доживет до учреждения Организационного комитета. Пусть она работает как рядовой рабочий, где хочет, но не пачкайте ею общепартийного учреждения. В этом отзыве нет ничего личного. Продумайте все. Как бы ни было нам плохо, действительность знать лучше, чем увлекаться миражами Землячки».

А еще раньше, в октябре 1903 года, Фридрих Ленгник выговаривал Глебу Кржижановскому:

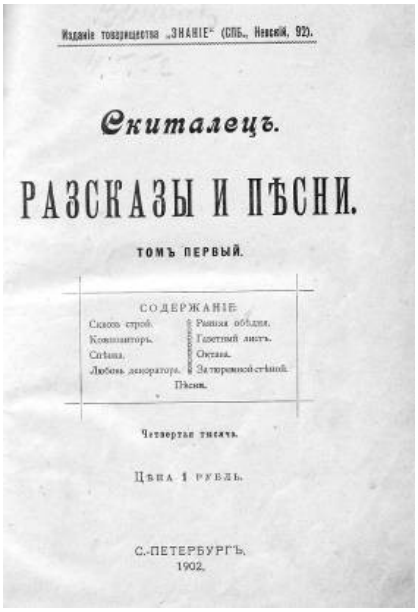
> «Землячку я хорошо знаю и ровно никогда ничего не имел и не имею против нее, но я всегда буду утверждать, что она прекрасный комитетский работник и никуда не годный представитель высшего партийного учреждения» (335).

В силу своей нервной, вспыльчивой натуры, обостренной самоубийством мужа и непрекращающейся фракционной борьбой, у Землячки сложились натянутые отношения и с другими видными большевиками – А. Богдановым, М. Литвиновым, А. Елизаровой… На III съезде РСДРП Землячка, как активный член Бюро комитетов большинства, выдвигалась в члены ЦК. Мария Розенберг (Эссен) уже в 1930-х годах вспоминала (видимо, со слов мужа А. Эссена – делегата съезда), как Богданов «стал убеждать ее и других, что она больна и что ей требуется длительный отдых. Когда она возмущенно заявила, что ни в каком отдыхе и лечении не нуждается, он, пользуясь авторитетом врача-психиатора, намекал на то, что у нее нервы не в по-

рядке и что де для большой ответственной работы требуются люди вполне здоровые… Землячка в ЦК не попала» (336).

После революции этот эпизод припомнят Богданову, а Розалия Землячка займет видное положение в руководстве большевистской партии и будет похоронена в 1947 году у Кремлевской стены.

Факт остается фактом, что именно благодаря Землячке и ее «миражам» с сентября по декабрь 1904 года в Одессе, Тифлисе и Колпине прошли Южная, Кавказская и Северная конференции 13 крупнейших комитетов РСДРП, где официально было утверждено БКБ. И Землячка действительно сыграла выдающуюся роль в налаживании связей этих организаций с заграничным большевистским центром. Рядом с ее зеркалом в Музее революции должен был лежать еще один экспонат – книга писателя Скитальца «Рассказы и песни», вышедшая в Петербурге в 1902 году. Именно она стала основным ключом к шифру большевиков накануне созыва III съезда РСДРП.


Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Скиталецъ.

РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

Сквозь строй. Композиторъ. Спѣвка. Любовь декоратора. Ранняя обѣдня. Газетный листъ. Октава. За тюремной стѣной. Пѣсни.

Четвертая тысяча.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1902.

Сама Надежда Крупская упомянула о нем лишь единственный раз в июне 1904 года:

> «Получил ли Демон письмо от 12.06? Писано по Скитальцу…» (337).

Степан Петров, больше известный как Скиталец, фигура, несомненно, характерная для той бурной эпохи. Друг М. Горького, который стал литературным наставником начинающего писателя, он уже с начала 1900-х годов обратил на себя внимание демократической части общества. В марте 1902 года при прямом содействии Горького вышла первая книга Скитальца «Рассказы и песни». Уже в июле ее с «очень большим интересом» прочел в Лондоне Ленин (338). Любопытно, что Ульянов и Петров были лично знакомы еще по Самаре. Там же, в Самаре, Скиталец вошел в контакт с членами русского бюро «Искры». В 1903 году писатель оказался в Женеве, где был замечен в кругах эмигрантов-марксистов. А в 1905 году он был арестован на квартире Леонида Андреева во время провала всего ЦК РСДРП. Так что писателя Скитальца никак не назовешь случайным для революционеров человеком. Вполне вероятно, что с ним встречалась не раз и сама Розалия Землячка.

Так или иначе, но именно его книга «Рассказы и песни» была выбрана большевичкой в качестве шифровального ключа. С конца августа 1904 года Землячка стала связывать этим шифром все комитеты партии, где ей довелось побывать.

Сборник Скитальца состоял из 30 разножанровых произведений, каждое из которых являлось тем или иным ключом к шифру. Номера ключей соответствовали порядковым номерам произведений в оглавлении книги и проставлялись в начале соответствующей криптограммы революционеров.. Вот их полный перечень:

1. Колокол (стихотворение)
2. Сквозь строй (рассказ)
3. Спит море (стихотворение)
4. Композитор (рассказ)
5. Закипела в сердце кровь (стихотворение)
6. Певчие (стихотворение)
7. Спевка (рассказ)
8. Колокольчики-бубенчики (стихотворение)
9. Я хочу веселья (стихотворение)
10. Утром зорька молодая (стихотворение)
11. Любовь декоратора (рассказ)
12. Сон (стихотворение)
13. Ночи (стихотворение)
14. Вы сказались, бессонные ночи (стихотворение)
15. Ранняя обедня (рассказ)
16. Нищие (стихотворение)
17. Ручей (стихотворение)
18. Газетный лист (рассказ)
19. Нет, я не с вами (стихотворение)
20. Моя жизнь… (стихотворение)
21. Октава (рассказ)
22. Я оторван от жизни… (стихотворение)
23. Узник (стихотворение)

24. Я упал с облаков… (стихотворение)
25. Каждый вечер (стихотворение)
26. Ты скажи-ка, оборванец… (стихотворение)
27. Ну, товарищи, должны… (стихотворение)
28. За тюремной стеной (рассказ)
29. Алмазы (стихотворение)
30. Кузнец (стихотворение)

Часто в одном и том же письме присутствовало сразу несколько разных ключей. Всего в большевистском архиве насчитывается 26 документов, содержащих ключ Землячки. Это своеобразный рекорд среди всех известных шифров подполья. Им пользовались большевики Вильно, Одессы, Петербурга, Баку, Тифлиса, Перми, Курска, Москвы и Воронежа. Эти города совпадают с маршрутом поездок ленинского эмиссара по России. В своих воспоминаниях Землячка назвала лишь 13 комитетов, где она побывала. Но если мы объединим перечень из ее мемуаров (339) с географией применения ее ключа к шифру, то получим более полные данные (см. таблицу 12).

Из таблицы наглядно видно, что список российских комитетов РСДРП в разных городах страны, способных вести переписку с заграничным центром большинства по шифру Землячки, составляет не менее двадцати. И этот перечень дополняет воспоминания самой Р. Залкинд, основанные, главным образом, на официальных резолюциях конференций БКБ.

Таблица 12

Воспоминания Землячки	Участие партийных комитетов в конференциях БКБ	Использование ключа Землячки по материалам партийного Архива
1. -	Вильно	Вильно
2. Рига	Рига	-
3. Петербург	Петербург	Петербург
4. Москва	Москва	Москва
5. Тула	Тула	-
6. -	Одесса	Одесса
7. Баку	Кавказ	Баку
8. Батум	Кавказ	-
9. Тифлис	Кавказ	Тифлис
10. Кутаис	Кавказ	-
11. Тверь	Тверь	-
12. Екатеринбург	Урал	-
13. Пермь	Урал	Пермь
14. Ярославль	Ярославль	-
15. -	-	Воронеж
16. Вятка	-	-
17. -	-	Курск
18. Самара	-	-
19. -	Екатеринослав	-
20. -	Николаев	-

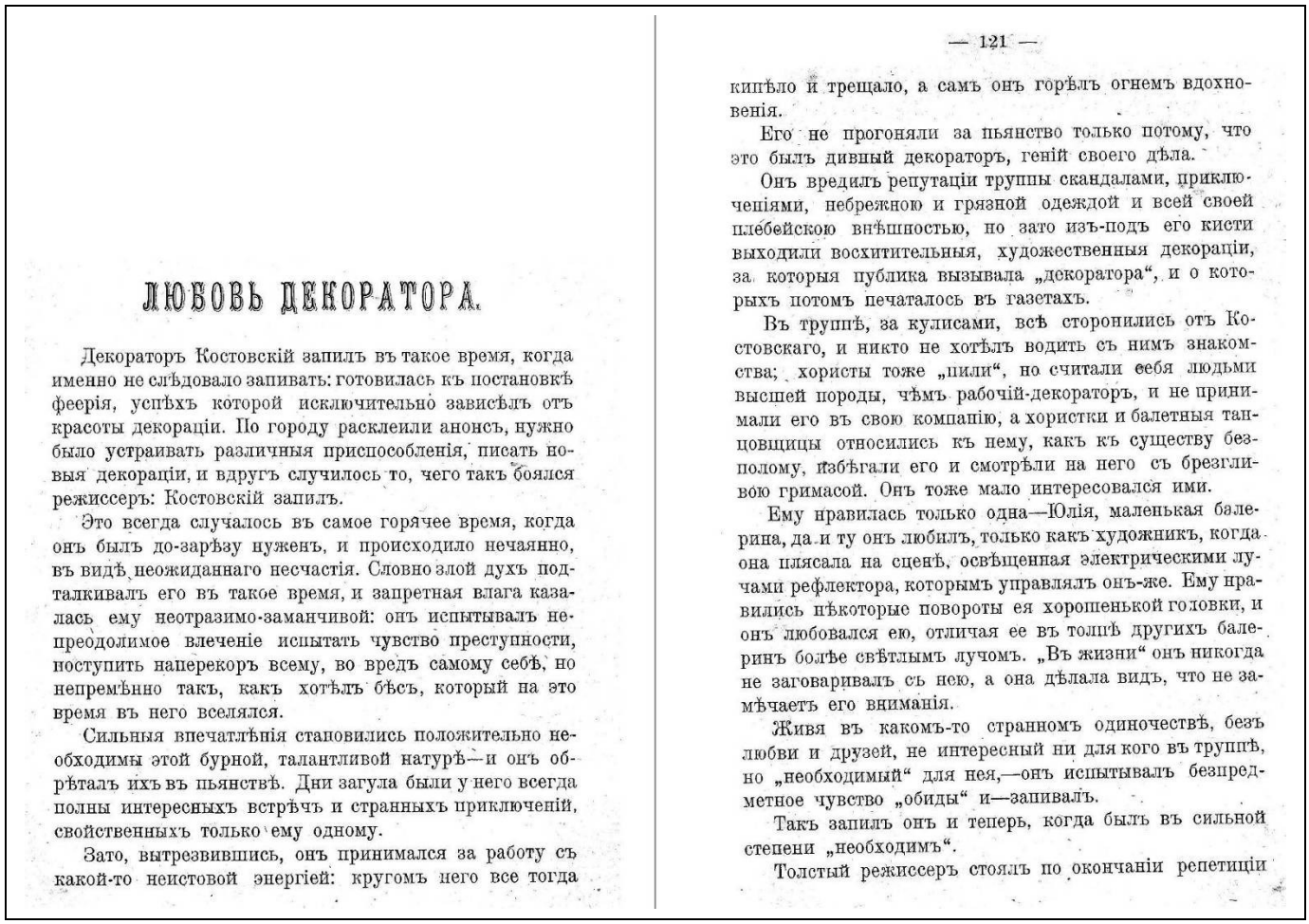
Среди всех случаев применения ключа Землячки (Демона) наиболее интересен пример Курского комитета РСДРП (март 1905 года).

«Шифр Демона №11.

23/1 3/7 4/2 12/3 4/1 3/5 23/5 23/3 9/1 16/4 2/1 11/1 7/2 8/2 13/2 17/1 18/5 16/2 20/1 посылает 27/1 21/3 6/3 4/8 32/2 13/2 9/5 5/1 2/1 20/4 10/1 1/2 16/4 19/3 29/1 7/3 24/2 23/4 30/3 17/6 на 20/1 3/1 18/4 29/3 33/1 20/3 15/3 5/3 30/4 28/4 15/4 3/8 28/5 19/3 25/8 26/1 31/2 28/1 9/3 3/5 16/4 31/3 5/2 15/5 27/6 17/7 14/4 на 18/2 8/4 30/5 25/2 31/6 19/5 13/1 23/1 12/2 11/5 6/7 17/4 20/5 33/1 30/3 7/1 34/2 18/7 34/3 23/4 20/7 3/4 …».

Здесь при прерывании криптограммы открытым текстом письма автоматически происходил переход к следующей странице шифркниги. Этим самым шифр превращался в переменнозначный ключ. Так при ключе Демона № 11 (рассказ «Любовь декоратора») революционеры одновременно задействовали семь последовательных страниц сборника Скитальца. Расшифрованный текст гласил:

«*Курский комитет РСДРП* посылает *мандат товарищу Ленину* на *представительство от комитета* на *Третьем партийном съезде на основании* положений, выработанных *Организационным комитетом, на тот случай*, если *посланный делегат комитета не попадет на съезд*» (341).



ЛЮБОВЬ ДЕКОРАТОРА.

Декораторъ Костовскій запилъ въ такое время, когда именно не слѣдовало запивать: готовилась къ постановкѣ феерія, успѣхъ которой исключительно зависѣлъ отъ красоты декораціи. По городу расклеили анонсъ, нужно было устраивать различныя приспособленія, писать новыя декораціи, и вдругъ случилось то, чего такъ боялся режиссеръ: Костовскій запилъ.

Это всегда случалось въ самое горячее время, когда онъ былъ до-зарѣзу нуженъ, и происходило нечаянно, въ видѣ неожиданнаго несчастія. Словно злой духъ подталкивалъ его въ такое время, и запретная влага казалась ему неотразимо-заманчивой: онъ испытывалъ непреодолимое влеченіе испытать чувство преступности, поступить наперекоръ всему, во вредъ самому себѣ, но непремѣнно такъ, какъ хотѣлъ бѣсъ, который на это время въ него вселялся.

Сильныя впечатлѣнія становились положительно необходимы этой бурной, талантливой натурѣ—и онъ обрѣталъ ихъ въ пьянствѣ. Дни загула были у него всегда полны интересныхъ встрѣчъ и странныхъ приключеній, свойственныхъ только ему одному.

Зато, вытрезвившись, онъ принимался за работу съ какой-то неистовой энергіей: кругомъ него все тогда

— 121 —

кипѣло и трещало, а самъ онъ горѣлъ огнемъ вдохновенія.

Его не прогоняли за пьянство только потому, что это былъ дивный декораторъ, геній своего дѣла.

Онъ вредилъ репутаціи труппы скандалами, приключеніями, небрежною и грязной одеждой и всей своей плебейскою внѣшностью, но зато изъ-подъ его кисти выходили восхитительныя, художественныя декораціи, за которыя публика вызывала „декоратора“, и о которыхъ потомъ печаталось въ газетахъ.

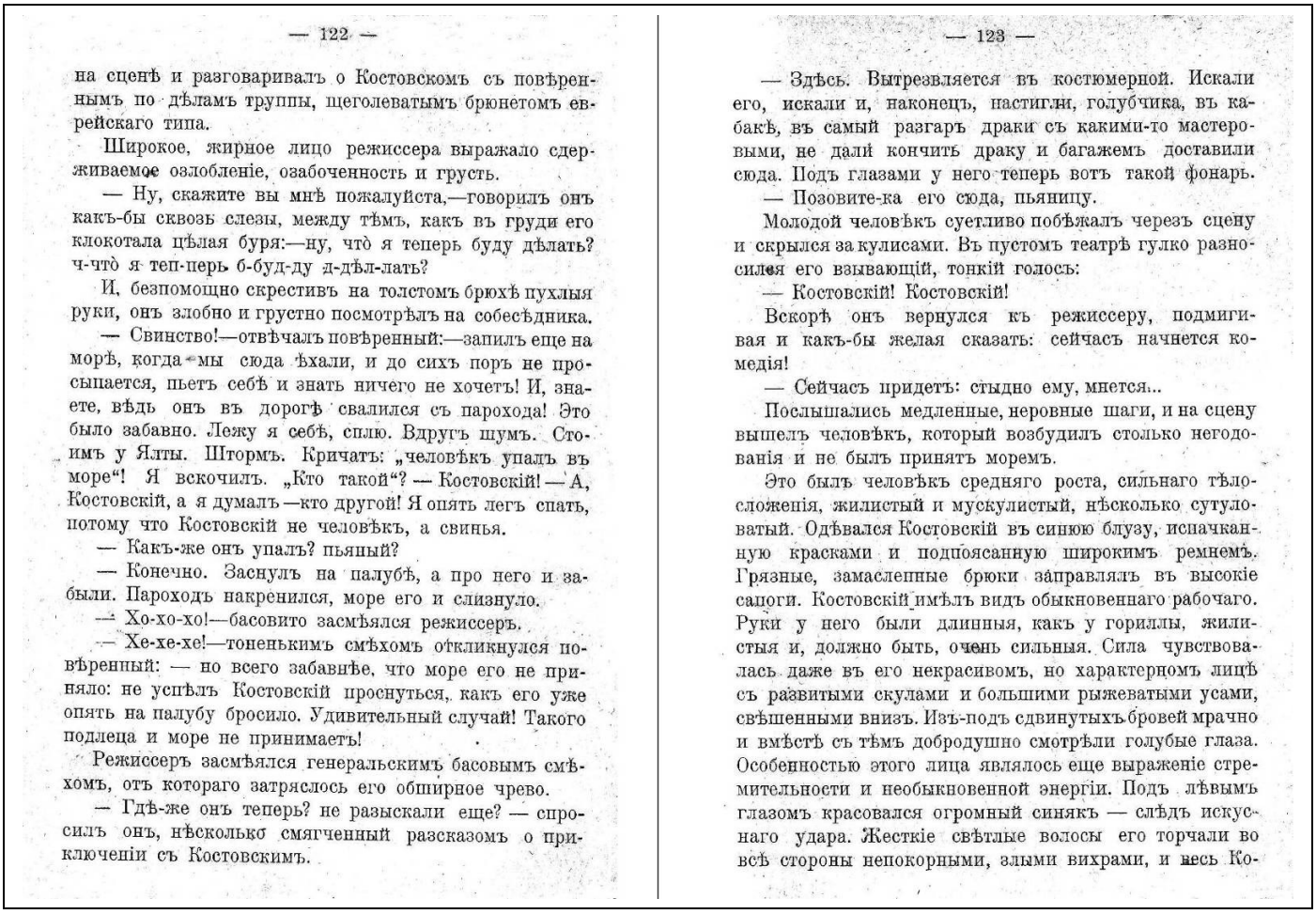
Въ труппѣ, за кулисами, всѣ сторонились отъ Костовскаго, и никто не хотѣлъ водить съ нимъ знакомства; хористы тоже „пили“, но считали себя людьми высшей породы, чѣмъ рабочій-декораторъ, и не принимали его въ свою компанію, а хористки и балетныя танцовщицы относились къ нему, какъ къ существу безполому, избѣгали его и смотрѣли на него съ брезгливою гримасой. Онъ тоже мало интересовался ими.

Ему нравилась только одна—Юлія, маленькая балерина, да и ту онъ любилъ, только какъ художникъ, когда она плясала на сценѣ, освѣщенная электрическими лучами рефлектора, которымъ управлялъ онъ-же. Ему нравились нѣкоторые повороты ея хорошенькой головки, и онъ любовался ею, отличая ее въ толпѣ другихъ балеринъ болѣе свѣтлымъ лучомъ. „Въ жизни“ онъ никогда не заговаривалъ съ нею, а она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его вниманія.

Живя въ какомъ-то странномъ одиночествѣ, безъ любви и друзей, не интересный ни для кого въ труппѣ, но „необходимый“ для нея,—онъ испытывалъ безпредметное чувство „обиды“ и—запивалъ.

Такъ запилъ онъ и теперь, когда былъ въ сильной степени „необходимъ“.

Толстый режиссеръ стоялъ по окончаніи репетиціи



— 122 —

на сценѣ и разговаривалъ о Костовскомъ съ повѣреннымъ по дѣламъ труппы, щеголеватымъ брюнетомъ еврейскаго типа.

Широкое, жирное лицо режиссера выражало сдерживаемое озлобленіе, озабоченность и грусть.

— Ну, скажите вы мнѣ пожалуйста,—говорилъ онъ какъ-бы сквозь слезы, между тѣмъ, какъ въ груди его клокотала цѣлая буря:—ну, что я теперь буду дѣлать? ч-что я теп-перь б-буд-ду д-дѣл-лать?

И, безпомощно скрестивъ на толстомъ брюхѣ пухлыя руки, онъ злобно и грустно посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Свинство!—отвѣчалъ повѣренный:—запилъ еще на морѣ, когда мы сюда ѣхали, и до сихъ поръ не просыпается, пьетъ себѣ и знать ничего не хочетъ! И, знаете, вѣдь онъ въ дорогѣ свалился съ парохода! Это было забавно. Лежу я себѣ, сплю. Вдругъ шумъ. Стоимъ у Ялты. Штормъ. Кричатъ: „человѣкъ упалъ въ море“! Я вскочилъ. „Кто такой“? — Костовскій! — А, Костовскій, а я думалъ—кто другой! Я опять легъ спать, потому что Костовскій не человѣкъ, а свинья.

— Какъ-же онъ упалъ? пьяный?

— Конечно. Заснулъ на палубѣ, а про него и забыли. Пароходъ накренился, море его и слизнуло.

— Хо-хо-хо!—басовито засмѣялся режиссеръ.

— Хе-хе-хе!—тоненькимъ смѣхомъ откликнулся повѣренный: — но всего забавнѣе, что море его не приняло: не успѣлъ Костовскій проснуться, какъ его уже опять на палубу бросило. Удивительный случай! Такого подлеца и море не принимаетъ!

Режиссеръ засмѣялся генеральскимъ басовымъ смѣхомъ, отъ котораго затряслось его обширное чрево.

— Гдѣ-же онъ теперь? не разыскали еще? — спросилъ онъ, нѣсколько смягченный разсказомъ о приключеніи съ Костовскимъ.

— 123 —

— Здѣсь. Вытрезвляется въ костюмерной. Искали его, искали и, наконецъ, настигли, голубчика, въ кабакѣ, въ самый разгаръ драки съ какими-то мастеровыми, не дали кончить драку и багажемъ доставили сюда. Подъ глазами у него теперь вотъ такой фонарь.

— Позовите-ка его сюда, пьяницу.

Молодой человѣкъ суетливо побѣжалъ черезъ сцену и скрылся за кулисами. Въ пустомъ театрѣ гулко разносился его взывающій, тонкій голосъ:

— Костовскій! Костовскій!

Вскорѣ онъ вернулся къ режиссеру, подмигивая и какъ-бы желая сказать: сейчасъ начнется комедія!

— Сейчасъ придетъ: стыдно ему, мнется...

Послышались медленные, неровные шаги, и на сцену вышелъ человѣкъ, который возбудилъ столько негодованія и не былъ принятъ моремъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, сильнаго тѣлосложенія, жилистый и мускулистый, нѣсколько сутуловатый. Одѣвался Костовскій въ синюю блузу, испачканную красками и подпоясанную широкимъ ремнемъ. Грязные, замаслепные брюки заправлялъ въ высокіе сапоги. Костовскій имѣлъ видъ обыкновеннаго рабочаго. Руки у него были длинныя, какъ у гориллы, жилистыя и, должно быть, очень сильныя. Сила чувствовалась даже въ его некрасивомъ, но характерномъ лицѣ съ развитыми скулами и большими рыжеватыми усами, свѣшенными внизъ. Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей мрачно и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно смотрѣли голубые глаза. Особенностью этого лица являлось еще выраженіе стремительности и необыкновенной энергіи. Подъ лѣвымъ глазомъ красовался огромный синякъ — слѣдъ искуснаго удара. Жесткіе свѣтлые волосы его торчали во всѣ стороны непокорными, злыми вихрами, и весь Ко-

21, 22. Первые четыре страницы ключа Демона №11 («Любовь декоратора»)

Это был редкий вариант шифра в переписке с заграницей. Но внутри России подобная система в 1905 году использовалась постоянно.

Массовое употребление шифра Землячки говорит о популярности в России самой книги Скитальца. Ныне она представляет собой большую библиографическую редкость, а ее важнейшая роль в налаживании большевистских связей совершенно забыта.

К началу декабря 1904 года Розалия Землячка завершила свое «турне» по России. Приближались события «9 января». Но поглощенные межфракционной борьбой, революционеры слабо ощущали это. Позиция самих большевиков казалась самой плачевной. Даже оптимистичная Н. Крупская в письме к Л. Книпович не выдержала и поделилась наболевшим:

> «Ключ Даши… ЦК изоврался вконец… Тут уже не самообман, а прямой обман. В ЦО вертит всем Дан, эта мелкая самолюбивая душонка и нахал при этом страшный. Мартов по своей тряпичности пляшет по его дудке, ну а остальных «положение обязывает»… Заботит так же и русское Бюро. Там теперь Папаша, Рядовой, Землячка. К первому я отношусь с полным доверием, ко второму тоже, но о нем страшно болтают, и его надо турить скорее к нам, относительно же Землячки ты знаешь, что это – герой не моего романа, хотя приходится признать за ним энергию и преданность делу. Часто, как посмотришь на публику поближе, – грусть берет, совсем нет хороших практиков… Иногда верится в лучшие времена, а иногда просто руки на себя наложил/а/ бы, если бы «положение не обязывало»» (342).

Такими представлялись российские дела лидерам большевизма из их женевского далека. Нам же приходится только удивляться, до каких крайних форм и оскорблений доходили личные отношения между когда-то ближайшими товарищами.

В августе 1902 года российское общество было потрясено невиданным побегом политических из Киевской тюрьмы. Оттуда сразу убыло одиннадцать опаснейших революционеров. Все они принесли в будущем жандармам немалые хлопоты. Один список чего стоил! Гурский, Пятницкий, Басовский, Крохмаль, Блюменфельд, Бауман, Мальцман, Гальперин, Литвинов, Бобровский и Плесский. Десять искровцев и один эсер.

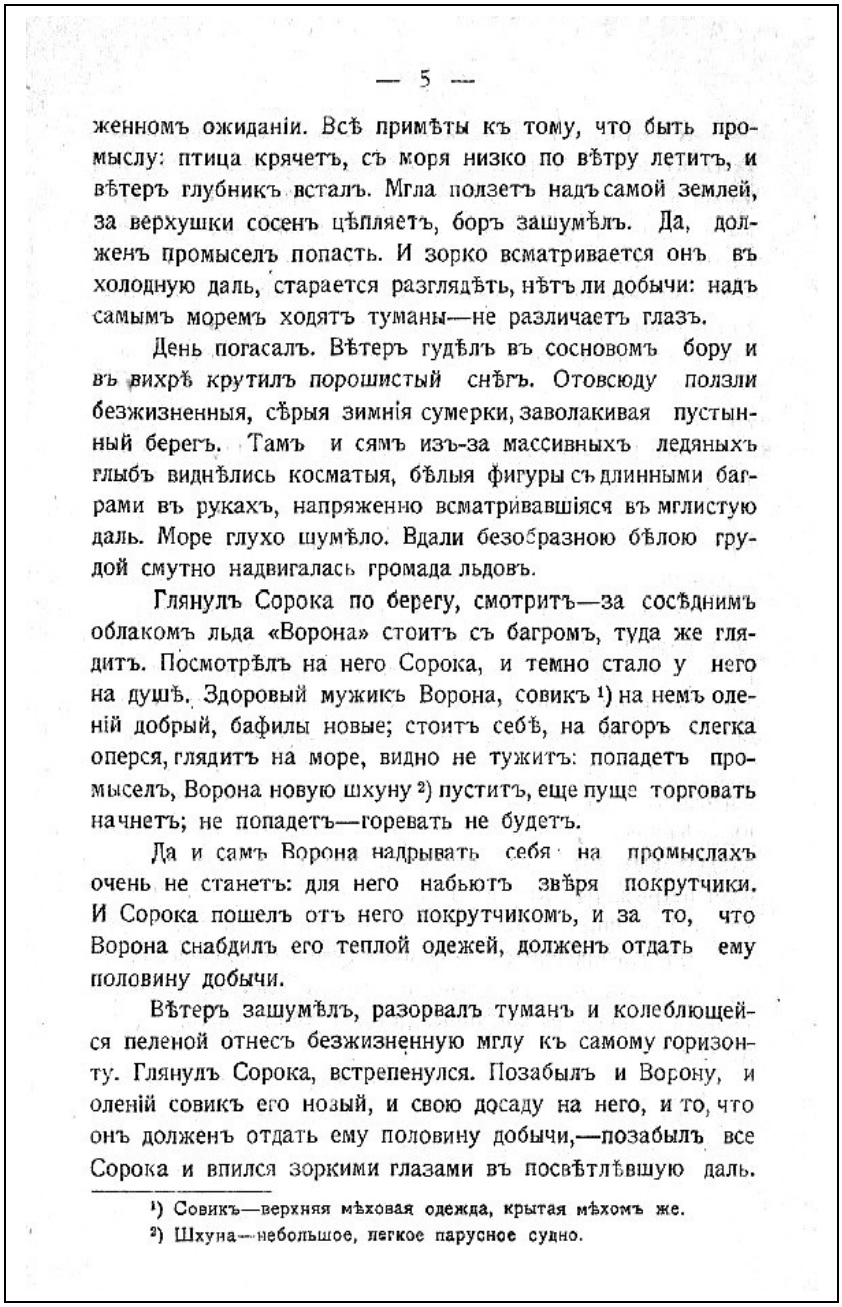
Впрочем тогда большинство этих революционеров были известны под другими, настоящими, именами.

На льдинѣ.

А. Серафимовича.

Среди них Меер Валлах, проходящий по делу Киевского комитета РСДРП. Впоследствии он войдет в историю Советского государства как выдающийся нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов. А в начале XX века он из рядового подпольщика быстро превратился в аса нелегальной работы, опытнейшего транспортера запрещенной литературы и оружия, умелого организатора любых тайных дел. Его подпольными именами – «Папаша», «Феликс», «Теофилия» – пестрят революционные письма тех лет.

Весной 1904 года Литвинов обосновался в Риге в качестве представителя большевиков в огромном Северо-Западном крае (вотчине БУНДа). Больше года «Папаша» вел там бурную революционную деятельность, сумев обойти все капканы жандармов и ее тайной агентуры. Будучи опытным конспиратором, он постоянно менял ключи к своей шифрпереписке. Так до конца августа 1904 года он использовал квадратный шифр по слову «Прогностика», а затем до октября шифровал по 4-й главе «Евангелия от Луки». Это были сравнительно несложные шифры и, понимая это, с начала октября Литвинов ввел ***«Новый ключ»*** – рассказ Александра Серафимовича «На льдине», выпущенный издательством «Донская речь» в 1904 году отдельной брошюрой. Небольшая по формату и объему (всего в ней было 20 страниц), это была идеальная идея для выбора книжного шифра. Сохранилось одиннадцать обширных писем Литвинова, перекрытых по 5-й и 6-й страницам указанной брошюры (343).



— 5 —

женномъ ожиданіи. Всѣ примѣты къ тому, что быть промыслу: птица крячетъ, съ моря низко по вѣтру летитъ, и вѣтеръ глубникъ всталъ. Мгла ползетъ надъ самой землей, за верхушки сосенъ цѣпляетъ, боръ зашумѣлъ. Да, долженъ промыселъ попасть. И зорко всматривается онъ въ холодную даль, старается разглядѣть, нѣтъ ли добычи: надъ самымъ моремъ ходятъ туманы—не различаетъ глазъ.

День погасалъ. Вѣтеръ гудѣлъ въ сосновомъ бору и въ вихрѣ крутилъ порошистый снѣгъ. Отовсюду ползли безжизненныя, сѣрыя зимнія сумерки, заволакивая пустынный берегъ. Тамъ и сямъ изъ-за массивныхъ ледяныхъ глыбъ виднѣлись косматыя, бѣлыя фигуры съ длинными баграми въ рукахъ, напряженно всматривавшіяся въ мглистую даль. Море глухо шумѣло. Вдали безобразною бѣлою грудой смутно надвигалась громада льдовъ.

Глянулъ Сорока по берегу, смотритъ—за сосѣднимъ облакомъ льда «Ворона» стоитъ съ багромъ, туда же глядитъ. Посмотрѣлъ на него Сорока, и темно стало у него на душѣ. Здоровый мужикъ Ворона, совикъ [1]) на немъ оленій добрый, бафилы новые; стоитъ себѣ, на багоръ слегка оперся, глядитъ на море, видно не тужитъ: попадетъ промыселъ, Ворона новую шхуну [2]) пуститъ, еще пуще торговать начнетъ; не попадетъ—горевать не будетъ.

Да и самъ Ворона надрывать себя на промыслахъ очень не станетъ: для него набьютъ звѣря покрутчики. И Сорока пошелъ отъ него покрутчикомъ, и за то, что Ворона снабдилъ его теплой одежей, долженъ отдать ему половину добычи.

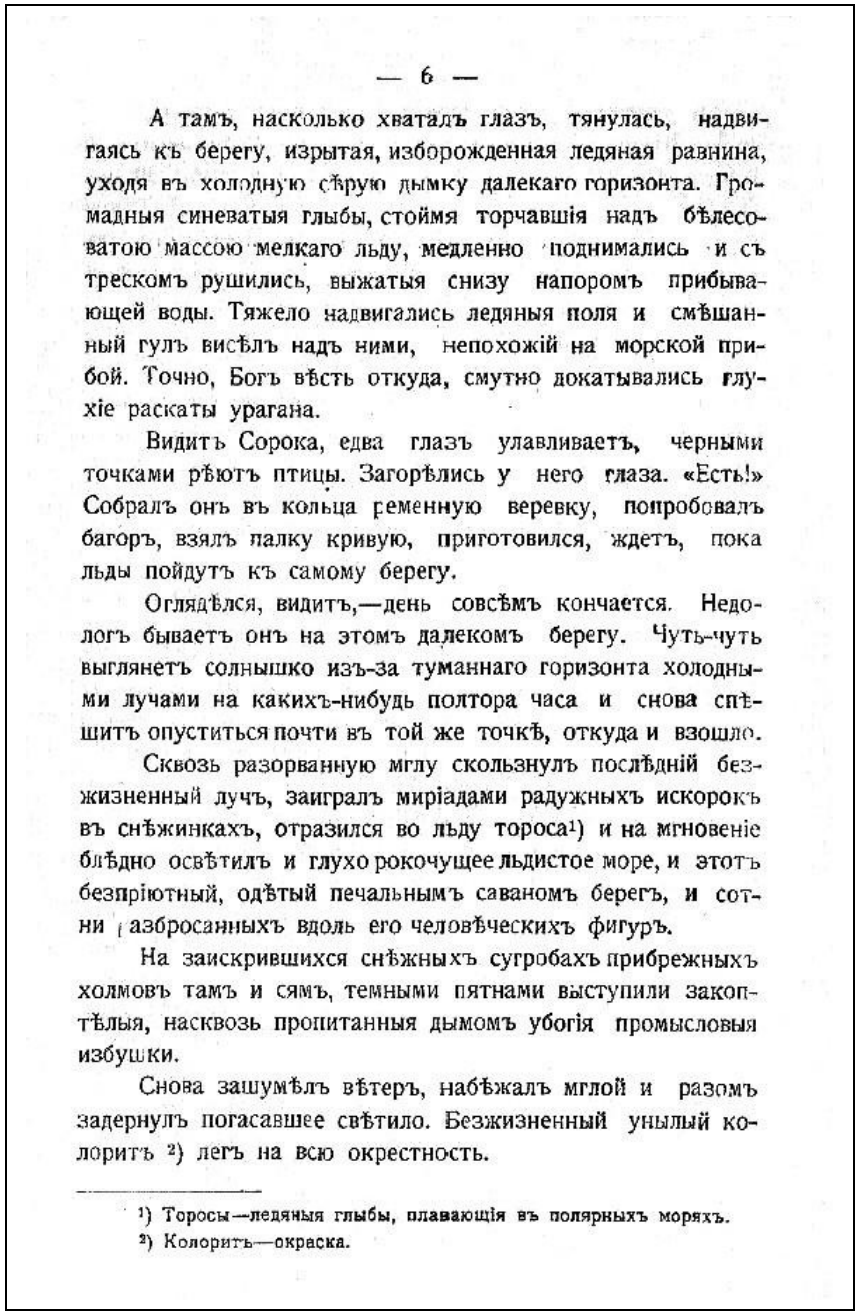
Вѣтеръ зашумѣлъ, разорвалъ туманъ и колеблющейся пеленой отнесъ безжизненную мглу къ самому горизонту. Глянулъ Сорока, встрепенулся. Позабылъ и Ворону, и оленій совикъ его новый, и свою досаду на него, и то, что онъ долженъ отдать ему половину добычи,—позабылъ все Сорока и впился зоркими глазами въ посвѣтлѣвшую даль.

[1]) Совикъ—верхняя мѣховая одежда, крытая мѣхомъ же.

[2]) Шхуна—небольшое, легкое парусное судно.

23. Ключ к шифру М. Литвинова – пятая страница из рассказа А. Серафимовича «На льдине» (отдельное издание, «Донская речь», 1904 г.).

Пример шифра: **«Эмме 20.4 12.19 2.4 1.12 16.3 22.7 26.6 31.7 9.1 1.5 8.1 11.5 7.1 2.3 16.5»** - «Эмме *дала явку в Одессу*» (Из письма Н. Крупской к М. Литвинову от 9 (26 ноября) 1904 года).



— 6 —

А тамъ, насколько хватадъ глазъ, тянулась, надвигаясь къ берегу, изрытая, изборожденная ледяная равнина, уходя въ холодную сѣрую дымку далекаго горизонта. Громадныя синеватыя глыбы, стоймя торчавшія надъ бѣлесоватою массою мелкаго льду, медленно поднимались и съ трескомъ рушились, выжатыя снизу напоромъ прибывающей воды. Тяжело надвигались ледяныя поля и смѣшанный гулъ висѣлъ надъ ними, непохожій на морской прибой. Точно, Богъ вѣсть откуда, смутно докатывались глухіе раскаты урагана.

Видитъ Сорока, едва глазъ улавливаетъ, черными точками рѣютъ птицы. Загорѣлись у него глаза. «Есть!» Собралъ онъ въ кольца ременную веревку, попробовалъ багоръ, взялъ палку кривую, приготовился, ждетъ, пока льды пойдутъ къ самому берегу.

Оглядѣлся, видитъ,—день совсѣмъ кончается. Недологъ бываетъ онъ на этомъ далекомъ берегу. Чуть-чуть выглянетъ солнышко изъ-за туманнаго горизонта холодными лучами на какихъ-нибудь полтора часа и снова спѣшитъ опуститься почти въ той же точкѣ, откуда и взошло.

Сквозь разорванную мглу скользнулъ послѣдній безжизненный лучъ, заигралъ миріадами радужныхъ искорокъ въ снѣжинкахъ, отразился во льду тороса[1]) и на мгновеніе блѣдно освѣтилъ и глухо рокочущее льдистое море, и этотъ безпріютный, одѣтый печальнымъ саваномъ берегъ, и сотни разбросанныхъ вдоль его человѣческихъ фигуръ.

На заискрившихся снѣжныхъ сугробахъ прибрежныхъ холмовъ тамъ и сямъ, темными пятнами выступили закоптѣлыя, насквозь пропитанныя дымомъ убогія промысловыя избушки.

Снова зашумѣлъ вѣтеръ, набѣжалъ мглой и разомъ задернулъ погасавшее свѣтило. Безжизненный унылый колоритъ [2]) легъ на всю окрестность.

---

[1]) Торосы—ледяныя глыбы, плавающія въ полярныхъ моряхъ.

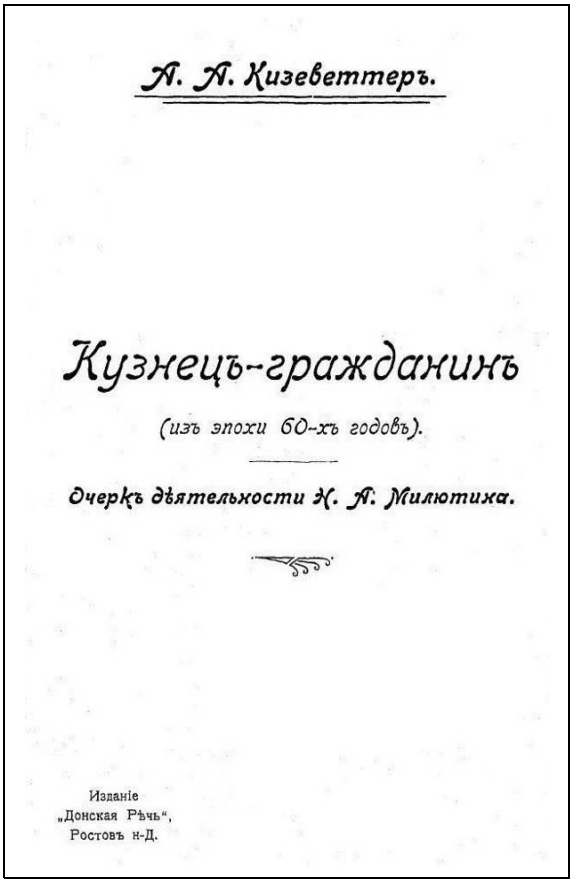
[2]) Колоритъ—окраска.

24. По шестой странице рассказа А. Серафимовича «На льдине» был зашифрован последний абзац письма Н. Крупской к М. Литвинову от 9 декабря (26 ноября) 1904 года. Основная часть криптограммы перекрыта по пятой странице той же брошюры А. Серафимовича.

Пример шифра: **«6.3 19.1 19.4 2.1 6.2 9.2 21.5 22.2 25.8 26.3 26.4 26.5 31.1 29.1 26.3 29.2 24.2»** -

«Ему грозит расстрел».

Однако к июню 1905 года и этот шифр было решено изменить. Очередной ключ Литвинов сообщил Крупской лично: «Повторяю наш шифр: «Кузнец-Гражданин», страница 6-я, числитель – строка, знаменатель – десятки означают слова, единицы – букву» (343).



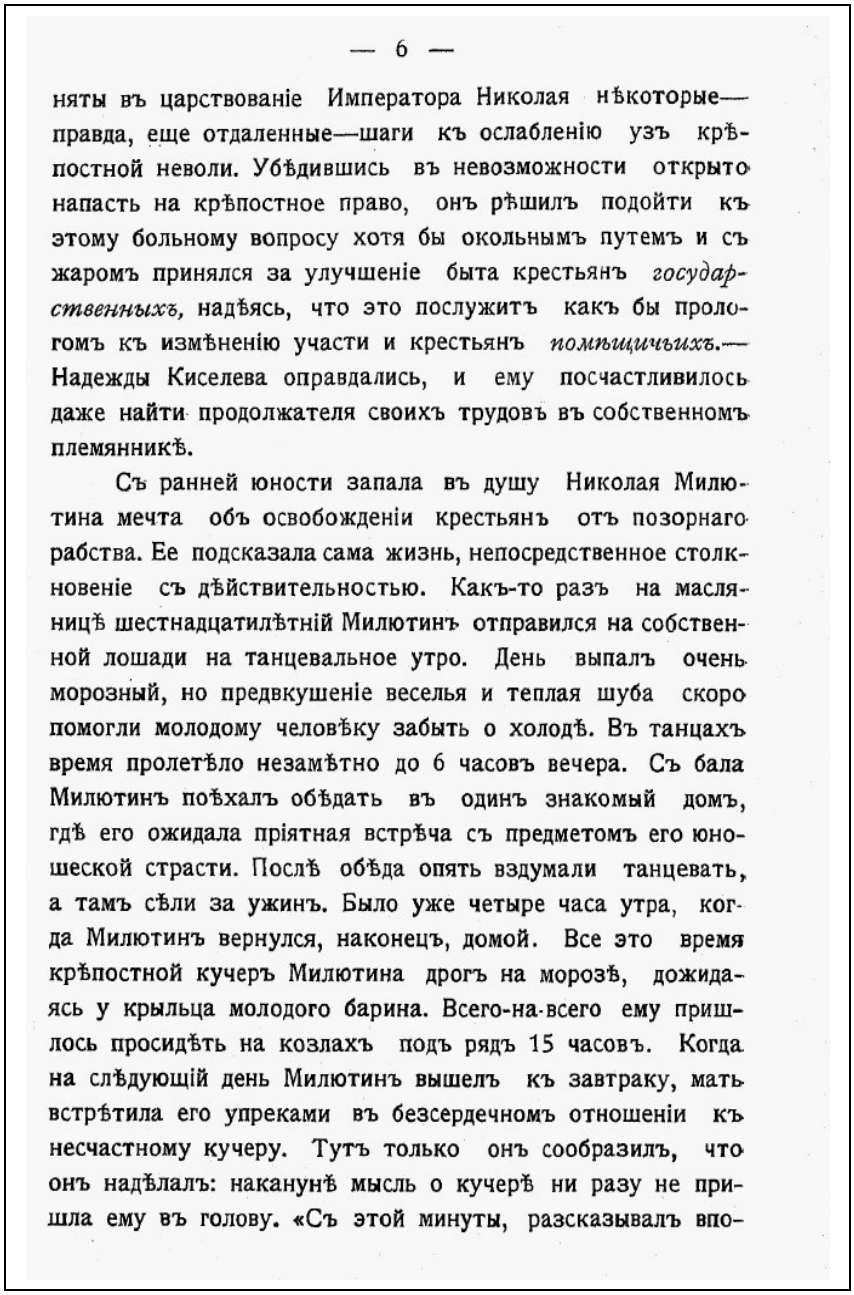
А. А. Кизеветтеръ.

Кузнецъ-гражданинъ

(изъ эпохи 60-хъ годовъ).

Очеркъ дѣятельности Н. А. Милютина.

Изданіе
„Донская Рѣчь",
Ростовъ н-Д.



— 6 —

няты въ царствованіе Императора Николая нѣкоторые— правда, еще отдаленные—шаги къ ослабленію узъ крѣпостной неволи. Убѣдившись въ невозможности открыто напасть на крѣпостное право, онъ рѣшилъ подойти къ этому больному вопросу хотя бы окольнымъ путемъ и съ жаромъ принялся за улучшеніе быта крестьянъ *государственныхъ*, надѣясь, что это послужитъ какъ бы прологомъ къ измѣненію участи и крестьянъ *помѣщичьихъ*.— Надежды Киселева оправдались, и ему посчастливилось даже найти продолжателя своихъ трудовъ въ собственномъ племянникѣ.

Съ ранней юности запала въ душу Николая Милютина мечта объ освобожденіи крестьянъ отъ позорнаго рабства. Ее подсказала сама жизнь, непосредственное столкновеніе съ дѣйствительностью. Какъ-то разъ на масляницѣ шестнадцатилѣтній Милютинъ отправился на собственной лошади на танцевальное утро. День выпалъ очень морозный, но предвкушеніе веселья и теплая шуба скоро помогли молодому человѣку забыть о холодѣ. Въ танцахъ время пролетѣло незамѣтно до 6 часовъ вечера. Съ бала Милютинъ поѣхалъ обѣдать въ одинъ знакомый домъ, гдѣ его ожидала пріятная встрѣча съ предметомъ его юношеской страсти. Послѣ обѣда опять вздумали танцевать, а тамъ сѣли за ужинъ. Было уже четыре часа утра, когда Милютинъ вернулся, наконецъ, домой. Все это время крѣпостной кучеръ Милютина дрогъ на морозѣ, дожидаясь у крыльца молодого барина. Всего-на-всего ему пришлось просидѣть на козлахъ подъ рядъ 15 часовъ. Когда на слѣдующій день Милютинъ вышелъ къ завтраку, мать встрѣтила его упреками въ безсердечномъ отношеніи къ несчастному кучеру. Тутъ только онъ сообразилъ, что онъ надѣлалъ: наканунѣ мысль о кучерѣ ни разу не пришла ему въ голову. «Съ этой минуты, разсказывалъ впо-

25. Ключ к очередному шифру М. Литвинова – шестая страница книги А. Кизеветтера «Кузнец-гражданин» (издательство «Донская речь», Ростов-на-Дону, 1904 г.).

Пример криптограммы: **«4.31 3.12 1.11 29.19 16.21 16.22 17.11 12.23 10.12 26.11»** – «Конюшенная» (из письма Крупской к Литвинову от 25(12) августа 1905 г.).

Подобную систему шифрования впервые среди большевиков опробовал Владимир Невский, а Литвинов оказался его прямым продолжателем. В качестве ключа он выбрал брошюру известного русского историка А. Кизеветтера «Кузнец-Гражданин» (из эпохи 60-х годов). Очерк деятельности Н. А. Милютина». Эта небольшая книжка (объемом в 47 страниц) также была изданием «Донской речи» (1904 год). Точно таким же шифром писали в Женеву и другие большевики Северо-Западного края.

В сентябре 1905 года следует новый поворот. Будучи в Берлине, Литвинов информировал Крупскую:

> ««Кузнец-Гражданин» имеется у нас в одном экземпляре, и его в магазинах нельзя доставать. В виду этого я предпочел бы шифровать по высланной вам брошюре Вересаева «Поветрие». Условия те же, что и прежде: стр. 6, числитель – строка, знаменатель – слово и буква. Если брошюры этой не получите, то шифруйте по старому» (344).

И опять Литвинов выбрал для шифра брошюру, изданную «Донской речью» в 1903 году. Такое пристрастие большевика к одному и тому же издательству отнюдь не случайно. Его основал Николай Парамонов – прелюбопытная личность в русской революции. Сын миллионера и радикал, близкий к революционерам

Ростова-на-Дону, издатель знаменитого исторического журнала «Былое», а впоследствии враг Советской власти – таковы вехи его биографии.

«Донская речь» Парамонова наводнила Россию популярными народными изданиями, которые те же социал-демократы использовали при своей пропаганде. Стоимость же брошюр была непривычно низкой. Например, упомянутые брошюры Серафимовича и Вересаева стоили соответственно три и четыре копейки, а Кизеветтера – десять (345). В противовес этой дешевизне тот же сборник Скитальца продавался за рубль, а книга Ленина «Развитие капитализма в России» – за 2 рубля 50 копеек. Это по тем временам были приличные деньги. Неудивительно, что для книжных шифров выбирались издания подешевле.

Отслеживая различные шифры революционеров, нетрудно заметить очевидные традиции. Во-первых, нередко использовались произведения самих социал-демократов – Плеханова, Ленина, Мартова, Богданова… Во-вторых, всегда назначались книги, которые заведомо уже были в наличии в заграничных центрах или их могли там без труда достать. В-третьих, очень часто в качестве шифров выбирались издания Павленкова, горьковского «Знания» или парамоновской «Донской речи». И практически всегда брались только близкие к идеям революции произведения известных писателей, экономистов и историков.

В 1905 году на волне роста революционного движения в России был основан целый ряд других издательств, начавших массовыми тиражами выпускать некогда запрещенную литературу. И все эти издания тут же шли в ход в качестве книжных шифров подполья. Все это вместе взятое позволяет исследователям ориентироваться в огромном издательском океане и правильно выбирать книги, некогда служившие для тайной переписки. Но если это можем делать мы, то куда проще было жандармским криптологам, досконально изучившим психологию, вкусы и литературные пристрастия своих подопечных.

Несмотря на прогрессирующий рост книжных ключей, в практике заграничного центра большевиков попрежнему оставались в большом ходу старые стихотворные и искусственные шифры. На то были несомненные причины. На Россию девятым валом шла революция. Десятки революционеров спешили покинуть эмиграцию и окунуться в бушующий океан революционной стихии. Так из отчета Крупской III съезду РСДРП следует, что только за период с октября 1904 года по апрель 1905 года редакцией «Вперед» было отправлено в Россию 56 большевиков. А с момента съезда по июль 1905 года (судя по «Переписке») в том же направлении выехало еще 42 революционера. Готовились к отправке новые 14 человек. При таком огромном отливе людей в Россию, конечно, не было никакой возможности каждого снабдить индивидуальным книжным шифром. Для этого у Крупской не было в наличии ни книг, ни средств для их приобретения.

Но действующие книжные шифры постоянно совершенствовались. Фиксированные страницы постепенно отходили в прошлое. Вошла в правило постоянная смена ключевых страниц. При этом они обозначались определенными дробями, которые ставились в заранее оговоренных местах криптограмм. Так в «ключе Коли» (Московского комитета РСДРП) страницу шифра указывала пятая дробь, считая от начала криптограммы.

Страницы так же определялись разными приемами – чаще всего произведением числителя и знаменателя или их суммой. Иногда их нужно было просто поставить рядом. Так 2/5 = 25. Или же страница книги выписывалась в качестве даты письма. В общем, способов было множество. Очень широко пошли в дело переменнозначные книжные системы, где по определенным правилам автоматически менялись страницы ключа. Начался настоящий «бум» книжных шифров. Даже простая выборка из архива Надежды Крупской сведений о разных системах шифров по годам дает нам наглядную картину этого (см. таблицу 13). Цифры в таблице округлены.

Таблица 13

Вид шифра	Год				
	1901	1902	1903	1904	1905
Стихотворный	85%	80%	54%	35%	15%
Книжный	5%	9%	35%	39%	65%
Квадратный	5%	4%	10%	10%	1%
Круглый	-	1%	-	1%	3%
Мудреный	-	5%	1%	5%	10%
Гамбеттовский (раздельный)	-	1%	-	10%	5%
Другие системы	5%	-	-	-	1%
Общее число рассмотренных ключей в год	28	100	67	56	51

Всего рассмотрено 302 ключа.

Совершенно очевидно, что значительная часть писем революционеров не дошла до наших дней, а вместе с ними сведения о тех или иных ключах. О многих шифрах революционеры договаривались во время встреч или с оказиями. Поэтому об общем их количестве приходится говорить только приблизительно. 300 ключей – это самый минимум. Но куда важнее установить не общее количество, а тенденцию их развития. И таблица с этой задачей вполне справляется.

Наглядно видно, что к 1905 году стихотворные шифры претерпевали устойчивый спад, а процент книжных поднялся до максимальной отметки. Но даже в своем кризисе стихотворные ключи так и не уступили

места в противоборстве с различными искусственными системами. Что же касается раздельного гамбеттовского шифра, то интерес к нему постепенно пропадал.

Однако вся эта статистика имеет отношение исключительно к шифрам зарубежного центра партии. А его значение в жизни РСДРП в 1905 году падало с каждым новым месяцем. Заграничная склока все больше уступала место реальным событиям – в России полным ходом разворачивалась Первая русская революция.

Из речи Леонида Красина на III съезде РСДРП:

> «Я лично и сейчас скептически отношусь к возможности сколько-нибудь удовлетворительной постановки работы ЦК при русских полицейских условиях, пока партия не объединена в одно целое. Задача ЦК страшно трудна, а требования к нему … неизмеримо велики… Пока у нас преобладает заграница, мы не выйдем из того тупика, в котором партия сидит второй год… И я могу только пожелать, чтобы возможно большее число выдающихся товарищей возможно скорее приехали к нам в Россию. Я не хочу быть не понятым. Роль заграницы в прошлом громадна. Товарищи, которые собрались здесь к 1900 году, совершили громадную работу, их усилиями, их знанием, их талантом заложен фундамент всей нашей партии, как партии социал-демократической… Но с момента, когда важнейшие теоретические вопросы были выяснены, когда были созданы и проведены в устав известные схемы будущей действительной организации партии, когда наступило время воплощения этих схем в жизнь, – заграница оказалась тормозом, препятствием, мешающим дальнейшему правильному развитию, – развитию партии… Заграница сделала для партии все, что она могла сделать. С того момента, как перед РСДРП практически встали задачи действительного создания партии, центр тяжести партийной политики переносится в Россию… Мы … должны сделать российский центр действительным центром нашей партийной жизни, предоставив в его распоряжение возможно большие материальные средства, а так же и литературные силы. Партия … или не будет создана вовсе, или она будет создана нами там, дома, в России».

Вся деятельность нового Центрального комитета была направлена именно на укрепление российского центра. Возглавили эту работу Красин и Богданов. На них же в начале 1930-х годов будет обрушена волна обвинений в зажиме «вождя партии» Ленина. Но это было далеко не так. Пока последний находился в Швейцарии, роль его действительно неуклонно падала. Но после того как Ленин решился, наконец, выехать в Россию, он быстро восстановил свои позиции в РСДРП. Можно говорить, что к осени 1905 года русское бюро ЦК сумело сплотить вокруг себя большинство социал-демократов России. Уже в июле были налажены связи и переписка практически со всеми комитетами партии (346).

К сожалению, почти весь русский архив ЦК ныне утрачен. Но мы располагаем уникальнейшим историческим документом – Адресной книжкой Центрального комитета, которую в 1975 году обнаружил в ЦГАОР все тот же В. Н. Степанов. У этого документа своя сложная драматическая судьба.

Октябрь 1905-го стал апогеем в противостоянии монархии и революционной России. Всеобщая политическая стачка охватила всю ее территорию. Правительство, вынужденное лавировать и идти на уступки, толкало Николая II сделать решительный шаг. И 17 октября 1905 года император подписал свой знаменитый манифест, который обещал гражданам России политические свободы и созыв законодательной Государственной думы. Этот манифест расколол единство либеральной буржуазии и революционных партий в борьбе против монархии. Но все они получили возможность обрести легальный статус.

Уже в ноябре 1905 года в Петербурге начала выходить разрешенная властями большевистская газета «Новая Жизнь». А ее редакция превратилась в один из важнейших легальных центров партии. Здесь находилась главная явка ЦК РСДРП и был сосредоточен весь его секретариат. Леворадикальное направление «Новой Жизни» вызывало полное озлобление властей. Развязка наступила 16 декабря 1905 года, буквально накануне Московского вооруженного восстания. В этот день газета подверглась официальному запрету, а в редакции жандармы произвели тщательный обыск. В большом количестве были захвачены и партийные документы – за два месяца свободы революционеры утратили былую осторожность. Но чрезмерная занятость жандармерии и полиции предопределила, что лишь через четыре месяца (!) началась тщательная разборка захваченного в декабре архива.

Внимание экспертов привлекла простая алфавитная книжка, страницы которой были сплошь испещрены цифровым шифром. Дешифровка такой объемной криптограммы оказалась успешной – книжка содержала массу партийных адресов. Но только 10 июля 1906 года Департамент полиции разослал по всем своим жандармским управлениям копии документа с указанием «выяснить лиц», адреса которых относились к району их деятельности.

Одна из копий длительное время хранилась в ЦГАОР, где ее и обнаружил Степанов. Однако в сделанной им публикации документ фигурирует как «Адресная книжка большевистской газеты «Новая Жизнь»». Но вряд ли это так. Пишет Степанов и о том, что книжка принадлежала Крупской – это также сомнительно (347). Анализ записей ясно говорит о том, что все они выполнены до октября 1905 года, когда последняя находилась в Женеве. Не было тогда еще и «Новой Жизни». Заключительные записи в книжке датируются

не позднее середины октября, когда вышел за границей 19 номер газеты «Пролетарий». Поэтому очевидно, что адресная книжка была передана Крупской кем-то уже в Петербурге. И это сразу объясняет, почему после ноября в книжке нет ни единой записи, почему так мало адресов и перечисленных шифров соответствуют материалам заграничного архива самой Крупской. Здесь мы имеем дело именно с внутрироссийской деятельностью ЦК, и записная книжка принадлежала кому-то из секретарей бюро Центрального комитета. А ими в разное время были Е. Стасова, П. Лалаянц и М. Вайнштейн.

То, что эта записная книжка принадлежала именно русскому ЦК, говорит простая логика – редакции газеты совсем не были нужны конспиративные явки по всей России. А приведенные пароли революционеров типа «Я от Фауста» или «Привет от Дон-Жуанов» однозначно указывают на ЦК. Поиск возможного хозяина книжки выводит нас на Пейсаха Вайнштейна (партийный псевдоним – Михаил Сергеевич). Арестованный в феврале 1903 года как транспортер «Искры», он был на пять лет сослан в Восточную Сибирь. Летом 1905 года Вайнштейн совершил побег и очутился в бурлящем Петербурге. С конца августа он стал секретарем Русского бюро ЦК РСДРП. А записи в записной книжке кончаются октябрем.

Крупская оставила свои воспоминания об осени 1905 года:

> «В то время я была секретарем ЦК… Другим секретарем был Михаил Сергеевич Вайнштейн… Михаил Сергеевич ведал больше военной организацией, всегда был занят выполнением поручений Никитича (Л. Б. Красина). Я ведала явками, сношениями с комитетами, людьми» (348).

Вряд ли стоит сомневаться, что истинным хозяином шифрованной записной книжки был именно Вайнштейн, а не Крупская. Ведь его резиденция также находилась в здании редакции «Новой Жизни».

Изучение материалов адресной книжки ЦК просто поражает историка – по 62-м городам России приведены подробнейшие сведения с 251-м адресом, паролями, шифрключами, условиями переписки и т.п. Здесь представлены практически все комитеты РСДРП. И если бы полиция действовала более оперативно, то результаты могли быть самыми печальными.

Но только через полгода после разгрома «Новой Жизни» жандармы начали разработку разобранных криптографами адресов. Надо полагать, что подавляющее большинство их было уже к этому времени отменено. И, возможно, что нам повезло больше полиции. Из большевистской записной книжки можно почерпнуть очень любопытные сведения. В частности, в приведенных партийных адресах перечислены в общей сложности 58 различных шифрключей. Лишь самая минимальная часть их пересекается с материалами заграничных архивов партии. Среди них кавказские ключи по «Евангелию», круглый ключ в Кострому по слову «учениками» и ключ по 2-й главе «Евгения Онегина» в Вильно. И на этом все! Остальные шифры являлись принадлежностью исключительно внутрироссийской переписки. И они разительно отличаются от практики заграничных центров.

Из 58 шифров лишь десять - стихотворные. Из них шесть – собственно стихи, а четыре – различные «Евангелия». Причем из шести стихотворных три условлены по одному и тому же произведению – «Евгений Онегин» Пушкина. Только три ключа к шифрам принадлежат к искусственным системам – квадратным и круглым. Но нет ни одного периодического (мудреного или гамбеттовского) шифра. Абсолютное большинство приведенных ключей – книжные: 45 из 58! Например:

> Петербург, ключ «Германия» Новгородцева, сумма – страница, без перерыва;
>
> Борисоглебск, ключ – третий сборник «Знание», произведение – рассказ, после перерыва – следующий;
>
> Варшава, ключ – «Московские ведомости» того дня, каким помечено письмо;
>
> Гомель, «Звезда» Вересаева, сумма, после перерыва – следующая;
>
> Двинск, ключ – «Классовые интересы» Каутского, издание «Вперед», страница – к числителю прибавить два, знаменатель – фиктивный;
>
> Нижний Новгород, ключ – «Чехов», знаменатель – рассказ, числитель – том;
>
> Киев, ключ – Лонге, «Социализм в Японии», произведение числителя и знаменателя, пропуск – следующая… (347).

Как видим, системы книжных шифров отличались некоторым разнообразием в обозначении страниц ключа. Очень часто указан переменнозначный книжный ключ – страницы его чередовались после каждого нового шифруемого абзаца.

В подавляющем большинстве в качестве ключей брались издания близких к социал-демократам издательств «Молот», «Вперед», «Буревестник», «Донская речь», «Знание». Присутствуют среди ключей и книги видных большевиков – «Эмпириомонизм» Богданова и «Очерки по истории Германии в XIX веке» в переводе товарищей Богданова большевиков В. Базарова (Руднева) и И. Степанова.

Часть ключей явно перешла в русский секретариат ЦК по наследству. Так по «Евангелию» с Кавказом начало переписываться еще Бюро комитетов большинства. Ключ с Костромой по слову «Учениками», очевидно, попал в Адресную книжку через Лидию Фотиеву, помогавшую вести переписку с провинцией. Так что можно смело утверждать, что сами секретари ЦК устанавливали с корреспондентами исключительно книжные шифры. Значит, существовала целая шифровальная «библиотека», и она наверняка находилась в редакции «Новой Жизни» в момент ее обыска жандармами.

Еще 25 июля 1905 года Бюро ЦК РСДРП обратилось ко всем комитетам партии с просьбой содействовать в распространении литературы легальной печати: «Центральный комитет входит в соглашение с издательскими фирмами, как в смысле дальнейшего издательства, так и в смысле получения на комиссию изданий для снабжения ими провинциальных складов при местных организациях партии» (349).

А к осени «свобода печати» стала в России фактом. И распространяемые при содействии ЦК РСДРП книги и брошюры одновременно стали играть роль шифрключей для связи с российскими комитетами.

«Адресная книжка ЦК» наглядно демонстрирует нам явный рост конспирации в шифрованной переписке социал-демократов. Были изжиты многие иллюзии относительно традиционных шифрсистем. И на лидирующее место окончательно вышел книжный шифр – наиболее устойчивый способ тайной переписки. Все эти усложнения происходили на фоне полной дезорганизации полиции и беспомощности властей. Это интересный феномен в психологии подполья, давно подмеченный историками. Революционеры тяжело входили в легальную политическую деятельность. Но так же трудно они затем «забирались» обратно в нелегальные формы работы, когда царизм перешел в наступление.

Глава одиннадцатая

«Жаргонные коды» и «Переписка»

Еще одна важная деталь из переписки марксистов до поры оставалась вне поля нашего зрения. Шифры были основным, но не единственным средством сокрытия партийных тайн. Очень широко практиковался язык кодов или условных терминов. Ими обозначались города, партийные предприятия, проводимые оргмероприятия и т.п.

Публикаторы «Переписки» социал-демократов свели все эти термины в единые списки, которые, по сути, являются настоящими жаргонными кодами. Код – это такой способ криптографии, когда шифруется не каждая буква, а целое слово или фраза. Например: Акулина – подпольная типография, журнал – чемодан с двойным дном, магазины – комитеты партии, счет – транспорт литературы… (350). Искровский список условных терминов содержит свыше 100 единиц, правда, большинство их абсолютно прозрачно.

Шифрование являлось очень трудоемким процессом. И, зачастую, подпольщики прибегали к так называемому «эзоповскому языку», словарному жаргону, для написания конспиративных писем. Таких примеров в большевистском архиве немало. Среди них, например, переписка Владимира Бобровского, Владимира Носкова и Леонида Красина (351). Под видом коммерческих и бытовых писем они писали целые трактаты, которые и сейчас довольно любопытно читать.

Вот, к примеру, отчет члена ЦК Носкова о посещении знаменитой подпольной типографии «Нина» в Баку:

> «Только что осмотрел промыслы Монташева. Дело, несомненно, очень серьезное… Общее положение дел в нефтяной промышленности неважное (вам известно о бывших здесь пожарах, сейчас догорает последний фонтан)…».

Несмотря на очевидную ясность подобных писем, их было трудно предъявить в качестве улик арестованным революционерам. Тогда, как перехват любого зашифрованного текста однозначно указывал на нелегальные действия и являлся неопровержимой уликой.

Очень полезно было при шифровке традиционными шифрами вводить в текст элементы кода. Это значительно усложняло процесс разбора их криптоаналитиками. Ведь наиболее употребительные в революционной специфике слова заменялись редкими условными терминами. Известный деятель петербургского большевистского подполья Николай Буренин вспоминал:

> «Нам техникам, имевшим дело с типографиями, складами, подпольными явками, приходилось вырабатывать свою систему шифрования. Мы в этом настолько усовершенствовались, что писали шифры со скоростью обычного письма. При этом применяли двойной шифр: переименовывали слова по известной аналогии и шифровали уже переименованные слова» (352).

Совершенно незаменим был код при сношениях телеграфом. Этот способ связи сопряжен был, однако, со значительным риском.

> «Имейте в виду, что сношения телеграфом очень опасны, с телеграмм ведь снимаются копии. Старайтесь ограничиваться почтой»

– так инструктировал В. Ульянов своего корреспондента Л. Гальперина еще в 1901 году (353). Но, в крайнем случае, другого выхода не было.

Прибывший на III съезд в качестве делегата от «Сибирского союза» Викентий Гутовский (Ланцетов) неожиданно отказался участвовать в его работе. Он принял участие в параллельной меньшевистской конференции в Женеве. Тогда другой делегат от Восточного бюро ЦК РСДРП Григорий Пригорный (Крамольников), недавний член «Сибирского союза», через Надежду Крупскую отправил в Сибирь срочную телеграмму:

> «1) Иркутск, Большая, магазин Цукасова, Марии Абрамовне.
>
> 2) Томск, врачу венерических болезней Броннеру.
>
> Выставка открыта, Цукасов уже на месте, Ланцетов участия отказался, образцы сибирского музея не будут выставлены. Телеграфируйте доверенность другому… Гриша» (354).

Здесь мы имеем яркий пример «эзоповского языка». Но гораздо чаще в телеграммах ограничивались несколькими условными терминами или цифрами. Например, в 1901 году Крупская инструктировала Л. Книпович в Астрахани:

> «Отсюда надо при посылке всяческих посылок всегда обозначать, что именно посылается… Можно ли по данному адресу посылать посылки с обозначением книги? Или может, можно посылать простыми бандеролями? По получении этого письма дай немедленно телеграмму.., или 1) можно (т.е. можно надписывать «книги»), или 2) отсылайте (будет значить «бандеролью»), или 3) ждите (в том случае, если оба способа негодны)» (355).

Другой пример: Предлагая провести сбор ЦК РСДРП в Стокгольме, Ленин писал в октябре 1905 года своим коллегам в Россию:

> «Дайте мне телеграмму… За подписью Болеслав с одним числом, означающим дату, когда я должен быть в Стокгольме (30 = я должен быть к 30-му сентября, 2 или 3 = я должен быть ко 2 или 3 октября и т.д.)» (356).

Были и более сложные способы связи. Так известно, что в разгар революции пятого года томская революционерка Августа Кузнецова, оказавшаяся в ссылке по делу киевских искровцев, разработала подробнейший код для телеграфной переписки по части организации в Сибири забастовок и демонстраций (357).

Таким образом, буквально все виды почтовой и телеграфной связи в Российской империи использовались для оперативного контакта революционеров. И прекратить их общение можно было лишь одним радикальным способом – отменить в России почту и телеграф.

Глава двенадцатая

Последние десять лет

Поражение революции 1905 – 1907 годов коренным образом внесло корректировку в расстановку политических сил России. Жесточайшая реакция, репрессии, разгром революционных партий – все это только одна сторона медали. Сильнейший революционный натиск поколебал устои самодержавия – как бы то ни было, но Россия стала постепенно превращаться в конституционную монархию. Параллельно с непрестанными преследованиями крайних левых течений, в стране была разрешена некоторая деятельность рабочих профсоюзов, умеренных партий, работала Государственная дума, ослабла цензура, производились определенные экономические и политические реформы. Все это происходило, однако, с большим трудом, сопровождалось усилением реакции и попытками забрать обратно ранее дарованные монархом свободы.

Начался стремительный отток революционеров из подпольных партий. В значительной степени оказалась дезорганизованной и РСДРП. Ее Центральный комитет практически отсутствовал, съездов не проводилось, на местах оставались лишь немногочисленные партийные ячейки. Тяжелый идейный и организационный кризис в полной мере коснулся и фракции большевиков.

За «отзовизм и философский ревизионизм» из Большевистского центра был устранен А. Богданов. Не найдя себе места в непрекращающихся заграничных дрязгах покинул его ряды Л. Красин. Отошли от активной работы Г. Кржижановский, Д. Постоловский, И. Радченко, И. Лалаянц, Ф. Ленгник и десятки других виднейших практиков подполья эпохи Первой русской революции. На их место пришли новые молодые кадры, которым еще предстояло пройти свою суровую школу революционной борьбы.

И во многом это была уже другая партия. Более узкая по составу, более замкнутая по структуре. Владимир Ленин тоже был во многом иной – более жесткий, более авторитарный и более одинокий. Борьба за лидерство в партии постепенно вылилась в монополию Ленина во всех областях ее жизни. Большевизм, утратив многих своих прежних вождей, все более приравнивался к понятию «ленинизм».

> «В хорошее время Ильин был человеком большой и полезной работы; в плохое, трудное время он стал человеком тяжелых ошибок. Но в его характеристике не это – худшая черта. Еще сильнее поражает его бешеная ненависть к свидетелям и способы борьбы против них»

– таким в эти годы видел Ленина Александр Богданов (358). Так логика политической борьбы все дальше и дальше разводила в разные стороны старых партийных товарищей.

Лишь в январе 1912 года в Праге состоялась большевистская конференция, реально возродившая Центральный комитет и поставившая его под контроль Ленина. Специальной резолюцией было предложено местным социал-демократам «напрячь все силы для восстановления и укрепления нелегальной партии».

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение деятельности революционеров эпохи реакции и очередного революционного подъема. Важнейшая причина этого – отсутствие документальной базы исследований. Сохранившиеся партийные архивы 1908 – 1917 годов большей частью не опубликованы. Совершенно ничего не известно широкой исторической общественности о существующих архивах меньшевистской фракции РСДРП, БУНДа, СДКПиЛ, ПСР и других партий.

Хотя сами криптографические системы подполья не могли претерпеть серьезных изменений. Список их не менялся, а только, в зависимости от конкретных обстоятельств, различные виды шифров получали большее или меньшее значение. И, конечно, революционные вожди сделали выводы из своих прошлых провалов. Это были уже не двадцатилетние романтики подполья, а зрелые и опытные профессионалы, поднаторевшие в жестокой борьбе с политической полицией.

Летом 1912 года Заграничное Бюро ЦК, возглавляемое Лениным, переехало из Парижа в Краков. К этому времени относится сохранившаяся алфавитная книжка, принадлежавшая секретарю Бюро Надежде Крупской. Документ содержит значительное количество адресов местных комитетов и отдельных большевиков по всей территории России. Множество революционеров находилось в ссылке, но продолжали поддерживать связь с возродившимся центром партии.

В августе 1914 года началась Первая мировая война, и Ленин был неожиданно арестован властями Австро-Венгрии как «русский шпион». Среди прочих бумаг список подпольных адресов очутился в руках вражеской полиции, но царским властям не достался. Краковско-Поронинский архив ЦК долгое время считался безвозвратно потерянным. Но в 1954 году он был обнаружен польскими историками и передан в Москву. В 1959 году архивисты В. Н. Степанов и З. Н. Тихонова опубликовали «Адресную книжку ЦК РСДРП (1912-1914 годов)». Значительное место в ней, в частности, отведено действующим на этот момент большевистским шифрам.

Их приведено более сорока. И подавляющее число – книжные! В качестве ключей чаще всего использовались журналы «Просвещение», «Вопросы страхования» или брошюры широко распространенной в те годы серии «Универсальная библиотека». Это были легальные издания самих большевиков или близких к ним издательств. Так «Просвещение» издавалось в Петербурге под прямым руководством Ленина, в нем участвовали виднейшие большевистские литераторы. Чаще всего в качестве ключа принимались фиксированные страницы изданий. Впрочем, как и в прежние времена, их зачастую обозначали дробями.

В Адресной книжке Крупской встречается лишь два стихотворных ключа («Воздушный корабль» Лермонтова и «Ворона и лисица» Крылова). Поэты все те же! Но нет ни одной искусственной системы! Прежние традиции были сломаны, отношение к шифрам у секретаря Заграничного бюро ЦК РСДРП стало более осторожным. Однако использование в качестве ключей определенных журналов давало полиции немалые шансы подобрать нужный (359).

Между прочим в эти годы Крупская стала иногда использовать шифровальный ключ в виде выписок из книг французских авторов. Такая рукопись отправлялась в российские комитеты и была гораздо более стойким шифром – криптоаналитики не могли уже обнаружить нужный ключ в привычной им русской литературе. Но широкого применения подобный способ не получил (360).

Большую помощь полиции в дешифровке секретной переписки революционеров, несомненно, оказывали действующие в их среде многочисленные агенты, а так же различные косвенные признаки.

О последних можно узнать, к примеру, из письма известного И. А. Зыбина к начальнику Саратовского ГЖУ (февраль 1910 года):

> «Отобранные по обыску у мещанина Николая Сергеевича Кузнецова записи зашифрованы 4, 15, 25, 29 и 35-й страницами какой-то неизвестной книги и разбору не поддаются по недостаточности материала. Прошу Ваше Высокоблагородие уведомить в самое непродолжительное время, не было ли обнаружено по обыску у названного Кузнецова, кроме означенных записей, какого-либо издания или легальной книги с пометками на отдельных страницах или загрязненной более других какой-либо страницей от частого, сравнительно с другими, употребления, и, кроме того, не встретилось ли одно и то же издание у прочих лиц, принадлежащих к одной с Кузнецовым организации, так как подобное явление в большинстве случаев указывает, что такое издание служит ключом для шифрованных сношений» (361).

Стоит в этой связи вспомнить, что уже с 1908 года из опубликованных в журнале «Былое» записок бывшего полицейского чиновника М. Бакая революционерам стало известно имя Ивана Зыбина и его уникальные аналитические способности. Это было прямое предупреждение подпольщикам. И массовое применение ими книжных шифров значительно снижало эффективность работы полицейских криптографов. Но ограничиться исключительно книжными ключами революционеры, понятно, не могли. Слишком непредсказуема была их жизнь, чтобы в любой ее момент под руками оказалась требуемая книга.

Один из «искусственных» большевистских шифров находим в донесении в Московскую охранку ее сотрудника «Пелагеи». Им был известный провокатор Андрей Романов, с 1910 года находящийся на содержании полиции и игравший крупную роль в московской организации большевиков. Как секретарь Центрального промышленного района РСДРП, он непосредственно переписывался со многими местными комитетами и Заграничным бюро ЦК. Одновременно он информировал жандармов о прибывающих в Москву партийных эмиссарах. Так 17 апреля 1915 года предатель сообщил:

> «На днях приехала из Петрограда в Москву по поручению Петербургского комитета РСДРП, ныне временно, видимо, исполняющего функции Центрального комитета, некая «Татьяна Сергеевна», до войны долгое время проживавшая за границей, преимущественно в Цюрихе» (362).

А 21 апреля тот же «Пелагея» дал более интересную информацию:

> «На днях в Москву из Петрограда приехала по поручению ЦК РСДРП (б) некая «Татьяна Сергеевна»… «Татьяна Сергеевна» имеет широкие полномочия по воссозданию на местах социал-демократических большевистских организаций… «Татьяна Сергеевна» почти ежедневно сносится с Петербургским комитетом, которому сообщает о достигнутых ею результатах и полученных связях, причем пользуется цифровым шифром:
>
> *1. Мы, 2. азбуку, 3. весь, 4. день, 5. писали, 6. бумаги, 7. книжку, 8. извели, 9. мы, 10. фыркающих, 11. отвергали, 12. эх, 13. ящерицу, 14. предпочли, 15. плешь*.
>
> Указанные цифры обозначают только слова ключа, например 12 – «эх», нужная же для зашифрования буква обозначается порядковой цифрой, занимаемой буквой в слове ключа; так, например, зашифрованная буква «А» будет обозначена: 2-1, или 5-4, или 6-4, или 10-5, или 11-7. Однако кроме этих цифр при шифровании между ними вставляются еще произвольные цифры с таким расчетом, чтобы каждая буква была обозначена четырьмя цифрами: так, та же буква «А» в окончательно зашифрованном виде будет обозначена: 7251, или 3544, или 2634, или 1025, или 1147. При этом

нужно иметь в виду, что между цифрами ключа вставляется только однозначная цифра, поэтому, если зашифрованная буква состоит из двух однозначных цифр, произвольные цифры вставляются одна перед цифрой ключа, причем нельзя ставить только 1, а другая – между цифрами ключа; если же зашифрованная буква состоит из двузначной и однозначной цифр, как, например, «А» – 11-7, то вставляется только одна однозначная цифра между ними. Таким образом, зашифрованное слово «Москва» будет обозначаться так:

392111715343276138731095.

Для расшифровки, так как указанные цифры пишутся подряд, нужно весь зашифрованный текст разбить на группы по четыре цифры, из коих выкинуть произвольно вставленные цифры, имея в виду, что если первая цифра будет 1, то произвольно вставленная – только одна цифра между цифрами ключа, то есть по счету третья, в противном случае – вставлено две цифры – первая и третья…» (363).

Вскоре московским охранникам удалось узнать и личность «Татьяны Сергеевны». Ею оказалась «Арнольд Вера Степановна, жена дворянина». Исторические справочники дают нам более точные сведения об этой большевичке:

«Арнольд (Житкова) Вера Степановна (1877-1963). В 1898 году окончила физико-математический факультет Высших женских курсов, в 1909 году – юридический факультет Петербургского университета. Находилась в эмиграции, участвовала в работе большевистской секции в Цюрихе. После победы Октября находилась на научной и педагогической работе. Доктор математических наук, профессор» (364).

Нетрудно видеть, что ключ «Татьяны Сергеевны» все тот же давно опробованный квадратный шифр народников. Однако в его структуру вводилось большое количество цифр-пустышек. Конечно, записи при этом приобретали довольно громоздкий вид, но при шифровании дробями по книжным текстам объем криптограмм был не меньшим. Надо полагать, что свою своеобразную систему квадратного шифра математик Арнольд придумала сама.

Кроме различных видов квадратных ключей продолжали иметь хождение и всевозможные гамбеттовские. Пример тому – польская социал-демократия, структурно входящая в единую РСДРП. Один из лидеров «Социал-демократии королевства Польского и Литвы» Феликс Дзержинский (Юзеф) в 1910-х годах переписывался из Кракова с «русской Польшей» лимонной кислотой при помощи ключевых фраз «Матка боска ченстоховска», «Когда будет солнце и хорошая погода», «Души человечьи вечно одиноки». Все эти ключи обнаружила в бумагах мужа Софья Дзержинская. Последний шифр принадлежал как раз ей самой. «Юзеф спросил меня какой ключ я предлагаю. Он это сделал сознательно, считая, что если я предложу ключ, то лучше его запомню. У меня под рукой оказался сборник поэзии А. Ланге и я предложила слова из одного стихотворения» (365). Такова была психология выбора подпольщиками своих шифрключей.

Гамбеттовский шифр был вообще традиционен для будущего организатора ВЧК и ОГПУ. Еще в феврале 1905 года Дзержинский писал своим товарищам в Заграничный комитет СДКПиЛ:

«Адрес в Пулавы: «Институт» (ключ тот же, что и лозунг – русский полный алфавит)» (366). Здесь «лозунг» – явочный пароль подпольщиков. Мы не знаем, какой вид «гамбетта» предпочитал «Юзеф». Однако в другом нашем примере это доподлинно известно.

Летом 1911 года у видного уральского большевика Петра Гузакова полицией были обнаружены некоторые зашифрованные письма. Их удалось разобрать. В качестве шифра революционер выбрал гамбеттовский сокращенный ключ по слову «**Костюм**». При зашифровке использовалась «тюремная» 28-буквенная азбука. Все суммы больше 30 уменьшались по модулю 30. Это была народовольческая система Л. Златопольского, которую в 1902 году подробно описал П. Розенталь.

Согласно этого ключа шифр Гузакова нетрудно подвергается разбору (367):

25	15	4	3	11	28	28	15	6	30	3	25	8	27	23	6	10	18	28	19	23	1	3	16
К	о	с	т	ю	м	К	о	с	т	ю	м	К	о	с	т	ю	м	К	о	с	т	ю	м
10	14	17	18	27	12	10	14	17	18	27	12	10	14	17	18	27	12	10	14	17	18	27	12
15	01	17	15	14	16	18	01	19	12	06	13	28	13	06	18	13	6	18	5	6	13	6	4
П	*а*	*с*	*п*	*о*	*р*	*т*	*а*	*у*	*м*	*е*	*н*	*я*	*н*	*е*	*т*.	*Н*	*е*	*т*	*д*	*е*	*н*	*е*	*г*

Легко убедиться, что в самый канун Октябрьской революции в шифрах революционеров принципиально ничего не менялось. Были переставлены лишь некоторые акценты – упор теперь делался на книжные шифры, модернизировались старые системы и возвращались в строй некогда забытые. Точно так же широчайшим образом использовались различные симпатические составы. Надежда Крупская писала впоследствии, что «пятнадцатилетний опыт убедил нас, что только правильно поставленная химическая непосред-

ственная переписка гарантирует правильность сношений» (368). Такими же путями шла переписка других нелегальных фракций РСДРП.

Вот перед нами письмо секретаря троцкистской газеты «Правда» Виктора Коппа в Россию за февраль 1911 года. Редакция ее находилась в Вене и состояла из Л. Троцкого, А. Иоффе и М. Скобелева. Лев Троцкий был главой так называемого «Центристского блока» и стремился объединить под своим руководством обе фракции партии путем преодоления «крайностей» большевизма и меньшевизма. «Правда» нелегально распространялась в России, где старый искровец Копп всячески искал связей с революционерами. Его письмо (кстати, перлюстрированное) –настоящая инструкция по ведению химической переписки:

> «Дорогие товарищи! В данном письме, в виду того, что столь откровенная переписка неудобна, хочу вам указать способы конспиративной переписки. Итак, переписка химией состоит в следующем. Пишут на шероховатой, не глянцевой бумаге. Пишут сначала обыкновенными чернилами какой-нибудь безразличный текст, т.е. что-либо совершенно безобидное, ни слова о делах. Когда это письмо написано, то берут совершенно чистое мягкое перо и пишут между строками, написанными чернилами, уже то, что хотят сказать о конспиративных делах. Это конспиративное письмо пишут химическими чернилами, т.е. раствором какой-нибудь кислоты: либо 1) Plumbum nitricum (азотнокислым свинцом) – это самый лучший состав, но яд, и без рецепта этого препарата не выдают; либо 2) винно-каменной кислотой (эту кислоту можно покупать в любом аптекарском или даже бакалейном магазине: она совершенно безопасна и покупка ее не подозрительна, так как эту кислоту употребляют в хозяйстве часто, например, для лимонадов); наконец, можно просто писать 3) лимонной кислотой. Какую бы из этих кислот вы не взяли, вы должны ее растворить в воде, написать что-нибудь на чистом листе бумаги, а затем нагреть эту бумагу на лампе, если раствор хорош, то написанные буквы от нагревания станут темнеть и будут почти черными; если же раствор недостаточен, то нужно прибавить еще кислоты и только тогда писать письма к нам» (369).

Помимо традиционных химических составов, были и иные. Вот, к примеру, воспоминания большевика Иоселя Гамбурга о его тюремной переписке с большевичкой М. Кузнецовой:

> «Я с ней переписывался тайнописью. Для этой цели она применяла фенолфталеин, которым писала между строк в письмах с самым невинным содержанием. Йодистый препарат, применявшийся тюремной администрацией для промазывания писем в целях обнаружения тайнописи, на фенолфталеин реакции не давал. Надо было применить нашатырь, и тогда на письме выступали лиловые слова, улетучивавшиеся вместе с испаряющимся нашатырем» (370).

Появлялись у революционеров и новые оригинальные способы «химии» (но так же хорошо известные жандармам). Из циркуляра Департамента полиции за январь 1914 года следует, что распространенным способом переписки подпольщиков стал так называемый «метод водяного давления». Для этого на сыром нелинованном листе бумаги, наложенном на зеркало, обыкновенным карандашом через другой, сухой, лист бумаги писали нужное письмо, которое при высыхании делалось абсолютно невидимым. На нем нерастворимыми чернилами писался маскировочный текст. Чтобы скрытое сообщение проявилось, его вновь погружали в воду (370).

Читатель, видимо, давно обратил внимание, что большинство наших нынешних знаний о способах ведения переписки доходят до нас из архивов полиции. Это и понятно – сами подпольщики всячески уничтожали все возможные улики. И неизбежно может сложиться предубеждение о всесилии тайной полиции, которая при желании могла справиться с любой революционной организацией. Но это только видимость и поверхностный взгляд на сложные проблемы истории. Бессмысленно говорить, что жандармы знали абсолютно все. И что они могли запросто переловить тысячи (!) русских революционеров. Увы, если бы они могли, то непременно бы сделали это. Но неуклонное нарастание в стране политических противоречий не оставляло самодержавию никаких шансов. Полиция лишь черпала чайной ложкой из огромного бурлящего котла русской революции.

Не удивительно, что жандармы смогли собрать досье на большинство членов революционных партий. Ведь те годами и десятилетиями находились под «колпаком» политической полиции. Но изучение документов дает нам ясное понимание того, как много ошибок было зафиксировано в этих самых документах полиции. Жандармы зачастую просто не понимали сложнейших межфракционных отношений и своими действиями помогали разрешать острейшие партийные кризисы. Направляя максимальные усилия для раскола РСДРП, полиция просто шла навстречу вождю большевизма Ленину. Тот как раз стремился к обособлению своей фракции от социал-демократического «болота» и созданию из нее боевого отряда.

Свое мнение о большевистском подполье 1910-х годов изложил начальник Московского охранного отделения Заварзин:

> «В работу посвящались лишь причастные к тому, или иному действию. Лица высших организаций появлялись в низших всегда под псевдонимами. Переписка с шифром и химическим текстом. Активные работники зачастую жили по нелегальным паспортам и для корреспонденций своими квартирами не пользовались. Корреспонденция вся в их адрес направлялась на имя нейтральных лиц. Избе-

> гали излишних встреч друг с другом. Старались не хранить материалов, которые могли бы быть использованы против них полицией. Стремились обнаружить за собой установленное наружное наблюдение. Выставляли условные знаки в случае прихода полиции и ареста… Действовали изолированные друг от друга группы. Верхи партии почти всегда находились за границей. В результате гибла лишь одна группа или часть партии. Революционеры… почти всегда отказывались от дачи показаний на допросах… Конспирация, проявляемая большевиками, является весьма поучительной» (371).

В подобных правилах конспирации нет ничего особо нового – все они были выработаны еще землевольцами и народовольцами. Но умелое использование их большевиками делало эту фракцию РСДРП наименее уязвимой. Структура любой нелегальной организации диктовалась данной политической ситуацией и задачами самой партии. Поэтому так различны были по форме «Земля и Воля», «Народная Воля», «Черный передел», партии эсеров и социал-демократов. План построения массовых организаций вокруг узкого ядра профессиональных революционеров Владимир Ленин проводил настойчиво и неукоснительно. И это большей частью большевикам удавалось делать в самые разные периоды их борьбы с самодержавием.

Что же касается российской полиции, то не последним ее средством к обнаружению на территории страны тайных организаций оставалась повальная перлюстрация всей почтовой корреспонденции. Однако на жандармов и их криптографов обрушивалась целая лавина революционных криптограмм, и их стало просто невозможно оперативно разрабатывать. Поэтому с недоверием стоит относиться к постреволюционным хвастливым свидетельствам царских чиновников на эту тему. Ну, к примеру, такому: «В большинстве случаев корреспонденция членов революционных партий была зашифрована, но обыкновенно таким детски-наивным шифром, что разбор подобных криптограмм не представлял почти никаких затруднений для опытных дешифровщиков секретной экспедиции» (372).

Серьезные революционеры России уже широко использовали книжные шифры, вскрытие которых требовало от криптоаналитиков значительных временных и умственных затрат. Их усилия нередко заканчивались полным провалом – ведь на единицы умелых криптографов приходились сотни зашифрованных сообщений. Очень часто полученная жандармами информация просто оседала в их архивах, не имея никакого практического исхода.

Заграничные революционные центры действовали почти в открытую. Примечательно, что те же большевики хранили там свои обширные архивы и переписку. Причем партийные секретари, не боясь, воспроизводили свои криптограммы прямо на черновиках писем, что было крайне опасно в смысле сохранения тайны шифра. Однако мы не знаем ни одного случая похищения русской агентурой какого-нибудь важного революционного архива (в чем, затем, особенно преуспеет ОГПУ). Кстати, часто, благодаря этой беспечности революционеров, мы теперь можем разбираться во многих их шифрах. Таким образом, успехи полиции были крайне противоречивыми. Факт остается фактом – несмотря на всю «наивность» революционеров и «подвиги» жандармов, буквально за десять лет Россия подошла к новой революции.

Любопытно сравнить методы стеганографии и криптографии русских революционеров с общемировыми достижениями того времени. Удивительно, но очень часто мы найдем здесь полное соответствие. Так видный контрразведчик Первой мировой войны Эдвин Вудхол писал:

> «Употребление симпатических, или невидимых, чернил было излюбленным способом неприятельских разведчиков... Вот некоторые сорта невидимых чернил, обычно употребляемых агентами разведки… Раствор свинцового сахара в чистой воде не оставляет следа на бумаге, когда он высыхает, но под влиянием тепла буквы становятся черными… Следы рисовой воды на бумаге невидимы, но йодовая реакция делает их синими. Серная кислота или купорос, разведенные в воде, если писать острым концом стального пера, дают прекрасные невидимые чернила, которые при нагревании становятся неизгладимо черными. Птичьим пером, смоченным соком луковицы или репы, так же можно писать невидимые письма, которые под действием тепла становятся ярко-коричневыми. Молоко и лимонный сок являются хорошими симпатическими чернилами, но ими нельзя писать на глазированной бумаге» (373).

Перечисленный Вудхолом свинцовый сахар (уксусно-кислый свинец), растворы кислот, лимонная кислота, молоко, рисовая вода (раствор крахмала) вовсю использовались в «химии» российского подполья.

Что же касается шифров, то некоторые идеи российских революционеров шагнули далеко вперед тогдашней мировой практики. Самый наглядный пример – книга П. И. Розенталя. Он предвосхитил в ней появление одноразовых шифров, где в качестве гамбеттовских ключей использовались обширные книжные тексты.

Известный историк мировой криптологии американец Дэвид Кан писал, что шифрпереписка советских разведчиков эпохи Второй мировой войны не поддавалась дешифрованию. Большинство из них использовало стандартную для советской агентуры того времени шифрсистему, которая стала триумфом шифровальной техники. Она представляла собой доведенную до совершенства старую систему, применявшуюся русскими революционерами, и объединяла в себе шифр равнозначной замены с одноразовой «гаммой».

Знаки «гаммы» получали из текста обычной книги путем его шифрования с помощью шифртаблицы (374). Комментарии, видимо, излишни. Старая революционная шифрсистема – это и есть «гамбеттовский ключ». А идеи Павла Розенталя были оценены как «триумф советской шифровальной техники». Развитые в начале XX века, они и в его конце совсем не потеряли своего актуального значения. Но уже на качественно другой основе – с использованием новых технологий и компьютеров.

Глава тринадцатая

После Октября

1917-й год стал переломным не только в истории России, но и всего мира. В одночасье рухнула 300-летняя династия дома Романовых. Война, невиданные жертвы и сотни тысяч калек, потери огромных территорий, паралич власти, чехарда министров, невиданное обогащение узкой прослойки буржуазии и разорение остальной… Все это не могло не кончиться февральским взрывом, вынудившим монарха отречься от власти. Но пришедшее ему на смену Временное правительство оказалось бессильным противопоставить заслон надвигающемуся хаосу. Николай II и его многочисленная семья находились под арестом в Тобольске, а в Петрограде, казалось, ничего не менялось. Министры говорили красивые речи, раздавались обещания… Но войне не было видно конца, армия роптала и дезертировала. Останавливались заводы и фабрики. Приближалась суровая зима. По всей стране нарастала волна демонстраций, доходившая до вооруженных столкновений и расстрела войсками революционной толпы.

Страна все более скатывалась в пропасть и речь уже шла о целостности самой России. На смену аморфному Временному правительству неуклонно шла диктатура. И весь вопрос состоял только в том, кто будет этим диктатором. Неудачный мятеж генерала Корнилова предопределил Октябрьский переворот большевиков. Лежащую на мостовой власть подобрал Владимир Ленин и стоящая за ним немногочисленная, но сплоченная партия левых революционеров.

Большевики, в сущности, не имели никакого государственного опыта управления великой державой. Они знали, как разрушить ненавистное старое, но что было делать дальше? Об этом имелось очень смутное представление. В стране разгорался пожар Гражданской войны, экономическое положение все более ухудшалось, повсюду поднимала голову контрреволюция самых разных оттенков. Это было страшное время, требующее жестоких решений. Вопрос стоял предельно просто – кто кого? Красные или белые? Середины быть не могло. К лету 1918 года Советская власть оказалась на пороге полного краха.

> «На Востоке надвигались к Волге и Уралу Сибирские и Чехословацкие войска; с Севера начинал угрожать англо-русский фронт; на Юге … собирались добровольцы генералов Алексеева и Корнилова… Германские войска возобновили наступление с северо-запада, а на Украине утвердили силою своих штыков гетмановскую власть генерала Скоропадского»

– так писал о том времени колчаковский генерал Михаил Дитерихс.

Только Москва, Петроград и прилегающие к ним районы были еще под контролем Советского правительства. В столице Урала Екатеринбурге срочно решалась судьба доставленной сюда семьи Николая II. В первых числах июля решение было принято и согласовано с Москвой. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в доме инженера Ипатьева под звук работающего автомобильного мотора раздались беспорядочные выстрелы. По решению Областного съезда Советов Уральской области без всякого суда были зверски убиты отрекшийся от престола Николай II, вся его семья и ближайшее окружение. Одиннадцать трупов под покровом ночи вывез из страшного дома грузовик и исчез в неизвестном направлении. Десятки лет никто не знал его последнего маршрута.

19 июля началась эвакуация большевистских частей из Екатеринбурга, а 25 числа в город вошла белогвардейская Сибирская армия и чехи. Так началась эта страшная история, ставшая символом жестокости Гражданской войны и предтечей всех ее миллионных жертв. Сегодня об этом написаны сотни статей, десятки книг… И мне бы не хотелось вновь погружаться в эту трагедию, если бы не одно обстоятельство.

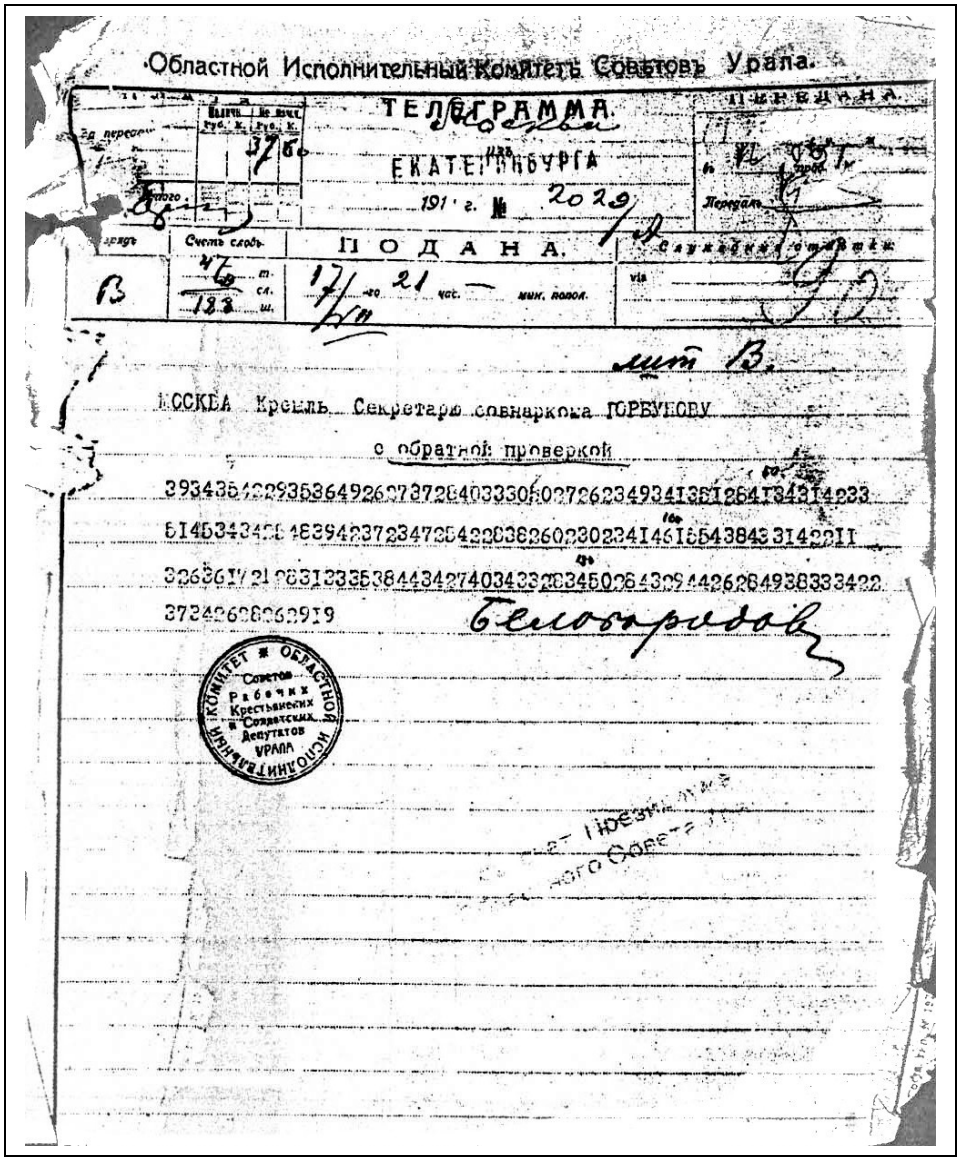
4 января 1919 года по решению Екатеринбургского окружного суда из Екатеринбургской телеграфной конторы были изъяты все сохранившиеся телеграммы большевиков. А 5 февраля по приказу Верховного правителя России адмирала Колчака следствие по делу об убийстве царской семьи было передано опытному следователю Николаю Соколову. Среди многочисленных бумаг, оказавшихся в его руках, была и некая телеграмма в Москву, датированная 9-ю часами вечера 17 июля 1918 года. Но документ был зашифрован.

В ноябре 1924 года Николай Алексеевич Соколов скончался во Франции, а в 1925 году вышла в свет его посмертная книга «Убийство царской семьи». В ней он шаг за шагом поведал миру всю историю своего драматического следствия. Тела убитых узников так и не были найдены. Но многочисленные факты, кропотливо собранные Соколовым, однозначно говорили о жестокости этого убийства, о несомненной гибели всей царской семьи (включая пятерых детей), многих ее родственников (находящихся в руках большевиков) и прислуги. Привел на страницах своей книги Соколов и загадочную телеграмму (375):

> «Москва,Кремль,Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой.

393435422935364926273728403330502726234934135128413431423 3
514534342548394237234725422838260230234146155438433142211
326361721283133353844342740343328345028432944 26284938333422
37342628262919».

Под всей криптограммой шла размашистая подпись председателя Исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Уральской области Александра Белобородова и красовалась выразительная печать. В своей книге Соколов дал расшифровку телеграммы и подробным образом попытался изложить ключ к шифру Уралсовета. Однако то, как он сделал это, ясно говорит о его слабой компетентности в области революционной криптографии. Приведенная следователем ключевая таблица (несмотря на свою фактическую верность) мало понятна и чересчур сложна.



26. Печально знаменитая телеграмма Уральского Совдепа о расстреле в Екатеринбурге всего царского семейства в июле 1918 года. Ключ к шифру – в слове «Екатеринбург».

Соколов так описал свою работу над загадочным документом большевиков:

> «Она [телеграмма – А.С.] сразу приковала мое внимание и отняла у меня много времени и хлопот… 24 февраля я передал ее содержание опытному лицу при штабе Верховного Главнокомандующего, 28 февраля – в Министерство иностранных дел, позднее – Главнокомандующему со-

> южными войсками генералу Жанену. Результаты были плачевны. В Европе мне удалось найти то русское лицо, о котором всегда было известно как о человеке совершенно исключительных способностей и опыта в этой области. 25 августа 1920 года он получил содержание телеграммы. 15 сентября того же года я имел ее у себя уже расшифрованной… 25 августа 1920 года мне была абсолютно ясна идея большевистской лжи: «Мы расстреляли только царя, но не семью». Они надели на себя революционную личину и подсовывали под преступление моральный принцип. Этим принципом они оправдывали убийство Царя. Но какая мораль может оправдать убийство детей? Им оставалось только одно средство: лгать, и они лгали. Но они лгали для мира. Для себя же и между собой они должны были говорить правдиво. В содержании этой правды не могло не войти, должно было войти слово «семья». В числе других, оно было дано мною 25 августа 1920 года. Специалист-техник с колоссальным опытом и из ряда вон выдающимися способностями раскрыл смысл таинственной телеграммы. Ее ключ, очевидно, слово «**Екатеринбург»**, имеющее 12 букв».

Каждый читатель, знакомый с книгой Соколова, последнюю фразу поставит под сомнение. То, что ключ к шифру Уралсовета в слове «**Екатеринбург»** отнюдь не очевидно. И приходится только удивляться проницательности неведомого нам дешифровщика. Ибо он абсолютно прав.

Действительно, ключ Соколовым указан верно. Но предварительно он превращался совсем в другую «гамму». Делалось это при помощи «единозначного парного шифра» (согласно терминологии Розенталя). Он представлял из себя два 27-буквенных алфавита, выписанных в разные строки навстречу друг другу. Это было старинное криптографическое правило, известное в России, например, еще по «Тарабарской грамоте». При этом производилась сдвижка азбук с таким расчетом, чтобы совместить первую и последнюю буквы ключевого слова: «Е» и «Г».

а	б	в	г	д	**е**	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я
и	з	ж	е	д	**г**	в	б	а	я	ю	щ	ш	ч	ц	х	ф	у	т	с	р	п	о	н	м	л	к

Каждая пара букв верхнего и нижнего алфавитов здесь взаимно заменяли друг друга. В результате слово «**Екатеринбург**» превращалось в иное буквосочетание, по которому строилась шифровальная таблица. Надо думать, что принцип этот не имел употребления исключительно для шифра Екатеринбурга, а распространялся и на другие регионы Советской России. Основная же шифрсистема нам уже прекрасно знакома – это так называемый «мудреный ключ» революционного подполья (прямой наследник шифра Виженера). Ключ Уралсовета представлен в таблице 14.

Все в шифре уральских большевиков нам знакомо. Перефразировка ключевых слов брала свое начало со времен народничества. Азбука в 27 букв для построения шифров применялась революционерами уже на заре XX века. И даже двурядная нумерация столбцов таблицы не является чем-то исключительным и принцип этот нам не раз встречался. Как видим, эта табличка куда проще, чем та, которую привел в своей книге следователь Соколов.

Два года он настойчиво искал на просторах воюющей России человека, способного взломать злополучный шифр. И упорствовал не зря! Используя в качестве подсказки слово «семья», опытный криптолог в течение двух недель сумел прочесть телеграмму Уральского Совдепа в Совнарком:

> «*Передаите Свердлову, что все семеиство постигла та же участ/ь/, что и главу. Оффициал/ь/но семия погибнет при евакуации*».

Орфография текста сохранена автором сознательно. Некоторые предубежденные историки хотят видеть в ней вопиющую неграмотность большевиков. И сильно на этот счет заблуждаются. Такой сокращенный до минимума алфавит лишь способствовал усложнению нежелательной дешифровки. Правда в данном случае это мало помогло, однако в течение полутора лет криптограмма сопротивлялась взлому менее компетентных специалистов.

Оказавшийся в руках Соколова текст телеграммы звучал явным диссонансом на фоне официальной версии Кремля. Уже 19 июля 1918 года большевистское правительство объявило о казни в Екатеринбурге Николая II , но о его семействе не было сказано ни слова. Напротив – утверждалось, что императрица и наследник престола Алексей живы и надежно охраняются. В то же время судьба четырех дочерей царя никак не прояснялась. И вот теперь депеша Белобородова однозначно подтверждала вывод следствия о гибели в Екатеринбурге всей царской фамилии без исключения.

Нет ничего удивительного, что многие годы советские власти всячески открещивались от этого опасного документа. Хотя определенную революционную «мораль» в нем найти совсем несложно. Еще землевольцы в своем организационном уставе 1876 года объявили, что «цель оправдывает средства». Ленин и его правительство довели этот принцип до решительного конца, возведя его в ранг государственной политики. В перспективе это не могло не закончиться для страны катастрофой, но в том ожесточении Гражданской войны другой логики и быть не могло. Одной из неизбежных жертв ее стал Николай II. Он был прекрасным семьянином, образованным человеком, но, прежде всего императором. Революционная целесообразность

подсказывала большевикам покончить со всей романовской династией раз и навсегда. И они сделали это без колебаний – жестоко и беспощадно. И лишь в конце XX века страна узнала страшную тайну ее гибели.

Таблица 14

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54
Е	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в
К	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю
А	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з
Т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т
Е	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в
Р	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф
И	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я
Н	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч
Б	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж
У	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с
Р	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф
Г	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ю	я	а	б	в	г	д

Узнала она и о подвиге наивного и бескорыстного следователя Николая Соколова, до последних минут жизни исполнявшего свой профессиональный долг. После его смерти осталась только книга. Сам соколовский архив исчез – казалось навсегда. И только в наши дни он невероятными путями оказался в Москве. Среди многих бумаг там есть и знаменитая ныне телеграмма. Долгие десятилетия не прекращается спор о правдивости этого документа. Существуют разные мнения. Вот еще одно... Сам используемый в телеграмме шифрключ есть весомое подтверждение ее подлинности. Ведь Н. Соколов совершенно не знал, что этот шифр брал свое начало с далеких народовольческих пор. И что большевики впервые применили его еще в самом начале XX века! Конечно, это лишь косвенное свидетельство, но среди прочих доказательств, оно также способно занять свое место.

Теперь ясно, что в своей государственной деятельности большевистская партия активно применяла накопленный ею подпольный опыт, в том числе и старые революционные шифрсистемы. И это обстоятельство не раз оборачивалось против самих большевиков роковым образом. К началу Первой мировой войны Россия располагала сильнейшей в мире службой дешифровки, и некоторые ее сотрудники в результате всех передряг оказались после Октября в странах Антанты. Мы не ведаем, кто помог Николаю Соколову разобрать интересующую его телеграмму. Но известно, что в начале 1920-х годов русскую секцию британской дешифровальной службы возглавил некий Эрнест Феттерлейн – с 1897 года ведущий криптоаналитик Цифирного комитета царского МИДа. Всю свою жизнь он носил на пальце перстень с огромным бриллиантом – подарок Николая II за его заслуги в чтении дипломатической переписки враждебных России государств. «В высшей степени полезный сотрудник» - так характеризовал Э. П. Феттерлейна его непосредственный начальник В. В. Сабанин.

В июне 1920 года начались усиленные англо-советские торговые переговоры. Руководителем с российской стороны был назначен Лев Каменев, а его заместителем Леонид Красин. Большевики не подозревали, что вся их дипломатическая переписка и телеграфная связь тщательно отслеживалась британскими спецслужбами, а Эрнесту Феттерлейну удалось быстро взломать их нестойкие шифры. Однако в августе случился досадный прокол.

Кабинет министров Великобритании дал согласие на публикацию в ряде английских газет части добытых дешифровщиками сведений, доказывающих финансирование русскими большевиками газеты «Дейли ге-

ралд». Вопреки запрету властей, газета «Таймс» прямо указала и источник своей информации – перехваченные контрразведкой 8 телеграмм большевиков. В Москве начался настоящий переполох.

21 августа 1920 года (по иронии судьбы примерно в эти же дни Н. Соколову было суждено прочесть роковую телеграмму Уралсовета!) нарком иностранных дел Григорий Чичерин писал Ленину:

> «Многоуважаемый Владимир Ильич! Я всегда скептически относился к нашим шифрам, наиболее секретные вещи совсем не сообщал и несколько раз предостерегал других от сообщения таковых. Не верно мнение тов. Каменева, что трудно дешифровать. От нашего сотрудника Сабанина, сына старого дешифровщика Министерства иностранных дел, мы знаем, что положительно все иностранные шифры расшифровывались русскими расшифровщиками. В последний период существования царизма не было иностранной депеши, которая бы не расшифровывалась, при этом не вследствие предательства, а вследствие искусства русских расшифровщиков. При этом иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то сама система известна царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся в стане белогвардейцев за границей. Расшифрование наших шифровок я считаю вполне допустимым».

В тот же день, 21 августа, председатель Совнаркома дал срочный ответ:

> «Предлагаю
>
> 1) изменить систему тотчас
>
> 2) менять ключ каждый день, например, согласно дате депеши или согласно дню года (1-ый … 365-ый день и т.д. и т.п.)
>
> 3) менять систему или подробности ее каждый день (например, для буквы 5 цифр; одна система: первая цифра фиктивная; вторая система: последняя цифра фиктивна и т.д.)
>
> Если менять хотя бы еженедельно (а) ключ и (б) такие подробности, то нельзя расшифровать.
>
> Ленин».

Однако, прозрение большевиков стало во многих смыслах запоздалым. 10 сентября 1920 года премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж обвинил руководителя советской торговой делегации Каменева в прямой подрывной деятельности на территории суверенного государства и объявил его персоной «нон грата». Премьер дал понять, что располагает неопровержимыми доказательствами серьезности обвинений, но отказался пояснить, какими именно. Но большевики не нуждались в разъяснениях. В тот же день Леонид Красин пишет из Лондона письмо Ленину:

> «Владимир Ильич!.. Сегодня мы почти официально извещены, что тайные наши депеши отнюдь не представляют тайны для Велпра [правительство Великобритании – А.С.]. Дело не в провале шифра или ключа, а в том, что в Наркоминделе неблагополучие, так сказать, абсолютное, и лечить его надо радикально… Не думайте, что все это излишняя мнительность, нет, дело обстоит очень серьезно…».

Однако сам Ленин совсем не разделял подозрения Красина насчет предательства в Наркоминделе. Через две недели он вновь обращается к Г. Чичерину:

> «24.IX.1920 г. Тов. Чичерин!
>
> Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем и внутреннем) нельзя давать заснуть. Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты… Ваш Ленин».

Ответ последовал на следующий день:

> «Вообще вопросом о лучшей постановке шифровального дела в Республике занимается комиссия тов. Троцкого… Единственный особо строгий шифр есть книжный. Пользоваться книжными шифрами можно лишь в отдельных случаях вследствие крайней громоздкости этой системы. Требуется слишком много времени. Для отдельных наиболее секретных случаев это можно делать. В начале все наши корреспонденты имели книги, но вследствие слишком большой громоздкости этой системы постепенно отказались. Можно будет восстановить эту систему для отдельных случаев, пользуясь оказиями для извещения корреспондентов … Чичерин» (376).

Здесь под термином «книжный шифр» Чичерин подразумевал не обычный подпольный способ, а **«вокабульный ключ».** Подробную информацию о нем можно найти на страницах не раз упомянутого нами энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона:

> «Одной из наиболее совершенных систем является так называемый вокабульный или книжный шифр, для которого существует специальный словарь. Этот метод требует, впрочем, много време-

> ни и труда. Каждое слово, каждый письменный знак или даже численный обозначены в словаре либо группою чисел, либо группою букв. Кроме того, установлены особые правила, касающиеся изменения слов по флексиям, глагольным окончаниям и т.д.» (377).

«Вокабула», с латинского, есть отдельное слово иностранного языка с переводом его на родной язык. Отсюда и пошло подобное название кодированных словарей, о которых сами революционеры хорошо знали. Хотя бы потому, что цитируемая выше энциклопедия появилась в 1903 году. Но, разумеется, использовать такие способы шифрованной переписки в подполье было просто невозможно. И даже унаследованные от царских дипломатов книги кодов оказались для большевиков чересчур сложными и неудобными.

Перепиской Ленина и Чичерина дело не кончилось. 19 декабря в Москву поступило спешное донесение главнокомандующего Южной группы РККА Михаила Фрунзе:

> «Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности расшифровываются нашими врагами… К шифрам, не поддававшимся прочтению немедленно, присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального дела поставлен англичанами бывший русско-подданный Феттерлейн, ведавший прежде этими делами в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы» (378).

Обстановка требовала от Советского правительства принятия срочных и действенных мер. Уже в мае 1921 года при ОГПУ создается Специальный шифровальный отдел во главе с известным большевиком Глебом Бокием. Для работы в нем были привлечены видные криптографы царской России. Среди них назовем И. А. Зыбина и И. М. Ямченко. Благодаря этому дальновидному решению в СССР в течении короткого времени была восстановлена уникальная школа отечественной криптологии, которой мы и сегодня по праву гордимся.

Заключение

К сожалению, с каждым новым десятилетием огромный айсберг российской истории уходит от нас все дальше и дальше. И судим мы о прошедших событиях только по его оставшейся на поверхности верхушке. Да и она все более исчезает из поля зрения современников. Наша жизнь постепенно загромождается другими катаклизмами, которые заслоняют от нас великое прошлое.

Поэтому так важно именно сейчас успеть зафиксировать и сохранить уцелевшие страницы ушедшего. Потом это сделать будет гораздо сложнее. Понимание этого обстоятельства во многом двигало мною при работе над книгой. На стыке двух наук – истории и криптографии – я попытался найти свой подход к революционному прошлому России. Насколько это удалось автору – судить уже читателю.

Степанов В.Н. 1942 год

Самое интересное в шифрах – именно их конкретная связь с историческими событиями. И свою книгу я постарался максимально наполнить этими зачастую незаметными нитями. Многое здесь приходилось делать впервые. Не все удалось, что-то осталось на будущее. Среди своих предшественников я вижу не так уж много историков. Особенно следует выделить Владлена Николаевича Степанова (1924 – 2004). Более сорока лет проработав в Центральном партархиве КПСС, он стал инициатором в публикации важнейших материалов для изучения революционной криптографии.

Степанов первым вплотную приступил к систематической дешифровке хранящейся в ЦПА большевистской переписки. Конечно, ему было в чем-то проще – он работал над наиболее легкими криптограммами, основанными на простых стихотворных ключах. Но он и не ставил перед собой цели разобрать все и вся. Дешифровка писем была, так сказать, попутным продуктом его работы в архиве. Степанов и его коллеги ясно сознавали, что только прямая публикация шифрованных текстов способна влить живую струю в изучение революционной тайнописи. И просто поразительна та тщательность, с которой подготовители «Переписки» подходили к их воспроизведению. В подавляющем большинстве они выполнены в идеальном порядке.

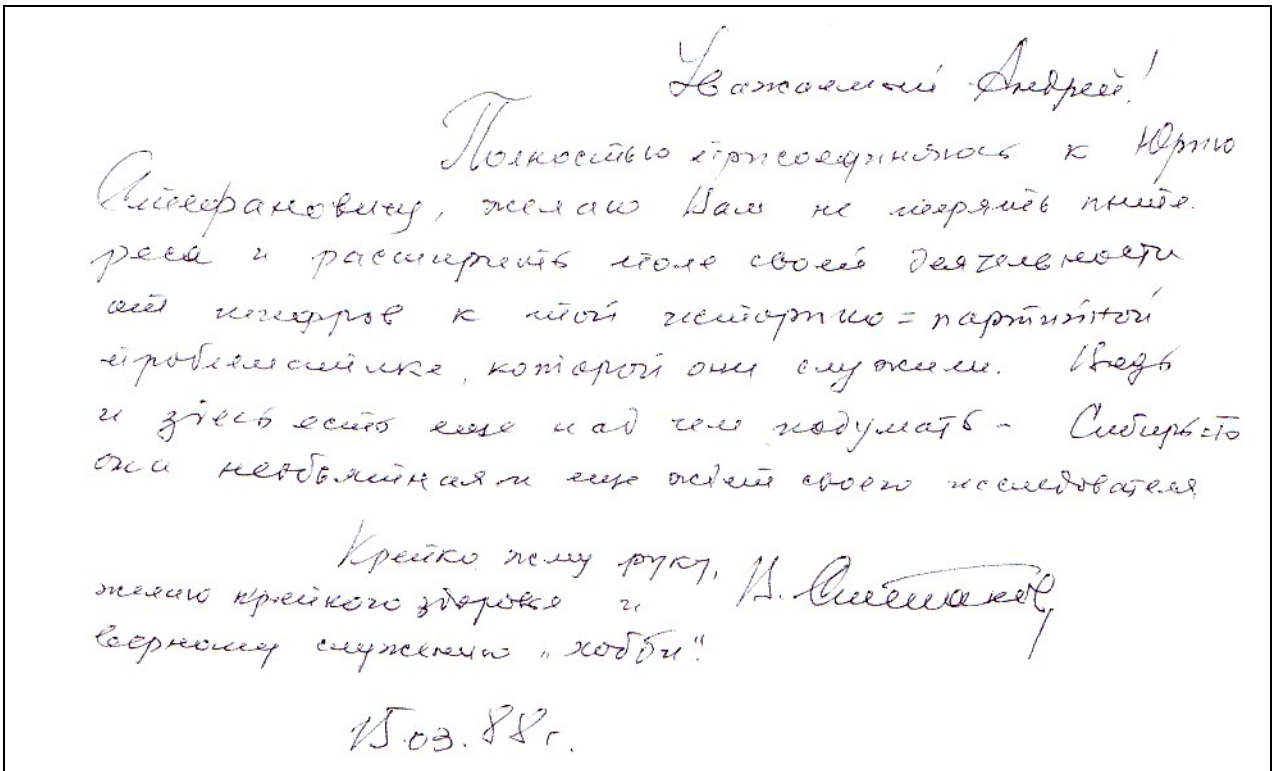
Занимаясь расшифровкой искровской переписки, Степанов никогда не публиковал обнаруженные им ключи. Он находил это нецелесообразным, так как полученные сведения относил к специфическим исследованиям, прямо касающимся криптографии. А себя криптоаналитиком он никогда не считал. И лишь в 1988 году Ю. С. Уральский в своей монографии «Пароль: «От Петрова»» предал гласности все ему известные на тот момент искровские ключи к шифрам. Многие из них были в свое время установлены именно Степановым (379).

Поэтому мне, как и другим исследователям «Переписки», приходилось действовать без всякой посторонней помощи, тратить время на обнаружение уже открытого. Это ненормальное явление, но я прошел этот путь до конца. И своей книгой я хотел бы внести полную ясность на будущее, дав в «Приложении» всю известную ныне информацию на этот счет. Ведь еще не менее 30 писем архива Надежды Крупской ждет своего разбора. Неясны некоторые ключи к уже прочтенным когда-то криптограммам. А сколько их еще хранятся в забытых архивах! Только один меньшевистский фонд РСДРП чего стоит. Он содержит огромный криптографический массив – тысячи шифрдробей. Разобраны, но не опубликованы и большевистские фонды за 1908 – 1917 годы. В них также отложилась масса шифрматериала, оставленная потомкам секретарями заграничных центров партии тех лет Алексеем Любимовым, Григорием Зиновьевым, Дмитрием Котляренко и все той же Надеждой Крупской. И хотя принципы шифров оставались неизменными, прямое изучение криптограмм есть важнейшее средство пополнения наших сведений о революционном прошлом нашей страны.

Расширение знаний в этой области исследований углубляет наши представления о масштабах нелегальной деятельности революционеров России, расшифровка ранее закрытых текстов позволяет ввести в научный оборот новые исторические факты, знакомство с системами шифров разных революционных поколений и фракций помогает глубже понять их неразрывную связь друг с другом. В конечном счете, это важная деталь революционной истории, какую бы оценку ей не ставили потомки.

Читатель может задать законный вопрос – почему даже в наши дни, при всей компьютерной мощи науки, остаются без прочтения многие шифртексты истории. Особенно это касается большевистских крипто-

грамм, как наиболее доступных исследователям. Ответ прост. В подавляющем большинстве они представляют собой достаточно короткие отрывки, к которым невозможно применить методы математического анализа. И разбор революционной тайнописи является задачей больше историко-аналитической. Шифры всегда были уделом чудаков и энтузиастов. Исследователи криптограмм революционного подполья здесь не исключение.



Уважаемый Андрей!

Полностью присоединяюсь к Юрию Стефановичу, желаю Вам не терять пыте-реса и расширить поле своей деятельности от шифров к той историко-партийной проблематике, которой они служили. Ведь и здесь есть еще над чем подумать – Сибирь-то она необъятная и еще ждет своего исследователя.

Крепко жму руку, желаю крепкого здоровья и верному служению „хобби".

В. Степанов

15.03.88 г.

автограф В.Н. Степанова

Наивная тайнопись прошлых столетий теперь глубокая история. И если за рассмотренные нами пятьдесят лет в криптографии мало что менялось, то последующие полвека разительно отличаются от предыдущих десятилетий. Кончилась эпоха одиночек. С появлением современных средств связи, компьютеров и новых открытий в области математики и физики, качественно изменилось само понятие криптографии. Она стала важнейшим государственным делом, требующим огромных материальных и интеллектуальных затрат. Пренебрежение к шифрам способно нанести любой стране непоправимый урон. Сотни криптографов и криптоаналитиков самых разных государств втянуты в бесконечную дуэль друг с другом. И у истоков современной российской криптографии стояли все те же русские революционеры, основавшие в 1917 году новое Советское государство. В его истории есть не только черные страницы страшных репрессий, войн и идеологических крушений, но и многочисленные прорывы в мировой цивилизации, сохранение России как великого государства и попытка создать новые человеческие взаимоотношения. Историки будут еще долго спорить, в какие тона окрасить двадцатый век России, но вряд ли когда-нибудь окончательно договорятся.

И даже в таком специфичном и сравнительно узком секторе истории, как шифры революционного подполья, остается огромное количество белых пятен. Сотни неразобранных криптограмм еще хранят свои тайны и ждут исследователей и архивистов. И в надежде на продолжение поисков я ставлю здесь не точку, а лишь многоточие…

Новосибирск, 1980 – 2000 годы

редакция 2009 года

специально для politazbuka.ru

Литература, источники, примечания

Список книг, названных сокращённо

Архив - Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». М., 1932.

Государственные преступления, том 1 – Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений (Составлен под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского)). Том первый, 1825 – 1876 гг., 1903 г. изд.

Государственные преступления, том 2 – То же, Сборник политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционного и оппозиционного движений в России. Том второй. 1877 г. (Ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)).

Государственные преступления, том 3 – То же, Том третий. 1877 г., 1906 г. изд. (Ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)).

Группа «Освобождение труда» – Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1883 – 1903, Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984.

Революционное народничество, Том 1, Том 2 – «Революционное народничество 70-х годов XIX века», М., 1964, в двух томах.

Переписка – Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900 – 1903 гг., М., 1969 – 1970 гг., в трех томах.

Том 1 – Том 1 (сентябрь 1900 – май 1902).

Том 2 – Том 2 (июнь – декабрь 1902).

Том 3 – Том 3 (январь – август 1903).

Переписка – Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903 – 1905 гг., М., 1974 – 1977.

Том 4 – Том 1 (август – декабрь 1903).

Том 5 – Том 2 (январь – сентябрь 1904).

Том 6 – Том 3 (октябрь 1904 – январь 1905).

Переписка – Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905 – 1907 гг., М., 1979, 1982, 1986, 1991 гг. изд.

Том 7 – Том 1 книга 1 (22 января – февраль 1905).

Том 8 – Том 1 книга 2 (март 1905).

Том 9 – Том 2 книга 1 (апрель – май 1905).

Том 10 – Том 2 книга 2 (июнь 1905).

Том 11 – Том 3 книга 1 (1 июля – 2 августа 1905).

Том 12 – Том 3 книга 2 (3 августа – 31 августа 1905).

Том 13 – Том 4 (сентябрь 1905).

Деятели революционного движения – «Деятели СССР и революционного движения в России», энциклопедический словарь, М., 1989 г.

Молодой Ленин – Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. (Составитель А. Ивановский), М., 1964.

Ленин. Петербургские годы – Ленин. Петербургские годы. По воспоминаниям современников и документам. (Составитель А. Ивановский), М., 1972.

Ленин. Сибирская ссылка – Ленин. Сибирская ссылка. По воспоминаниям современников и документам. (Составитель А. Ивановский), М., 1975.

Часть первая

1. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, т. 34, «Литорея», СПб., 1896.

2. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, т. 78 с. 598 «Шифры», СПб., 1903.

3. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, там же.

4. Д. Кан. Взломщики кодов. М., 2000, с. 17, 38.

5. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994. Глава: введение. Многие сведения по истории криптографии автор прямо позаимствовал из этой замечательной монографии.

6. Архив русской революции, Берлин, 1923, т. 11, с. 210.

7. Выгодский М. Я. Справочник по элементарной математике, М., 1976, с. 58.

8. Былое, 1907, №1, с. 188.

9. Былое, 1906, №№ 7, 9. Статьи Лемке М. К. Подобные условные шифры Бакунин использовал и ранее в 1856 году в переписке с родственниками. См. «Собрание сочинений и писем» М.А. Бакунина (М.,1935, том 4, док.№589).

10. Штурманы будущей бури, Лениздат, 1983, с. 295.

11. Государственные преступления, т. 1, с. 320, 345.

12. Красный Архив, 1926, № 2 (15), с. 154.

13. Прометей, М., 1968, т. 5, с. 168.

14. Деятели революционного движения, с. 128.

15. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 287.

16. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 329.

17. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961, т. 2, с. 72.

18. Революционное народничество, т. 1, с. 318.

19. Былое, 1906, № 12, с. 76.

20. «История СССР», 1972, №1, стр.137 .

21. Революционное народничество, т. 1, с. 310.

22. Революционное народничество, т. 1, с. 276.

23. Революционное народничество, т. 1, с. 397.

24. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 284.

25. Революционное народничество, т. 1, с. 123.

26. Государственные преступления, т. 2, весь сборник.

27. Деятели революционного движения, с. 277.

28. Красный Архив, 1927, № 1 (20), с. 201, некоторые очевидные ошибки исправлены автором.

29. Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений. М., 1932, т. 5, с. 147-148.

30. Красный Архив, 1924, № 7, с. 159.

31. Тютчев Н. С. Революционное движение 1870 – 1880 гг. М., 1925, с. 58.

32. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 146.

33. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 43-45.

34. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 201.

35. Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Петроград, 1924, с. 242-246.

36. Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений. М., 1932, т. 5, с. 211.

37. Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Петроград, 1924, с. 242-246.

38. Архив, с. 72-73.

39. Архив, с. 345.

40. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961, т. 2, с. 53.

41. Революционное народничество, т. 1, с.226-227.

Былое, 1907, № 10 (22), с. 177.

Былое, 1906, № 8, с. 28.

42. Архив, с. 331, документ «Ж».

43. Архив, с. 330-331, документ «Е».

44. Красный Архив, 1926, № 1 (14).

45. Архив, с. 339-341, документ «А». Вопрос датировки документа остается открытым. Если верить подготовителям сборника и читать заголовок списка как «Архив К/омитета/», то однозначно он относится ко времени действия ИК «Народной Воли». Но может быть и другая трактовка – «Архив К/ружка/». Она менее вероятна, но также имеет право на существование.

46. Барабанова А. И., Ямщикова Е. А. Народовольцы в Петербурге. Лениздат, 1984, с. 60.

47. Архив, с. 348, п. 14-18.

48. Архив, с. 347, п. 4.

49. Архив, с. 348, п. 19.

50. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 47.

51. Тютчев Н. С. Революционное движение 1870 – 1880 гг. М., 1925, с. 57.

52. «Земля и Воля», 1878, № 1 (25 октября) и № 2 (15 декабря).

53. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 43.

54. Архив, с. 92-95.

55. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 45.

56. Архив, с. 97.

57. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М.,1925,с.198.

58. Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Петроград, 1924, с. 332.

59. Группа «Освобождение труда», сборник 3, 1925, с. 53.

60. Красный Архив, 1924, № 7, с. 161.

61. Красный Архив, 1924, № 7, с. 158.

62. Революционное народничество, т. 2, с. 110-125.

63. Давыдов Ю. В. На скаковом поле около бойни. М., 1978, с. 313.

ВОЛК С.С. НАРОДНАЯ ВОЛЯ (1879-1882) М.,,1966, с.66

ЦГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 82, л. 27 (показания Ф. Курицына).

64. Архив, с. 269-270, документы «А, Б, В».

65. Процесс 16 террористов 1880 г. Донская речь, 1906, с. 155.

66. Прометей, 1983, № 13, с. 9.

67. Литература партии «Народная Воля». М., 1930, с. 34.

68. Архив, с. 101.

69. Архив, с. 269.

70. Архив, с. 124-125.

71. Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950, т. 2, часть 2, с. 411, с. 538.

72. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 218.

73. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, т. 78 с. 599-600.

74. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961, т. 1, с. 167.

75. Революционное народничество, т. 2, с. 88, часть шифра приведена (очевидно при публикации) с ошибкой, которая здесь исправлена.

76. Энциклопедия Брокгауза-Ефрона, «Варшава», карта Варшавы.

77. Житинский А. Н. Предназначение. М., 1987, с. 77-78.

78. Общественно-политические движения в Европе в XIX – начале XX в. Сборник статей и материалов. «Наука» 1974. с. 50 – 70.

79. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649-1917 гг. М., 1988, с. 289.

80. Архив, с. 334-335.

81. Таратута Е. «С. М. Степняк-Кравчинский. Революционер и писатель». М., 1973, с. 53-54.

82. Очевидные ошибки в жандармской криптограмме исправлены автором

(А.С).

83. Алексеевский равелин. Лениздат, 1990, книга 2, с. 118-120.

84. Наука и жизнь, 1965, № 1, с. 50.

85. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 215-216. «Охранка» Воспоминания руководителей политического сыска, М., 2004, том 2, с. 385-386.

86. Былое, 1906, №№ 11-12, с. 189-190.

Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Лениздат, 1990, с. 206.

87. Наука и жизнь, 1975, № 4, с. 41.

88. Алексеевский равелин. Лениздат, 1990, книга 1, с. 72-76.

89. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961, т. 2, с. 49.

90. Былое, 1906, № 10, с. 33.

91. Бахарев В. (Акимов). О шифрах. Женева, 1902.

92. Струмилин С. Из пережитого. М., 1957.

Михайлов И. Четверть века подпольщика. М., 1957.

Катин-Ярцев В. В тюрьме и ссылке. Каторга и ссылка. 1925, № 2 (15), с. 202.

Ольминский М. Три года в одиночной тюрьме. М., 1923.

Шаповалов А. В борьбе за социализм. М., 1957.

Бруновский В. Дело было в СССР. Архив русской революции. Берлин, 1928, т. XIX, с. 110.

Последний мемуарист – политзэк новой формации, но азбука та же!

93. Былое, 1907, № 8, с. 90.

94. Революционное народничество, т. 2, с. 202-203.

95. «Александр Дмитриевич Михайлов», сборник материалов. М., 1925, с. 140.

96. Архив, с. 117, документ «А.

97. Былое, 1906, № 6, с. 129.

98. Таратута Е. «С. М. Степняк-Кравчинский. Революционер и писатель». М., 1973, с. 208.

99. Шифр хранения документа в ЦГАЛИ: ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 66, лл. 5-6.

100. Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983, с. 175.

101. Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. Твардовская приводит шифры хранений семи писем из переписки Морозова и ИК с апреля 1880 по январь 1881 гг.

102. Архив, с. 251-252.

103. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961, т. 2, с. 327.

104. Архив, с. 257-258. Здесь же приведена фотокопия письма Ширяева. По ней видно, что в первых цифрах криптограммы он ошибочно пропустил число «15».См. так же: Кузьмин Д. «Народовольческая журналистика», М.,1930,с.248. В.Фигнер, Письма участников процесса 16-ти. "Кат. и Сс.″ 1930, III (64), 97—104.

105. Архив, с. 248.

106. Шебалин М. П. Клочки воспоминаний. М., 1935.

107. Архив, с. 159.

108. Былое, 1906, № 1, с. 233 и др.

109. Прибылев А. В. От Петербурга до Кары. М., 1923, с. 67.

Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. СПб., без г.в., с. 258-259.

110. Деятели революционного движения в России, биобиблиографический словарь, 1880-е годы. Выпуск 2, 1934.

111. Трифонов Ю. В. Нетерпение. М., 1988, с. 481. Обвинительный акт по делу 1 марта 1881 года.

112. Алексеевский равелин. Лениздат, 1990, книга 2, с. 212-213.

Ашешов Н. Софья Перовская. Петроград, 1921, с. 120.

113. Процесс 16 террористов, 1880 г. Опись предметов, обнаруженных при аресте Голубинова (Мартыновского).

114. Фроленко М. Ф. Записки семидесятника. 1927, с. 69-70. Обвинительный акт Процесса 17-ти.

Революционное народничество, т. 2, с. 288.

115. Былое, 1906, № 10.

116. Красный Архив, 1928, № 4.

117. Группа «Освобождение труда», сборник 3, 1925, с. 170-171.

118. Группа «Освобождение труда», сборник 3, 1925, с. 178.

119. Группа «Освобождение труда», сборник 4, 1925, с. 209.

120. Революционное народничество, т. 2, письмо П. Иванова.

121. Деятели революционного движения, с. 135.

122. Красный Архив, 1927, № 1 (20), с. 222-227.

123. Шебалин М. П. Клочки воспоминаний. М., 1935, с. 278.

Народовольцы, сб. 3 .М., 1931, с. 185.

124. Красный Архив, 1929, № 5 (36).

125. Воспоминания Льва Тихомирова. М., 1927, с. 318.

126. Былое, 1907, № 8 (20), с. 108-109.

127. Трифонов Ю. В. Нетерпение. М., 1988, с. 206.

128. 1 марта 1881 года. Казнь Императора Александра II. Лениздат, 1991, с. 249.

129. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 32.

130. Шебалин М. П. Клочки воспоминаний. М., 1935, с. 247.

131. Житинский А. Н. Предназначение. М., 1987, с. 215.

132. Красный Архив, 1929, № 5 (36), с. 154.

133. Красный Архив, 1929, № 5 (36), с. 187.

134. Красный Архив, 1929, № 6 (37), с. 109.

135. Былое, 1906, № 7, с. 14.

136. Былое, 1906, № 8, с. 180-181.

137. Д. Кан. Взломщики кодов. М., 2000, с. 47, 76.

138. Народовольцы, сб. 3. М., 1931, с. 144.

139. Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений в двух томах. М., 1987, т. 2, с. 6-12.

140. Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений в двух томах. М., 1987, т. 2, с. 100.

141. Воспоминания Льва Тихомирова. М., 1927, с. 69.

142. Красный Архив, 1927, № 1 (20), с. 202.

143. Архив, с. 118.

144. Государственные преступления, т. 2, с. 170.

145. Штурманы будущей бури, Лениздат, 1983, с. 268.

146. Революционное народничество, т. 1, с. 276.

147. Государственные преступления, т. 3, с. 43.

148. Государственные преступления, т. 2, с. 283.

149. Архив, с. 270.

150. Былое, 1906, № 7, с. 119.

151. Эйдельман Н. Я. Грань веков. СПб., 1992, с. 182.

152. Государственные преступления, т.3,с.95.

153. Революционное народничество, т. 1, с. 270.

154. Рабочее движение в России в XIX веке. 1875-1884 гг. М., 1950, т. 2, часть 2, с. 483.

155. Былое, 1924, № 24, с. 69.

156. Былое, 1907, № 2.

157. Группа «Освобождение труда», сборник 5, с. 95.

158. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона.

159. Процесс 16 террористов, 1880 г.

160. 1 марта 1881 г. Лениздат, 1991, с. 62, 232.

161. Былое, 1906, № 8, с. 185. Выражаю свою признательность А.В. Крайскому (Москва) за интересные сведения о народовольце Болеславе Антоновиче Крайском, память о котором хранят его потомки.

162. Рубанов С., Усыкин Г. Под псевдонимом Дяденька. 1981.

163. Фигнер В. Н. В борьбе. М., 1980, с. 101.

164. Красный Архив, 1929, № 6 (37), с. 108.

165. Бахарев В. (Акимов). О шифрах. Женева, 1902.

166. Группа «Освобождение труда», сборник 3, 1925, с. 163.См. так же: Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Иркутск,1989,с.97.

167. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 255.

Часть вторая

1. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 51.

2. Искра. Выпуск 1, Ленинград, 1925, с. 97.

3. От народничества к марксизму, сборник. Лениздат, 1987, с. 90.

4. Группа «Освобождение труда», с. 189.

5. Группа «Освобождение труда», с. 194.

6. Шапошников В. К земле неведомой. М., 1985, с. 214-215.

7. Меньшиков Л. П. Охрана и революция. М., 1925, часть 1.

8. Группа «Освобождение труда», сборник 6, 1928, с. 171.

Приведенный шифротекст очень короток, чтобы пытаться найти к нему ключ. Однако *в «Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете» (г. Нью-Йорк, США)* имеется на хранении записная книжка В.Засулич с секретными шифрами для тайной переписки группы «Освобождение Труда» !!! Возможно, кто-то из исследователей найдет возможность заглянуть «через океан» в этот прелюбопытный документ. Помимо всего прочего, в нем запросто можно обнаружить и ключ к шифру Г. Плеханова и В. Перазича.

9. Рабочее движение в России в XIX веке. 1898-1900 гг. Т. 4, часть 2, с. 64.

10. Письма Азефа. М., 1994, с. 35.

11. Невский В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т. 1, 1924, с. 484.

12. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 211.

13. Каторга и ссылка. 1930, № 6, с. 32.

14. Переписка. Т. 1, с. 495.

15. Каторга и ссылка. 1925, № 2 (15), с. 202.

16. Авангард, сборник. Лениздат, 1990, с. 203.

17. Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957, с. 93.

18. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 180.

19. Варенцова О. А. «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново, 1948, с. 240, 248.

20. Невский В. И. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т. 1, 1924, с. 491.

21. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 2. М., 1925, с. 7.

22. История сыска в России, т. 2. Минск, 1996, с. 8.

23. Группа «Освобождение труда», сборник 6, 1928, с. 220.

24. Рафес М. Г. Очерки по истории БУНДа. М., 1923.

25. Искра, № 15, выпуск 2. Ленинград, 1926, с. 146.

26. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 177.

27. Рафес М. Г. Очерки по истории БУНДа. М., 1923, с. 48.

28. Рафес М. Г. Очерки по истории БУНДа. М., 1923, с. 90.

29. Бухбиндер Н. Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. М., 1923, выпуск 1.

30. III съезд РСДРП. Протоколы. Доклад ЦК. М., 1959, с. 487.

31. Каторга и ссылка. 1925, № 2 (15), с. 235.

32. Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985, с. 129.

33. Дориченко С. А., Ященко В. В. 25 этюдов о шифрах. М., 1994, с. 41.

34. Каторга и ссылка. 1925, № 2 (15), с. 239.

35. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 245.

36. Троцкий Л. Д. Политические силуэты. М., 1990, с. 119.

37. Письма Азефа. М., 1994, с. 119.

38. Красный Архив, 1927, № 1 (20). «Работа эсеров в 1918 году».

39. Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград, 1916, с. 347.

40. Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993, с. 171. Зензинов В. М. Пережитое, Нью-Йорк, 1953, глава 4.

41. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 248.

42. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 19-20.

Перегудова З. И. Политический сыск России (1880 – 1917). М., 2000, с. 279.

43. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России, с.251;

Уральский Ю. С., Пароль от Петрова. с.152.

44.Былое,1908, №7, сс.123 – 124.

Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649-1917 гг. М., 1988, с. 92.

Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка,16, М.1993,с.113.

45. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска, М., 2004, том 2, с. 91-93.

Кан Д. Взломщики кодов. М., 2000, с. 105-106.

Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. Свердловск, 1989, с. 24.

Огонек, 1990, № 43, с. 14.

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 288.

Часть третья

1. Неоднократно реорганизованный, ЦПА в 1999 году получил очередной статус и наименование: «Российский Государственный архив социально-политической истории» (РГАСПИ).

2. Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 10, 21.

3. Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 11, 21.

4. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 13.

5. Молодой Ленин, с. 518.

6. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 30.

7. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 199.

8. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 199.

9. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 202.

10. Источник, 1993, № 4, с. 21.

11. Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 146.

12. Группа «Освобождение труда», сборник 6, 1928, с. 134.

13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 19, с. 313.

14. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 213-215.

15. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 220.

16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 10.

17. Переписка, т. 1, с. 181.

18. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 221.

19. Наука и жизнь, 1972, № 4, с. 13.

20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 8-10.

21. Наука и жизнь, 1972, № 4, с. 14-15.

22. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 226.

23. Переписка, т. 1, с. 255.

24. Переписка, т. 2, с. 22.

25. Переписка, т. 2, с. 521.

26. Переписка, т. 1, с. 185.

27. Историю издания книги Бельтова смотрите в монографии Курбатовой И. Н. «Начало распространения марксизма в России» М., 1983, с. 131-134.

28. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 300.

29. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 299.

30. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 443.

31. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 55, с. 20.

32. Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. М., 1983, с. 134.

33. Ленин В. И. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 127.

34. Группа «Освобождение труда», с. 199.

35. Товарищи в борьбе, сборник писем, 1896-1900. Красноярск, 1965, с. 60.

36. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 354-355.

37. Ленин. Петербургские годы. М., 1972, с. 341-342.

38. Ленин В. И. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 123.

39. Вопросы истории КПСС, 1964, № 10, с. 68;

Зверинцев А. *«Шифр "3-7"»*, рассказы [о В. И. Ленине], Ташкент , 1979, стр.49-50. Кроме этого смотрите:

Нежный А. Разгаданный шифр. Как было прочитано письмо В.И. Ленина, написанное 67 лет назад. – Московская правда, 1963, 5 июля, №158, с. 2-3.

Жукова Е. Еще одна разгаданная тайна. – «Крестьянка», 1964, №4, с.5 *«Владимир Ильич менял буквы в словах, ставя вместо нужной ту, которая была отделена от нее тремя или семью буквами»* - такими словами Е. Д. Жукова подтвердила мою давнюю догадку по «шифру 3-7».

40. Переписка, т. 1, с. 544.

41. Ленин. Сибирская ссылка, с. 167.

42. Группа «Освобождение труда», с. 283.

43. Ленин. Сибирская ссылка, с. 168.

44. Ленин. Сибирская ссылка, с. 80-83.

45. Пролетарский пролог, сборник. Лениздат, 1983, с. 105.

46. Группа «Освобождение труда», с. 313.

47. Ульянов Д. И. Очерки разных лет. М., 1984, с. 87.

48. Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка. 1883 – 1900 гг. М., 1981, с. 299.

49. Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955, с. 134.

50. Лепешинская О. Б. Мои воспоминания. Абакан, 1957, с. 55. Этот шифрключ Пскова подтверждается материалами Переписки (т. 1, с. 70).

Новиков В. И. С именем Ленина связано. Лениздат, 1987, с.93.

51. Ульянов Д. И. Очерки разных лет. М., 1984, с. 88.

52. Будаев Д. И. В. И. Ленин и Смоленский край. М., 1987, с. 71.

53. Воспоминания о В. И. Ленине в 10 томах. М., 1989, т. 3, с. 95.

54. Красная летопись, 1924, № 1 (10), с. 29-30.

55. Молодой Ленин, с. 196.

56. Воспоминания о В. И. Ленине в 10 томах. М., 1989, т. 3, с. 43.

57. Вопросы истории, 1970, № 3, с. 61.

58. Молодой Ленин, с. 418.

59. Красный Архив, 1933, № 4 (59), с. 47.

60. Степанов В. Н. Ленин и русская организация «Искры». М., 1968, с. 142-144.

61. Ольховский Е. Р. Навстречу буре. Лениздат, 1988, с. 192.

62. Переписка, т. 1, с. 43, 49-51, 53.

63. Переписка, т. 1, с. 269.

64. Переписка, т. 1, с. 227.

65. Николай Эрнестович Бауман, сборник. М., 1937, с. 54-58.

66. Переписка, т. 1, с. 418.

67. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 78, 484.

68. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 119.

69. «Дайте нам организацию революционеров», сборник. М., 1987, с. 578.

70. Переписка, т. 12, с. 29.

71. Переписка, т. 12, с. 25-26.

72. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 68. Отметим, что за давностью лет автор воспоминаний несколько путает факты.Так, под именем «Паша» числилась Полтава, «Петя» соответствовал Киеву, а Псков был известен под именем «Поль». Любопытно привести здесь и воспоминания сестры Ю.Мартова Лидии Канцель, в свое время активно помогавшей Н.Крупской в секретарском деле: ««Химия» была немудренная - лимон; проявлять ее надо было, проглаживая горячим утюгом, после чего выступали между строк рыже-желтые буквы и цифры-дроби. Вероятно, нехитрый был и шифр; значительно позже нам в Париже рассказывал раскаявшийся и бежавший из Департамента полиции Меньшиков, что он хорошо знал все революционные псевдонимы, знал и шифры, которыми пользовалась редакция «Искры» в своей переписке с русскими организациями: «У нас, в Департаменте, превосходно знали и «шифр Дейча» - «гнусный преступник» и более поздний - «мутная Арва», и «93 страница Некрасова»». Знали также в Департаменте, что Одесская организация называлась Осипом, Полтавская - Паша и т.д. Все это стало известно много позже, а тогда со страстью предавались конспиративной переписке» (Л.О. Канцель, «ОКОЛО РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»).

73. Переписка, т. 1, с. 58, 89, 148; т. 2, с. 455, 541.

74. Переписка, т. 1, с. 329. Автор благодарит к.х.н. К.Б. Рольника (Уфа) за ценные поправки в области «подпольной химии».

75. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, 1900, т. 58 с. 945.

76. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 249.

77. Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, Берлин, русский революционный архив.

78. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649-1917 гг. М., 1988, с. 202.

79. Архангельский В. В. «Ногин». М., 1964, с. 162.

80. Переписка, т. 1, с. 173.

81. Архангельский В. В. «Ногин». М., 1964, с. 192.

82. Переписка, т. 1, с. 210-211.

83. Переписка, т. 1, с. 226-227.

84. Переписка, т. 1, с. 232.

85. Переписка, т. 1, с. 250.

86. Переписка, т. 1, с. 275.

87. Переписка, т. 1, с. 343.

88. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1901 год».

89. Переписка, т. 1, с. 250.

90. Переписка, т. 1, с. 307.

91. Переписка, т. 1, с. 356.

92. Переписка, т. 1, с. 494.

93. Искра, № 15, выпуск 2. Ленинград, 1926, с. 111-112.

94. Переписка, т. 1, с. 346.

95. Переписка, т. 1, с. 364.

96. Переписка, т. 1, с. 415-416.

97. Переписка, т. 1, с. 325.

98. Переписка, т. 3, с. 150.

99. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 142.

Дейч Г. М. Известное и неизвестное. Лениздат, 1986, с. 151.

100. Переписка, т. 1, с. 417.

101. Долгий В. Г. Выбор пути. Лениздат, 1989, с. 244.

102. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 187.

103. Тарновский К. Н. «24 декабря 1900 года». М., 1977, с. 110.

Тарновский К. Н. Революционная мысль, революционное дело. М., 1983, с. 126.

104. Красный Архив, 1940, № 6 (103), с. 37.

105. Переписка, т. 1, с. 500.

106. Первая в России подпольная типография ленинской газеты «Искра». Кишинев, 1970, с. 252.

107. Искра, выпуск 4, с. 17.

108. Варенцова О. А. «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново, 1948, с. 215.

109. Переписка, т. 1, с. 446-449.

110. Степанов В. Н. Адресовано в Москву. М., 1987, с. 14.

111. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 21.

112. Варенцова О. А. «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново, 1948, с. 217.

113. Переписка, т. 1, с. 377.

114. Переписка, т. 2, сс. 58 , 274.

115. Переписка, т. 2, с. 236.

116. Переписка, т. 2, с. 205.

117. Переписка, т. 2, с. 372. В криптограмме ошибочно пропущена одна из цифр.

118. Переписка, т. 2, с. 280.

119. Переписка, т. 2, с. 462.

120. Переписка, т. 2, с. 260.

121. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 9, 100.

122. Переписка, т. 1, с. 239-240.

123. Переписка, т. 1, с. 317.

124. Меньшиков Л. П. Охрана и революция, часть 3. М., 1932, с. 126.

125. Переписка, т. 1, с. 339.

126. Переписка, т. 1, с. 349. О том, что партийный съезд намечался на рождество 1902 года, давно известно историкам. На это прямо указывает Н. Крупская в докладе Организации «Искра» II съезду РСДРП (см. Сборник «ДОКЛАДЫ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РСДРП» М., 1930)

127. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 226.

128. Письма Азефа. М., 1994, с. 74, 250.

129. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 292-300.

130. Пересветов Р. Т. Поиски бесценного наследия. М., 1968, с. 174. Сборник «ДОКЛАДЫ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РСДРП» М., 1930, прим. 57 к докладу Организации «Искра».

131. Переписка, т. 1, с. 447.

132. Переписка, т. 1, с. 456.

133. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т.1. М., 1973, с. 198.

134. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т.1. М., 1973, с. 199.

135. Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. М., 1958.

136. Пролетарская революция, 1930, № 6, с. 132.

137. Переписка, т. 1, с. 468-472.

138. Переписка, т. 3, с. 145, 239.

139. Переписка, т. 2, с. 215.

140. Переписка, т. 2, с. 430.

141. Переписка, т. 1, с. 468-472.

142. Пролетарская революция, 1930, № 6, с. 142.

143. «Советская Сибирь» от 21 января 1989 г., № 18 (20772), Новосибирск.

144. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 191.

145. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 164, 194. См. также:

Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985, с. 128.

Вопросы истории КПСС, 1983, № 5.

Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 11.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, 9-е издание. М., 1983, с. 43.

146. Наука и жизнь, 1989, № 7, с. 62-63.

147. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 226, 240, 292.

148. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 165.

149. «Дайте нам организацию революционеров», сборник. М., 1987, с. 396.

150. Варенцова О. А. «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново, 1948, с. 243 и далее.

151. Переписка, т. 1, с. 479.

152. Переписка, т. 1, с. 464.

153. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 235.

154. Кутьев В. Ф. Московский рабочий союз. М., 1985, с. 192-194.

155. Ленинская «Искра». М., 1970, с. 197 (статья В.Н. Степанова).

Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 164.

156. Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985, с. 129.

157. Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985, с. 129.

Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 208.

158. Переписка, т. 1, с. 501, 504, 506-509, 512.

159. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 182.

160. Переписка, т. 1, с. 515-516.

161. Переписка, т. 1, с. 518.

162. Переписка, т. 1, с. 335.

163. Ленинский сборник № 4, с. 119.В тексте Сборника слово «Б(ундом)» ошибочно трактуется как «Б(орьбой)».

164. Группа «Освобождение труда», с. 233.

165. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 198.

166. Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова, т.2. М., 1973, с. 203.

167. Ленинский сборник № 8, М., 1928, с. 248.

168. Переписка, т. 2, с. 86.

169. Новиков В. И. Ленин и деятельность искровских групп в России. М., 1984, с. 223.

См. также: Переписка, т. 3, с. 190-192.

170. Переписка, т. 3, с. 148.

171. КПСС в резолюциях и решениях съездов, 9-е издание, т. 1. М., 1983, с. 49.

172. Переписка, т. 2, с. 375.

173. Переписка, т. 3, с. 74.

174. Переписка, т. 3, с. 131.

175. Переписка, т. 4, с. 67.

176. «Провокатор», сборник. Ленинград, 1929, с. 138-139.

177. Переписка, т. 1, с. 157, 207.

178. Переписка, т. 3, с. 150.

179. Переписка, т. 3, с. 226.

180. Переписка, т. 3, с. 287.

181. Переписка, т. 3, с. 397.

182. Переписка, т. 11, с. 59.

183. «Дайте нам организацию революционеров», сборник. М., 1987, с. 606-607. Об этом же пансионе писал в своих воспоминаниях, относящихся к январю 1904 года, Н. Валентинов: «Я пришел к Ленину во втором часу дня и лишь в восьмом часу он отвел меня в отель на Plaine de Plain-palais, оплачиваемое партией обиталище, где останавливались приезжие из России люди, главным образом … сторонники Ленина» (см.:Н.Валентинов, «Встречи с Лениным»,Нью-Йорк,1953,стр. 36) .

184. Переписка, т. 11, с. 163.

185. Переписка, т. 8, с. 26.

186. Переписка, т. 5, с. 326.

187. Прометей № 7 за 1969 г., с. 83.

188. Переписка, т. 5, с. 249. Ключ меньшевиков см. «Меньшевики в большевистской России. 1918 -1924 /Меньшевики в 1922 – 1924 гг./. М., 2004, с. 696.

189. Переписка, т. 3, с. 306, Соболева Т. А. Тайнопись в истории России, М., 1994, гл. 2.

190. Переписка, т. 2, с. 260-261.

191. Переписка, т. 2, с. 298.

192. Переписка, т. 2, с. 343.

193. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 7, с. 80.

194. Переписка, т. 3, с. 463.

195. Переписка, т. 4, с. 97.

196. Переписка, т. 4, с. 78.

197. Переписка, т. 4, с. 285.

198. Переписка, т. 4, с. 233.

199. Переписка, т. 4, с. 250.

200. Переписка, т. 4, с. 270.
201. «Дайте нам организацию революционеров», сборник. М., 1987, с. 596-598.
202. Переписка, т. 5, с. 361.
203. «Лалаянц И. Х. Письма, документы, воспоминания». Ереван, 1986, с. 49-51.
204. Переписка, т. 5, с. 352.
205. Переписка, т. 5, с. 303.
206. Переписка, т. 5, с. 542, 528.
207. Переписка, т. 6, с. 32.
208. Переписка, т. 6, с. 256.
209. Переписка, т. 6, с. 152, 161, 169, 206, 285.
210. Переписка, т. 5, с. 59.
211. Архив русской революции, т. 21. М., 1993, с. 274.
212. Переписка, т. 12, с. 40.
213. Переписка, т. 11, с. 68.
214. Переписка, т. 11, с. 297.
215. Переписка, т. 2, с. 165.
216. Переписка, т. 2, с. 328.
217. Переписка, т. 2, с. 358.
218. Переписка, т. 5, с. 379.
219. Переписка, т. 5, с. 539.
220. Рубанов С., Усыкин Г. Под псевдонимом Дяденька. 1981, с. 539.
221. Переписка, т. 5, с. 529.
222. Переписка, т. 10, с. 254.
223. Переписка, т. 13, с. 48.
224. Пролетарская революция, 1931, № 2-3.
225. Переписка, т. 12, с. 25.
226. Вопросы истории КПСС, 1975, № 3, с. 110.
227. Красная летопись, 1925, № 1 (12), с. 164.
228. Переписка, т. 6, с. 363.
229. Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, 1957.
230. Переписка, т. 7, с. 329.
231. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 117.
232. Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 156.
233. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 100.
234. Переписка, т. 5, с. 277.
235. Ленинский сборник № 5, М., 1926, с. 277-278.
236. Переписка, т. 10, с. 108.
237. Переписка, т. 10, с. 231.
238. Переписка, т. 11, с. 139.
239. Переписка, т. 1, с. 494.
240. Переписка, т. 1, с. 472.
241. Переписка, т. 1, с. 383.

242. Переписка, т. 2, с. 11.

243. Переписка, т. 2, с. 9.

244. Переписка, т. 2, с. 50.

245. Переписка, т. 3, с. 141.

246. Переписка, т. 6, с. 245.

247. Переписка, т. 6, с. 257.

248. Переписка, т. 8, с. 213.

249. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991, с. 128-129.

250. Вопросы истории, 1995, №№ 8-12, воспоминания В. Икова.

251. Богданов А. А. Тектология, т. 2. М., 1989, с. 345.

252. Переписка, т. 5, с. 277.

253. Переписка, т. 5, с. 355.

254. Воспоминания о В. И. Ленине в 10 томах. М., 1989, т. 3, с. 122-123.

255. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 99.

256. Переписка, т. 5, с. 415.

257. Переписка, т. 6, с. 132.

258. Исторический архив, 1955, № 1, с. 106.

259. Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 149-150.

260. Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 156.

261. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения в 3-х томах, т. 2. М., 1961, с. 351.

262. Переписка, т. 5, с. 531.

263. Стихотворение А. А. Богданова предоставил автору в 1989 г. сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького А. Б. Рогачевский, за что я приношу ему глубокую благодарность.

264. Переписка, т. 7, с. 229.

265. Переписка, т. 8, с. 221 и т. 9, с. 222. Публикаторы сумели разобрать часть криптограммы из этого письма своеобразным аналитическим путем, см. Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 30.

266. «Ленин и Самара». Куйбышев, 1966, с. 463.

267. Переписка, т. 5, с. 525.

268. Переписка, т. 8, с. 56.

269. Переписка, т. 1, с. 442.

270. Переписка, т. 5, с. 300-302.

271. Переписка, т. 1, с. 442.

272. Переписка, т. 3, с. 303.

273. Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, 1957.

274. Переписка, т. 2, с. 446.

275. Переписка, т. 5, с. 384.

276. Переписка, т. 10, с. 40.

277. Басни Крылова. Полное собрание. Издание А. Я. Панафидина, 1900.

278. Переписка, т. 3, с. 209.

279. Рубанов С. А. Красная папка. Лениздат, 1982, с. 206.

280. Переписка, т. 10, с. 133.

281. Переписка, т. 7, с. 342.

282. Переписка, т. 13, с. 362.

283. Переписка, т. 2, с. 260.

284. Красная летопись, 1925, № 2, с. 163.

285. Переписка, т. 5, с. 430-431.

286. Переписка, т. 6, с. 169-170.

287. Переписка, т. 10, с. 112; т. 11, с. 263; т. 12, с. 106, 150.

288. Переписка, т. 13, с. 63-64. Подготовители привели адрес не совсем верно, очевидно, по аналогии с другим письмом С. Гусева: т. 13, с. 253. «Hotel du Nord» («Северная гостиница») – один из первых отелей Одессы, основанный купцом Шарлем Сикаром. Современный адрес – улица Пушкинская, дом 13. Здесь в свое время останавливался А.С. Пушкин и здесь же ныне находится музей великого русского поэта.

289. Переписка, т. 2, с. 231.

290. Переписка, т. 6, с. 451.

291. Переписка, т. 5, с. 458.

292. Ленинский сборник № 16, с. 81.

293. Степанов В. Н. Адресовано в Москву. М., 1987, с. 83.

294. Переписка, т. 8, с. 213-214.

295. Переписка, т. 8, с. 185.

296. Аладжалова Н. Н. Из большевистского подполья. Воспоминания. Тбилиси, 1963, с. 24- 26.

297. Вопросы истории КПСС, 1975, №№ 3, 4.

298. Переписка, т. 12, с. 135.

299. Красная книга ВЧК, т. 2. М., 1990, с. 413.

300. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 55, с. 219.

301. Переписка, т. 1, с. 290-291.

302. Уральский Ю. С. Пароль: «От Петрова». М., 1988, с. 129.

303. Переписка, т. 1, с. 309, 317.

304. Переписка, т. 1, с. 422.

305. Переписка, т. 2, с. 30.

306. Переписка, т. 1, с. 425.

307. Переписка, т. 1, с. 67. См. также: Ульянов Д. И. Очерки разных лет. М., 1984, с. 86.

308. Карцев В. «Кржижановский». М., 1985.

309. Варенцова О. А. «Северный рабочий союз» и «Северный комитет РСДРП». Иваново, 1948, с. 252.

310. Переписка, т. 1, с. 492.

311. Переписка, т. 1, с. 530.

312. Переписка, т. 1, с. 544.

313. Переписка, т. 2, с. 15.

314. Переписка, т. 2, с. 22.

315. Переписка, т. 2, с. 417.

316. Переписка, т. 2, с. 447.

317. Переписка, т. 8, с. 57.

318. Переписка, т. 4, с. 48.

Переписка, т. 13, с. 35.

319. Переписка, т. 2, с. 495.

320. Переписка, т. 2, с. 508

Переписка, т. 3, с. 60.

321. Багаев М. А. Моя жизнь. 1949, с. 128, 148, 152.

322. Переписка, т. 2, с. 509.

323. Переписка, т. 3, с. 162.

324. Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М., 1924, с. 355.

См. также: Искра, выпуск 2. Ленинград, 1926, с. 65, прим. 2.

325. Переписка, т. 3, с. 223.

326. Переписка, т. 3, с. 239.

327. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 55, с. 225.

328. Переписка, т. 2, с. 470.

329. Вопросы истории КПСС, 1963, № 4, с. 65.

330. Переписка, т. 3, с. 183, 380.

331. Переписка, т. 5, с. 427.

332. Переписка, т. 5, с. 429, 455.

333. Переписка, т. 6, с. 311-313.

334. Переписка, т. 6, с. 345.

335. Переписка, т. 4, с. 210. Переписка, т. 6, с. 396.

336. Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 159.

337. Переписка, т. 5, с. 330.

338. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 55, с. 223.

339. «Дайте нам организацию революционеров», сборник. М., 1987, с. 566.

340. Переписка, т. 8, с. 282-283.

341. Переписка, т. 8, с. 282. Шифрованный текст мною воспроизведен частично.

342. Переписка, т. 6, с. 272.

343. Копии страниц брошюр А.Серафимовича «На льдине» и А. Кизеветтера «Кузнец-гражданин» предоставлены автору М. Н. Тарасовой, зав. отделом редких изданий Зональной научной библиотеки Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), за что выражаю ей искреннюю признательность.

Переписка, т. 10, с. 235.

Переписка, т. 12, с. 54.

344. Переписка, т. 13, с. 378.

345. Каталог изданий «Донской речи» см. в Былое № 12 за 1906 г.

346. Переписка, т. 11, с. 221.

347. Вопросы истории КПСС, 1975, №№ 3, 4.

348. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1, 1930, с. 134.

349. Переписка, т. 12, с. 59.

350. Переписка, т. 3, с. 753-754.

351. Переписка, т. 4, с. 182.

Переписка, т. 5, с. 331.

Переписка, т. 11, с. 115.

352. Пролетарский пролог, сборник. Лениздат, 1983, с. 342.

353. Переписка, т. 1, с. 184.

354. Переписка, т. 9, с. 185.

355. Переписка, т. 1, с. 65-66.

356. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 47, с. 83-84.

357. Баранский Н. Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Томск, 1961.

358. Исторический архив, 1994, № 4, с. 16, 17.

359. Исторический архив, 1959, № 1, с. 26.

360. Степанов В. Н. Адресовано в Москву. М., 1987, с. 12.

361. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 248.

362. Большевики. Сборник. М., 1990, с. 43.

363. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, с. 270.

364. Степанов В. Н. Адресовано в Москву. М., 1987, с. 305.

365. Дзержинская С. С. В годы великих боев, перевод с польского. М., 1975, с. 133, 141-142.

366. Семенов Ю. С. Горение. М., 1997, с. 297.

367. Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. 1903-1917 гг. Свердловск, 1989, с. 78. Автор цитируемой книги так и не понял до конца смысл приведенного им правильно ключа к шифру Гузакова.

368. Степанов В. Н. Адресовано в Москву. с.14.

369. Огонек, 1990, № 43, с. 12.

370. Гамбург И. Так это было… Воспоминания. М., 1965.

Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. 1903-1917 гг. Свердловск, 1989, с. 76.

371. Жухрай В. М. Тайны царской охранки. М., 1991, с. 277.

372. Былое. 1918, № 13, с. 190. Воспоминания цензора Майского.

373. С риском для жизни. Сборник. М., 1991.

374. Кан Д. Взломщики кодов. М., 2000, с. 145.

375. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1991, с. 308-311. Цветную фотокопию документа см. Родина, 1990, № 7, с. 33.

376. Ленин В. И. Неизвестные документы. М., 1999, с. 365, 396. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, гл. 15.

377. Энциклопедия Брокгауза – Ефрона, т. 78 «Шифры», СПб., 1903.

378. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М., 1994, гл. 14.

379. О Степанове смотрите: Амиантов Ю.Н. «В.Н. Степанов – архивист и археограф» (Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. с.156-159).

Приложение 1

Ключи к шифрам революционеров эпохи 1870-х – 1880-х годов

1. Ключ А. Оболешева для ведения архива «Земли и Воли» – лозунг «Понизовая вольница». Им перекрыты следующие документы:

Архив: с. 330 (д), 341 (а), 345 (б) – гамбеттовский буквенный шифр (он же ключ Виженера); с. 331 (ж) – гамбеттовский цифровой шифр, азбука в 30 букв.

2. Ключ А. Квятковского – лозунг «Сибиряки», гамбеттовский цифровой шифр.

Архив, с. 330 (е).

3. Ключ Основного кружка «Земли и Воли» – лозунг «Максим Грек». Зашифрованы следующие документы:

Архив: с. 269-270 (а, б, в) – гамбеттовский буквенный шифр.

С. 100-103 (№ 5) – гамбеттовский цифровой шифр.

4. Ключ Основного кружка «Земли и Воли» – гамбеттовский буквенный шифр по лозунгу «Байкал»:

Архив, с. 107 (б).

5. Ключ Основного кружка «Земли и Воли» – гамбеттовский буквенный шифр по буквосочетанию «АКЛ» (производное от «Байкал»).

Архив, с. 97 (№ 4).

6. Ключ для ведения архива «Земли и Воли» и «Народной Воли» – гамбеттовский буквенный шифр по числу «21»:

Архив, с. 339-340 (а).

7. Ключ Ю. Узембло (Бесядовского) и группы П. Лаврова «Вперед» (1878 год) – гамбеттовский буквенный шифр по цифросочетанию «5-3-1-2-4» , четные буквы не шифровались. Полная русская азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита, без «ижицы»).

См.:

Революционное народничество, т. 2, с. 87-88.

Общественно-политические движения в Европе в XIX – начале XX в. Сборник статей и материалов. «Наука» 1974. с. 50 – 70. Письма Ю.Узембло №№ 1, 2, 4, 7, прим. 17 на стр. 69.

Публикации содержат ряд не совсем понятных криптограмм (фамилий): *«П р л в с р ш»* (письмо 1); *«Ь е ц н о в ц к н й»* (п. 2); *«З ъ ц л о д с о и й»* (прим.17. Вероятно ошибка! Надо: *«З ъ р ц л о д с о и й»* - Венцковский).

8. Ключ ИК «Народной Воли» – гамбеттовский шифр по лозунгу «Магазин вин». Им зашифрованы:

а) Письмо ИК к О. Любатович – гамбеттовский буквенный шифр, см.:

Таратута Е. «С. М. Степняк-Кравчинский. Революционер и писатель». М., 1973, с. 208.

б) Письмо С. Ширяева к ИК – сокращенный гамбеттовский шифр:

Архив, с. 257-258 (№ 9).

9. Ключ к шифру С. Ивановой – гамбеттовский, по цифре «4»:

Архив, с. 251-252 (в).

10. Ключ Л. Гартмана – гамбеттовский буквенный шифр по лозунгу «Могила любви»:

Архив, с. 116-117 (а).

11. Ключ к шифру Л. Дейча и Я. Стефановича – сокращенный гамбеттовский шифр по лозунгу «Увидимся». См.:

Группа «Освобождение труда», сборник 3, 1925, с. 170-171.

Всего за период народничества автором расшифровано семь ранее не разобранных текстов (см. пункты: 5, 6, 7, 8, 10, 11). Все они подробно описаны в первой части книги (главы 5, 6, 9). Подобраны ключи к криптограммам из 18 писем народников, опубликованных в различных изданиях.

Но ряд писем так и не удалось прочитать. Например, фрагмент из записки Мартына Ланганса, написанной в августе 1879 года в Мценской тюрьме. Документ содержит следующую буквенную криптограмму:

«цевотдтыгхийьрммжнтврхапвькбглта.яваыусдог» (Архив, с. 110, № 9).

Остальные известные в публикациях тексты очень коротки и незначительны (например: Архив, с. 337 – *«люпухуд»*).

Приложение 2

Ключи к шифрам социал-демократов (за 1895 – 1905 годы)

1. Книга Г. В. Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». СПб., 1895, с. 100 – ключ к шифру из письма В. И. Ульянова к П. Б. Аксельроду (ноябрь 1895 г.). См. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 8-10, № 5.

2. Пушкин А. С. «Брожу ли я…» – ключ в Полтаву (Ю. Мартов), Харьков (Л. Радченко) и к М. Ульяновой (1900-1903 гг.). Переписка. Т. 1, письма №№ 6, 35, 52. Т. 3, № 1342. См. также т. 1, № 49.

3. Некрасов Н. А. «Маша» – ключ СПб. Союза борьбы, 1900 – 1903 гг. Переписка. Т. 1, №№ 11, 19. См. также т. 2, т. 3 – №№ 486, 755, 1295.

4. Ключ к шифру В. Ленина и В. Ногина – фраза «Юлий Осипович Цедербаум». См. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 46, с. 78, 1901 г.

5. Лермонтов М. Ю. «Пророк» – ключ Ф. Дана, 1901 г. См. Ленинский сборник № 8, с. 118.

6. Автор неизвестен, стихотворение «Звезды усып…», в квадрате 10х10. Ключ Н. Баумана (Грача), 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 14, 24, 73, 80, 200, 222, 235, 318, 336 (См. часть 3, гл.3).

7. Лермонтов М. Ю. «Дума» – ключ к искровцам Киева, 1901 г. Переписка. Т. 1, № 18. См. также т. 2, № 457.

8. Русская народная песня (на стихи А. Навроцкого) «Есть на Волге утес» – ключ Уфимской искровской группы, 1900 г. Переписка. Т. 1, № 26.

9. Некрасов Н. А. «Калистрат» – ключ Л. Книпович (Астрахань) и К. Газенбуша (Самара), 1900 – 1902 гг. Переписка. Т. 1, №№ 31, 46, 54.

10. Крылов И. А. «Пловец и море» – ключ М. Вечеслова, 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 34, 37.

11. Пушкин А. С. «У Лукоморья дуб зеленый» – ключ В. Ногина, С. Андропова, С. Цедербаума, 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 137, 183. См. также № 128.

12. Пушкин А. С. «Пророк» – ключ К. Захаровой (Тодорки), 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 203, 230, 241, 246, 248, 250, 256, 273. См. также № 204.

13. Некрасов Н. А. «Песня» (Отпусти меня родная…) – ключ В. Крохмаля (Красавца), 1901 г. Переписка. Т. 1, № 257.

14. Мартов Ю. О. (Нарцис Тупорылов) «Гимн новейшего русского социалиста» – ключ И. Леман-Смидович (Димки), 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 268, 277, 279, 287, 299. Это же стихотворение (со второй строки) являлось шифром П. Лепешинского в 1902 году. Важно отметить, что Лепешинский считал фразу из ключевого текста «Тише вперед, рабочий народ» за одну полную строку. Следовательно, он пользовался при шифровании рукописным текстом «Гимна». Переписка. Т. 2, №449 (частично). См. также т.1, №304.

15. Ключ СПб. искровцев (берлинский) – квадратный, по слову «Вашингтонъ», азбука в 35 букв (Й в конце алфавита). Переписка. Т. 1, № 276.

16. Лермонтов М. Ю. «Сон» - ключ С. Радченко (Генерала), 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 280.

17. Некрасов Н. А. «Внимая ужасам войны» – ключ № 1 И. Леман, 1901 г. Переписка. Т. 1, №№ 297, 298, 304, 311, 322, 323.

18. Ключ А. Кузнецовой (берлинский) – мудреный, по слову «Семипалатинскъ», азбука в 35 букв (Й в конце алфавита), нумерация со второго столбца таблички, первые три цифры каждой криптограммы – фиктивные, 1901 – 1902 гг. Переписка. Т. 1, № 315, 317.

19. Ключ С.Афанасьевой (берлинский) – мудреный, по слову «Вашингтонъ», азбука в 35 букв (Й в конце алфавита), нумерация со второго столбца таблички, первая и последняя цифры криптограмм – фиктивные,1901 – 1902 гг. Переписка. т.1, №316.

20. Некрасов Н. А. «Похороны» – ключ И. Радченко (Касьяна), 1902 г. Переписка. Т. 1 и т. 2, №№ 343, 344, 483. См. также №№ 377, 653, 755.

21. Надсон С. Я. «Друг мой, брат мой» – ключ П. Лепешинского (Псков) и Г. Кржижановского (Самара), 1900 – 1902. Переписка. Т. 1, № 346.

22. Ключ Ф. Гурвича (Дана) – квадратный, по фразе «Немцы побили француза», азбука в 29 букв, 1902 г. Переписка. Т. 1, №№ 370, 378 (дробями).

23. Ключ Ф. Дана – мудреный, по фразе «Немцы побили француза», азбука в 29 букв, фиктивны три цифры в начале и три в конце каждой криптограммы, 1902 г. Переписка. Т. 1 и т. 2, №№ 370, 539.

24. Надсон С. Я. «Мгновение» – ключ херсонских искровцев, 1902 г. Переписка. Т. 2, № 512. См. также № 467.

25. Ключ Екатеринославского комитета РСДРП – квадратный, по слову «Благонадежный», азбука в 29 букв. Переписка. Т. 2, № 605. См. также №№ 465, 466. Ошибочно письма приписываются М. Лурье.

26. Ключ В. Гурвич-Кожевниковой (Наташи) – мудреный, по фразе «Северное …», азбука в 29 букв, 1902. Переписка. Т. 2, № 767.

27. Некрасов Н. А. «Саша» – ключ В. Кожевниковой (Наташи) и Г. Окуловой (Зайчика) в Москву, 1902 г. Переписка. Т. 2, № 852. См. также № 667.

28. Геркнер Г. «Рабочий труд в Западной Европе». СПб., 1899 г., перевод Ю. Мартова – ключ Уфимского комитета РСДРП, 1903 г., 10-я страница. Переписка. Т. 3, № 1116. См. также № 1059.

29. Лермонтов М. Ю. «Ангел» – ключ А. Руниной (Педагог) в Астрахань, 1903 г. Все дроби криптограммы с числителем больше 16 – фиктивные. Переписка. Т. 3, № 1039. См. также т. 2, №№ 484, 448.

30. Пушкин А. С. «Песнь о вещем Олеге» – ключ Тульского комитета РСДРП, 1903 г. Переписка. Т. 3, № 1160. См. также т. 2, № 679.

31. Ключ И. Басовского (Дементьева) – мудреный, по слову «Шаляпин», азбука в 28 букв, 1903 г. Переписка. Т. 3, № 1048.

32. Ключ Б. Гольдмана (Адели) – мудреный, по слову «Организация», азбука в 29 букв, 1903-1905 гг. Переписка. Т. 3, №№ 1170, 1223, 1228, 1282. См. также т. 11, № 27. «Второй способ» Гольдмана.

33. Ключ к неизвестному в Екатеринослав – квадратный, по фразе «Что делать», азбука в 35 букв, «Й» в конце алфавита, 1903-1905 гг. Переписка. Т. 3, № 1230. См. также т. 2, № 459.

34. Пушкин А. С. «Граф Нулин» – ключ «Южного Рабочего» и Емельяна из Одессы, 1901-1903 гг. Переписка. Т. 3, №№ 1323, 1372; т. 4, №№ 32, 90, 138, 139. См. также т. 2, №№ 555, 556.

35. Плеханов Г. В. (А. Волгин). «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)». СПб., 1896 г., страница 150 – ключ в Самарское бюро «Искры», Ф. Ленгника и «Сибирского Союза РСДРП» (Тесинский ключ), 1897-1903 гг. Переписка. Т. 4, №№ 2, 65, 220, 248. См. также т. 1, № 445.

36. Ленин В. И. (Ильин В.). «Развитие капитализма в России». СПб., 1899 г., страница 274 – ключ В. Броннера (Тоблер) в Томске, 1903 г. Переписка. Т. 4, № 46.

37. Ключ А. Устинова – квадратный, слово «Мельпомена», 1903 г. Переписка. Т. 4, № 329. Числитель = буква, знаменатель = строка. Шифр сильно напутан. Расшифровка, выполненная Ю. С. Уральским, оставляет много вопросов.

38,39. Ключ Л. Гальперина (Альфа) – одновременно в двух системах: квадратной и мудреной по фразе «Пансіонъ Фурнье», азбука в 35 букв, «Й» в середине, 1904 г. Переписка. Т. 5, №№ 550, 647, 688.

40. Надсон С. Я. «Песни Мефистофеля» – ключ Тани (Тверского комитета РСДРП), 1903-1905 гг. Переписка. Т. 5, №№ 594, 672; т. 6, №№ 914, 972, 865, 1007; т. 7, №№ 1, 20, 21, 70, 80, 109, 126, 177, 207, 223; т. 8, №№ 232, 408, 456; т. 9, № 255. См. также т. 3, № 1101.

41. Крылов И. А. «Дуб и трость» – ключ Е. Стасовой (Абсолют), 1902-1905 гг. Переписка. Т. 5, № 645; т. 6, №№ 779, 1000; т. 8, № 258; т. 9, № 250; т. 10, №№ 318, 363, 364, 478, 491, 499; т. 11, №№ 84, 85, 196; т. 12, № 253. См. также т. 2, № 837.

42. «Евангелие от Марка», глава 3 – ключ Э. Эссена (Барон), 1904 г. Переписка. Т. 5, №№ 652, 735, 752; т. 6, №№ 778, 790, 893.

43. Плеханов Г. В. (А. Волгин). «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.)». СПб., 1896 г., страница 200 – ключ Даши (Самарского бюро «Искры»), 1902-1905 гг. Переписка. Т. 5 и т. 6, №№ 677, 678, 727, 763, 817; т. 8, № 327; т. 9, № 82; т. 11, № 98. См. также т. 2, № 815.

44. Ключ М. Литвинова (Папаша, Феликс) – квадратный, по слову «Прогностика», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 5, №№ 612, 679, 709, 711, 717.

45. Ключ И. Лалаянца (Жорж, Карл) – гамбеттовский по фразе «Драка въ Лигѣ кончилась успешно», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 5, №№ 629, 680, 689, 712, 715.

46. «Евангелие от Луки», глава 4 – ключ М. Литвинова, 1904 г. Переписка. Т. 5 и т. 6, №№ 717, 744, 773, 779, 787.

47. Ключ Сынка, И. Мордковича (Юрий), Л. Фотиевой (Киска) – круглый, по слову «Учениками», азбука в 28 букв, 1904-1905 гг. Переписка. Т. 5, № 736; т. 9, № 221; т. 10, № 496; т. 11, №№ 137, 150; т. 12, № 242; т. 13, №№ 13, 27.

48. Ключ А. Дивильковского и В. Липшица – квадратный, по слову «Учениками», азбука в 29 букв. Переписка. Т. 6, №№ 815, 958.

49. Ключ Ф. Ленгника (Курц) – круглый, по слову «Шт-ера-ми», азбука в 30 букв. 1904 г. Переписка. Т. 5, № 743. Этим же ключом пользовалась жена «Курца» А. Ленгник.

50. Ключ В. Бобровского (Маргарита) – гамбеттовский, по фразе «Южно-американскіе штаты», азбука в 34 буквы, «Й» в середине, 1904 г. Переписка. Т. 5, № 728. См. также т. 6, №№ 832, 843, 865, 914.

51. А. А. Малиновский (Богданов, Рядовой, Рахметов) – первая строфа его собственного стихотворения «Мысль человечества» 1899 г., не опубликовано, 1904 г. Переписка. Т. 5, № 737; т. 6, №№ 767, 789, 797, 822, 838, 842, 852, 937, 946, 976. С фиктивными дробями.

52. Ключ О. Виноградовой и Е. Голиковой – мудреный, по слову «Контакурент», азбука в 28 букв, 1904-1905 гг. Переписка. Т. 6, № 764; т. 7, № 108; т. 11, № 97.

53. Ключ А. Фабричного – гамбеттовский, по слову «Стародубъ», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 6, №№ 768, 895.

54. Крылов И. А. «Крестьянин в беде» – ключ А. Фабричного и Екатеринославского комитета РСДРП (Соня), 1904 г. Переписка. Т. 6, № 768.

55. Ключ В. Вакара – квадратный, по фразе «Лев Николаевич Толстой», азбука в 30 букв, 1903-1904 гг. Переписка. Т. 6, № 777.

56. Ключ П. Лалаянц-Кулябко (Мышь) – гамбеттовский, по фразе «Упрямство легко принять за твердость характер(а)», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 6, №№ 782, 798, 832, 843, 896.

57. Ключ В. Швейцер – мудреный, слово «Глауберовая», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904-1905 гг. Переписка. Т. 6, № 783; т. 8, № 247.

58. Ключ В. Липшица (Лева) – квадратный, набор из шести слов, зашифрован по слову «учениками», 1904 г. Переписка. Т. 6, № 958. (См. по тексту книги – ч.3, глава 8).

59. Ключ Виталия – по слову «Мануфактура», азбука в 28 букв, 1904 г. Переписка. Т. 6, № 939.

60. Лермонтов М. Ю. «Сказка для детей» – ключ Чернушки и ЦК РСДРП, 1904 г. Переписка. Т. 6, № 902. См. также т. 5, № 492.

61. Серафимович А. «На льдине», рассказ, отдельное издание «Донской речи», 1904 г., Ростов-на-Дону, страница 5– «новый ключ» М. Литвинова, 1904-1905 гг. Переписка. Т. 6, №№ 784, 802, 839, 850, 870, 889 (5 и 6 страницы), 915, 971; т. 9, № 268; т. 11, №№ 28, 92.

62. Ключ Н. Мандельштама (Григория) – квадратный, по фразе «Твердокаменное большинство», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 6, № 886.

63. Ключ М. Кореневского (Эмма) – гамбеттовский, по фразе «Ревизия Тверского земства», азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1904 г. Переписка. Т. 6, №№ 785, 883.

64. Ключ И. Лейбовича (Малюткин) в Екатеринослав – гамбеттовский, по фразе «Новая кр…» (полностью не установлен), азбука в 35 букв, «Й» в конце, 1905 г. Переписка. Т. 7, страница 37-38.

65. «Евангелие от Матфея», глава 7 – ключ ЦК РСДРП в феврале 1905 г. Ленинский сборник № 16 за 1931 год, стр. 81.

66. Крылов И. А. «Обоз» – ключ С. Гусева (Харитон, Нация), 1904-1905 гг., с шестой строки, счет букв справа налево. Переписка. Т. 7, №№ 60, 184, 225, 265; т. 8, №№ 279, 317, 345, 378, 403, 415, 448; т. 9, №№ 19, 49, 97, 273; т. 13, №№ 19, 20.

67. Лермонтов М. Ю. «Три пальмы» – ключ Макара (Нижегородского и Московского комитетов РСДРП) и Николаевского комитета партии, 1900-1905 гг. Переписка. Т. 5, № 734; т. 7, № 200; т. 8, № 252; т. 9, № 81; т. 12, № 251. См. также т. 2, № 343; т. 3, № 1187 и т. 5, с. 302.

68. Лермонтов М. Ю. «Воздушный корабль» – ключ Н. Дорошенко (Наполеон), 1905 г. Переписка. Т. 8, № 255; т. 13, № 188.

69. «Евангелие от Марка», глава 7 – ключ В. Бонч-Бруевича (Дядя Том), 1905 г. Переписка. Т. 8, № 773.

70. «Евангелие от Марка», глава 5 – ключ В. Бонч-Бруевича и А. Санина (Харьков), 1905 г. Переписка. Т. 9, № 36. См. также т. 8, № 403.

71. Ключ Л. Потушанского (Лоло) – мудреный, по фразе «Механик труб», азбука в 28 букв, 1905 г. Переписка. Т. 8, № 426.

72. Ключ Катюши (Рига) – мудреный, по фразе «Сказочный д…» (полностью не выявлен), азбука в 28 букв, 1905 г. Переписка. Т. 9, № 35.

73. Лермонтов М. Ю. «К гению» – ключ В. Невского (Спица), система: последняя цифра группы – буква, предпоследняя – слово, первая и вторая – номер строки в стихотворении, 1905 г. Переписка. Т. 9, № 178.

74. Ключ Арсения-Исаака – мудреный, слово «Вашингтон», азбука в 28 букв, 1905 г. Переписка. Т. 9, № 78; т. 10, № 421.

75. Ключ Вольтмана – мудреный, по фразе «Графинъ воды» (трансформируется в «грфнвдъаиоы»), азбука в 34 буквы, «Й» в середине, 1905 г. Переписка. Т. 9, № 240.

76. Ключ ЦК РСДРП (придуман Л. Красиным) – табличный, 1905 г. Переписка. Т. 10, №№ 361, 478. См. Ленинский сборник № 5 за 1926 г., стр. 277.

77. Лермонтов М. Ю. «Выхожу один я на дорогу» – ключ Андреева, 1905 г. Переписка. Т. 10, № 379.

78. Пушкин А. С. «Утопленник» – ключ А. Ветрова, 1905 г. Переписка. Т. 10, № 501.

79. Пушкин А. С. «Евгений Онегин», глава 2 – ключ И. Страшинского и Виленского комитета РСДРП, 1905 г. Переписка. Т. 11, № 27. См. также т. 10, стр. 56.

80. Ключ Е. Штейнер – гамбеттовский, по фразе «Куда ни взглянешь, везде степь» (трансформируется в «куда ни взгляеш стп»), азбука в 27 букв, 1904-1905 гг. Переписка. Т. 11, № 36. См. также т. 12, № 252.

81. Сборник «Знание», книга 3. СПб., 1905 г. – ключ Стоянова, 1905 г., страница указывается первой дробью криптограммы. Здесь: 25/2 = 252. Переписка. Т. 11, № 37.

82. А. Кизеветтер. «Кузнец-гражданин». Донская речь, 1904 г. – ключ М. Литвинова: страница 6, 1905 г. Переписка. Т. 12, № 240. См. также т. 10, № 480. Числитель – строка, знаменатель = десятки означают слова, единицы – букву.

83. «Евангелие», – ключ Кавказского союзного комитета РСДРП, 1905 г., система: первая дробь каждой криптограммы – числитель = евангелист, знаменатель = глава. Переписка. Т. 8, № 377; т. 10, № 349; т. 11, № 160; т. 12, № 375.

84. Ключ П. Смидовича (Громобой) – мудреный, слово «Электротехника», азбука в 35 букв, «Й» в конце, нумерация столбцов таблички от 0 до 34, 1905 г. Переписка. Т. 13, № 83.

85. Ключ Землячки – книга Скитальца «Рассказы и песни», том 1, СПб., 1902 г. Каждое произведение сборника – отдельный ключ.

№2 – «Сквозь строй». Переписка. Т. 6, №№ 874, 885; т. 9, № 79.

№3 – «Спит море…». Переписка. Т. 6, № 818.

№4 – «Композитор». Переписка. Т. 6, №№ 801, 818, 999; т. 8, № 381.

№8 – «Колокольчики – бубенчики». Переписка. Т. 5, № 745; т. 6, № 801; т. 7, № 19.

№9 – «Я хочу веселья». Переписка. Т. 5, № 745.

№10 – «Утром зорька молодая». Переписка. Т. 6, № 819.

№11 – «Любовь декоратора». Переписка. Т. 8, № 460; т. 9, № 176.

№13 – «Ночи». Переписка. Т. 8, № 253.

№15 – «Ранняя обедня». Переписка. Т. 6, № 987; т. 7, № 101; т. 8, № 321; т. 9, № 207; т. 11, № 161.

№17 – «Ручей». Переписка. Т. 5, № 726.

№18 – «Газетный лист». Переписка. Т. 6, №№ 892, 922, 927.

№ 26 – «Ты скажи-ка оборванец молодой». Переписка. Т. 6, № 950.

86. Книжный страничный ключ (книга неизвестна) – шифр И. Гольденберга (Мешковский), Саратов, 1904 г. Переписка. Т. 6, №№ 781, 823.

87. Книжный страничный ключ (книга неизвестна) – шифр петербургских большевиков (П. Лалаянц, А. Ульянова-Елизарова), 1904-1905 гг. Переписка. Т. 6, №№ 858, 923; т. 7, №№ 35, 39.

88. Книжный страничный ключ (книга неизвестна) – шифр А. Стопани (Тура), 1904-1905 гг. Переписка. Т. 6, № 989; т. 7, № 216; т. 8, № 311.

89. Книжный ключ (книга неизвестна) – ключ Коли (Московского комитета РСДРП), 1904-1905 гг., первые четыре дроби криптограммы не считать, а 5 – произведение числителя на знаменатель дает ключевую страницу. Переписка. Т. 5, № 753; т. 6, №№ 800, 875, 914; т. 7, № 176; т. 9, №№ 80, 280.

90. Неизвестное стихотворное произведение (к 1905 году имело несколько изданий) – ключ Д. Сергеева (Олег) и Курского комитета РСДРП, 1905 г., отсчет букв в строках ключа осуществлялся справа налево. Переписка. Т. 8, № 449. См. также № 331.

Всего в приведенном списке:

1) 13 книжных ключей (70 криптограмм);

2) 40 стихотворных ключей (157 криптограмм, из них 19 – «Евангелие»);

3) 11 квадратных (18 криптограмм);

4) 2 круглых (9 криптограмм);

5) 14 мудреных (24 криптограммы);

6) 7 гамбеттовских (17 криптограмм);

7) 3 других систем (4 криптограммы), см. позиции 4, 58, 76.

Итого: 90 ключей – 297 криптограмм.

В приложении указаны лишь те ключи к шифрам революционеров, которые имеют конкретное применение в дошедшей до наших дней переписке.

При обозначении документов из «Переписки» дается только их номер, присвоенный подготовителями сборников.

Приложение 3

Расшифровка ранее неразобранных криптограмм

1. Документ № 6 (Ленинский сборник № 8 за 1928 г., с. 119) В. Ленин – Ф. Дану в Берлин. 22 марта 1901 г.

Фраза секретаря редакции «Искры» Инны Леман: «смотреть страницу триста» означает не номер страницы шифровальной книги (как ошибочно указали подготовители сборника), а, вероятно, страницу, на которой был нанесен химический текст письма. Шифр же здесь – Лермонтов М. Ю., «Пророк».

2. Документ № 19 (Переписка. Т. 1, с. 54). И. Леман – Петербургскому Союзу борьбы. 12 апреля (30 марта) 1901 г.

Корректировка расшифрованного текста:

«Адрес: Шарлотенбург, Берлин, Английская улица…» Ключ к шифру – Некрасов Н. А., «Маша».

3. Документ № 26 (Переписка. Т. 1, с. 62). Н. Крупская – Уфимской группе содействия «Искре». 16 (3) апреля 1901 г. (Ошибочно указано – «В Самару»).

Корректировка расшифрованного текста:

«Как поживает Ю.А., здорова ли? … Передайте, пожалуйста, Н.Н., что по данному им адресу послано…». Ключ – «Есть на Волге утес» (русская народная песня на стихи А. Навроцкого). По свидетельству историков Г. Павлюченкова и В. Новикова, «Ю.А.» есть Ю. А. Попова, а «Н.Н.» – Н. Н. Плаксин (см. В. Н. Новиков, «Ленин и деятельность искровских групп в России», М., 1984, с. 40-41).

4. Документ № 31 (Переписка. Т. 1, с. 65-66). Н. Крупская – Л. Книпович в Астрахань. 23 (10) апреля 1901 года.

Разбор шифра:

«1.2 5.2 7.3 11.2 1.2» – «Астра/хань/»;

«2.1 1.4 13.4 и т.д.» – «Коз» [фамилия полностью не установлена – А.С.};

«5.1 5.2 2.1 8.7 8.2» – «Искре».

Ключ – Некрасов Н. А., «Калистрат».

5. Документ № 46 (Переписка. Т. 1, с. 79). Н. Крупская – Л. Книпович в Астрахань. 9 мая (26 апреля) 1901 г.

Разбор шифра:

«3/1 1/2 2/1 3/2» – Баку;

«7/3 …» – «Т/авриз/»;

«3/1 …» – «Б/аку/»;

«1/2 …» – «А/страхань/»;

«8/3 5/1 9/1 2/3 14/6» – «Тивли» (Тифлис);

«5/2 1/2 6/2 …» – «Сар/атов/»;

«3/3 3/4 2/9 1/4 8/1» – «Демон» (стихотворение Лермонтова).

Ключ – Некрасов Н. А., «Калистрат». В тексте стихотворения отсутствует буква «Ф». Поэтому, шифруя слово «Тифлис», Н. Крупская написала «Тивли/с/». Такой замены буквы «Ф» на букву «В» в материалах «Переписки» множество. Однако Ю.С. Уральский (независимо от меня разобравший этот шифр) остался категорически не согласен с такой трактовкой и читал «Тивли» как «Тавриз», заявив в одном из писем (июнь 1988 г.), что у меня «формальная сторона превалирует над конкретно-историческим восприятием

материала». Наша дискуссия осталась незавершенной и читателю предстоит самостоятельно сделать свой выбор. Замечу только, что, зашифровав ранее «Тавриз» как «7/3 …», Крупской не имело большого смысла затем перекрывать то же самое слово более длинной шифргруппой (см. Ю. С. Уральский, «Пароль: «От Петрова»», М., 1988, с. 194).

6. Документ № 42 (Переписка. Т. 1, с. 76). Н. Крупская – С. Цедербауму в Вильно. 3 мая (20 апреля) 1901 г.

Примечание публикаторов в конце указанной страницы:

«Ключ и адрес густо зачеркнуты. Удалось разобрать: «… Некрасова. Ро … слушая … ья …» Имеется в виду стихотворение Некрасова Н. А. «Плач детей» («Равнодушно слушая проклятья»), являющееся ключом к шифру смоленских искровцев.

7. Документ № 257 (Переписка. Т. 1, с. 316). Редакция «Искры» – В. Крохмалю в Киев. Ноябрь 1901 г.

Разбор шифра:

«(10.8 6.3 3.3 5.7 5.8 17.12) 1.3 2.7 4.4 1.9 5.9» – «(Грецию) Пирей».

Ключ к шифру – Некрасов Н. А., «Песня» («Отпусти меня родная»). Здесь показано, как Крупская в своем черновике зашифровала одну из фраз письма. Ранее считалось, что это не разобранная криптограмма. Отметим, что в «Переписке» публикаторы ошибочно разместили скобки. Но они совершенно правильно указаны в «Ленинском сборнике № 8 за 1928 год», страница 204.

8. Документ № 276 (Переписка. Т. 1, с. 343). Н. Крупская – Искровской группе в Петербург («Берлинские девицы»). 15 (2) декабря 1901 г.

Корректировка расшифрованного текста:

«Ваш знакомый чемоданы взял». (См. главу 4, часть 3). Ключ – квадратный, по слову «Вашингтонъ», азбука в 35 букв («Й» в конце).

9. Документ № 280 (Переписка. Т. 1, с. 348-349). Н. Крупская – С. Радченко в Петербург. 19 (6) декабря 1901 г.

Разбор шифра:

«… Москва, Мещанская ул/ица/, Старо-Екатерин/инская/ больница… Союзники хотят устроить на рождес/т/ве съезд партии». Ключ – Лермонтов М. Ю., «Сон». (См. главу 5,часть 3).

10. Документ № 282 (Переписка. Т. 1, с. 351). А. Кузнецова из Киева – Берлинской группе содействия «Искре». 22 (9) декабря 1901 г.

Смысловое уточнение фразы из письма:

«Посылаю свой адрес. Шифр тот же, что и у Елены, слово у вас записано. Твердые знаки считаются. Львовская ул/ица/, аптека Остаховича, Самуилу Койлю. (Последние цифры, кажется, плохо написаны. Повторяю их: 18)».

Здесь число «18» соответствует букве «Ю» из фамилии адресата (согласно мудреного шифра Кузнецовой «Семипалатинскъ»).

11. Документ № 316 (Переписка. Т. 1, с. 415). С. Афанасьева из Киева – Берлинской искровской группе. 30 (17) января 1902 г.

Разбор шифра:

«21305272901923» – «Первое» (см. главу 4, часть 3).

Ключ – мудреный, по слову «Вашингтонъ», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита). Первая и последняя цифры криптограммы – фиктивные.

12. Документ № 317 (Переписка. Т. 1, с. 416). А. Кузнецова из Киева – Берлинской искровской группе. 31 (18) января 1902 г.

Шифр «302 … … 408» разбирается как:

«На чье имя было послано мне письмо: на имя Шакаловой, или в аптеку Койлю, или Когутовой?»

Ключ к шифру – мудреный, по слову «Семипалатинскъ», азбука в 35 букв, «Й» в конце алфавита. Первые три цифры криптограммы – фиктивные. Нумерация столбцов ключевой таблички выполнена со второго столбца (аналогично шифру С. Афанасьевой, см. главу 4, часть 3).

13. Документ № 370 (Переписка. Т. 1, с. 471). Ф. Гурвич (Дан) из Белостока – В.И. Ленину. 10 апреля (28 марта) 1902 г.

Разбор шифра:

«Днем празднования назначено русское первое. Кроме того приняты такие резолюции: «В оргкомитет выбраны Я, Геноссе и один из ЦК БУНДа с правом выпуска листков. Съезд к концу лета за границей. Представительство имеют комитеты, местные группы с согласия двух ближайших комитетов, редакции «Искры», «Рабочего Дела», Лига, Союз, Заграничный комитет БУНДа, группа «Освобождение труда»… Лига, Союз и ЗК БУНДа выбирают по одному делегату для образования заграничной оргкомиссии». (Подробный разбор приведен в главе 5, часть 3).

Ключ к шифру – мудреный, по фразе «Немцы побили француза», алфавит в 29 букв. Фиктивны три цифры в конце и в начале каждой криптограммы.

14. Документ № 378 (Переписка. Т. 1, с. 479-480). Ф. Гурвич (Дан) из Ярославля – редакции «Искры». 16 (3) апреля 1902 г.

Разбор шифра:

«8/3 19/6 … 6/4» – «Генос/с/е провокатор»;

«10/4 6/2 2/1 19/16» – «Орел»;

«2/12 2/7» – «См/оленск/»;

«1/3 10/7 18/3» – «Пск/ов/»;

«14/3 15/2 15/4» – «Вор/онеж/»;

«1/5 3/1» – «См/оленск/»;

«6/7» – «Х/инчук/»;

«5/3 6/2» – «Яр/ославль/».

Шифр – квадратный, по фразе «Немцы побили француза», азбука в 29 букв. Подробно смотрите в главе 5, часть 3.

15. Документ № 605 (Переписка. Т. 2, с. 185). Н. Крупская – Екатеринославскому комитету РСДРП («Славину»). 26 (13) августа 1902 г.

Шифр:

«5.10 1.5 2.6 9.1 9.3 2.1 12.2 3.6 1.6 11.5 1.10 3.1 7.3 3.9 11.1».

Разбирается как: «Через Льеж. Славин».

Здесь мы имеем черновик письма Н. Крупской, где она в конце текста произвела зашифровку необходимых слов.

Ключ к шифру – квадратный, по слову «Благонадежный», азбука в 29 букв. Публикаторы ошибочно указали, что письмо адресовано к М. А. Лурье.

16. Документ № 667 (Переписка. Т. 2, с. 260). Г. Кржижановский из Самары – редакции «Искры». 21 (8) сентября 1902 г.

Неправильно разобранный Н. Крупской шифрованный текст «вразп.х. Письма постороннего человека…» читается, очевидно, как «фраза-к/люч/ «Письма постороннего человека»» (см. главу 7, часть 3).

17. Документ № 852 (Переписка. Т. 2, с. 462). В. Кожевникова из Москвы – редакции «Искры». 26 (13) ноября 1902 г.

Фраза из письма «Он назвал себя представителем» неверна. Следует читать как «Он назвал себя г/осподином/ номером первым». (См. главу 4). Часть 3.

Шифр – Некрасов Н. А., «Саша».

18. Документ № 1223 (Переписка. Т. 3, с. 336). Б. Гольдман из Москвы – редакции «Искры», ранее 8 мая (25 апреля) 1903 г.

Шифр «5.1 2.6 … … 3.2» разбирается как «Рязан/ь/, Липецк/ая/ ул/ица/, Колон/иальный/ маг/азин/, Бутиной». (См. главу 6, часть 3).

Ключ к шифру – мудреный, слово «Организация», азбука в 29 букв.

19. Документ № 350 (Переписка. Т. 5, с. 237-238). Н. Крупская – членам ЦК РСДРП в Москву. 18 (5) апреля 1904 г.

Зачеркнутый авторами письма шифр (с. 238):

«2/10 4/1 3/3 5/3 2/9 29/34.

2/10 1/3 20/3 2/9 29/34 40/3 2/9 3/1 2/20 40/6»

расшифровывается как

«Баку, Вил/ьно/, Баку, Вильно, Гра/чу/».

Это один из вариантов записи криптограмм, воспроизведенной на странице 237 «Переписки»: «21 41 33 53 29 29 33 73 29 31 22 54 77 20».

Расшифровка: «Баку, Вильно, Грач». Ключ к шифру Альфы (Л. Гальперина) – мудреный, по фразе: «Пансіонъ Фурнье», азбука в 35 букв («Й» в середине алфавита).

20. Документ № 612 (Переписка. Т. 5, с. 326). Н. Крупская – М. Литвинову в Ригу. 10 июня (28 мая) 1904 г.

Шифр «11/2 5/2» читается как «Бо/рис/» – В. Носков.

Ключ к шифру – квадратный, по слову «Прогностика», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита).

21. Документ № 629 (Переписка. Т. 5, с. 361). И. Лалаянц из Одессы – Н. Крупской. Не позднее 21 (8) июня 1904 г.

Шифр «7491826» есть «Бюро»; «10184206» – «Давид».

Ключ – гамбеттовский, по фразе «Драка в ЛигЪ кончилась успешно», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита).

Подробный разбор криптограммы показан в главе 7. Часть 3.

22. Документ № 652 (Переписка. Т. 5, с. 392). М. Лядов – Э. Эссену в Одессу. Позднее 23 (10) июля 1904 г.

Корректировка шифра: «Слыхали ли вы о московском провале? Взяты Курц, Абсолют, Грач…».

Ключ Барона – «Евангелие от Марка», глава 3.

23. Документ № 736 (Переписка. Т. 5, с. 529). Н. Крупская – Сынку в Житомир. 21 (8) сентября 1904 г.

Шифр: «… 45191.47344 … … 1494» разбирается как «Преображенская 69, д-р Левенсон, пар/оль/: Мне нужно видет/ь/ Царя Персидскаго. Спросит/ь/ Осипа…».

Ключ к шифру – круглый, по табличке «Учениками», азбука в 28 букв. Начало криптограммы (45191) относится к предыдущей фразе письма – «Явка в Одессу». Смотрите главу 8. Часть 3.

24. Документ № 137 (Переписка. Т. 11, с. 211). И. Мордкович из Костромы – редакции «Пролетария». 21 (8) июля 1905 г. Текст письма: «Вчера приехал 142.4747.141». Криптограмма читается как «Цыган». Смотрите о нем же – Переписка, т. 11, с. 320 (письмо из Костромы некоего Цыганова).

Ключ к шифру – круглый, по табличке «Учениками», азбука в 28 букв.

25. Документ № 150 (Переписка. Т. 11, с. 243). И. Мордкович из Костромы – Заграничному бюро ЦК РСДРП. 24 (11) июля 1905 г.

Шифр: «Г-н Х (4677914781) … читал доклад» разбирается как 46 7791 4781 – «Тан». Ключ круглый, по табличке «Учениками», азбука в 28 букв. «Тан» – псевдоним Владимира Богораза.

26. Документ № 13 (Переписка. Т. 13, с. 48). Н. Крупская из Женевы – Л. Фотиевой в Петербург. 3 сентября (21 августа) 1905 г.

Шифр: «75842151478644345173495637176126» – «Дмитриевская»;

«639171428443914814756192193 41» – «Карпинскому».

Ключ – круглый, по табличке «Учениками», азбука в 28 букв.

27. Документ № 764 (Переписка. Т. 6, с. 33-34). Н. Крупская – Одесскому комитету РСДРП. 6 октября (23 сентября) 1904 г.

«Адрес Осипу № 17 (а): «22/6 28/25 7/4 20/15 … 20/26 18/20 13/3». «Лейпциг/г/ … Албин/м/».

Ключ Ганны – мудреный, по слову «Контакурент», азбука в 28 букв. В данном случае разбор криптограммы начинается с 4-й строки ключевой таблицы, так как на 3-ей окончилась шифровка предыдущего текста.

28. Документ № 108 (Переписка. Т. 7, с. 195). Н. Крупская – О. Виноградовой в Нижний Новгород. 9 февраля (27 января) 1905 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«Мы отправили к вам троих работников, оч/ень/ ценных».

Ключ Ганны – мудреный, по слову «Контакурент», азбука в 28 букв.

29. Документ № 768 (Переписка. Т. 6, с. 41). Н. Крупская – А. Фабричному в Екатеринослав. 9 октября (26 сентября) 1904 г.

Криптограмма: «293 … … 303» читается как «Ключ: «Крестьянин в беде» Крылова».

Ключ к шифру – гамбеттовский, по слову «Стародубъ», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита).

30. Документ № 783 (Переписка. Т. 6, с. 74). Н. Крупская – В. Швейцер в Ростов-на-Дону. 15 (2) октября 1904 г.

Зашифрован текст в следующей редакции:

«Адрес для явки в Одессу: Преображенская, 69, до/кт/ор Левенсон. Пароль: «Мне нужно видеть царя персидскаго». Ключ – мудреный, по слову «Глауберовая», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита).

31. Документ № 818 (Переписка. Т. 6, с. 132). Н. Крупская – М. Ульяновой в Петербург. 1 ноября (19 октября) 1904 г.

Слова из текста письма «Кончить на 31 странице» трактуются публикаторами «Переписки» как «указание на страницу издания, по которому шифровалось письмо». Но это не так. Письмо перекрыто ключами Землячки № 3 и № 4. Первый – стихотворение Скитальца «Спит море», второй – рассказ «Композитор» (стр. 95 сборника). Поэтому речь, видимо, идет о странице книги, где было нанесено химическое письмо.

32. Документ № 822 (Переписка. Т. 6, с. 138). Н. Крупская – А. Богданову в Тверь. 2 ноября (20 октября) 1904 г.

Корректировка текста:

«В Бюро намечены пока Демон, Феликс, Барон, Лидин, Алексеев, Гусев, Игнат». Здесь «Игнат» – Петр Красиков.

Ключ Рахметова (Богданова) – первая строфа его собственного стихотворения «В потоке явлений…» (см. главу 9, часть 3).

33. Документ № 865 (Переписка. Т. 6, с. 205). В. Ленин – Тверскому комитету РСДРП. 26 (13) ноября 1904 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«К вам приедет из Перми Рогова».

Ключ Тани – Надсон С. Я., «Песни Мефистофеля».

34. Документ № 456 (Переписка. Т. 8, с. 276). Н. Крупская из Женевы – П. Куделли в Тулу. 31 (18) марта 1905 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«Пришлите Рахметову мандат …».

Ключ Тани – Надсон С. Я., «Песни Мефистофеля».

35. Документ № 883 (Переписка. Т. 6, с. 234). Н. Крупская – М. Кореневскому в Вильно. 4 декабря (21 ноября) 1904 г.

Криптограмма «332 … … 733» разбирается как «Преображенская 69, до/кто/р Левенсон, спр/осить/ царя персидскаго».

Ключ Эммы – гамбеттовский, по фразе «Ревизия тверского земства», азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита).

Корректировка расшифрованного текста письма:

«Пароль: Дайте 27 номеров номера 2648. Ответ: Есть только 8».

36. Документ № 889 (Переписка. Т. 6, с. 247). Н. Крупская – М. Литвинову в Ригу. 9 декабря (26 ноября) 1904 г.

Корректировка шифрованного текста:

«Ему грозит расстрел».

Ключ Феликса – брошюра А. Серафимовича «На льдине» (1904 г.), с. 5.

37. Документ № 819 (Переписка. Т. 6, с. 132). Н. Крупская – К. Левицкому в Одессу для Землячки. 1 ноября (19 октября) 1904 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«А что же ничего не слышно о Бороде – Самере?»

Ключ Демона – Скиталец «Утром зорька молодая…» (№ 10) из сборника «Рассказы и песни», СПб., 1902 г. изд.

38. Документ № 893 (Переписка. Т. 6, с. 254). Н. Крупская – К. Левицкому в Одессу. 10 декабря (27 ноября) 1904 г.

Корректировка текста:

«Разыщите немедля Лидию Книпович…».

Ключ Барона – «Евангелие от Марка», глава 3.

39. Письмо И. Лейбовича (Малюткина) в Екатеринославский комитет РСДРП (Переписка. Т. 7, с. 38), январь 1905 г.

В документе присутствует не расшифрованный текст:

а) «Не забудьте, что вы обещали нам 29, 32, 4, 20, 48, 28, 16» – «Оратора»;

б) «Пусть он выезжает 19, 21, 21, 20, 48, 15, 30» – «Дес/я/того»;

в) «Да, 26, 21, 21, 20, 44, 20 не получены» – «Лестки» (очевидно, «листки»);

г) «Еф. Бокл 42, 37, 12, 48, 11» – подпись не разобрана.

Ключ к шифру Малюткина – гамбеттовский, по фразе «Новая ко…» (полностью не выявлена), азбука в 35 букв («Й» в конце алфавита). Очевидные ошибки цифрового шифра исправлены автором.

40. Документ № 255 (Переписка. Т. 8, с. 38). Н. Дорошенко из Петербурга – редакции «Вперед». 4 марта (19 февраля) 1905 г.

Шифр письма:

«Арестованы 3/1 4/18 3/9 10/11 5/8 1/9 2/10 11/11 6/4 10/3 7/6 8/5 34/14 33/17 23/1 25/8 31/22».

Разбор криптограммы: «Арестованы Кудрявый, Иваницкая».

Ключ Наполеона – Лермонтов М. Ю., «Воздушный корабль».

41. Документ № 258 (Переписка. Т. 8, с. 41). Н. Крупская – Е. Стасовой в Петербург. 5 марта (20 февраля) 1905 г.

Корректировка текста:

«Как ЦК-то влопался, говорят провокация».

Ключ Абсолюта – Крылов И. А., «Дуб и трость».

42. Документ № 317 (Переписка. Т. 8, с. 93). В. Ленин из Женевы – С. Гусеву в Петербург. 11 марта (26 февраля) 1905 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«Рахметову передайте… Необходимо его присутствие, пусть скачет не теряя ни дня».

Ключ Нации – Крылов И. А., «Обоз», счет с шестой строки, справа налево.

43. Документ № 403 (Переписка. Т. 8, с. 213). С. Гусев из Петербурга – В. Ленину. 24 (11) марта 1905 г.

Разбор криптограммы:

а) «Ключ дяди Тома: пятая глава /от/ Марка»;

б) «Петерб/ург/, Садовая 24, Петру Борисовичу Шаскольскому».

Ключ Нации – Крылов И. А., «Обоз», счет с шестой строки, справа налево.

Шаскольский П. Б. (22.12.1882, Петербург - 1.10.1918, там же). Из семьи фармацевтов, выходцев из Германии; учился в петербургской немецкой гимназии, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где специализировался по истории средневековой Италии. По завершении учебы в 1903 оставался в университете в качестве нештатного приват-доцента. Одновременно преподавал в нескольких гимназиях и исполнял обязанности директора частного женского училища Грюнталь. С 1917 член ПСР. Умер от «испанки».

Приношу глубокую благодарность потомку замечательного рода Шаскольских Б.В. Королькову (Москва) за интереснейшие сведения о П.Б.Ш. и его семье.

44. Документ № 49 (Переписка. Т. 9, с. 82). Н. Крупская – С. Гусеву в Петербург. 8 апреля (26 марта) 1905 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«Мышь просит передать Демону, что она пишет по изданию второго года, том первый, римская цифра обозначает рассказ, арабская – страницу, номера рассказов обозначены в конце книги».

Ключ Нации – Крылов И. А., «Обоз», счет с шестой строки, справа налево. Книга Скитальца «Рассказы и песни» (ключ Землячки) по параметрам этого шифра не подходит.

45. Документ № 19 (Переписка. Т. 13, с. 59). А. Шаповалов из Одессы – Заграничному бюро ЦК РСДРП (послано через С. Гусева), около 3 сентября (21 августа) 1905 г.

Расшифровка:

«Во время забастовки … ответственного агитатора Тараса нельзя было найти». Речь идет о Б. Пересе.

Ключ Нации – Крылов И. А., «Обоз», счет с шестой строки, справа налево.

46. Документ № 20 (Переписка. Т. 13, с. 64). С. Гусев из Одессы – В. Ленину. Позднее 3 сентября (21 августа) 1905 г.

Адрес на французском языке для высылки «Пролетария» зашифрован в следующем виде: «Готел ди Норд, Емма де Вуаед». См. главу 9 (часть 3).

Ключ Нации – Крылов И. А., «Обоз», счет с шестой строки, справа налево.

47. Документ № 377 (Переписка. Т. 8, с. 185). Кавказский союзный комитет РСДРП из Тифлиса – БКБ в Петербург. Позднее 21 (8) марта 1905 г.

Расшифровка адреса:

«Адрес для денег: Тифлис, Авчальская ул., д/ом/ № шестьдесят третий, Тари Ивановне Зурабовой».

Ключ – «Евангелие от Матфея», глава 10 (указано первой дробью криптограммы – 1/10). Смотрите главу 9 (часть 3).

48. Документ № 349 (Переписка. Т. 10, с. 92). Кутаисский комитет РСДРП – редакции «Пролетария». Ранее 12-13 июня (30-31 мая) 1905 г.

Адреса в Кутаиси зашифрованы в следующей редакции:

а) «Кутаис, Михайловский банк, Ивану Чантуришвили»;

б) «Кутаис, магазин Филипчелидзе, бухгалтеру Чхенкели».

Ключ Кавказского союза – «Евангелие», первая дробь: числитель – евангелист, знаменатель – глава.

49. Документ № 36 (Переписка. Т. 9, с. 60). А. Санин из Харькова – В. Ленину. 6 апреля (24 марта) 1905 г.

Разбор криптограммы:

«Вольский послан делегатом на съезд».

Ключ дяди Тома – «Евангелие от Марка», глава 5.

«Вольский» – псевдоним делегата III съезда РСДРП Бориса Авилова.

50. Документ № 802 (Переписка. Т. 6, с. 105). Н. Крупская из Женевы – М. Литвинову в Ригу. 26 (13) октября 1904 г.

Корректировка зашифрованного текста:

«Земл/ячка/ пишет в Одессе. Туда ЦК послал забавное письмо…».

Ключ к шифру Феликса – брошюра А. Серафимовича «На льдине», 1904 г., с. 4.

51. Документ № 176 (Переписка. Т. 9, с. 220). М. Ульянова из Женевы – Б. Кнунянцу в Москву. 6 мая (23 апреля) 1905 г.

Разбор криптограммы:

«Посылаются также (ключ Демона № 11) картины по адресам Инзер и Рязановой».

Ключ к шифру – рассказ «Любовь декоратора» из сборника Скитальца «Рассказы и песни», СПб., 1902 г. изд.

52. Документ № 178 (Переписка. Т. 9, с. 222). М. Ульянова из Женевы – В. Невскому в Ростов-на-Дону. 6 мая (23 апреля) 1905 г.

«Адрес № 2» расшифровывается следующим образом:

«Екатеринослав, Крестовая, дом Левина, училище Левина, спросить Женю, пароль: № 53».

Ключ Спицы – Лермонтов М.Ю., «К гению». Система шифра – первые одна или две цифры шифргруппы обозначают номер строки, следующая – слово, последняя цифра – номер нужной буквы в данном слове. Смотрите главу 9 (часть 3).

53. Документ № 376 (Переписка. Т. 10, с. 133). Андреев из Подольской губернии – редакции «Пролетария». Позднее 16 (3) июня 1905 г.

Расшифровка адреса:

«Рыбница Ю/го/-З/ападной/ ж/елезной/ д/ороги/, ст/а/н/ция/, П. Шварцману».

Ключ – Лермонтов М. Ю., «Выхожу один я на дорогу». Смотрите главу 9 (часть 3).

Приложение 4

Перечень неразобранных писем и ключей к шифрам (1901-1905 годы)

1. Ленинский сборник №1 (1924 год), стр. 66: Письмо В. Ленина к Н. Крупской (осень 1900 г.). Шифр: «2.4, 2.6». За этими двумя дробями предположительно скрываются инициалы А.Н. Потресова. Однако сам ключ неизвестен. Открытие его дало бы уникальную возможность узнать шифр переписки непосредственно между Лениным и Крупской, о котором ничего определенного до сих пор неизвестно. Однако врядли это возможно из-за малого количества букв. Только у А.С. Пушкина существует как минимум три стихотворения, удовлетворяющие этому шифру – «Элегия», «Черная шаль» и «Странник»!

2. Переписка, т. 1, № 15. И Леман – И. Бабушкину в Покров. Письмо было в 1960-х годах расшифровано (предположительно) В. Н. Степановым. Но ключ пока не определен, а значит говорить о правильности его варианта текста преждевременно. 34 шифрдроби.

3. Переписка, т. 1, № 25. В. Ленин – С. Радченко в Петербург. Ключ не выяснен. 24 шифрдроби.

4. Переписка, т. 1, № 134. В. Крохмаль из Киева – редакции «Искры». Не расшифровано. 51 шифрдробь.

5. Переписка, т. 1, № 266. И. Басовский из Киева – редакции «Искры». Не расшифровано. Одна из самых интересных криптограмм искровцев. 152 шифрдроби.

6. Переписка, т. 2, № 449. П. Лепешинский из Пскова – редакции «Искры». Не расшифрован последний абзац – 43 шифрдроби, ключ к прочтенной части письма («Гимн новейшего русского социалиста») здесь не подходит.

7. Переписка, т. 2, № 515. А. Богданов из Вологды – редакции «Искры». Не расшифровано. 17 шифрдробей.

8. Переписка, т. 2, № 846. Н. Мещеряков из Москвы – редакции «Искры». Содержит 26 не расшифрованных дробей. Есть предположительный разбор некоторых слов подготовителями.

9. Переписка, т. 3, № 1168. Р. Землячка из Одессы – редакции «Искры». Не расшифровано. 12 шифрдробей.

10. Переписка, т. 3, № 1212. Н. Крупская – А. Орлову в Москву. Не расшифровано. 57 шифрдробей. Имеется построчный разбор шифра в черновике письма. Но сам ключ неизвестен.

11. Переписка, т. 3, № 1319. А. Елизарова из Самары – В. Ленину. Не расшифровано. 23 шифрдроби.

12. Переписка, т. 4, № 1. Семен из Москвы – редакции «Искры». Не расшифровано. Объемная криптограмма.

13. Переписка, т. 4, № 11. Н. Крупская – В. Ногину в Екатеринослав. Не расшифровано. 31 шифрдробь.

14. Переписка, т. 4, № 47. Московский комитет РСДРП – Н. Крупской. Не расшифровано. 14 шифрдробей.

15. Переписка, т. 4, № 68. М. Бердичевский из Киева – редакции «Искры». Ключ неизвестен, но шифр разобран.

16. Переписка, т. 4, № 164. Е. Попова из Москвы – Н. Крупской. Не расшифровано. 37 шифрдробей.

17. Переписка, т. 4, № 193. А. Шотман из Костромы – редакции «Искры». Не расшифровано. Содержит 80 двузначных цифровых групп.

18. Переписка, т. 4, № 234. ЦК РСДРП из Киева – в Харьков. Не расшифровано. Содержит обширную криптограмму.

19. Переписка, т. 5, № 417. М. Ульянова из Киева – в Самару. Содержит обширный не расшифрованный текст.

20. Переписка, т. 5, № 628. Заграничный отдел ЦК РСДРП – Сучку. Содержит 11 двузначных цифровых групп. Ключ неизвестен.

21. Переписка, т. 5, № 648. М. Лядов – В. Коппу в Берлин. Содержит шесть неясных дробей.

22. Переписка, т. 5, № 651. М. Лядов – М. Литвинову в Ригу. Неизвестный книжный ключ, переданный П. Красиковым.

23. Переписка, т. 5, № 666. М. Лядов – Петербургскому комитету РСДРП. Содержит 39 не расшифрованных дробей.

24. Переписка, т. 5, № 741. Н. Крупская – И. Лейбовичу в Николаев. Обширный текст. Неизвестный книжный ключ. Разобран.

25. Переписка, т. 6, № 780. В. Адоратский из Казани – Н. Крупской. Не расшифровано. 44 шифрдроби. Адреса.

26. Переписка, т. 6, № 923. Н. Крупская – А. Елизаровой в Петербург. Не расшифровано 24 дроби. Страничный книжный ключ. Смотрите Приложение 2 (пункт 87).

27. Переписка, т. 6, № 936. Н. Крупская – О. Поповой в Петербург. Не расшифровано. 11 дробей.

28. Переписка, т. 6, № 1008. Н. Крупская – В. Арцыбушеву в Самару. Неизвестный ключ, разобрано, 17 шифрдробей.

29. Переписка, т. 7, № 48. Н. Крупская – Л. Шаповаловой в Одессу. Шифр разобран, ключ неизвестен, 35 дробей.

30. Переписка, т. 8, № 379. Н. Крупская – Я. Бранденбургскому в Одессу. Обширный не расшифрованный текст. Несколько слов разобрано.

31. Переписка, т. 8, № 380. Н. Крупская – Л. Двойрес в Харьков. Не расшифровано. 13 дробей.

32. Переписка, т. 9, № 126. А. Гастев из Ярославля – Н. Крупской. 10 не расшифрованных дробей.

33. Переписка, т. 9, № 175. М. Ульянова из Женевы – в Екатеринослав. Ключ Феди – вероятно, искусственная система. Три нерасшифрованных фразы.

34. Переписка, т. 9, № 223. Рейнский из Баку – В. Ленину. 38 не расшифрованных дробей. По мнению Н. Крупской, шифр сильно напутан (см. т. 9, с. 335).

35. Переписка, т. 9, № 278. Катя из Риги – Бюро ЦК РСДРП в Петербург. Обширный не расшифрованный текст (дробями).

36. Переписка, т. 10, № 320. Бродский из Петербурга – Н. Крупской. 35 двузначных не расшифрованных групп. По мнению Н. Крупской, шифр сильно напутан (см. т. 10, с. 136).

37. Переписка, т. 10, № 402. А. Прокофьев из Сестрорецка – Н. Крупской. 10 не расшифрованных дробей.

38. Переписка, т. 10, № 429. Н. Крупская – М. Владимирову в Гомель. Шифр разобран, ключ неизвестен, 14 дробей.

39. Переписка, т. 10, № 446. Н. Крупская – в Екатеринослав. Ключ Феди (см. п. 32). Шифр разобран, ключ неизвестен, 14 дробей.

40. Переписка, т. 10, № 454. А. Гастев из Костромы – В. Ленину. 47 не расшифрованных дробей.

41. Переписка, т. 10, № 456. Дед из Астрахани – Редакции «Пролетария». Адреса. 39 не расшифрованных дробей.

42. Переписка, т. 11, № 197. М. Кунин из Баку – Н. Крупской. Обширный шифрованный текст. Не разобран.

43. Переписка, т. 13, № 5. Московский комитет РСДРП – Бюро ЦК РСДРП в Петербург. 56 не разобранных шифрдробей. Ключ, возможно, содержится в Адресной книжке ЦК РСДРП (См. Вопросы истории КПСС, 1975, №№ 3, 4).

44. Переписка, т. 13, № 191. М. Кунин из Баку – Н. Крупской. Обширный не расшифрованный дробный текст. Имеется частичная расшифровка подготовителей сборника.

45. Документ № 380 из сборника «Ленин и Самара» (Куйбышев, 1966 г. изд.), страница 462.

Н. Крупская – Восточному бюро ЦК РСДРП (9 октября 1905 г.):

«Ключ Виктора. 4/1,10/3,25/2,8/1,12/8,6/2,7/2,13/2,21/3».

На этом исчерпываются опубликованные (известные автору) криптограммы революционеров, выполненные до 1906 года. Часть из них, несомненно, должна поддаться дешифровке. Особенно ранние шифры искровского подполья. Но это уже дело будущего. Кроме того в приложении воспроизведена лишь самая важная часть исправлений в некогда опубликованных документах. Но никак не оговорены многочисленные сокращения шифруемых слов, пропуски букв, орфографические ошибки текстов и т.п. Отразить все погрешности ранних публикаций не представляется здесь возможным.